

Министерство культуры и искусств Украины
Национальный заповедник «Херсонес Таврический»

* * *

Национальная академия наук Украины
Крымский филиал Института археологии

ХЕРСОНЕССКИЙ СБОРНИК

Выпуск XII

Министерство культуры и искусств Украины
Национальный заповедник «Херсонес Таврический»
Национальная академия наук Украины
Крымский филиал Института археологии

ХЕРСОНЕССКИЙ СБОРНИК

Выпуск XII

Памяти Инны Анатольевны Антоновой

Севастополь
2003

ББК 63(0)3
Х-39

Херсонесский сборник.
Выпуск XII.
Сборник научных статей.
Севастополь:2003.

Редакционный совет:

С.Д. Крыжницкий, член-корреспондент Национальной академии наук Украины,
профессор, доктор архитектуры
А.И. Иванчик, член-корреспондент Российской академии наук,
профессор, доктор исторических наук
В.М. Зубарь, профессор, доктор исторических наук
Ю.М. Могаричев, доктор исторических наук
К.К. Марченко, доктор исторических наук
М.И. Золотарев, кандидат исторических наук
В.Л. Мыц, кандидат исторических наук
Л.В. Марченко, кандидат исторических наук
Г.М. Николаенко, кандидат исторических наук

Ответственный редактор:

М.И. Золотарев, кандидат исторических наук

Рецензенты:

А.В. Подосинов, доктор исторических наук
С.Б. Буйских, кандидат исторических наук

Очередной выпуск «Херсонесского сборника» посвящен памяти И.А. Антоновой, долгие годы возглавлявшей коллектив Херсонесского заповедника. Исследования и публикации коллег И.А. Антоновой по древней и средневековой археологии и истории Северного Причерноморья посвящены актуальным проблемам изучения археологии и истории Таврики. Издание адресуется историкам, археологам, краеведам и всем, кто интересуется древней историей.

Печатается по решению ученого совета Национального заповедника
«Херсонес Таврический»

ISBN 966-95818-1-8

© Национальный заповедник
«Херсонес Таврический»

Инна Анатольевна Антонова
(27.10.1928 - 19.09.2000)

С.Б. Сорочан

ЧАША ДУШИ

19 сентября 2000 г. скоропостижно скончалась Инна Анатольевна АНТОНОВА. Ушел из жизни человек, чье имя на протяжении долгого времени было неразрывно связано с историей изучения Херсонеса, одной из редчайших жемчужин античной и средневековой культуры. Директор Херсонесского историко-археологического музея в г. Севастополе с 1955 по 1971 гг., заместитель директора по научной работе музея с 1971 по 1980 гг., вновь директор Херсонесского государственного заповедника с 1980 по 1985 гг., Инна Анатольевна лишь в связи с переходом на пенсию ушла на научную работу, имея в общей сложности 45-летний стаж работы в Херсонесе. Она была не просто историком и археологом, профессионалом в подлинном, высоком смысле этого слова, не только изумительным знатоком херсонесских древностей, но и потрясающим эрудитом, общительным, добрым, скромным, всегда открытым людям, готовым помочь, поддержать, человеком неутомимой энергии, когда, даже будучи тяжело больной, из последних сил не бросала работу и, видимо, предчувствуя приближение конца, торопилась завершить то, что было делом, смыслом ее угасавшей жизни и самой жизнью.

И.А. Антонова родилась 27 октября 1928 г. в г. Омске в семье архитектора и воспитательницы детского дома. Как вспоминала сама Инна Анатольевна, ее характер формиро-

вался под воздействием важного фактора - одинаковых взглядов родителей на воспитание детей. Две сестры и брат росли в атмосфере дружбы, труда, при стремлении к знаниям. В 1931 г. в связи с ухудшением здоровья матери, семья переехала на Кавказ, где отец вел значительные работы в Нальчике, Пятигорске, Ессентуках, участвуя в разработке архитектурных проектов университета в Нальчике, санаториев, павильонов источников и других гражданских зданий. В 1938 г. свершился очередной переезд, на этот раз в дальнюю Алма-Ату. Здесь и застала война. Перенаселенный город тяжело переживал голод. Несмотря на трудности и лихолетья военного времени, все трое детей, окончив школу, выехали учиться в только что освобожденный после блокады Ленинград и закончили институты.

У И.А. Антоновой колебаний в выборе будущей профессии не было, ибо призвание к археологии проявилось уже в школьные годы. В 1951 г., закончив с отличием отделение археологии исторического факультета Ленинградского университета, она была направлена на исследование археологических памятников на месте затапливаемого Кауховского водохранилища. С 1952 по 1955 гг. работала в Херсонеском облисполкоме сначала старшим инструктором по музеям и охране памятников, а затем заведующей областным отделом культурно-просветительных уч-

реждений Херсонского областного управления культуры. Но влекла практическая археология и в 1955 г. И.А. Антонова была переведена директором Херсонесского историко-археологического музея в г. Севастополь. С тех пор и до последних дней жизни все силы, вдохновение и долгие годы работы были отданы ею изучению этого древнего центра Крыма. Своеобразная ирония судьбы соединила ее навсегда именно с тем городом, не зная местонахождения которого, она получила единственную экзаменационную оценку "хорошо" за все пять лет обучения в университете.

В Херсонесе, сильно пострадавшем за годы войны, окруженному колючей проволокой, с разрушенным зданием музея, приостановленные исследования требовали большого труда для возобновления. Неупорядоченные коллекции надо было создавать почти заново, налаживать научную работу. Прежде всего был сформирован дееспособный и преданный коллектив сотрудников, начались восстановительные работы. Они шли по всем линиям музейной деятельности. Уже в 1957 г. стараниями И. А. Антоновой было возобновлено издание сборников научных трудов; в 1961 г. основано издание "Сообщений" музея, издано около десятка путеводителей и ряд популярных брошюр. Научные сотрудники музея стали постоянными участниками академических научных конференций, симпозиумов, где выступали с докладами. Значительно расширился диапазон археологических раскопок: с двух экспедиций до десети. Сама И.А. Антонова на следую-

щий год после прибытия в Севастополь включилась в исследования и с тех пор проводила раскопки ежегодно вплоть до лета 2000 г., которое стало ее последним, сорок четвертым по счету полевым сезоном. Не много найдется археологов, способных на столь самоотверженный, тяжелый труд!

Под ее руководством строились новые экспозиции: в 1968 г. полностью перестраивается экспозиция отдела античной истории, позже проводится первый послевоенный ремонт здания и в соответствии с современными требованиями создается экспозиция средневекового отдела (1982 г.). Одновременно формируются коллекции и оформляется открытый осмотр посетителями коллекций: эпиграфических памятников (1959 г.), средневековой архитектуры (1963 г.), античной архитектуры (1964 г.), полихромных надгробий (1968 г.), крупной керамической тары (1970 г.).

Подготовке к открытому осмотру предшествовали большие реставрационные работы, что заставило открыть собственную реставрационную мастерскую - лабораторию, высококвалифицированные специалисты которой проходили учебу в мастерских Ленинграда, Москвы, Киева и в свою очередь обучали реставраторов других музеев Украины. Специальные центральные научно-реставрационные мастерские разработали методику консервации наиболее объемных и сложных фортификационных памятников Херсонеса. Ежегодные работы по их укреплению спасли от разрушения десятки древних башен и сотни метров древ-

них оборонительных стен. Несколько научных экспедиций обеспечивало предварительное изучение памятников. 20 рабочих -специалистов под руководством зав. античным отделом С.Ф. Стржелецкого с 1957 по 1963 гг. проводили эти сложные, объемные работы с хорошо поставленной фиксацией всех процессов. Специально созданная в 1966 г. научная конференция "Консервация памятников археологии на юге страны" рассмотрела проведенные работы и дала им самую высокую оценку, особо отметив размах и качество выполненного.

Вслед за памятниками оборонительного зодчества началась кропотливая реставрация мозаик храмовых зданий средневековья. Было восстановлено и закреплено более 300 метров мозаичных полов и фресковых росписей. Следует заметить, что в музеях страны это были первые работы такого объема. Мозаики, переведенные на бетонную основу, укладывались в храмах, украшая экспозицию городища. Недаром сделанное было удостоено Государственной премии Крыма.

Херсонес в эти годы становится своеобразной "археологической школой", центром практики студентов - историков, филологов - классиков, архитекторов, геодезистов. Ежегодно летнюю практику здесь проходили 300 - 400 студентов из 9 - 10 вузов страны. Одновременно было организовано участие в раскопках старших школьников. Они приезжали из Ленинграда, Троицка (Подмосковного), Киева и других городов.

В это же время центральными научно-реставрационными мастерс-

тками разрабатывается генеральный план экспозиции городища и осуществляются работы по его благоустройству: сносятся полуразрушенные монастырские постройки и ограды, устаревшие павильоны, прокладываются и благоустраиваются экскурсионные маршруты, озеленяются смотровые площадки, выделяется хозяйственная зона. В результате ремонтов и приспособлений различных помещений площадь хранения фондов коллекций увеличилась более чем на 1500 кв. м. Были созданы научный архив, фототека, фотолаборатория, чертежная мастерская и другие основополагающие музейные мастерские. Для посетителей было организовано серийное изготовление керамических и других сувениров, организуются спектакли различных театров соответствующей тематики и гастрольные концерты у херсонесских памятников.

В результате всех этих усилий, в значительной степени инициируемых и направляемых И.А. Антоновой, популярность музея резко возросла. Число посетителей увеличилось с 55 тыс. в 1955 г. до 450 тыс. в 1965 г. По показателям работы музею в 1966 г. была дана вместо третьей первая категория, а И.А. Антоновой в 1967 г. было присвоено звание заслуженного работника культуры УССР с номенклатурой почетной грамоты № 1. Наконец, в 1978 г. музей был реорганизован в государственный заповедник, что еще больше повысило его статус.

Организуя руководство работой музея и заповедника, И.А. Антонова сама активно вела исследования, сосредоточив внимание на изучении

фортификационных сооружений древности, вопросах организации военно-оборонительного дела в римскую и средневековую эпохи, истории музея. Она опубликовала около 70 научных работ, из которых следует особо отметить значительные, проблемные, а в определенной степени и итоговые статьи "Западный фланг обороны Херсонеса" (1961 г.), "Оборона порта Херсонеса в средневековую эпоху" (1971 г.), "Оборонительные сооружения юго-восточного района Херсонеса" (1996 г.), "Административные здания Херсонесской вексилляции и фемы Херсона" (1997 г.), "Основатель Херсонесского музея К.К. Косцюшко-Валюжинич" (1998 г.).

Незадолго до смерти И.А. Антонова получила президентскую стипендию, материальное свидетельство высокой оценки ее деятельности на ниве науки и музейного дела. Болезнь не сломила ее, она была полна планов, задумок, главным из которых являлось продолжение многолетних (с 1969 г.) раскопок "цитадели" в юго-восточном районе Херсонеса и написание монографии о средневековой истории этого интереснейшего памятника. Только что была закончена работа над подготовкой к изданию книги, где речь шла о результатах исследования "цитадели" в римскую эпоху. Зрело намерение по новому оценить во многом остающиеся неясными перипетии знаменитого Корсуньского похода князя Владимира, набросать очерк о

первых исследователях Херсонеса.

К слову, личность К.К. Косцюшко-Валюжинича занимала ее особенно. Она неоднократно обращалась к изучению наследия этого самоотверженного, скромного труженика, открывателя древнего города. Видится нечто общее между этими людьми, разделенными толщей времени, но связанными единым - любовью к Херсонесу. Как и основатель Херсонесского музея, Инна Анатольевна не имела ученых степеней и званий. Поглощенная работой, она меньше всего думала о них.

Как и Косцюшко, Антонова оставила после себя богатое творческое наследие, которое еще предстоит изучать, которое будут развивать ее ученики и последователи.

Оба они были из числа тех редких людей, беззаветно преданных Херсонесу, которые, говоря словами Гарсия Лорки, "не расплескали душу в смертной чаше".

Как и Косцюшко, Инна Анатольевна могла бы написать о себе:

К чему я призван в
день рождения
Тем и останусь навсегда:
Героем гордого терпенья
И всемогущего труда.

Для них обоих расстаться с Херсонесом означало то же, что расстаться с жизнью.

Хайрэ, Инна Анатольевна! Древний город, руины которого дремлют у синего моря, будут Вашим памятником на века.

ПАМЯТНИКИ
РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

И.И. Лобода, Г.Н. Тощев

НОВЫЙ КЕМИ-ОБИНСКИЙ КОМПЛЕКС ИЗ БАХЧИСАРАЙСКОГО РАЙОНА

В сентябре 1975 г. в Бахчисарайский историко-археологический музей поступило сообщение об обнаружении древнего захоронения к западу от ст. Почтовая (рис.1,1). Оно было выявлено при раскорчевке старого сада и планирования участка. Производящий работы бульдозер разрушил крышку каменного ящика. Не исключено, что он находился в небольшой насыпи, когда-то снесенной. Обследованием И.И. Лободы установлено следующее. Ящик был сложен из четырех плит песчаника, верхняя кромка плит находилась на 0,25-0,3м ниже современной поверхности. Его размеры: длина 1,05м, ширина 0,62м, высота 0,6м. Вытянут по линии ЮВ-СЗ. Плиты имели сле-

дующие размеры: северо-восточная – длина 1,43м, толщина 0,14м, высота 0,65м; юго-западной – длина 1,25м, максимальная толщина 0,21м, высота 0,65м; северо-западной – 0,7м, 0,07 и 0,65 м соответственно; юго-восточной – длина 0,62м, толщина 0,13м, высота 0,65м. На внутренних сторонах торцевых и юго-западной плит сохранились очень слабые следы росписи красной краской. В лучшем состоянии роспись на северо-восточной плите, состоящая из взаимно пересекающихся полос шириной 1,2-1,6см, отстоящих одна от другой на 5-6см; угол наклона 60 градусов (рис.2,1,2).

На грунтовом дне ящика отмечена подсыпка из желтой глины и мел-

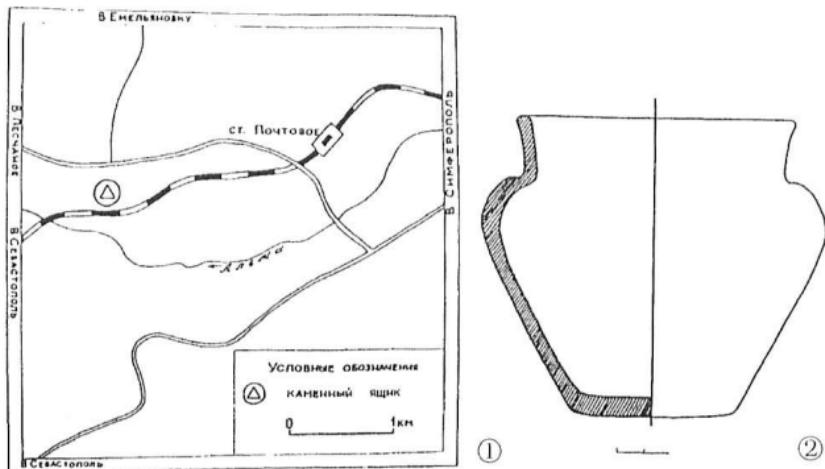

Рисунок 1.

1 - схематический план расположения места находки каменного ящика;
2 - сосуд из каменного ящика.

кой гальки. На ней прослежены отпечатки костяка, который был погребен на правом боку, головой на ЮВ.

В западном углу, у ног погребенного стоял лепной с высоко поднятыми плечиками сосуд. Его широкий венчик незначительно отогнут наружу, дно плоское. В изломе темного цвета. Диаметр венчика 10,5 см, туловища 13 см, дна 6 см, высота 11 см (рис.1,2). В районе черепа погребенного найдены два кремневых отщепа.

На территории Бахчисарайского района еще в конце прошлого века были найдены первые расписные ящики¹. Позже здесь выявлена еще серия подобных памятников вблизи сел Топчи-Кой (Долинное) Вилино, Угловое, вблизи Бахчисарай в 1952 и 1954 гг., Казанки². В двух насыпях последнего пункта найдены остатки купольной гробницы? (к.2) и один кам. ящик (к.5), отсюда происходит известная стела, выявленная в 1956 г³.

Разрушенный каменный ящик (одна расписная плита) выявлены во время охранных работ на кургане в зоне Помологического рассадника ВИРА, севернее р. Качи, к западу от Бахчисарай в 1953 г.

Ближайшими аналогиями росписи плиты рассматриваемого комплекса являются изображения на каменных ящиках из поместья Черкес⁴ и Кубанской Станицы.⁵ Сам же сосуд сопоставим с находками из ямных и раннекатаомных комплексов Северного Причерноморья⁶.

Обзор материалов эпохи бронзы указывает на слабую изученность памятников этого периода, но примечателен тот факт, что именно в этой части Крыма отмечается концентра-

ция каменных ящиков, с росписью и без нее (по данным коллег из Бахчисарай раскопками 80-90 гг. обнаружено еще несколько комплексов с каменными ящиками). Подобные конструкции некоторые исследователи связывают с Кеми-Обинской культурой (КОК).

Необходимо отметить, что источниковедческая база этой культуры увеличивается очень медленно. Напомним, что она была выделена А.А.Щепинским, ее характеристика нашла отражение как в его кандидатской диссертации⁷, так и в ряде обобщающих работ⁸. Выделение новой культуры энеолита-ранней бронзы было воспринято специалистами в целом позитивно, несмотря на ряд откровенно слабых позиций автора. В монографических исследованиях, сводных работах ставились и до настоящего времени рассматриваются вопросы связей, контактов, хронологии и др. кеми-обинцев с носителями других культур.

Не лишне еще раз напомнить, что до середины 90-х гг. материалы "КОК" Крымского полуострова долгое время оставались доступными специалистам в весьма небольшом количестве. Каменные ящики из раскопок Ф.Кулаковского, Н.И.Веселовского и др. с привлечением архивных данных рассмотрены и интерпретированы А.Хойслером⁹. Из публикаций А.А.Щепинского известны лишь единичные памятники¹⁰. В обобщающих работах этого автора приведены либо анонимные единичные находки¹¹ либо с частичной легендой¹². Исследователем не издан ни один комплекс в полном контек-

сте, равно как и материалы эпонимного памятника¹³, которые остаются до настоящего времени достоянием архива в ИА НАН Украины (неоднократно переиздавался лишь не вполне корректно зарисованный разрез бровки кургана и отдельные вещи). О находках материалов "КОК" из раскопок Северо-Крымской экспедиции этого времени (начальник А.А. Щепинский), равно как и Крымской охранной археологической экспедиции (руководитель А.А. Щепинский), известно исключительно по справочникам типа АО, из литературы популярного жанра¹⁴ или же упоминанию при рассмотрении какой-либо узкой темы¹⁵. Краткие данные о материалах раскопок других исследователей приводит Б.А. Латынин¹⁶.

Работами Керченской экспедиции (1964-1967 гг.), похоже, выявлено значительное количество каменных

ящиков "КОК", о чем известно лишь благодаря краткой информации¹⁷. Материалы не изданы до настоящего времени, но на их основе сделаны обширные выводы¹⁸. О находках определенное представление можно получить также из популярных работ¹⁹.

По данным А.А. Щепинского, на 1972 г. в Крыму насчитывалось 200 памятников "КОК,"²⁰ из них одних расписных каменных ящиков свыше 80. Но к этому времени было издано около десяти комплексов, в основном из старых раскопок.

Работами двух последних десятилетий выявлено и опубликовано в полном объеме небольшая серия погребальных комплексов в каменных ящиках²¹, всего около 20. Таким образом, количество вводимых в научный оборот погребальных комплексов т.н. КОК в последнее время очень медленно, но неуклонно возрастает.

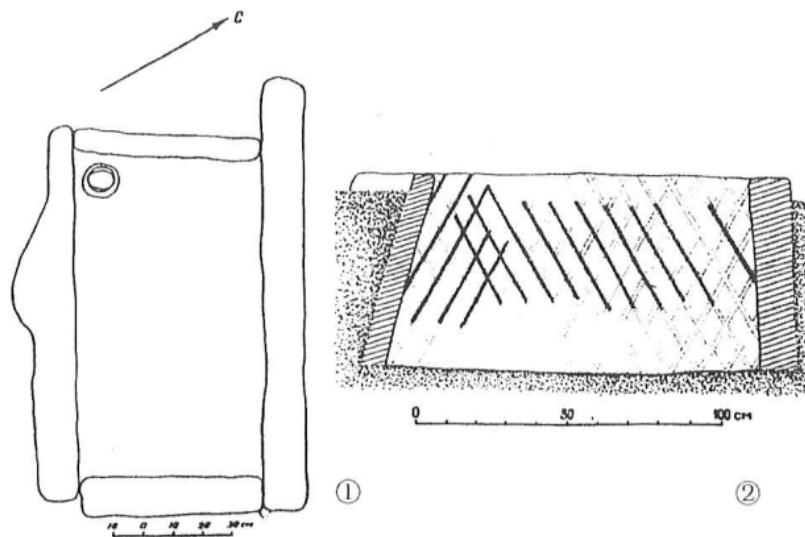

Рисунок 2.

1 - каменный ящик (вид сверху);

2 - остатки росписи и ее реконструкция на северо-восточной панели каменного ящика.

На сегодня исследователям без использования архивных данных доступны материалы не более трех десятков захоронений в каменных ящиках Крыма. При этом представления же о подобных памятниках степного Причерноморья основываются на более значительной и доступной для использования базе источников²².

На территории полуострова памятники "КОК" в их "классическом" виде (каменные ящики с росписью, деревянные ящики под каменными закладами) распределены весьма неравномерно. Их концентрация отме-

чается в пределах предгорного Крыма, на Керченском полуострове, единичные памятники известны в степной зоне, на Тарханкуте. Таким образом, предгорные районы Крыма со степным Причерноморьем связываются весьма тонкой цепочкой погребальных памятников.

Поэтому введение в научный оборот известных материалов крымского полуострова является первостепенной задачей, которая позволит приблизиться к ответу на вопрос – "КОК" реально существующая археологическая культура или же такой миф, как и некоторые другие АК.

Примечания

1. Hausler A. Innenverzierte Steinkammergraber der Krim // JmV.48.-Halle (S.). 1964.
Hausler A. Die Graber der älteren Ochergrabkultur zwischen Dnepr und Karpaten .Berlin, 1976.
2. Щепинский А.А. Солярные изображения эпохи бронзы из Крыма // CA,2. 1961.
Щепинский А.А. Памятники искусства эпохи раннего металла в Крыму // CA,3. 1963. Щепинский А.А. Во тьме веков. – Симферополь, 1962. Храпунов И. Н. Кеми-обинский курган у с. Вилино // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. – Симферополь, 1992. Крис Х.И., Веймарн Е.В. Курган эпохи бронзы близ Бахчисарай // КСИИМК, 71. 1958.
3. Щепинский А. А. Новая антропоморфная стела эпохи бронзы в Крыму // CA, 2. 1958.
4. Hausler Die Graber der älteren Ochergrabkultur zwischen Dnepr und Karpaten .S.214. – Taf.40,13
5. Hausler A. 1964. Innenverzierte Steinkammergraber der Krim. S. 66. Abb.4b
6. Вангородская О.Г., Санжаров С.Н. Погребения донецкой катакомбной культуры Николаевского могильника с украшениями // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. – Киев, 1991; Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Довженко Н.Д. Ямная культурно-историческая область (южнобугский вариант). САИ. – Вып. В1-3. – Киев, 1986.: 42.-рис. 15, 5; 100, рис. 22,4; Плещивенко А.Г. Курганы села Малоекатериновка. – Запорожье., 1996-. Табл. XXXVIII,2;
7. Щепинский А.А 1975. Энеолит Крыма. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Симферополь. –246 с. Опись №2, фонд № 32., НА ИА АН УССР, № 550 – 246 листов.
8. Щепинский А.А. Культуры энеолита и бронзы в Крыму // CA, 2. 1966; Щепинский А.А. Кеми-Обинская культура // Археология Украинской ССР. – Т.1. Киев, 1985; Щепинський А.О. Кемі-обінська культура // Археологія Української РСР. Т. 1. – Київ, 1971.
9. Hausler A. Innenverzierte Steinkammergraber der Krim // JmV.48.-Halle (S.), 1964;
Hausler A. Die Graber der älteren Ochergrabkultur zwischen Dnepr und Karpaten – Berlin, 1976.
10. Столляр А.Д., Щепинский А.А. Курганы у Симферопольского водохранилища (часть 2) // Катакомбные культуры Северного Кавказа. – Орджоникидзе, 1981

11. Щепинський А.А. Культури знеоліту та бронзи в Криму // СА, 2. 1966. С. 11, рис. 1. № 29, 30, 54. Щепинський А.О. 1971. Кемі-обінська культура // Археологія Української РСР. Т. 1 – Київ.
12. Щепинський А. А. Кемі-Обинская культура // Археология Украинской ССР. – Т.1. Киев. 1985. С.330, 322-324
13. Щепинский А. А. 1957. Отчет о раскопках длинного кургана Кеми-Оба близ Белогорска в 1957 году. – НА ИА НАН Украины, 1957 / 12, ф.е. 3034.
14. Черепанова Е.Н., Щепинский А.А. Там, где пройдет Северо-Крымский. – Симферополь, 1966; Щепинский А.А., Черепанова Е.Н. Степные курганы. – Симферополь, 1972.
15. Щепинський А.О. Антропоморфні стели Північного Причорномор'я // Археологія, 9. 1973. С.22.
16. Латынин Б. А. Молотковидные булавки, их культурная атрибуция и датировка // АСГЭ, 9. 1967. С. 24.
17. А.М. Лесков. А.М Лесков. Исследование керченского участка трассы Северо-Крымского канала. АО-67. М., 1968. – С.183-185.
18. Лесков О. М. Нове в стародавній історії Півдня України // УЖК, 2. 1967.
19. Leskov A. Treasures from the ukrainian Barrows: latest discoveries. Leningrad. 1972. C.41-42; Лесков А.М. Курганы, поиски, находки. Москва, 1981;
20. Щепинский А.А 1975. Энеолит Крыма. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Симферополь. –246 с. Опись №2, фонд № 32., НА ИА УССР, № 550 – 246 листов.
21. Винокуров Н.И. Археологические памятники урочища Артезиан в Крымском Приморье. Москва, 1998; Вдовиченко И.И., Колтухов С.Г.. Два кургана в междуречье Альмы и Качи // БИАС. Вып.1. Симферополь, 1997; Колтухов С.Г., Тонцев Г.Н. Курганные древности Крыма. II. (по материалам раскопок Северо-Крымской экспедиции в 1993-1995 гг.)-Запорожье,1998; Колотухин В.А., Тощев Г.Н. Курганные древности Крыма. III. – Запорожье, 2000; Гаврилов А.В. Курган эпохи бронзы у села Донское в Крыму // ПАСП. – Херсон, 1991; Храпунов И. Н. Кеми - обинский курган у с. Вилино // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. – Симферополь, 1992.
22. Давня історія України. – Т.1. Київ, 1997. С.298, карта 10.

КИЗИЛ-КОБИНСКАЯ КЕРАМИКА КОНЦА VI - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ IV ВВ. ДО Н.Э. ИЗ РАСКОПОК В ХЕРСОНЕСЕ

Лепная орнаментированная посуда кизил-кобинской (КК) культуры из раскопок в Херсонесе, неоднократно находилась в центре внимания исследователей. Однако после выхода статьи О.Я. Савели¹, рассмотревшего почти все имеющиеся материалы на конец 1960-х годов, новые находки не публиковались.

В настоящей работе предлагается описание комплекса лепной керамики (ЛК), основной массив которой был найден экспедицией ХГИАЗ под руководством М.И. Золотарева в 1977-1989 гг. при раскопках Северо-Восточного района Херсонеса².

Стратиграфические данные позволяют разделить все находки ЛК (103 экз.) на две группы.

Первая группа (24 экз.) была найдена в 1984 г. (рис. 1-2, табл. 1) в остатках позднеархаического культурного слоя, открытого при раскопках «помещения с колодцем» в VI квартале указанного района. Данный слой мощностью 0,2 м в виде светло-коричневого грунта с мелкой щебенкой был прослежен непосредственно на материковой скале на площади 17 кв. м. По обломкам ионийской полосатой посуды и хиосских амфор этот слой был датирован М.И. Золотаревым концом VI - первой половиной V вв. до н.э.³ (далее все даты до н.э.). При этом исследователь подчеркивает, что здесь не было находок обломков амфор Гераклеи, Сино-

пы и Херсонеса, поскольку позднеархаический слой был отделен тонкой прослойкой из морской гальки с мелкими кусочками угля от выше лежащего грунта, насыщенного керамикой первой половины IV в⁴

Интересно отметить, что в этом же слое были найдены 19 мелких фрагментов стенок серого и бурого цвета от примерно 12 разных горшков, внешняя поверхность которых имеет грубую обработку такого же качества как и у лепных сосудов, однако на их внутренней стороне прослежены следы правки на гончарном круге. Высока вероятность изготовления такой посуды самими греками, поскольку, как справедливо отметил О.Я. Савеля, отсутствуют данные о применении гончарного круга таврами⁵. Вместе с тем, кружальная посуда, начиная уже со второй половины VII в., известна в материальной культуре соседнего кавказского региона, например в варварских погребениях могильника Нартан⁶. Учитывая тесные связи материальной культуры Крыма и Северного Кавказа⁷, весьма предположительно можно допустить знакомство с гончарным кругом и варварского населения Херсонеса.

Во вторую группу ЛК (79 экз.)⁸ отнесены находки (рис. 3-7, табл. 2), открытые в Северо-Восточном районе Херсонеса в 1977, 1979-80, 1986-89 гг. в слое, который по греческому керамическому импорту суммарно

может датироваться второй половиной V - первой половиной IV вв.

Так лепная посуда была открыта в этом районе в 1977 г. под землянами «попами» в западном углу I квартала при зачистке слоя на скале, со-

держащего греческую керамику конца V - первой половины IV вв⁹

В 1979 г. ЛК была найдена в нижнем слое на скале при раскопках III поперечной улицы. В этом же слое были найдены обломки амфор: Лес-

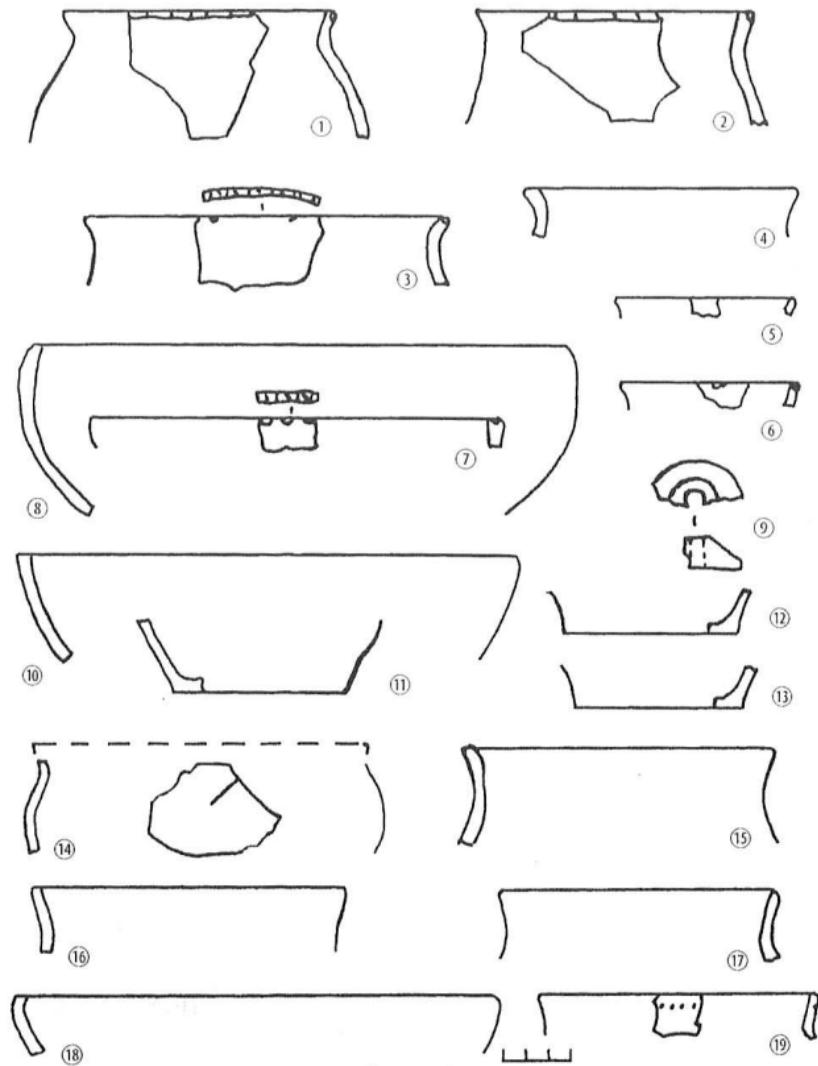

Рисунок 1.

Лепная керамика из слоя конца VI - первой половины V вв. до н.э.

боса первой половины V в., Хиоса рубежа V - начала IV вв., Фасоса (с клеймом на ручке) конца V - начала IV вв. Здесь же были найдены аттические килики, скифосы и кратеры I-4 четверти V вв.

По определению М.И.Золотарева весь керамический материал из этого слоя относится ко времени не

позднее первой четверти IV в., что подтверждается и находкой в этом слое двух херсонесских монет¹⁰, датируемых В.А. Анохиным 390-380 гг., а С.А. Коваленко - первым десятилетием IV в¹¹

При дальнейших раскопках этой улицы в 1980 г. в слое на скале вместе с ЛК были найдены обломки ионийс-

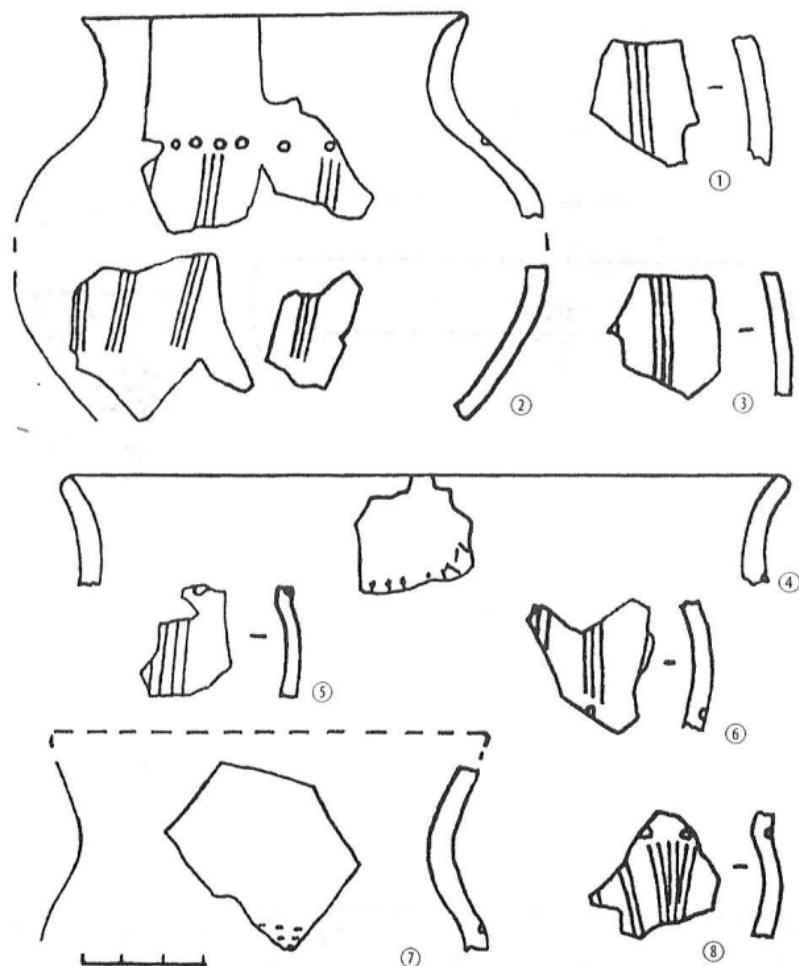

Рисунок 2.

Лепная керамика из слоя конца VI - первой половины V вв. до н.э.

ких чашек первой половины V в. и аттической чернолаковой посуды конца V - начала IV вв.¹² Здесь также был найден фрагмент статуэтки - «куклы» из коринфской глины, которая

датируется М.И.Золотаревым времением не позднее середины V в¹³

Раскопками 1986-89 гг. была открыта ЛК в нижних слоях центра III квартала. По амфорному материалу и

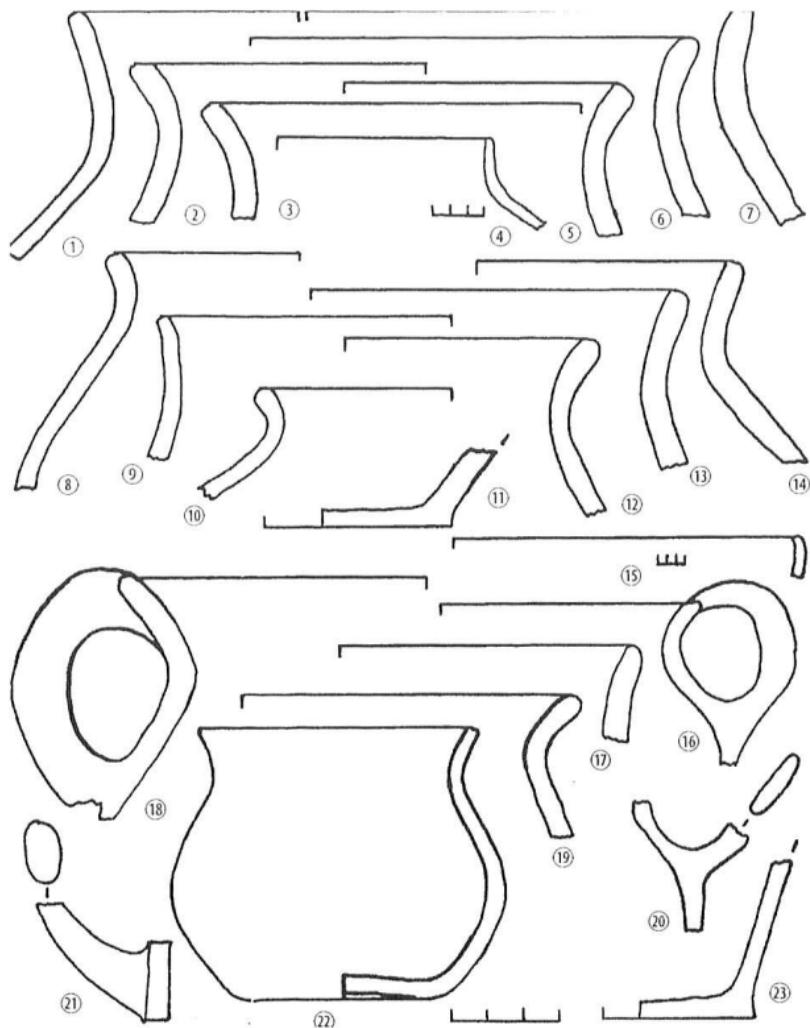

Рисунок 3.

Лепная керамика второй половины V - первой половины IV вв. до н.э.: 1,13,19- 1987 г., помещ. 39; 2,5,12- 1979 г., III попереч. улица; 3-4,7,9,11,14,17,20-21- 1986 г., помещ. 47; 6,8,18- 1980 г., III попереч. улица; 10,15- 1977 г., II попереч. улица; 16- 1977 г., I кв-х; 22- 1979 г., северный р-н «базилика 1932 г.».

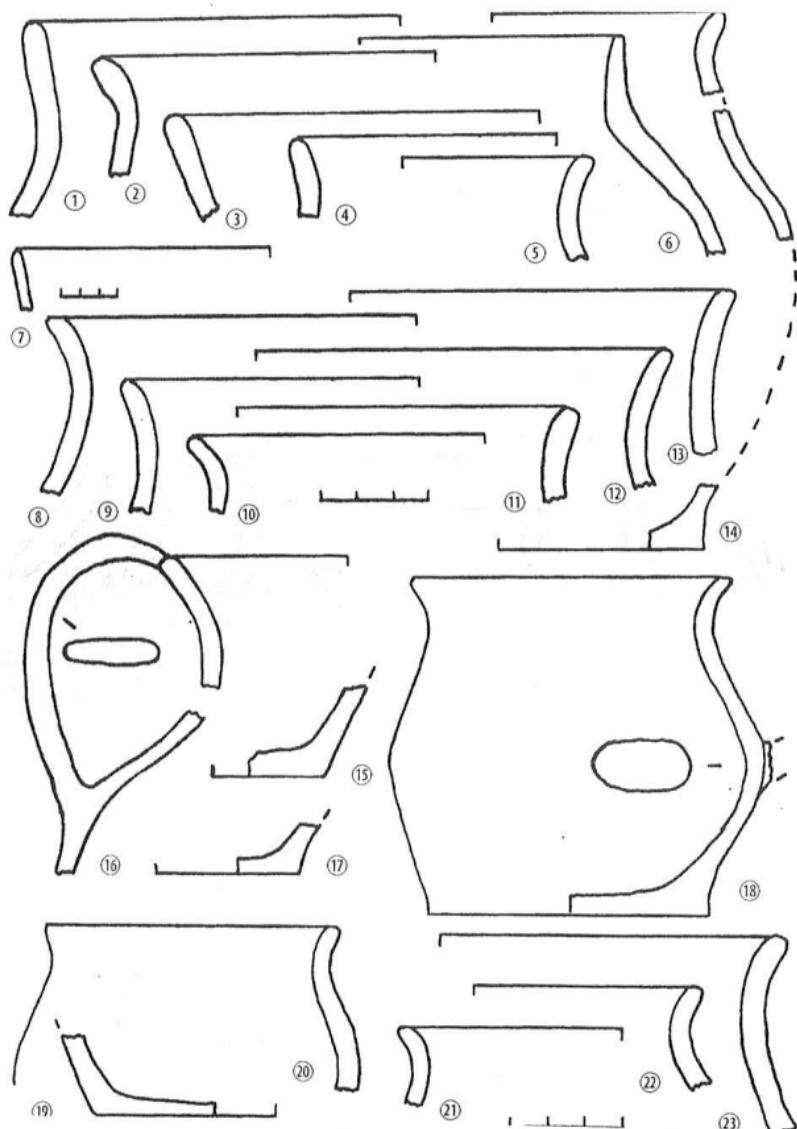

Рисунок 4.

Лепная керамика второй половины V - первой половины IV вв. до н.э.: 1- 1987 г., помещ. 44; 2- 1987 г., помещ. 41; 3-4,6-12,17- 1988 г., помещ. 49; 5- 1987 г. «помещ. с ямой»; 13-16,18,20-21- 1988 г., помещ. 42; 19,22- 1989 г., помещ. 42"а».

чернолаковой керамике М.И.Золотарев в целом датирует эти слои последней четвертью V - первой половиной IV вв., отмечая при этом отсутствие здесь обломков амфор Херсонеса¹⁴.

Отдельного описания заслуживает находка археологически целого лепного кубка (рис. 3,22), открытого в 1979 г. Ю.П.Калашником в Северном районе Херсонеса¹⁵. Здесь под мозаичным полом в северном нефе «базилики 1932 г.» был зачищен наскальный слой из плотно слежавшегося мелкого щебня и грунта, в котором были найдены обломки амфор типа Солоха-I, херсонесские двусторонние клейма, херсонесская монета конца IV в. и керамические материалы III - II вв. Под этим слоем были обнаружены остатки стенок подвала вырубленного в материевой скале. В засыпи подвала кроме 17 фрагментов отмеченного кубка были найдены: чернолаковая чашка со штампованной пальметой и концентрическими кругами лака на поддоне, обломок херсонесской керамиды, бронзовая игла, серебряный перстень¹⁶ и перемешанные мелкие кости человека.

По определению Ю.П.Калашника, все перечисленные находки (за исключением фрагмента херсонесской керамиды, попавшего сюда, вероятно случайно, из верхнего наскального слоя) оказались в подвале при разрушении погребения второй половины - конца V в.,¹⁷ принадлежавшего расположенному в этом районе древнейшему некрополю Херсонеса¹⁸.

ЛК обеих выделенных групп представлена: банками, горшками, «пиго-

сом», кувшинами, корчагами, мисками и кубками (табл. 1-2). Внутри категорий сосуды этих групп по своей форме практически почти не отличаются друг от друга, что позволяет предложить их суммарное описание.

Категория банковидных сосудов (5 экз.) характеризуется обломками слабо отогнутых венчиков диаметром 10-12 см (рис. 1,19; 5,4,8,14,20). Внешняя поверхность сосудов имеет грубую и заглаженную поверхность черного, серого и бурого цвета. Один из фрагментов этой категории украшен горизонтальным рядом вдавлений, расположенным сразу под краем венчика (рис. 1,19).

Горшки, являющиеся самой многочисленной категорией находок (50 экз.), имеют диаметр венчика 10-20 см. Их внешняя поверхность черного цвета, как правило, грубо обработана. Лишь четыре фрагмента имеют чернолощеную¹⁹ и пять - заглаженную поверхность серого и бурого цвета. На одном обломке горшка сохранилась петлевидная ручка (рис. 6,7). В основном данная категория украшена вдавленным орнаментом, расположенным на закраине венчика сосудов (рис. 1,1-3; 6,3-4,6-10). Один фрагмент чернолощенного горшка из позднеархаического слоя имеет сложный резной орнамент, расположенный на плече сосуда (рис. 2,4). Этот орнамент состоит из горизонтального ряда округлых вдавлений, от которого опускаются, вероятно, заштрихованные треугольники.

Категория кувшинов (16 экз.) в отличие от горшков характеризуется более отогнутым венчиком ди-

аметром 9-26 см и выпуклой формой туловища. Они имеют лощеную, заглаженную и грубую внешнюю поверхность черного, серого и черно-бурового цвета. На некоторых фрагментах кувшинов сохранились

плоские в сечении петлевидные ручки (рис. 5,9,13,15; 7,2,5). Интересно отметить, что кувшины украшены как вдавленным (рис. 6,1-2,5), так и гребенчатым (рис. 2,7) орнаментом.

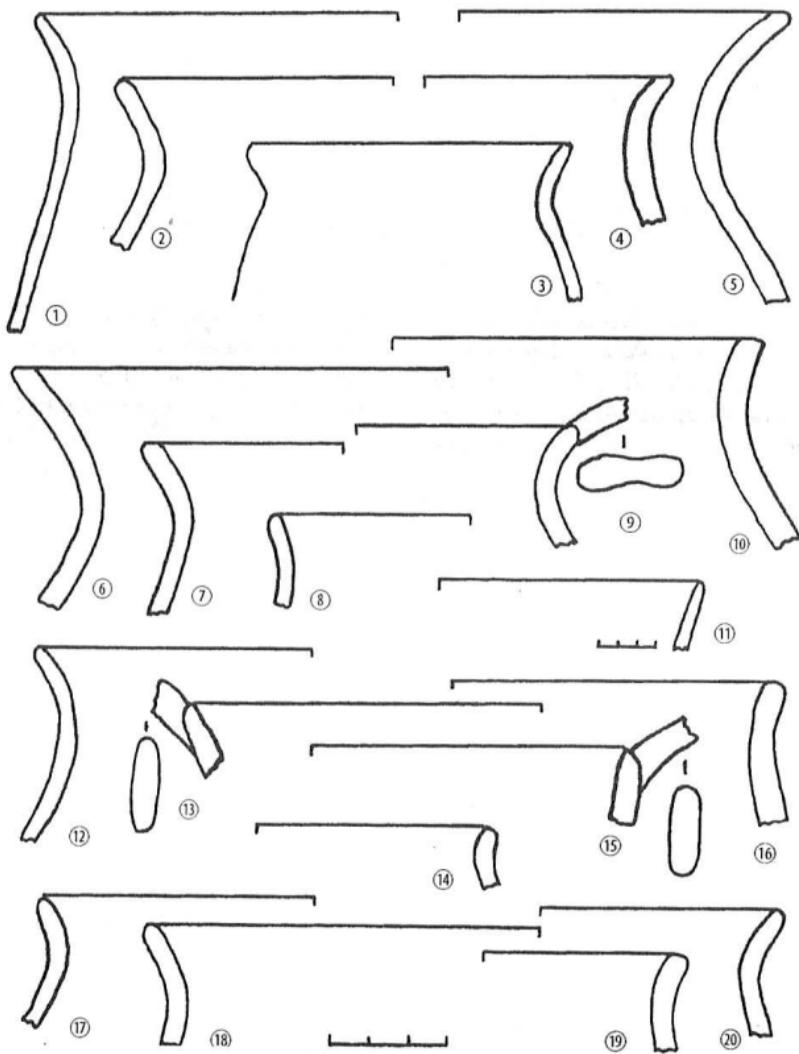

Рисунок 5.
Лепная керамика второй половины V - первой половины IV вв. до н.э.: 1-5,7,9,13,15,17-
1988 г., помещ. 49; 6,8,10-12,14,16,18-20- 1988 г., помещ. 42.

К категории корчаг можно отнести два фрагмента от разных сосудов, диаметр венчика которых составляет 10 см. На одном из обломков (рис. 4,15) сохранилась плоская в сечении петлевидная ручка, едва возвышающаяся над закраиной венчика. Внешняя поверхность этого сосуда бурого цвета и грубо обработана. Второй фрагмент (рис. 3,10) отличается низким горлом и сильно отогнутыми венчиком и широким туловом.

Кубки (11 экз.) представлены обломками и одним археологически целым сосудом, диаметр венчика которых не превышает 8-10 см (рис. 1,5-6,14; 2,2,5-6,8; 3,16,20-22; 5,3; 7,2,4-8). Исключение составляет обломок крупного кубка с диаметром венчика 15,5 см (рис. 1,14). Внешняя поверхность этих сосудов лощеная и заглаженная черного и серого цвета. На некоторых сосудах сохранилась плоская в сечении петлевидная ручка (рис. 3,16,20-21)²⁰. Сосуды данной категории украшены резным (рис. 1,14), гребенчатым (рис. 2,2,5-6,8; 7,2,4-8) и вдавленным орнаментом (рис. 1,6).

Категория мисок представлена лишь обломками венчиков (7 экз.). Один из венчиков диаметром 24 см имел черно-бурую лощенную внешнюю поверхность (рис. 1,8), два других обломка диаметром 22 см также лощенные серого и черного цвета (рис. 1,10,18). Лишь один фрагмент миски диаметром 18 см с заглаженной поверхностью черного цвета был украшен вдавленным орнаментом, расположенным на закраине венчика (рис. 1,7).

Кроме того, в коллекции имеются обломки чернолощенных стенок

горшков (5 экз., рис. 2,1,3; 7,1,3,7) и кубков (7 экз., рис. 2,5-6,8; 7,4,6,8) с гребенчатым орнаментом.

Завершая описание категорий сосудов, отметим фрагмент круглого прислица трапециевидной формы в сечении с серой заглаженной поверхностью, который был найден в позднеарханческом слое Херсонеса (рис. 1,9).

Около трети всей рассматриваемой ЛК украшена тремя типами орнамента: вдавленным, резным и гребенчатым.

Вдавленный орнамент (16 экз.) в основном характерен для горшков как первого, так и второго слоя (рис. 1,1-3; 6,3-4,6-9). Такой орнамент присутствует на фрагментах кубка, миски и банковидного сосуда из первого слоя (рис. 1,6-7,19) и на обломках кувшинов из второго слоя (рис. 6,1-2,5). Данный тип орнамента характерен для керамики КК культуры на всех этапах ее существования с эпохи поздней бронзы и до начала III в. и поэтому не может служить этнокультурным или датирующим критерием.

Три обломка различных сосудов украшено резным орнаментом. Этот орнамент состоит из различных геометрических фигур, нанесенных инструментом (орнаментиром) с одним острием (рис. 1,14; 2,4)²¹. Важно отметить, что для собственно КК памятников горного и предгорного Крыма посуда с резным орнаментом характерна для КК керамики VIII - первой половины VI вв. Позднее середины VI в. посуда с таким орнаментом в закрытых керамических комплексах КК памятников почти неизвестна²².

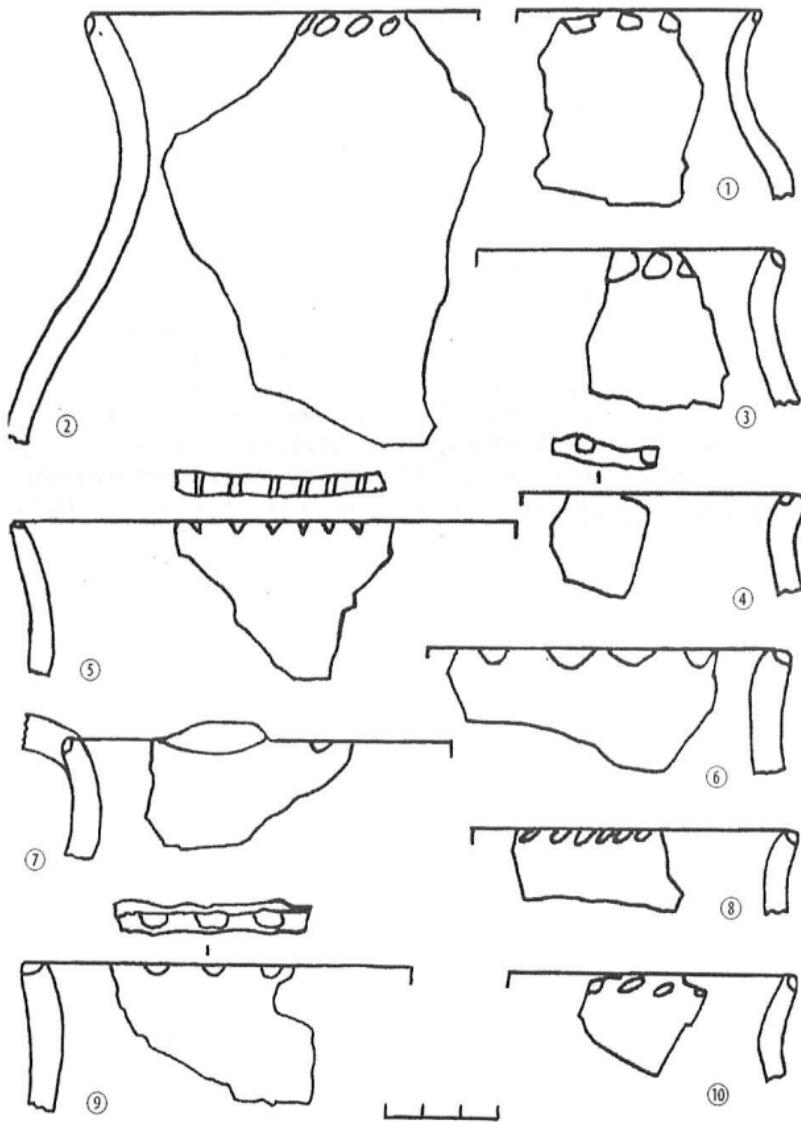

Рисунок 6.

Лепная керамика второй половины V - первой половины IV вв. до н.э.: 1- 1979 г., III попереч. улица; 2,4-8- 1988 г., помещ. 49; 3- 1986 г., пом. 47; 9- 1988 г., помещ. 42.

Гребенчатым орнаментом украшено 15 фрагментов различных сосудов (табл. 1-2).

Посуда с гребенчатым орнаментом бытует в собственно КК керамическом комплексе второй половины VI - первой трети III вв. Посуда с таким орнаментом отличается от более ранней керамики с резным орнаментом тем, что традиционный КК орнамент, состоящий из геометрических фигур, наносится не одним острием, а выполняется в новой технике - двух-трех (редко до шести) зубчатым штампом - гребенкой²³.

Весьма условно, по способу заполнения геометрических фигур, расположенных на плече и тулове сосудов, гребенчатый орнамент можно разделить на два типа. Для первого (или «переходного» по терминологии О.Д. Дащевской)²⁴ типа второй половины VI - первой половины IV вв. характерны сплошные полосы, выполненные гребенкой, которые образуют и заполняют собой различные геометрические фигуры (как правило это традиционные треугольники и вертикальные или наклонные полосы). Второй тип гребенчатого орнамента, датируемый второй половиной IV - первой третью III вв.,²⁵ отличается тем, что орнаментальное поле внутри и между геометрическими фигурами заполнено короткими насечками (или «чеканом» по терминологии В.А. Колотухина)²⁶. При этом ограничительные линии этих фигур (треугольников) иногда наносились торцовой частью орнаментира, то есть выполнялись в резной технике.

Керамика с гребенчатым орнаментом из обоих выделенных выше слоев Херсонеса безусловно относится именно к первому типу гребенчатого орнамента.

Интересно отметить, что в распределении орнаментированной посуды по этим слоям наблюдаются определенные закономерности.

Во-первых, посуда с резным орнаментом (рис. 1,14; 2,4) найдена именно в раннем слое конца VI - первой половины V вв. и пока не отмечена в несмешанных слоях Херсонеса второй половины V - первой половины IV вв. Учитывая данное стратиграфическое наблюдение, а также общую хронологию КК посуды с резным орнаментом, можно предположить, что отмеченная ЛЖ с таким орнаментом из Херсонеса, вероятно, происходит из несохранившегося или пока не открытого культурного слоя КК поселения, существовавшего здесь до появления греческих колонистов.

Во-вторых, стратиграфические данные позволяют разделить орнаментацию керамики с ранним типом гребенки на два варианта.

К первому варианту (Ia) можно отнести посуду из позднеархаического слоя Херсонеса. Орнаментация этой посуды состоит из геометрических фигур в сочетании с округлыми вдавлениями, которые расположены на плече или придонной части сосудов (рис. 2,2,5-8). В слое второй половины V - первой половины IV вв. керамика с такой орнаментацией продолжает встречаться (рис. 7,4,7). Однако в это время начинают преобладать сосуды, украшенные гребен-

чатой орнаментацией второго варианта (Iб). Последний вариант характеризуется тем, что орнаментальная композиция ограничена по верху плеча сосудов наколами или отпечатками, нанесенных тем же штампом, которым выполнен основной мотив орнамента (рис. 7,2,5-6,8). Можно отметить при этом, что техника нанесения второго варианта раннего типа гребенчатого орнамента выгля-

дит несколько более унифицированной и упрощенной по сравнению с первым вариантом.

Посуда с гребенчатым орнаментом типа Ia найдена в хозяйственных ямах Ольвии и Пантикопея середины - третьей четверти VI в.,²⁷ на Березани в яме второй половины VI - начала V в.²⁸ Данные находки не исключают вероятности появления в КК керамическом комплексе сосудов с

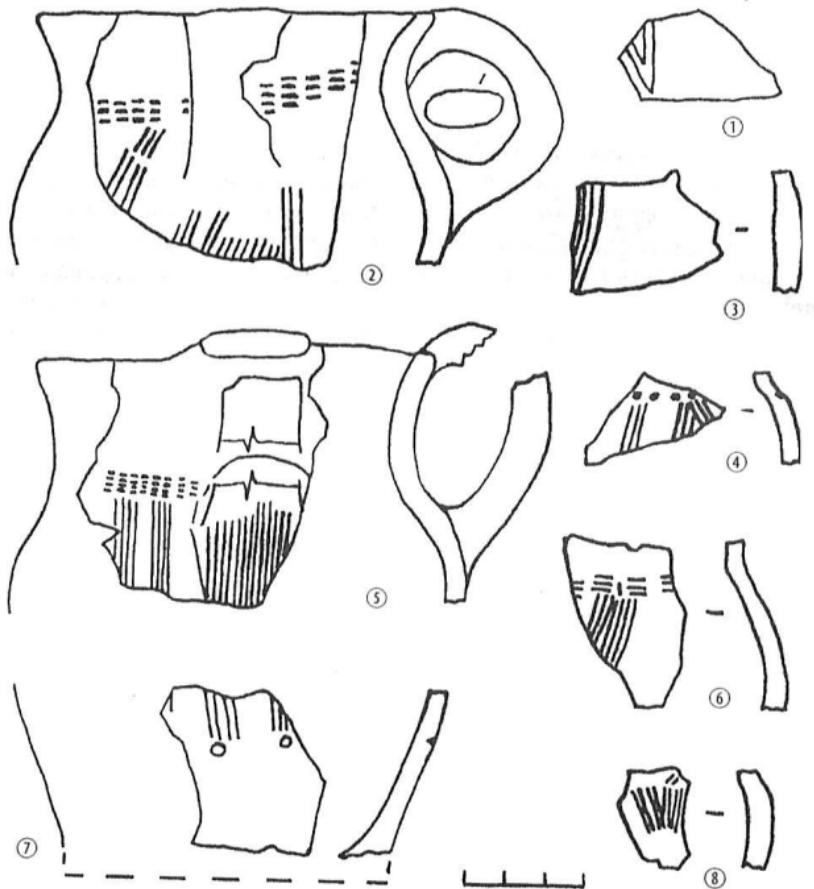

Рисунок 7.

Лепная керамика второй половины V - первой половины IV вв. до н.э.: 1- 1987 г., помещ. 39; 2,5- 1980 г., III попереч. улица; 3-4,6- 1988 г., помещ. 49; 7- 1988 г., помещ. 38; 8- 1986 г., помещ. 47.

гребенчатым орнаментом этого типа уже в середине VI в²⁹

Вероятно, верхняя хронологическая граница массового бытования посуды с гребенчатым орнаментом типа Ia, может определяться первой половиной IV в. Такую дату подтверждают находки в слое «C-VI» Керкинитиды, которые датируются В.А.-Кутайсовым временем не позднее первой половины IV в.³⁰ Впрочем, единичные находки сосудов с таким орнаментом известны в керамических комплексах конца IV - первой трети III вв. греческих усадеб у бухты Ветреная³¹ и надела № 32³² на Гераклейском полуострове³³.

Наиболее ранние находки керамики с гребенчатым орнаментом типа Iб происходят из погребения 5 кургана 5 у с. Колоски³⁴, которое, судя по обломкам клазоменской амфоры, может датироваться временем не позднее конца VI - начала V вв³⁵. Вероятно, к концу VI в. можно отнести появление керамики с таким типом орнамента в КК керамическом комплексе³⁶.

Верхняя хронологическая граница посуды с гребенчатым орнамен-

том типа Iб может относиться, судя по находкам из слоя «C-IV» Керкинитиды, к середине - третьей четверти IV в.³⁷ Этой дате не противоречат и материалы второй - третьей четверти IV в. из заполнения полуземлянки КК поселения Карань-2³⁸. При этом необходимо учитывать, что в керамическом комплексе обоих указанных памятников в это время преобладает посуда с гребенчатым орнаментом уже второго типа (с насечками). Это обстоятельство позволяет рассматривать наличие здесь относительно более ранней керамики с гребенчатым орнаментом типа Iб как пережиточное явление.

Рассмотренная выше ЛК с ранним типом гребенчатого орнамента конца VI - первой половины IV вв. из Херсонеса имеет важное значение для выделения и датировки аналогичных материалов собственно КК памятников. Вместе с тем, предлагаемая классификация раннего типа гребенчатого орнамента не является окончательной и требует уточнения на основе привлечения более широкого круга материалов.

Примечания

- Савеля О.Я. О керамике с врезным орнаментом из Херсонеса // КСИА, 1970, вып. 124, с. 48-50.
- Приношу искреннюю благодарность М.И.Золотареву за постоянную поддержку моих исследованиях и возможность опубликовать материалы из его раскопок в Херсонесе.
- Золотарев М.И. Херсонес и Ольвия в конце VI - II в. до н.э.: (Проблемы взаимоотношений): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986, с. 9; Он же. Херсонесская архаика. Севастополь, 1993, с. 15.
- Золотарев М.И. Отчет о раскопках в Северо-Восточном районе Херсонеса в 1984 г. // Архив НЭХТ, д. № 2480/1, л. 9-11.
- Савеля О.Я. О керамике ... с. 49.
- Керефов Б.М. Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1988, с. 42. Выражая глубокую признательность А.П.Мошинскому (ГИМ), обратившего мое внимание на работу Б.М.Керефова и присутствие кружальной керамики в погребениях Нартана.

7. Бобин В.В. Черты сходства культур древнего населения Крыма и Северного Кавказа временем перехода от бронзы к железу // История и археология древнего Крыма. Киев, 1957, с. 57-59; Лесков А.М. Горный Крым в первом тысячелетии до нашей эры. Киев, 1965, с. 151-153. Впрочем, В.А. Колотухин допускает «опосредованный характер» культурной связи между обоими регионами лишь в скифское время (Колотухин В.А. Горный Крым в эпоху поздней бронзы - начале железного века. Киев, 1996, с. 71).
8. Часть материалов из этой группы известна мне лишь по отчетным материалам, в которых не всегда отмечался профиль, цвет и способ обработки внешней поверхности сосудов.
9. Золотарев М.И. Отчет о раскопках в Северо-Восточном районе Херсонеса в 1977 г. // Архив НЗХТ, д. № 1933, л. 9,12; Он же. О двух этапах строительства в Северо-Восточном районе Херсонеса в IV в. до н.э. // ХСб, 1996, вып. VII, с. 38-39,41,44; Он же. Ранние этапы градостроительства в Херсонесе Таврическом // ХСб, 1998, вып. IX, с. 29.
10. Золотарев М.И. Отчет о раскопках в Северо-Восточном районе Херсонеса в 1979 г. // Архив НЗХТ, д. № 2053, л. 6,11.
11. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977, с. 134, табл. I,6; Коваленко С.А. О монетном деле Херсонеса Таврического в позднеклассическую эпоху // НЭ, 1999, т. XVI, с. 114.
12. Золотарев М.И. Отчет о раскопках в Северо-Восточном районе Херсонеса в 1980 г. // Архив НЗХТ, д. № 2215, л. 18-21.
13. Золотарев М.И. Отчет ... 1980 г., л. 20.
14. Золотарев М.И. Отчет о раскопках в Северо-Восточном районе Херсонеса в 1986 г. // Архив НЗХТ, д. № 2683, л. 11-12; Он же. Отчет о раскопках в Северо-Восточном районе Херсонеса в 1987 г. // Архив НЗХТ, д. № 2761, л. 17. Датировка материалов из раскопок 1988-89 гг. приводится по устному сообщению М.И.Золотарева.
15. Выражаю искреннюю благодарность Ю.П.Калашнику за ценные консультации и возможность публикации материалов из его раскопок.
16. По определению О.Я.Неверова данный перстень может датироваться еще первой половиной V в.
17. Калашников Ю.П. Отчет о раскопках в Херсонесе на Северном берегу в 1979 г. // Архив НЗХТ, д. № 2169, л. 11.
18. Монахов С.Ю., Абросимов Э.Н. Новое о старых материалах из херсонесского некрополя // АМА, 1993, вып. 9, с. 140.
19. Сюда включен также обломок чернолощеного горшка с резным орнаментом, найденный в Северо-Восточном районе Херсонеса в слое первой половины V в. (Сенаторов С.Н. Ранняя кизил-кобинская керамика из раскопок в Херсонесе // Археологические вести, 1999, № 6, рис. 1,3).
20. По общепринятой терминологии кубки с ручкой относятся к категории черпаков. Однако, учитывая одинаковую форму и фрагментированность керамики, обе категории сосудов в данной работе отнесены к категории кубков.
21. Сюда же входит и обломок горшка с резным орнаментом, найденный в слое первой половины V в. (Сенаторов С.Н. Ранняя кизил-кобинская керамика ..., рис. 1,3).
22. Необходимо учитывать, что в силу традиционности единичные сосуды вполне могли украшаться резным орнаментом и позднее середины VI в. Однако обратим внимание, что сосуды с таким орнаментом характерны лишь почти только для лепной керамики айвазовского типа варварских и греческих памятников Восточного Крыма второй половины VI - III вв. (Сенаторов С.Н. О восточно-крымской лепной керамике середины VI - первой трети III вв. до н.э. // Боспорский феномен: Греческая культура на периферии античного мира. СПб, 1999, с. 299).
23. Дашевская О.Д. О таврской керамике с гребенчатым орнаментом // СА, 1963, № 4, с. 205; Голенцов А.С. К вопросу о существовании додревеского поселения на территории Керкинитиды // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси, 1981, с. 228.

24. Дащевская О.Д. Указ. соч., с. 205.
25. Щеглов А.Н. Финал кизил-кобинской культуры и поздняя история тавров // Скифы. Казары. Славяне. Древняя Русь: Тез. докл. СПб, 1998, с. 69.
26. Колотухин В.А. Горный Крым ... с. 44.
27. Капошина С.И. О скифских элементах в культуре Ольвии // МИА, 1956, № 50, с. 159, рис. 5,1-2. Толстиков В.П. Пантикопей - столица Боспора // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992, с. 60-61, рис. 8,10.
28. Соловьев С.Л. Лепная керамика с резным геометрическим орнаментом Березанского поселения // АСГЭ, 1995, вып. 32, с. 34,36, рис. 2,27. Выражаю искреннюю благодарность С.Л.Соловьеву за возможность ознакомиться с материалами Березанского поселения.
29. Не исключена вероятность распространения в горном Крыму посуды с гребенчатым орнаментом типа Ia еще в VII в. Об этом косвенно может свидетельствовать находка костяного орнамента для нанесения гребенчатого орнамента на поселении Таш-Джарган-I. (Колотухин В.А. Горный Крым ..., с. 45,140, рис. 40,18.). Данный инструмент был найден в культурном слое вместе с керамикой украшенной резным орнаментом, суммарно датируемой В.А.Колотухиным серединой VII - VI вв. (Колотухин В.А. Обследование памятников предскифского и раннескифского времени в Крыму // СА, 1982, № 1, с.117). Кроме того, посуда с гребенчатым орнаментом типа Ia известна в ряде погребений раннескифского времени на Северном Кавказе (Маслов В.Е. Керамика Центрального Предкавказья скифской эпохи VII-V вв. до н.э.: Автограф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997, с. 5). Например, керамика с таким орнаментом из погребений № 9, 14, 16-18 могильника Нартан, по сопровождающему инвентарию (предметам вооружения, конской узды и украшениям) датируется серединой VII - началом VI вв. При этом нижняя хронологическая граница кургана № 20, где также найдена интересующая нас керамика, «заходит» и в первую половину VII в. (Батчагов В.М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. Нальчик, 1985, т. 2, табл. 27,15; 37,11; 41,35-36; 43,3; 45,33; 48,45-46; Маслов В.Е. Керамика Центрального Предкавказья скифской эпохи VII-V вв. до н.э.: Текст дис. М., 1997 г. // Архив РАН, № Р-2 / 2608, л. 189-190; Махортых С.В. Скифы на Северном Кавказе. Киев, 1991, с. 75-76,78; Алексеев А.Ю. Скифская хроника. СПб, 1992, с. 49; Петренко В.Г. К вопросу о хронологии раннескифских курганов Центрального Предкавказья // Проблемы скифо-сарматской археологии. М., 1990, с. 63,75).
30. Кутайсов В.А. Кизил-кобинская керамика из раскопок в Керкинитиде // Материалы к этнической истории Крыма. К., 1987, с. 30, рис. 2,2,6,13; с. 32, рис. 4,32.
31. Щеглов А.Н. Отчет о работах Тарханкутской экспедиции в 1962-1963 гг. // Архив НЗХТ, д. № 840/1, л. 32, рис. 81,1; Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н. Образование территории Херсонесского государства // Эллинизм: Экономика, политика, культура. М., 1990, с. 362.
32. Выражаю искреннюю благодарность Г.М.Николаенко, за ценные советы и возможность использовать материалы из ее раскопок.
33. Впрочем, данная посуда найдена здесь в мешанном слое (Николаенко Г.М. Полевые описи находок на усадьбе № 32 в 1982 г. // Архив НЗХТ, д. № 2450/II, л. 35,47, п/о № 4,7). Поскольку сооружения усадьбы № 32 перекрыли собой культурный слой КК поселения, расположенного в Камышовой бухте (Савеля О.Я. Некоторые результаты работ Севастопольской археологической экспедиции в округе Херсонеса в 1990-1995 гг. // ХСб, 1997, вып. VIII, с. 88), то не исключена вероятность попадания интересующей нас керамики в засыпь помещений усадьбы № 32 из более раннего культурного слоя КК поселения.
34. Ольховский В.С. О населении Крыма в скифское время // СА, 1982, № 4, с. 63, рис. 2,6.
35. Выражаю благодарность А.П.Абрамову и А.Н.Щеглову за определение и датировку обломков данной амфоры.

36. Посуда с гребенчатым орнаментом типа Iб известна также в погребении I (1927 г.) Каменномостского могильника (Иессен А.А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии // МИА, 1941, №3, с. 22, табл. III,6). Верхняя хронологическая граница погребений этого могильника датируются В.М.Батчаевым не позднее VI в. (Батчаев В.М. К вопросу о датировке Каменномостского могильника // Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, 1974, т. 5, с. 105).
37. Кутайсов В.А. Указ. соч., с. 32, рис. 4,10,12.
38. Сенаторов С.Н. Поселение позднего этапа кизил-кобинской культуры Карань-2 // ХСб, 1998, вып. IX, с. 10, 13, рис. 4,9; 5,14.

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ГРЕКО-РИМСКОЙ АРХЕОЛОГИИ**

И.А. Антонова, В.М. Зубарь

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РИМСКОЙ ЦИТАДЕЛИ ХЕРСОНЕСА

Римские войска, дислоцировавшиеся в Херсонесе во второй половине II - третьей четверти III вв., занимали территорию так называемой цитадели, которая расположена в юго-восточной части городища. Здесь в течение первой половины нашего столетия были открыты различные постройки, связанные с пребыванием римских войск. В последние десятилетия широкомасштабные археологические исследования здесь проводились под руководством И.А. Антоновой, и был получен новый в высшей степени интересный материал, без которого изучение характера римского военного присутствия в Таврике на современном этапе уже невозможно. Этот материал, который впервые вводится в широкий научный оборот, наряду с эпиграфическими памятниками и иными категориями источников, позволит получить более полное представление о римском гарнизоне Херсонеса, который дислоцировался здесь на протяжении периода, охватывающего более ста лет, а ряде случаев и осветить эту проблему совершенно по-новому.

Предлагаемый вниманию читателей очерк является первым обобщающим исследованием, в котором в таком значительном объеме вводится в научный оборот комплекс материалов из раскопок так называемой цитадели Херсонеса под руководством И.А. Антоновой. Однако здесь основ-

ное внимание сосредоточено на археологических объектах первых веков, а памятники эпохи средневековья, которые повсеместно перекрывают строительные остатки римского времени, будут подробно рассмотрены в другой специальной работе.

История исследования цитадели Херсонеса может быть подразделена на три хронологических этапа. Первый охватывает время с 1897 до 1910 гг., когда раскопки здесь проводились К.К. Косцюшко-Валюжиничем и Р.Х. Лепером. Основное внимание исследователями в это время уделялось изучению оборонительных сооружений юго-восточного участка обороны Херсонеса.

В 1897 г. К.К. Косцюшко-Валюжинич приступил к раскопкам восточной оборонительной стены цитадели - 20 куртины, и XVII башни. В ходе этих работ он исследовал пять разновременных оборонительных стен, каждая из которых была пристроена к наружной стороне предшествующей, и оборонительные башни. В 1901, 1905 - 1906 гг. он раскопал ограничивавшую цитадель с северо-запада 18 куртину, отделявшую цитадель от портового района города, а также на небольшом участке, протяженностью 20 м., восточную 21 куртину, находившиеся поблизости от нее термы и средневековый храм¹. К 1907 г. в основном были завершены раскопки по всему про-

тяжению юго-восточного сектора оборонительной линии Херсонеса². Наряду с оборонительными сооружениями, К.К. Косцюшко-Валюжинич исследовал внутреннюю площадь застройки цитадели, примыкавшую к 18, 19 и 21 куртинам, но отчета уже не успел написать, так как скончался в 1907 г. К сожалению, судя по имеющимся архивным материалам, ситуация у 18 куртины осталась ему не ясной. Здесь на плане раскопок видны лишь обрывки стен двух средневековых помещений, примыкавших к куртине, и более ранняя трехчастная прямоугольная пристройка, которая впоследствии была раскопана В.В. Борисовой. Неизвестна и глубина исследованной площади, однако можно предполагать, что в связи с намечавшимся здесь строительством нового здания музея, К.К. Косцюшко-Валюжиничем были вскрыты верхние слои на значительной площади северной половины цитадели.

Но вместе с этим общий характер юго-восточного участка обороны Херсонеса К.К. Косцюшко-Валюжиничем был детализирован и понят правильно. Он отметил многократность строительных работ и в ряде случаев определил верные даты строительства. Впервые в Херсонесе К.К. Косцюшко-Валюжинич привлек к датировке самого раннего ядра башни XVII амфорные клейма, обнаруженные в ходе раскопок керамический мастерской, которая была разрушена в ходе строительства этого оборонительного комплекса. Исследователь правильно определил функциональное назначение и дату стро-

ительства башни XX первых веков, хотя впоследствии эта дата была исказена и относилась учеными к разному времени.

После смерти К.К. Косцюшко-Валюжинича исследования на территории цитадели возобновились только в 1910 г. под руководством Р.Х. Лепера. Помимо работ в юго-восточном и северо-восточном районах Херсонесского городища и его некрополя, он провел масштабные раскопки башни XVII, 20 куртины с внутренней и наружной стороны³, а внутри цитадели продолжил работы по исследованию средневекового храма и площади к востоку от часовни у 19 куртины. К сожалению, Р.Х. Лепер, перегруженный большим объемом раскопочных работ и преподаванием в гимназии, не оставил отчетов о своих раскопках в Херсонесе, а его записи в дневниках маловразумительны. Поэтому о его работах в цитадели можно судить только по отредактированным и опубликованным К.Э. Гриневичем дневникам, где он частично, но не всегда верно, интерпретировал результаты раскопок Р.Х. Лепера⁴.

В целом, оценивая первый этап работ на территории цитадели Херсонеса, следует подчеркнуть, что за этот период был проведен огромный объем археологических работ: открыты с напольной и тыльной сторон, кроме 21 куртины, оборонительные стены и башни, а глубина раскопок на многих участках достигла 5-6 м. В результате этих раскопок были выявлены очертания цитадели, прослежены некоторые особенности оборонительного строительства, оп-

ределены даты и последовательность возведения куртин, а также башен. Основное внимание в это время уделялось оборонительным сооружениям, а работы внутри укреплений велись только с учетом предполагавшегося строительства здесь нового здания музея. Данные, полученные на этом этапе, в значительной степени были обесценены несовершенной методикой раскопок, фиксации строительных остатков и обработки археологического материала.

Начало нового этапа в исследовании цитадели связано с именем К.Э. Гриневича, который обратился к планомерному изучению оборонительных сооружений юго-восточного района Херсонеса. Он обобщил все известные к тому времени данные раскопок К.К. Косциюшко-Валюжинича, Р.Х. Лепера и теоретические исследования А.Л. Бертье-Делагарда⁵. К.Э. Гриневич преследовал цель не только проанализировать конструкцию оборонительных сооружений, но и определить даты каждого строительного периода. Впервые была подвергнута обоснованной критике общая концепция оборонительного строительства в Херсонесе, предложенная А.Л. Бертье-Делагардом⁶.

К.Э. Гриневич, наряду с изучением оборонительных сооружений, поставил задачу исследовать внутреннюю застройку цитадели, уделив основное внимание изучению 19 куртины, вдоль которой и был выбран участок для раскопок. В 1926 г. его внимание было сосредоточено на участке к югу от часовни, раскопанной в 1907 г., где ранее работы не проводились. Исследователь впер-

вые выделил шесть разновременных строительных периодов, отражавших особенности застройки этого участка с III в. до н. э. до позднего средневековья. Но, к сожалению, работы велись на небольшой площади и, вскрыв сеть разновременных стен, не дали полного плана ни одной постройки⁷.

В 1928 г. раскопки проводились к северу от упомянутой часовни до калитки у XVI башни. Верхние слои здесь были удалены ранее, при раскопках К.К. Косциюшко-Валюжинича. К.Э. Гриневич раскопал большое здание, состоявшее из восьми одинаковых по размерам прямоугольных помещений, каждое из которых имело узкий коридор с восточной стороны. Исследователь интерпретировал этот комплекс как гимнасий позднеримского времени⁸. Несмотря на довольно значительный объем археологических работ, планиметрическая и стратиграфическая реконструкция всего участка, где раскопки велись три полевых сезона, не были сделаны. Например, неясным осталось, действовала ли калитка у XVI башни во время функционирования предполагаемого гимнасия, который впоследствии был интерпретирован как казармы римского гарнизона⁹. Только по редкой фотографии удалось определить, что калитка была засыпана и эта насыпь, сделанная для укрепления 19 куртины в связи с поднятием высоты последней, была удалена, что не отмечено К.Э. Гриневичем в отчете.

Несмотря на ошибки, ни в коем случае нельзя умалять заслуг К.Э. Гриневича в исследовании тако-

го сложного и недостаточно изученного памятника, которым в то время была цитадель Херсонеса. Он первый суммировал данные разновременных раскопок оборонительных сооружений юго-восточного участка обороны города, а также снабдил анализ всех памятников чертежами, планами, разрезами и фотографиями из раскопок разных лет¹⁰. Именно К.Э. Гриневич первым поставил задачу послойного вскрытия внутренней площади цитадели, определил стратиграфию напластований и, таким образом, выполнил по мере возможностей того времени стоявшую перед ним задачу.

После исследований К.Э. Гриневича раскопки цитадели надолго прекратились, что, с одной стороны, объясняется началом широкомасштабных работ в северном районе Херсонеса, который активно разрушался морем, а, с другой, - начавшейся вскоре Великой Отечественной войной. Работы были продолжены только в конце 50-х гг., когда Херсонесский музей получил значительные средства для срочной консервации крепостной ограды, в том числе и в юго-восточном районе городища. При подготовке к этим работам было проведено археологическое изучение ряда объектов, для чего была организована специальная экспедиция.

Отряд В.В. Борисовой, начавший работы у XVI башни в составе объединенной экспедиции, продолжал исследования этого района, и после окончания консервационных работ, что положило начало третьему этапу исследования цитадели. В результате этих работ к 1969 г. были откры-

ты два относительно крупных здания. Одно из них примыкало к 18 куртине, между башней XVI и калиткой в 18 куртине, и было частично перекрыто двумя утолщениями башни XVI. По мнению В.В. Борисовой, это здание было возведено во II в. и неоднократно перестраивалось за счет примыкающей улицы. Латинские клейма на черепице, остатки штукатурки и размеры постройки позволили исследовательнице интерпретировать это здание как дом, принадлежавший какому-то административному лицу расквартированного здесь римского гарнизона. Второе здание, также раскопанное В. В. Борисовой, находилось рядом с описанным, с южной стороны разделявшей их улицы, и состояло из шести различных по площади прямоугольных помещений, сообщавшихся между собой входами. Этот комплекс был интерпретирован В. В. Борисовой как казармы римского гарнизона¹¹. В 1968 - 1969 гг. работы были сосредоточены к юго-востоку от прежнего участка, на площади крупной постройки, частично вскрытой К.К. Косцюшко-Валюжиничем и Р.Х. Лепером. Но В.В. Борисовой были исследованы лишь верхние слои северной части здания¹², поэтому она и не интерпретировала раскопанный объект.

С 1970 г. раскопки в цитадели проводились систематически, хотя и не ежегодно, отрядом под руководством И.А. Антоновой. Первоначально работы были сосредоточены на изучении оборонительных сооружений, но наряду с этим было начато исследование терм первых веков н.э.

у башни XIX. С 1983 г. раскопки на территории цитадели стали вестись ежегодно широкими площадями, охватывая и ключевые прилегающие оборонительные сооружения¹³. Археологическому изучению подверглось около 70% внутреннего пространства цитадели. За эти годы раскопано 74 помещения римской и средневековой эпох разного функционального назначения, исследовано около 20 объектов оборонительных сооружений, более 30 дренажных и водосточных каналов, улицы, площади, выявлена планировочная градостроительная структура, а также получен значительный археологический и эпиграфический материал, который в совокупности с результатами предшествующих работ позволил получить достаточно полное представление о

жизни на территории цитадели Херсонеса в римский период, когда здесь дислоцировался римский гарнизон¹⁴. Полное археологическое исследование цитадели еще не закончено, однако имеющийся в настоящее время материал требует своего осмысливания, что в свою очередь позволит четче и последовательнее наметить план завершающего этапа работ по изучению внутренней планировки цитадели Херсонеса.

Планировка и история строительства цитадели. Участок городища, получивший название цитадель, представляет собой укрепленный четырехугольник, расположенный в юго-восточной части Херсонеса. Район, занимаемый цитаделью, самый низкий участок побережья современной Карантинной бухты. Он

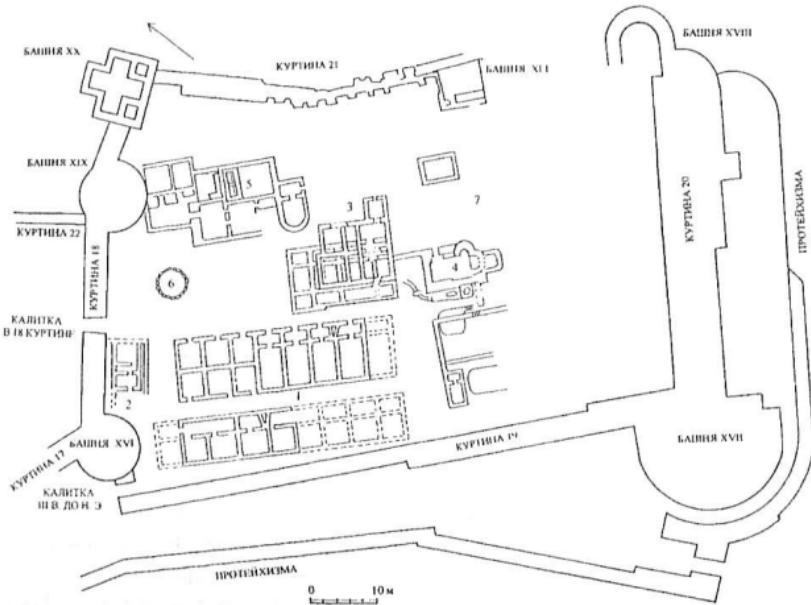

Рисунок 1.

Схематический план цитадели Херсонеса по И. А. Антоновой.

плохо защищен природой и труден для организации обороны. В 70 - 80 м к югу от этого участка находится высокий холм, получивший название Девичья гора. С этого холма хорошо просматривается и простреливается внутренне пространство цитадели, что заставляло при строительстве оборонительных сооружений учитывать этот фактор¹⁵.

Первоначально площадь форта составляла 45 X 92 м., то есть около 0,4 га. Оборонительные сооружения, возведенные здесь в середине - конце III в. до н. э.¹⁶ были пристроены к более ранней оборонительной стене - 18 куртине. Впоследствии, видимо, в середине II в., площадь цитадели была увеличена за счет прerezки 10 - 12 метровой полосы намытого морем песчаного побережья¹⁷. Цитадель окружена со всех четырех сторон мощными оборонительными куртинами 18, 19, 20, 21, которые соединялись с башнями XVI - XXI¹⁸ (Рис. 1).

До сооружения укреплений территория цитадели была занята некрополем, который, видимо, вплотную подходил в 18 куртине и был застроен при сооружении цитадели. Об этом свидетельствует значительное количество надгробий IV - III вв. до н. э., обнаруженных не только в башне XVII, но и в кладке 19, 20, 21 куртин, а также башни XVI¹⁹. Два захоронения того же времени были раскопаны у 20 куртины²⁰.

18 куртина, ограждающая цитадель с северо-запада, отделяла этот участок от Портового района города. Начиналась эта куртина у XVI круглой башни и была, вероятно,

возведена в начале IV в. до н. э.²¹ а затем на ее месте в 60-ых гг. IV в. до н. э. была построена более мощная куртина и башня, нижние ряды кладки которых сохранились. Первоначальная длина куртины составляла 45 м и на восточном ее окончании из огромных камней с плохо обработанной поверхностью была построена башня XIX. Эта башня была фланговой и обращена к бухте. Она в IV в. до н. э замыкала вместе с башней XVI и 18 куртины оборону города с юго-востока. Позднее, во время строительства оборонительных сооружений в III в. до н. э., та часть башни, которая была обращена к цитадели, была разобрана до нижнего ряда кладки. У этой башни начиналась 21 куртина, которая в эллинистический период ограничивала территорию цитадели с северо-востока²².

В первые века н. э. 18 куртина была надстроена в высоту и продлена до новой XX башни, которая располагалась в 12 метрах от круглой башни XIX. Башня XX редкой крестообразной формы возведена на морских песчаных наносах с незначительным заглублением фундамента и обращена в сторону гавани²³. От этой башни начиналась 21 куртина, сооруженная в первых веках н. э.²⁴ Но 21 куртина эллинистического периода не была полностью разобрана, а частично включена в стену терм²⁵.

21 куртина, построенная в первые века н. э., имеет глухую аркаду с тыльной стороны, от которой сохранилась только кладка нижнего ряда из хорошо обработанных крупных квадров, скрепленных известковым раствором с примесью толче-

ной керамики. Опоры аркады разме-
рами 1,3 X 1,5 м, а расстояние меж-
ду ними 1,3 X 1,6 м. 21 куртина воз-
ведена на песчаном намывном грун-
те, вследствие чего, вероятно, для
облегчения веса стены с внутренней
стороны строителями и были ис-
пользованы аркады²⁶.

С остальных сторон цитадель
была ограничена 19 и 20. 19 куртина
на начиналась у XVI круглой башни,
рядом с которой была построена вы-
лазная калитка высотой 2,4 м со
сводчатым перекрытием. Окружно-
стью башня XVI была обращена к
напольной стороне. После возведе-
ния цитадели эта часть башни со-
ставляла около трети окружности.
Остальная ее часть теперь была об-
ращена внутрь цитадели²⁷.

19 куртина наиболее протяжен-
ная в оборонительной системы Хер-
сонеса. Ее длина составляет 92 м., а
ширина неодинаковая: на западном
фланге она достигает 2,5 м, а на вос-
точном - 3,5 м. В 5 м к востоку от
башни XVI она под прямым углом
делает излом и идет по направлению
к башне XVII, получившей название
Зинона. В 19 куртине можно выде-
лить несколько строительных пери-
одов. Нижняя часть стены двухпан-
цирная с забутовкой на глиняном
растворе. Среди бутовых камней в
тех местах, где облицовка сорвана
или повреждена, просматриваются
надгробия эллинистического време-
ни, заложенные между облицовкой
в качестве заполнения стены. Куртина
облицована относительно неболь-
шими прямоугольными блоками (0,
3 X 0,7 X 1,3 м),ложенными по
системе однорядной орфостатной

сложной кладки²⁸. При изучении 19
куртины выделено шесть строите-
льных периодов. К эллинистическому
и римскому периодам относятся пер-
вая и вторая стены.

На востоке 19 куртина заканчи-
вается башней XVII. Она состоит из
ядра в виде первоначальной башни,
сложенной в системе орфостатной
кладки (кордонами на ребро плитой
на образок) из прекрасно обработан-
ных блоков известняка. Внутренний
диаметр ядра башни составлял 9 м. С
текением времени башня неоднок-
ратно увеличивалась в высоту и опо-
ясывалась дополнительными рядами
кладки, которая носила различный
характер. В первые века существова-
вало ядро башни, и был построен
первый пояс толщиной 1,7 м, состо-
явший из огромных плит. После по-
следующих перестроек в средневеко-
вый период диаметр башни увеличил-
ся до 23 м²⁹.

От башни XVII на северо-восток
тянулась 20 куртина, за которой на-
чинался некрополь. Эта куртина, обра-
щенная к Девичьей горе, много-
кратно перестраивалась и укрепля-
лась. Она состояла из пяти оборони-
тельных стен, пристроенных пооче-
редно одна к другой с наружной сто-
роны. На северо-востоке 20 куртина
фланкировалась башней XVIII, воз-
веденной в первые века н. э³⁰ Внутрь
цитадели вели две калитки и ворота.
Одна калитка была сделана в средней
части 18 куртины и соединяла защи-
щенную часть цитадели с городски-
ми кварталами в портовом районе.
Вторая - устроена в 19 куртине и со-
единяла цитадель с периболом. Пер-
воначально ворота располагались у

XX башни в 21 куртине и, несомненно, были главными³¹.

После или одновременно с возведением куртин и башен территория цитадели была распланирована сетью улиц, которые пересекались под прямым углом, образуя кварталы. Три улицы были проложены в продольном направлении от 18 к 20 куртинам вдоль 19 и 21 куртин и посередине между ними, а три шли перпендикулярно им, соединяя 19 и 21 куртины. Видимо, первоначально все улицы имели одинаковую ширину, может быть с незначительными колебаниями, от 2,5 до 3 м. Улица вдоль 19 куртины шла к калитке у XVI башни, а центральная - к калитке в средней части 18 куртины. В первые века ширина улиц была несколько изменена вследствие характера застройки, что привело к их отклонению от первоначальной линии. На это указывают водосточные каналы, оказавшиеся внутри более ранних помещений³².

На территории цитадели зафиксировано крайне мало строительных остатков эллинистического периода, и они исчисляются буквально единицами. Разрозненные, короткие обрывки стен III в. до н. э. были открыты на участке раскопок К.Э. Гриневича 1927 - 1928 гг. В частности, кладки в проходе калитки у XVI башни исследователь предположительно связывал с ранней башней, которая могла существовать на этом месте³³. На участке у 19 куртины, в нижнем горизонте, К.Э. Гриневичем зафиксировано значительное количество керамики III в. до н. э.,³⁴ которая, как можно предположить, являлась выбросом из гончарной печи,

открытой К.К. Косцюшко-Валюжиничем к западу от куртины, с ее напольной стороны³⁵.

Далее к юго-востоку; у центра 19 куртины, на скале раскопками К.Э. Гриневича были открыты две идущие под прямым углом одна к другой стены небольшого помещения и остатки цистерны или водоема³⁶. А в 1990 - 1995 г. в 15 м от этих строительных остатков раскопана цистерна III в. до н. э. глубиной 1,15 м, вырубленная в скале и использовавшаяся в первых веках нашей эры³⁷. К северо-востоку от цистерны открыт большой, сделанный в скале подвал, в который вели семь ступеней, вырубленные в скале вдоль его северо-восточной стены (Антонова, 1996 а, с. 21 - 23). Помещение XVII, открытое К.Э. Гриневичем³⁸, и описанный подвал содержали керамический материал I в. до н. э. - I в. н. э.³⁹ Перечисленными объектами исчерпываются ранние строительные остатки на территории цитадели. К этому следует добавить, что находки керамического материала эллинистического периода на территории цитадели вообще весьма не многочисленны⁴⁰.

Возведение оборонительных сооружений цитадели Херсонеса потребовало огромного объема планировочных и строительных работ. Причем возведение хорошо продуманной системы башен, куртин и калиток-проходов, несомненно, указывает на то, что внутренняя территория, защищенная стенами, должна была быть застроена. Однако приведенный краткий перечень строительных остатков эллинистического периода заставляет задуматься над тем,

почему до нашего времени дошло так мало памятников этого времени.

Для объяснения этого следует иметь в виду, что всеми исследователями цитадели неоднократно обращалось внимание на подтопление отдельных участков на территории цитадели, что препятствовало их дальнейшему углублению и археологическому изучению нижележащих слоев⁴¹. Но сохранившиеся цокольные ряды кладки XVI и XIX башен, 21 куртины, обкладки колодца 6, порога калитки у 20 куртины делают такое объяснение маловероятным. Вряд ли какие-либо археологические слои могли находиться ниже цокольного ряда кладки тех фортификационных сооружений, которые были построены на начальном этапе строительства, т. е. ниже древней дневной поверхности.

Очевидно, такое положение, археологически прослеженное на территории цитадели, объясняется тем, что здесь перед новым этапом строительства удалялся грунт и нивелировалась территория для новых построек. Характер строительных остатков II - III вв. свидетельствует о том, что римскими военнослужащими здесь велось достаточно масштабное строительство, перед которым все более ранние сооружения были просто снесены и площадь цитадели выровнена. Ведь размещение в Херсонесе римских войск требовало возведения целого ряда специфических построек, видимо, носивших иной характер и назначение, чем те здания, которые располагались здесь ранее.

Как сейчас установлено, все куртины цитадели Херсонеса, кроме 18,

были возведены в середине - конце III в. до н.э. одновременно. Впоследствии они лишь перестраивались и укреплялись. Это позволяет заключить, что цитадель была построена по определенному плану и, следовательно, отражает определенный этап в историческом развитии Херсонеса эллинистического периода. Причем, возведение херсонесской цитадели в середине - конце III в. до н.э. сейчас есть все основания связывать с изменениями в военной организации и началом формирования гарнизона города на более или менее постоянной основе. Вероятно, именно здесь размещалось военное командование Херсонеса и гарнизон, который должен был в случае необходимости защитить город, а юноши-эфебы проходили военную подготовку. К сожалению, сказанное пока не может быть подтверждено прямыми данными источников. Но дислокация здесь римских военнослужащих во второй половине II - третьей четверти III вв. и строительство в середине - второй половине IX в. административного здания херсонесской фемы убеждает в правильности высказанного предположения⁴².

Стратиграфия территории цитадели первых веков н. э. Уже говорилось о том, что до возведения 19, 20 и 21 куртин с башнями территория цитадели была занята некрополем, а постройки последующего времени, вероятно, были разрушены в ходе нивелировки площади цитадели, предшествующей возведению здесь сооружений, связанных с дислокацией римских войск. Сейчас можно утверждать, что достаточно

масштабные строительные работы здесь велись на протяжении середины - второй половины II в. В это время были построены казарменные помещения для римских военнослужащих, здания у 18 куртины, на пересечении главных продольной и поперечной улиц территории цитадели, а также термы, располагавшиеся к востоку от башни XIX (Рис. 1). В ходе археологического исследования всех этих комплексов установлено, что во всех перечисленных постройках четко выделяются два основных строительных периода. Границей между ними строительными периодами является внезапная и одновременная гибель всех сооружений в первой половине III в., о чем, в частности, свидетельствуют завалы рухнувшего черепичного покрытия крыши терм⁴³.

Через непродолжительное время на месте разрушенных построек были возведены новые того же назначения и плана, а стены сооружений предшествующего периода были использованы в качестве фундаментов. В результате этого уровень дневной поверхности был поднят на 0, 9 - 1 м. На эту же высоту были заложены дверные проемы и засыпаны остатки старых построек⁴⁴. Но если раньше лишь констатировалось наличие в цитадели римского времени двух строительных периодов, то сейчас можно попытаться определить время и причину отмеченных разрушений.

Среди монет, обнаруженных на полах погибших помещений первого строительного периода, по данным И.А. Антоновой, не было экземпляров, датирующихся временем позднее 237 г. А из надписи 250 г. о восстанов-

лении на территории цитадели школы принципалов, можно заключить, что к этому времени строительные работы здесь уже были в основном завершены⁴⁵. Следовательно, разрушение и реконструкция построек на территории цитадели относятся к промежутку времени между указанными датами - 237 и 250 гг.

Сейчас можно с высокой долей уверенности предполагать, что внезапные и единовременные разрушения на территории римской цитадели, четко прослеженные археологически, были вызваны землетрясением, после которого и были проведены восстановительные работы⁴⁶. На возможность этого, в частности, указывают трещины сейсмического характера, обнаруженные на оборонительных сооружениях и ядре башни XVII⁴⁷. Ко времени после этих событий И.А. Антонова относит работы по обновлению и перестройке оборонительных сооружений в юго-восточной части города⁴⁸, что косвенно подтверждается надписью 245 г., в которой говорится о постройке башни⁴⁹.

В связи с этим, весьма показательны данные источников, сообщающих в том, что в 236 / 7 г. сильные землетрясения, с образованием на поверхности складок, имели место на территории Каппадокии и Понта⁵⁰. Сейсмическая волна от этих землетрясений, как и после землетрясения 480 г.,⁵¹ вполне могла докатиться до Таврики, в результате чего пострадали оборонительные сооружения Херсонеса и постройки на территории римской цитадели города. Именно этими событиями, скорее всего, следует объяс-

нять работы по укреплению оборонительных сооружений Херсонеса и возведение новых построек на месте разрушенных, которые по археологическому материалу и эпиграфическим памятникам относятся к 40-м - 50-м гг. III в⁵²

Следовательно, на основании имеющихся данных первый строительный период на территории римской цитадели Херсонеса может быть датирован серединой II в. - 237 г., а начало второго следует относить ко времени сразу же после землетрясения. К сожалению, пока не совсем ясной остается верхняя хронологическая граница этого строительного периода, но по имеющимся данным, она не выходит за пределы второй половины III в⁵³

Строительные комплексы на территории цитадели Херсонеса⁵⁴. На территории цитадели раскопками разных лет был исследован ряд археологических объектов, связанных с дислокацией здесь римского гарнизона. Именно эти строительные остатки позволяют более полно представить не только жизнь и быт римских военнослужащих, но и особенности застройки так называемой цитадели Херсонеса в первые века н. э.

Казарменные помещения. В 1926 - 1928 гг. К.Э. Гриневичем был раскопан фундамент большого здания, расположенного вдоль 19 куртины, между так называемой базиликой Леонтия (часовней XII - XIII вв.) и башней XVI, в северо-западном углу цитадели. Здесь открыто шесть почти одинаковых по размерам прямогульных помещений⁵⁵, а раскопка-

ми И.А. Антоновой впоследствии было установлено, что помещений было не шесть, а восемь (Рис. 1, 1).

В восточной части здания имелся узкий коридор, шириной 1, 75 м, отделенный от южной части помещений. Самое западное из раскопанных помещений было вдвое уже остальных. Южная стена этого здания проходила под углом к 19 куртине и была общей для всех раскопанных помещений. Толщина стен здания - 0, 65 м, а сохранившаяся высота 1, 2 м. Стены сложены из бутового камня на глине и возведены на 1, 45 м выше уровня скалы⁵⁶. Все помещения имели выходы с северной стороны, в сторону не раскопанного участка⁵⁷. На основании археологического материала, обнаруженнего в ходе раскопок, здание исследователем датировано II - III в⁵⁸. При этом необходимо подчеркнуть, что в засыпи помещений была обнаружена черепица с клеймами VEMI и XI Клавдиева легиона, которой, видимо, была перекрыта крыша здания первоначально⁵⁹.

В 1962 г. раскопки комплекса, открытого К.Э. Гриневичем, были продолжены В.В. Борисовой. К юго-востоку от продольной улицы, открытой в 1959 г.,⁶⁰ было раскопано еще шесть аналогичных помещений общей площадью 132 кв. м, которые с севера были ограничены поперечной улицей, а с юга, как считала исследовательница, вероятно, двором, куда выходили дверные проемы помещений, исследованных в 1928 г. Все раскопанные помещения имели разную площадь. Помещение «д», на углу поперечной и продольной ули-

цы, было площадью 22 кв. м, а в этом же ряду помещение «ж» - только 10 кв. м. Площадь других колебалась в пределах от 10 до 14 кв. м.: «з» - 14 м. кв; «к» - 12 м. кв; «е» - 15 м. кв; «н» - 10 м. кв. (Рис. 1, 1)⁶¹.

По мнению В.В. Борисовой, комплекс, открытый на территории цитадели, представлял собой здание с двумя рядами прямоугольных помещений и двором, располагавшимся между ними⁶². Однако И.А. Антонова считает, что все входы были обращены на северо-восток, а казарменные помещения разделял не двор, а продольная улица, доходившая до центральной осевой магистрали цитадели. Все помещения между собой были связаны дверьми. Из помещения «ж», которое В. В. Борисова определяет как коридор размерами 4 X 1,75 м⁶³, два дверных проема вели в помещение «з» и «и». Вход в помещения «д» и «ж» вел с продольной улицы, а помещения «е» и «з» выходили на улицу с противоположной стороны, сообщаясь между собой. В полу помещения «и» находился поглотительный колодец. Стены некоторых помещений были оштукатурены и побелены. Полы земляные, утрамбованные.

В помещении «з» была открыта печь для обжига терракот. Здесь же была найдена раздавленная форма для формовки статуэтки, которую В.В. Борисова считает Деметрой. Печь работала еще незадолго до постройки здания и хронологический разрыв между ними, по мнению исследовательницы, установить невозможно⁶⁴.

В восточном конце этого здания в 1991 г. раскопано еще четыре однотипные по площади и устройству

двухкамерные помещения (XII - XV), которые являлись продолжением ряда построек казарм, исследованных В.В. Борисовой⁶⁵. Помещение XIII представляло собой тамбур размерами 1, 8 X 3, 5 м с дверным проемом, выходившим на улицу. Он располагался перед помещением XII, размерами 7 X 3, 5 м. Стены были сложены из бутового, слегка подтесанного камня. Глинобитный пол покрыт известковой крошкой толщиной 0,1 м. В заполнении вместе с керамическим материалом обнаружены фрагменты черепицы с клеймами VEMI и XI Клавдия легиона. К югу от этого комплекса исследовано два аналогичных по размерам и планировке помещения XIV и XV. Помещение XV с дверным проемом было тамбуrom перед помещением XIV с глинобитным полом. В ходе раскопок описанных помещений, как и в других постройках первых веков на территории цитадели, было выявлено два строительных периода, причем полы второго были подняты на 0,15 - 0,20 м выше первого⁶⁶.

При раскопках комплекса повсеместно встречался фрагментированный амфорный материал II - III в., а обломки IV в. представлены незначительным количеством экземпляров⁶⁷. Среди других находок следует упомянуть фрагмент стенки мортария с клеймом [P]HILEM[O] [M]INNE[I], обнаруженный на подошве улицы, примыкавшей к зданию⁶⁸, а также бронзовой фибулы в форме свастики, окончания которой были украшены стилизованными изображениями конских голов⁶⁹. Эти предметы, вне всякого сомнения, связаны

ные с римским военным бытом⁷⁰, косвенно подтверждают вывод о том, что описанные комплексы помещений следует рассматривать в качестве казарм римского гарнизона, расквартированного на территории цитадели города⁷¹.

Все помещения носили признаки одинаковой и одновременной гибели. Два из них имеют особенно явственные черты этого. В коридоре, который вел со стороны поперечной улицы в помещение «ж», обрушилась смежная стена, но при восстановлении эту кладку не стали убирать, а рядом с ней возвели новую стену, уменьшив тем самым длину коридора. Стены помещений первого строительного периода, разрушенные на высоту 0,7 - 1 м от пола, вскоре были отстроены, а более ранние использовались как фундаменты новых. Многие дверные проемы были заложены, а уровень пола значительно поднят, внутренние стены оштукатурены. Вход от повышенного нового уровня улицы на 1 - 2 ступеньки спускался вниз. В засыпи второго строительного периода была обнаружена черепица с клеймами VEMI и LEIXCL⁷², которая свидетельствует о том, что после разрушений постройек первого строительного периода они были восстановлены, видимо, римскими солдатами, использовавшими такую черепицу.

В ходе раскопок В.В. Борисовой было установлено, что до возведения здания казарм здесь также находились постройки, о чем свидетельствуют обрывки кладок I в. до н. э. - I в. н. э.,⁷³ а само здание перестраивалось дважды. Первый строительныйperi-

од исследовательница относила ко II - III вв., а второй - к III - IV вв. В более позднее время оно сохранило примерно ту же планировку и площадь, а стены первого строительного периода были использованы в качестве фундаментов⁷⁴.

На основании стратиграфических наблюдений И.А. Антоновой, сейчас, как уже говорилось, первый строительный период может быть отнесен ко времени со второй половины II до 40-х гг. III в., а второй - с середины III в. до его конца. После прекращения функционирования здания казарм на месте помещений «д» и «е» была построена известообожигальная печь, в устье которой был обнаружен материал V - VII вв⁷⁵ Позднее они были перекрыты большим военно-административным зданием IX - X вв., возведенным на центральной осевой магистрали цитадели.

В ходе раскопок В.В. Борисовой в помещении «з», как уже говорилось, была обнаружена печь для обжига терракот. В.В. Борисова датировала ее суммарно - II в. и указала, что она функционировала до постройки здания казарм⁷⁶. Учитывая, что пока нет оснований говорить о римской застройке территории цитадели ранее середины - второй половины II в., которой принадлежал комплекс помещений казарм, эта печь может быть отнесена ко времени не позднее первой половины II в. и, таким образом, дает terminus post quem для начала строительства. Следовательно, весь рассмотренный комплекс на основании стратиграфических наблюдений и археологического материала может быть да-

тирован второй половиной II - III в.

По своей планировке и внутреннему оформлению два ряда помещений, раскопанных К.Э. Гриневичем, В.В. Борисовой и И.А. Антоновой, безусловно, могут быть интерпретированы в качестве нескольких *contubernia*, расположенных в два ряда, а само здание как *centuria*, предназначавшееся для жилья римских солдат. В справедливости такого заключения убеждают многочисленные здания казарм центурий, открытые повсеместно в процессе раскопок на территории провинций Римской империи⁷⁷.

Однако, отмечая близость раскопанных на территории цитадели помещений казарм римских центурий, следует указать, что, если в стандартной центурии, остатки которых открыты на территории римских лагерей, насчитывалось в среднем десять или больше блоков-*contubernia* и один блок, где жил центурион⁷⁸, то в Херсонесе в северном ряду открыто пока только пять блоков (*contubernia*) с коротким тамбуром и жилым помещением, а также шесть помещений приблизительно одинаковой площади («д», «е», «ж», «з», «и», «к»), соединенных между собой дверными проемами. Помимо этого южный ряд казарменных помещений, располагавшихся вдоль 19 куртины и раскопанных К.Э. Гриневичем, в западной части имел, видимо, два жилых блока, дверные проемы которых выходили в общий тамбур. Исходя из этого, можно констатировать, что при строительстве казарменных помещений на территории цитадели прослеживается опреде-

ленное своеобразие планировки.

Если бы рассматриваемые здания были открыты на территории классических римских военных лагерей, то комплексы западных помещений обоих рядов построек можно было бы определить как жилые помещения, которые занимали центурионы⁷⁹. Но сейчас установлено, что в самом Херсонесе в подчинении военного трибуна находился лишь один центурион, который руководил римскими военнослужащими на территории города⁸⁰. Следовательно, есть основания предполагать, что указанные помещения занимали иные категории должностных лиц, по своему положению стоявших между простыми солдатами и центурионами⁸¹. Конечно, сейчас с уверенностью трудно говорить о том, кем именно они были, но ряд косвенных данных все же позволяет рассмотреть этот вопрос и высказать вполне определенные предположения.

Эпиграфическими памятниками в составе римского гарнизона Херсонесе фиксируются принципалы, которые выполняли обязанности унтер-офицеров, занимая по своему служебному положению ранг между центурионами и простыми солдатами⁸². В римской армии принципалы освобождались от тяжелой повседневной солдатской работы. Как специалисты в зависимости от своего ранга, они служили в различных армейских учреждениях: от штабов разного уровня до исполнения поручений обычных центурионов⁸³.

Среди римских военнослужащих, известных в разное время по херсонесским надписям, к разряду

принципалов могут быть отнесены *tubicen* XI Клавдиева легиона⁸⁴, *[sign]ifer*⁸⁵, *medicus*⁸⁶ и *beneficiarii* *consulares*⁸⁷. А в 250 г. на территории цитадели за счет командира херсонесской вексилляции Марка Ратина на Сатурнина была восстановлена схола принципалов - здание, где проводили свой досуг младшие офицеры. Учитывая, что эта постройка существовала здесь и ранее, в составе военнослужащих, расквартированных в Херсонесе, принципалы занимали довольно заметную роль⁸⁸.

По своему расположению указанныеunter-офицеры в римской армии стояли выше простых солдат. Поэтому и жить они должны были отдельно от простых легионеров или военнослужащих вспомогательных войск. Судя по имеющимся сейчас данным, принципалы в римских военных лагерях занимали отдельные блоки, расположенные рядом с *contubernia* центурий⁸⁹. Это позволяет в предположительном плане атрибутировать северо-западные блоки казарменных помещений, раскопанных на территории цитадели Херсонеса, как помещения, отведенные для размещения именно принципалов.

В восточной части казарменных зданий - центурий, *contubernia* не сохранились, поэтому трудно что-то определенное сказать о суммарном количестве римских военнослужащих, живших на территории цитадели. Но наличие на территории современной Балаклавы остатков довольно большого кастелла, где могли размещаться основные силы римских войск, и сравнительно небольшие размеры территории цитадели Хер-

сонеса, видимо, позволяют заключить, что здесь постоянно находилось в общей сложности никак не больше сотни римских военнослужащих разного ранга, а также штаб вексилляции⁹⁰.

Здание у XVI башни. На протяжении 1958 - 1959 гг. работами под руководством В. В. Борисовой был исследован участок цитадели от XVI башни до калитки в 18 куртине. Впервые работы здесь провел К. К. Косцишко-Валюжинич, который, однако, снял лишь верхние, средневековые слои. Исследование более ранних объектов тогда не было проведено и только у калитки в 18 куртине археологически исследована небольшая площадь, уходящая под ее порог. Именно здесь В. В. Борисовой было раскопано здание, которое занимало площадь около 90 кв. м. и неоднократно перестраивалось, увеличиваясь за счет близлежащей продольной улицы. В результате археологических работ здесь выявлено три строительных периода (Рис. 1, 2).

Здание первого, площадью 23, 6 кв. м, было небольшим и состояло из двух помещений. Где находился вход в здание, не выяснено, но не исключено, что он был сделан в юго-восточной стене⁹¹. Стены шириной 0, 6 м, сложенные из бутового камня на глиняном растворе, сохранились на высоту 0, 5 - 0, 6 м вследствие того, что при последующих перестройках они разбирались. Помещения сообщались между собой через дверь, о чем свидетельствует дверной проем частично сохранившийся в одной из стен. Стены здания изнутри были оштукатурены. Полы земляные, хо-

рошо утрамбованные, лежали на песчаной подсыпке. Среди невыразительного керамического материала позднеэллинистического времени и первых веков обнаружена лишь одна монета I - 50 гг. н.э.⁹²

Второй строительный период представлен зданием большей площади, которая увеличилась до 32,5 кв. м за счет сокращения ширины продольной улицы. В здании по-прежнему были два помещения. Стены шириной 0,6 - 0,7 м., сохранившиеся на высоту 0,25 - 0,3 м, также были сложены из бутового камня на земляном растворе. В юго-западной части зафиксирован угол цистерны высотой 0,4 м, дно которой вымощено черепицей. Стены оштукатурены ярко-красной цемянкой грубой консистенции. Археологический материал, обнаруженный в слоях этого строительного периода, представлен фрагментами светлоглиняных амфор II в., красноглиняных амфор с гладкими и желобчастыми стенками III - IV в., а также бронзовыми херсонесскими монетами 46 - 54 гг.⁹³

Третий раз здание, возведенное из бутового камня на земляном растворе, было расширено также за счет продольной улицы, а также участка между зданием второго строительного периода и башней XVI. В его кладку были включены обломки архитектурных деталей и надгробий предшествующего времени. В кладке порога дверного проема коридора, например, обнаружена часть мраморного надгробия с изображением сцены загробной трапезы, датирующиеся II - началом III в.⁹⁴ Площадь здания увеличи-

лась до трех помещений и широкого коридора общей площадью 90 кв. м. Вход в коридор был устроен со стороны продольной улицы.

Самым большим было угловое помещение «А-3» площадью 30 кв. м. с выходом на продольную улицу. Стены сохранились на высоту 1,2 м и 0,8 м от уровня пола. Северо-западная стена была возведена на остатках кладки второго строительного периода. В восточном углу и на юго-восточной стене сохранились остатки штукатурки. Штукатурка трехслойная, со следами фресковой живописи, которая, к сожалению, не поддается восстановлению вследствие фрагментарности. Скорее всего, на ней были изображены орнаментальные мотивы. На верхнем слое рисунок выполнен красной и зеленой краской по белому фону. В помещении «А-3» зафиксировано три земляных пола, соответствовавших, скорее всего, трем проведенным здесь ремонтам. Помещение «Б-3» перекрыто первым утолщением башни XVI (утолщение «А»), что определяет хронологические рамки этой пристройки, которая, по мнению В.В. Борисовой, возникла не ранее IV - V вв.

В помещениях третьего строительного периода обнаружен разнообразный керамический материал II - IV вв., коллекция кровельной черепицы с латинскими клеймами⁹⁵, а также бронзовые и серебряные монеты, среди которых были экземпляры времени правления Севера Александра (222-235 гг.), Юлии Домны, Гордиана III (238 - 244 гг.) и Аркадия (395 - 408 гг.).

Здание занимало часть городского квартала и выходило юго-восточным фасадом на продольную улицу, которая шла вдоль 18 куртины, а северо-восточной - на поперечную улицу, ведущую к калитке в 18 куртине. На этих улицах сохранились водоотводные каналы, расположенные на нескольких уровнях⁹⁶. Исходя из его планировки и внутреннего оформления, оно, по мнению В.В. Борисовой, не было рядовой казармой, а являлось резиденцией какого-то должностного лица из состава римского гарнизона города и, судя по археологическому материалу, функционировали на протяжении II - начала IV в⁹⁷.

С этим заключением нельзя не согласиться. Но, к сожалению, имеющийся материал не позволяет окончательно решить вопрос, кому конкретно оно принадлежало. Однако месторасположение описанного комплекса рядом с казарменными помещениями, наличие расписной штукатурки и дверной проем, выходивший из него на улицу, в сторону казарм, позволяет утверждать, что это были именно жилые помещения.

Необходимо обратить внимание и на то, что данное здание состояло из двух, а позднее - трех помещений. Это не позволяет атрибутировать его в качестве жилья более или менее высокого должностного лица римской военной администрации. Сравнительный материал позволяет предполагать, что здание у XVI башни мог занимать центурион, который руководил повседневной жизнью солдат херсонесского гарнизона⁹⁸.

Вместе с этим в Херсонесе, наряду с центурионами, известны трие-

пархи Мезийского Флавиева флота, которые по своему должностному положению были близки армейским центурионам⁹⁹. Вряд ли они во время стоянки в херсонесской гавани жили на кораблях или занимали помещения, расположенные в казармах военнослужащих сухопутных войск, так как составляли определенную замкнутую группу, подчиненную непосредственно командующему всеми римскими вооруженными силами в Таврике¹⁰⁰. Поэтому не исключено, что раскопанное у XVI башни здание могло быть резиденцией, где размещались флотские офицеры.

Здание на пересечении главных продольной и поперечной улиц. В ходе многолетних раскопок здесь было раскопано большое прямоугольное здание, в котором выделено два строительных периода. Продольная его ось вытянута вдоль продольной улицы по направлению северо-запад - юго-восток. Фронтальные фасады обращены: южный - к главной поперечной улице, северный - к площади, располагавшейся в северо-западной части цитадели. Здание с трех сторон было окружено портиками с колоннадами, хотя не исключено, что с северной стороны, где прошла стена здания IX в., портика не было. Длина здания 17, 5 м., ширина вместе с портиками - 9, 9-10, 1 м. (Рис. 1, 3).

Стволы колонн, вероятно, были деревянными. Но нельзя исключить и того, что колонны были изготовлены из местной породы известняка, базы которых были обнаружены в портике здания второго строительного периода, первоначально могли

использоваться для колоннады описываемой постройки. Портики имели черепичную крышу. На это указывает не только значительное число найденной черепицы, но и обнаруженное устройство для отвода воды с крыши, состоявшее из трех водосточных труб. Аналогично в канал отводилась вода с кровли казарменного помещения на противоположной стороне улицы.

Здание разделено поперечными стенами на три помещения, неравные по площади - XI (а), XVI, XVIII. Поперечные стены продолжались в портиках, разделяя их на небольшие отсеки. Глинобитный пол в помещениях на 0,15 м выше пола в портиках. В центральном отсеке западного портика пол имел каменную вымостку из разномерных камней, а в остальных отсеках он был твердым, глинобитным. Сохранность стен здания дала возможность проследить входной проем только в помещении XVI. Его ширина 0,8 м. Проем размещен в восточной стене так, что северную сторону проема составляла стена помещения. Вход во все помещения, видимо, располагался со стороны портика.

Северное помещение XI(а) имело размеры 3,7 X 4 м. На уровне пола найдено большое число фрагментов известковой штукатурки хорошего качества с гладкой поверхностью, со следами полихромной росписи. В цветовой гамме преобладал глубокий красный цвет. Некоторые фрагменты имели зеленую и голубую окраску. Помещение XVI примыкало к XI с южной стороны. Его размеры по внутреннему периметру 3,7 X 3,7 м. Большая часть помещения разрушена

на двухрядной обкладкой средневекового колодца. К югу от помещения XVI расположено помещение XVIII, где хорошо сохранился слой штукатурного покрытия. Лишь местами небольшие лакуны нарушают покрытие. Известковая штукатурка белого цвета хорошо выровнена и заглажена. В северной части, у стены, на полу лежал слой известковой штукатурки белого и красного цвета, а также фрагменты карниза. Мощность этого слоя 0,15 - 0,5 м. Карниз непритягателен и прост по исполнению. Три углубленных желобка, сделанные в сырой штукатурке путем вдавливания тонкой круглой рейки или прута, а выпуклый, округлый валик под ними составляли профиль. Здесь же, в северо-западном углу, на полу лежало очень большое круглое ядро (диам. - 0, 28 м) с высеченными на нем буквами.

В помещениях первого строительного периода обнаружен разнообразный археологический материал, который датируется в пределах II - первой половины - III вв., а также монеты. Это тетрассарий с изображением на лицевой стороне Девы в рост 161 - 181 гг. и монеты времени Септимия Севера - 193 - 211 гг. Наиболее поздние монеты из слоя первого строительного периода не выходят за пределы первой четверти III в.

Здание первого строительного периода внезапно погибло в первой половине III в., но в скором времени были восстановлено на том же месте. Стены здания второго строительного периода, с западной стороны перекрывали стены предшествующего и были пристроены вплотную к

ним или возведены на очень небольшом расстоянии. В отличие от здания первого строительного периода, оно содержало два ряда помещений, по три в каждом. Особенность его плана заключалась в том, что длина центральной части второго ряда была 11 м, западного - 12,5 м. Это создавало уступ на северной фасадной стороне. Такое решение обуславливалось необходимостью отступить от большого бассейна терм, который находился в 2,5 м к северо-востоку от северной стены здания.

Лучше других сохранилась западная стена здания второго строительного периода, кладка которой утолщала стену здания предшествующего, достигая вместе с ней 1,2 - 1,4 м толщины. Сохранившиеся почти везде стены, кроме западной, составляли заглубленный цоколь постройки. Каждый ряд здания состоял из 3 помещений. Уровень глиняного пола был на 0,6 м выше пола предшествующего периода. На такую же высоту поднялся уровень прилегающих улиц. Стены сохранились в отдельных местах на 0,1 - 0,2 м. В вышележащих слоях были найдены крупные прямоугольные тесаные блоки. Они могли принадлежать облицовке разрушенных стен здания второго строительного периода. Ширина западного ряда помещений 4,5 м, восточного - 3,5 м. Стена, отделявшая помещения западного ряда от восточного, была возведена на 0,8 м восточнее стены первого строительного периода. Сложенная по одному уровню в помещении XVI, она являлась основанием плотно утрамбованного ровного и твердого глинобитного пола.

На этом уровне найдены три прямоугольные хорошо тесаные плиты из известняка размерами 0,4 X 0,6 X 0,6 и 0,4 X 0,7 X 0,6 м, вероятно, принадлежавшие облицовке сооружения. Вдоль фасада здания, как и предыдущего строительного периода, были портики, кровля которых поддерживалась колоннадой. Судя по месту колонны у северо-западного угла, портик мог быть и на северном фасаде, но не ясно, на всем ли его протяжении. Зафиксированы места установки шести колонн вдоль западного и южного фасадов.

База и плинт колонн вытесаны из одного блока известняка местной породы. Плинт имеет размеры 7 X 27 см. Базы дорического ордера; их профиль представляет четверть вала, выпуклый ремешок и полочку. Теска камня тщательная, пропорции изящные. Стилобатом колонн служили прямоугольные блоки известняка, размеры которых незначительно колебались - 0,5 - 0,55 X 0,4 - 0,5 м. Вдоль западного фасада найдены четыре базы, из которых одна оказалась разбитой. Вдоль южного фасада обнаружены базы еще двух колонн: одна угловая *in situ*, место другой определялось по стилобату. Еще одна сильно поврежденная база оказалась использованной в кладке водосточного канала VI в. В восточном фасаде были найдены две плоские плиты, которые первоначально могли быть стилобатами колонн. Они лежали на специальных подставках. Возможно, здание этого строительного периода до постройки второго ряда помещений имело портик и с восточной стороны.

Южное помещение восточного ряда имело крыльцо, которое выходило за линию стены на 1,6 м. Порог крыльца представлял хорошо тесаную плиту размерами 0,4 X 0,4 X 1,1 м с прямоугольной выемкой. Пространство между стеной и плитой выровнено заливкой известкового раствора. С внешней стороны плиты порога найдена лежавшей на боковой стороне часть ствола колонны. Ее диаметр 0,35 м, длина 0,9 - 1,0 м. Разница в размерах с остальными колоннами, возможно, указывает на отсутствие портика с восточной стороны.

Археологический материал в слое второго строительного периода немногочисленный. Монеты представлены выпусками 222 - 235 гг. При этом следует подчеркнуть, что в том же горизонте в соседних постройках нумизматический материал датируется 240 - 250 гг¹⁰¹.

На основании того, что описанное здание первого и второго строительного периодов являются наиболее торжественными среди построек, раскопанных на территории цитадели, И.А. Антонова ранее считала возможным рассматривать его как административный центр херсонесской вексилляции второй половины II - первой половины III вв. Причем, на основании находки в цитадели латинской строительной надписи 250 г.,¹⁰² исследовательница полагала, что, видимо, именно это здание можно отождествлять с преторием или принципией, где располагалась школа принципалов, восстановленная под руководством центуриона I Италийского легиона Марка Ратина Сатурнина¹⁰³.

Однако вряд ли такой вывод можно считать в достаточной степени аргументированным. Как сейчас хорошо известно, претории и принципии стационарных римских военных лагерей на территории римских провинций уже со второй половины I в. имели достаточно устоявшуюся планировку¹⁰⁴. Главным ее элементом были внутренние дворы, вокруг которых по периметру концентрировались помещения различного назначения, в том числе и схолы¹⁰⁵. В противоположность этому, в так называемом административном здании херсонесской вексилляции и первого, и второго строительных периодов, внутренний двор отсутствовал, и оно состояло из двух рядов сравнительно небольших помещений, окруженных колоннадой. Что же касается вывода о парадном характере помещений, сделанном на основании наличия здесь расписной штукатурки, то следует заметить, что аналогичной штукатуркой были покрыты стены не только этого здания, но и соседних с ним помещений, предназначавшихся для размещения солдат. Помимо этого, размещение так называемого административного здания херсонесской вексилляции в северо-западной части цитадели, рядом с казарменными помещениями и термами, также не позволяет видеть в нем преторий или принципию, которые в римских военных лагерях находились преимущественно в центре. К тому же преторий, как правило, был резиденцией легата легиона¹⁰⁶, а в Херсонесе высшим военным должностным лицом был трибун и, следова-

тельно, для его размещения должна была быть возведена постройка несколько иного плана¹⁰⁷.

Естественно, в данном случае нельзя механически переносить на Херсонес те принципы планировки военных лагерей, которые сложились в практике военного строительства в провинциях. В тоже время, несмотря на определенные нормы, планировка римских военных лагеров в зависимости от различных обстоятельств и времени варьировалась, хотя наиболее общие ее принципы оставались на протяжении веков неизменными¹⁰⁸. Примером этого может служить Херсонес. Здесь римские военнослужащие располагалась в пределах античного города, чем, безусловно, объясняется определенная специфика в размещении построек на территории цитадели. Но, учитывая тот исключительно важный факт, что на огромных территориях, входивших в состав Римской империи, с завидным постоянством повторяются одни и те же элементы застройки римских военных лагерей (принципии, претории, термы, казармы и др.), при интерпретации построек римской цитадели Херсонеса все же следует исходить из более или менее устоявшейся практики возведения тех или иных военных построек. Об этом достаточно наглядно свидетельствуют и материалы раскопок херсонесской цитадели, в частности, казарменных помещений и терм, которые находят себе близкие аналогии в пунктах дислокации римских войск на территории провинций.

Не претендую на окончательное решение вопроса об атрибуции описанного комплекса, следует указать, что по своему планировочному решению это здание наиболее близко не преторию или принципии, а жилым помещениям, предназначавшимся для размещения высших должностных лиц херсонесской вексилляции - легионных центурионов или военных трибунов¹⁰⁹. Это предположение вполне вероятно, если вспомнить, что Херсонес во второй половине II в. был резиденцией военного трибуна, командовавшего всеми римскими войсками в Таврике¹¹⁰. Не исключено, что именно это здание и было его резиденцией, а позднее здесь мог жить центурион, который в середине III в. стал высшим римским военным должностным лицом в Херсонесе.

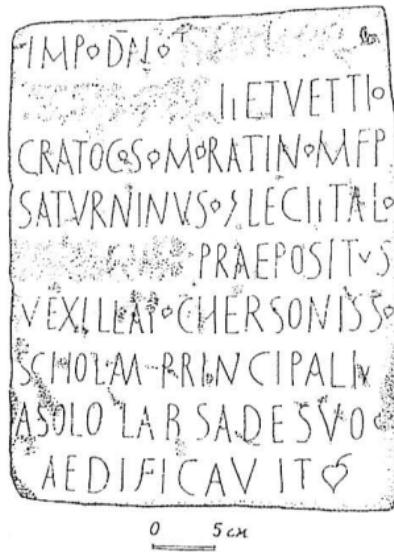

Рис. 2.
Надпись 250 г. из раскопок цитадели Херсонеса.

Schola principalium. Недавно в Херсонесе была обнаружена надпись, свидетельствующая о том, что в 250 г. препозит херсонесской вексилляции Марк Ратин Сатурнин, видимо, на территории цитадели, на свои средства восстановил *scholae principalium* (Рис. 2)¹¹¹.

Первоначально схолой (*schola* от греческого - досуг, отдых, место встречи учителя с учениками) назывались полукруглые каменные скамьи или небольшие комнаты со скамейками для сидения, а позднее - небольшие помещения в принципиях римских военных лагерей, располагавшиеся, как правило, недалеко от офицерских казарм¹¹². Такие помещения выполняли роль своеобразных клубов и одновременно являлись святынищами младших офицеров. Они украшались стенной росписью, алтарями и статуями, в том числе и надписями, воздвигнутыми членами такого клуба различным божествам. Наиболее яркий пример этого - *scholae*, раскопанная в Ламбесисе на территории Нутидии, в северной части которой *in situ* стоял ряд алтарей и других монументов¹¹³. Аналогичные *scholae* эпиграфическими памятниками засвидетельствованы в Аквинке, Карунте, Бригении, Мизене, Лугдуне, Риме, Виминции. Археологически схолы частично или полностью исследованы в Новизиуме, Инчтатхиле, Карнунте, Ветере, Церлеоне¹¹⁴, а также, возможно, в Алене, Нове и Балаклаве¹¹⁵. Теперь, исходя из содержания надписи 250 г., наличие *scholae principalium* эпиграфически засвидетельствована и в Херсонесе. На ос-

новании содержания надписи можно уверенно говорить, что это сооружение было построено, вероятно, еще во второй половине II в., а после землетрясения второй четверти III в. было восстановлено.

К сожалению, как уже говорилось, пока нельзя более или менее уверенно связать какие либо строительные остатки, исследованные на территории цитадели, со *scholae principalium*. Но имеется ряд косвенных данных, позволяющих в предположительном плане локализовать это сооружение, а, может быть, и местонахождение принципии, в комплекс которой могла быть включена *scholae principalium*.

При раскопках средневековых терм на южной площади цитадели в 1990 г., начало функционирования которых есть основания относить к VI в. (Рис. 1, 4), в вымостке пола фригидария была обнаружена надпись 250 г. и почетный декрет в честь Т. Аврелия Кальпурниана Аполлонида¹¹⁶. Отсутствие на месте терм строительных остатков более раннего времени с известной долей вероятности позволяет предполагать, что перед возведением терм VI в. находившиеся здесь здания II - III в. были разобраны, а камень пошел на сооружение новой постройки. Исходя из этого, можно предположить, что именно где-то на южной площади цитадели или рядом с ней во II - III в. располагалось *scholae principalium* или здание принципии со схолой¹¹⁷. Естественно, категорически настаивать на этом сейчас нельзя, так как вряд ли на территории цитадели Херсонеса имелся лагерный форум, как

это было в классических легионных лагерях¹¹⁸. Ведь здесь дислоцировалась лишь римская вексилляция, а не легион, чем и были обусловлены особенности ее застройки. Однако концентрация указанных надписей в термах VI - VIII вв. косвенно указывает на возможность именно такого расположения схолы.

Термы. Помимо казарменных помещений и зданий, предназначавшихся для размещения командного состава херсонесской вексилляции, а также scholae principaliū, наиболее интересным комплексом, раскопанным на территории цитадели Херсонеса, являются термы (Рис. 1, 5).

Термы были открыты в 1906 г. к востоку от башни XIX. В Отчете археологической комиссии за 1906 г. приведено нижеследующее их описание: «К юго-востоку от башни «З», в нижнем слое открыты остатки двух помещений римской бани «р». Кладка стен бани - бутовая на цемянке, оштукатурена цемянкой. В северо-

западном помещении цемяночный пол покоятся на 24 кирпичных столбиках, высотою 0,44 м, сложенных на прочной красной цемянке. С северо-запада у помещения находится кирпичная арка № 3, высотой 0,48 м, с юго-востока - обрушившаяся арка № 2, обе для топок. Пол юго-восточного помещения покоялся на 30 столбиках. В этом помещении обнаружены кирпичные арки №№ 4 и 5. Кирпичная арка № 1 соединяет оба помещения»¹¹⁹. В начале 70-ых годов работы в этом районе были продолжены, что позволило не только полностью открыть весь комплекс, но и проследить историю его строительства и функционирования. Впоследствии помещения терм, раскопанные К. К. Косцюшко-Валюжничем, получили порядковые номера 2, 8, 9 (Рис. 3).

Помещения 8 и 9 на два метра выступают к востоку за внешнюю стену остальных помещений терм. Все их стены, кроме западной, сложены из крупных тесаных блоков, но

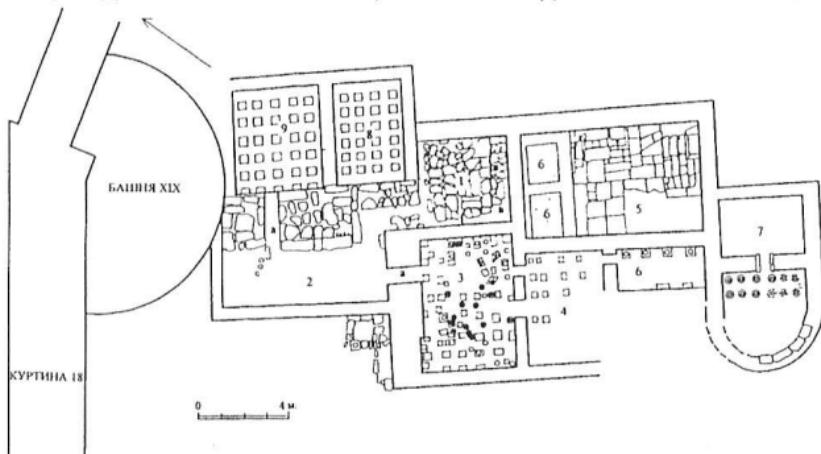

Рисунок 3.

Схематический план терм римского гарнизона на территории цитадели Херсонеса по И. А. Антоновой.

в настоящее время сохранились плохо. Их толщина 0,65 м. Отмеченные выше 30 столбиков квадратного кирпича в помещении 9 и 24 в помещении 8, свидетельствуют в пользу вывода о том, что они могут быть атрибутированы как кальдарий (пом. 9)¹²⁰ и тепидарий (пом. 8)¹²¹. В помещении 9 зафиксировано устье печи, сделанной в западной стене на расстоянии одного метра от башни XIX.

Археологические исследования показали, что помещения 8 и 9 были пристроены с северо-востока к оборонительной стене более раннего времени (куртина 21), чем и объясняется значительная толщина стены (1,1 м), отделявшая топочное помещение (префурний)¹²² от помещений кальдария и тепидария. Эта оборонительная стена была сооружена еще в эллинистический период и представляла собой обычное для Херсонеса сооружение трехслойной двухлицевой кладки с перевязью фасадных слоев во всех рядах. При постройке терм ее внутренняя сторона не была разобрана, а использована при сооружении терм. Проход из помещения 2 с печами (префурний) в помещение 8 (тепидарий) осуществлялся через двери в южной стене.

С востока к помещению 8 примыкало помещение 1, частично раскопанное в 1906 г. Вследствие этого его восточная часть почти полностью разрушена. Где располагался вход в это помещение, установить не удалось, но, скорее всего, он был с восточной стороны. Второй дверной проем отделен от первого облицовочным торцом стены 21 куртины и вдоль ранней оборонительной стены вел в то-

почное помещений 2 (префурний).

Размеры помещения 1 - 5,3 X 4,5 м, его пол вымощен известняковыми плитами различной, иногда неправильной формы, но плотно пригнанными одна к другой¹²³. Вдоль южной и западной стен идет угловая каменная скамья длиной 3,5 м у южной стены и 2 м у западной. У порога зафиксирована ступень из тесаного блока, заглаженного и стертого по центру. Рядом лежали два блока, вероятно, от арки дверей. Справа от дверей, ведущих в помещение 8 (тепидарий), также имелась короткая каменная стена. В полу, у западной и северной стен, в вымостке сделан водосточный канал сечением 0,20 X 0,15 м с каменным дном. Плиты вымостки пола сильно потерты от длительного использования. Под этим полом была выявлена еще одна, видимо, более ранняя вымостка. Вдоль не сохранившейся южной стены был сделан сточный канал с облицованными плитами ложем 0,3 X 0,3 X 0,4 м. Он начинался в помещении 5 и был перекрыт плитами вровень с полом. Помещение 1, судя по его конструктивным особенностям и наличию скамей, вероятно, может быть определено как вестибюль или аподитерий¹²⁴ (Рис. 3).

В 1970 г. было доследовано и помещение 2, примыкавшее с юга к остаткам XIX круглой башни, где располагалось четыре печи, направленные устьями внутрь этого помещения. Но если три печи обращены к помещениям 6 и 9, то четвертая печь - в помещение 3, располагавшееся к востоку¹²⁵. Размеры помещения с печами (префурний) - 7 X 5 м.

Как уже отмечалось, помещение 2 (префурний), а также помещения 8 (тепидарий) и 9 (кальдрий) были пристроены соответственно с внутренней и внешней стороны оборонительной стены 21 куртины, которая по кладке идентична фасадам башен XVI, XVII, XVIII, датирующимися III в. до н. э. Это позволяет с большой долей уверенности заключить, что сооружение терм и новой оборонительной стены 21 куртины, расположившейся в это время ближе к берегу Каракандинской бухты, было осуществлено одновременно (Рис. 1).

Планировка раскопанных помещений и ряд конструктивных особенностей печей позволили И.А. Антоновой и Л.А. Аркадовой (Рыжовой) сделать вывод о том, что помещения 1, 2, 8, 9 представляли собой первые на территории цитадели небольшие по площади термы,озведенные здесь римскими военнослужащими около середины II в. Одновременно со строительством этих терм площадь цитадели была увеличена, о чем свидетельствует возвведение новой 21 куртины оборонительных стен. Впоследствии термы были расширены, о чем свидетельствуют помещения 3, 4, 5, 6, 7 и бассейн, расположенные к востоку от описанного комплекса банных помещений.

Помещение 3, размерами 4 X 5,6 м, располагалось к востоку от помещения 2 (префурния) и, вероятно, являлось кальдарием. Все стены, кроме северной, сложены из некрупного камня прямоугольной формы (0,25 X 0,15 м) на цемяночном растворе с обильной примесью толченой керамики. Их толщина 0,6 X 0,7

м. Верхний ряд кладки стен, видимо цокольный, составляли прямоугольные чисто тесаные блоки известняка размерами 1 X 0,6 X 0,2 м и 0,7 X 0,6 X 0,2 м, уложенные на бутовую кладку плашмя. Северная стена, отделявшая помещение 3 от помещения 2, по толщине превосходит все остальные и составляет 1,1 м. С внутренней стороны, у печи, на расстоянии 1,7 м она усиlena выступом и имеет на этом протяжении толщину 1,35 м. Не исключено, что это было обусловлено тем, что именно здесь размещался бак с водой, а с внешней стороны стены, у выступа, был оборудован колодец.

Пол гипокауста помещения 3 был залит цемяночным раствором, а на нем первоначально были установлены столбики из песчаника или известняка высотой 0,3 - 0,5 и диаметром 0,25 - 0,30 м. Эти столбики имели прямоугольные плиты основания и навершия, высеченные из одного блока камня со столбиками. Нижняя плита имела размеры 0,4 X 0,4 X 0,22 м, верхняя была меньше - 0,38 X 0,35 X 0,1 м. Большая часть столбиков оплыла и разрушилась, но количество их рядов определено точно. По продольному сечению помещения 3 было установлено 8, а по поперечному - 6 рядов. Таким образом, первоначально здесь было 48 каменных столбиков, а расстояние между рядами составляло 0,25 - 0,30 м.

Вследствие действия высокой температуры со временем каменные подпорки-столбики пола были повреждены. Поэтому в гипокаусте, видимо, позднее в дополнении к ним были использованы водопроводные

трубы, которые уже были в употреблении. Поскольку размеры ряда водопроводных труб были по высоте меньше каменных столбиков на них или под них подкладывались фрагменты черепицы. На некоторых из них имелись клейма V Македонского, XI Клавдиева легионов и аббревиатура VEMI. Для нижних подставок использовались и каменные блоки, уложенные на раствор. В нескольких случаях водопроводные трубы были установлены на перегоревших известняковых или песчаниковых столбиках, а в одном месте подставкой служила мраморная база колонны¹²⁶. Трубы стояли без какой-либо системы, скучено на одних участках и разряжено на других. Всего при раскопках помещения 3 обнаружено 35 фрагментов целых желобчатых и гладкотянутых, с отверстием в боковой стенке и без отверстий, труб¹²⁷.

Помещение 4 терм, размерами 4,7 X 3,5 м, видимо, тепидарий, было смежным с помещением 3 и располагалось к востоку от него. Оно сильно разрушено средневековыми водостоками и административным зданием херсонесской фемы IX в., фундамент которого опущен до цемяночного пола помещения 4¹²⁸. При сооружении средневековых водостоков, дно которых лежало на 0,4 м выше основания тепидария, и административного здания, часть опорных столбиков гипокауста была убрана.

В стене помещения 4, смежной с помещением 3, для дымоходов на расстоянии 2, 4 и 3, 13 м от западного угла оставлены два проема. Ширина первого 0,65, а второго - 0,5 м. Пол

дымохода 1 находился на одном уровне с полом гипокауста в помещении 4. Под дымохода 2 вымощен известняковыми плитами и возвышался над полом гипокауста на 0,15 м. В слое засыпи в районе дымоходов обнаружено много золы. В гипокаусте помещения 4 было установлено пять рядов песчаных столбиков, которые в юго-западной части не сохранились. Во втором ряду, помимо столбиков, зафиксирована водопроводная труба на подставке, состоявшей из остатков песчаного столбика, слоя цемянки и одной черепицы.

Помещение 5, которое может быть определено как фригидарий¹²⁹, располагалось в восточном ряду комплекса терм и являлось смежным с помещением 4 с запада, помещением 6 - с юга и помещением 1 - с севера¹³⁰. Его размеры 7 X 5,7 м. Кладка северо-западной стены помещения нарушена при сооружении могил карантинного кладбища XIX в. Южная стена и юго-западный угол разрушены подвальной ямой средневекового дома. Восточная стена, раскопанная еще в 1906 г., сохранилась только на один, местами на два ряда кладки. В западной стене вырублен проем для средневекового водостока, а южная стена частично переложена в средневековое время.

Пол помещения 5 был вымощен разномерными, плотно пригнанными одна к другой плитами. Вдоль южной и восточной стен уложены плиты, часть которых у стен округло поднималась, образуя как бы валик, предохранявший от попадания влаги в швы каменной кладки. Сток воды был осуществлен достаточно про-

сто. Канал, начинаясь в северной части вымощенного каменными плитами пола помещения 5, идет далее вдоль южной стены помещения 1 (аподитерия) и поворачивает к оборонительной стене на восток. В пределах помещений его сечение 0,3 X 0,4 м. Сверху канал перекрыт каменной вымосткой пола, а в помещении 5, у его начала, поставлены две гладко тесаные, хорошо подогнанные друг к другу плиты. Левый конец плит поднимался на нужную высоту, увеличивая, уменьшая или закрывая отверстие для стока воды. Полы в этой части здания, между южной и северной стеной, были подняты, не давая воде проникать в помещение 1 (аподитерий).

К северной стене помещения 5 пристроены две достаточно вместительные ванны, внутри облицованые цемянкой. Ванны ориентированы вдоль северной стены помещения 5, которая отделяет его от помещения 1, и примыкают к каменной стене, отделяющей его от помещения 4. Первоначально была, видимо, построена одна ванна размерами 2 X 4,06 м по внешним обмерам. Ее западная стена состояла из пояса черепицы без бортиков и кирпича на цемяночном растворе. Восточная сторона ванны также состояла из черепицы с отбитыми бортиками и кирпича на цемяночном растворе. До разделения на две ванны дважды покрывалась цемянкой, о чем свидетельствуют два слоя раствора толщиной 1,5 см. Три слоя цемяночного покрытия сохранились только в нижней части ванны. Поперечная перегородка в ванне примыкает ко второму слою

цемяночного покрытия и облицована третьим слоем толщиной 2 см. После разделения на две ванны стала выше. В связи с этим с наружной и внутренней стороны южной стены были пристроены ступени, сделанные из черепицы и кирпича на цемяночном растворе. Наружная ступень сохранилась с внешней стороны восточной части разделенной ванны на длину 0,75 и на высоту 0,33 м. Цемяночное, тщательно заглаженное покрытие, закрывает щели между стеной ванны и ступенью, а также между ступенью и плитами каменного пола. У западной части ванны ступень сохранилась местами на высоту 0,21 м. Такая же ступень была сделана с внутренней стороны для спуска в ванну. Ширина ступени в обеих частях ванны 0,35 м, но в восточной части она была сделана из черепицы, лишенной бортиков, а в западной - из кирпича. Меньшие размеры кирпича заставили строителей сложить их, отступив от стены ванны на 6 см, и забить образовавшееся пространство цемянкой. Высота внутренней стены равнялась высоте наружной и составляла 0,33 м. (Рис. 3, 6).

После разделения ванны на две части их размеры стали такими: восточной - 1,78 X 1,4 м, а западной - 1,9 X 1,4 м. Перегородкой между ваннами служила стена, сложенная из фрагментов кровельной черепицы на цемяночном растворе. Сохранилось три ряда черепицы высотой 0,2 м, положенных на каменную кладку из небольших плоских камней. Высота каменной кладки 0,44 м, а общая с черепицей - от 0,58 до 0,66 м, ширина - 0,35 м. Вывод воды из каждой

ванны осуществлялся автономно. Первоначально, когда функционировала одна большая ванна, сток воды был устроен в восточной стене и осуществлялся в сточный канал под полом. Сливное отверстие располагалось у дна ванны, на расстоянии 0,55 м от северной стены. Диаметр отверстия 0,1 м. Следы многоразовых подмазок прослежены на стенах и полу ванны у отверстия. Слив воды из западной ванны, сделанный в ее северной стене, проходит через толщу стены между помещениями I и 5 и выходит в канал сечением 0,15 X 0,15 м, который идет сначала вдоль западной, а затем вдоль северной стен помещения I к сточному каналу. Вероятно, одновременно этот канал служил для отвода воды и из помещения аподитерия. Стенки и дно канала образовались за счет того, что плиты второй вымостки пола в помещении I положили, отступив от западной и северной стен помещения на 0,2 м. Дном канала, таким образом, служили плиты первой вымостки, а боковыми стенками - каменные стены помещения и боковая грань плит второй поверхности вымостки. Это обстоятельство заставляет думать, что перегородка ванны и настил второго яруса пола в помещении I были сооружены одновременно. Плиты верхней вымостки примыкали к южной стене помещения вплотную.

К комплексу терм относится и помещение 6, которое оказалось сильно разрушено административным зданием фемы IX в. Оно имело смежную стену с помещением 4. На полу гипокауста были зафиксированы подпорные столбики, аналогичные тем, ко-

торые открыты в помещениях 3 и 4. Судя по расстоянию между столбиками, первоначально их было три ряда. Два из них уничтожены стеной средневекового дома. Между столбиками прослежены следы кирпично-глиняных арок. Помещение 6 было под полом соединено дымоходом с помещением 4, проем которого был шириной 0,85 м (Рис. 3)¹³¹.

Наибольший интерес представляют западная сторона помещения 6, перекрытая стеной административного здания. Стоящие здесь на расстоянии 0,5 - 0,6 м столбики гипокауста имеют другой характер. Это два массивных квадратных в сечении столба 0,3 X 0,3 и 0,5 X 0,5 м, которые несли на себе арки, сделанные из кирпичей и кровельной черепицы. Все пространство между столбами было заполнено сажей.

К юго-востоку от помещения 6 находился бассейн с полукруглой экседрой в южной части для холодной воды, который замыкал комплекс терм (Рис. 3,7). Ширина бассейна 4 м, длина по центральной оси 8,5 м. В восточной части бассейна поперечной стеной была выделена индивидуальная ванна размерами 4 X 25 м. Спуск воды осуществлялся в центральной части бассейна в канал, проходивший под его полом. Пол бассейна в экседре, который, видимо, был обмазан слоем цемянки, не сохранился, так как ванна в более позднее время долго использовалась как подвал или хранилище¹³².

Анализ строительных остатков на территории цитадели Херсонеса, которые можно в настоящее время отождествлять с термами, свидетель-

ствуют, что это был сравнительно большой комплекс помещений, расположенных анфиладно в два ряда по принципу повышения температуры, который обслуживал римских военнослужащих, дислоцировавшейся здесь вексилляции. Ранние термы были небольшими и включали в себя помещения 2, 8, 9, а затем были расширены за счет помещений 1, 3, 4, 5, 6, 7 и бассейна. Судя по археологическому материалу, обнаруженному в процессе раскопок, ранние термы были построены не ранее середины II в., а затем неоднократно ремонтировались и расширялись. Во второй четверти III в., как и другие здания на территории цитадели, в результате землетрясения они были разрушены, о чем свидетельствует нумизматический материал, обнаруженный на полах помещений, и завал черепицы от кровли в помещении 1, а затем снова отстроены, причем уровень полов второго строительного периода был поднят выше на 0,7 м.

Окончательно описанные термы, судя по археологическому материалу, прекратили существование в середине - конце III в¹³³. После этого помещение 5 и ванна были превращены в небольшие термы. Индивидуальная ванна была перестроена в префуррий, а ее западная стена пробита по середине и в проеме устроена печь. Новое дно ванны было поднято, а на старое дно бассейна в средней части были поставлены в 2 - 3 ряда столбики гипокауста. Поверх гипокауста был уложен пол из положенных плашмя керамид сверху залитых слоем цемянки толщиной 1,5 - 2 см. Раствор заглажен и образует ров-

ную поверхность. И. А. Антонова считает, что эти малые термы функционировали на территории цитадели до VI в.,¹³⁴ когда началось строительство новых терм на южной площади, которые функционировали здесь на протяжении VI - VIII вв¹³⁵.

Термы являлись непременным атрибутом жизни населения Римской империи. Они археологически зафиксированы как в городах, так и на территории разного типа римских военных лагерей и укреплений¹³⁶. Судя по аналогиям, термы, раскопанные на территории цитадели Херсонеса, относятся к типу небольших по размерам банных комплексов, где помещения, как правило, располагались анфиладно¹³⁷. В таких термах одновременно могло находиться не более двух десятков человек.

Термы, аналогичные херсонесским по размерам и устройству, обычно функционировали на территории сравнительно небольших римских лагерей¹³⁸. Но, если исходить из площади херсонесской цитадели, с одной стороны, и размеров помещений терм, с другой, - можно достаточно уверенно заключить, что они, видимо, предназначались не только для римских военнослужащих, расквартированных в Херсонесе, но и для солдат, которые несли службу в окрестностях этого центра. Только в таком случае возведение таких терм на территории сравнительно небольшой цитадели Херсонеса было оправдано. Перестройка терм и их расширение во второй половине II в. косвенно свидетельствует о некотором количественном увеличении херсонесской вексилляции в сравнении с

серединой II в., когда римский гарнизон только появляется в Херсонесе.

Как свидетельствуют стратиграфические наблюдения И.А. Антоновой и археологический материал, обнаруженный в ходе раскопок терм, они были построены на территории цитадели не ранее середины II в. и функционировали до середины - второй половины III в. Затем помещения терм были разобраны, а помещение 5 и бассейн были перестроены в небольшие термы, которые использовались до VI в. Таким образом, существование больших терм хронологически совпадает с периодом, когда на территории херсонесской цитадели дислоцировался римский гарнизон. При этом следует подчеркнуть, что прекращение функционирования терм хорошо согласуется с данными о времени вывода римских войск из Херсонеса и его окрестностей.

Круглое сооружение к востоку от калитки в 18 куртине. В ходе раскопок на территории римской цитадели Херсонеса в 1987 г. на незастроенном пространстве к востоку от калитки в 18 куртине и в 4 м к юго-западу от терм было исследовано круглое в плане сооружение диаметром 3,8 м., углубленное в грунт (Рис. 1, 6). По его краям имелась каменная обкладка из некрупных камней толщиной 0,2 м, достигавшая местами 0,3 - 0,4 м. На ее восточной стороне сохранился один ряд кладки, а в других местах - два ряда камней. Камни кладки хорошо подогнаны друг к другу и промазаны глиной. С южной стороны сооружения зафиксирована положенная плашмя прямоугольная плита, закопченная и слаженная

в центре, размерами 1,1 X 0,5 X 0,2 м, которая с двух сторон была укреплена прямоугольными известняковыми блоками, поставленными на ребро. Блок, расположенный с запада, имел размеры 0,3 X 0,4 X 0,2 м, а с востока - 0,3 X 0,4 X 0,27 м. Описанная конструкция была, видимо, порогом входа, который вел в центр круглого углубления в грунте. Сферическое углубление в пределах круглой каменной обкладки, кроме полого спуска к центру, было обмазано белой глиной со следами многократного действия огня и заполнено золой, рыхлым сыпучим грунтом с некрупным камнем, а также фрагментами керамики первых веков, в основном II - III вв., и позднего средневековья¹³⁹.

И.А. Антонова, руководившая раскопками, в отчете указала, что, по всей видимости, описанное сооружение представляло собой алтарь, и привела ему аналогии из Фракии, попутно отметив, что, в отличие от херсонесского, там такие алтари были не круглыми, а прямоугольными в плане¹⁴⁰. Впоследствии такая интерпретация раскопанного сооружения была повторена в печати¹⁴¹, хотя специально вопрос о назначении рассматриваемой постройки И.А. Антоновой не рассматривался.

Но отсутствие алтарей подобной конфигурации на территории римских военных лагерей¹⁴² и аналогии, известные по раскопкам других античных центров Северного Причерноморья¹⁴³, позволяют сейчас несколько иначе атрибутировать эту постройку. По своей форме она чрезвычайно близка горнам для обжига керамики, исследованным в Ольвии,

хотя и несколько больше по размерам¹⁴⁴. Исходя из этого, так называемый херсонесский алтарь может быть интерпретирован как горн для обжига керамической продукции и отнесен к типу аналогичных, видимо, двухярусных сооружений, круглых в плане, с одним, несохранившимся подпорным столбом. В таком случае вход в сооружение с порогом может рассматриваться в качестве элемента загрузочного устройства для топлива, которое, как, например, в Ольвии, также было укреплено поставленными на ребро блоками¹⁴⁵. Исходя из обнаруженного при раскопках керамического материала и аналогий¹⁴⁶, горн, открытый на территории цитадели Херсонеса, датируется II - III вв. Именно в это время римские военнослужащие, дислоцировавшиеся в Херсонесе, наладили производство кровельной черепицы и кирпича, на которые ставились латинские клейма с аббревиатурами воинских подразделений¹⁴⁷.

Не исключено, что этот горн был построен в середине II в. и функционировал вплоть до вывода римского гарнизона из Херсонеса, хотя наставивать на этом сейчас ввиду отсутствия хорошо датирующегося материала трудно. С другой стороны, наличие горна для обжига керамических материалов не вяжется с внутренней застройкой юго-западной части цитадели, где располагались казарменные помещения, предназначавшиеся для жилья солдат, и термы. Но если вспомнить, что во второй четверти III в. постройки здесь были разрушены в результате, видимо, мощного землетрясения, а через

непродолжительное время начали восстанавливаться, о чём, помимо стратиграфических наблюдений, свидетельствует и надпись Марка Ратина Сатурнина 250 г. о ремонте школы принципалов (Рис. 2), все становится на свои места.

Значительный объем восстановительных работ, которые проводились римскими военнослужащими на территории цитадели, потребовал изготовления большого количества керамических строительных материалов, в частности кровельной черепицы и кирпича. Именно этим, как представляется, было обусловлено возведение на незастроенном ранее пространстве, к востоку от калитки в 18 куртине, горна для обжига керамических строительных материалов. Значительный диаметр херсонесского горна, который почти в два раза больше аналогичных сооружений II - III в., раскопанных в Ольвии, вероятно, свидетельствует о том, что он предназначался для обжига именно керамических строительных материалов, и в первую очередь кровельной черепицы. Вполне возможно, что после проведения комплекса экстраординарных восстановительных работ или несколько позже горн был разобран, а территория, где он находился, снивелирована. Этим объясняется отсутствие следов подпорного столба в центре, а также засыпь внутреннего пространства горна рыхлым грунтом с небольшими камнями и также фрагментами керамики. Следовательно, остатки горна для обжига керамических строительных материалов на территории цитадели Херсонеса, скорее всего, могут быть пред-

положительно отнесены к промежутку времени между 237 и 250 гг., когда здесь была восстановлена схола принципалов. Ведь прежде, чем восстанавливать схолу, необходимо было в основном завершить возведение казарменных построек и других разрушенных землетрясением зданий на территории цитадели.

Помимо описанных строительных комплексов в районе южной площади цитадели открыты остатки нескольких помещений первых веков н.э., которые могут быть связаны со строительной деятельностью римского гарнизона Херсонеса. Это прямоугольное помещение XVII, раскопки которого начали еще К.Э. Гриневич, а завершила И.А. Антонова, которая полагала, что оно может быть интерпретировано в качестве дома командира римского гарнизона¹⁴⁸. Но такое заключение пока не может быть подтверждено какими-либо материалами и может рассматриваться лишь в качестве смелой гипотезы.

На южной площади цитадели раскопаны и другие маловыразительные строительные остатки, которые датируются первыми веками н.э. (Рис. 1, 7)¹⁴⁹. Но, пожалуй, наиболее интересные результаты были получены в ходе раскопок 1997 г. в восточной части южной площади, где были исследованы помещения (I, Ia, II, IIa, III), датирующиеся первыми веками н.э.¹⁵⁰ В трех из них (I, Ia, II) в слое первых веков н. э. были зафиксированы остатки железных шлаков, что позволяет предполагать наличие здесь нескольких двухкамерных помещений, в которых сила-

ми солдатами римского гарнизона велась обработка металла¹⁵¹. Однако фрагментарный характер раскопанных комплексов не позволяет детализировать характер ремесленного производства, которое велось в указанных комплексах во II - III вв.

Итак, на основании результатов раскопок так называемой римской цитадели Херсонеса подтверждается вывод о том, что на протяжении середины II - третьей четверти III вв. Херсонес являлся крупной базой римского военного присутствия в Таврике. Строительные остатки, открытые на территории так называемой цитадели, свидетельствуют, что здесь, как и в других районах огромного римского мира, римские военнослужащие вели широкомасштабное строительство. Но ее застройка имела свою специфику. Поэтому этот укрепленный район нельзя рассматривать в качестве типично римского военного лагеря. Это был один из городских районов, где традиционно размещались вооруженные силы города, но во второй половине II - первой половине III вв., когда здесь располагался римский гарнизон, в его застройку были внесены существенные изменения. Причем, элементы этой застройки находят наиболее близкие аналогии на территории римский военных лагерей и крепостей того времени.

После последних археологических открытий на территории Балаклавы можно уверенно констатировать, что Херсонес уже нельзя рассматривать в качестве основной базы дислокации римских войск в этом районе¹⁵², что хорошо согласу-

ется с результатами раскопок на территории так называемой римской цитадели. Непосредственно в городе, на территории так называемой цитадели, располагался сравнительно ограниченный воинский контингент под командованием центуриона, корабли римского флота и находилась штаб-квартира препози-

та в ранге военного трибуна, на которого были возложены функции командования всеми римскими силами в Таврике¹⁵³. Основные же вооруженные силы римлян дислоцировались в ближайших окрестностях Херсонеса и на мысе Ай-Тодор, который отождествляется с римской крепостью Харакс.

Примечания

1. Косюшко-Валюжинич К. К. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1906 г. - СПб., 1909. - С. 58 - 64.
2. Косюшко-Валюжинич К. К. Отчет заведующего раскопками в Херсонесе в 1897 г. // ОАК за 1897 г. - СПб., 1900. - С. с. 91 - 95; Он же. Извлечение из отчета о раскопках, проведенных в Херсонесе в 1898 г. // ОАК за 1898 г. - СПб., 1901. - С. 99 - 106; Он же. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1900 г. - СПб., 1902. - С. 13 - 16; Он же. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1905 г. - СПб., 1908. - С. 43 - 47; Он же. Раскопки в Херсонесе. 1909. - С. 58 - 64.
3. Гриневич К. Э. Стены Херсонеса Таврического. - Ч. II // Хеб. - 1927. - Вып. 2. - С. 75.
4. Лепер Р. Х. Дневник раскопок башни Зенона // Хеб. - 1927. - Вып. 2. - С. 99 - 110.
5. Гриневич К. Э. Стены Херсонеса Таврического. - С. 7 - 97.
6. Бертье-Делагард А. Л. О Херсонесе // ИАК. - 1907. - Вып. 21.
7. Гриневич К. Э. Стены Херсонеса Таврического. - С. 112 - 121; Он же. Отчет о херсонесских раскопках 1926 г. в связи с раскопками 1907 - 1910 гг. // Хеб. - 1927. - Вып. 2. - С. 259 - 293.
8. Гриневич К. Э. Раскопки в Херсонесе в 1927 и 1928 гг. // Крым. - 1929. - № 1 (9). - С. 14 - 35.
9. Гайдукевич В. Ф. Миниама базилика Лаврентия Леонтия // МИА. - 1953. - № 34. - С. 306, рис. 7; Он же. История античных городов Северного Причерноморья // АГСП. - М.-Л., 1955. - Т. I. - С. 93, прим. I.
10. Гриневич К. Э. Стены Херсонеса Таврического.
11. Борисова В. В. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1960 г. Раскопки в цитадели // НА ИА НАНУ. - Дело № 1960 / 17a. - С. 1 - 12; Она же. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1962 г. (цитадель) // НА ИА НАНУ. - Дело № 1962 / 63. - С. 1 - 19; Она же. Раскопки в цитадели в 1958 - 1959 гг. // СХМ. - 1963. - Вып. 3. - С. 45 - 54.
12. Борисова В. В. Раскопки римской цитадели Херсонеса // АО за 1969 г. - М., 1970. - С. 251 - 252.
13. В работах на территории цитадели, которые велись под общим руководством И. А. Антоновой, принимали участие Л. А. Аркадова (Рыжова) (1970 - 1971 гг.), А. И. Романчук (1983 г.), С. Н. Сухинина (1984 - 2000 гг.) и С. Б. Сорочан (1996 - 2000 гг.).
14. Антонова И. А. Административные здания херсонесской вексилляции и фемы Херсона // Хеб. - 1997. - 8. - С. 10; Она же. 15 лет работ в цитадели Херсонеса // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. - Тезисы докладов. - Севастополь, 1997. - С. 7 - 9.
15. Антонова И. А. Юго-восточный участок обороны Херсонеса. Проблемы датировки // Хеб. - 1996. - Вып. VII. - С. 118 - 121.
16. Антонова И. А., Бабинов Ю. А. Исследование 20-ой куртины херсонесских оборонительных стен // АО за 1969 г. - М., 1970. - С. 248 - 249; Антонова И. А. Юго-восточный участок обороны ... - С. 120.

17. Антонова И. А. Юго-восточный участок обороны ... - С. 117.
18. Гриневич К. Э. Стены Херсонеса Таврического. - С. 33 - 97; Белов Г. Д. Херсонес Таврический. - Л., 1948. - С. 45 - 52; Антонова И. А. Юго-восточный участок обороны... - С. 118 - 121.
19. Стржелецкий С. Ф. XVII башня оборонительных стен Херсонеса (Башня Зенона) // СХМ. - 1969. - Вып. 4. - С. 11; Антонова И. А., Бабинов Ю. А. Указ. соч. - С. 248; Антонова И. А. Отчет об исследованиях 20 куртины и ворот Херсонеса // НА НЗХТ. - Дело № 1972. - С. 28, рис. 46; Антонова И. А., Сухинина С. Н. Отчет о раскопках в цитадели Херсонеса в 1990 г. // НА НЗХТ. - Дело № 2981. - С. 36 - 45; Сорочан С. Б. Отчет о раскопках в юго-восточном районе Херсонеса на участке «цитадель»- южная площадь в 1997 г. // НА НЗХТ. - Дело № 3352/1- II. - С. 1, 14.
20. Антонова И. А., Бабинов Ю. А. Указ. соч. - С. 248 - 249; Соломоник Э. И., Антонова И. А. Надгробия врачей из античного Херсонеса // ВДИ. - 1974. - № 1. - С. 94 - 105.
21. Антонова И. А. Юго-восточный участок обороны ... - С. 114.
22. Там же. - С. 117.
23. Антонова И. А. Раскопки цитадели Херсонеса // Археологические исследования в Крыму 1994 г. - Симферополь, 1997. - С. 19.
24. Антонова И. А. Юго-восточный участок обороны ... - С. 116 - 117.
25. Там же. - С. 117.
26. Антонова И. А. Административные здания... - С. 19 - 20.
27. Антонова И. А. Раскопки цитадели Херсонеса. 1997. - С. 19.
28. Антонова И. А. Юго-восточный участок обороны ... - С. 121.
29. Стржелецкий С. Ф. Указ. соч. - С. 7 - 29.
30. Антонова И. А., Бабинов Ю. А., Указ. соч. - С. 248 - 249; Антонова И. А. Юго-восточный участок обороны ... - С. 119 - 120.
31. Антонова И. А. Раскопки цитадели Херсонес. 1997. - С. 19.
32. Там же. - С. 19 - 20.
33. Гриневич К. Э. Раскопки в Херсонесе в 1927 и 1928 гг. - С. 27.
34. Там же. - С. 19 - 21.
35. Косцюшко-Валюжинич К. К. Раскопки в Херсонесе. 1902. - С. 16 - 20; Он же.. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом // ИАК. - 1902. - Вып. 2. - С. 18 - 22. Чертеж 295 // Архив НЗХТ.
36. Сорочан С. Б. Указ. соч. - С. 14.
37. Гриневич К. Э. Раскопки в Херсонесе Таврическом в 1926 г. в связи с раскопками 1907 - 1910 гг. - С. 114 - 132.
38. Антонова И. А. Отчет о раскопках в цитадели Херсонеса в 1994 г. // НА НЗХТ. - Дело № 3356. - С. 26.
39. Антонова И. А. Отчет о раскопках в цитадели Херсонеса в 1994 г. - С. 26 - 27; Она же. Отчет о раскопках в Херсонесе на участке «цитадель» в 1996 г. // НА НЗХТ. - Дело № 3359/ I- II. - С. 5, 14, 18 - 19; Сорочан С. Б. Указ. соч. - С. 14.
40. Борисова В. В. Раскопки в цитадели в 1958 - 1959 гг. - С. 48, прим. 2.
41. Антонова И. А. Административные здания... - С. 14 - 18. Подробно этот вопрос рассмотрен авторами в специальной статье, которая находится в печати.
42. Антонова И. А. Отчет о раскопках терм в цитадели Херсонеса в 1970 - 1971 гг. // НА ИА НАНУ. - Дело № 104 а. - С. 75, 78; Зубарь В. М. Антонова И. А. Об интерпретации и датировке клейм с аббревиатурой VEMI из Херсонеса // ВДИ. - 1991. - № 2. - С. 80, 87.
43. Антонова И. А. Раскопки в цитадели Херсонеса // Археологические исследования в Крыму 1993. - Симферополь, 1994. - С. 25 - 33; Она же. Административные здания ... - С. 10 - 14; Она же. Раскопки цитадели Херсонеса. 1997. - С. 19 - 21.
44. Vinogradov Ju. G., Zubar V. M. Die Schola Principalium in Chersonesos // Il Mar Nero. - 1995/1996. - II. - S. 129 - 143; Виноградов Ю. Г., Зубарь В. М., Антонова И. А. Schola principalium в Херсонесе // НЭ. - 1999. - Т. XVI. - С. 77 - 78.
45. Антонова И. А., Бабинов Ю. А., Указ. соч. - С. 76.

47. Антонова И. А., Никонов А. А. Следы сейсмических воздействий на оборонительных сооружениях Херсонеса // Проблемы сейсмоопасности Крыма. - Сборник материалов конференции. - Севастополь, 1995. - С. 36.
48. Антонова И. А. Раскопки цитадели Херсонеса. 1994. - С. 28.
49. IOSPE, 12, № 439.
50. Guidoboni Ed. E., Comastri A., Traina G. Catalogue of Ancient Earthquakes in the Mediterranean area up to the 10th Century. - Roma, 1994. - P. 240-241, № 123.
51. Виноградов Ю. Г. Позднеантичный Боспор и ранняя Византия (в свете датированных боспорских надписей V века) // ВДИ. - 1998. - № 1. - С. 243.
52. Зубарь В. М., Антонова И. А. Новые данные о римском гарнизоне Херсонеса в первой половине III в. // ВДИ. - 2000. - № 1. - С. 68-69.
53. См.: Антонова И. А. 15 лет работ в цитадели Херсонеса Антонова. - С. 8-9; Антонова И. А. Раскопки цитадели Херсонеса, 1997. - С. 19-24.
54. К сожалению, кончина И. А. Антоновой не позволила ей закончить обработку массового археологического материала из раскопок. Поэтому в настоящей статье, законченной еще при жизни И. А. Антоновой, пока дается лишь характеристика строительных комплексов, исследованных на территории так называемой цитадели Херсонеса.
55. Гриневич К. Э. Раскопки в Херсонесе в 1927 и 1928 гг. - С. 19; Гайдукевич В. Ф. История античных городов... - С. 306, рис. 7.
56. Гриневич К. Э. Раскопки в Херсонесе в 1927 и 1928 гг. - С. 20, 27.
57. Там же. - С. 28-30.
58. Там же. - С. 23.
59. Там же. - С. 23, 29.
60. См.: Борисова В. В. Раскопки в цитадели в 1958-1959 гг. - С. 45-54.
61. Борисова В. В. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1960 г. - С. 3-7; Борисова В. В. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1962 г. - С. 4, 11-12, 37.
62. Борисова В. В. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1962 г. - С. 1.
63. Там же. - С. 4.
64. Борисова В. В. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1960 г. - С. 5; Она же. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1962 г. - С. 18; Она же. Строительные керамические материалы. Херсонес // Керамическое производство и античные керамические строительные материалы. - САИ. - М., 1966. - Вып. - Г1. - 20. - С. 16-17.
65. Антонова И. А. Отчет о раскопках в цитадели Херсонеса в 1991 г. // НА ИА НАНУ. - Дело № 1991/95. - С. 27-31.
66. Антонова И. А. Отчет о раскопках в цитадели Херсонеса в 1991 г. - С. 27-33; Она же. Отчет о раскопках в цитадели Херсонеса // НА ИА НАНУ. - Дело № 1992/117. - С. 14-15.
67. Борисова В. В. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1962 г. - С. 7, 13; Антонова И. А. Отчет о раскопках в цитадели Херсонеса в 1991 г. - С. 27-33.
68. Борисова В. В. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1960 г. - С. 9.
69. Борисова В. В. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1962 г. - С. 14.
70. Зубарь В. М. Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. - К., 1994. - С. 89, рис. 32, 2; С. 96-97, рис. 43, 2.
71. Гайдукевич В. Ф. История античных городов... - С. 306, рис. 7; Кузьмина А. Г. К вопросу о римской оккупации Херсонеса Таврического // Некоторые вопросы всеобщей истории. - Тула, 1972. - С. 113.
72. Борисова В. В. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1962 г. - С. 13.
73. Там же. - С. 18.
74. Там же. - С. 2-17.
75. Борисова В. В. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1960 г. - С. 3; Она же. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1962 г. - С. 1.
76. Борисова В. В. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1962 г. - С. 8-9; Она же. Строительные керамические материалы. Херсонес. - С. 16-17.

77. Бараки, предназначавшиеся для жилья римский военнослужащих, в классических римских лагерях обычно состояли из семи - четырнадцати пар комнат (*contubernium*) и предназначались для размещения солдат центурии. Центурион, который командовал этой тактической единицей, как правило, жил в более просторных помещениях, располагавшихся на одном конце постройки. В одном *contubernium* размещалось от шести до восьми человек. Они делились на два помещения. Меньшее, своеобразная прихожая, предназначалось для хранения вооружения и снаряжения. А второе, большее, было приспособлено непосредственно для жилья. Эти помещения имели очаг, использовавшийся для обогрева и приготовления пищи. Подр. см.: Bersu G. Die spätromische Befestigung «Burgle» bei Gundremmingen. - Munchen, 1964. - S. 34 - 36, Abb. 2; Petrikovits H. v. Die Innenbauten romischer Legionslager während der Prinzipatszeit // Abhandlungen der Rheinisch - Westfälischen Akademie der Wissenschaften. - 1975. - Bd. 56. - 1975, S. 35 - 43; Mackensen M. Frühkaiserzeitliche Kleinkastelle bei Nersingen und Burlafingen an der oberen Donau. - Munchen, 1987. - S. 41 - 44, Abb. 15, 16; Johnson A. Romische Kastelle. - Mainz am Rhein, 1990. - S. 188 - 197; Зубарь В. М. Херсонес Таврический... - С. 46.
78. Johnson A. Op. cit. - S. 190; Breeze D. J. The garrisoning of Roman Fortlets // Breeze D. J., Dobson B. Roman Officers and Frontiers. - Stuttgart, 1993. - P. 505.
79. Petrikovits H. v. Op. cit. - S. 45 - 50.
80. Зубарь В. М. Херсонес Таврический ... - С. 58.
81. Petrikovits H. v. Op. cit. - S. 45 - 48.
82. Junkelmann M. Die Legionen des Augustus. - Mainz am Rhein, 1991. - S. 108 - 110.
83. Domaszewski A. Die Rangordnung des römischen Heeres. - Wien, Köln, 1967. - S. I - 80; Dobson B. Einführung // Domaszewski A. Die Rangordnung des römischen Heeres. - Köln, Gras, 1967. - S.VI - XX; Breeze D. J. The Organization of the Career Structure of the Immunes and Principales of the Roman Army // Bonner Jahrbücher. - 1974. - Bd. 174; Petrikovits H. v. Op. cit. - S. 45 - 48; Vinogradov Ju. G., Zubar V. M. Op. cit. - S. 131 - 132; Виноградов Ю. Г., Зубарь В. М., Антонова И. А. Указ. соч. - С. 74.
84. IOSPE, I2, № 551; Соломоник Э. И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. - М., 1983. - № 31.
85. IOSPE, I2, № 571; Соломоник Э. И. Латинские надписи... - № 36.
86. IOSPE, I2, № 562; Соломоник Э. И. Латинские надписи... - № 13.
87. IOSPE, I2, № 675; Соломоник Э. И. Латинские надписи ... - № 10, 49, 50.
88. Vinogradov Ju. G., Zubar V. M. Op. cit. - S. 129 - 143; Виноградов Ю. Г., Зубарь В. М., Антонова И. А. Указ. соч. - С. 72 - 80.
89. Petrikovits H. v. Op. cit. - S. 59 - 61; Bild 9.
90. Ср.: Зубар В. М., Сарновський Т., Савеля О. Я. Нові латинські написи з римського храму в околицях Херсонеса Таврійського // Археологія. - 1997. - № 4. - С. 80 - 83; Они же. Новые эпиграфические памятники из римского храма в окрестностях Херсонеса Таврического // ВДИ. - 1999. - № 2. - С. 214 - 217; Савеля О. Я., Сарновский Т. Римский опорный пункт у Балаклавы в Юго-Западном Крыму (по результатам раскопок 1996 - 1997 гг.) // Проблемы истории и археологии Украины. - Тезисы докладов. - Харьков, 1999. - С. 44 - 45.
91. Борисова В. В. Раскопки в цитадели в 1958 - 1959 гг. - Рис. 1, а.
92. Зограф А. Н. Античные монеты // МИА. - 1951. - Т. 16. - Табл. 37, 4; Борисова В. В. Раскопки в цитадели в 1958 - 1959 гг. - С. 48.
93. Зограф А. Н. Указ. соч. - Табл. 37, 6; Борисова В. В. Раскопки в цитадели в 1958 - 1959 гг. - С. 50.
94. Борисова В. В. Херсонесское надгробие, поставленное вскомленником // ВДИ. - 1962. - № 2. - С. 109.
95. Борисова В. В. Черепица с клеймами римских легионов // СХМ. - 1961. - Вып. 2. - С. 39 - 45.
96. Борисова В. В. Раскопки в цитадели в 1958 - 1959 гг. - С. 50 - 52.
97. Там же. - С. 54.

98. Ср.: Petrikovits H. v. Op. cit. - S. 45 - 50; Johnson A. Op. cit. - S. 188 - 198.
99. IOSPE, 12, № 417; Соломоник Э. И. Латинские надписи... - № 6, 9; Слейдел М. Капитаны и центуриона в Херсонесе // ВДИ. - 1988. - № 3. - С. 119 - 123; Зубарь В. М. Херсонес Таврический... - С. 55.
100. Зубарь В. М. Херсонес Таврический... - С. 59.
101. Антонова И. А. Административные здания... - С. 10 - 13.
102. Vinogradov Ju. G., Zubar V. M. Op. cit. - S. 129 - 143; Виноградов Ю. Г., Зубарь В. М. Указ. соч. - С. 72 - 81.
103. Антонова И. А. Административные здания... - С. 13 - 14.
104. Fellmann R. Principia-Stabsgebäude // Limesmuseum Aalen. - 1983. - Heft 31. - S. 15; ср.: Polib., 6, 26 - 34.
105. Petrikovits H. v. Op. cit. - S. 67 - 68; Fellmann R. Op. cit. - S. 15 - 16; Freeman B. W. Recent work on a Roman Fort in Souch Jordan // Akten des 14. Internationalen Limeskongresses 1986 in Carnuntum. - Wien, 1990. - Fig. 1; Johnson A. Op. cit. - S. 123 - 162.
106. Petrikovits H. v. Op. cit. - S. 67 - 68.
107. Ibid. - S. 64 - 67.
108. Ibid. - S. 132 - 136.
109. Ср.: Petrikovits H. v. Op. cit. - S. 45 - 50, 64 - 67; Bild 11, 12; Freeman B. W. Op. cit. - P. 191, fig. 2.
110. Зубар В. М., Сарновський Т., Савеля О. Я. Нові латинські написи... - С. 56 - 57; Зубарь В. М. Северный Понт и Римская империя. - Киев, 1998. - С. 96 - 97.
111. Vinogradov Ju. G., Zubar V. M. Op. cit. - S.129 - 141; Виноградов Ю. Г., Зубарь В. М., Антонова И. А. Указ. соч. - С. 71 - 80.
112. Domaszewski A. Die Religion des römischen Heeres // Westdeutsche Zeitschrift für Geschichte und Kunst. - 1895. - 14. - S. 68 - 95; Curle J. A Roman Frontier Post and it's People // The Fort of Newstead in the Parish of Melrose. - Glasgow, 1911. - P. 53; Hopkins C., Rowell H. T. The Praetorium // The Excavations at Dura-Europos. - Preliminary Report of Fifth Season of Work. - New-Haven, 1934. - P. 208 - 209; Ruggiero, 1961, col. 367 - 369; Frank R. J. Scholae Palatine. The Palace Guards of the Later Roman Empire // Paperes and Monographs of the American Academy in Rome. - 1969. - Vol. 13. - P. 13 - 14.
113. CIL. VIII. 2554; Domaszewski A. Die Religion des römischen Heeres. - S. 85.
114. Domaszewski A. Die Religion des römischen Heeres. - S. 80 - 90; Виноградов Ю. Г., Зубарь В. М., Антонова И. А. Указ. соч. - С. 75, прим. 18 - 19.
115. Fellmann R. Op. cit. - S. 77, Abb. 2; Sarnowski T., Ladomirski A. Novae - Western Sector, 1991 // Archeologia. - 1994. - 44. - P. 81; Крижицький С. Д., Зубар В. М. До питання про реконструкцію храму Юпітера Доліхена на території сучасної Балаклави // Археологія. - 2000. - № 1. - С. 119 - 130.
116. Антонова И. А. Отчет о раскопках. Цитадель Херсонеса // НА ИА НАНУ. - Дело № 1990/57. - С. 26 - 29, рис. 36; Антонова И. А., Яйленко В. П. Херсонес. Северное Причерноморье и Маркоманские войны по данным херсонесского декрета 174 г. н. э. в честь Тита Аврелия Кальпурниана Аполлонида // ВДИ. - 1995. - № 4. - С. 58 - 86; Vinogradov Ju. G., Zubar V. M. Op. cit. - S. 129; Виноградов Ю. Г., Зубарь В. М., Антонова И. А. Указ. соч. - С. 72.
117. Ср.: Антонова И. А., Яйленко В. П. Указ. соч. - С. 58.
118. Petrikovits H. v. Op. cit. - S. 68 - 75.
119. Косцишко-Валюжинич К. К. Раскопки в Херсонесе 1909. С. 63; Гриневич К. Э. Стены Херсонеса Таврического. - С. 43.
120. Горячее помещение терм. См.: Weber M. Antike Badekultur. - Munchen, 1996. - S. 56 - 59.
121. Теплое помещение терм. См.: Weber M. Op. cit. - S. 56.
122. Помещение, где расположены печи.
123. Антонова И. А., Аркадова Л. А. Раскопки терм и античной протейхизмы в Херсонесе // АО за 1970. - М., 1971. - С. 270.
124. Помещение для снятия одежды. См.: Weber M. Op. cit. - S. 55.

125. Антонова И. А., Аркадова Л. А. Указ. соч. - С. 270.
126. Cp. Gronke E. Das römische Alenkastell Biriciana in Weissenburg I. Baz. - Mainz am Rhein, 1997. - Taf. 15 - 16.
127. Cp.: Борисова В. В. Строительные керамические материалы. Херсонес. - С. 49.
128. Подр. см.: Антонова И. А. Административные здания ... - С. 14 - 18.
129. Помещение для холодного купания. См.: Weber M. Op. cit. - S.55 - 56.
130. Антонова И. А., Аркадова Л. А. Указ. соч. - С. 270.
131. Антонова И. А. Отчет о раскопках в цитадели Херсонеса в 1986 // НА ИА НАНУ. - Дело № 1986/76. - С. 39 - 43.
132. Антонова И. А. Отчет о раскопках в цитадели Херсонеса в 1986 г. - С. 43 - 45; Она же. Отчет о раскопках. Цитадель Херсонеса // НА ИА НАНУ. - Дело № 1990/57. - С. 45 - 47.
133. Антонова И. А. Отчет о раскопках. Цитадель Херсонеса. - С. 45 - 47.
134. Там же. - С. 45 - 47.
135. Подр. см.: Антонова И. А. Отчет о раскопках. Цитадель Херсонеса. - С. 1 - 45; Она же. Отчет о раскопках в цитадели Херсонеса в 1991 г. - С. 3 - 20, 34; Она же. Отчет о раскопках в цитадели Херсонеса. Херсонеса // НА ИА НАНУ. - Дело № 1992/117. - С. 14.
136. Brodner E. Die römischen Thermen und das antike Badewesen. Darmstadt, 1983. - S. 163 - 217.
137. Cp.: Weber M. Op. cit. - S. 68 - 71.
138. Cp.: Baatz D. Der romische Limes. Archeologische Ausflüge zwischen Rhein und Donau. - Berlin, 1975. - S.30 - 32, Abb. 13 - 14; Petrikovits H. v. Op. cit. - S. 102 - 104; Bild 28; Brodner E. Op. cit. - S. 183 - 186; Johnson A. Op. cit. - S. 213 - 214; Friesinger H., Krinzingen F. Der romische Limes in Österreich. - Wien, 1997. - S. 48, Abb. 17.
139. Антонова И. А. Отчет о раскопках в цитадели Херсонеса в 1987 г. // НА ИА НАНУ. - Дело № 1987/69. - С. 18 - 21, рис. 26 - 27.
140. Там же. - С. 22.
141. Антонова И. А. 15 лет работ в цитадели Херсонеса. - С. 8.
142. См: Petrikovits H. v. Op. cit. - S. 75 - 78, Abb. 15; Johnson A. Op. cit.
143. Гайдукевич В. Ф. Античные керамические обжигальные печи // ИГАИМК. - 1934. - Вып. 80. - С. 71; Ветштейн Р. И. Керамічні випалювальні печі Ольвії перших ст. н. е. / / АПУРСР. - 1958. - Т. 7. - С. 73; Козуб Ю. И. Ольвия // Керамическое производство и античные керамические строительные материалы. - САИ. - М., 1966. - Вып. Г 1 - 20. - С. 11, табл. 1, 3 - 4.
144. Крапивина В.В. Материальная культура Ольвии I - IV вв. - К., 1993. - С. 74 - 75.
145. Cp.: Крапивина В.В. Указ. соч. - С. 68 - 75. Еще несколько аналогичных горнов первых веков н. э. для обжига керамических материалов, по сообщению В. В. Крапивиной, были раскопаны в Ольвии в последние годы, но пока не опубликованы.
146. См.: Крапивина В.В. Указ. соч. - С. 74 - 75.
147. Борисова В.В. Черепица с клеймами римских легионов. - С. 39 - 45; Сапрыкин С.Ю. Черепица с клеймами римского легиона из усадьбы хоры Херсонеса // КСИА. - 1981. - Вып. 168. - С. 58 - 62; Зубарь В.М., Антонова И.А., Об интерпретации и датировке клейм ... - С. 80 - 88; Зубарь В.М. Херсонес Таврический... - С. 78 - 81, 98.
148. Антонова И.А. Отчет о раскопках в цитадели Херсонеса в 1994 г. - С. 22, 27.
149. Антонова И.А. Отчет о раскопках в Херсонесе на участке «цитадель» в 1996 г. - С. 9 - 10.
150. Сорочан С.Б. Указ. соч. - С. 1.
151. Там же. - С. 5 - 9, 14.
152. Савеля О.Я., Сарновский Т. Две латинских надписи из Балаклавы и Херсонеса // ВДИ. - 1999. - № 1. - С. 44.
153. Зубарь В.М. Херсонес Таврический ... - С. 44 - 59; Он же. О римской вексилляции Херсонеса в середине - второй половине II в. н. э. // Старожитності Північного Причорномор'я і Криму. - Запоріжжя, 1999. - 7. - С. 93 - 100.

Д.В. Журавлев, Л. Хришановски

РИМСКИЕ СВЕТИЛЬНИКИ ИЗ ХЕРСОНЕСА В СОБРАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ (1)

Как известно, Государственный Исторический музей в Москве хранит большую коллекцию материалов из Херсонеса, в основном из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича и Н.В. Пятышевой, а также ряда част-

ных собраний¹. Публикуемая статья является продолжением издания светильников из Херсонеса, хранящихся в собрании ГИМ². Номера по каталогу соответствуют нумерации светильников по английскому изданию³.

Светильники с волютами.

В собрании ГИМ хранится несколько светильников из Херсонеса, рожок которых украшен волютами⁴. Эти светильники в целом характеризуются круглой формой, большим круглым щитком, и, прежде всего, длинным, широким рожком, с двух сторон украшенным волютами. В зависимости от формы рожка они могут быть разделены на три большие группы:

1. Широкий рожок с изогнутым или тупоугольным завершением (типы Bailey A; Broneer XXII; Deneauve IV; Dressel 9; Leibundgut V - VII; Loeschke I и т.д.); этот тип датируется в Италии временем правления императоров Августа-Флавиев.

2. Широкий рожок со скругленным завершением (типы Bailey B; Broneer XXIII; Deneauve VA и VC; Dressel 11 и 14; Leibundgut XII; Loeschke IV и т.д.); этот тип датирован в Италии временем правления Августа-Траяна.

3. Широкий рожок со скругленным завершением, но с упрощенными волютами, идущими от плечиков светильника: (типы Bailey C; Broneer

XIV; Deneauve VD; Dressel 15 и 16; Leibundgut XIV - XV; Loeschke V и т.д.); этот тип датирован в Италии временем от конца правления Клавдия до Адриана.

Светильники с волютами были очень популярны в Италии и почти во всех провинциях в I в. н.э.; затем их форма постепенно упрощалась. В итоге им на смену пришли светильники близкого облика, также круглые, но с коротким круглым рожком и без волют (Тип Loeschke VIII, который будет рассмотрен нами в последующих публикациях)⁵. Светильники с волютами широко представлены практически во всех античных городах Северного Причерноморья.

Наиболее поздние светильники с волютами, относящиеся в Италии ко времени Адриана, исчезают в провинции лишь к третьей четверти II в. н.э.

17 (рис. 1). Светильник круглой формы со слегка вытянутым туловом, изготовлен в форме⁶. Щиток выделен тремя невысокими валиками, плавно переходящими в волюты. Большая часть носика утрачена. На

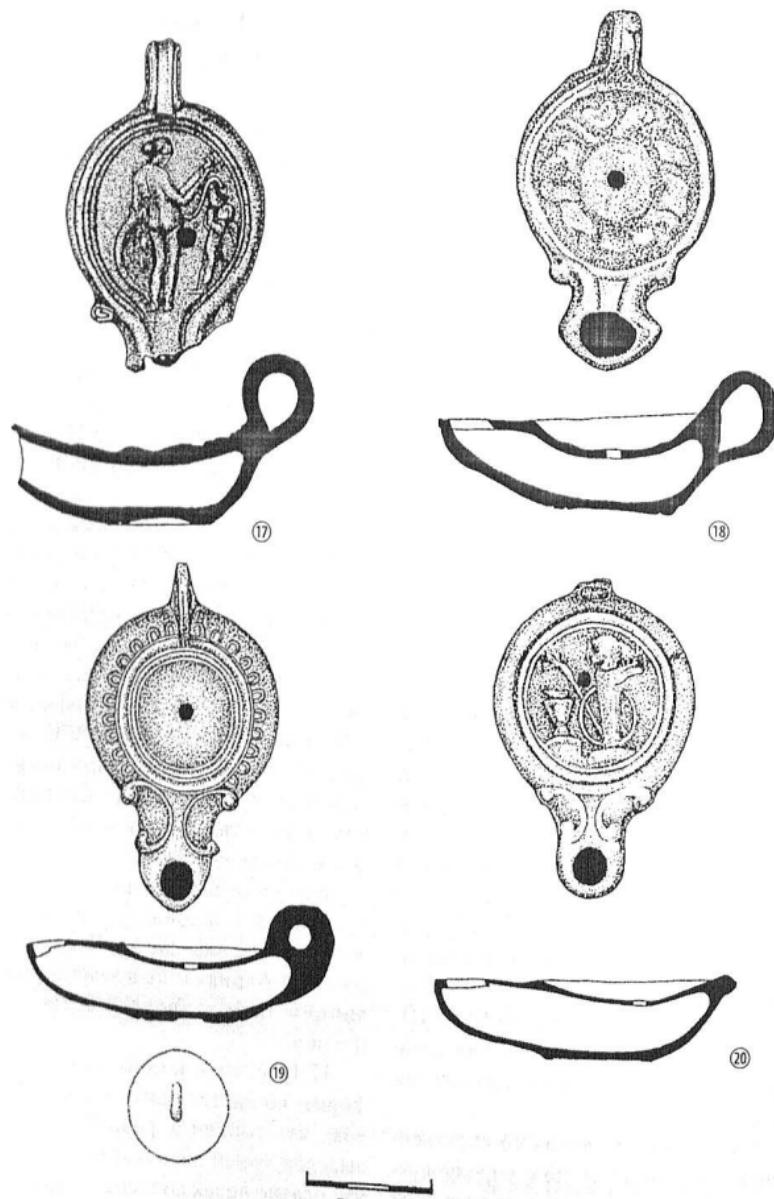

Рисунок 1.
Светильники из Херсонеса. Собрание ГИМ. Кат. № 17-20.

щитке изображена со спины обнаженная, за исключением задрапированной левой руки, Венера. В правой руке Венера держит меч рукоятью от себя; и прижимает щит к своей левой ноге, опираясь на него левой рукой. Справа от Венеры стоит Эрот, подающий ей шлем с султаном. Круглая петельчатая ручка украшена двумя бороздками. Дно светильника слабо вогнуто, на нем сделана неглубокая бороздка. В целом светильник не производит впечатление аккуратно сделанного - грубо заглажены швы между верхней и нижней половинами, детали проработаны очень нечетко и т.п. Глина - красно-коричневая (5YR 6/6), с мелкими известковыми включениями⁷, лак - красно-коричневый (7.5 YR 6/6), причем им покрыта только верхняя часть светильника. На рожке светильнике заметны незначительные следы использования (горения). Размеры: длина - 10,2; ширина - 7; высота - 3,3 (с ручкой - 5,3 см.).

Инв. №: 54746, Оп. 107/1. Из собрания бывшего Румянцевского музея.

Интерес вызывает форма публикуемого светильника. Практически все известные нам немногочисленные экземпляры с той же иконографией⁸ принадлежат к типу Dressel, 3, к которому наш светильник отнести нельзя. Так как большая часть носика не сохранилась, трудно точно определить, к какому типу мог бы быть отнесен публикуемый нами светильник. Однако, достаточно уверенно можно утверждать, что он не принадлежал к Dressel, тип 3, из-за особенностей профиляровки, не-

больших выступов у волют по краям носика, и, прежде всего из-за мелкого канала, идущего от щитка к рожку. Мы можем предложить две гипотезы о типе этого светильника, каждая в зависимости от реконструируемой формы утраченного носика.

Скорее всего, наш светильник можно классифицировать как вариант Dressel Тип 9, или Loeschke Тип IA, т.е. близко итальянскому типу А, группе I по Д. Бейли⁹. Принимая эту версию, мы должны предположить, что носик будет иметь тупоугольное завершение. Другая гипотеза, менее вероятная, но исключить которую, впрочем, невозможно, предполагает круглое окончание носика; соответственно тогда наш экземпляр должен принадлежать варианту Dressel, Тип 14, или Loeschke Тип IV, и, соответственно, будет близок итальянскому типу В, группе I, по Д. Бейли¹⁰.

Причина, по которой мы рассматриваем первую гипотезу как более вероятную, связана с хронологией. Как уже отмечалось, светильников с подобной иконографией существует очень немного, причем все они относятся к типу Dressel 3 (первые десятилетия I в. до н.э. - начало I в. н.э.)¹¹. В это время светильники с тупоугольным завершением рожка были, по крайней мере в Италии, более популярны, чем появившиеся лишь незадолго до этого момента светильники с круглым завершением рожка¹². Конечно, поскольку мы не располагаем никакой информацией относительно места производства публикуемого светильника, наши рассуждения о форме итальянских светильников приводятся здесь толь-

ко для возможной попытки реконструкции. В любом случае, учитывая, что отдельные детали на щитке являются нечеткими и подчас затертыми, мы можем предположить, что перед нами локальная (?) копия¹³, изготовленная с оригинального светильника подобного Dressel Тип 3¹⁴.

К. Фарка показал, что изображение Венеры было связано с символом политической программы Юлия Цезаря, всегда представлявшего Венеру основательницей рода Юлиев, и, следовательно, с культом Цезаря в августовское и раннеимператорское время¹⁵. Конечно, мы должны учитывать, что римские сюжеты и символика достигала Северного Причерноморья с некоторым опозданием по сравнению, например, с Италией и западными провинциями Империи. Тем не менее мы не должны забывать ту важную роль, которую играл Юлий Цезарь в регионе, особенно учитывая успех посольства Гая Юлия Сатира в Рим о предоставлении элевтерии Херсонесу (IOSPE I2, № 691)¹⁶.

Очевидно, с некоторой долей вероятности можно предположить, что этот светильник был приобретен кем-то из херсонеситов специально, учитывая значение образа Венеры для Цезаря, и, соответственно, для его культа, очевидно после возвращения посольства Херсонеса из Рима. Не секрет, что изображения на светильниках римского времени, наряду с монетами, геммами и тессерами, часто служили средством изобразительной пропаганды императорской власти, официальных культов и т.п.¹⁷ Ряд исследователей предполагает суще-

ствование официального культа Афродиты в римском Херсонесе¹⁸.

Аналогии: Светильник с аналогичной иконографией, но относящийся к типу Dressel 3, с клеймом AIMILI ERONIS, хранящийся в Лейдене¹⁹, происходит из Туниса (I в. до н.э.). К этой же группе относится фрагментированный светильник типа Dressel 3 из Магдаленсберга, относящийся к раннеавгустовскому времени²⁰. Аналогичен светильник из Британского музея (конец I в. до н.э.)²¹. На щитке светильника из Варшавы (также типа Dressel 3), датированного началом I в. до н.э., Эрот отсутствует, но изображение Венеры очень близко нашему²². Небольшой фрагмент щитка из Магдаленсберга также представляет этот сюжет²³, а на фрагменте щитка из Берлина виден крылатый Эрот, подающий шлем²⁴. Еще один щиток, найденный в Sidi Kheibish (Бенгази, Ливия) изображает крылатого Эрота, подающего шлем, и часть руки Венеры²⁵.

18 (рис.1). Светильник с туловом вытянутой формы. Глубоко утопленный щиток, окруженный невысоким валиком и бороздкой, был украшен рельефными изображениями, из которых ни одно разобрать невозможно. Вокруг отверстия для наливания масла располагалось какое-то изображение круглой формы. Можно лишь предположить, что перед нами - не очень хорошего качества воспроизведение итальянского оригинала, щиток которого был украшен военным²⁶ или гладиаторским²⁷ снаряжением. Широкий рожок, имеющий тупоугольное завершение, по краям

имеет две волюты, и узкий, несколько сужающийся к концу, канал, идущий от валика, окружающего щиток до отверстия для фитиля между двумя волютами. Большая петлевидная ручка, прикрепленная к светильнику, украшена двумя бороздками. Круглое дно светильника имеет кольцевую бороздку. Светильник изготовлен очень небрежно: ручка прилеплена криво, швы между верхней и нижней частью лампы не заглажены, качество отпечатка изображения на щитке оставляет желать лучшего. Глина красно-коричневая (5 YR 6/6), с известковыми включениями. Лак красный (10 R 5/8), причем им покрыта лишь верхняя часть светильника (в нижней части - пятна и подтеки). Размеры: длина - 11,5; ширина - 6,2; высота - 3 (с ручкой - 4,2 см.).

Инв. №: 53151, из собрания бывшего Румянцевского музея.

Место изготовления: Вероятно местная имитация римского оригинала (тип Bailey A, Broneer XXII, Dressel 9, Loeschke I), хотя в принципе нельзя исключить и его импортное происхождение.

Дата: Конец I в. до н.э. - первая половина I в. н.э.

19 (рис.1). Тулоно светильника правильной круглой формы, гладкий slabovognutый щиток окружен валиком и тремя бороздками. Плечики светильника украшены овами; длинный рожок фланкирован волютами. Светильник изготовлен в одной форме с ручкой, посередине которой сделана бороздка. Дно плоское, в центре глубоко оттиснуто клеймо *planta pedis*, окруженное кольцевой бороздкой. В нижней части лампы, на туло-

ве заметная вмятина. Глина светло-коричневая (7.5 YR 8/4), лак - неоднородный, от светло-коричневого (10 YR 7/8) до буро-черного (10 YR 2/1). Размеры: длина - 11; ширина - 7; высота - 2,5 (с ручкой - 4,2 см.).

Инв. №: 55765, Оп. 1/130; IV / 299, № 51. Из собрания С.И.Чижова.

Место изготовления: Вероятно импорт (из Малой Азии?) (тип Bailey B, Broneer XXIII, Dressel 11, Loeschke IV).

Дата: между правлением Тиберия и концом I в. н.э.

Аналогии: очень близкий светильник был найден в Пантике²⁸. Также аналогичным является светильник из собрания Эрмитажа²⁹.

20 (рис. 1). Светильник круглой формы, щиток отделен от плечиков (правое плечо сделано значительно выше левого) двумя бороздками. На щитке - изображение гермы на постаменте (?) (вероятно, герма Диониса, основываясь на иконографии других светильников). Позади гермы расположены обруч и ветвь. Слева, на другом постаменте, стоит стамнос. Дно светильника практически плоское. Ручка светильника утрачена, вся лампа сильно затерта. Глина по характеру близка к глине, из которой изготовлена Eastern sigillata B³⁰ - красно-желтая (7.5 YR 6/6), рыхлая, с включениями блесток слюды. Лак кирпично-красного цвета (2.5 YR 5/6 - 5/8), сохранился очень плохо. Размеры: длина - 10,1; ширина - 6,6; высота - 2,5; диаметр щитка - 4,6 см.

Инв. №: 39081, Оп. 118/II, №4. раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича в 1894 г.; погребение № 429 городского некрополя.

Место изготовления: Импортный светильник, возможно из Малой Азии (тип Bailey B, Broneer XIII, Dressel 14, Loeschke IV).

Дата: Середина I - начало II вв.н.э.

Аналогии: Подобный сюжет зафиксирован на светильниках с волютами из Африки³¹, Португалии³², Германии³³ и Греции³⁴.

21 (рис. 2). Небольшой светильник почти круглой формы с петлевидной ручкой; основание слабо вогнуто. Гладкий щиток, окруженный плохо сохранившимся валиком, украшен эротической сценой³⁵, представляющей собой стоящую на коленях женщину и мужчину за ней (по всей видимости, на ложе). Левая рука мужчины лежит на спине женщины. Под изображением сделано отверстие для наливания масла. Рожок имеет завершение круглой формы, украшен по краям двумя волютами, между которыми размещается треугольной формы канал, идущий от валика, окружающего щиток, до отверстия для фитиля. Светильник выполнен неаккуратно - помимо плохого оттиска изображения, на щите заметны отпечатки пальцев мастера. Глина красно-коричневая (2.5 YR 6/8) с мелкими включениями слюды. Лак имеет тот же оттенок, покрывал только верхнюю часть светильника и очень плохо сохранился. Размеры: длина - 8,5; ширина - 5,4; высота - 2,3 (с ручкой - 4,2); диаметр щитка - 3,6 см.

Инв. №: 39246, Оп. 119/II, № 24; раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича в 1899 г.

Место изготовления: Можно предполагать, что мы имеем дело с

местной имитацией итальянского оригинала, иконография которого напоминает сюжет на светильнике из Британского музея (тип Bailey B, Broneer XIII, Dressel 11, Loeschke IV). Однако, из-за низкого качества оттиска и плохой сохранности светильника трудно найти точные параллели сюжету.

Дата: Середина I - середина II в. н.э.

22 (рис. 2). Светильник круглой формы без ручки, щиток глубоко утоплен, окружен тремя кольцевыми бороздками (с правой стороны плечи стерты). Край длинного носика слегка заострен; волюты. Дно светильника плоское, с одной кольцевой бороздкой, в центре расположено клеймо *planta pedis*. Щиток украшен изображением эротической сцены на судне. Отверстие для наливания масла смешено влево. Правая сторона светильника сильно затерта. Глина - светлокоричневая (10 YR 8/4); лак отсутствует. Размеры: длина - 9,7; ширина - 7; высота - 2,1; диаметр щитка 5 см.

Инв. №: 39246, Оп. 119/II, № 18., раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича.

Место изготовления: Импортный светильник, вероятно из Малой Азии (тип Bailey B, Broneer XIII, Dressel 11, Loeschke IV).

Дата: Середина I - середина II вв. н.э.; иконография светильника уникальна, аналогии нам неизвестны.

23 (рис. 2). Светильник имеет круглую форму; ручка петлевидная, с глубокой бороздкой. Глубоко утопленный щиток окружен двумя кольцевыми бороздками. Отверстие для наливания масла сделано почти в центре щитка. Рожок имеет круглое

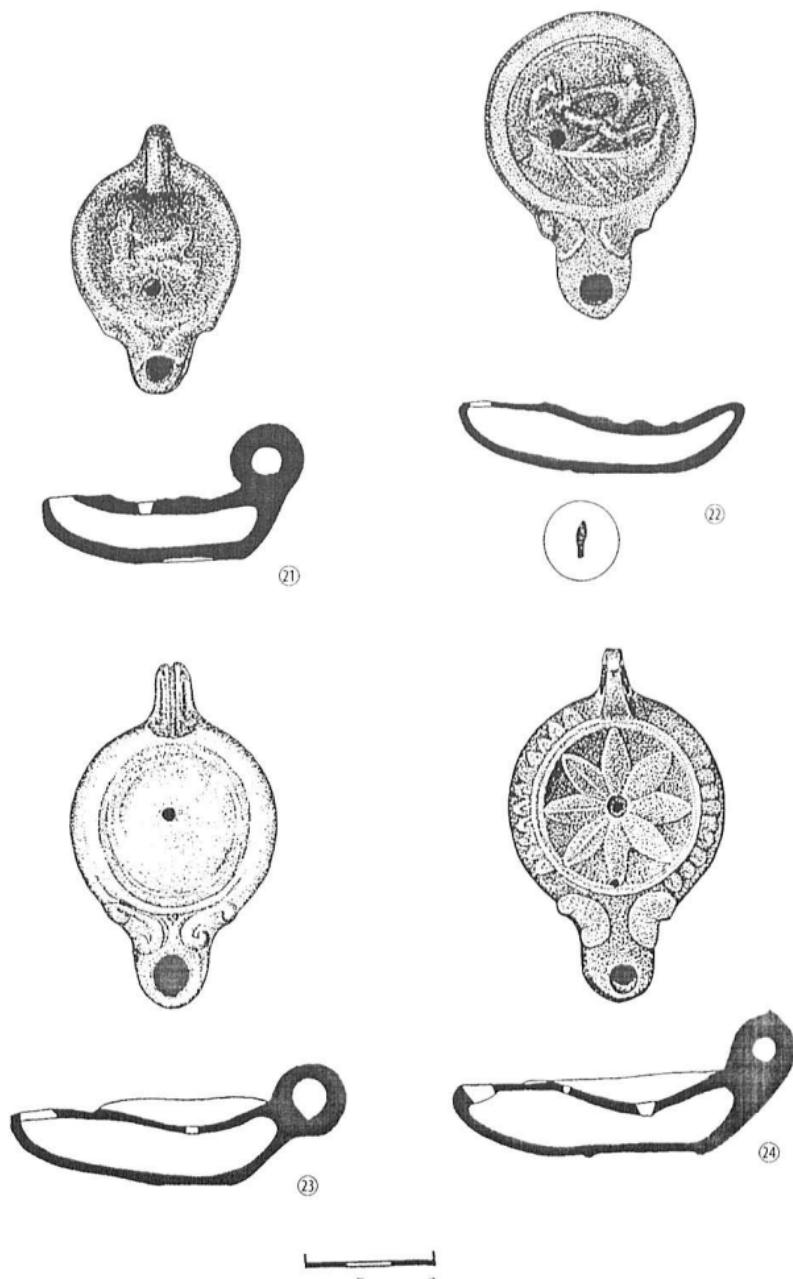

Рисунок 2.

Свечильники из Херсонеса. Собрание ГИМ. Кат. № 21-24.

завершение; между украшающими его двумя волютами сделано маленькое отверстие для воздуха. На краю рожка - следы горения. Глина - светло-коричневая (7.5 YR 7/6), с включениями слюды. Лак - темно красно-коричневый (2.5 YR 4/4), покрытие только сверху; сохранился очень плохо. Размеры: длина - 10,7; ширина - 6,4; высота - 2,5 (с ручкой - 3,7); диаметр щитка - 4,7 см.

Инв. №: 39246, Оп. 119/II, № 2, раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича в 1899 г.

Место изготовления: Местное производство или импорт из Малой Азии (тип Bailey B, Broneer XXIII, Dressel 11, Loeschke IV).

Дата: середина I - начало II вв. н.э.

Аналогии: близкий по форме светильник был обнаружен в Афинах³⁶. В публикации он рассматривался как импортный (не аттический), при этом его качество представляется значительно более высоким, чем у публикуемого, нами экземпляра.

24 (рис. 2). Светильник круглой формы; щиток сильно утоплен и окружен неглубокой бороздкой. Щиток украшен восьмилепестковой розеткой, в центре которой - отверстие для наливания масла. Маленькое отверстие для воздуха сделано в нижней части щитка, при переходе туловища в рожок. Плечи светильника украшены овами. Край рожка скруглен; украшен двумя небольшими волютами. Ручка изготовлена в одной форме со светильником. Дно плоское, на нем сделана неглубокая кольцевая бороздка. На рожке - следы горения. Глина розово-коричневая (5 YR 7/4), лаковое покрытие отсут-

ствует. Размеры: длина - 11,6; ширина - 7,4; высота - 2,7 (с ручкой - 4,5); диаметр щитка - 5,2 см.

Инв. №: 39246, Оп. 119/II, № 25; раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича в 1899 г.

Место изготовления: Импорт из Малой Азии (?) (тип Bailey B, Broneer XXIII, Dressel 11, Loeschke IV).

Дата: Середина I - середина II вв. н.э.; параллелей для этого экземпляра не найдено.

25 (рис. 3). Светильник круглой формы с широким рожком, скругленным на конце и обрамленным небольшими волютами. Щиток окружен тремя кольцевыми бороздками. Ручка петлевидная, с двумя бороздками; дно светильника вогнуто. На щитке изображение охотничьей (?) собаки в момент прыжка. Несмотря на затертость экземпляра, восстановить рельеф помогает гораздо лучше сохранившийся светильник из Виндониссы³⁷. Отверстие для наливания масла находится под изображением животного. Особенный интерес вызывает тот факт, что светильник был изготовлен в форме, верхняя часть которой треснула и была составлена из двух половинок. Следы этой трещины сохранились и на светильнике - по диагонали через хвост собаки через всю верхнюю поверхность лампы к ручке. Подобная же трещина была и на нижней форме. Глина - розово-коричневая (5 YR 7/6); лак - красный (2.5 YR 5/8), покрыта только верхняя часть. Размеры: длина - 10,9; ширина - 6,6; высота - 2,1 (с ручкой - 3,9); диаметр щитка - 4,2 см.

Инв. №: 39246; раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича.

Место изготовления: Импорт (из Малой Азии?) (тип Bailey B, Dressel - Lamboglia 11b, Loeschke IV, Leibundgut XII).

Дата: Середина I - середина II вв. н.э.

Аналогии: та же иконография, но на светильнике другого типа известна на экземпляре из Танаиса³⁸. Близкий сюжет, описанный А.Ляйбунд-

Рисунок 3.

Светильники из Херсонеса. Собрание ГИМ. Кат. № 25-27.

гут как достаточно редкий, зафиксирован на светильниках из Вены, Виндониссы³⁹, Майнца и Ниймегена⁴⁰. При этом все равно отметим, что даже у наиболее близких аналогий существуют некоторые различия в деталях с публикуемым нами светильником (хвост, задние ноги животного и т.п.).

26 (рис. 3). Светильник круглой формы с широким рожком, скругленным на конце и петлевидной ручкой, сделанной в одной форме со светильником. Щиток окружен тремя кольцевыми бороздками. Дно светильника вогнуто (практически кольцевой поддон). На щите изображение мужчины, правой рукой тянувшего за собой упирающегося козла, при этом в левой руке он несет над головой неопределенный предмет. Мужская фигура обнажена, за исключением задрапированной левой руки. Позади мужчины изображена вторая фигура (по всей видимости, женская), одетая в длинный хитон. На левом плече у женщины какой-то предмет четырехугольной формы, который она поддерживает двумя руками. Между фигурами проделано отверстие для наливания масла. Отверстие для воздуха проколото между волютами. Светильник имеет небольшую вмятину на левой стороне около ручки. Глина - красная (2.5 YR 6/8); лак неоднороден - от красного (10R 5/8) до черного (10R 3/1). Размеры: длина - 12; ширина - 7,5; высота - 2,6 (с ручкой - 4,8); диаметр щитка - 5,1 см.

Инв. №: 55765, Оп. 299/IV № 50, из собрания С.И. Чижова.

Место изготовления: Вероятно импортный (из Малой Азии?) (тип Bailey C, Broneer XXIV, Dressel 15, Loeschke V).

Дата: Конец I - середина II вв. н.э.

Аналогии: так как аналогии этому сюжету на светильниках отсутствуют, встает вопрос об интерпретации сцены, представленной на щите публикуемой лампы. Наиболее логичным было бы видеть здесь сцену подготовки жертвоприношения, когда жертвенное животное ведут к алтарю. На греческих мраморных рельефах⁴¹ известны изображения молодых девушек, несущих над головой похожие предметы, которые могут быть атрибутированы как *kist*⁴² (специальный стул для человека, от лица которого проводится жертвоприношение). На тех же рельефах известны и изображения мужчин и женщин, несущих над головой *kapos* (специальная корзина для мяса принесенного в жертву животного).

Правда, имеются некоторые детали, которые позволяют нам усомниться в правильности подобной интерпретации. Во-первых, козел упирается и явно не хочет быть принесенным в жертву, что всегда служило плохим предзнаменованием в древности, а во-вторых, мужчина более похож не на участника процессии жертвоприношения в церемониальной позе, а на человека, прикладывающего определенные усилия, чтобы заставить непослушное животное двигаться⁴³. Кстати, на круглых краснолаковых блюдах III в. н.э. с подобными изображениями, получивших достаточно широкое распространение в Причерноморье, види-

мые усилия человека еще большие - он даже повернут к животному лицом и тянет его за рога, всячески стараясь заставить козла двигаться⁴⁴.

Vogelkopflampren.

Немецкий термин «Vogelkopflampre» обычно используется при описании группы римских глиняных светильников, носик которых украшен двумя птичьими головками⁴⁵. Эти светильники имеют характерную вертикальную гладкую ручку⁴⁶ и делятся на ряд подтипов⁴⁷. Отметим, что этот тип светильников существовал в течение длительного времени - с I в. до н.э. до IV в.н.э⁴⁸

Долговечность Vogelkopflampren можно объяснить их дешевизной, обусловленной простой формой и отсутствием орнаментации (за исключением двойных птичьих голов) на этих лампах, что позволяло производить их в больших количествах при минимальных затратах. Кроме того, удобная форма этих светильников давала возможность компактно упаковывать их при транспортировке, вкладывая один в другой, что также уменьшало себестоимость каждой лампы. Еще одним преимуществом Vogelkopflampren являлась плоская ручка, позволявшая крепить их к стене с помощью простого гвоздя. Легкость в производстве, транспортировке и использовании, а в связи с этим - сравнительно низкая цена этих светильников привели к тому, что Vogelkopflampren стали од-

ним из распространенных типов осветительных приборов на всей территории Imperium Romanum. При этом отметим, что на территории Северного Причерноморья было обнаружено очень мало подобных ламп, и большинство их сконцентрировано в Херсонесе⁴⁹.

27 (рис. 3). Светильник грушевидной формы, щиток имеет параболическую форму; вертикальная ручка изготовлена в той же форме; дно плоское. Между отверстием для наливания масла и рожком два изображения птичьих голов. На рожке - сильные следы копоти. Глина бежево- светло-коричневая (10YR 7/4), лаковое покрытие отсутствует. Размеры: длина - 8,8; ширина - 5,9; высота - 2,4 (с ручкой - 4,8 см.).

Инв. №: 53151, ОВП. 1/282. Подарок С.И. Погодиной в 1881 г.

Место изготовления: Импортный светильник (Bailey Тип M, Pisani Sartorio Тип III, Leibundgut XXVIII)⁵⁰.

Дата: середина I в. н.э. - начало II вв. н.э.

Аналогии: Несколько подобных экземпляров были найдены в Херсонесе⁵¹ и на Юге России⁵². Другие весьма близкие аналогии хранятся в музеях Болоньи⁵³, Праги⁵⁴, Будапешта⁵⁵ и Лондона⁵⁶.

Firmalampen

Немецкий термин «Firmalampen»⁵⁷, определяет большую группу глиняных светильников римского времени, разделенную в свою очередь на

многочисленные типы и подтипы⁵⁸. Форма светильников очень проста - круглая с высокими плечиками и щитком, окруженным высоким вали-

ком; ручка отсутствует. Длинный носик этих светильников скруглен на конце и имеет канал различной ширины. За редким исключением, декор на щитках отсутствует (на ряде экземпляров есть рельефные изображения голов). Наиболее характерная черта, из-за которой они и получили свое наименование - клеймо с маркой изготовителя, которое обычно располагается в центре дна⁵⁹.

Хронология Firmalampen в настоящее время все еще дискуссионна⁶⁰. Обычно время их возникновения относят к периоду с конца I в. до н.э. до третьей четверти I в. н.э.⁶¹ Можно утверждать, что наибольшее распространение Firmalampen приходится на эпоху Флавиев - II в. н.э.⁶²

В настоящее время Firmalampen - одна из наиболее изученных групп светильников. Им посвящено большое количество книг, статей и разделов каталогов, в связи с чем просто невозможно представить здесь исчерпывающий анализ истории вопроса, типологии, а также привести полную библиографию⁶³.

Необходимо отметить, что лишь несколько Firmalampen были найдены в Северном Причерноморье, и то исключительно в местах, где сильнее всего чувствовалось влияние Римской Империи: в Херсонесе, Ольвии, Тире⁶⁴. Два светильника были найдены на «Юге России» и хранятся в Эрмитаже⁶⁵. Несколько нам известно, находки Firmalampen на территории Боспорского царства не зафиксированы. Представляется вероятным, что большинство экземпляров, попавших в Северное Причерноморье, были сделаны в Паннонии и других

римских провинциях как копии итальянских оригиналов. Как правило, такие светильники имеют худшее качество, часто сделаны без клейма, или даже с клеймом, представляющим собой просто беспорядочный набор букв, лишенный смысла⁶⁶.

28 (рис. 4). Круглый светильник с сильно заглубленным щитком, на котором расположены отверстия для наливания масла и для воздуха. На плечиках светильника сделаны два выступа прямоугольной формы. Канал, идущий по рожку, узкий, на нем сделано второе отверстие для воздуха; край рожка обломан. Дно слабо вогнуто, в центре рельефными буквами оттиснуто имя STROBILI. Глина - красная (5 YR 5/8); лак кирпично-красный (2.5 YR 5/8). Размеры: длина - 9,3; ширина - 7,8; высота - 3,6; диаметр щитка - 5,1 см.

Инв. №: 53151 ОВП. I/259. Из собрания Румянцевского музея (прежнее собрание П.И. Севастьянова).

Место изготовления: Импортный светильник (тип Loeschcke-Menzel IX-b)⁶⁷.

Дата: Strobilius, которого обычно считают одним из создателей Firmalampen⁶⁸, работал с конца 60-х гг. до конца I века н.э., и производил главным образом светильники типа IX (и очень немного типа X). Как в течении этого времени, так и значительно позднее, помимо оригиналной мастерской, расположенной в Северной Италии⁶⁹, существовали и другие центры, производившие изделия с той же сигнатурой. Подобные провинциальные копии известны вплоть до IV в. н.э.⁷⁰ Публикуемый нами светильник был датиро-

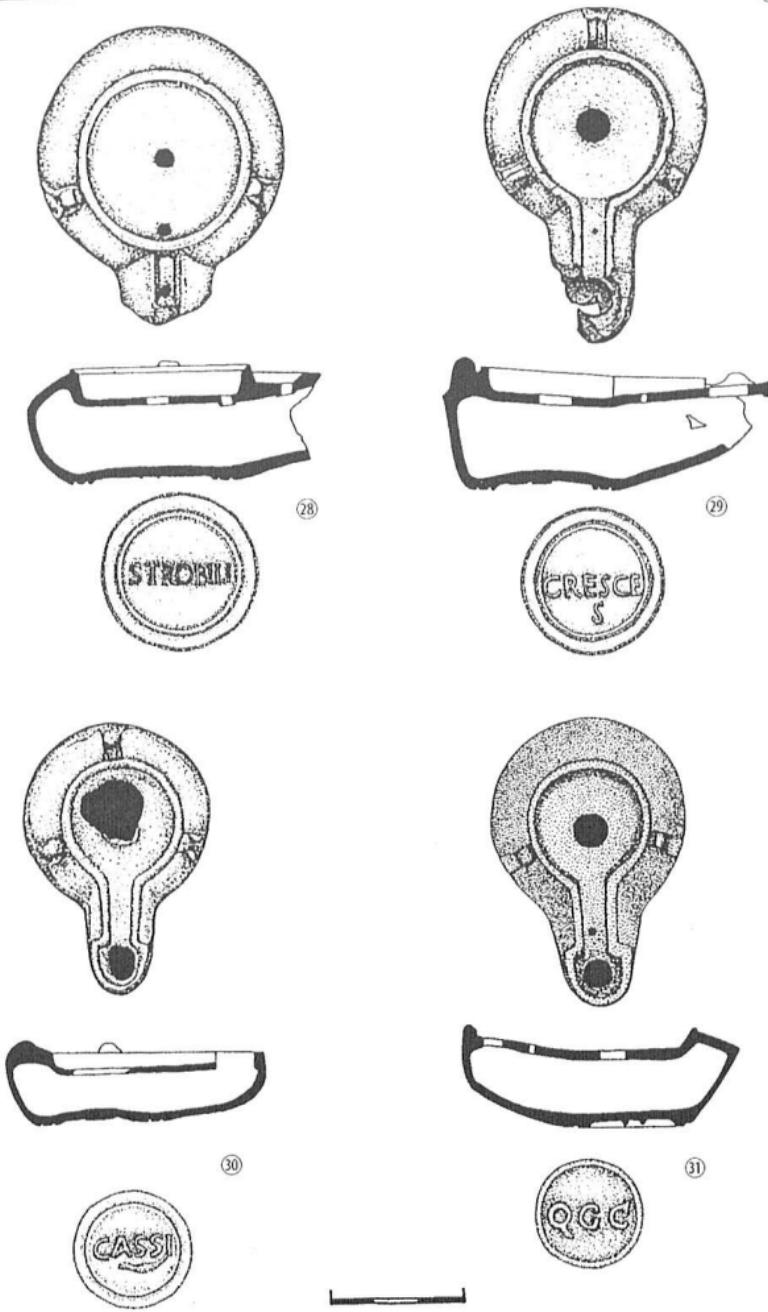

Рисунок 4.

Светильники из Херсонеса. Собрание ГИМ. Кат. № 28-31.

ван В.И.Кадеевым и С.Б.Сорочаном последней третью I в. н.э.,⁷¹ однако мы считаем возможным расширить эту датировку до середины II в.н.э.

Аналогии: большое число аналогий с клеймом STROBILI были найдены в Италии⁷², Австрии⁷³, Венгрии⁷⁴, Болгарии⁷⁵ и Румынии⁷⁶.

29 (рис.4). Круглый светильник с высоким валиком вокруг утопленного щитка. На плечиках сделаны три прямоугольных выступа; широкий канал, в котором сделано отверстие для воздуха, ведет к отверстию для фитиля. Кончик рожка частично обломан. Дно вогнуто, на нем двустороннее клеймо рельефными буквами CRESCE/S. Глина - красно-коричневая (2.5 YR 5/8), с незначительными известковыми включениями; лак - коричневый - темно-коричневый (2.5 YR 5/8 - 3.1). Размеры: длина - 10,5; ширина - 7,1; высота - 3,7 см.

Инв. №: 54791, Оп. 664/II, № 5, из собрания графа А.С.Уварова.

Дата и место изготовления: Клеймо этой мастерской широко известно⁷⁷ - мастерская активно работала в Северной Италии⁷⁸ и возможно в Южной Галлии с конца I в. н.э.⁷⁹ возможно до начала IV в. н.э. Большое количество форм для изготовления ламп с этой сигнатурой было найдено во многих регионах Римской Империи⁸⁰. В связи с этим в настоящий момент не представляется возможным определение места производства и точной даты публикуемого светильника. Тем не менее, учитывая характеристики глины, лака и высокое качество публикуемого экземпляра, мы можем предположить, что

перед нами импортный (тип Loeschcke - Menzel Xa)⁸¹ светильник из Италии (по крайней мере, из «официально лицензионной» мастерской), датирующийся II - III вв. н.э.⁸²

30 (рис.4). Небольшой светильник круглой формы с утопленным щитком, окруженным высоким валиком, плавно переходящего в канал по рожку. На плечиках три прямоугольных выступа. Часть щитка около отверстия для наливания масла проломлена. Дно немного вогнуто, на нем клеймо рельефными буквами CASSI. Клеймо является необычным, т.к. нижний конец буквы I загнут влево, в виде волны, как бы подчеркивающей имя. Глина - серо-коричневая (7.5 YR 6/4), с включениями слюды. Лак - от кирпично-красного до темно-коричневого (2.5 YR 5/6 - 3/2). Размеры: длина - 8,5; ширина - 5,8; высота - 2,5 см.

Инв. №: 28740, Оп. 117/II, № 3; раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича в 1892 г., передан Императорской Археологической Комиссией.

Место изготовления: Импортный светильник (Паннония?) (тип Loeschcke - Menzel X-b)⁸³.

Дата: По всей видимости, наибольшая активность мастерской, во главе которой стоял Cassius⁸⁴ в северной Италии или восточной Галлии⁸⁵ приходится на эпоху Траяна-Адриана⁸⁶. Поскольку большое количество светильников с подобным клеймом происходит из Паннонии, Д.Бейли предполагает, что производство этих светильников было перемещено в северо-восточные провинции, или имя производителя использовалось там «пират-

ски»⁸⁷. В нашем случае, из-за не очень хорошего качества светильника и необычной формы клейма, мы склонны рассматривать экземпляр из собрания ГИМ как копию паннонского производства. Что касается даты этого светильника, отметим, что лампы с клеймом Cassius попадают на территорию Дакии в первой половине II в. н.э.⁸⁸ Возможно предполагать, что наш светильник - еще более поздняя копия, которую возможно отнести ко второй половине II - началу III вв.н.э., однако никакими доказательствами мы не располагаем.

Аналогии: Много аналогичных светильников происходит из Венгрии⁸⁹, Болгарии⁹⁰ и Румынии⁹¹.

31 (рис.4). Небольшой светильник грушевидной формы с утопленным щитком. На плечиках сделаны два прямоугольных выступа; отверстие для воздуха сделано в канале, идущем по рожку, рядом с отверстием для фитиля. Дно немного вогнуто, в центре рельефное клеймо QGC. На рожке сильные следы копоти. Глина - черно-красная (пережжен

при обжиге-?) со слюдой и небольшими известковыми включениями. Лак - от темно-красного до темно-коричневого. Размеры: длина - 9,1; ширина - 6,4; высота - 3; диаметр щитка - 3,5 см.

Инв. №: 54791, Оп. 301 / IV, № 22, из собрания графа А.С.Уварова (№. 622).

Место изготовления: Импортный светильник (тип Loeschke - Menzel X-b)⁹².

Дата: мастерская этого гончара была расположена о в Италии, вероятно в районе современной Венеции⁹³. Деятельность мастерской по всей видимости может быть отнесена с начала II по середину III вв. н.э., но светильники с клеймом QGC⁹⁴ продолжают производиться до конца III в.н.э. в провинциальных мастерских. Публикуемый нами светильник был продатирован В.И.Кадеевым и С.Б.Сорочаном II в. н.э.⁹⁵; с этой датировкой следует согласиться.

Аналогии: большое количество подобных светильников было найдено на территории Италии⁹⁶, Швейцарии⁹⁷, Австрии⁹⁸ и Венгрии⁹⁹.

Примечания

- Сорокина Н.П., Журавлев Д.В. Коллекции памятников из античных центров Северного Причерноморья в собрании Государственного Исторического музея (г.Москва) // ВДИ, 1993, № 4. сс. 242-258; Журавлев Д.В. Коллекция из Херсонеса в собрании Государственного Исторического музея // ВДИ, 1997. № 3. сс.194-207.
- Журавлев Д.В., Хршановски Л. Группа греческих светильников из Херсонеса // ХСб. № 10. Севастополь, 2000, с..... Подробно об истории московского собрания античных осветительных приборов см.: Chrzanovski L., Zhuravlev D. Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum - Moscow. Roma. Studia archaeologica, 94. 1998; Журавлев Д.В., Хршановски Л. Коллекция античных светильников ГИМ // ВДИ, 2000, № 3. См. также информацию о каталоге: Журавлев Д.В., Хршановски Л. К изданию корпуса светильников Государственного Исторического музея // РА, 1997, № 4, сс. 218-223; Chrzanovski L., Zhuravlev D. The Corpus of Ancient Lamps in the State Historical Museum (Moscow): Vol. I: Lamps from Chersonesos // Ancient Civilizations from Skythia to Siberia, vol.4, N 3, 1997, pp. 245-249. Остальные светильники римского времени из собрания ГИМ планируется издать в последующих выпусках «Херсонесского сборника».

3. Chrzanovski L., Zhuravlev D. Lamps from Chersonesos...
4. К сожалению, в русскоязычной археологической литературе отсутствует специальный термин для подобных светильников. Поэтому мы предлагаем использовать термин «светильники с волютами» (англ. «volute lamps»). Кроме того, в русском языке используются термины «рожок» (введенный еще О. Вальдгаузом) и «носик» (англ. «nozzle»).
5. В отношении светильников круглой формы, найденных на территории Северного Причерноморья, необходимо указать на интересную деталь, уже подмеченную Д. Бейли: на них почти всегда присутствует ручка, в то время как аналогичные экземпляры, найденные в других частях Римской империи, могли быть и без ручек.
6. Все светильники, публикуемые в настоящей статье, изготовлены в формах, что избавляет нас от необходимости указывать это при описании каждого экземпляра.
7. Все цвета указаны нами по таблицам Munsell Soil Color Charts. Princeton, 1992.
8. См. Farka C., Die römischen Lampen vom Magdalensberg, Klagenfurt, 1977, p. 104 и ниже.
9. См. Bailey D. M., Catalogue of the Lamps in the British Museum, London. II. Roman lamps made in Italy, London, 1980, pp. 127 - 129.
10. Ibid., pp. 154 - 155.
11. См. Farka, Op.cit., pp. 37 - 38.
12. Bailey, Op.cit. 1980, p. 154.
13. К сожалению, по ряду объективных причин мы не располагаем анализами глины. Поэтому мы не вправе давать локализацию производственных центров, за исключением самых очевидных случаев, и ограничиваемся определениями «местный» или «импортный».
14. Вероятно за исключением светильника, опубликованного М. Бернхарт - Bernhard M. L., Lampki starożytne, Warszawa 1955, № 214.
15. Farka, Op.cit., SS. 104 - 105, где собраны параллели для этого сюжета на геммах, монетах, керамических изделиях и скульптуре.
16. Ростовцев М.И. Цезарь и Херсонес // ИАК, вып.63. Петроград, 1917; Виноградов Ю.Г. Цезарь, Херсонес и Боспор // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Тезисы докладов международной научной конференции. Севастополь, 1997.
17. См. например: Коробков Д.С. Сюжеты трех светильников из Херсонеса и религиозно-государственная символика римского времени // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Тезисы докладов международной научной конференции. Севастополь, 1997. сс. 57-62. См. также: Абрамзон М.Г. Римская армия и ее лидер по данным нумизматики. Челябинск, 1994.
18. Мещеряков В.Ф. Религия и культуры Херсонеса Таврического в I-IV веках н.э. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М. 1980. с.9; Кацев В.И. Херсонес Таврический. Быт и культура (I - III вв.н.э.). Харьков, 1996. с.151. Сапрыкин С.Ю. Афродита с двумя Эротами из Херсонеса Таврического // ХСб, вып. IX. Севастополь, 1998, с. 68. Справедливости ради отметим, что тип «вооружающаяся Афродиты» был известен в греческом искусстве задолго до римского времени.
19. Brants J., Antieke Terra-cotta Lampen uit het Rijksmuseum van oudheden te. Leiden. Leiden 1913, № 151, p. 14; Pl.I.
20. Farka, Op.cit., № 119, pp. 104 - 105, 190 - 191; Pl. 11, 27 и 59.
21. Walters H. B., Catalogue of the Greek and Roman Lamps in the British Museum, London 1914, № 514, p. 77; Pl. 96; D. M. Bailey, Catalogue of the Lamps in the British Museum, London. I. Greek, Hellenistic and Early Roman Pottery lamps, London 1975, Q 739, p. 350; Pl. 137, 149.
22. Bernhard, Op.cit., № 214, p. 298; Pl. XLII.
23. Farka, Op.cit., № 1284, pp. 307 - 308; Pl. 59.
24. Heres G., Die römischen Bildlampen der Berliner Antiken-Sammlung, Berlin, 1972, № 597, S. 89; Taf. 62. Глина охристого цвета, лак коричневый.

25. Bailey D. M., Excavations at Sidi Khrebish Benghazi (Berenice), Volume III, part 2: The Lamps, Tripoli 1985, № 147, p. 27; Pl. 4. Итальянский импорт. Первая треть I века н.э.
26. См. Bailey, Roman Lamps Made in Italy, p. 50, fig. 53, Q 1005. Как мы можем видеть среди параллелей, приведенных Д.Бейли, подобная иконография присутствует как на оригинальных итальянских светильниках с волютами, так и на провинциальных копиях, обнаруженых в различных частях Римской Империи (Италия, Родос, Британия, Германия, Африка).
27. См. Bailey, Roman Lamps Made in Italy, p. 55, fig. 57, Q 776 и Q 876. Этот сюжет был широко распространен во время Августа-Флавиев (такие светильники были найдены на Кипре, в Африке, Ливане, Франции, Швейцарии).
28. Трейстер М.Ю. Римляне в Пантакапее // ВДИ, 1993, № 2. сс. 50-74, рис. 5.1.
29. Вальдгаузэр О.Ф. Императорский Эрмитаж. Античные глиняные светильники. СПб., 1914, № 230, с. 41; табл. XXIV. Автор предполагает, что этот светильник - итальянского производства.
30. Журавлев Д.В. Краснолаковая керамика группы Eastern sigillata B из могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму // Древности Евразии. М. 1997. сс. 227 - 260.
31. Deneauve J., Lampes de Carthage, Paris 1974, №№ 438-439, p. 131; Pl. XLVII, датированный I в. н.э.
32. Alarcao A. M., Fouilles de Conimbriga VI, C, ramiques diverses et verres, Paris, 1976 (Les lampes, pp. 93 - 152), № 5, p. 80; Pl.I и VII, отнесенный к I в. н.э. (очень близок нашему светильнику, но без ручки).
33. M. Cahn-Kleiber, Die antiken Tonlampen des Arch(ologischen Instituts der Universit(T(bingen, T(binger Studien zur Arch(ologie und Kunstgeschichte, Band II, T(bingen, 1977, № 182, S. 340; Taf. 17 (см. также S. 67 и 91), отнесенный к середине I в. н.э.
34. Perlzweig J., The Athenian Agora VII, Lamps of the Roman period, Princeton 1961, № 49, p. 76; Pl. 3. По предположению автора публикации, светильник отнесен к итальянскому производству и датирован первой половиной I в. н.э.
35. О популярности эротических сюжетов в античном керамическом производстве см. например: Журавлев Д.В. Позднеэллинистический пергамский скифос с аппликативными рельефами из дома Хрисалиска // ВДИ, 1995, № 3, сс.72-79 (с подробной библиографией); Zhuravlev D. A Skyphos from the house of Chrysaliskos and Pergamene Pottery import in the Bosporan Kingdom // Ε' Επιστημονική συναντηση για την Ελλενιστική κεραμική. Χρονολόγια προβλέψεων. Κλειστα. Συνολα – Εργαστηρια. Αθηνα. 2000. Р. 269-272.
36. Perlzweig, Op. cit., № 111, p. 82; Pl. 5, датируется второй половиной I в.н.э.
37. См. Leibundgut A., Antike Lampen im Bernischen Historischen Museum // Jahrbuch des Bernischen Historischen Museums in Bern, XLIII - XLIV (1963 - 1964), Bern 1966, S. 408 - 460, Motivkatalog № 285, «Jagdhund» (№ 464), S. 179, 250 и Taf. 47
38. Арсеньева Т.М. Светильники Танайса. М. 1988, табл. XII, 4.
39. См. Leibundgut, Op.cit., Motivkatalog № 285, S. 179. Она объясняет, что этот мотив отмечен только на светильниках Loeschke, Тип IV.
40. См. библиографию: Leibundgut, Op.cit., S. 179; см. также: Heres, Op.cit., № 151, S. 39, Taf. 19; Beschreibung R(mischer Altert(er, gesammelt von Carl Anton Niessen, Band I & Band II, K(ln, 1911, № 1847, S. 97.
41. См. Van Straten F.T., Hiera Kala, Images of Animal Sacrifice in Archaic and Classical Greece, Leiden 1995, p. 169: «on votive reliefs, the standard personnel is made up of the maid carrying the kiste, and the male animal handler who also carries the kano(n. From the way they are treated when there is little space, it is clear that they are only there as an almost inevitable extension of the offerings and the ritual implements. The maid would probably be a domestic slave. The animal handler, who wears an exomis or a loin-cloth, could also be a domestic slave» См. также многочисленные иллюстрации в конце этой книги, представляющие классические мраморные рельефы.

42. Van Straten, Op. cit., pp. 162 - 164.
43. Разумеется, можно предположить, что здесь изображены беженцы, покидающие свою землю со своим имуществом и домашними животными (подобные сцены известны, в частности, в верхней части колонны Траяна). Но такая интерпретация неизбежно вызывает слишком много неразрешимых вопросов: кто эти люди, почему они оказались в изгнании, какой сюжет из истории того времени мог оказаться хорошо известным для пользователя лампы и т.п. Представляется, что подобное предположение слишком маловероятно, и сцена все-таки изображает жертвоприношение.
44. Гудименко И.В., Кузьмин А.Ю. Дно краснолакового блюда со сценой жертвоприношения из Нижне-Гниловского городища // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1993 г. Выпуск одиннадцатый. Азов. 1994. Журавлев Д.В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья римского времени: основные итоги и перспективы изучения (краткий обзор отечественной литературы) // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье Тр. ГИМ, вып. 102, М. 1998, табл. 5,1; Кругликова И.Т. Поселение у деревни Семеновка // КСИА, вып. 83. 1961. Рис. 31,1. Высотская Т.Н. // ХСб, вып. X. Севастополь, 2000 (?).
45. Для описания этих светильников используются и другие термины «lucerne da spedizione» (экспедиционные светильники), «lucerne ad ansa trasversale» (светильники с поперечной ручкой) и т.д. Подробнее об этом см. Pisani Sartorio G., «Vogelkopflampen» e lucerne «da spedizione» // Rendiconti della Pontificia Accademia Romana di Archeologia, XLII (1969 - 1970), p. 84.
46. За исключением более ранних подтипов (Menzel 1 - 3, Haken 8 - 10, Sartorio 1 - 2), которые имеют обычную петлевидную ручку с бороздками.
47. Ниже перечислены в хронологическом порядке наиболее важные классификации Vogelkopflampen: Menzel H., Antike Lampen im R(misch-Germanischen Zentralmuseum zu Mainz, Mainz 1969, pp. 24 сл.; Haken R., Roman lamps in the Prague National Museum // Sbornik Narodniho Musea v Praze, Rada A, XII, 1-2 (1958), pp. 29-42; Pisani Sartorio, Op.cit., pp. 85-93; Bailey, Roman lamps made in Italy..., pp. 261 - 267. См. также Leibundgut, Op.cit., S. 15.
48. См. Pisani Sartorio, Op.cit., p. 92.
49. См. например Вальдгаузер, Указ. соч. № 540; Кадеев В.И., Сорочан С.Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. - V в.н.э. (на материалах Херсонеса). Харьков, 1989, рис. 2, 1.
50. См. Pisani Sartorio, Op.cit., pp. 86 - 90; Bailey, Roman lamps made in Italy..., p. 262
51. Кадеев, Сорочан, Указ. соч., с. 19, рис. 2, 1, датированный I в.до н.э.
52. Вальдгаузер, Указ. соч. № 540, с. 66; табл. LI.
53. Gualandini Genito M. C., Lucerne fittili delle collezioni del Museo Civico Archeologico di Bologna, Fonti per la storia di Bologna 3, Bologna ,1977, № 120, p. 77 и pl. 22.
54. Haken, Op. cit., pp. 29 - 42; A.A.V. V., Anticke lampy vystava. Trutnov-Hostinn, Katalog Museum Podkrkonsi Trutnov Galerie Antich(ho Umeni Hostinn(, 1978, № 10.
55. Szentilley T., Ancient Lamps , Budapest 1969, № 52.
56. Bailey, Roman lamps made in Italy..., pp. 261 - 267.
57. Несмотря на то, что термин «Firmalampe» сегодня является наиболее распространенным, в некоторых изданиях используются и другие термины, например, «Factory Lamps».
58. H. Deringer, R(mische Lampen aus Lauriacum, Linz 1965, S. 19 ff.; Buchi E., Lucerne del museo di Aquileia, Vol. I, Lucerne Romane con marchio di fabbrica, Aquileia 1975, pp. XXIII - XXVIII; Panazza P., Le lucerne romane della Valcamonica, Quaderni Camuni, 3, Brescia 1984, pp. 56-58.
59. Подробнее об этом типе светильников см. Buchi, Op. cit., pp. XXI; Panazza, Op. cit., pp. 55-59.
60. См. например Leibundgut, Op. cit., S. 41 - 44, особенно S. 42.

61. Интересно отметить, что с семидесятых годов и вплоть до настоящего времени среди археологов прослеживается тенденция датировать эти светильники более ранним временем, чем ранее. Так, например, Е.Буки предложил датировать первые Firmalampen началом I в.н.э., тогда как со времен З.Лешке считалось, что они начали производиться со временем правления Веспасиана. Основная проблема в классификации и хронологии данного типа светильников состоит в том, что огромное количество этих светильников были изготовлены за пределами Италии, в провинциях, и лишь имитировали итальянские оригиналы. При этом в III в.н.э. продолжали воспроизводиться и более ранние типы
62. См. Leibundgut, Op. cit., p. 43
63. Отсылаем заинтересованного читателя к специальным исследованиям: Buchi, Op. cit., или к более современной книге - Panazza, Op. cit., большая часть которой посвящена Firmalampen.
64. См. Вальдгауэр, Указ. соч., №№ 461 - 463.
65. Там же, №№ 555 и 556.
66. См. например Subic Z., Rimske oljenke v Sloveniji // RCRF Acta, XVI, Emona 1976, pl. 6 - 9.
67. Для описания формы и деталей этого типа, см. Buchi, Op. cit., p. XXIV.
68. Bailey, Roman lamps made in Italy, p. 101.
69. З. Лешке помещал эту мастерскую около города Маргета, неподалеку от Модены, в Эмилия Романа (Loeschcke S. Lampen aus Vindonissa, Z(rich 1919, S. 100 - 102). См. также D. M. Bailey, Catalogue of the lamps in the British Museum, London. III. Roman provincial lamps, London, 1988, p. 101.
70. Е. Алрам-Штерн предполагал, что «официальные» выпуски светильников с клеймом STROBILI продолжались до II в.н.э., а все более поздние лампы с этим клеймом - лишь провинциальные «нелегальные» имитации (Alram-Stern E., Die R(mischen Lampen aus Carnuntum, Wien 1989, S. 80).
71. Кадеев, Сорочан, Указ. соч. с. 39.
72. См. Buchi, Op. cit. S. 147 - 152; Pl. LI - LIII (особенно близок нашему № 993 с табл. LI); также см. Gualandi Genito M. C., Le lucerne antiche del Trentino, Trento, 1986, pp. 294 - 296
73. См. например Neumann A., Lampen und andere Beleuchtungsger(те) aus Vindobona, Wien 1967, S. 26; Alram-Stern, 1989, S. 79 - 80.
74. См. Ivanyi D., Die pannonischen Lampen, Budapest, 1935, № 1409, S. 131.
75. См. например Кузманов Г., Бъчваров И. Колекцията от антични лампи в Силистренския музей // Известия на народния музей, Кн. 22 (27). Варна, 1981. Таb. VIII, 62.
76. Alicu D., Die Firmalampen von Ulpia Traiana Sarmizegetusa // Dacia, XX, 1976, S. 217; Alicu D., Nemes E., Roman Lamps from Sarmizegetusa, BAR, Suppl. Series, Vol. 18, 1977, p. 19; Museteanu C., Culica V., Elefterescu D., Lampes (estampille de Durostorum // Dacia, XXIV, 1980, pp. 283 - 305, № 121, 122, Pl. 16.
77. См. сводки светильников с этой маркой: Buchi, Op. cit., p. 33 - 36; Panazza, Op. cit., p. 94; tab. d, pp. 136-137.
78. Loeschcke, Op. cit., S. 108; дискуссию о месте производства ламп с этой маркой см. Buchi, Op. cit., p. 33, Gualandi, Op. cit., pp. 273-274.
79. О времени начала производства этих светильников см. Buchi, Op. cit., p. 33; Gualandi, Op. cit., p. 275; Alicu, Die Firmalampen..., p. 208; Neumann, Op. cit., p. 25, pl. XXI - XXII; Alram-Stern, Op. cit., p. 70; Szentileky, Op. cit., № 130.
80. Buchi, Op. cit., p. 33
81. Подробнее см. Buchi, Op. cit., p. XXIV - XXVI.
82. Д.Алику предположила, что светильники с клеймом Cresces были широко распространены во II - III вв.н.э., одна из опубликованных ею ламп относится к середине III в.н.э. (Alicu, Die Firmalampen..., S. 208, S. 14). См. также: Alicu D., Nemes E., Op. cit.,

- pp. 13 - 14, другие светильники с подобной маркой из Румынии - Benea D., Les recherches archéologiques de l'établissement romain de Micasa // Dacia, XXXIV, 1990, № 49. См. также Ivanyi, Op. cit., № 1680, S. 149.
83. Подробнее об этом типе см. Buchi, Op. cit., p. XXIV - XXVI.
84. Согласно мнению Е.Буки (Buchi, Op. cit., p. 19) мастерская Кассия производила не только Firmalampen.
85. Loeschke, Op. cit., S. 108; Alicu, Die Firmalampen..., S. 208; Buchi, Op. cit., S. 19.
86. Buchi, Op. cit., p. 19; Е.Алрам-Штерн предполагает, что светильники из мастерской Кассия производились во II и даже в начале III вв. н.э.; один из светильников был обнаружен в комплексе IV в.н.э. (Alram-Stern, Op. cit., № 166, S. 68 - 69).
87. Bailey, Roman lamps made in Italy, p. 92. Подробнее о светильниках с этой маркой см. Buchi, Op. cit., p. 19 - 20.
88. Alicu, Die Firmalampen..., S. 208 (светильники с клеймом Кассия из Дакии); Alicu, Nemes, Op. cit., p. 13.
89. См. Ivanyi, Op. cit., 1935, № 1586, S. 143.
90. См. светильники из Силистринского музея Музея (Кузманов, Бъчваров, Указ. соч., № 69 - 73, табл. IX и X).
91. Mușeteanu C., Culica V., Elefterescu D., Lampes estampillée de Durostorium // Dacia, XXIV, 1980, № 9 - 22b, fig. 86 9; Benea, Op. cit., № 45 - 47; Alicu, Nemes, Op. cit.
92. Подробнее см. Buchi, Op. cit., 1975, p. XXIV.
93. См. Alram-Stern, Op. cit., p. 79
94. О клеймах см. Buchi, Op. cit., p. 96 - 101, Pl. XXXV.
95. Кадеев, Сорочан, Указ. соч., с. 43.
96. Gualandi, Op. cit., p. 284.
97. Loeschke, Op. cit., S. 108; Leibundgut, Op. cit., S. 73.
98. См. Alram-Stern, Op. cit., p. 78 - 79, № 275 - 283 (pp. 202-204); № 499 - 501 (pp. 258-9), Pl. 11, 30; Neumann, Op. cit., p. 26, pl. XXIV; Deringer H., Römische Lampen aus Lauriacum, Linz, 1965, № 87, S. 86 и Taf. II.
99. Ivanyi, Op. cit., № 4566 - 4570.

Л.А. Ковалевская, А.В. Шевченко

АЛТАРИК С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ДЕВЫ С ХОРЫ ХЕРСОНЕСА

Во время проведения раскопок в 1999 году в Верхне-Юхариной балке, на территории усадьбы 340 (341), в помещении I, в его северо-восточной половине, в слое засыпи была обнаружена небольшая плитка из известняка с изображением женского божества на лицевой плоскости (рис. 1). Помещение I оформляется в результате перестройки усадьбы в римское время и первоначально служит главным хранилищем продуктов питания, о чём свидетельствуют остатки установленных в нём нескольких пифосов. Согласно стратиграфической ситуации засыпь, в которой обнаружена находка, образовалась в результате последнего ремонта помещения I, когда пифосы

были засыпаны или вовсе извлечены и по всей площади помещения проведены нивелировочные работы путём подсыпки грунта, судя по находкам и характеристике взятого непосредственно с территории самой постройки. Алтарики попадают в слой засыпи вместе с керамическим материалом, в основном относящимся ко II-III вв. н.э. Находка алтарика с изображением женского божества, бесспорно, свидетельствует о существовании на территории усадьбы небольшого домашнего святилища, точное расположение которого уже нельзя указать, хотя с большой осторожностью можно связать с помещением 10, где был обнаружен *in situ* алтарь для жертвоприношений. Что

Рисунок 1.

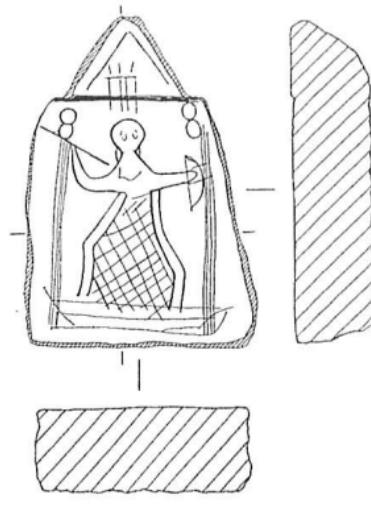

Рисунок 2.

же касается времени функционирования святилища. К сожалению, условия находки не позволяют определить её точную датировку. Приблизительно достоверно время *ante quem*, фиксирующееся пожаром конца II - первой половины III вв. н.э., который явился причиной гибели помещения 1¹. Датировка находки уточнена нами на основании иконографической характеристики.

Найдка великолепной сохранности, представляет собой небольшой известняковый алтарик трапециевидной формы, размером 10.0x7.0x5.1 см, украшенный фронтом. На лицевой, плоской стороне помещено графическое изображение богини Девы в эдикуле, представляющей собой небольшой храмик. Архитектурное оформление эдикулы также выполнено графически - две каннелированные колонки по бокам поддерживают фронтон, трёмя врезными линиями обозначено ступенчатое основание эдикулы. Богиня Дева изображена в центре эдикулы, в стремительном движении вправо. Она одета в длинный хитон, высоко подпоясанный под грудью и украшенный перекрещивающимися прямыми линиями. В правой, согнутой в локте руке, богиня держит дротик, в левой, далеко отведённой от тела, лук (со стрелами?). Правая нога согнута в колене, левая изображена в таком же положении, но сгиб обозначен ниже. Голова богини повёрнута в фас, на лице прочерчены большие круглые глаза, над головой помещён высокий башенный венец. Поза богини Девы хорошо знакома по ряду выпуска монет херсонесско-

го чекана середины I в. до н.э. - II в. н.э., где на обратной стороне помещено статуарное изображение главной защитницы Херсонеса². Аналогичное изображение богини Девы присутствует на фрагментированном посвятительном рельефе II-III вв³. Известно, что к началу нашей эры в Херсонесе выработалась совершенно определённая иконография Девы, имевшая прототипом городскую статую богини, созданную, по-видимому, в тревожный и трудный II в. до н.э.⁴ Статуя богини, ставшая со временем своего рода местным каноном, создавалась под сильным влиянием искусства малоазийских центров, прежде всего, скульптурных изображений алтаря Зевса в Пергаме⁵. Городская статуя Девы неоднократно воспроизводилась на монетах херсонесского чекана I-III вв., причём с разных точек зрения⁶. Так на монетах первой половины I в. н.э. богиня изображена в движении вправо, но голова повёрнута в фас⁷. На обратной стороне двух выпусков монет второй половины I в. н.э. присутствует аналогичное изображение, но голова богини дана в профиль⁸. На монетных выпусках начала III века - тоже статуарное изображение богини, но у ног богини появляется лань⁹. Вновь найденный памятник интересен во многих отношениях. Прежде всего, это единственное на сегодня изображение главной защитницы Херсонеса, дошедшее до нас целым. До его появления статуарное изображение Девы известно было только в местной нумизматике и частично по фрагментарному посвятительному рельефу II-III вв. н.э. Алтарик

выполнен из местного известняка местным мастером II-III вв. н.э. Не исключено, что помимо графики, здесь была применена и живопись, хотя её остатков не отмечено. Взяв за основу каноническое изображение богини Девы, мастер допустил некоторые отклонения от оригинала, а именно: двойным контуром подчеркнул с боков фигуру богини, изменил положение левой ноги, своеобразно украсил хитон - вместо длинных складок - пересекающиеся прямые линии. Богиня изображена в эдикуле. Это своеобразная культивая постройка известна в Херсонесе со времени раннего эллинизма, где связана с хтоническими божествами: Корой-Персефоной, Деметрой, Дионисом. Но в римское время эдикула стала типична для местных богов - покровителей дома и семьи. Примечательно, что в этой роли впервые выступила Дева, главная защитница и охранительница херсонесского государства.

Примечания

1. Ковалевская Л.А. Керамический комплекс конца II - первой половины III вв. н.э. из раскопок виллы 341 // Херсонесский сборник. Вып. IX. Севастополь. 1998. С. 89-94.
2. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. М. 1977. №№ 199, 204, 205.
3. Античная скульптура Херсонеса. М. 1976. № 79.
4. Щеглов А.Н. Фракийские посвятительные рельефы из Херсонеса Таврического. МИА. 150. 1969. С. 167-168.
5. Зограф А.И. Статуарное изображение Девы в Херсонесе по данным нумизматики. ИРАИМК. Т.2. 1922. С. 359.
6. Герловина Ф.И. К вопросу о херсонесской статуе Девы. СХМ. 3 1963. С. 30-31.
7. Зограф А.И. Указ. соч. Табл. XXXVII. 3,4.
8. Зограф А.И. Указ. соч. Табл. XXXVII. 8,9.
9. Зограф А.И. Указ. соч. Табл. XXXVII. 1,4,7,10.

АГРАРНАЯ ИСТОРИЯ КЕРКИНИТИДЫ (ЧАСТЬ II)

Организация сельскохозяйственных угодий. Прилегающая к городу территория, к сожалению, в агротехническом отношении никогда ранее не исследовалась. Только П.О. Бурачков в 70-е годы прошлого века дважды произвел визуальный осмотр местности между Карантинным мысом и Биюк-Мойнакским соленым озером и нанес видимые в то время следы каких-то строений на план (рис.1)¹. Его последователи ограничивались проведением раскопок некрополя и отдельных усадеб около названного водоема. С.Ф. Стрежелецкий² теоретически допускал, что к Керкинитиде и Калос Лимену примыкали клеры их граждан, аналогичные тем, которые были изучены на Маячном и Гераклейском полуостровах. Одна из их усадеб по его мнению раскопана Л.А. Моисеевым³. Еще менее определенно высказывались по данному вопросу В.Д. Блаватский⁴, М.А. Наливкина⁵ и А. Вонсович⁶. Тем не менее, А.Н. Щеглов практически никак не обосновывая предположил, что хора Керкинитиды была поделена на 70 - 120 наделов⁷. При этом его несколько не смущило, что в обозначенной им трехкилометровой окружке города никак не могло разместиться размеченное на представленной схеме количество участков, ни то, что они не соответствуют строительным остаткам видным на плане П.О. Бурачкова. По расчетам Г.М. Николаенко, основ-

анным на графическом рисунке А.Н. Щеглова, наделы вблизи Керкинитиды имели ту же площадь, что и на Гераклейском полуострове, то есть равную 216 плетрам (26,4 га)⁸. Здесь могло по её мнению располагаться в соответствии с пропорциями ближайших окрестностей Херсонаса от 26 до 30 усадеб, то есть по одному комплексу на каждый городской дом⁹. Сам же А.Н. Щеглов в одной из последних работ сравнивает кадастр в окрестностях города с аналогичными выделенными по аэрофотосъемке структурами на южном берегу Тарханкута и в районе крепости Чайка, т.е. в 9,9 га¹⁰. Правда А.Б. Колесников и И.В. Яценко¹¹ изучавшие сельскохозяйственные угодия вокруг последнего из упомянутых объектов на базе тех же данных рассчитали параметры одного стандартного - прямоугольного или в виде параллелограмма - надела в 210 x 210 м (36 плетров или 4,4 га). Свои выводы они подкрепляют и результатами археологических раскопок. И, наконец, автор работы, исходя из косвенных посылок предположил, что типовой участок мог достигать 4,5 - 5,0 га¹², с чем вроде бы согласился В.М. Зубарь¹³ и Г.М. Николаенко¹⁴.

Никто из названных авторов следует это особо подчеркнуть не приводил в подтверждение своих расчетов фактических наблюдений, доказывающих существование каких-либо следов размежевания непосред-

ственно просматриваемых на пространстве между Б. Мойнакским и Сасык-Сивашским озерам. Не можем сейчас привести их и мы. Вместе с тем многолетние наблюдения за всеми строительными работами в Евпатории, в процессе которых мы имели возможность просматривать многокилометровые траншеи, в широтном и меридиональном направлениях, огромные котлованы, не позволили зафиксировать ни одной пантажной каменной стены, тем более дороги, равно как и ни одной деля-

шей между собой поля канавы. При нынешней мощности черноземов (50 - 60 см) придонные части разделятельных ровиков, казалось бы, должны были отчетливо просматриваться на фоне его подстилающего красно-желтого суглинка и мергеля. Ничего подобного пока не открыто¹⁵. Нам остается только предполагать, что вся территория членилась на отдельные наделы с помощью снивелированных со временем невысоких земляных насыпей или слишком неглубоких канавок¹⁶. И тот и другой

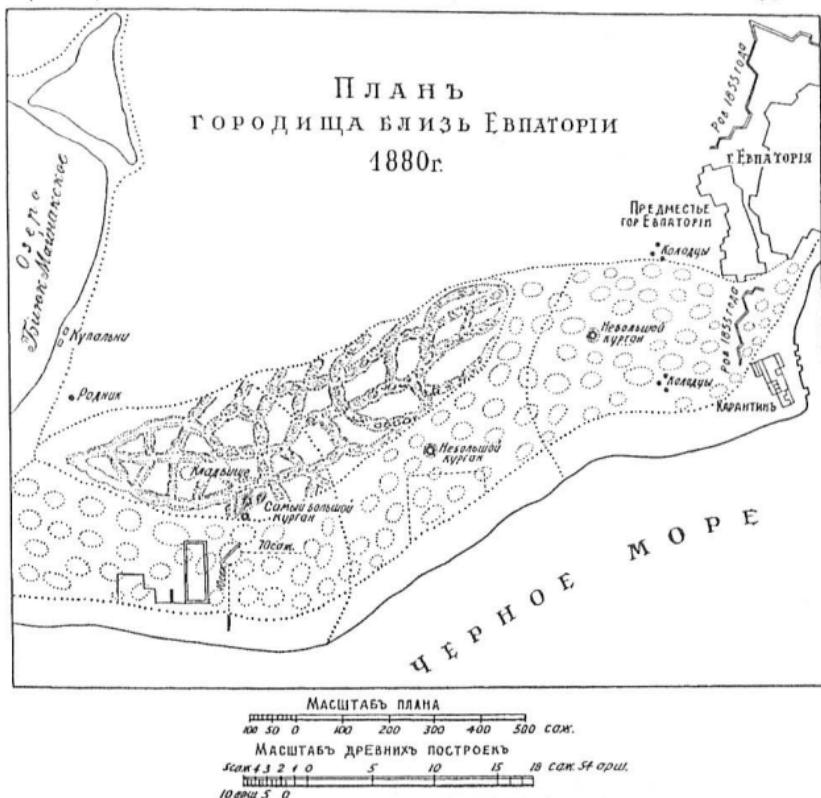

Рисунок 1.

Илан территории между Каратинским мысом и Биюк-Мойнакским озером с обозначением видимых на поверхности строительных остатков (по И.О.Бурачкову, 1881).

прием использовался в античную эпоху. К тому же, участки керкинитов - специализировавшихся на зерновой продукции - могли не иметь дробного деления. Окончательно ответить на поставленный вопрос могут лишь целенаправленные археологические исследования, пока еще незастроенной территории современного города или счастливый случай. Будем надеяться и на то и другое. Однако, надо иметь в виду, что сам рассматриваемый ареал не лишен вообще строительных остатков:

здесь были открыты сельские усадьбы и башни, места с культурным слоем, о которых речь пойдет ниже.

На аэрофотосъемке (рис. 2-3) отчетливо просматриваются следы древней размежевки на пространстве от Мойнакского озера на востоке и сел Витино - Хуторок на западе, вглубь полуострова на 6 - 8, а местами до 11 км. Земельные участки четырехугольной формы (редко квадраты и прямоугольники, а чаще трапеций) выделяются узкими темными полосами, которые являются, как

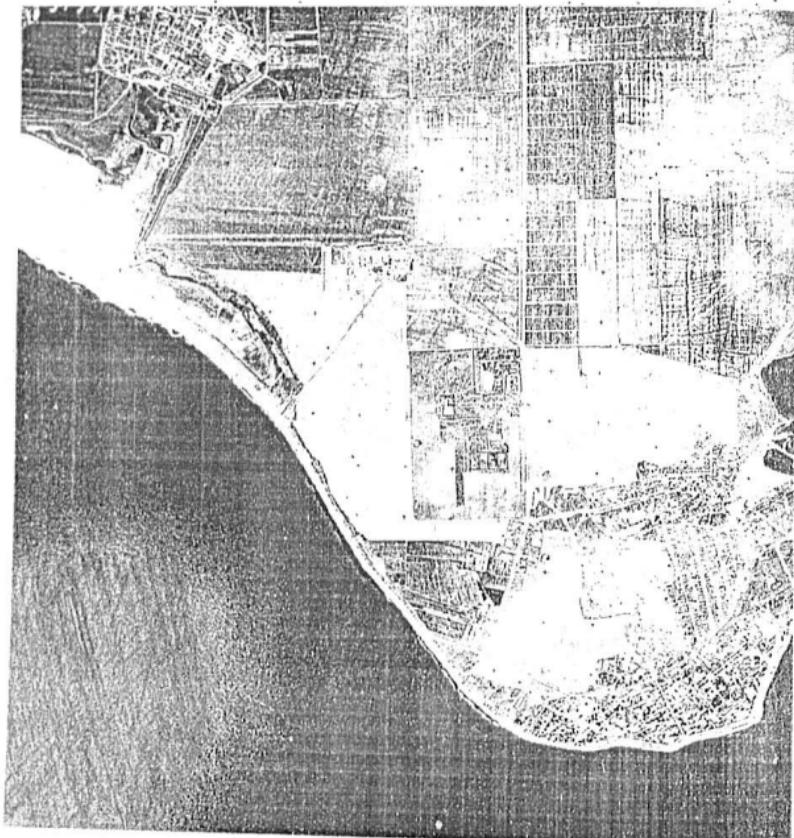

Рисунок 2.

Аэрофотосъемка района Евпаторийского мыса с видимыми следами древних наделов.

показали раскопки в районе Маякских усадеб - разделительными каналами¹⁷. Причем основные ограничительные межи - криволинейны и ориентированы под небольшим углом друг к другу, так что смежные площади несколько отличаются планометрическими рисунками.

В отличие от строго выдержанной пространственной организации Херсонесских владений - нетрудно заметить (рис. 2-3) - рассматриваемая планировочная композиция но-

сит иррегулярный характер и, по всей видимости, является реальными следами более ранней межевой системы Керкинитиды. В таком случае структура хоры Керкинитиды более всего напоминает кадастр Таманского полуострова¹⁸, на плато Мысыр в Крымском Приазовье¹⁹, округи Ольвии²⁰ и Никония²¹. Однажды возникнув, система эта - при примитивных орудиях труда - вряд ли была изменена позже и, в целом, сохранилась при последующем господстве тут

Рисунок 3.

Аэрофотосъемка района озера Тереклы-Конрат и античного городища Аиури у с. Витино.

Херсонеса. Заметим к месту, что на имеющихся в нашем распоряжении снимках не видны следы прямолинейных межей, примыкающих к городищу Аирчи у с. Витино²².

Сельскохозяйственные усадьбы. Если следы древней межевой системы оказались не в поле зрения дореволюционных ученых (да и науки того времени), то остатки античных построек на ближайшей окраине Керкинитиды вызвали у них пристальное внимание, прежде всего, в связи с поисками на местности этого загадочного города. До 1894 г., когда все пространство между Карантинным мысом и Биюк-Мойнакским озером было Евпаторийской Городской упрацой разбито на прямоугольные кварталы и более мелкие участки внутри, отведенные под дачную застройку, реальные строительные остатки античной эпохи просматривались над дневной поверхностью того времени, а кое-где и возвышались над ней. Кругом также встречались обломки античной керамики, терракоты, фрагменты бронзовых статуэток и монеты²³. Особенно много археологических находок появилось в процессе разработки поверхностного слоя земли под плантажи, с целью удобрения и т.д., что в свою очередь стимулировало всплеск кладоискательства²⁴. В результате бурного курортного развития Евпатории на рубеже XIX и XX столетий и не менее активной деятельности по обустройству Всесоюзного советского курорта какие-либо заметные следы предыдущих эпох были полностью скрыты под современным городом.

Уже Ф. Брун в 3 км к западу от Евпатории, в уроцище «Юртлук» (по татарски - «населенное место») у Мойнакского озера, наблюдал развалины каменных построек и собирая античную керамику, в том числе он подобрал амфорную ручку (вероятно, херсонесскую) с клеймом²⁵, а также сообщил о находках тут - по слухам большого количества монет. Обследовавший окрестности Евпатории в 1880 г. П.О. Бурачков отметил (рис. 1) наличие здесь, по крайней мере, еще трех разновременных сельбищ, площадью около квадратной сажени каждое, защищенные со стороны стены общим валом, а также так называемое укрепление, у которого прослежена два участка куртин. Северное из них, протяженностью около 150 м, фланкировалась двумя башнями, четко обозначенными в рельефе всхолмлениями²⁶. Предпринятые им раскопки - узкой траншеей - одной из башен в северо-западном углу подтвердили его предположение, что она имеет круглую форму. У обследованного этого места в 1893 г. Н.Ф. Романченко не возникало сомнения в том, что описанные его предшественником остатки относятся к укреплению (на плане Г), следы которого отчетливо были видны и в его время (крепостная стена, башня и прочие фундаменты)²⁷. Остается не совсем ясным, почему он выбрал менее выразительный объект? В 1941 г. место круглой башни - в связи с находкой краснофигурного аска с 30 монетами - было обследовано П.И. Филонычевым, а в 1950 - 1951 гг. М.А. Наливкиной²⁸. На этот раз были полностью раскрыты, но, увы,

уже жалкие, остатки круглого сооружения, диаметром по внешнему обводу 6,2 м, внутреннему - 5,5 м (рис. 6-7). Башня была сложена из рустованных блоков известняка, сохранившихся наполовину окружности: всего 12 блоков в нижнем ряду и два в верхнем. Судя по данным обрывкам в основание постройки были уложены блоки в толщину всей стены; во втором ряду - орфостаты, облицованные с внутренней стороны мелким бутом на глине. К сожалению, в начале 50-х годов не осталось и следов от примыкающей к ней с востока стены, которую П.О. Бурачков прослеживал на протяжении по-

ти 150 м и сейчас нет возможности судить о том, принадлежали они к небольшому укреплению или к отдельно стоящей усадьбе. Поскольку, как выяснилось раскопками, башня занимала не крайнее угловое положение (к ней с запада примыкала постройка) последнее предположение предпочтительнее. Существуют разные мнения о датировке круглой башни: М.А. Наливкина²⁹, а вслед за ней А.Н. Щеглов, относили ее к IV - III вв. до н.э.; последний из названных авторов в последствии уточнил, что усадьба эта погибла не позднее начала III в. до н.э.³⁰ Единственный очищенный экземпляр упомянутого

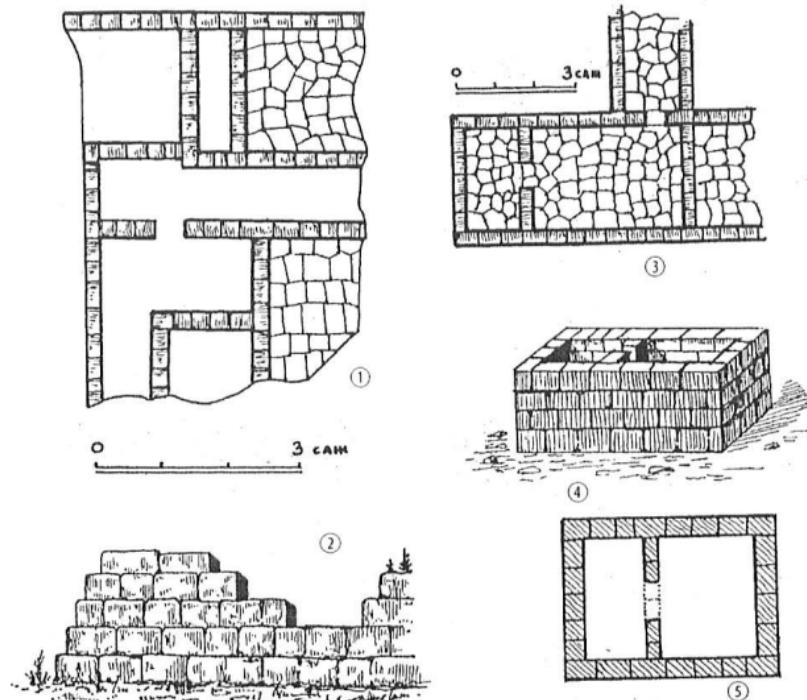

Рисунок 4.
Строительные остатки сельскохозяйственных усадеб на берегу Мойнакского озера
(по И.Ф. Романченко; 1896; 1907).

выше клада принадлежит монете типа квадрига-воин, остальные аналогичные или близких типов³¹. А.Б. Колесников на основании керамических клейм, в основном, гераклейских и одной из определенных монет из клада, а также отсутствия херсонесского импорта, относил существование памятника к концу 70-х годов - третьей четверти (40-м годам) IV в. до н.э.³² В такой датировке вполне справедливо усомнился А.Н. Щеглов, поскольку херсонесская керамика в самом Херсонесе встречается не ранее последней трети IV в. до н.э.³³ Несмотря на отсутствие херсонесского керамического импорта, постройка эта возведена в «херсонесской строительной технике».

Чуть более 600 м к северо-западу от описанного комплекса при строительных работах на территории санатория им. Т.Г. Шевченко в 1964 г. была обнаружена еще одна сельская усадьба, в бутовой кладке которой был найден глиняный сосуд с кладом монет. Позднейшие из них - типа Дева, поражающая лань и бык - датируются по современной классификации 300 - 290 гг. до н.э.³⁴ К сожалению, никаких раскопок или хотя бы зачисток на этом месте не произошло. Удивляет полное отсутствие в кладе синхронных херсонесскому чекану монет Керкинитиды, в том числе последнего наиболее массового выпуска 300 - 290 гг. до н.э. типа: сидящий скиф-конь. Не исключено, что именно эти монеты разошлись по рукам строителей и не были собраны. Как нам представляется, рассматриваемый комплекс не имеет никакого отношения к усадьбе 2

П.О. Бурачкова, как полагает А.Б. Колесников³⁵, и которая была расположена чуть западней круглой башни.

Настоящий поселок, состоящий из отдельно стоящих сельскохозяйственных усадеб, располагался в пределах Мойнакской грязелечебницы, на северо-восточном берегу одноименного соляного озера. Тут в 1895 г. Н.Ф. Романченко не полностью открыл остатки одной многокамерной усадьбы, сложенной из отесанных камней с соблюдением перевязи, два помещения которой имели плитовые вымостки, остальные - земляные полы (рис. 4.1-2). Причем он отмечает заметные следы пожара внутри постройки³⁶. Рядом с рельефом был обнаружен небольшой фронтон, который, быть может, венчал собой небольшую эдикулу с алтарем, посвященным богу-герою. Фундаменты еще одной постройки, сложенной из тесанных камней, были раскрыты в 1897 г. чуть юго-восточней. Тогда же были не полностью раскопаны четыре помещения с вымосткой внутри них, принадлежавшие третье по счету усадьбе (рис. 4. 3). Руины еще одного прямоугольного здания, размерами 10 x 7,80 м, разделенного внутри перегородкой, были обнаружены несколько восточней от предыдущей постройки (рис. 4. 4-5). Она была сложена из тщательно отесанных камней. Настигивает то обстоятельство, что последнее из названных строений было, по словам автора раскопок, сложено не из известняка, а из песчаника³⁷. Для нас особенно важными являются указания Н.Ф. Романченко о том, что вблизи озера, но

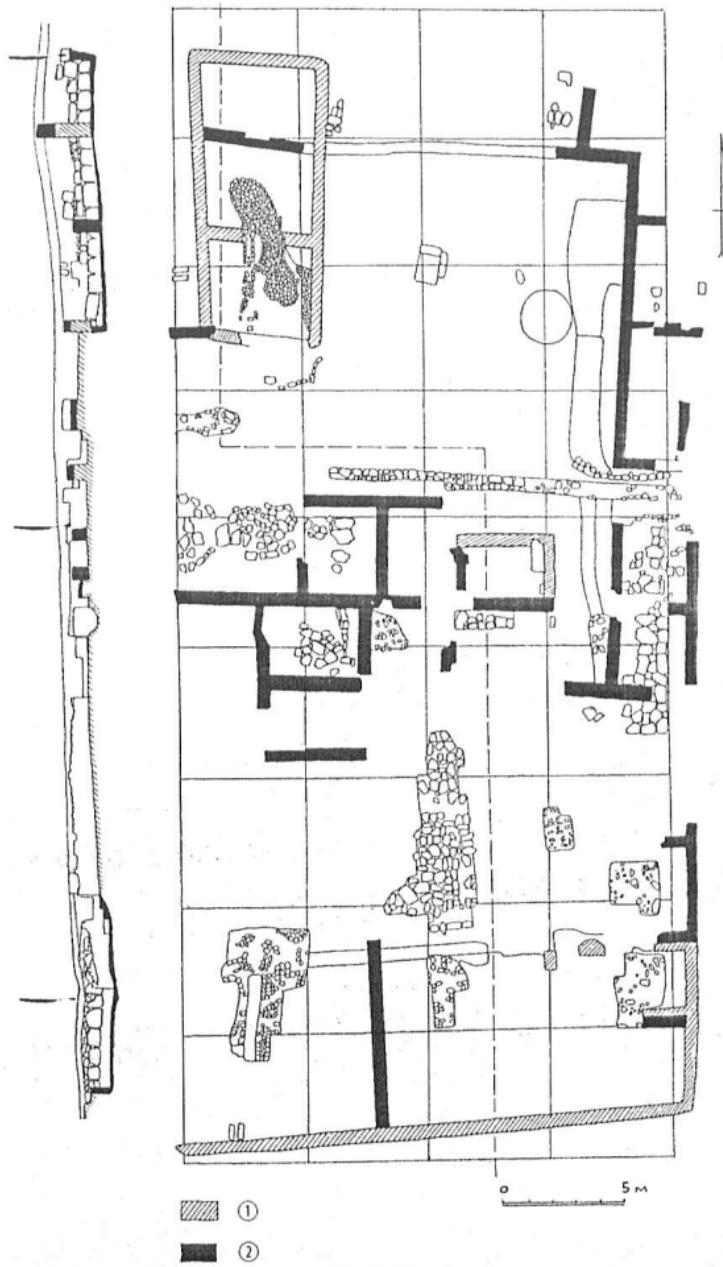

Рисунок 5.

Сельскохозяйственные усадьбы на берегу Мойнакского озера (по Л.А.Моисееву, 1917)
Архив ГАНМК Р-1 № 720 № № 5556. 1 - первый строительный период; 2 - второй строительный период.

ближе от раскопанных к морю территорий просматриваются на поверхности остатки зданий с массой археологических находок³⁸. Иными словами, на всем этом пространстве находилось достаточное количество сельскохозяйственных усадеб.

Правильность сказанного была полностью подтверждена результатами работ Л.А. Моисеева в 1917 г., когда в том же районе были раскопа-

ны на относительно большой площади остатки двух усадеб, примыкающих друг к другу с периметральным расположением помещений и большим двором внутри (рис. 5). Они были сооружены над более ранними, по нашему мнению, культовыми сооружениями³⁹. А.Н. Щеглов считает, что нижние постройки являются остатками более ранней усадьбы с башней с северо-западном углу, относя-

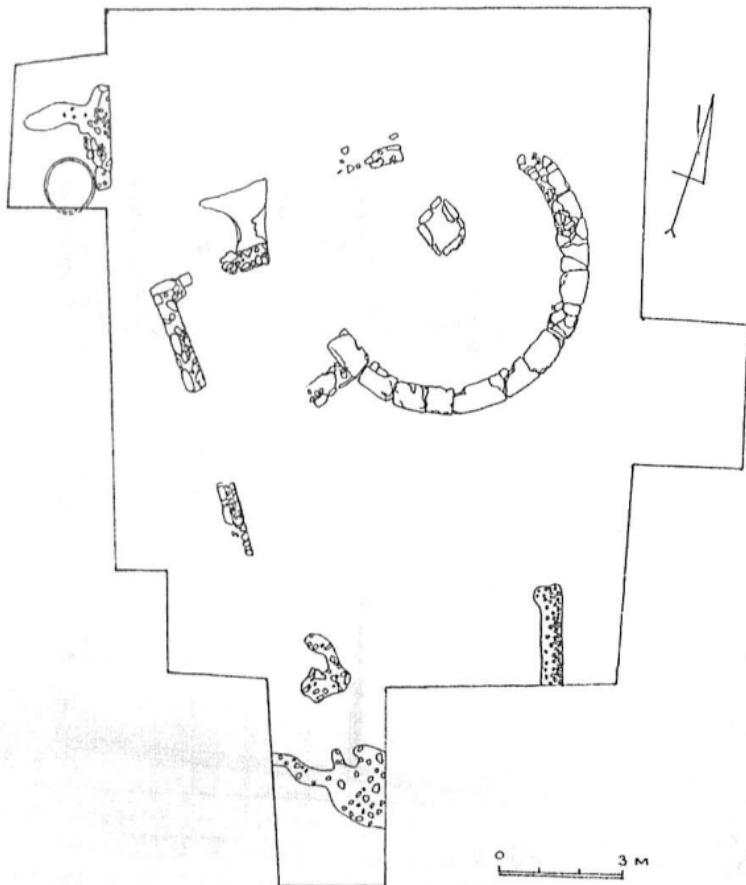

Рисунок 6.
Фундаменты круглой башни в округе Керкинитиды (по М.А. Наликиной, 1952; 1953; 1957).

щейся к округе Керкинитиды еще до включения города в состав Херсонесского государства; перестройка усадьбы во второй половине IV в. до н.э. по времени совпала с появлением расположенного рядом укрепления Чайка. Она прекратила существование не позднее середины II в. до н.э.⁴⁰ А.Б. Колесников ограничил время жизни всего комплекса последней третьью IV - III вв. до н.э. Он отрицает - несмотря на очевидность данного факта - наличие двух строительных периодов памятника; нижний ярус он объясняет функциональным назначением «заглубленных помещений», а в северо-западном углу - по его мнению - находился подвал⁴¹.

Культурный (зольный) слой первой половины IV в. до н.э. был зафиксирован нами в 1985 г. в срезах кот-

лована под строительство дворца пионеров, в 1,4 км от городища. Отдельные находки керамики постоянно встречаются на всем пространстве между Карапинским мысом и Б. Мойнакским озером. Все изложенные выше факты свидетельствуют лишь о том, что на всем этом пространстве располагались сельскохозяйственные усадьбы жителей Керкинитиды: они, по всей видимости, находились на отдельных земельных наделах, а на берегу неоднократно упоминаемого озера постройки эти составляли отдельный поселок.

По мнению А.Б. Колесникова, большинство усадеб в окрестностях Керкинитиды, за исключением поселений Песчанка и Чайка, гибнет в первой четверти III в. до н.э. и более никогда не восстанавливаются⁴².

Рисунок 7.

Вид с юго-запада на основание круглой башни в округе Керкинитиды (по М.А.Палиакиной, 1957).

Учитывая катастрофический характер разрушений на херсонесской хоре в это время, данное предположение вполне вероятно. Однако, представляется, что часть из них все же была возрождена и просуществовала до начала - середины II в. до н.э. Следы от пожаров внутри строительных остатков отмечали П.О. Бураков⁴³ и Н.Ф. Романченко⁴⁴.

Обработка почвы, уборка и хранение урожая. Основной тягловой силой и транспортным средством служили волы⁴⁵. Железные детали ярма были открыты в здании Уб на поселении Панское I. Новь вспахивали деревянными ралами, впряженными в пару валов, с горизонтальным полозом и искривленным гряделем, примерно, таким, каким изображался на Боспорских монетах⁴⁶. Полозные рало были наиболее приемлемыми при работе на землях с глубоким и вместе с тем однородным пахотным слоем, без посторонних примесей, что полностью соответствует району современной Евпатории. Их рабочая часть усиливалась железными втульчатыми наральниками. Три из них открыты в северо-западном Крыму: на расположенному вблизи Керкинитиды поселении Маяк он имеет острый конец⁴⁷; на более отдаленных памятниках Панском I и Маслины, также как и на образце из Никония, напротив, - широкую, с легким изгибом, лопасть⁴⁸. Быть может, различия их формы отражают некоторые локальные особенности структуры почвы этих близких районов, безусловно несколько более каменистой на Тарханкуте. В таком случае Евпаторийский наральник был больше

рассчитан на удаление сорняков и легко бы ломался при попадании на камни; напротив, остальные облегчили их удаление. Комья после вспашки поля разбивались с помощью мотыг, пашню рыхлили боранами⁴⁹.

Местоположение вблизи группы крупных соляных озер позволяло удобрять землю не только навозом и золой, но и широко использовать илистую землю⁵⁰, а также извлекать гипс⁵¹, столь необходимый для виноделия и других нужд, например, приготовления полбенной крупы⁵². Для сбора навоза и главное приобретение им своих полезных качеств необходимо было стойловое содержание крупного скота. Также и в 80-е годы прошлого века золу бережно сохраняли в особых крытых помещениях, чем исключали всякую возможность ее выщелачивания и потери питательных веществ⁵³. Весьма оригинальный способ повышения плодородия почвы предлагал Ксенофонт, который советовал оставлять на полях высокую солому, а затем ее сжигать и перепахивать, что практически приравнивалось к внесению минерального удобрения⁵⁴. Однако, в Керкинитиде золу, судя по всему, применяли ограниченно: обращает на себя внимание раскрываемая раскопками сплошная зольная свалка вдоль всего периметра крепостных стен; либо золы в печах и очагах накапливалось гораздо больше, чем было необходимо для удобрения почвы.

Жатва велась железными серпами, хорошо представленными на упомянутых выше сельских поселениях⁵⁵ и единичными находками в городских кварталах самой Керкини-

тиды: обломок одного из них происходит с раннего пола второй половины IV в. н.э. дома с андроном⁵⁶. Феофраст констатирует: пшеницу и некоторые сорта ячменя жнут на отрезень, поскольку не пересохшее зерно лучше молоть [VIII, 11,3]. К сожалению, мы не совсем представляем себе, где хранился урожай зерновых: никаких специальных ям [см.: Colum., 6,15] или амбаров [Theoph., VIII, 11,1] на территории раскрытых кварталов Керкинитиды не обнаружено. Зато тут лишь в некоторых домах были открыты погреба, а в одном случае целый подвальный этаж, где могли быть установлены пифосы с разнообразными сельскохозяйственными продуктами⁵⁷. Обломки таких сосудов повсеместно встречаются при раскопках жилых комплексов; находки двух больших в человеческий рост пифоса (к несчастью, раздавленных) с цифровыми метками на венчиках отмечены Л.А.Моисеевым в 1929 г. в точке Б, в северо-восточном углу памятника и в 1917 г. в раскопе XLIII на западной его окраине⁵⁸. Количество раскрытых нами хриилищ внутри города, как, впрочем, и число известных к настоящему времени сельскохозяйственных

усадеб слишком незначительно, чтобы вместить весь собранный урожай. По всей видимости, экспортная часть пшеницы вывозилась в первые несколько месяцев после уборочной, в течение июля - сентября, а оставлялся на хранение посевной материал и продовольствие. Однако ячмень, как основная кормовая культура, вряд ли продавался. Но в таком случае возможно хлеба, как и советовал Колумелла, сваливали на чердаках домов [Colum., 6,9] или в верхних помещениях зданий⁵⁹.

Обрушивание плечатых злаков - в нашем случае полбы и ячменя - производилось в каменных ступах при помощи деревянных или каменных пестов. Названные зерновки, равно как и пшеница, тут же дробились на крупу (ячневую, перловую и полбенную). Наши образцы изготовлены из легко поддающегося обработке известняка, имеют разную высоту и аналогичны находкам на остальных памятниках херсонесской хоры. Перемол зерна на муку осуществлялся с помощью импортируемых с малоазийского побережья жерновов в виде прямоугольных толкачей, изготовленных из особо твердых магматических пород⁶⁰.

Примечания

- Бурачков П.О. О местоположении древнего г. Каркинитеса и монетах ему принадлежащих // ЗООИД. - 1875. - Том 9. - С. 1 - 133; Бурачков П.О. Опыт соглашения открытой в Херсонесе надписи с природой местности и сохранившимися у древних писателей сведениями, относящимися ко времени войн Диофанта, полководца Митридата, со скифами // ЗООИД. - 1881. - Том 12. - С. 222 - 248.
- Стржелецкий С.Ф. Клеры Херсонеса Таврического // Херсонесский сборник. - Симферополь: Крымиздат. - 1961. - Вып. VI. - С. 45, прим. 7.
- Моисеев Л.А. Херсонес Таврический и раскопки в Евпатории в 1917 г. // ИТУАК. - 1918. - № 54. - С. 250; ИТУАК. - 1919. - N 56. - С. 310 - 311; Архив ГАИМК, р-1, № 720, №№ 5596.
- Блаватский В.Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. - М.: Изд-во АН СССР, 1953. - С. 25, прим. 2.

5. Наливкина М.А. Торговые связи античных городов Северо-Западного Крыма (Керкинитида и Калос Лимен в V - II вв. до н.э.) // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. - М.: Изд-во АН СССР, 1959. - С. 184; она же. Керкинитида и Калос-Лимен (некоторые итоги изучения) // Античный город. - М.: Изд-во АН СССР, 1963. - С. 55 - 56. - *Bibliotheca Classica Orientalis.* - 1965. - N 2. - S.83. (resume).
6. Wansowicz A. Zagospodarowanie przestrzeni państwa greckich: Olbia Pontyjska, Chersones Taurzyzki, Krolestwo Bosporaskie // *Archeologia.* - 1974. - N 25. - Карта 2.
7. Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. - Л.: Наука, 1978. - Рис. 51.
8. Николаенко Г.М. Межевание полей херсонесской хоры // КСИА. - 1985. - Вып. 182. - С. 13 - 14.
9. Николаенко Г.М. Херсонес Таврический и его хора // ВДИ. - 1999. - № 1. - С. 114.
10. Chcheglov A. Polis et chora. Cite et territoire dans le Pont-Euxin. - Paris, 1992. - P. 256 - 257.
11. Колесников А.Б., Яценко И.В. Аграрная территория Херсонеса Таврического в районе Керкинитиды // Territoires des cites Grecques. Table ronde/ E'cole Francaise d'Athènes / - 31.X - 3. XI 1991 (текст доклада - в печати).
12. Кутайсов В.А. Античный город Керкинитида. VI - II вв. до н.э. - Киев: Наук. думка, 1990. - С. 27.
13. Зубарь В.М. Херсонес Таврический в античную эпоху (экономика и социальные отношения). - Киев: Наук. думка, 1993. - С. 27.
14. Николаенко Г.М. Херсонес Таврический и его хора.... - С. 111.
15. Кутайсов В.А. Античный город Керкинитида... - С. 151; он же. Керкинитида // Археологические памятники Крыма. - Симферополь: Таврия, 1992. - С. 57 - 58.
16. Рогов Е.Я. Экология Западного Крыма // ВДИ. - 1996. - № 1. - С. 76; Николаенко Г.М. Херсонес Таврический и его хора - С. 107.
17. Колесников А.Б., Яценко И.В. Аграрная территория ...
18. Паромов Я.М. Обследование археологических памятников Таманского полуострова в 1984 - 1985 гг. // КСИА. - 1989. - N 196. - Рис. 2; он же. Материалы к археологии Таманского полуострова // Причерноморье в VII - V вв. до н.э. - Тбилиси: Мещниреба, 1990. - Рис. 1; Воронов А.А., Паромов Я.М. Планировочные принципы расселения на Таманском полуострове в античную эпоху // Архитектурное наследство. - 1990. - Рис. 2; Paramonov Ja.M. Intervention sur la péninsule de Taman // Le Pont-Euxin vu par les grecs. - Paris, 1990. - P. 161 - 164; Горлов Ю.В., Лопанов Ю.А. Древнейшая система мелиорации на Таманском полуострове // ВДИ. - 1995. - Рис. 1.
19. Масленников А.А., Безрученко И.М. Земельные наделы античного времени в Крымском Приазовье // КСИА. - 1991. - N 204. - Рис. 1.
20. Назарова Н.П. Об использовании антропогенных индикаторов при мелиоративных изысканиях на юге Украины // Известия Всесоюзного географического общества. - 1973. - Том 105. - Вып. 3. - С. 280 - 281.
21. Бруяко И.В., Назарова Н.П., Петренко В.Г. Древние культурные ландшафты на юге Тигуло-Днестровского междуречья по данным аэрофотосъемки // Северо-Западное Причерноморье - контактная зона древних культур. - Киев: Наук. думка, 1991. - Рис. 1-3.
22. Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым ... - Рис. 54,2.
23. Романченко Н.Ф. Материалы по археологии Евпаторийского уезда // Записки Русского археологического общества. - 1896. - Том 8. - Вып. 1 - 2. - С 226 - 227; он же. Раскопки в окрестностях Евпатории // ИАК. 1907. - Вып. 25. - С. 173.
24. Романченко Н.Ф. К вопросу о древнем поселении вблизи Евпатории // Археологические известия и заметки. - 1894. - N 1. - С. 11.
25. Брун Ф.К. Опыт соглашения противоположных мнений о Геродотовой Скифии и смежных с нею землях // Древности Геродотовой Скифии. - СПб., 1872. - Вып.2. - С. XXIII.
26. Бурачков П.О. О местоположении древнего г. Каркинитеса... - С.123; он же. Опыт соглашения... -С. 242 - 243, 245, табл. III.

27. Романченко Н.Ф. Материалы по археологии Евпаторийского уезда... - С. 223, прим. 1; с. 227, прим. 1.
28. Наливкина М.А. Основные итоги работ Евпаторийского отряда // КСИИМК. - 1952. - Вып. 45. - С. 114 - 118; она же. Раскопки в Евпатории // КСИИМК. - 1953. - Вып. 51. - С. 128 - 133; она же. Раскопки Керкинитиды и Калос-Лимена (1948 - 1952 гг.) // История и археология древнего Крыма. - Киев: Изд-во АН УССР, 1957. - С. 266.
29. Наливкина М.А. Основные итоги... - С. 115 - 116; она же. Раскопки в Евпатории... - С. 130; она же. Раскопки Керкинитиды и Калос-Лимена... - С. 266.
30. Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. - Л.: Наука, 1978. - С. 62, 98; см. - примечание на с. 352 в цитируемой ниже статье А.М.Гилевич.
31. Гилевич А.М. Хронология и топография кладов и коллективных находок херсонесских монет IV-II вв. до н.э. // Археологические вести. - 1999. - Вып. 6. - с. 383.
32. Колесников А.Б. Греческие сельскохозяйственные усадьбы в районе Евпатории. - Автореф. дисс... канд. ист. наук. - М., 1985. - С. 14.
33. Гилевич А.М. Хронология и топография... - С. 352, прим. 9.
34. Гилевич А.М. Кучук-Мойнакский клад херсонесских монет IV - III вв. до н.э. // НЭ. - 1970. - Т. VIII. - С. 3 - 16, табл. I - IV; Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. - Киев: Наук.думка, 1977. - №№ 77 - 81.
35. Колесников А.Б. Греческие сельскохозяйственные усадьбы в районе Евпатории... - С. 15.
36. Романченко Н.Ф. Материалы по археологии Евпаторийского уезда... - С. 219 - 236; ОАК за 1895 г. - СПб., 1897. - С. 76; Наливкина М.А. О некоторых памятниках античной эпохи Северо-Западного Крыма // СА. - 1940. - N 6. - С. 107 - 119.
37. Романченко Н.Ф. Раскопки в окрестностях Евпатории... - С. 180 - 182, рис. 15 - 18; ОАК за 1897 г. - СПб., 1900. - С. 39.
38. Романченко Н.Ф. Материалы по археологии Евпаторийского уезда ... - С. 227; он же. Раскопки в окрестностях Евпатории... - С. 173.
39. Моисеев Л.А. Херсонес... - С. 250; Кутайсов В.А. Античный город Керкинитида... - С. 13 - 14.
40. Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым ... - С. 97 - 98, рис. 56.
41. Колесников А.Б. Греческие сельскохозяйственные усадьбы... - С. 5 - 6, 14, 15.
42. Колесников А.Б. Греческие сельскохозяйственные... - С. 16; Яценко И.В., Турин Т.Н. Здание III в. до н.э. на городище Чайка в Евпатории (вариант реконструкции) // Памятники железного века в окрестностях Евпатории. - М.: МГУ, 1991. - С. 82.
43. Бураков П.О. Опыт соглашения... - С. 243.
44. Романченко Н.Ф. Материалы по археологии Евпаторийского уезда ... - С. 225 - 226.
45. Цалкин В.И. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннегоржелеза // МИА. - 1960. - N 63. - С. 32, 100; он же. Животноводство и охота в лесной полосе Восточной Европы в раннем железном веке // МИА. - 1962. - N 107. - С. 17 - 18; он же. Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии // МИА. - 1966. - N 135. - С. 19, 80 - 81, 96 - 97; Шнирельман В.А. Происхождение скотоводства (культурно-историческая проблема). - М.: Наука, 1980. - С. 226 - 230.
46. Краснов Ю.А. Древнейшие упряжные пахотные орудия. - М.: Наука, 1975. - С. 114, рис. 45; он же. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. - М.: Наука, 1987. - С. 72, 76, 90 - 91, рис. 44,3; 51.
47. Колесников А.Б. Античные сельские усадьбы у Евпаторийского маяка // ВМУ. История. - 1984. - N 4. - Рис. 4.
48. Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым ... - С. 107 - 108, рис. 57; Щеглов А.Н., Кузьмина Н.Н., Янушевич З.В., Чавчавадзе Е.С. Земледелие на поселении Панское I (северо-западный Крым) в IV - начале III в. до н.э. // Ботанические исследования. - 1989. - Вып.5.- Флора и растительность. - С. 66; Латышева В.А. Развитие земледелия на территории херсонесской хоры (по данным поселений Маслины и Гроты) // Археологические памятники Юго-Восточной Европы (железный век и эпоха средневеко-

- вья). - Курск, 1985а. - С. 76 - 77, рис. 1; Секерская Н.М. Античный Никоний и его округа в VI - IV вв. до н.э. - Киев: Наук. думка, 1989. - С. 63, рис. 17,7.
49. Античные государства Северного Причерноморья. - М.: Наука, 1984. - С. 154, табл. LV, 10-18.
50. Богаевский Б.Л. Очерк земледельческого хозяйства Афин // ЖМНП. - 1915. - № 4. - С. 195 - 196; Кругликова И.Т. Античное земледелие // Возникновение и развитие земледелия. - М.: Наука, 1967. - С. 106.
51. Берзина С.Я. Производство гипсовых изделий на Боспоре // Археология и история Боспора. - Симферополь: Крымиздат, 1962. - С. 238; Вонсович А. Вино, *tarichos* и погребальные обряды Боспора на рубеже эр // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. - Одесса, 1997. - С. 267.
52. Геопоники, VI, 18; VII, 4,3; XII, 5
53. Вернер К.А. Земледелие // ПКТГ. - 1889 б. - Отдел IV, глава III. - С. 56.
54. Хен., О., 18,2; Богаевский Б.Л. Очерк земледельческого хозяйства Афин ... - С. 195 - 196, 199.
55. Античные государства Северного Причерноморья. - Табл. XL, 19 - 32.
56. Кутайсов В.А. Дом с андроном из раскопок Керкинитиды // СА. - 1985. - № 3. - Рис. 6.
57. Кутайсов В.А. Античный город Керкинитида... - С. 90; Наливкина М.А. Раскопки в Евпатории... - С. 64; Крыжицкий С.Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья (VI в. до н.э. - IV в.н.э.). - Киев: Наук.думка, 1982. - 167 с.
58. Моисеев Л.А. Отчет о раскопках в Евпатории в 1929 г. // Архив НЗХТ. - Р. I. - N 1585. - С. 6.
59. Геопоники, II, 27,1.
60. Блаватский В.Д. Земледелие в античных государствах... - С. 136 - 141; Блаватский В.Д. Античная археология Северного Причерноморья. - М.: Изд-во АН СССР, 1961. - С. 38.

КРАСНОЛАКОВАЯ КЕРАМИКА ИЗ МОГИЛЬНИКА КИЛЕН-БАЛКА*

В 1968 г. в восточной части Гераклейского полуострова, на склонах Килен-балки, был обнаружен могильник позднеантичного времени (Рис. 1). В результате охранных мероприятий был защищен склеп, датируемый по погребальному инвентарю IV в.н.э. Работы на могиль-

нике были продолжены в 1991–1992 г.г. Севастопольской археологической экспедицией под руководством О.Я. Савели. В ходе раскопок было открыто 8 погребальных сооружений. Все погребения сопровождал разнообразный инвентарь: краснолаковые и столовые сосуды без лако-

Рисунок 1.

Расположение могильника Килен-балка на Гераклейском полуострове.

* Благодарю О.Я. Савелю за разрешение опубликовать данный материал. В настоящий момент описание типов погребальных сооружений, особенностей обряда захоронения готовится к печати О.Я. и Д.Ю. Савеля.

вого покрытия, стеклянная посуда, оружие, украшения; были найдены монеты IV в.в¹ В данной статье рассматривается самая многочисленная категория погребального инвентаря - краснолаковая керамика.

В современных работах, посвященных позднеримской краснолаковой керамике из Северного Причерноморья, в настоящее время нет единой точки зрения о месте ее производства. Наиболее дискуссионным является вопрос о происхождении группы сосудов, относимых исследователями либо к форме 62 В Африканской сигиллаты², либо к формам Понтийской позднеримской краснолаковой керамики³. Среди краснолаковой керамики из могильника Килен-балка присутствуют 2 типа сосудов, принадлежащих к этой группе (тарелки 1 и 2 типов представленной ниже классификации). Размеры изделий, их профилировка, качество глины и лака, а также широкое распространение сосудов этой формы в Северном Причерноморье, позволяют, на наш взгляд, поддержать мнение об их понтийском производстве⁴. Исследования в Херсонесе, в Юго-Западном Крыму показывают, что эта форма бытует достаточно долго - с III в. по третью четверть VI в., но наиболее часто встречается среди материала IV - нач. VI в.в⁵

Всего из склепов, открытых в 1991-1992 г.г., а также из склепа, зачищенного в 1968 г. происходит свыше 60 столовых сосудов открытой и закрытой формы**. Необходимо от-

метить хорошую сохранность всех обнаруженных сосудов.

Краснолаковая керамика в могильнике была представлена, в основном, тарелками и кувшинами, а также небольшим количеством мисок и чашек. Формы большинства найденных сосудов часто встречаются среди посуды позднеримского-ранневизантийского времени из раскопок Херсонеса, поселений и могильников Крыма. Отдельные типы находят аналогии среди известных форм позднеримской керамики: тарелка I.5 нашей классификации-форма 67 Африканской краснолаковой керамики, чашка III.1 - форма I Понтийской сигиллаты, чашка III.2 - форма I вариант В Фокейской краснолаковой керамики⁶.

Находки краснолаковой керамики в могильнике, в сочетании с другими категориями погребального инвентаря, позволяют уточнить датировку как отдельных сосудов, так и всего керамического комплекса в целом. При разделении краснолаковых сосудов на группы нами учитывались морфологические особенности изделий, их форма, вид, размеры, цвет глины и лака. Всего выделено 4 основные группы: тарелки, миски, чашки и кувшины. При описании цвета глины и лака был использован определитель Munsell Soil Color Charts⁷. Для обозначения основных размеров сосудов были приняты условные обозначения: D - максимальный диаметр венца, d - диаметр дна, H - высота сосуда.

** Коллекционные описи № 36715 и 37211 Национального заповедника «Херсонес Таврический».

Группа I. Тарелки

1. 1. Понтийская краснолаковая керамика. Форма 1

Тарелки на низком широком кольцевом поддоне, с расходящимися в стороны прямыми стенками, венчик заострен и слегка загнут внутрь.

$D=24,5 - 27$ см, $d=18-24$ см, $H=5-5,8$ см.

Тарелки покрыты темно-красным жидким лаком (10R red); глина розовато-коричневая (2.5 YR light reddish brown).

Этот тип самый многочисленный среди тарелок из могильника Килен-балка, представлен 13 экземплярами. На одной тарелке имеется граф-

фито на внешней поверхности дна; на другом экземпляре - метка в виде креста, выполненная по сырой глине.

Тарелки этой формы часто встречаются в комплексах позднеантичного времени в Херсонесе⁸, в могильниках Юго-Западного и Восточного Крыма⁹, на поселениях Северного и Восточного Причерноморья¹⁰, датируются сер. IV - первой половиной VI вв.

Рис. 2 (1-8, 10), 3 (1-4).

1. 2. Понтийская краснолаковая керамика. Форма 4

Тарелки на низком кольцевом поддоне, с расходящимися в сторо-

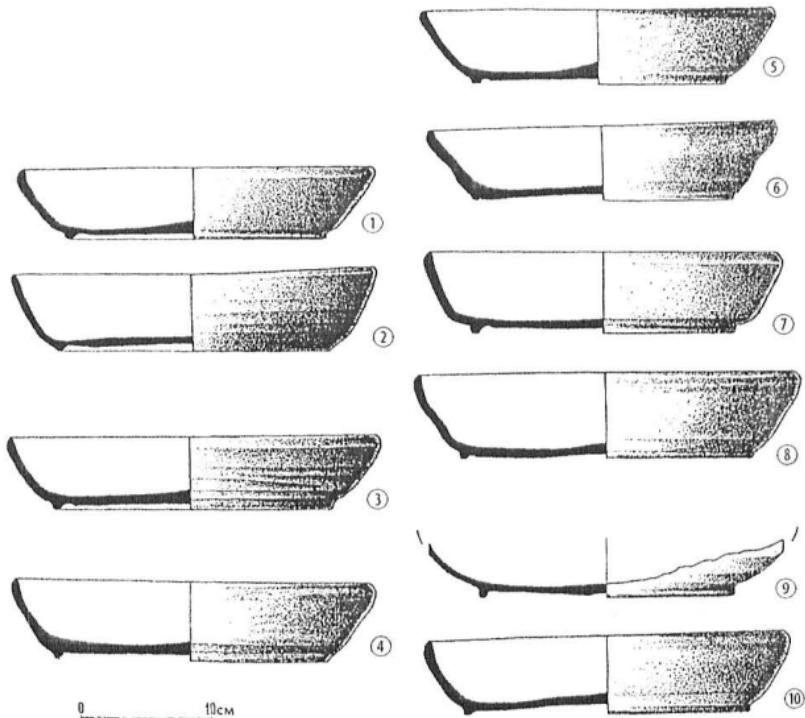

Рисунок 2.

Тарелки. 1-4 - 1968 г., из склепа; 5, 6, 10 - 1991 г., склеп 3, погребение I; 7-9 - 1991 г., склеп 3, восточная ниша.

ны прямыми стенками, венчик горизонтально отогнут наружу.

$D=25.5\text{-}30.5\text{ см}$, $d=18.7\text{-}22\text{ см}$,
 $H=4.2\text{-}4.8\text{ см}$.

Тарелки покрыты матовым лаком темно-красного цвета (10R red); глина хорошо отмучена, плотная, более светлого оттенка (2.5YR light red). Представлены 5 экземплярами. На двух сосудах нанесены граффити.

Такие тарелки известны среди краснолаковой керамики Херсонеса¹¹, могильников Юго-Западного и Восточного Крыма¹², среди материала из Танаиса¹³; датируются сер. IV-кон. V вв.

Рис. 3 (6-10).

I. 3. Африканская краснолаковая керамика. Форма 67

Тарелка с округлыми стенками, отогнутым сильно профицированным венчиком; дно плоское, профицировано двумя слегка выступающими бороздками, имитирующими поддон. С внутренней стороны дно украшено 4-мя концентрическими окружностями
 $D=19.3\text{ см}$, $d=6.2\text{ см}$, $H=3.3\text{ см}$.

Лак оранжевого цвета (2.5YR red); глина плотная, хорошо отмученная, более темного оттенка (10R red). Тип представлен 1 экз.

Форма 67 датируется 400-450 г.р.¹⁴

Рис. 4 (8).

I. 4. Тарелка на кольцевом поддоне, с округлыми высокими стенками, с горизонтально отогнутым плоским венчиком.

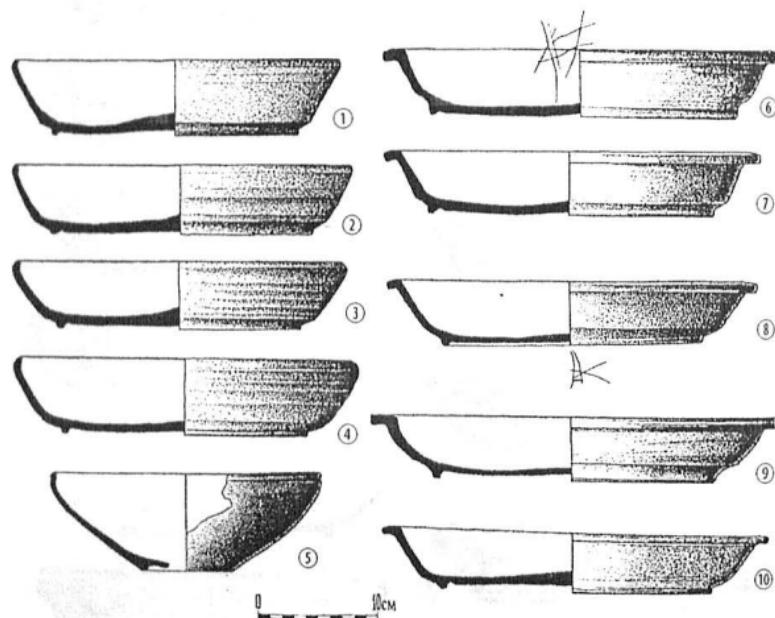

Рисунок 3.
Тарелки. 1-4 - 1991 г., склеп 1; 5 - миска из склепа 1968 г.; 6 - 1991 г., склеп 3, посточная ниша; 7 - 1991 г., склеп 3, погребение V; 8 - 1968 г., склеп; 9 - 1991 г., склеп 3, погребение I; 10 - 1992 г., склеп 6.

D=19.5 см, d=6.8 см, H=5 см.

Тарелка со следами горения, глина и обе поверхности серого цвета. Тип представлен I экземпляром

Подобные тарелки, но меньших размеров, были найдены в могильниках Чернореченский, Инкерманский, Дружное; датируются второй половиной IV в¹⁵

Рис. 4 (6).

I. 5. Мелкая тарелка на кольцевом поддоне, с низкими стенками, с горизонтально отогнутым венчиком, украшенным двумя неглубокими бороздками.

D=21.5 см, d=6 см, H=3 см.

Тарелка покрыта блестящим ярко-красным лаком (2.5YR red); глина плотная, хорошо отмучена, красно-оранжевого цвета

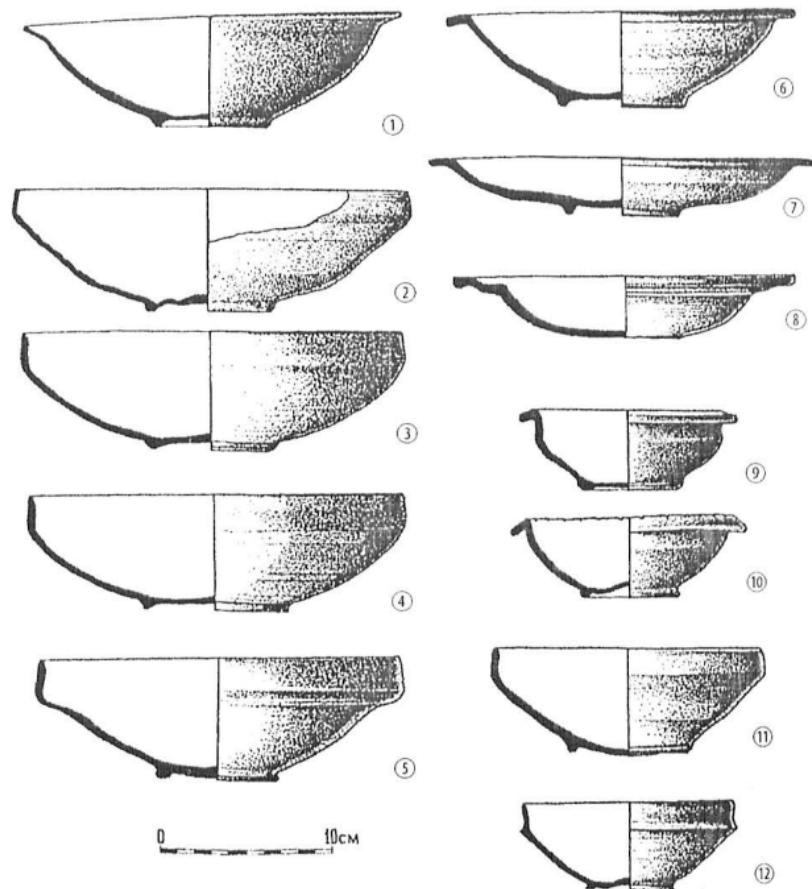

Рисунок 4.

Миски и чашки. 1 - 1968 г., склеп; 2 - 1992 г., склеп; 3, 4 - 1991 г., склеп 3, южная ниша; 5 - 1991 г., склеп 3, погребение IV; 6, 8, 11 - 1991 г., склеп 3, погребение II; 7 - 1991 г., склеп 3, южная ниша; 9, 10 - 1968 г., склеп; 12 - 1991 г., склеп 3, погребение VII.

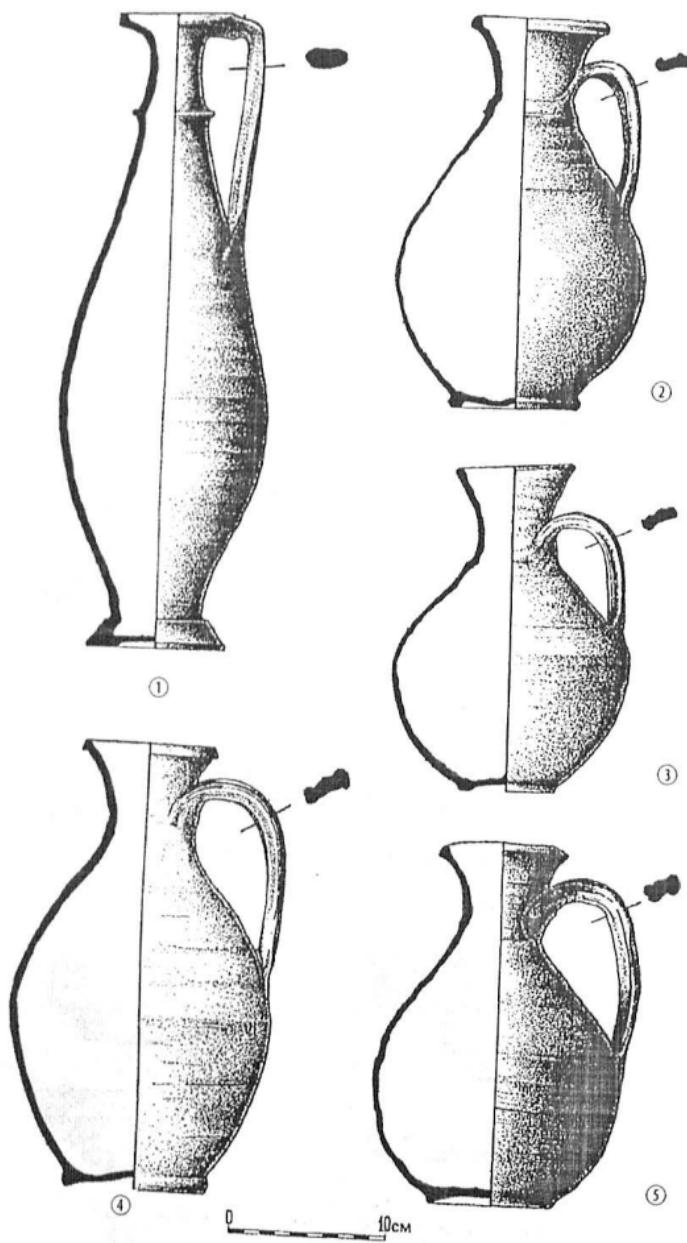

Рисунок 5.
Куполина. 1, 2, 5 - 1968 г., склеп; 3 - 1991 г., склеп 4; 4 - 1991 г., склеп 3, погребение I.

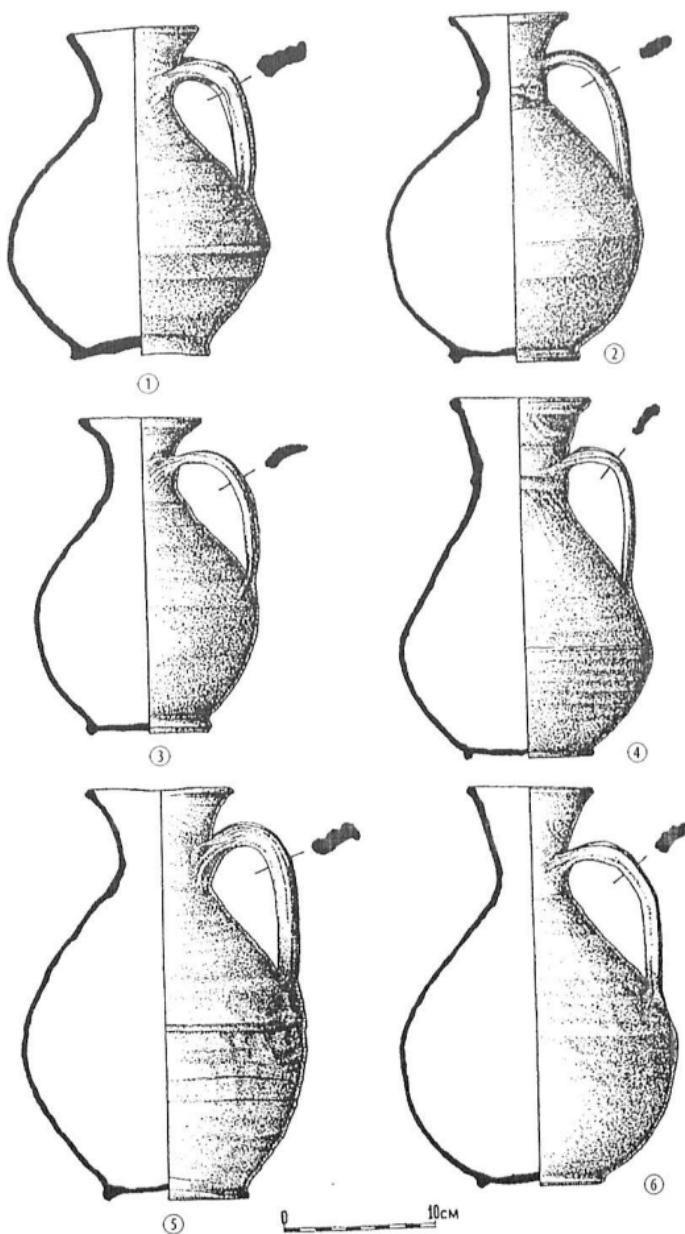

Рисунок 6.

Кипшины. 1, 3 - 6 - 1991 г., склеп 3, погребение V; 2 - 1992 г., склеп 6; 4 - 1991 г., склеп 3, погребение IV; 5 - 1991 г., склеп 3, погребение III.

(5YR reddish yellow). Представлен 1 экз.

Рис. 4 (7).

I. 6. Тарелки с высоким вертикальным бортиком и скошенными стенками; дно на кольцевом поддоне.
 $D=19.7\text{--}21.4\text{ см}$, $d=6.4\text{--}7.8\text{ см}$,
 $H=6.7\text{ см}$.

Сосуды покрыты красно-оранже-

вым лаком (2.5YR, 5YR red); черепок красного цвета (2.5 YR light red), слоистый. 4 экз.

Тарелки этого типа встречаются в погребальном инвентаре могильников позднеримского периода, датируются второй четвертью III-нач. V вв¹⁶

Рис. 4 (2-5).

Группа II. Миски

Найденные в могильнике миски крайне малочисленны; представлены всего 2 экземплярами.

II. 1. Миска на низкой кольцевой подставке, с округлыми стенками, венчик заострен и слегка загнут внутрь; переход от стенки к венчику обозначен неглубокой выемкой с внешней стороны.

$D=21\text{ см}$, $d=7.2\text{ см}$, $H=7\text{ см}$.

Миска покрыта матовым красным лаком (2.5YR red); черепок оранжевого оттенка (5YR reddish yellow), имеет слоистую структуру. Тип представлен I экз.

Рис. 3 (5).

II. 2. Миска с округлыми стенками, на низком кольцевом поддоне; венчик - плавно отогнутое наружу продолжение стенки, закруглен. Миска выполнена небрежно.

$D=20.5\text{ см}$, $d=6\text{ см}$, $H=5\text{--}5.7\text{ см}$.

Миску с внутренней стороны и частично с внешней покрывает красный лак плохого качества (10R red); черепок слоистой структуры, оранжевого цвета (2.5R red).

Прямых аналогий для этих сосудов не найдено.

Рис. 4 (1).

Группа III. Чашки

III. 1. Понтийская сигиллата. Форма I

Чашка с полусферическим туловом, с высоким вертикальным бортиком. Переход стенки к бортику обозначен острым выступом с внешней стороны. Дно на высокой кольцевой подставке, в центре имеет выпуклость с внутренней стороны.

$D=11.7\text{ см}$, $d=4.6\text{ см}$, $H=5\text{ см}$.

Лак красный (2.5YR red). Глина плотная, оранжевого оттенка (5YR reddish yellow).

Представлен 1 экз.

Форма датируется III в¹⁷

Рис. 4 (12).

III. 2. Фокейская краснолаковая керамика. Форма I вариант В

Чашка с высокими округлыми стенками, венчик - закругленное продолжение стенки, слегка наклонен внутрь. Дно на кольцевом поддоне, в центре сильно выгнуто наружу и выходит за поддон.

$D=15\text{ см}$, $d=6.5\text{ см}$, $H=5.6\text{ см}$.

Лак красный (10R red); глина плотная, более светлого оттенка (10R light red).

Представлен 1 экз.

Форма датируется началом - тре-

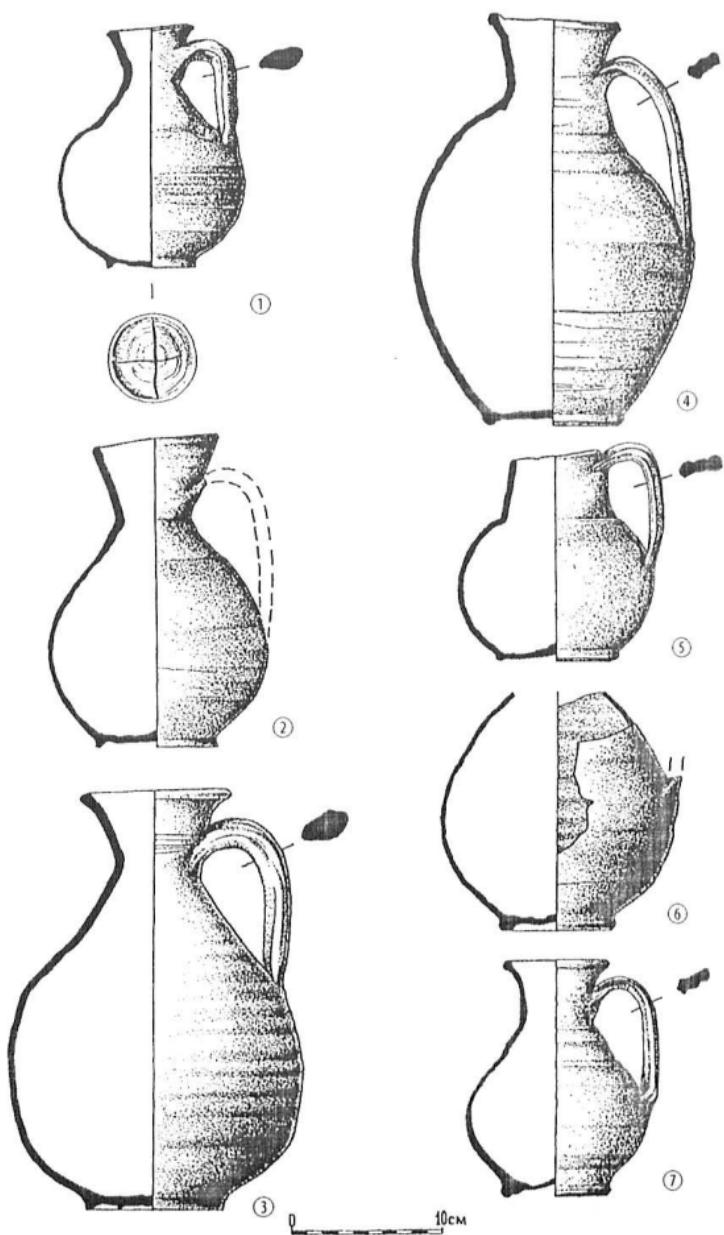

Рисунок 7.

Куашины. 1, 4 - 1991 г., склеп 3, погребение I; 2 - 1991 г., склеп 3, погребение IV; 3, 6 - 1968 г., склеп; 5 - 1991 г., склеп 3, погребение II; 7 - 1991 г., склеп 2.

тьей четвертью V в¹⁸

Рис. 4 (11).

III. 3. Чашки с полусферическим туловом на кольцевом поддоне, венчик широкий, отогнут наружу, сильно нависает над стенками. Внутренняя сторона дна ровная или выпуклая. Венчик по внешнему краю может быть украшен глубокими насечками.

D=10.5-11.5 см, d=5.3 см, H=4.2-

4.4 см.

Лак плохой сохранности, оранжевого и темно-коричневого цвета (5YR yellowish red - 7.5YR strong brown). Глина слоистая, красно-оранжевого оттенка (7.5YR reddish yellow).

Тип представлен 2 экз.

Прямых аналогий этим сосудам не найдено.

Рис. 4 (9-10).

Группа IV. Кувшины

Кувшины из могильника Килен-балка выделяются своей многочисленностью и разнообразием типов. Всего присутствует 7 основных форм. На отдельных сосудах отсутствует лаковое покрытие, однако их форма, размеры, одинаковое исполнение позволили нам включить такие сосуды в общую типологию кувшинов.

IV. 1. Одноручный кувшин вытянутой, веретенообразной формы, на высокой широкой кольцевой подставке. Внешняя поверхность тулона слегка бороздчатая. Горло высокое, узкое, по середине - отчетливо выраженное острое ребро. Венчик - сильно отогнутое наружу продолжение горла, заканчивается невысоким бортиком. Уплощенная ручка крепится к венчику и опускается на середину плеча.

D=7 см, d=8.8 см, H=37.5 см.

Кувшин покрыт матовым красным лаком (2.5YR red). Глина оранжевого оттенка, плотная, хорошо отмучена (7.5YR reddish yellow).

Прямых аналогий этому сосуду не выявлено; кувшин с туловом по-

добной формой, но другим венцом обнаружен в коллекции Исторического музея г. Иваново.^{**}

Вероятно, что эти сосуды копируют металлические образцы: в Пантакапее был найден кувшин из серебра с позолотой, имеющий такое же тулоно, венчик и ножку. Керченский сосуд датирован последней четвертью IV - началом V в.в.; его связывают с памятниками ранневизантийского искусства¹⁹.

Рис. 5 (1).

IV. 2. Одноручные кувшины с приземистым шаровидным туловом, на низком кольцевом поддоне. Горло широкое, воронкообразной формы; венчик закруглен и слегка отогнут наружу. К горлу крепится профилированная ручка, в этом месте на горле может проходить невысокий валик; ручка опускается на середину туловса.

По размерам сосудов выделяются варианты:

IV. 2.1. Крупные кувшины с массивным туловом.

D=6.8-9 см, d=7.8-8.8 см, H=21-

^{**} Благодарю за любезную консультацию К. Домжалского.

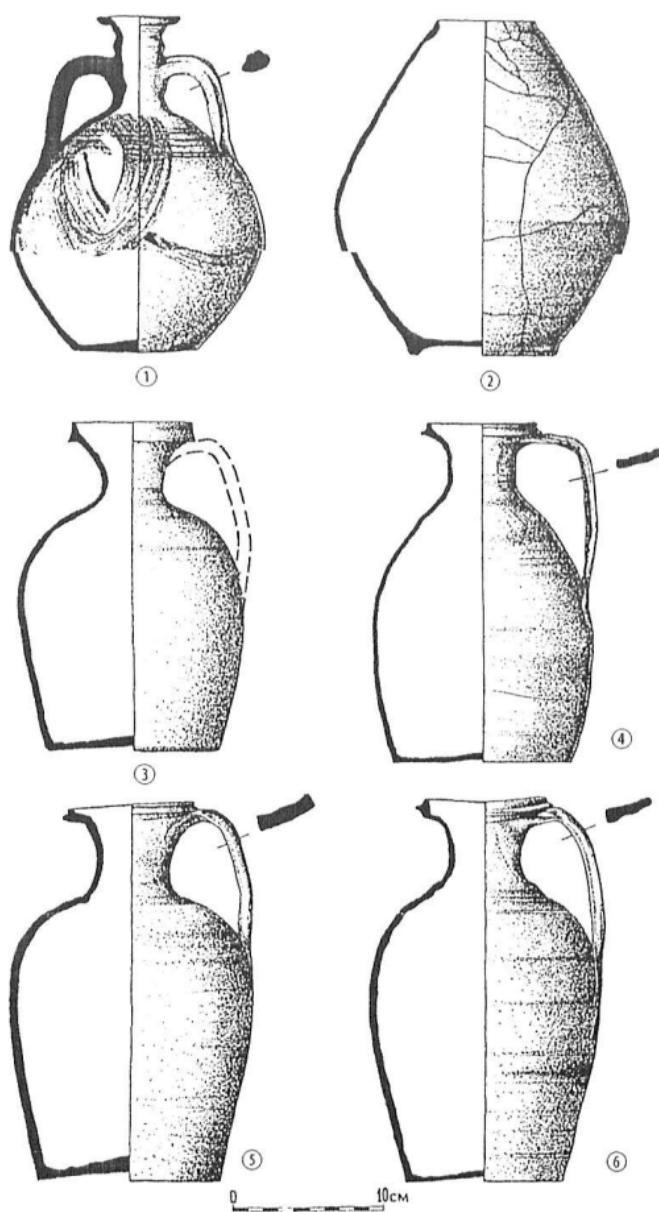

Рисунок 8.

Кувшины. 1 - 1991 г., склеп 3, погребение II; 2 - 1991 г., склеп 4; 3 - 1991 г., склеп 2; 4 - 1991 г., склеп 3, погребение I; 5, 6 - 1991 г., склеп 1.

25,5 см. Рис. 5 (4, 5), 6 (1, 2, 4-6), 7 (4).

IV. 2.2. Кувшины меньших размеров, по форме аналогичные I варианту.

$D=6.5\text{-}7\text{ см}$, $d=5.5\text{-}7.6\text{ см}$, $H=15\text{-}19.3\text{ см}$. Рис. 5 (3), 6 (3), 7 (1, 2, 5-7), 10 (1, 2).

IV. 2.3. Кувшин с грушевидным туловом и широкими плечиками.

$D=6.2\text{ см}$, $d=7.1\text{ см}$, $H=18.8\text{ см}$.

Рис. 9 (5).

Кувшины покрыты жидким красным лаком (10R red - 10YR light reddish brown). Глина светло-коричневого и красно-коричневого оттенков (10YR light yellowish brown - 5YR reddish yellow); черепок в изломе слоистый.

У кувшина из склепа № 3 (погр. 1) на дне прочерчены по сырой глине 2 глубокие линии в виде креста. У другого сосуда из этого склепа горло было сколото, края тщательно заглажены; вероятно, что кувшин использовался в таком состоянии.

К этому типу мы относим кувшин со слегка желобчатой внешней поверхностью, без лакового покрытия, форма и размеры которого близки к описанным выше сосудам.

Рис. 7 (3).

У многих сосудов имеются дефекты, полученные при их изготовлении: вмятины, перекосы и т.д. Они представлены наибольшим количеством экземпляров среди всех сосудов из могильника - 20.

Такие кувшины были распространены в Херсонесе, Юго-Западном Крыму и на поселениях Северного Причерноморья в III-второй половине IV в.в.²⁰

IV. 3. Одноручный кувшин является разновидностью 3 варианта пре-

дыдущего типа. У него грушевидное тулово на низком поддоне, воронкообразное короткое горло, имеющее бороздчатую внешнюю поверхность. Венчик плоский, широкий, горизонтально отогнут наружу. Профилированная ручка прикреплена к венчику и опускается на середину туловища.

$D=8\text{ см}$, $d=10.5\text{ см}$, $H=24\text{ см}$.

Кувшин покрыт жидким темно-красным лаком (10R red). Черепок плотный, оранжевого цвета (5YR yellowish red). Представлен 1 экз.

Рис. 9 (4).

IV. 4. Одноручные кувшины с туловом бутылкообразной формы, на широком плоском дне, слегка вогнутом внутрь. Горло короткое, широкое, сильно расширено кверху и заканчивается профилированным венчиком. Венчик может иметь варианты: а) клювовидный; б) с глубокой бороздкой по-середине; с) косо срезанное продолжение горла. Ручка уплощенная, профилированная, крепится под венчиком и опускается на середину туловища.

$D=6.8\text{-}8\text{ см}$, $d=10.7\text{-}13\text{ см}$, $H=17\text{-}24\text{ см}$.

Кувшины покрыты жидким лаком, оттенок от бурого до красно-оранжевого (5YR dark reddish gray - 5YR yellowish red). Черепок с мелкими известковыми включениями, розовато-коричневого цвета (5YR light reddish brown).

Все сосуды небрежно изготовлены; найдено 8 экз.

Такие кувшины найдены в Херсонесе²¹, в могильниках Чернореченском и Озерное-III²² и датируются второй четвертью III - IV в.в.

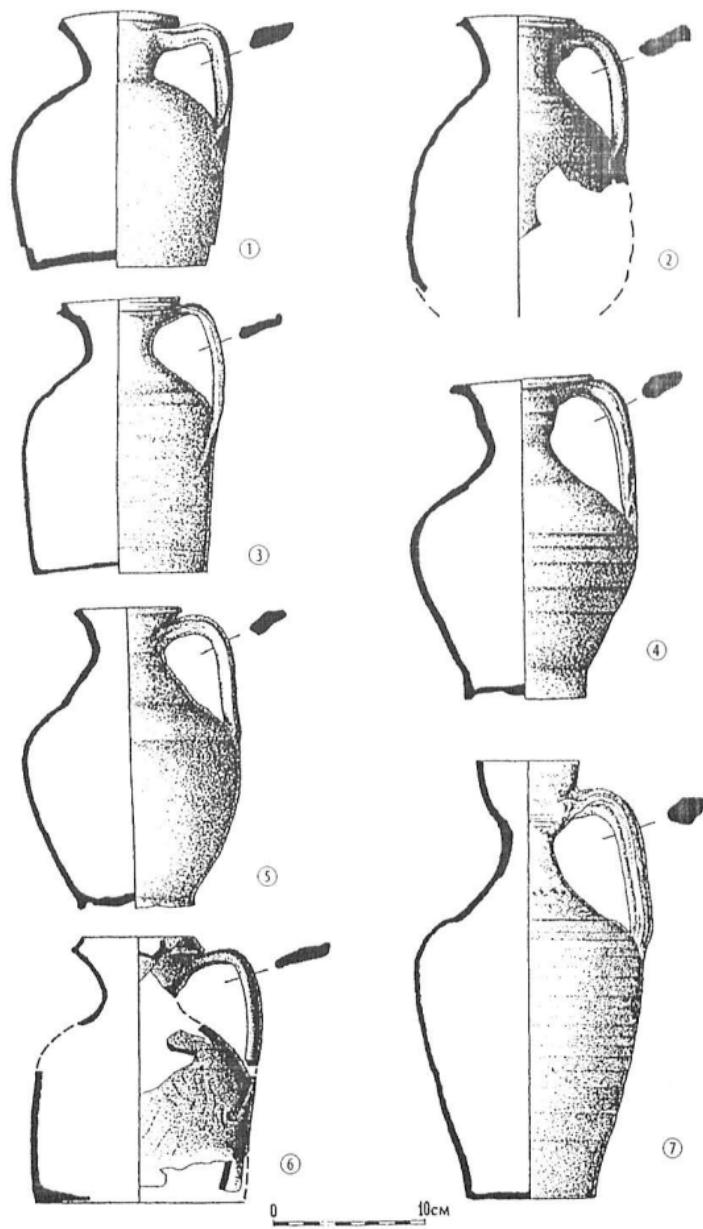

Рисунок 9.

Кипшини, 1 - 1991 г., склеп 2; 2, 6 - 1968 г., засыпь дромоса; 3 - 1991 г., склеп 3, погребение II; 4 - 1991 г., склеп 1; 5 - 1991 г., склеп 3, погребение V; 7 - 1992 г., склеп 6.

Рис. 8 (3-6), 9 (1-3, 5, 6).

IV. 5. Двуручный кувшин с шаровидным туловом и плоским дном. Горло высокое, узкое, с бороздчатой внешней поверхностью. Венчик плоский, горизонтально отогнут наружу. Ручка профилированная, крепится к середине горла и опускается на середину плеча кувшина. Верхняя часть туловы покрыта мелким рифлением.

$D=5.2$ см, $d=7.8$ см, $H=22.8$ см.

На тулове сохранились следы росписи бурым лаком (2.5YR dark reddish brown). Глина плотная, с единичными включениями песка; оранжевого цвета (5YR yellowish red).

Представлен I экз.

Ближайшие аналогии этому сосуду происходят из Западного Причерноморья, где подобные кувшины, имитирующие металлические изделия, датируются второй половиной V в. н.э.²³

Рис. 8 (1).

IV. 6. Одноручный кувшин без лакового покрытия, с грушевидным туловом и широким плоским дном. Внешняя поверхность туловы бороздчатая. Горло высокое, сужено в середине и расширяется к воронкообразному венчику. Ручка профилированная, прикреплена к середине горла и опускается на широкое плечо сосуда. На плече - 3 тонкие рельефные бороздки.

$D=6.7$ см, $d=8.2$ см, $H=27.5$ см.

Глина рыхлая, слоистая, с содержанием кварцевого песка, красно-коричневого цвета (2.5YR red). Внешняя поверхность кувшина покрыта светлым ангобом.

Представлен I экз.

Рис. 9 (7).

IV. 7. Сосуд с биконическим туловом на широком низком кольцевом поддоне. Тулово в верхней части слегка сужается к венчику заостренной формы. Ручки отсутствуют, на тулове нет даже следов их прикрепления. $D=6.9$ см, $d=9.5$ см, $H=22.8$ см.

Лак плохой сохранности, в виде

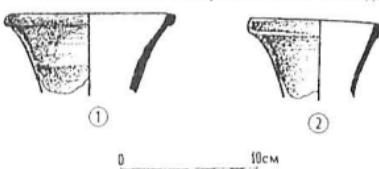

Рисунок 10.

Кувшины. 1, 2 - 1992 г., склеп 6.

отдельных пятен оранжевого цвета (10R red). Глина рыхлая, слоистой структуры, розовато-коричневого оттенка (2.5YR light red). Представлен I экз.

Рис. 8 (2).

Краснолаковая керамика присутствовала во всех исследованных погребальных сооружениях могильника Килен-балка. Набор столовой керамики в каждом погребении был приблизительно одинаков. Значительное количество сосудов происходит из склепа № 3, лучшего по сохранности. Этот склеп представляет собой закрытый комплекс; в нем были обнаружены монеты времени от Диоклетиана до Константина IV. Найденные монеты позволяют предположить, что захоронения здесь были сделаны не ранее IV- начала V в.в. Керамический материал, найденный в склепе № 3, типичен для всех склепов, открытых в Килен-балке. Конечно, точную дату существования могильника дадут только результаты полного исследования погребальных

сооружений, обряда захоронения, всех категорий погребального инвентаря, но уже сейчас можно говорить о том, что краснолаковая керамика, в целом, не выходит за пределы IV - V в.в. Большинство из обнаруженных сосудов находят аналогии среди материала из позднеантичных-раннесредневековых комплексов Херсонеса и в погребальном инвентаре близких по времени могильников Юго-Западного Крыма. Было найдено значительное количество не-

брежно исполненных кувшинов, с частыми перекосами, вмятинам на внешней поверхности. Можно предположить, что они были сделаны в одной керамической мастерской, локализовать которую в настоящее время не представляется возможным. Очень близкое сходство керамики из Килен-балки, с керамикой Херсонеса позволяет говорить о возможности экономических связей между населением, оставившим могильник, и Херсонесом.

Примечания

- Савеля О.Я., Савеля Д.Ю. Могильники позднеантичной-ранневизантийской поры на Гераклейском полуострове (по материалам раскопок могильника в Килен-балке в 1991-1992 г.г.) // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV-IX в.в.). Тезисы. Симферополь. 1994. С. 60-61; Савеля О.Я., Савеля Д.Ю. Погребальный обряд сельского населения ближней округи Херсонеса позднеримского-ранневизантийского времени // Византия и Крым. Тезисы. Симферополь. 1997. С. 72.
- Hayes J. W. Late roman pottery. London. 1972. P. 108-109.
- Термин «Понтийская позднеримская краснолаковая керамика» (PRS) введен К. Домжальским при описании краснолаковой керамики из Нимфея: Domzalski K. Terra Sigillata from Nymphaion. Survey 1994 // Archeologia. Rocznik Instytutu Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk. XLVII. 1990. Warszawa. 1997. P. 95-112 . Об основных точках зрения по вопросу о происхождении позднеримской керамики в Понтийском регионе см.: Domzalski K. Notes of late Roman red slip wares in the Bosporan Kingdom // Rei Cretarae Romae Fautorum Acta 36. Congressus vicesimus rei cretarae Romae Fautorum Ephesi et Pergami Habitus. MCMXCVIII. Abingdon. 2000. P. 161-167; Домжальский К. Из истории исследования краснолаковой керамики восточного производства // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. Труды ГИМ. М. 1998. С. 17-29; Романчук А.И., Сазанов А.В. Средневековый Херсон. История, стратиграфия, находки. Часть I. Свердловск. 1991. 56 с.; Сазанов А.В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени // МАИЭТ. Вып. IV. 1994. С. 406-433.
- Домжальский К. Из истории исследования краснолаковой керамики восточного производства. С.23.
- Айабин А.И. Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского периода // СА.1984. № 1. С. 104-122; Романчук А.И., Сазанов А.В. Средневековый Херсон ... С. 36.
- Hayes J.W. Late Roman Pottery ...P. 112-117. Fig. 19; P. 325-327. Fig. 65; Hayes J.W. Sigillate orientali, In: Ceramica fine romana nel Bacino Mediterraneo (tardo ellenismo e primo impero), Atlante delle forme ceramiche II, Enciclopedia dell'arte antica, classica e orientale. Roma. 1985. P. 93. T.XXII, 1.
- Munsell A.N. Soil Color Charts. New York. 1990.
- Кадеев В.И., Сорочан С.Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья с I в. до н.э. - V в. н.э. Харьков. 1989. С. 67. Рис. 33 (3); Романчук А.И.,

- Сазанов А.В. Средневековый Херсон ... С. 36. Табл. 12; Рыжов С.Г. Керамический комплекс III-IV в.в. н.э. из северо-восточного района Херсонеса // Античная культура Северного причерноморья в первые века н.э. Киев. 1986. С.143. Рис. 4 (3); Сазанов А.В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени... С. 407.Рис. 1, 5.
9. Айбабин А.И. Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского периода... С. 104-122, признак 16; Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь. 1999. С. 140. Рис. 56 (4); Лобода И.И. Исследования могильника IV-V в.в. в с. Красный Мак // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. В сб.: БГИКЗС. Симферополь. 1992. С. 210-213. Рис. 3 (3); Масленников А.А. Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. М. 1997. С. 33. Рис. 19 (7), 48 (9).
 10. Арсеньева Т.М. Краснолаковая керамика из Танаиса кон. IV - нач. V в.н.э. // КСИА. 1981. Вып. 168. С. 43. Рис. 1 (1-3); Книпович Т.Н Краснолаковая керамика первых веков н.э. из раскопок Боспорской экспедиции 1935/1940 г.г. // МИА. № 25. 1952. С. 319. Рис. 12 (1), тип 23; Лордкипанидзе О.Д. Краснолаковая керамика из раскопок Пицундской (основные типы и их датировка) // Вестник отделения общественных наук АН ГССР. Отд. отт. 1962 Т. 1.С. 254. Рис. 10; Силантьева Л.Ф. Краснолаковая керамика из раскопок Илурата // МИА. № 85. 1958. С. 302. Рис. 15 (3); Domzalski K. Terra Sigillata from Nymphaion...P. 106-107. Fig. 4 (85); Domzalski K. Notes on late Roman red slip wares...P. 163. Fig. 2 (1).
 11. Беляев С.А. Краснолаковая керамика Херсонеса IV-VI в.в. // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л. 1968. С. 32-33; Романчук А.И., Сазанов А.В. Ук.соч. С. 13. Рис. 2 (6,9).
 12. Айбабин А.И. Проблемы хронологии могильников крыма позднеримского периода...С. 115, признак12. Рис. 3 (5); Веймарн Е.В. Археологичні роботи в районі Інкермана// АП. Київ. 1963. Т. XIII. С. 39. Рис. 2 (5,9); Масленников А. А. Ук. соч. С. 33.Рис. 19 (7), 48 (7).
 13. Domzalski K. Notes on late Roman slip wares ...P. 163. Fig. 2 (4).
 14. Hayes J.W. Late roman pottery. P. 112-117. Fig. 19.
 15. Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАІЭТ. Вып.1. Симферополь. 1990. С. 15, признак 24. Табл. 2 (24), 5 (2); Храпунов И.Н. Три подбойные могилы IV в.н.э. из некрополя Дружное // МАІ-ЭТ. Вып. VII. Симферополь. 2000. С. 52. Рис. 4 (11).
 16. Айбабин А.И. Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского периода...С. 115, признак 14. Рис. 1 (14), 3 (11), 5 (1), 7 (7); Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. Киев. 1993. С. 190. Рис. 74 (8); Лобода И.И. Раскопки могильника Озерное-III в 1963/65 г.г. // СА. №4. 1977. С. 242-245. Рис. 5 (1, 7), 6 (9); Храпунов И.Н. О населении Крыма в позднеримское время (по материалам могильника Дружное) // РА. №2. 1999. С. 152. Рис. 3 (2); Храпунов И.Н. Три подбойные могилы IV в.н.э. из некрополя Дружное...С. 52. Рис.4 (10).
 17. Hayes J.W. Sigillate orientali ... Р. 93. Т. XXII, I; Арсеньева Т. М. Две группы краснолаковых сосудов из Танаиса // КСИА. 1985. № 182. С. 77-83. Рис. 2 (15).
 18. Hayes J.W. Late Roman Pottery ... Р. 325-327. Fig. 65.
 19. Додонова А. Д.Г. Бурилин. Иваново. 1997. С. 103; Засецкая И.П. Материалы боспорского некрополя второй половины IV- первой половины V в.в.н.э. // МАІЭТ. Вып. III. Симферополь. 1993. С. 70. № 184. Табл. 41.
 20. Айбабин А.И. Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского периода ...С. 115. Рис. 7 (9); Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени... С. 15. Рис. 4 (6); Бураков А.В. Козырское городище рубежа и первых столетий нашей эры. К. 1976. С. 100-105. Табл. IX, 25-26; Веймарн Е.В. Археологичні роботи в районі Інкермана.. Рис. 14 (4, 5); Лобода И.И. Раскопки могильника Озерное-III в 1963/65 г.г...С. 236-252. Рис. 6 (2); Зубарь В.М. Некрополь

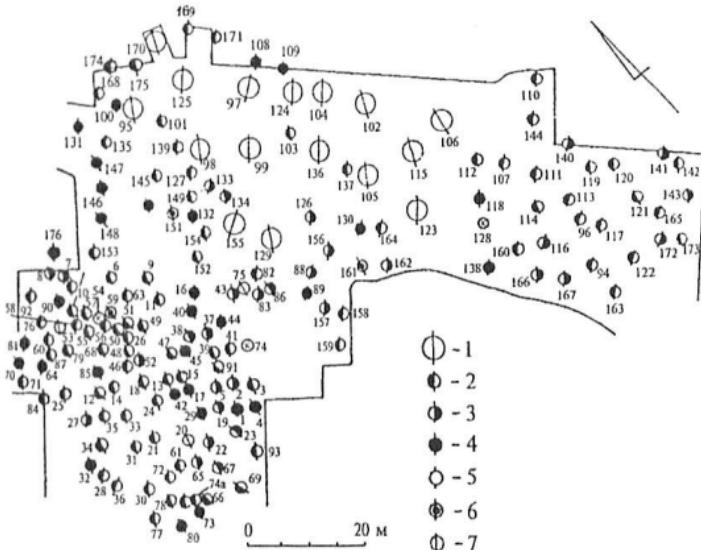
- Херсонеса Таврического I-IV в.в. Киев. 1982. С. 68. Рис. 46 (1); Рыжов С.Г. Ук. соч. С. 132-133. Рис. 3; Храпунов И.Н. О населении Крыма в позднеримское время... С. 152. Рис. 3 (6); Юрочкин В.Ю. О хронологии Суворовского позднеантичного могильника // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса. 1997. С. 306. Рис. 1 (23).
21. Рыжов С.Г. Ук. соч. С. 132-133. Рис. 3
22. Айбабин А.И. Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского периода... Признак 17. С. 115. Рис. 6 (6); Лобода И.И. Ук. соч. С. 236-252. Рис. 6 (2).
23. Oparit A. Aspecte ale vîlăii economice din provincia Scythia (sec. IV-VI p. Ch.). Bucaresti. 1996. P. 241. Pl. 50 (7).
24. Определение монет Н.А. Алексеенко - См.: Савеля О.Я., Савеля Д.Ю. Могильники позднеримской-ранневизантийской поры на Гераклейском полуострове ... С. 60-61.

СКЛЕП РАННЕРИМСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ОКРУГИ НЕАПОЛЯ СКИФСКОГО

В округе Неаполя Скифского в 1989-1991 гг. Симферопольская экспедиция под руководством автора провела на площади около 5 000 кв.м спасательные исследования 180 по-гребальных сооружений Битакского могильника второй половины II в. до н. э. - первой половины III в. н. э. Предлагаемая публикация посвящена комплексу захоронений склепа 155, который интересен своей по-

ярусной стратификацией и содержал инвентарь узкого хронологического диапазона.

Склеп 155 находился почти в центре исследованной площади могильника, несколько в стороне от более ранних грунтовых склепов II-I вв. до н. э. (рис. 1). Входная яма трапециевидной формы размером 2,0x1,0 м ориентирована по оси СВВ-ЮЗЗ, заполнена на глубину 1,2-1,4 м

1 — склепы; 2 — подбояные могилы с камерой в западной стороне; 3 — подбояные могилы с камерой в восточной стороне; 4 — подбояные могилы с двумя камерами; 5 — конские могилы; 6 — могилы с заплечниками; 7 — грунтовые могилы.

Рисунок 1.
Илан Битакского могильника (раскопки 1989-1991, 1993 гг.).

* Могильник расположен на месте бывшей воинской части (до 1989 г.), которая находилась рядом с развалинами татарской деревни Битак. В настоящее время это название сохранилось за юго-восточным районом г. Симферополя.

камнями вперемешку с суглинистым грунтом и остатками трины: обломками гончарной керамики I в. до н. э. - I в. н. э., костями животных, углеми, фрагментами лепной посуды. Ко входному отверстию ($0,8 \times 0,8$ м), частично разрушенному при обвале свода, вели ступеньки. Закладная плита ($1,1 \times 0,9 \times 0,2$ м) рухнула внутрь камеры, когда та уже была частично заполнена затечным грунтом и кусками свода. В камеру опускались по ступеньке высотой 1,1 м, под которой прослежена приступка размером $0,4 \times 0,3 \times 0,1$ м, на нее, вероятно, ставили лестницу. Камера формы неправильной трапеции, ее длинная ось ориентирована по линии СВ-ЮЗ, размеры $2,3 \times 2,3$ м. Высота дальней стенки - 0,75 м, наибольшая высота свода - 1,6 м. Дно склепа имеет слабый наклон ($10-12$ см) в северо-восточном и северном направлении (рис. 2).

В камере было совершено двадцать семь захоронений в три яруса, каждый из которых толщиной 0,15-0,2 м был отделен друг от друга грунтом (рис. 3-5).

Ярус I. К нему относятся погребения I-XIII, ориентированные головами как на СЗ, так и на ЮВ (рис. 3).

Погребение I. Самое позднее подзахоронение в склепе, располагалось ближе к северному углу и было совершено, когда камера частично затекла грунтом, в котором была вырыта могильная яма овальной формы размером $0,75 \times 0,3$ м, ориентированная по линии С-Ю. Умерший младенец (длина скелета около 0,5 м) лежал головой на север. На шее зачищены стеклянные и фаянсовые бусы (рис. 6, 1),

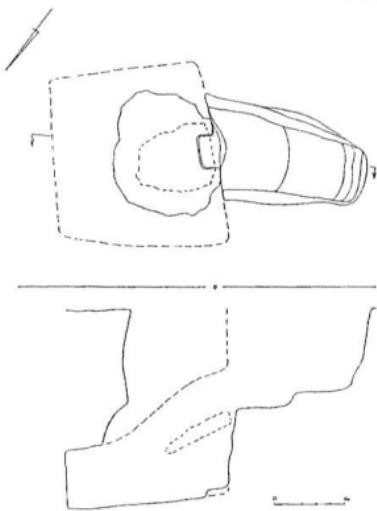

Рисунок 2.
План и разрез склепа 155.

на запястье левой руки - бронзовый браслет (рис. 6, 2), рядом с левой бедреннойостью найдена раковина кури (рис. 6, 4).

Погребение II. Находилось в 0,3-0,4 м к СВ от входа, поверх погребения III. Принадлежало ребенку 6 лет¹ ориентированному головой на ЮВ, кисть левой руки - на тазу, ноги сближены. Под черепом зафиксирован плоский камень. За головой умершего лежал краснолаковый канфар, украшенный по тулову растительным орнаментом в технике «barbotine» (рис. 6, 3). На зубах ребенка прослежен окисел металла фиолетового оттенка, возможно, от серебряной монеты. На шее зачищены бусы из стекла и гагата (рис. 6, 5), вдоль берцовых костей - мелкие стеклянные бусы.

Погребение III. Находилось под погребением II, принадлежало женщине (?) 20-23 лет, на черепе - тре-

панационное отверстие. Умершая ориентирована головой на СЗ, руки прижаты к туловищу. Инвентарь отсутствовал.

Погребение IV. Обнаружено в центре камеры, частично перекрывало погребение V, принадлежало женщине 18-20 лет, ориентированной головой на СЗ, руки - свободно вдоль туловища. Под черепом, лежавшем на небольшом плоском кам-

не, найдены обломки серебряной серьги (рис. 6, 11). На шейных позвонках и вдоль левой плечевой кости зафиксированы бусы и пронизи из гагата, сердолика и стекла (рис. 6, 6, 12). У локтя левой руки лежал бронзовый колокольчик (рис. 6, 10). Между бедренных костей стояла краснолаковая чашка (рис. 6, 8), на правом бедре зачищена бронзовая (поясная?) пластина с рельефным

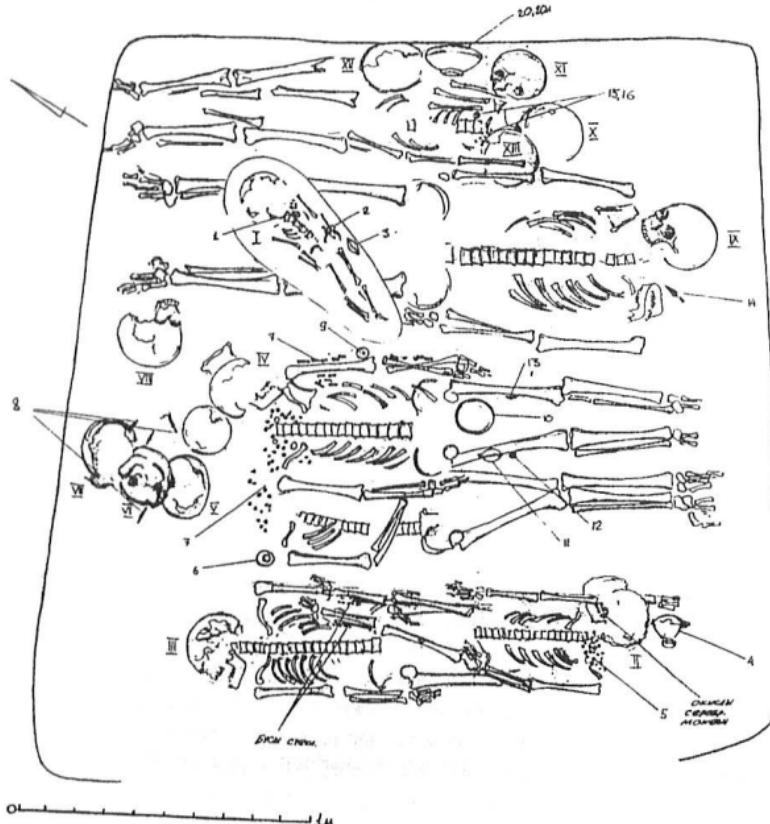

Рисунок 3.
План погребений I яруса: 1, 5, 7, 15 - бусы; 2 - бронзовый браслет; 3, 11 - раковины каури; 4 - краснолаковый канфар; 6 - фигуриный краснолаковый сосуд; 8, 14 - железные наконечники стрел; 9 - бронзовый колокольчик; 10, 20 - краснолаковые чашки; 12 - бронзовое кольцо; 13 - бронзовая пластина; 16 - бронзовая фибула; 20 а - железный нож.

орнаментом (рис. 7, 6), а на левом - раковина каури и бронзовое кольцо (рис. 6, 7, 9).

Погребение V. Находилось в центре камеры, частично под погребением IV. Женщина 55-60 лет была ориентирована головой на СЗ, правая рука согнута в локте, кисть - на тазу. Череп смещён при подзахоронениях. У правого плеча стоял краснолаковый фигурный сосуд в форме головы Силенса (рис. 7, 2), в районе шейных позвонков и на груди найдены гагатовые бусы.

Погребения VI-VIII. Сохранились лишь черепа, найденные у СЗ стенки камеры, среди которых - обломки четырех железных трехлопастных черешковых наконечников стрел (рис. 7, 3, 4). Погребение VI - мужское, 45-55 лет, VII - женское 18-20 лет, VIII - мужское 30-35 лет.

Погребение IX. Находилось к востоку от погребения IV. Принадлежало мужчине 55-60 лет, ориентированному головой на ЮВ. У черепа найден обломок железного наконечника стрелы (рис. 7, 5).

Погребение X. Располагалось между погребениями IX и XI, принадлежало женщине 20-25 лет, ориентированной головой на ЮВ. На шейных позвонках и груди защищены стеклянные бусы, бронзовая лучковая фибула (рис. 7, 7), лепное пряслице (рис. 7, 8), у стенки склепа, на боку, лежала буролаковая чашка с железным ножом (рис. 7, 1, 9).

Погребения XI-XIII. Погребение XI находилось под погребением X, принадлежало молодой женщине 18-20 лет, ориентированной головой на ЮВ. Так же, вероятно лежали и по-

гребения XII - женщины (?) 35-45 лет и XIII - мужчины (?) 55-65 лет, от которых сохранились лишь черепа (рис. 3).

Ярус II. К нему относятся погребения XIV-XIII (рис. 4).

Погребения XIV, XV, XVI расположены в центре камеры, поверх kostяков основного ряда. Они ориентированы головами на ЮВ. Кисти рук погребений XIV (мужчина 35-55 лет) и XV (женщина 20-25 лет) прижаты к тазу, длинные кости погребения XVI (мужчина 45-65 лет) смещены. Ноги погребения XIV были скрещены в голенях, погребения XV - сближены в щиколотках. У черепа погребения XIV найдена стеклянная пронизь синего цвета (рис. 8, 5), а у погребения XV защищена створка речной раковины (рис. 8, 11), в ногах - лепное пряслице с наколами на внутренней стороне (рис. 8, 3).

У входа расчищены еще два погребения: XXI (женщина 15-20 лет) и XXII, ориентированные головами на ЮВ. Их кости частично смещены при подзахоронениях. Над погребением XXII, в области левого плеча найдены невыразительные обломки краснолаковой чашки (рис. 4, 28), а под ним - погребение XXIII головой на СЗ. Погребения XVII-XX располагались в ряд от СВ стенки камеры ко входу (рис. 4). Руки погребений XVII (мужчина 20-25 лет), XVIII (мужчина 45-50 лет) прижаты к туловищу, ноги сближены, вероятно умершие были туго завернуты в ткань. У левого плеча погребения XVIII найдены обломки краснолаковой чашки (рис. 8, 12), у черепа - бронзовое кольцо с выступами (рис.

8, 2). Правая рука погребения XIX (женщина 18-20 лет) согнута в локте, кисть лежит на тазу, ноги сближены. На шее найдены стеклянные ребристые бусы, с металлической прокладкой, сердоликовая (рис. 8, 8). Кисти рук погребения XX (женщина 25-35 лет) прижаты к бедрам, ноги сближены в щиколотках. На шее защищены стеклянные бусы с

металлической прокладкой, костяные пронизи, бусы из синего, зеленого и многоцветного стекла (рис. 8, 1, 10). К западу от черепа найдено бронзовое зеркало (рис. 8, 6) и бронзовая пластина в форме глазника (рис. 8, 9). Вдоль правой плечевой кости зафиксированы пронизи из горного хрусталия и гата (рис. 8, 4, 7).

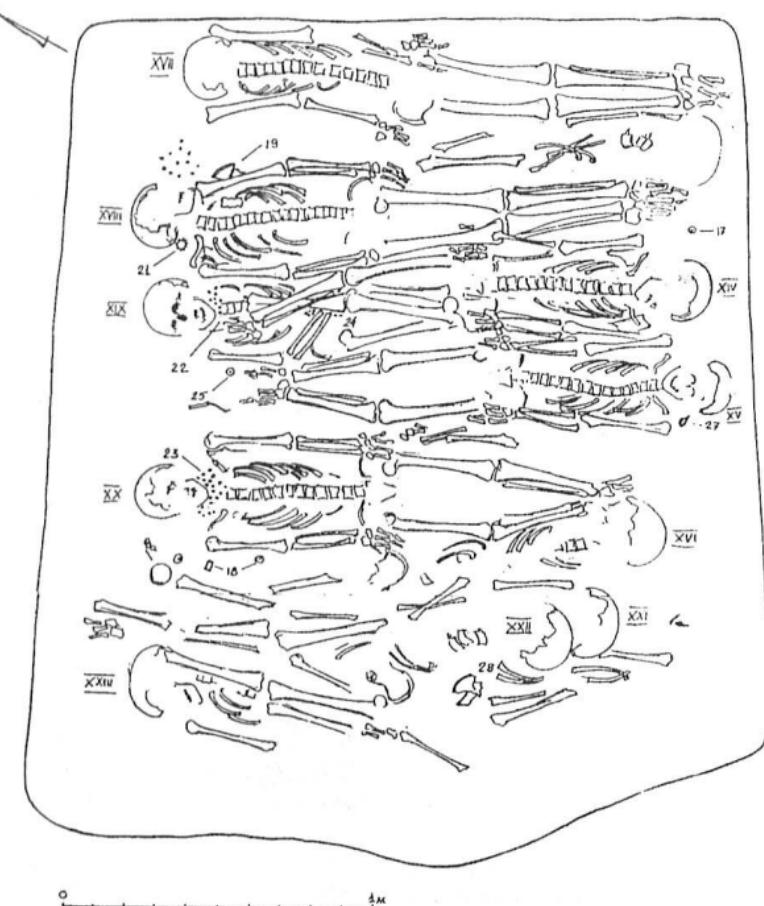

Рисунок 4.

План погребений II яруса: 8а - бронзовое зеркало и пластина; 17, 18, 22-24 - бусы; 19, 28 - краснолаковые чашки; 21 - бронзовое кольцо; 25 - пряслице; 27 - раковина. 28 - краснолаковые чашки; 21 - бронзовое кольцо; 25 - пряслице; 27 - раковина.

Ярус III. К нему относятся погребения XXIV-XXVII (рис. 5).

Погребение XXIV (мужское, 18-20 лет). Вероятнее всего, это первое погребение в склепе, оно располагалось у дальней, восточной стенки склепа. Сохранилась лишь верхняя часть скелета и череп, судя по расположению которых можно утверждать, что умерший лежал головой на ЮВ. У левого бедра найдена перевернутая краснолаковая чашка (рис. 9, 10), над плечевой костью правой руки - железные удила с пасмиями (рис. 9,7), под черепом - обломки железной пряжки (рис. 9, 8). К юго-западу от черепа, вероятно смещенные со своего первоначального местоположения, лежали три железных наконечника стрел (рис. 9, 15-17) и бронзовая шпора (рис. 9, 18).

Погребения XXV-XXVII находились в ряд, в некотором отдалении от погребения XXIV, два из них принадлежали женщинам 35-55 лет. Руки погребения XXVI были прижаты к туловищу, кисть правой руки погребения XXVII - на тазу. Ноги погребения XXVI сближены, а погребения XXVII - даже слегка подогнуты влево (рис. 4).

В районе берцовых костей погребения XXV лежали сильно коррозированные обломки железного предмета, возможно, пряжки (рис. 5, 37) и краснолаковая чашка (рис. 9, 11), а на правой стороне груди - бронзовая фибула (рис. 9, 12). У черепа погребения XXVI найдены обломки лепного пряслица (рис. 5, 31), на груди - бронзовая фибула (рис. 9, 14), в ногах - еще одно пряслице (рис. 9, 9). В районе грудной клетки погре-

бения XXVII зачищена фрагментированная фибула (рис. 9, 13).

В засыпи между ярусами II и III найдены без привязки к погребениям: фрагмент черешка (?) железного наконечника стрелы (рис. 9, 1), обломок ножа (рис. 9, 2), бронзовая обойма (рис. 9, 3), фрагмент колокольчика (рис. 9, 4), гагатовые, стеклянные одноцветные и полихромные, с внутренней металлической прокладкой бусы (рис. 9, 6), осколок кремня (рис. 9, 5).

Рассмотрим наиболее важные категории погребального инвентаря.

Посуда. Представлена гончарной продукцией, преимущественно чашами.

Из погребения IV происходит чашка конической формы с резко загнутым краем, на низком кольцевом поддоне, покрытая бурым лаком, снаружи - на 2/3 высоты (рис. 6, 8). Такая форма была широко распространена на рубеже н. э. и в I-II вв. н. э.

Глубокая чаша или миска из погребения X с загнутым краем, на кольцевом поддоне, покрыта бурым лаком, снаружи - на 1/3 высоты (рис. 7, 9). Очень близкие качественные характеристики имеет и склеенная из обломков чаша из погребения XVIII (рис. 8, 12). Такая форма характерна для посуды рубежа н.э.² Подобные сосуды известны в некрополе Золотое в комплексе I в. до н. э. - рубежа н. э., предполагается их боспорское производство³.

Две чаши из погребений XXIV и XXV - однотипны, они небольшого размера, стенки туловища почти вертикальны или слегка отогнуты, на кольцевом поддоне. Первая (рис. 9, 10)

более тщательно выделана, край венчика приострен, лак невысокого качества, покрывает снаружи весь сосуд. Вторая (рис. 9, 11) с более грубой поверхностью, глина коричнево-красная, с большим количеством песка, лак покрывает сосуд снаружи не полностью. Аналогичные чаши происходят из ряда комплексов конца I в. до н.э. - первой половины I в. н.э.⁴

Краснолаковый канфар (погребение II) с коническим туловом, отделенным от профицированного поддона ножкой, образованной глубокими горизонтальными желобками. Петлевидные ручки в сочетании с горизонтальными выступами, с утолщениями на концах, прикреплены у венчика, часть одной - утрачена в древности (рис. 6, 3). Край венчика

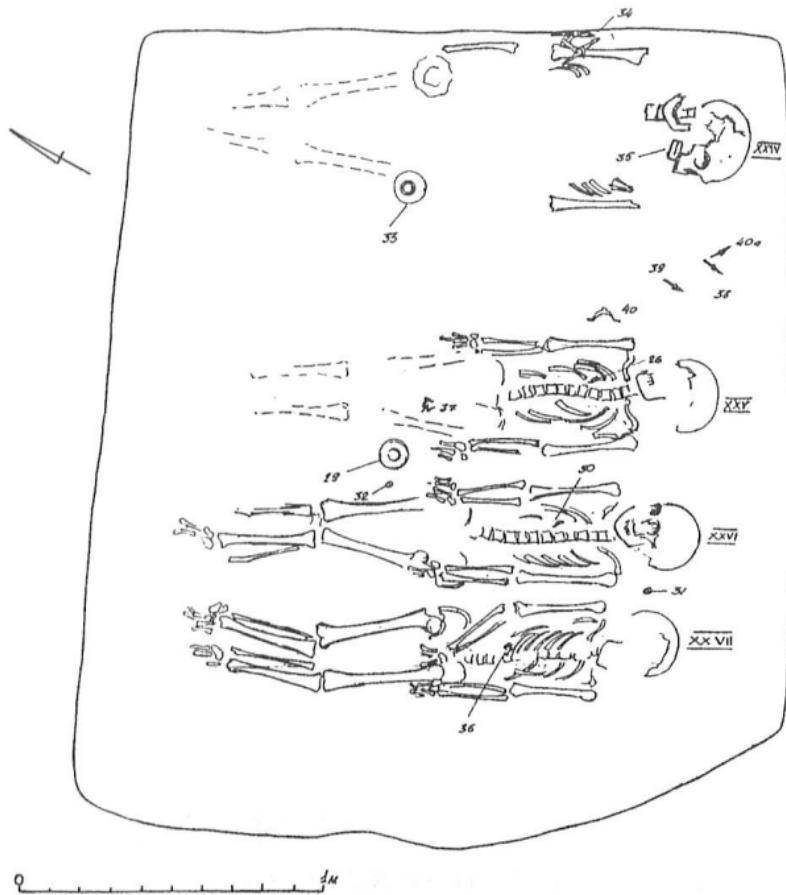

Рисунок 5.

План погребений III яруса: 26, 30, 36 - бронзовые фибулы; 29, 33 - краснолаковые чаши; 31, 32 - прислица; 34 - деревянные удила с псалиями; 35, 37 - железные пряжки; 38, 39, 40 а - железные наконечники стрел; 40 - бронзовая шпора.

скошен внутрь и приострен, снаружи выделен желобком. На верхней части туловища сохранился растительный орнамент, выполненный в технике «barbotine». Глина розовато-коричневая, лак оранжево-красный, покрывает сосуд на всю высоту. Диаметр венчика - 8,6 см, поддона - 4,4 см, высота - 9,6 см. Подобную посуду традиционно относят к продукции понтийской сигиллаты⁵. По морфологическим признакам битакский экземпляр близок кубку начала I в. н. э. из кургана у Братского кладбища близ Севастополя. Тем же временем датируется схожий по орнаментации кубок из некрополя Золотое⁶.

Краснолаковый фигурный сосуд из погребения V (рис. 7, 2), на низкой кольцевой подставке диаметром 4,0 см. Емкость заливалась через отверстие, оформленное в виде широко открытого рта, часть каймы повреждена. Верхняя часть сосуда оттиснута в форме маски Силены, зрачки глаз имеют сквозные отверстия, уши утрачены. Глина оранжево-красная, хорошо отмученная, с мельчайшими золотистыми блестками, у отверстия - несколько мелких трещин. Лак оранжево-красный с легким металлическим отливом, повторяет цвет глины, но более насыщенный, покрывает сосуд снаружи полностью, местами вытерт при использовании. Размеры сосуда: 7,5 х 6,5 х 5,0 см. Учитывая, что на внутренних стенках сохранился легкий известковый налет, а также отсутствуют следы горения, вероятность, что это светильник - невелика. Хранение в нем благовоний и косметических средств при значительных размерах

отверстия и отсутствии крышки - невозможно, что позволяет высказать предположение о первоначальном предназначении сосуда как поилки для птиц - это тем более вероятно, если у сосуда были «ушки-петельки» для подвешивания. Прямые аналогии среди краснолаковой посуды мне неизвестны, возможно, это продукция Пергама. Близок нашему сосуду по размерам и оформлению мраморный римский маскарон, найденный в Северной Бактрии и датированный по стилистическим данным I в. до н. э. - I в. н. э⁷

Предметы вооружения и конского убора. Представлены железными удилами, бронзовой шпорой и железными наконечниками стрел.

Железные удила (погребение XXIV) состояли из двух сцепленных, круглых в сечении стержней длиной 8 см, концы которых загнуты в петли. К одной из них крепилось подвижное кольцо, а сквозь сами петли продеты псалии в виде круглых в сечении прямых стержней длиной 17 см (рис. 9, 7). Этот тип псалиев, вероятно, является имитацией северокавказских экземпляров с восьмеркообразным расширением и двумя отверстиями в центре, дата которых не выходит за рубеж н. э. Вариантами типа являются нижнедонские псалии среднесарматской культуры в виде стержней, вставлявшихся во внешние кольца, либо с двумя боковыми петлями⁸.

Бронзовая шпора (погребение XXIV) с незначительно расширенной в центре дужкой полукруглой формы, с утраченными шишечками и небольшим ромбовидным в сече-

нии шипом, обломанным в древности (рис. 9, 18). Нахodka бронзовой шпоры для Крыма уникальна. К сожалению, битакский экземпляр де-

формирован, что затрудняет его отнесение к определенному типу. Ведущими признаками выступают форма и ширина дужки, которая в нашем

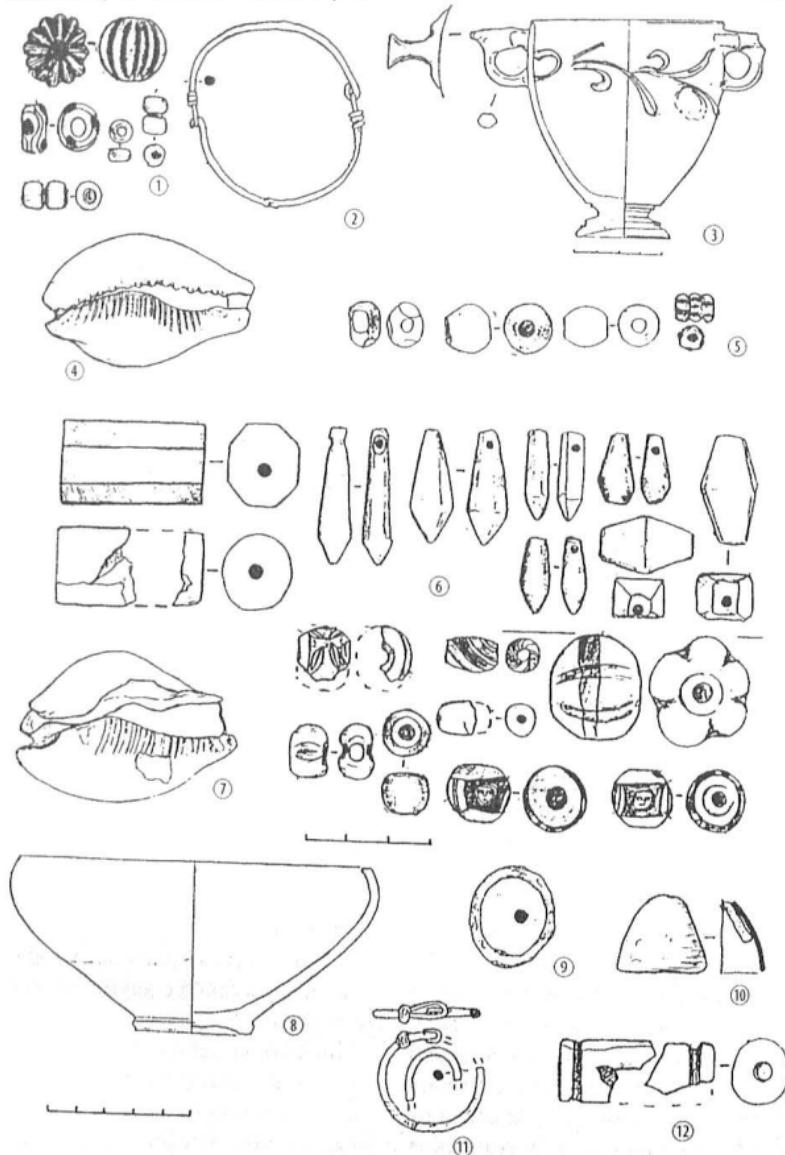

Рисунок 6.

Найдены из погребений: 1, 2, 4 - I; 3, 5 - II; 6-12 - IV.

случае незначительная. Очень близкие по конструкции шпоры обнаружены на городище Чаплин в Верхнем Поднепровье и в могильнике Любощице на Среднем Одере, датируемые фазой «с» позднего предимского времени - первой половиной I в. до н. э. Шпоры являются атрибутами всадников латенских и постлатенских культур Центральной Европы, а позже - римской армии, они появляются на ступени LT D1, их носителями в Восточной Европе, возможно, были сарматы, осуществлявшие контакты с кельтами⁹. В I в. до н.э. памятники сарматской культуры появляются в лесостепных районах Приднепровья, а в начале I в. н.э. - и в Верхнем Поднестровье - на территории зарубинецко-поянештской культурной общности, куда начинают проникать носители пшеворской культуры. На могильнике Гринев обнаружена шпора, очень близкая битакской, изготовленная из круглой в сечении проволоки, с четырехгранным шипом. Она относится к типу, известному в пшеворских памятниках на стадии не позже конца I в. до н. э. - начала I в. н.э¹⁰

Наконечники стрел все железные. Они представлены двумя группами: три из погребения XXIV нижнего яруса (рис. 9, 15-17) и пять из яруса II (рис. 7, 3-5). Из-за сильной коррозии, все они в той или иной степени деформированы, а некоторые рассыпались при зачистке. Наконечник из погребения XXIV (рис. 9, 15) наиболее интересен - он втульчатый, плоский в сечении, с треугольной формой пера. Размеры: 6,2x1,6x0,5 см. Остальные экземп-

ляры - черешковые трехлопастные: с опущенными концами лопастей (рис. 7,3, 4), с прямым основанием (рис. 9, 16) и срезанными под тупым углом к черешку (рис. 9, 17).

Железные втульчатые наконечники стрел были распространены на Северном Кавказе до I в. н. э., хотя находки экземпляров с плоским пером в сарматских памятниках единичны¹¹.

Принадлежности одежды, украшения, предметы туалета и быта.

Фибулы. Представлены четырьмя экземплярами, все - из бронзы, три найдены в нижнем ярусе, одна - в верхнем. Фибула из погребения X (рис. 7, 7) - лучковая подвязная проволочная (серия I, вариант 1). Размеры: 4,5x1,3 см. Большинство экземпляров этого варианта датируются первой половиной I в. н.э¹². Три фибулы из погребений XXV-XXVII - пластинчатые, с прогнутой овално расширенной спинкой и коротким приемником, с верхней тетивой (рис. 9, 12-14). Они относятся к типу «воинских» позднелатенской схемы. Целая серия таких фибул обнаружена в позднескифских захоронениях, их дата рубеж - первая половина I в. н.э¹³. Наибольшая концентрация «воинских» фибул в Восточной Европе прослежена на памятниках латенизованных культур.

Железная пряжка деформирована (рис. 9, 8), ее местоположение - не исключает ее принадлежность к конской узде. Бронзовая пластина с рельефным орнаментом, найденная у левого бедра погребения IV (рис. 7, 6) могла быть накладкой на ремень.

Серебряная серьга из погребения IV (рис. 6, 11) с крючком и петель-

кой на концах. Этот тип был распространен в I- перв. пол. II в. н.э.¹⁴ Нахodka бронзового кольца с тремя рядами выступов с разомкнутым контуром (рис. 8, 2) у черепа погребения XVIII позволяет предполагать

его использование в качестве височной подвески, как это зафиксировано в Усть-Альминском могильнике¹⁵.

Бронзовый проволочный браслет, составленный из двух половинок - с петельками и крючками

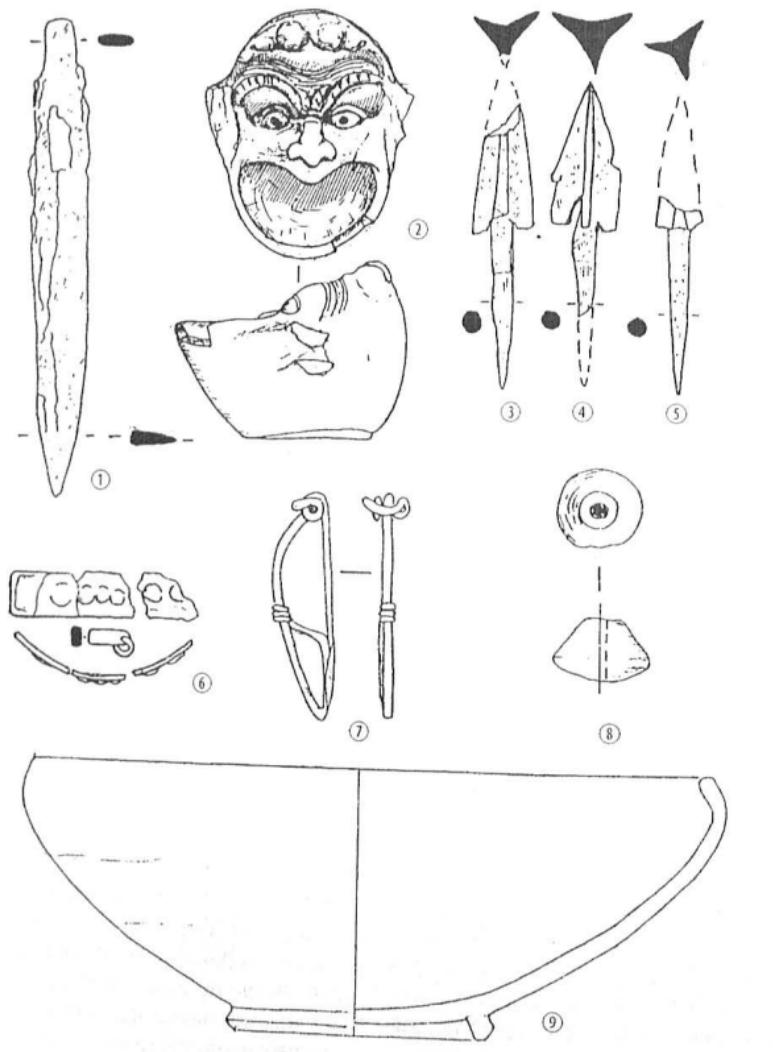

Рисунок 7.
Найдены из погребений: 6 - IV; 2 - V; 3, 4 - VI-VIII; 5 - IX; 1,7-9 - X.

(рис. 6, 2), найден в погребении младенца - самом позднем подзахоронении в склепе. В других погребениях эта категория украшений от-

сутствует. Роль оберегов, вероятно, выполняли небольшие бронзовые колокольчики конусовидной формы (рис. 6, 10; 9, 4).

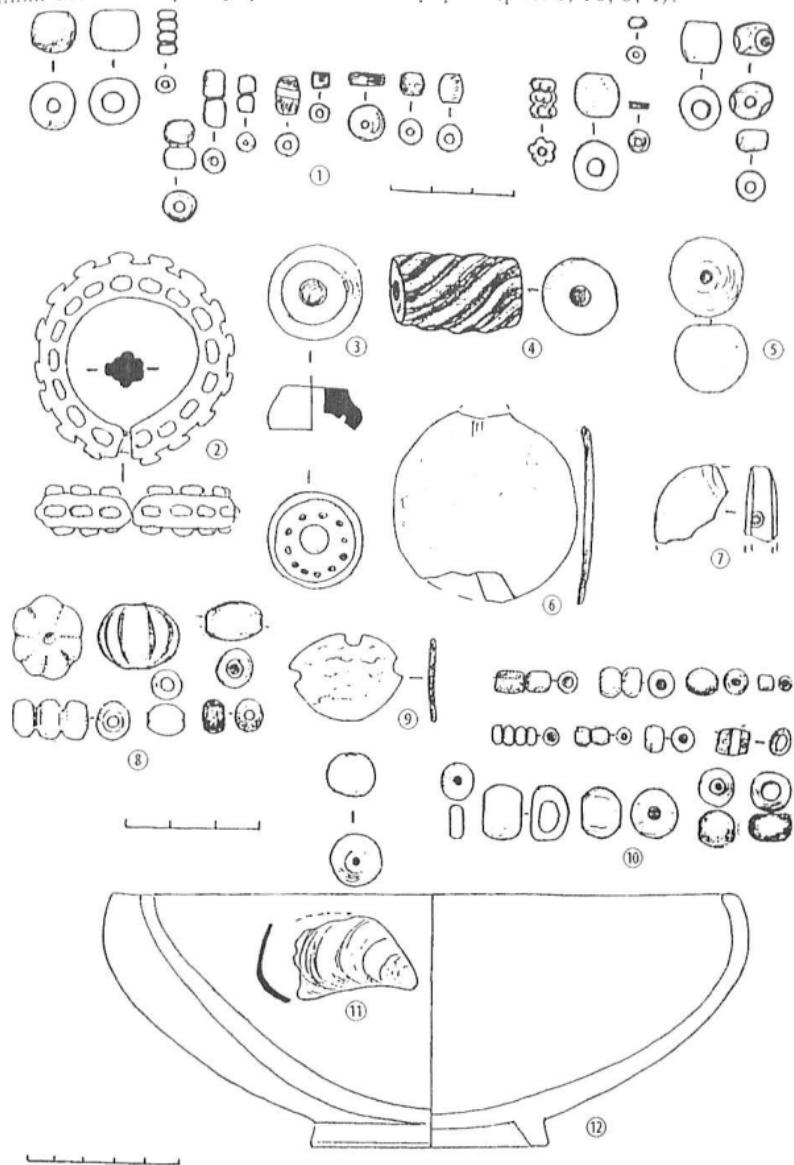

Рисунок 8.

Найдены из погребений: 5 - XIV; 3, 11 - XV; 2, 12 - XVIII; 8 - XIX; 1, 4, 6, 7, 9, 10 - XX.

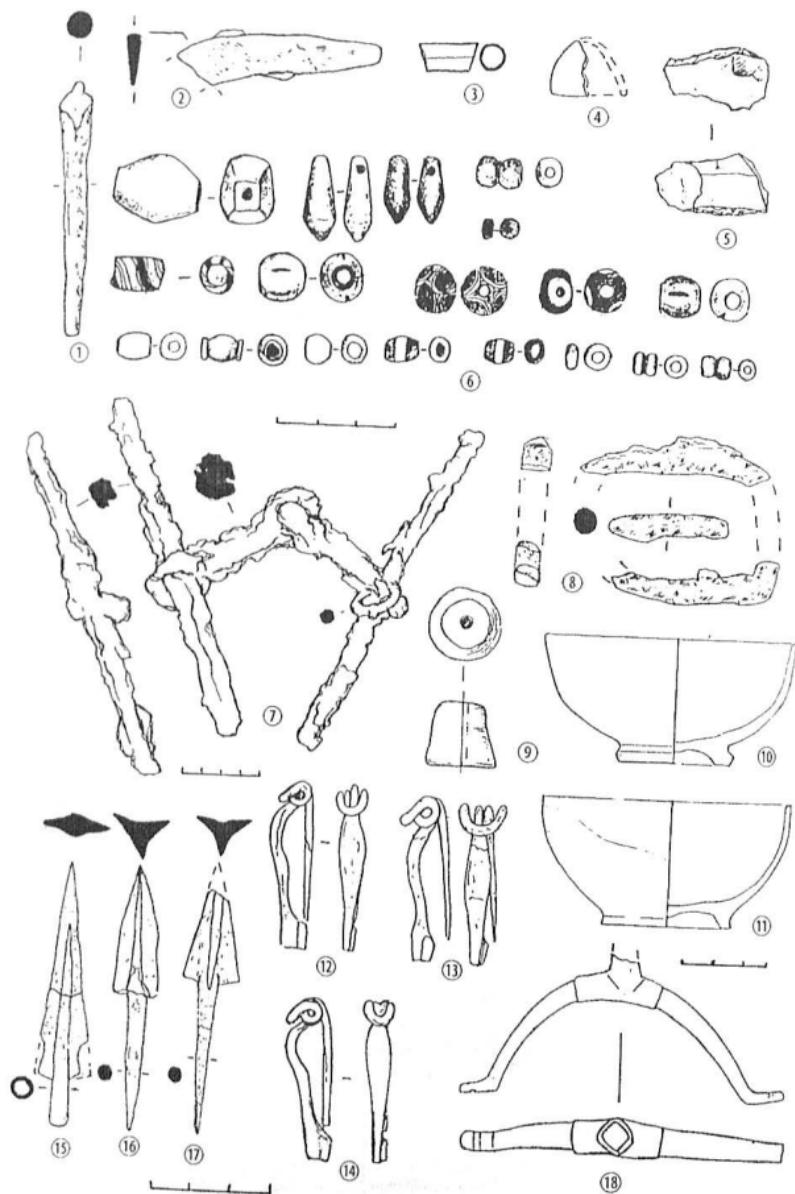

Рисунок 9.

Найдены из погребений: 7, 8, 10, 15-18 - XXIV; 11, 12 - XXV; 9, 14 - XXVI; 13 - XXVII; 1-6
- из ярусов II-III.

Бронзовое дисковидное зеркало диаметром 4,5 см из погребения XX (рис. 6, 9) с утраченной в древности небольшой плоской клиновидной(?) ручкой, принадлежит к типу широко распространенному в сарматской среде¹⁶.

Железный однолезвийный нож с коротким плоским черенком и прямой спинкой (рис. 7, 1) из погребения X найден внутри краснолаковой чашки, где, вероятно, находилась жертвенная мясная пища.

Пряслица лепные, представлены тремя экземплярами (рис. 7, 8; 8, 3; 9, 9), все они связаны с женскими захоронениями. На одном из них - орнамент из одиннадцати круглых на-колов. Аналогии - в грунтовом мозаичнике Неаполя¹⁷.

Раковины каури из погребений I (рис. 6, 4) и IV (рис. 6, 7) найдены в верхнем ярусе, у бедер умерших. Морские раковины часто встречаются в позднескифских могильниках и, вероятно, имели магическое значение, хотя многие могли использоваться для хранения косметических средств, т.е. были пиксидами¹⁸.

Бусы из погребений представлены несколькими ожерельями и отдельными крупными экземплярами, использовавшимися в качестве амулетов. Один из наборов бус был зачищен на груди погребения IV и состоял из 30 гагатовых подвесок стрелко-видной и биконической формы, нескольких цилиндрических пронизей и в форме восьмигранника, а также крупной бусины из черного стекла, нескольких полихромных, среди которых - четыре экземпляра с мозаичным орнаментом в виде «личин»

Рисунок 10.
Фигурный краснолаковый сосуд из
погребения V. Fonina.

(рис. 6, 6). Последние встречены преимущественно в комплексах I в. н. э.¹⁹

Среди других наборов можно отметить ожерелье погребения XX, среди которого преобладали бусы и пронизи среднего и небольшого размера из стекла, гагата, кости (рис. 8, 1, 10). В целом, основная масса бусин из склепа 155 относится к хронологическому диапазону I в. до н. э. - I в. н. э.

Рассмотрение погребального инвентаря позволило отнести захоронения яруса III к последним десятилетиям I в. до н. э. - рубежу н. э., а II и I суммарно датировать первой половиной I в. н. э., погребение I - рубежом I-II вв. н. э., учитывая, что оно было совершено уже после того, как склеп перестал функционировать. Первое погребение (XXIV) принадлежало молодому мужчине-воину, о чем свидетельствуют находки вооружения (наконечники стрел), конской упряжи, а также бронзовая шпо-

ра. Контакты с миром латенизированных культур Центральной и Восточной Европы в это время осуществлялись сарматами. Остальные предметы комплекса также свидетельствуют о связях с населением среднесарматской культуры. Кроме мужского, в нижнем ярусе, скорее всего, были погребены три(?) женщины, однотипность «воинских» фибул которых позволяет предположить синхронность или очень небольшой промежуток времени между захоронениями.

Расчеты, проведенные на основании половозрастных определений и дате погребального инвентаря склепа 155 показывают, что в нем хор-

нили на протяжении 50-70 лет родственники достаточно большого коллектива. Основываясь на материалах Неаполя и Беляуса Б.Ю. Михлин предположил, что склепы с большим количеством костяков взрослых людей и относительно узким диапазоном функционирования могли содержать останки и боковых ветвей семьи, назвав такую форму «ограниченно-расширенной»²⁰.

Выразительный и достаточно узко датированный инвентарь захоронений склепа 155 позволит использовать материалы для хронологических построений и этносоциальных реконструкций позднескифского общества на рубеже н. э.

Примечания

- Половозрастные определения выполнены ст. н. с. Института археологии НАН Украины И.Д. Потехиной.
- Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев, 1994, табл. 13, 2, 15
- Корпусова В.Н. Некрополь Золотое. Киев, 1983, с. 43, табл. XLV, 9.
- Сымонович Э.А. Население столицы позднескифского царства. Киев, 1983, с. 57, табл. VIII, 14; XXVI, 6; XXVII, 7; Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев, 1994, табл. 12, 1, 2, 19; 23, 32; 30, 39; 35, 12; 36, 22; Крапунов, Масякин, Мульд, 1997 с. 91, рис. 16, 5; Внуков С.Ю., Лагутин А.Б. Земляные склепы позднескифского могильника Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ. Вып. 118. М., 2001, с. 113, рис. 2, 5; Корпусова 1983, табл. XXV, 12; XLII, 5; Погребова Н.Н. Погребения в мавзолее Неаполя Скифского // МИА. 1961. № 96, с. 112, рис. 34, 1.
- Hayes J.W. Sigillate orientali // Ceramica fine Romana nell'basino Mediteraneo (tardoellenismo e primo impero). Atlante delle forme ceramiche. II. Enciclopedia dell'arte antica.. Classica e orientale. Roma, 1985, f. 10; Журавлев Д.В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья римского времени: основные итоги и перспективы изучения // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. Труды ГИМ. Вып. 102. М., 1997, с. 35, табл.3.
- Высотская Т.Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев, 1972, рис. 33, 1; рис. 7, вклейка; Корпусова В.Н. Некрополь Золотое. Киев, 1983, с. 39, табл. XXXVI, 12.
- Пугаченкова Г.А. Римский маскарон из Северной Бактрии // История и культура античного мира. М., 1977, с. 183-185.
- Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. - IV в. н. э.). Москва, 1993, с. 78, рис. 79, 7; Максименко В.Е. Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории). Азов, 1998, с. 136, 137, рис. 78, 2, 3.
- Шукин М.Б., Еременко В.Е. К проблеме кимвров, тевтонов и кельтоскифов: три загадки // АСГЭ. Вып. 34. М., 1999, с. 154, 157, рис. 5, 15; 11, 11,
- Козак Д.Н. Пшеворська культура у Верхньому Подністрів'ї Західному Побужжі. Київ, 1984, с. 27, 36, 37, рис. 36, 21.

-
11. Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. - IV в. н. э.). Москва, 1993, с. 75; Скрипкин 1990, с. 71, рис. 23, 43; Марченко И.И. Сираки Кубани. Краснодар, 1996, с. 61, рис. 16, 37.
 12. Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР // САИ Д1-30. М., 1966, с. 48, табл. 9, 3.
 13. Шульц П.Н. Мавзолей Неаполя Скифского. М., 1953, табл. XV, 6; Погребова Н.Н. Погребения в мавзолее Неаполя Скифского // МИА. 1961. № 96, рис. 8, 4; 26, 3; Бабенников В.П. Некрополь Неаполя Скифского // ИАДК. Киев, 1957. С. 94-141, табл. IX, 11; Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР // САИ Д1-30. М., 1966, с. 25; Михлин Б.Ю. Фибулы Белиусского могильника // СА. 1980. № 3, с. 205, рис. 6, 1-4, 8, 9; Храпунов И.Н. Масякин В.В., Мульд С.А. Позднескифский могильник у с. Кольчугино // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. I. Симферополь, 1997, с. 79, 94-96, рис. 14, 16, 18; Нефедова Е.С. Фибулы с некоторых памятников Западного Крыма // Памятники железного века в окрестностях Евпатории. М., 1991, с. 200, рис. 2, 2, 3; Сымонович 1983, с. 56, табл. XXVI, 17
 14. Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев, 1994, с. 106, 107, рис. 32, 3, 4, 8; Корпусова В.Н. Некрополь Золотое. Киев, 1983, с. 56, 57, рис. 15, 11, 13; Сымонович 1983, с. 92.
 15. Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев, 1994, с. 108.
 16. Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Саратов, 1990, с. 94, рис. 34, 17-19.
 17. Сымонович Э.А. Население столицы позднескифского царства. Киев, 1983, с. 88, табл. XXIII, 25, 39.
 18. Сымонович Э.А. Население столицы позднескифского царства. Киев, 1983, табл. 25, 27-29; Высотская 1994, с. 130, 131.
 19. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ Г1-12. М., 1982, с. 38, табл. 48, 27-41; Корпусова В.Н. Некрополь Золотое. Киев, 1983, с. 99, 100, ив. фото; Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев, 1994, с. 116, табл. 42, 21, 62.
 20. Михлин Б.Ю. О характере позднескифской семьи // СА. 1987. № 2, с. 31-40.

АГАСИКЛ ХЕРСОНЕССКИЙ

С выходом на международную арену державы Александра Македонского, положившего начало созданию эллинистических монархий, происходили разнообразные политические и культурные преобразования на огромных территориях античной ойкумены. Вскоре они оказались и на развитии северопонтийских государств, граждане которых довольно быстро реагировали на заметные изменения в окружающем мире, воспринимая новшества и вместе с тем сохраняя лучшие полисные традиции особенно в политике и религии.

В раннеэллинистическое время надполисные тенденции проявились и в развитии Херсонеса Таврического, который не только подчинил автономный полис Керкинитиду, но и занял огромную территорию вдоль западного побережья Таврики¹. На сравнительно короткое время он превратился в территориальное государство со строго дисциплинированным, полувоенным укладом жизни его гражданской общины, достигшей наибольших успехов в организации аграрной зоны².

В Северном Причерноморье как и во всем эллинском мире политическое, экономическое и культурно-религиозное развитие определяли большие города - столицы государств. Именно городские слои населения, в первую очередь образованные и зажиточные граждане, составляли влиятельную социальную прослойку. Их политические стремле-

ния и идеи, верность гражданскому коллективу, особенно в демократических полисах, философские и религиозные взгляды, художественные вкусы и поведение постоянно влияли на развитие всей идеологии и культуры. Тем не менее, известными и прославленными, удостоенными различных почестей, стали лишь немногие лидеры. По имеющимся в настоящее время источникам в Херсонесе первое место, бесспорно, принадлежит Агасикулу, сыну Ктесия, относительно государственной деятельности и достижениях которого сохранился только фрагмент беломраморного постамента со скромным перечислением исполненных им должностей.

Почетная надпись об Агасикле, обнаруженная, по сообщению П. Сумарокова, еще в 1794 г. на территории Херсонеса, особенно после ее публикации и интерпретации В.В. Латышевым, в той или иной мере привлекалась многими исследователями для решения главным образом вопросов хронологии, исторического и экономического развития этого полиса в конце IV-III вв. до н.э.³ Однако, собственно личность Агасикала как государственного деятеля специально не рассматривалась, что в общем и является основной задачей настоящей статьи.

На фасадной стороне сохранившейся части постамента вверху над тремя венками вырезана короткая надпись: «Демос (поставил статую) Агасикала, сына Ктесия»⁴. Судя по

характерным четырем углублениям для крепления конских копыт и остаткам креплений на его верхней плоскости, это была конная статуя. Скорее всего, всадник сидел на коне в спокойно-величавой позе героя и победителя⁵. Такого типа бронзовые конные статуи устанавливались в раннеэллинистическое время в греческих городах сравнительно редко⁶. Тем более, в периферийных городах, где поставить такой памятник было не только очень дорого, но и тяжело из-за отсутствия местных талантливых скульпторов.

Во всяком случае, как это известно из эпиграфических источников, ольвиополиты в последней трети IV в. поставили только одну конную статую в святилище Ахилла на острове Левке неизвестному по имени деятелю, изгнавшему оттуда грабивших храмовые сокровища пиратов и оказавшему много пользы Ольвийскому полису⁷. В первой четверти III в. до н.э. монументальная конная статуя на беломраморном постаменте с высеченной на нем почетной эпиграммой и декретом в честь Автокла была воздвигнута и в Тире⁸. Однако ничего не известно о том, что подобного типа статуи устанавливались боспорским правителям в период даже самого высокого экономического и культурного расцвета их государства. Поэтому имеются все основания полагать, что Агасикл, сын Ктесия, действительно был выдающимся государственным деятелем, если гражданская община Херсонеса удостоила его постановкой такой редкостной для здешних мест статуи.

Его заслуги перед демосом в определенной мере раскрываются изображениями восьми разных венков, в средней части которых поставлены короткие надписи, указывающие за успешное выполнение какой государственной должности Агасикла было награждено тем или иным из них. Еще В.В. Латышев отмечал, что среди этих венков различаются два (2 и 3 по его нумерации) из плюща, остальные - лавровые. Однако при внимательном рассмотрении их изображения имеют совершенно иной вид, чем венки из живых веток с листьями. На постаменте Агасикла они представляют свернутую в кольцо тонкую проволоку, к которой прикреплены отдельные плющевые или лавровые листочки. Бессспорно, что это золотые венки с имитацией таких листьев. Ими, судя по надписям, чаще всего награждали почетных граждан и героев во всех городах античного мира и которые сохранились в той или иной степени в отдельных погребениях. Разница между ними в том, - и, конечно, достаточно существенная, - что три из них представлены на фасаде постамента и по своим размерам намного больше остальных. Кроме того, они не только меньше сами по себе, но и листья на них мельче, они разбросаны реже сравнительно с первыми.

Как известно, золотые венки оценивались в том денежном эквиваленте, насколько в тот или иной период полис имел возможность преподнести своему благодетелю дорогой дар. На памятнике Агасикла изображены разные по стоимости венки. Так как на фасаде памятника показаны боль-

шие венки, то ясно, что именно таковыми он был награжден за исполнение наиболее важных государственных должностей, что согласовываетя с надписями внутри них. При таком понимании венков исчезает какое-либо противоречие в том, почему за более ответственную должность он увенчивался плющевым венком, а за менее - лавровым⁹. Между ними в античном мире существовала значительная разница: лавровый венок всегда считался более почетным. Но когда дело касалось золотых венков, то учитывался вес золота, художественный уровень исполнения, место и время награждения и главное, за какие заслуги гражданин получал этот дар. Если Агасикл во всех случаях награждался золотыми венками, то они, в свою очередь, подтверждают также неординарность его личности в Херсонесском полисе.

Относительно датировки его памятника и прочтения плохо сохранившихся надписей в венках высказаны разные предположения и взгляды. В.В. Латышев относил его к III в. до н.э., что было признано многими учеными на протяжении длительного времени¹⁰. В последнее время его хронологические рамки намного сужены. На основании палеографического анализа Присяги граждан Херсонеса, Закона об изгнанниках и рассматриваемого постамента в сопоставлении с археологическими источниками Ю.Г. Виноградов и А.Н. Щеглов пришли к выводу, что все они относятся к рубежу IV-III в¹¹. Однако, С.Ю. Сапрыкин, хотя прямо и не выступает против такой узкой дати-

ровки и никак ее не опровергает, все же считает более целесообразным относить эти надписи на базе статуи Агасикла к первой четверти III в¹². В общем, как видно, хронологические различия не столь значительные, тем более, что абсолютная датировка не только установления самого памятника, но продолжительности жизни и деятельности этого херсонесского лидера вряд ли возможна.

Судя по надписям в венках Агасикл исполнял много разных должностей. Возможно, на постаменте отмечены только те, за которые он удостоился награждения и во время исполнения которых особенно способствовал улучшению жизни демоса и политической обстановки в государстве. Если памятник был установлен еще при жизни, то основные годы его активной деятельности, по-видимому, относятся к периоду наивысшего расцвета Херсонесского полиса.

Делая хронологические сопоставления между Присягой херсонеситов, Законом об амнистии и декретом в честь Агасикла, часто забывается, что в последнем отражены не те события, которые происходили синхронно, но на протяжении сравнительно большого промежутка времени, когда человек был в состоянии исполнять важные государственные должности, уже завершил свою жизнь или же приблизился к ее концу. Все, что случилось в истории херсонеситов во второй половине IV - первой четверти III в. так или иначе могло касаться и Агасикла, ибо его родители, а потом и он сам имели к этому непосредственное отношение. Вполне вероятно,

что он происходил из рода основателей дорийско-делосского полиса.

В период его жизни в Херсонесском государстве произошли коренные изменения в экономическом развитии, что способствовало переменам в политике и культуре. Считается, что значительно увеличилось количество населения за счет группы переселенцев из метрополии и Каллатиса¹³. Херсонесское государство начало расширяться в результате экспансии Северо-Западного и Западного Крыма, подчинения Керкинитиды, что в итоге привело к тому, что здесь уже на рубеже IV-III в. до н.э. полностью оформилось большое территориально-государственное объединение надполисного типа¹⁴. Естественно, управлять таковым было намного сложнее, чем небольшим классического типа полисом. Особенno значительных усилий требовало сохранение захваченных территорий от нападений кочевников и ежегодного урожая зерна и других продуктов, которые вывозились отсюда для внутренних потребностей херсонеситов и на продажу.

Многочисленные источники из раскопок Херсонеса и его хоры свидетельствуют о том, что в последней четверти IV - начале III в. здесь чрезвычайно высокое развитие получила хозяйственная деятельность населения, в частности массовое производство керамической тары, торговля вином и хлебом в северопонтийском регионе¹⁵. В городе и на всей территории аграрной зоны, в том числе Керкинитиде и Калос Лимене проводилось массовое каменное строительство¹⁶. Большое количество ук-

репленных и неукрепленных поселений разных типов в значительной степени характеризует интерес херсонеситов к освоению огромных массивов земли¹⁷.

В Северном Причерноморье это был единственный полис, где обрабатываемые земли были разделены на отдельные, четко ограниченные участки на всей территории его хоры и где существовала единая система монументальных сооружений замкнутого плана с квадратными башнями военного назначения¹⁸. «Археологически документированные следы систем размежевания в Западном Крыму от Гераклейского до Тарханкутского полуострова представляют в настоящее время уникальный пример пространственной организации не отдельных участков хоры, но полного земельного фонда и системы расселения крупного греческого периферийного территориально-политического образования в Средиземноморско-Причерноморском ареале в раннеэллинистическое время. По самым осторожным подсчетам Херсонес в конце IV - начале III в. только на размежеванных землях был способен производить как минимум более 20 тыс. т хлеба в обычные и 30-37 тыс. т в урожайные годы, что превышало то количество хлеба (около 15.6 тыс. т), которое при Левконе I, по словам Демосфена (XX,32), ежегодно вывозилось из Боспора в Афины. В действительности зерна, очевидно, собиралось больше, если учесть, что часть его могла поступать от населения прилегающих к Гераклейскому п-ву долин. Надо думать, что Херсонес вполне мог учав-

ствовать в pontийской хлебной торговле. Кроме того, он, как показывают данные керамической эпиграфики и археологии, занял ведущее место среди северочерноморских центров в поставках вина собственного производства»¹⁹. С экономическим подъемом Херсонеса была взаимосвязана и культурная жизнь его граждан. В городе появился театр, функционировал гимнасий, возводились новые храмы и алтари, ставились монументальные статуи божествам в частности Афине и т.д.²⁰

Такой сравнительно быстрый процесс расцвета Херсонеса происходил во время жизни и деятельности Агасикла, что, естественно, отразилось на его мировоззрении и отношении к родному краю. Как и в каждом демократическом полисе любой гражданин имел право исполнять ту или иную государственную должность после его избрания на народном собрании. Судя по памятнику Агасикла, если рассматривать отмеченные на нем должности в том порядке, как они поставлены, то сначала его могли наградить золотым венком за то, что он предложил проект декрета о гарнизоне и организовал его; затем за размежевание виноградников; и, наконец, за строительство оборонительных стен. Именно эти заслуги были вынесены на лицевую грань постамента и за это его наградили тремя большими золотыми венками. И если на двух последних из них изображены плющевые листья, то это может указывать еще и на то, что Агасикл действительно сделал много для интенсивного развития виноградарства и был, скорее всего, ис-

тинным поклонником Диониса, культ которого в Херсонесе благодаря этому стал более популярным. Если в центральном плющевом венке указано, что он беспокоился о виноградниках, - в данном аспекте не столь важно, размежевал он их или отмежевал от территории, якобы захваченной изгнаниками-олигархами, то есть фактически являлся их спасителем, - то, естественно, нет ничего удивительного в том, что его увенчали именно Дионисовым венком в театре, являвшемся по сути иконным святилищем этого бога.

Скрупулезный анализ надписи в центральном венке дал возможность установить, что в нем речь может идти не о размежевании виноградников на равнине, как считалось долгое время, а о проведении Агасиклом границы виноградной области на равнине²¹. Согласно единогласному мнению многих исследователей, неуклонное стремление Херсонеса к территориальному расширению своей державы и обогащению вызвало в итоге сильное социальное расслоение и политическую борьбу между олигархами и демократами, вследствие которой первые из них вынуждены были уйти в изгнание²². Однако все еще не имеется единогласия относительно того, когда именно это произошло и куда переселились изгнаники²³.

Очевидно, имеются определенные основания считать, что они не выехали в какой-то другой полис, а заняли удаленную часть хоры Херсонеса, что согласовывается с эпиграфическими источниками этого времени. Ярким свидетельством попыток херсонесских олигархов сбро-

сить демократическую власть и нарушить единство гражданской общины являются некоторые параграфы Присяги херсонеситов, нашедшие подтверждение в так называемом Законе об амнистии политических изгнанников²⁴.

Три надписи в больших венках на лицевой грани постамента представляют одно целое, взаимосвязаны между собой и свидетельствуют о том, что Агасиклу после принятия предложенного им декрета о специальном гарнизоне, пришлось заниматься его формированием и принимать непосредственное участие в должности предводителя по наведению порядка прежде всего на хоре как главнейшей аграрной базе с тем, чтобы гражданская община Херсонеса не потеряла столь важную часть присвоенных территорий, дававших колоссальные прибыли²⁵. Эти акции Агасикла вместе с этим были направлены на сохранение и укрепление демократического строя в полисе. Возможно, как раз он являлся одним из самых непримиримых борцов против олигархов и изгнанные с его помощью оппозиционеры смогли возвратиться в город лишь после его смерти. Само собой разумеется, что не стоит уверенно говорить о том, что они на пограничье херсонесской хоры успели создать самозванное политическое образование, заручившись поддержкой скифов²⁶. Тем не менее дальнейшая история Херсонесского государства показывает, что создание мощных укреплений на хоре было крайне необходимо, ибо кочевые скифы, потеряв свое влияние и прибыли в пе-

риод междоусобной борьбы сыновей Перисада I, начали угрожать процветающему городу в Таврике.

По всей вероятности, третий венок с надписью «Бывшему стеностроителю» связан с тем, что Агасикл был ответственным за сооружение оборонительных стен вокруг Херсонеса и довел до конца их строительство²⁷. Вместе с этим проводилась не только городская фортификация. Обширная программа создания сплошной оборонительной системы государства включала в себя и укрепление его сельскохозяйственных владений. Почти одновременно была проведена огромная по своим масштабам работа по созданию земельных гарнизонов. Сходство башенных укреплений в разных местах херсонесской хоры, почти одинаковая конструкция каменных стен на усадебных башнях и на юго-восточной оборонительной стене города - не случайность, а закономерный процесс создания единой оборонительной системы, которой занимались херсонесские демократы для защиты как от варваров, так и олигархов²⁸. Так или иначе, но инициативный и мужественный Агасикл явно отличился в этот период, как единоличный руководитель и талантливый организатор создания отдельных гарнизонов в каменных укреплениях на хоре с особой формой сигнализации и взаимосвязи.

Созданная им оборона имела громадное значение в жизни всех херсонеситов и сельского населения. После исполнения вышеотмеченных должностей, во многом рискованных и тяжелых, тем более что Агасиклу приходилось не только неоднократ-

но бывать, но и жить вдали от города, он продолжал исполнять различные должности, получая за них золотые венки. В благодарность за его труды херсонесский демос поставил ему впервые бронзовую конную статую, которой удостоился, видимо, лишь один Агасикл за всю историю античного Херсонеса. Кроме того, только его, исходя из данных эпиграфических источников, наградили таким большим количеством венков, в том числе за, казалось бы, совсем заурядные должности.

Поскольку Присяга херсонеситов синхронна памятнику Агасикла или скорее всего относительно совпадает с его акциями по обороне государственных территорий, то естественно думать, что он также присутствовал среди тех граждан, которые клялись оберегать свою отчизну, заботиться о ее спасении и свободе. Если Агасикл на самом деле был тем патриотом и борцом за демократию, которым он представляется, то он мог быть одним из авторов Присяги, выставленной по эллинской традиции для чтения в городе уже после того, как олигархи-зачинщики государственного переворота были из него изгнаны.

Ради сохранения державы от дальнейших угроз и нападений разных врагов, - как эллинского, так и варварского происхождения, - воспитания граждан в духе патриотизма и свободы личности херсонеситы присягались своими богами и богинями, в том числе и Партенос - верховной защитницей всей античной Таврики, что не предадут Херсонес, Керкинитиду, Калос Лимен и другие

укрепленные пункты на подвластной им территории, которой они управляют или управляли; не станут свергать демократическое устройство и не разрешат сделать это другим; будут бороться против каких-либо сговоров, верно служить демосу, защищать границы, охранять для народа Састер и не разглашать ничего сокровенного ни эллину, ни варвару, что способно повредить государству²⁹.

Создается впечатление, что Агасикл принадлежал к одному из крупнейших лидеров гражданской общины Херсонеса, исполнял самые разные магистратские должности и после того, как обстановка в полисе стабилизировалась. Его заслуги были столь значительны и он настолько хорошо исполнял свои обязанности, что и за них он увенчивался венками. На длинной боковой грани постамента вырезано пять маленьких венков с мелкими редко расположеными листочками, напоминающими лавровые. Некоторые из выполняемых им должностей точно не установлены вследствие того, что от надписей в этих венках, в частности 4,5,6 сохранилось только несколько букв. Так, согласно с их восстановлением, Агасикл упорядочил (?) рынок, исполнял должность стратега или дамиурга, служил жрецом. Относительно надписи о стратеге, то ее реконструкция весьма условна³⁰. Еще Э. Миннз, например, полагал, что здесь имелся ввиду дамиург³¹. По мнению С.Ю. Сапрыкина, Агасикл, вероятно, был руководителем коллегии стратегов или одним из ее инициативных членов; так как им была выполнена грандиозная работа по орга-

низации оборонительной системы, того не сколько раз могли избирать на эту должность. Не исключено также, что он исполнял специальную должность стратега на хоре, занимаясь ее организацией, укреплением границ и контролируя получаемые с нее доходы³².

Однако нельзя игнорировать и точку зрения Э. Минназа, что, разумеется, вовсе не значит, что Агасикл не исполнял и должности стратега. Последняя была довольно тесно связана с теми его действиями, которые относятся к началу государственной деятельности и организации гарнизона на хоре. Если следовать Присяге херсонеситов и тому значению, которое заложено в понятие термина «дамиург», то логично было бы, если бы Агасикла избрали на эту должность. Дамиурги в Херсонесе, как это видно прежде всего из Присяги, относились к тем должностным лицам, в обязанности которых входила охрана демократического режима³³. Политика и деятельность Агасикла были подчинены принципам народовластия и сохранению всех его норм и установлений.

Кроме того, Агасикл был избран жрецом, скорее всего, святыни главной патронессы Херсонеса Партенос. Исполнение такой почетной должности было связано с проведением различных сакральных мероприятий, устройством и организацией всенародных празднеств и агонов. В данном случае интересно, что имя Агасикла в роли магистрата отмечено и на серебряных монетах с изображением головы Партенос, лука и колчана на аверсе, бодающего

быка и палицы на реверсе³⁴. Соединение на одной монете символов этой богини и Геракла свидетельствует о важности обоих культов для защиты всего Херсонесского государства.

Заслуживают внимания и остальные должности Агасикла. В античных полисах гимнасиархи чаще всего тоже избирались на народном собрании. Гимнасиархи несли полную ответственность за все то, что было связано с воспитанием и обучением будущих граждан: не только их физической, интеллектуальной и моральной подготовкой, но и состоянием помещений, наличием всего необходимого для обучения, а также организацией и проведением спортивных агонов на различных религиозных празднествах, в частности Партенос, Геракла и Гермеса³⁵. В том случае, если государство не имело средств для поддержки гимнасия, то избирались те граждане, которые могли и желали использовать собственные средства на его нужды. В экономической жизни полиса большое значение имела также должность агоронома, следившего за порядком на рынках и торговых операциях, реализацией продуктов питания и организацией их поступления в город.

Таким образом, Агасикл, если он прожил приблизительно хотя бы пятьдесят лет, был в состоянии выполнять много различных должностей. Но, по всей видимости, только отдельные из них, когда он действительно добивался наибольших результатов и успехов, отмечены на его памятнике. Следует отметить широту политического мировоззрения и разнообразных знаний Агасикла.

ла, его организаторские способности, умение исполнять самые разные должности с необыкновенной тщательностью и добросовестностью, серьезное отношение ко всем своим обязанностям. Первые из них, наиболее тяжелые и рискованные, очевидно, исполнялись в сравнительно молодом возрасте, чем последние, требовавшие в основном постоянного пребывания в городе.

Вопреки всем затменным коллизиям жизни и деятельности Агасикла все-таки достаточно ясно просматривается его демократизм, преданность полису и стремление расширить его границы ради экономического и культурного процветания. Надполисные тенденции развития Херсонеса наиболее выразительно проявились в период жизни Агасикла при демократической власти с ее специфически дорийскими чертами и особенностями. Его многогранная деятельность в сложное и противоречивое в истории Херсонеса время, несомненно, сыграла положитель-

ную роль в дальнейшем развитии полиса. Идея сохранения Херсонесского территориального государства стала программной для всех граждан, сделавших главным источником своих доходов и благосостояния аграрное хозяйство и торговлю. Однако, херсонеситы, верные Присяге и полисным традициям, в скором времени не смогли изменить ту ситуацию, которая сложилась в данном регионе после возможной смерти Агасикла, когда вследствие наступления кочевников пришлось отказаться от своей огромной территории в Северо-Западной Таврике. Отсюда ясно, что богиня судьбы была благосклонна к Агасиклу, а вместе с ним и к тому полису, где он жил и ради блага которого достойно исполнял разные государственные должности. И даже неумолимо беспощадный Хронос после много векового забытья извлек его имя, благодаря чему он все-таки занял свое почетное место в истории античных государств Причерноморья.

Примечания

- См. лит.: Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 320-371; Зубар В.М. З історії Херсонеса Таврійського другої половини IV - початку III ст. до н.е. // Археологія. 1990. №1. С.39-50; Рогов Е.А. Некоторые проблемы становления и развития Херсонесского государства // Stratum. 1999. №3.
- Виноградов. Щеглов. Указ. соч. С.332, 369, 370.
- IOSPE. I(2). 418; SEG XIX 500; Minns E. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913. P.646; Стржелецкий С.Ф. Клеры Херсонеса Таврического. К истории древнего земледелия в Крыму // Херсонесский сборник. 1961. Вып.VI. С.44,45, 52; Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. К., 1977. С.50; Виноградов, Щеглов. Указ. соч. С.350-358; Виноградов Ю.Г. Херсонесский декрет о «несении Диониса» IOSPE I (2) 343 и вторжение сарматов в Скифию // ВДИ. 1997. №3. С.111; Vinogradov Ju.G. Pontische Studien. Mainz am Rhein. 1997. S. 420, 428, 443, 444, 449, 461-469 f. (с лит.); Saprykin S. Ancient Farms and Land-Plots on the Khor of Khersonesos Taurike. Research the Herakleian Peninsula 1974-1990. Amsterdam, 1994.P.73-76; Зубар. Указ. соч. С. 48 и др.
- Ю.Г. Виноградов предпочитал иное чтение: «Народ увенчивает Агасикла, сына Ктесия» (См. Виноградов, Щеглов. Указ. соч. С.350). Однако, поскольку надпись высече-

- на на постаменте, скорее всего, речь может идти о статуе, а не венках, которыми Агасикл традиционно награждался после успешного исполнения той или иной должности в разные годы своей деятельности.
5. Ср.: Виноградов, Щеглов, Указ. соч. С.351; Трейстер М.Ю. Материалы к корпусу постаментов бронзовых статуй Северного Причерноморья // Херсонесский сборник. 2000. Вып.Х. С.121-158.
 6. Siedentopf H. Das Hellenistische Reiterdenkmal. Waldassen. 1968. S.57,80.
 7. IOSPE. I(2).325; Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса VII-I вв. до н.э. Историко-эпиграфическое исследование. М., 1989. С.164-168.
 8. Виноградов Ю.Г. Истрия, Тира и Никоний, покинутый и возрожденный // Нумизматика и эпиграфика. М.,1999. XVI. С.50-71. Собравший все материалы о постаментах бронзовых статуй в Северном Причерноморье М.Ю.Трейстер подсчитал, что в процентном соотношении конные составляли лишь около 8% и были особенно характерны в конце IV - начале III в. до н.э. (Указ. соч. С.127).
 9. Ср.: IOSPE I(2).418; Виноградов, Щеглов. Указ. соч. С.351.
 10. См., например: Соломоник Э.И. Каменная летопись Херсонеса. Симферополь, 1990. С.17.
 11. Виноградов, Щеглов. Указ. соч. С.334,335, 350 сл.
 12. Saprykin. Op. cit. P.73-76.
 13. Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. С.11.
 14. Виноградов, Щеглов. Указ. соч. С.320, 326-334.
 15. См. лит.: Зубарь В.М. Херсонес Таврический в античную эпоху К., 1983. С.42, 48 сл.
 16. См. лит.: Кутаисов В.А. Античный город Керкинитида. К., 1990; Золотарев М.И. Ранние этапы градостроительства в Херсонесе Таврическом // Херсонесский сборник. 1998. Вып.IX. С.33-35; Золотарев М.И., Буйских А.В. Теменос античного Херсонеса. Опыт архитектурной реконструкции // ВДИ. 1994. №3. С.78-101; Марченко Л.В. Эллинистический комплекс у перекрестка главных магистралей города // Херсонесский сборник. 2000. X. С.101-103.
 17. Щеглов. Указ. соч. С.32 сл.; Николаенко Г.М. Организация хоры Херсонеса Таврического на Гераклейском полуострове // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси. 1985. С.277-285; Ланцов С.Б. Западный Крым в составе Херсонесского государства. Автореф... канд. истор. наук. К., 1991. С.10 сл.
 18. Стржелецкий. Указ. соч. С.43-113; Сапрыйкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М.,1886. С.145-157, Виноградов, Щеглов. Указ. соч. С.327-332 (с лит.).
 19. Виноградов, Щеглов. Указ. соч. С.332.
 20. Пичикян И.Р. Малая Азия - Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. М., 1984. С.198 - 219 (с лит.); Золотарев, Буйских. Указ. соч.(с лит.).
 21. Виноградов, Щеглов. Указ. соч. С.351-353.
 22. Соломоник Э.И. Фрагмент надписи из Херсонеса о политических изгнанниках // ВДИ. 1984. №3. С.72-80; Сапрыйкин. Указ. соч. С.157 сл.; Виноградов, Щеглов. Указ. соч. С.342-345.
 23. Saprykin. Op. cit. P.73,74.
 24. Жебелев С.А. Северное Проицерноморье. М.Л., 1953. С.223,224; Соломоник. Фрагмент декрета... С.78-80; Сапрыйкин. Указ. соч. С.157; Виноградов, Щеглов, Указ. соч. С.346 сл.
 25. Виноградов, Щеглов. Указ. соч. С.352 сл.; Saprykin. Op. cit. P.74.
 26. Виноградов, Щеглов. Указ. соч. С.353 сл.
 27. Saprykin. Op. cit. P.75.
 28. Saprykin. Op. cit. P.75.
 29. IOSPE. I(2).401; Виноградов, Щеглов. Указ. соч. С. 335-350; Русева А.С., Русева М.В. Верховная богиня античной Таврики. К., 1999. С. 83-96.
 30. Виноградов, Щеглов. Указ. соч. С.351, прим. 203.
 31. Minns. Op. cit. P.646. №17.

32. Saprykin. Op. cit. P. 75.
33. Кадеев В.И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков, 1981. С.77; Пальцева Л.А. К вопросу об эволюции государственного строя Херсонеса в эллинистическую эпоху // Проблемы социально-экономической организации и идеологии античного общества. Л., 1984. С.111,112.
34. Анохин. Указ. соч. №84.
35. Кадеев. Указ. соч. С. 81,82; Русева А.С. Культура // Археология Украинской ССР. К., 1986. Т.2. С. 514; Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. М., 1997. С.225-227(с лит.); Анохин В.А. История Боспора Киммерийского. К., 1999. С. 210-224 (с лит.).

СТЕКЛЯННЫЕ КАНФАРЫ ИЗ СОБРАНИЯ ХЕРСОНЕССКОГО ЗАПОВЕДНИКА

В коллекции разнообразной стеклянной посуды Херсонеса имеется небольшое количество канфаров. Этот тип стеклянных сосудов не был широко распространен в быту херсонеситов, поэтому стоит описать каждую находку отдельно, тем более, что до сих пор этот материал не являлся предметом специального изучения.

Два фрагментированных сосуда относятся к типу стеклянных канфаров с накладным орнаментом.

Один из них найден К.К. Косцюшко-Валюжиничем в 1907 году при раскопках некрополя в Карантинной балке в насыпи могильника. Форма сосуда практически полностью восстанавливается по сохранившимся фрагментам и фотографии в отчете¹, рис. I- I.

Чаша канфара цилиндрическая с округлым дном, изготовлена способом свободного выдувания. Вертикальный венчик по краю утолщен и оплавлен. Нижняя его граница условно обозначена двумя рядами тонких горизонтальных накладных нитей. В верхней части венчика - также видны горизонтальные прерывистые гравированные линии.

На стенки бокала вгорячую нанесен накладной орнамент, изображающий виноградную лозу с гроздьями ягод в виде выпуклых точек, оттиснутых штампом.

Ручки сформованы из толстого (0,5x 0,6 см в диаметре), круглого в

разрезе прута и вертикально припаяны к чаше сосуда. В нижней части сделан защип, отогнутый наружу как декоративный усик. К сожалению, часть ручки в месте верхнего прилипа не сохранилась. Однако, судя по тому, что прут в верхней части, в месте обломка, уплощен и расширен, можно предположить, что ручка имела характерную для сосудов этого типа форму горизонтально отогнутого отростка или петли.

Ножка канфара высокая, вытянута из капли, образовавшейся на дне бокала в процессе его выдувания. В середине обвита уплощенным стеклянным прутом, концы которого заходят один за другой.

На дне канфара нет следа от понтии. Конец ножки, выступающий из центра подставки, округлый и гладкий. Вероятно, в данном случае понтий служила металлическая трубка диаметром 1 см, надетая на ножку.

Подставка канфара широкая, коническая, сделана крайне небрежно. Она сформована отдельно от туловища, после чего припаяна на ножку - как это можно наблюдать на примере подставок рюмок в более позднее время². Край подставки обрезан ножницами и оплавлен. В отличие от полированной блестящей поверхности канфара, поверхность его подставки матовая..

Цвет стекла светло-зеленый, в местах утолщения - более интенсивный.

Корпус бокала усеян сферическими пузырьками, мелкими и более крупными, расположеннымными группами и рядами, направленными наискось. Кроме того, на стенках есть следы ротации. Поверхность бокала сильно иризирована.

Высота канфара - 13 см, диаметр венчика - 9,8 см, высота ножки - 3 см,

диаметр подставки - 5,7 см, диаметр ножки - 1,4 см, толщина стенок - 0,05 - 0,06 см, толщина дна - 0,3 см.

Датировать канфар по сопутствующим находкам невозможно, т.к. в насыпи могильника находился разновременный материал: надгробия античного и средневекового времени, обломок мраморной скульптуры

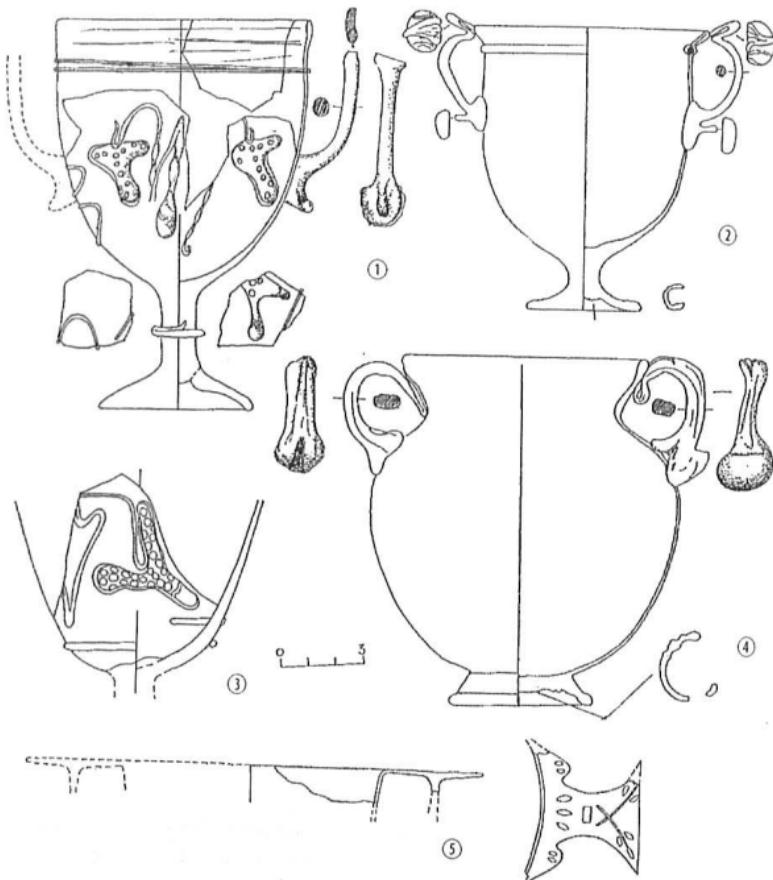

Рисунок 1.

Стеклянные канфары из коллекции Херсонесского заповедника: 1 – некрополь в Карантинной балке, ини. № 3-1171; 2 – подбойная могила № 136 ("Соихоз-10"), ини. № 805/36572; 3 – раскопки К.Э. Гриненчика (1928 г.) в районе цитадели, ини. № 28574; 4 – подбойная могила № 62 ("Соихоз-10"), ини. № 796/36572; 5 – раскопки К.Э. Гриненчика (1929 г.) у Западной оборонительной стены, ини. № 11/35419.

первой половины II в. н.э., монеты эллинистического, римского, средневекового времени³.

Аналогии этому канфару не известны. Небольшое число фрагментов стеклянных кубков с декором, подобным нашему как по технике исполнения, так и сюжетно, имеется в материалах из раскопок в Паннонии, где они датируются началом III в. н.э.⁴ Еще один фрагмент кубка с накладным орнаментом найден в районе Цитадели Херсонеса в 1928 году (раскопки К.Э. Гриневича)⁵. Форма сосуда частично восстанавливается (рис. 1-3).

Кубок имеет коническую форму с слегка выпуклыми толстыми стенками, расширяющимися к венчику. Дно сферическое, подчеркнуто горизонтальным накладным валиком. Имел ли сосуд ручки определить невозможно.

Близкие по форме глиняные канфары с резко очерченным дном хорошо известны в эллинистическое время⁶, что дает возможность, правда, с некоторой долей вероятности, отнести сосуд к типу канфаров.

Кубок, скорее всего, выдут в форму, после чего на его стенки вгорячую нанесен накладной орнамент в виде грозди винограда с выпуклыми ягодами, которые, как и в предыдущем случае, оттиснуты по горячему стеклу штампом.

Возможно, кубок имел ножку с кольцевой подставкой.

Стекло прозрачное, белое, с чуть зеленоватым оттенком. На стенках и особенно на дне имеются редкие сферические, разного размера пузырьки воздуха. Иризация незначительная.

Размеры сосуда: наибольшая сохранившаяся высота - 6,5-7 см; диаметр дна (по накладному валику) - 6 см; наибольший диаметр бокала - 9,2 см; толщина стенок - 0,2-0,4 см; толщина дна - 0,5 см.

Кубок найден в первом слое римского времени с сопутствующим материалом, среди которого есть хорошо датируемые светильники III - начала IV вв. н. э. с изображением Эротов, многолепестковой розетки⁷, фрагмент черепицы с клеймом LEXICL⁸, фрагменты светлоглиняных амфор II - первой половины III в. н.э. (тип С по Д.Б. Шелову)⁹, красноглиняных амфор II - начала IV вв. н.э.,¹⁰ обломки краснолаковой посуды, стекла II - III вв. н.э.,¹¹ (рис. 5), что дает основание датировать канфар III в. н.э.

Объединяющий типологически оба кубка накладной растительный орнамент является подражанием декору эллинистических малоазийских мегарских чаш¹². Эта преемственность традиций в изготовлении и декоративном оформлении сосудов, сделанных из таких чрезвычайно близких по своей пластичности материалов как глина и стекло, была особенно характерна для I в. до. н. э. - I в. н.э.,¹³ но распространялась и на более позднее время - конец II - первую половину III в. н.э.¹⁴

Еще два канфара херсонесской коллекции относятся к типу гладкостенных, без орнаментации. Оба были найдены в могильнике «Совхоз-10» («Севастопольский»).

Один из них (из подбойной могилы № 136, рис. 1-2)¹⁵ имеет чашу цилиндрической формы с округлой

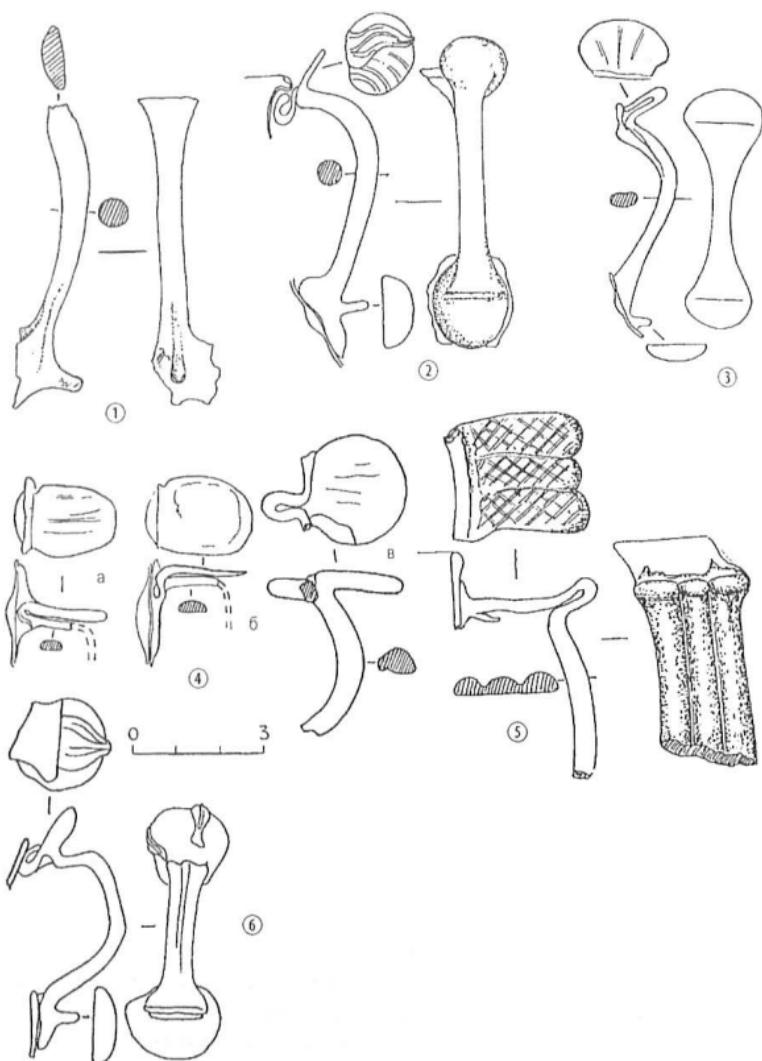

Рисунок 2.

Ручки стеклянных канфаров: 1 - раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича, беспаспортная; 2 - раскопки Р.Х. Лепера, беспаспортная; 3, 4 - а, б - раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича, беспаспортные; 4 - а - раскопки В.В. Борисовой (Цитадель, 1962 г.), ина. № 92/36569; 5 - цистерна у оборонительной стены близ башни Зенона (раскопки Р.Х. Лепера, 1910 г.), ина. № 4167/10; 6 - раскопки О.Я. Санели (1999 г.), засыпь храма Юпитера Долихена в Балаклаве, колл. 37335.

придонной частью. Венчик плоский, высокий, слегка отогнут наружу. Под венчиком - горизонтально опоясывающий канфар рельефный валик, полый внутри, образованный путем сгибания края сосуда. Ножка ровная, оттиснута из капли стекла, собравшейся на дне бокала в процессе выдувания. Круглая широкая подставка сформована с помощью плоского инструмента, следы которого видны на ее поверхности. Внутренняя часть подставки имеет небольшое углубление, и в центре - след от понтии в виде полумесяца диаметром 0,8 см.

Поверхность бокала блестящая, подвергнута огневой полировке, на подставке же следов ее нет.

Вертикально расположенные ручки сформованы из круглого в разрезе прута и приварены вгорячую к тулову после полной его обработки. Их декоративное оформление в виде горизонтальных ушек выполнено с помощью плоских щипцов, судя по отпечатку, возможно, деревянных.

Канфар изготовлен способом свободного выдувания. Стекло прозрачное, голубоватое, с большим количеством мелких сферических пузырьков, расположенных диагональными рядами. Поверхность сильно иризирована.

Размеры канфара: высота - 9,4 см; диаметр венчика - 8,2 см; высота венчика - 0,55 см; диаметр туловы - 7 см; диаметр подставки - 4 см; высота ножки (без подставки) - 1,2 см.

Канфар был единственной находкой в подбойной могиле с детским погребением, поэтому говорить о его датировке можно, привлекая лишь косвенные данные и аналогии.

Погребение располагалось в той части могильника, где основная масса окружающих его могил датируется II - III вв. н. э. Аналогичные нашему канфару сосуды приводятся в материалах раскопок некрополя в районе деревни Кыз-Аул, Ольвии, некрополя Stenjvac в Северной Далмации¹⁶, которые датируются II - III вв. н. э.

Опираясь на эти данные, можно с большой долей уверенности отнести канфар из подбойной могилы № 136 к тому же хронологическому периоду.

Другой канфаровидный кубок из подбойной могилы № 62 (рис. 1-4), имеет тулово яйцевидной формы с крутыми широкими плечами и стенками, сужающимися ко дну¹⁷. Изготовлен способом свободного выдувания. Венчик высокий, воронковидный, край его немного утолщен и оплавлен. Канфар на кольцевой подставке, без соединительной ножки. Подставка низкая, широкая, профилирована валиком по краю, имеет внутри углубление и «ранвий» след понтии в виде полумесяца в центре (диаметр - 2,2 см). Ручки уплощенные, слабо желобчатые, расположены вертикально, приварены к тулову вгорячую, несимметричны: только одна из них имеет внизу отросток в виде плоского горизонтального порожка, отжатого плоским инструментом. Этот признак и позволяет отнести кубок к типу канфаровидных, хотя его форма не является классической формой канфаров.

Стекло очень тонкое, слегка голубоватое, особенно в местах утолщения (ручки, поддон). Поверхность сосуда блестящая, хотя и зна-

чительно иризована. В нижней части туловища имеются редкие сферические пузырьки.

Размеры сосуда: высота - 11,5 см, диаметр венчика - 9,4 см, наибольший диаметр туловища (плечи) - 10,2 см, диаметр туловища у подставки - 3,9 см, высота венчика - 1,8 см.

Довольно многочисленный сопутствующий материал погребения позволяет датировать сосуд концом I - первой половиной II в.н.э.

Аналогичной формы канфар того же времени найден при раскопках Тирсы¹⁸. Подобные кубки известны также в находках некрополя Пантикея. Н.З.Кунина относит их к продукции египетских мастерских и датирует второй половиной II в. н.э¹⁹. Более близкий по форме двуручный кубок восточно-средиземноморского производства датируется Н.П. Сорокиной концом I-II вв. н.э²⁰.

В материалах раскопок Херсонеса найдены фрагменты ручек, принадлежащих, скорее всего, также канфарам.

Одна из них аналогична ручке канфара с накладным орнаментом из раскопок некрополя в Карантинной балке. Она найдена в материалах раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича, но место находки ее неизвестно (рис. 2-1). Сделана из круглого в разрезе прута, имеет горизонтальный защип в нижней части. Стекло светло-зеленое с желтоватым оттенком.

Более многочисленны ручки аналогичные ручкам канфара из подбогдановой могилы № 136 («Совхоз - 10»). Рис. 2-2.

Одна найдена среди погребального инвентаря «некрополя по левую сторону Херсонесского шоссе» (раскопки Р.Х. Лепера в 1910 году)²¹, но точное место находки определить не

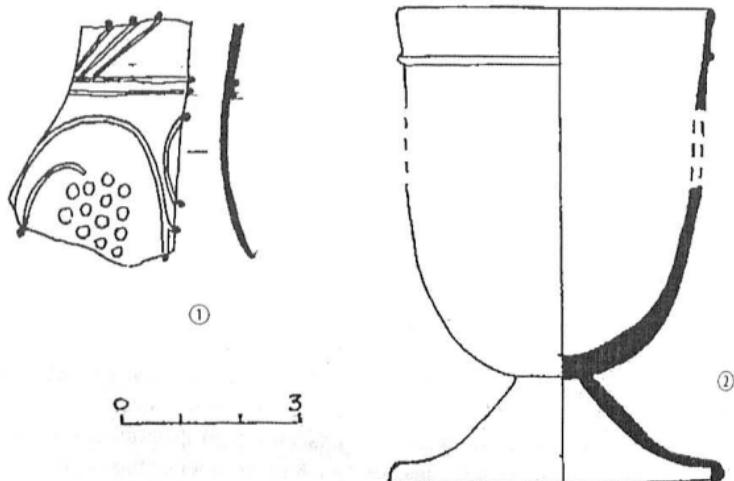

Рисунок 3.

Стеклянные кубки из раскопок Херсонеса: 1 - фрагмент стеклянного сосуда с накладным орнаментом (цистерна у башни Зенона, раскопки Р.Х. Лепера в 1910 г.), инв. № 4166/10; 2 - кубок из склепа № 4 (Западный некрополь Херсонеса), инв. № 61/36898.

удалось. Ручка сформована из круглого в разрезе прута, приварена к сосуду вголячую. В верхней и нижней ее части плоским инструментом сделаны защипы в виде полукруглых ушек. Венчик отогнут наружу и загнут внутрь. Край утолщен и оплавлен. Стекло тонкое, светло-голубое.

Еще несколько фрагментов происходят из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича (бесспаспортные, рис. 2-4 а,б), стекло прозрачное, голубоватого оттенка; из раскопок Цитадели Херсонеса с материалом II - начала III вв.н.э. (раскопки В.В.Борисовой, 1962 г.), стекло бесцветное; из засыпи храма II - первой половины III вв.н.э. в Кадыковке - рис.2-6, стекло имеет слабый голубоватый оттенок (раскопки О.Я. Савели, 1999 год)²².

Все эти фрагменты ручек можно датировать концом II - первой половиной III в. н.э.

Фрагмент ручки и части венчика канфара, найденный при раскопках Р.Х. Лепером цистерны у стены башни Зенона в 1910 году (рис. 2-5)²³ принципиально отличается от всех предыдущих.

Венчик прямой, вертикальный, немного утолщен у края и оплавлен. Ручка прикреплена ниже края венчика на 0,5 см. В верхней части она отведена горизонтально, затем согнута, образуя отросток-петлю, и опущена вниз. Ручка широкая (1,9-2 см), на внешней поверхности имеет три валика, разделенных бороздками. Внутренняя поверхность ручек гладкая. Ее горизонтально расположенная часть сохранила след плоских щипцов, с помощью которых она была уплощена и орнамен-

тирована выпуклым сетчатым орнаментом с ячейками в виде ромбов. Стекло белое, со слабым светло-зеленым оттенком.

Сопутствующий материал из раскопок цистерны относится ко времени II - начала IV вв. н.э.: фрагменты горла и дна светлоглиняной амфоры «неапольского типа» (тип С по Д.Б. Шелову) II в. н.э.,²⁴ фрагмент буролакового кубка II в. н.э. с декоративными ручками в виде двух петель²⁵, краснолаковый светильник с островершинной розеткой на щитке середины III - начала IV вв. н.э.,²⁶ несколько фрагментов стеклянной посуды II - начала IV вв. н.э.²⁷ - рис. 4. Монеты, найденные в цистерне, также укладываются в эти временные рамки²⁸.

Аналогичные ручки имели канфары из раскопок Танаиса, которые датируются первой половиной III в. н.э. и считаются изделиями ниже-рейнских ремесленных мастерских²⁹, хотя, по мнению Ю.Л. Щаповой, они могли быть изготовлены и в итальянских мастерских³⁰.

Канфары ниже-рейнского типа имеют близкую форму, но с некоторыми стилистическими различиями³¹.

Исходя из вышесказанного, фрагмент нашего канфара можно датировать III в. н.э.

При раскопках Р.Х. Лепером в 1929 году района западной оборонительной стены Херсонеса был найден фрагмент ручки канфара с венчиком, по которому можно частично реконструировать верхнюю часть сосуда (рис. 1-5; инв. № 11/35419).

Чаша была, скорее всего, оттиснута в форме и имела округлые очертания. Венчик прямой, диаметр его

10 см. Ручка отлита вместе с чашей. Горизонтально отогнутая ее часть имеет форму фигурно вырезанной пластины. Верхняя поверхность ручки гладкая, на обратной стороне гравировкой вхолодную нанесены две перекрещенные ветви и листья. Из середины пластины перпендикулярно вниз идет прямоугольный в разрезе обломок ручки.

Стекло прозрачное, бесцветное, иризация цвета побежалости.

Ручка найдена в слое с материалом конца I - начала II вв. н.э.: фрагменты краснолаковых кубков, в том числе с барботином, краснолаковый светильник с изображением овцы³² и др.

Близкий по форме, но без орнаментации, канфар IV в.н.э. известен в материалах из раскопок Аквинку-

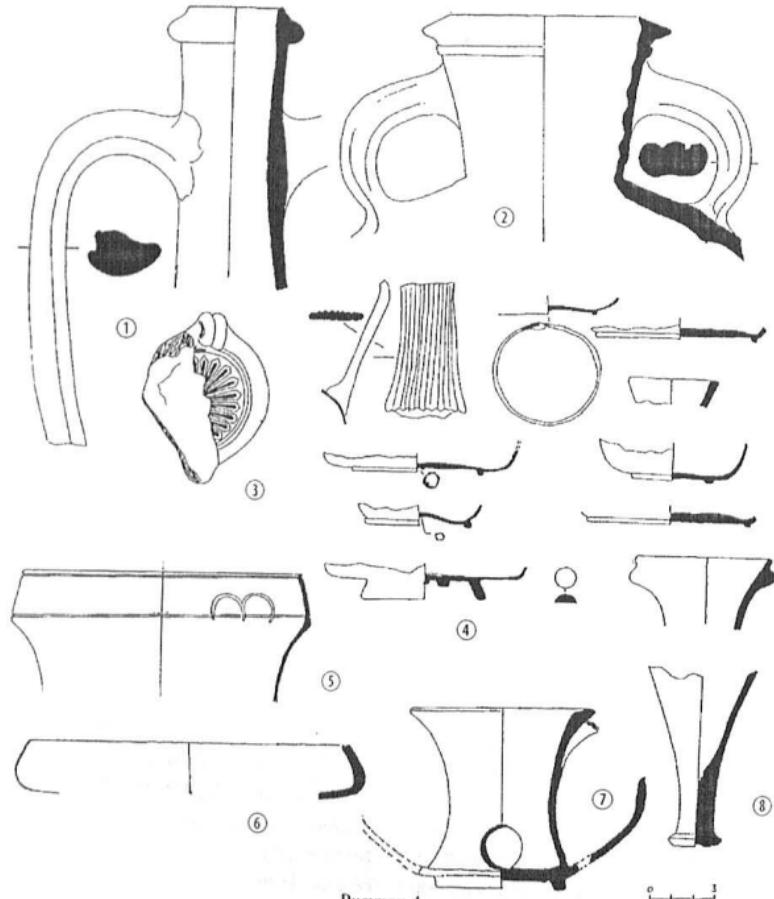

Рисунок 4.

Найдены из цистерны у башни Зенона (раскопки Р.Х. Лепера в 1910 г.): 1, 2 – амфоры; 3 – краснолаковый светильник; 4 – фрагменты стеклянных сосудов; 5, 6 – краснолаковая посуда; 7 – красноглиняный светильник; 8 – ножка красноглиняного флакона.

ма³³. Наш же фрагмент можно датировать значительно более ранним временем - концом I - II вв. н.э. По своим признакам (технологические приемы, морфология) он близок литым канфарам I в. до н.э. - I в. н.э. из раскопок в Прикубанье³⁴.

Следует упомянуть еще о двух стеклянных сосудах из раскопок Херсонеса, которые определены исследователями как канфары, но на самом деле таковыми не являются.

Один из них - фрагмент очень тонкой стенки сосуда, декорированной виноградной гроздью в виде выпуклых точек, параллельных и ломаных стеклянных нитей, нанесенных на стенку в горячую (рис. 3-1)³⁵. Стекло прозрачное, бесцветное. Иризация незначительная.

В монографии В.И.Кадеева и С.Б.Сорочана этот фрагмент сосуда определяется как канфар малоазийского производства I в. до н.э.- I в. н.э³⁶. Можно согласиться с датировкой и определением происхождения сосуда, однако фрагмент слишком мал, чтобы можно было уверенно судить о форме кубка.

Другой - маленький кубок, не имеющий ручек, напоминает рюмку и найден в 1981 году в Западном некрополе Херсонеса (склеп № 4), рис. 3-2³⁷.

Аналогичные кубки известны в некрополях Пантикея, Фанагории, Том в погребениях III - IV вв. н.э³⁸. Такие рюмковидные сосуды особенно характерны для IV в. н.э. как промежуточная форма между канфарами позднеантического и рюмками раннесредневекового времени³⁹.

Рассматривая в комплексе форму, технику изготовления, декор,

цвет и качество стекла херсонесских канфаров, можно отметить, что все они были изготовлены в разных мастерских. Малое их число говорит о том, что это была не ординарная, массовая продукция, а посуда парадная, единичные экземпляры которой ценились ее владельцами и, возможно, использовались не только как обычные кубки для питья, но и как ритуальные сосуды.

Исследуемые канфары хронологически делятся на две группы, относящиеся к разным периодам римского времени, и их находки достаточно точно отражают торговую-экономическую ориентацию Херсонеса, тесно связанную с постоянно изменяющейся политической ситуацией, складывавшейся в Римской империи в I - III вв. н.э.

Наиболее сложным является вопрос о происхождении стеклянных изделий. При рассмотрении этой проблемы нельзя не учитывать несколько факторов.

Во второй половине I - II веках н.э. импорт стеклянной продукции поступал в Херсонес главным образом из Малой Азии и Сирии, где с древнейших времен находились основные центры стеклоделия⁴⁰.

Ранние канфары (погребение № 62 из могильника «Совхоз -10» и фрагмент канфара из раскопок 1928 г., инв.№ 11 / 35419) можно отнести к продукции этого региона. Первый по своим морфологическим признакам, качеству и цвету стекла близок изделиям мастерских Восточно-го Средиземноморья. Следует заметить, что эта форма получила свое развитие в более позднее время в

сирио-палестинских и египетских стеклоделательных мастерских⁴¹.

Второй, как уже указывалось, близок канфарам из раскопок на Северном Кавказе и в Прикубанье, которые по результатам спектральных анализов могут быть от-

несены к продукции сирийских мастерских⁴².

Все остальные канфары можно датировать концом II-первой половины III вв.н.э., т.е. временем, когда центр тяжести херсонесской торговли сместился на Запад. Это было обус-

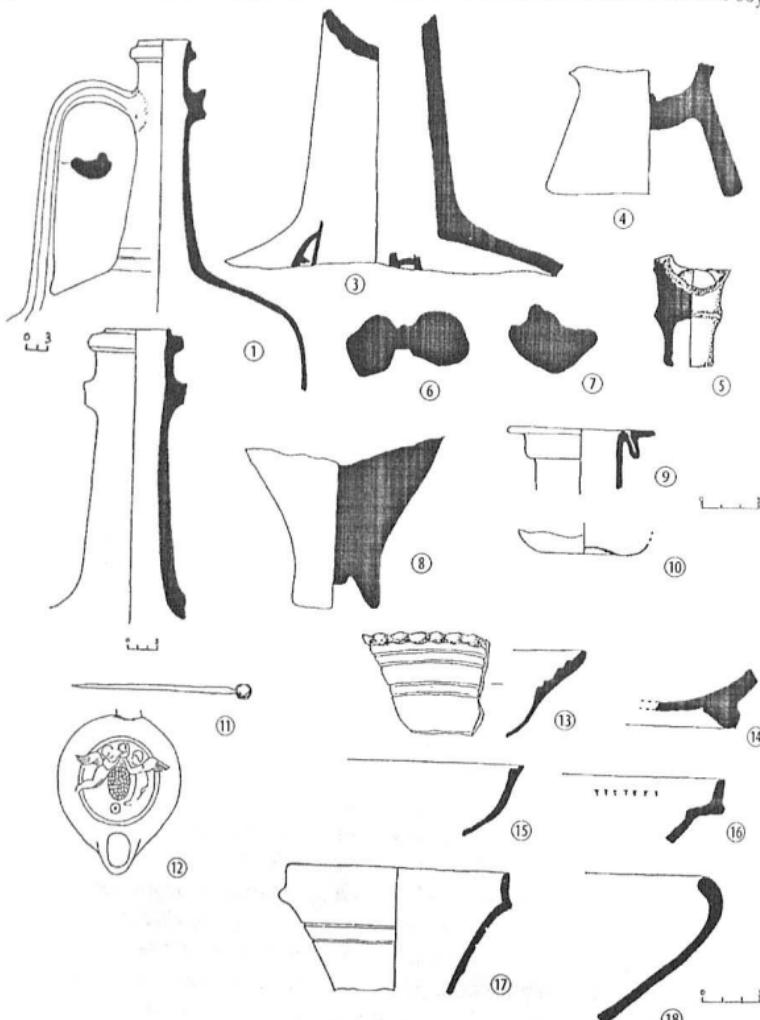

Рисунок 5.

Найдены из раскопок К.Э. Гринченко в районе цитадели (1928 г.): 1-8 - фрагменты амфор; 9, 10 - фрагменты стеклянных сосудов; 11 - костяная заколка; 12-18 - краснолаковые сосуды.

ловлено сложным политическим положением в Восточных провинциях Римской империи, в результате чего резко сократился малоазийский и египетский импорт в Херсонес, а сирийские стеклянные изделия до конца III века вообще не ввозились⁴³.

Вместе с тем, расширяющиеся связи Херсонеса с Дунайскими провинциями Римской империи, укрепление торгово-экономических отношений с Мезией и Фракией⁴⁴, пребывание в городе римских легионов не могли не оказать влияния на ассортимент импортной торговой продукции, поступавшей в город. Римские солдаты, среди которых уже со второй половины II века н.э. было много уроженцев провинциальных городов Подунавья⁴⁵, принесли свои вкусы и традиции. Об этом говорят и многие предметы западного импорта, находимые при раскопках Херсонеса.

Нельзя не учитывать и того, что сирийские иalexандрийские стеклоделы организовали свои мастерские в Северной Италии, Паннонии и в других городах западно-римских провинций, где восточные мастера работали по традиционным для них технологиям⁴⁶. Говоря о производстве стекла в Восточном Причерноморье, Н.П.Сорокина предполагает, как один из вариантов, что этим ремеслом могли заниматься переселенцы из любой восточной провинции Римской империи, создавая мастерские в канабах римских крепостей и снабжая своей продукцией внутренние рынки⁴⁷. Эта ситуация вполне может быть спроектирована и на организацию стеклоделатель-

ного производства в Западных и Дунайских провинциях Римской империи.

Рассматривая весь комплекс данных: морфологические, технологические, художественные, типологические особенности канфаров, аналогии, а также, исходя из политической ситуации, в которой находился Херсонес во II-первой половине III вв.н.э., учитывая его prioritные в это время экономические связи с Римскими провинциями Подунавья, а также широкое распространение стеклоделия в этих районах, можно допустить, что херсонесские стеклянные канфары II-первой половины III вв.н.э. являются продукцией паннонских или северо-итальянских мастерских. Однако нельзя окончательно исключить возможное восточно-средиземноморское происхождение канфара из погребения № 136 («Совхоз-10»).

Пути, которыми канфары поступали в Херсонес, различны.

Ранние из них (конец I-II вв.н.э.) могли быть привезены непосредственно из Восточного Средиземноморья, когда торговые связи Херсонеса с этим регионом были очень интенсивны⁴⁸.

Все остальные канфары (конец II-III вв.н.э.), независимо от места их изготовления, попадали в Херсонес из Подунавья или из Северной Италии, где уже с начала II в.н.э. была проложена сеть прекрасных дорог, служивших не только военным целям, но и широкому развитию торговых связей между Западными провинциями Римской империи и Северным Причерноморьем⁴⁹.

Немаловажное значение имел и дунайский водный путь, проходивший через Мезию и Фракию, с которыми Херсонес связывали торговово-экономические отношения, особенно укрепившиеся с начала III в. н.э.⁵⁰

Возможно, именно этим путем канфары и поступали в Херсонес.

Стеклянные канфары бытовали в Херсонесе с конца I в.н.э. и до середины III в.н.э. Позже подобные находки не известны.

Примечания

1. Косцюшко-Валюжинич К.К., Скубетов М.И. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе в 1907 году // ИАК. 1911. Вып. 42. С. 89-90; с. 90, рис. 31; Фонды НЭХТ, инв. № Э-1171.
2. Isings C. Roman Glass from Dated Finds. Djakarta, 1957. P. 140; form 111; Голофаст Л.А. Рюмки из раскопок ранневизантийского Херсонеса // АДСВ. Екатеринбург, 1998. С.229.
3. Косцюшко-Валюжинич К.К., Скубетов М.И. Извлечение из отчета..., с. 89-90.
4. Barkoci L. Pannonische Glaslunde in Ungarn // Studia archaeologika IX. Budapest, 1988. Taf. XVI, 174.
5. Гриневич К.Э. Дневник археологических раскопок Херсонесского музея в 1928 году // Архив НЭХТ, инв. № 28574.
6. Парович-Пешикан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974. С.76, рис. 74 - 5, 6, 11.
7. Iconomu C. Opaite greco-romane. Muzeul regional de arheologie Dobrogea. Bucuresti, 1967. Fig. 143, nr. 653; Howland R.H. Greek Lamps and their Survivals // The Athenian Agora, vol. IV. Princeton, 1958. Pl. 16, № 725; Pl. 31, № 1816, 1848.
8. Борисова В.В. Черепица с клеймами римских легионов // СХМ. 1961. Вып.2. С.39; Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. Киев, 1994. - С.51, 127.
9. Шелов Д.Б. Узкогорловые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология. // КСИА. 1978. Вып. 156. С.17, рис. 6; с.18; Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. Вып. 83. С.174, табл. XXVIII - 94 а.
10. Зеест И.Б. Там же, с.169, табл. XXXIII, 79 а-в; с.174, табл. XXXVIII, 95; с.167, табл.XXXI, 75; Peacock D.P.S., Williams D.F. Amphorae and the Roman economy. London and New York, 1986. P.188, fig. 107-а; p. 193, fig. 112.
11. Книлович Т.Н. Краснолаковая керамика первых веков нашей эры из раскопок Боспорской экспедиции 1935-1940 г.г. // МИА. 1952. Вып. 25. С.307, рис. 7-4, 5; Сорокина Н.П. Стеклянные сосуды из Танаиса // МИА. 1965. Вып. 127. С.221, рис. 10 - 5; с.223.
12. Лосева Н.М. Импорт и производство ""мегарских чаш"" // Пантикеапей. МИА. 1962. Вып. 103. С.199; с.200, рис. 2 - 6; Thompson H. Two Centuries of Hellenistic Pottery // Hesperia. 1934. Vol. III, пг.4. Fig. 11а,b; p. 328, 329.
13. Сорокина Н.П. Анатолийские стеклянные сосуды I - II веков из Северного Причерноморья // Античный мир. Византия (к 70-летию проф. В.И.Кадеева). Харьков, 1997. С. 217; Внуков С.Ю., Коваленко С.А. Мегарские чаши с городища Кара-Тобе // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. I. Труды ГИМ. Вып. 102. М.1998 . С. 65, рис. 3 - 2; с. 69.
14. Heres G. Die romischen Bildlampen der Berliner Antiken Sammlung. Berlin, 1972. Taf. 51, № 483; Taf. 52, № 484.
15. Стржелецкий С.Ф. Отчет о раскопках могильника III - IV вв.н.э. в Инкерманской долине к югу от г. «Сахарная головка» на территории парникового хозяйства совхоза ""Севастопольский"" (№ 10) в 1962 году // Архив НЭХТ. Дело 856 (I). Л.83; дело 857-а. Л.126; Фонды НЭХТ, инв. № 805 / 36572.
16. Гайдукевич В.Ф. Некрополи некоторых Боспорских городов // МИА. 1959. Вып. 69.

- С.205, рис. 80-а; Фармаковский Б.В. Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г. // ИАК. 1903. Вып. С.59, рис. 66; Damevski V. Pregled tipova staklenog posuda iz Italjskih, Galskih, Mediteranskih i Poraajnskih radionica na području hrvatske u doba rimskega carstva // Arheološki vestnik. Acta archaeologica XXV. Lubljana, 1976. Pl. XI, fig. 1; s.69.
17. Стражевецкий С.Ф. Отчет о раскопках могильника... в 1962 г. // Архив НЗХТ. Дело 856 (I). Л.21; дело 857-а. Л.17; Фонды НЗХТ, инв. № 796 / 36572.
18. Соn H.O. Склáні посудини з Тíri // Археология. 1988. № 63. С.48, рис. 1 (2).
19. Кунин Н.З. Античное стекло в собрании Эрмитажа. Гос. Эрмитаж. Изд. " АРС ", 1997. С. 316, рис. 321.
20. Сорокина Н.П. Античное стекло в собрании Одесского археологического музея // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1978. С.270, рис. 2 - 7.
21. Опись находок из раскопок Лепера Р.Х. 1910 года // Архив НЗХТ. Дело 103, л. 21-22.
22. Борисова В.В. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1962 году (Цитадель) // Архив НЗХТ. Дело 806; инв. № 92 / 36569; Савеля О.Я. Отчет о раскопках теменоса и храма Юпитера Долихена в Балаклаве в 1999 г. // Архив НЗХТ. Дело 3447. С. 37, рис. 41 (5).
23. Дневники раскопок Лепера Р.Х. 1908 - 1912 гг. // Архив НЗХТ. Дело 425, л. 152-153; инв. № 4167 / 10.
24. Шелов Д.Б. Узкогорные светлоглиняные амфоры... С.18; с.17, рис.6; Каменецкий И.С. Светлоглиняные амфоры с Нижне-Гниловского городища // КСИА. 1963. Вып. 94, с. 33.
25. Силантьева Л.Ф. Краснолаковая керамика из раскопок Илурата // МИА. 1958. Вып. 85, с. 291, рис. 6 - 4.
26. Howland R. H. Greek Lamps... Pl. 30, № 1709.
27. Weinberg G. D., Goldstein S.M. The Glass vessels // Excavations at Jalame Site of a Glass Zactory in late Roman Palestine. Columbia. 1988. Fig. 4 - 34 (289 - 292); 4 - 22 (160).
28. Анохин В.В. Монетное дело Херсонеса. Киев. 1977, с. 91.
29. Шелов Д.Б. Раскопки северо-восточного участка Танаиса (1955 - 1957 гг.) // Древности Нижнего Дона. МИА. 1965. Вып. 127. С. 77, рис. 18; Сорокина Н.П. Стеклянные сосуды из Танаиса... С. 206, рис. 1 (9); с. 213, рис. 7 (7); с. 216, рис. 8 (8).
30. Щапова Ю.Л. Результаты спектрального анализа стекла из Танаиса // МИА. 1965. Вып. 127, с. 251, 253.
31. Goethert - Polaschek K. // Katalog der römischen Gläser des Rheinischen Landesmuseums Trier. Mainz am Rhein, 1977. Taf. 45, № 367; Isings C. Roman Glass... P. 141, form. 112.
32. Heres G. Die römischen Bildlampen... S. 46; Taf. 26 (213).
33. Barkoczi L. Pannonische Glasfunde... Taf. LXII, 539; s. 212.
34. Засечкин И.П., Марченко И.И. Классификация стеклянных канфаров позднеэллинистического и раннеримского времени // Археологический сборник. СПб. 1995. Вып. 32, с. 100, 101.
35. Дневник раскопок Лепера Р.Х. 1908 - 1912 гг.... Л. 152, 153; инв.№. 4166 / 10.
36. Кадеев В.И., Сорочан С.Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. - V в.н.э. (на материалах Херсонеса). Харьков. 1989, с. 26, рис. 13 - 5.
37. Зубарь В.М., Рыжов С.Г., Шевченко А.В. Новый погребальный комплекс Западного некрополя Херсонеса // Античные древности Северного Причерноморья. Киев. 1988, с. 154, рис. 5 (8); инв. № 61 / 36898.
38. Сорокина Н.П. Стекло из раскопок Пантикопея // МИА. 1962. Вып. 103, с. 226; с. 228, рис. 12 (3 - 5); Блаватский В.Д. Раскопки некрополя Фанагории в 1938 - 1940 гг. // МИА. 1951. Вып. 19, с. 199, рис. 8 (1); Bucovala M. Vase antice de sticla la Tomis. Bucuresti. 1968, pl. 40; Isings C. Roman Glass... P. 139 ; form. 111.
39. Сорокина Н.П. Античное стекло в собрании Одесского археологического музея... С. 272, рис. 3 (7); с. 274.

40. Кадеев В.И., Сорочан С.Б. Экономические связи... с. 21.
41. Harden D.B. Roman glass from Karanis found by the Universiti Michigan Aphaeological Expedition in Egypt, 1924 - 1929 // Ann Arbor University of Michigan Press. 1936. Pl. XVII, 509, 511; Crowfoot Y.W., Crowfoot G.M., Kenyon K.M. // The objects from Samaria. London. 1957. Fig. 98.
42. Засецкая И.П., Марченко И.И. Классификация стеклянных канфаров..., с. 100.
43. Кадеев В.И., Сорочан С.Б. Экономические связи..., с. 55, 56; с. 51, рис. 24.
44. Фиц Й. Римская Паннония // Археология Венгрии. 1986, с. 272 - 274; Кадеев В.И., Сорочан С.Б. Экономические связи..., с. 39, рис. 21; с. 51, 59.
45. Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. Киев. 1994, с. 87.
46. Сорокина Н.П. Стеклоделие античного мира первых веков нашей эры // Автореферат докторской диссертации. 1988, с.18; Качалов Н. Стекло. М.-Л. 1959, с. 93, 94; Barkoczi L. Pannonische Glasfunde..., s. 126.
47. Сорокина Н.П. Стеклянные сосуды IV-V вв. и хронология Цебельдинских могильников // КСИА. 1979. Вып. 158, с. 65.
48. Кадеев В.И., Сорочан С.Б. Экономические связи..., с. 51, рис. 24.
49. Кудрявцев О.В. Исследования по истории Балкано-Дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. М. 1957, с. 166; Кадеев В.И., Сорочан С.Б. Экономические связи..., с. 58, 59; Фиц Й. Римская Паннония..., с. 266.
50. Кадеев В.И., Сорочан С.Б. Экономические связи..., с. 59; Сорокина Н.П. К вопросу об экономических связях..., с. 221.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ХРОНОЛОГИИ И РАЙОНИРОВАНИЯ ХЕРСОНЕССКОГО НЕКРОПОЛЯ КЛАССИЧЕСКОГО И ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ПЕРИОДОВ*

Основной массив погребений городского некрополя Херсонеса Таврического был получен в процессе раскопок еще в дореволюционный период. Начиная с 1890 года, проводились крупномасштабные исследования на его территории. Открытие городского некрополя классического и эллинистического периодов принадлежит К.К. Косцюшко-Валюжиничу. Уже на второй год, после начала раскопок на территории городища, учёный отмечал наличие в Херсонесе некрополя «греческой эпохи»¹. В отчётах в Императорскую Археологическую комиссию исследователь отмечал характерные особенности, присущие только древнегреческому некрополю города «По мнению г. Косцюшки приналежность черепичных гробниц к древнегреческой эпохе истории Херсонеса вне всякого сомнения, как на основании монет, так и на основании чернолаковых тарелок и именных печатей астинов на черепицах.»²

Интересен тот факт, что погребения, относящиеся к доримскому периоду существования города, были зафиксированы практически на всех участках некрополя, которые раскапывались под руководством К.К. Кос-

юшко-Валюжинича. Даже на участке расположенному по склону Девичьей горы у Крестообразного (Загородного) храма, где время совершения погребений относится к христианскому периоду, во время раскопок 1905г. была найдена профилированная надгробная стела, которую исследователь отнёс к древнегреческой эпохе. Стела находилась во вторичном использовании, как ступенька для спуска в катакомбу № 2101. Во время раскопок на этом же участке, проводимых в 1907 г. была исследована детская гробница (№ 2414), костяк лежал на материковой глине, на глубине 0.5 м от поверхности. В могиле была найдена монета серии -голова Девы влево сзади лук и колчан /ХЕР (таблица № 16, монета № 14 по каталогу П. Бурачкова³. Что соответствует № 143 по В.А. Анохину и датируется в пределах 210-200 г.г.до н.э⁴. Вот что сам учёный пишет в своём отчёте по поводу раскопанной в 1907 г. на этом же участке древней урны, которая стояла в вырубленном в скале углублении с подзахоронением, совершённым, по видимому, в римское время «Находка нынешнего года бесспорно доказывает, что и на самом отдалённом участке

* основой для данной статьи послужил текст доклада на заседании Отдела Античной археологии Института Археологии НАНУ 13.04.1999г.

некрополя у крестовидного храма, считавшимся исконно христианским, встречаются погребения древнегреческой эпохи, а тот важный факт, что урна стояла внутри вырубленной в скале гробницы, не менее ясно подтверждает ранее высказывавшееся мною мнение, что все старателльно выполненные гробницы этого типа расположенные без всякой систематической ориентации соображаясь с напластованием скалы, относятся к дохристианской эпохе и только впоследствии утилизированы христианами. Отрицая это пришлось бы допустить, что гробницу, вырубленную христианами, положили «с злым умыслом», древнегреческую урну с прахом, перенесённую с другой части некрополя.»⁵

На участке некрополя, расположенном в районе южных городских стен и по склонам Каратинной балки можно выделить два хронологических этапа, в которые совершились захоронения. Это хорошо прослеживается на материалах раскопок 1900 г., когда был исследован участок у городской стены (стена Б в отчёте), а также погребения, расположенные на протяжении 7,5м под городской стеной и по обе стороны от неё. По материалам раскопок выделяется группа ранних погребений, которые были совершены до возведения тут линии оборонительных стен. К этой группе можно отнести могилы, расположенные под стенами (например №1032, 1037 и другие, всего 6 на упомянутом участке). Большинство могильных ям были обложены черепицей. На черепице из погребения №1020 стоит синоп-

ское клеймо I хронологической группы, датирующейся временем не позже 40-х годов IV в.до н.э., а вероятнее и несколько раньше⁶. В большинстве случаев черепица из погребений представлена не местным производством (это в ряде случаев можно установить по описаниям и иллюстрациям в отчётах). Захоронения здесь могли быть совершены в то время, когда в городе появилось собственное керамическое производство во второй четверти IV в. до н.э. и необходимость в черепице импортного производства отпала. Со временем часть этой черепицы использовалась при обкладке стен могильных ям и перекрытий гробниц. Дату к. IV в. до н.э. для начала функционирования некрополя у южных городских стен подтверждает и погребальный инвентарь из могил. Среди монет, найденных в могилах (раскопки 1891-99 г.г.), выделяется устойчивая группа суммарно датирующаяся 360-320 г.г. до н.э. В эти хронологические рамки укладывается также чернолаковая керамика из погребений. Детальное рассмотрение этой группы материала составляет тему отдельной работы, поэтому ограничусь лишь констатацией факта. На мой взгляд, для погребений этого участка пограничной датой может служить сооружение линии оборонительных стен около середины IV в. до н.э. (возможно этот процесс растянулся до конца столетия на различных частях), которая перекрыла часть раннего некрополя. Эта дата хорошо маркируется материалами склепа № 1012. Позднейшие из которых датируются около 275 г. до н.э.

Раннюю датировку, а именно, вторая половина V-начало IV в.в. до н.э., имеют урны с кремацией №1517-1521, которые происходят из раскопок 1903 г. на участке, между главной и вспомогательной оборонительными стенами⁸. Очевидно, подобную дату имеет и другая краснофигурная урна с кремацией (№412), найденная во время раскопок 1893 г. на этом участке⁹. Если не все, то большая часть могил, расположенных в этой части города имели надгробные стелы и акротерии. Подобные стелы были найдены здесь во вторичном использовании. Особенно много их было найдено в конструкции башни №XVII (Зенона) во время исследований проводимых тут в 1960-61 гг¹⁰. Известны находки древнегреческих надгробных стел на участках, например, в цистерне под гробницей №154 римского времени II. При строительстве гробниц состоящих из каменных плит, расположенных в несколько рядов пирамидально, в качестве строительного материала часто использовались надгробные стелы от древнегреческих могил. Такие стелы были зафиксированы в конструкции гробниц №509 и №579. В 1956 г., во время раскопок гончарных мастерских, расположенных к юго-востоку от участка раскопок 1900 г., были выявлены погребения (всего 14 могил). Вслед за К.К. Косцюшко-Валюжиничем, Борисова В.В. относит время совершения захоронений тут к концу II-I в.в. до н.э. Хотя большая часть погребений укладывается в предложенные хронологические рамки, среди погребений выделяется группа, которая по материалу может

быть отнесена к к. III-н. II в.в. до н.э.¹⁰ О такой дате свидетельствует материал из погребений. Верхней датой использования территории южной части города под некрополь можно считать византийское время, когда уничтожается часть древнейших захоронений. Некоторые погребения, совершившиеся в римское время, были в свою очередь разорены в византийский период. Нужно отметить, что такая ситуация характерна для большей части территории городского некрополя. За годы раскопок под руководством К.К. Косцюшко-Валюжинича были исследованы участки с погребениями расположенные по косогору за южными городскими стенами, участки между стенами (около башни №VII), раскопаны погребения к югу и юго-востоку от 14 куртины по склону Караванной балки(включая сюда участки у монастырского скотного двора и возле монастырских ворот), участки некрополя расположенные возле Кресто-видного храма и по северо-восточному склону Девичьей горы.

После смерти К.К. Косцюшко-Валюжинича его должность некоторое время (весьма недолгое) замещал М.И. Скубетов, который закончил описание раскопанных в 1907 г. погребений (опись погребений после № 2163 была составлена им). В 1908 г. Н.И. Репников вёл раскопки территории с погребениями, расположенной возле башни №XVII (Зенона), в районе 20 куртины¹¹. Среди общей массы захоронений, относящихся к эллинистическому и римскому периодам истории города, можно выделить ряд погребений, датиру-

ющихся более ранним временем. По крайней мере можно утверждать, что в указанном году при раскопках были встречены материалы, относящиеся ко времени не позднее третьей четверти IV в.до н.э. Особый интерес вызывает могила № 2799, захоронение тут было совершено по обряду кремации на стороне (о чём свидетельствует наличие полосы цепла 1,4x0,9м возле могильной ямы), пепел с уцелевшим в огне погребальным инвентарём былсыпан в вырытую на глубину 1,9м (уровень залегания материковой скалы в этом месте) могильную яму. Набор погребального инвентаря необычно богат по сравнению с наборами в других захоронениях. Здесь были найдены: краснофигурные аск и лекиф, чернолаковые килик с штампованной розеткой внутри и солонка. По аналогиям подобная керамика датируется временем не позже второй половины V-первой четверти IV веков до н.э.¹² Обращает на себя внимание тот факт, что почти все ранние погребения содержат захоронения по обряду кремации (мной выделено 12 подобных могил на этом участке) большинство могильных ям углублены на 0,86-2,1м до уровня материковой скалы. Однако глубина могильной ямы не может считаться строгим критерием для датировки погребения в некрополе Херсонеса. Очевидно, какая-то часть древнейших захоронений была совершена в насыпном слое. В настоящее время можно с уверенностью утверждать это только по отношению к детским погребениям в амфорах. Один из этих сосудов был найден в фондах Херсонес-

ского музея и отнесен ко времени не позже третьей четверти IV в.до н.э.¹³ Вызывает интерес и находка захоронения по обряду ингумации (№2699), совершённого тоже в насыпи этого участка на глубине 0,3м, в ногах костяка был найден «чернолаковый горшочек», что тоже может свидетельствовать о более раннем времени совершения данного погребения. Однако на это указывают лишь косвенные свидетельства. Н.И. Репников при описании сосудов, найденных в могилах очень скрупулезно передаёт цвет покрытия, так большинство сосудов он описывает, как «серолаковые», «буролаковые», «под лаком плохого качества» и т.д. Если упоминается чернолаковый суд, то велика вероятность того, что это было изделие с покрытием высокого качества, что свидетельствует о раннем времени изготовления. Понимая слабость подобных доводов, тем не менее, хочу ещё раз подчеркнуть тот факт, что утверждение о том, что какая-то часть погребений на этом участке совершена до образования тут насыпного слоя (в конце IV в. до н.э.) не лишено оснований. Возможно, эта территория использовалась под некрополь и в ещё более раннее время- до строительства тут городской оборонительной стены в конце V- первой половине IV в. до н.э.

Следующим заведующим раскопками на территории Херсонеса и его окрестностей был назначен Р.Х. Лепер. В годы его руководства раскопки велись, как на территориях прилегающих к исследованным ранее участкам, так в районах, где до

этого погребений выявлено не было. Были продолжены раскопки терри- торий, которые прилегали к южным городским стенам на всём их протя- жении. Погребения, совершённые в эллинистическое время были выяв- лены к западу от участков предыду- щих раскопок по периметру линии западных оборонительных стен (куртины № 3-7), между башнями № III и № V. Вот что говорится об этом в тексте отчёта: «Между оборони- тельными стенами а, в, с оказалось тоже кладбище (погребения №№ 1-22). Здесь могилы или вырубные в скале и перекрытые плитами, или сложенные из каменных плит, иногда из черепицы. В виде исключения встре- тился деревянный гроб в насыпи; встречались и трупосожжения в ур- нах. И здесь следует отметить наход- ки сосудов и обломков, крытых крас- ным лаком; встречались также черно- лаковые черепки, много бронзовых поделок, незначительное количество стекла. Характер насыпи между сте- нами (раскопки 1914 г. - Р.С.) подоб- ный же, т.е. с преобладанием крас- нолаковых и различных по качеству чернолаковых обломков, но попада- ются иногда краснофигурные и даже представители поздней ионийской керамики.»

Линия обороны города в районе куртин №5 и №6 существовала с третьей четверти IV в. до н.э. В древ- негреческое время некрополь распо- лагался непосредственно за оборони- тельными стенами города. Протей- хизма и ров были выстроены впереди стены только в ранневизантийс- кую эпоху. Участок между древни- ми стенами и протейхизмами был рас-

копан Р.Х. Лепером. Начало совер- шения захоронений здесь следует относить к второй половине IV-пер- вой половине III в. в. до н.э. Эту дату подтверждают и находки в погре- бениях на этом участке чернолаковой керамики второй половины IV в. до н.э. (например рыбное блюдо, укра- шенное светлыми и тёмными полоса- ми из погребения № 70(9)). Для ряда захоронений можно проследить ана- логии в погребальном обряде (по- ставленная на ребро тарелка у одной из стенок могильной ямы в погре- бении №6, раскопки 1914 г.) с наход- ками на участке возле гончарных печей. В 1963г. был исследован участок с погребениями в верховьях Песочной балки. По материалу нача- ло совершения захоронений на участке относится к концу IV в. до н.э.¹⁴ В 1983-88 г.г. проводились работы по исследованию участка расположенного по восточному склону Песоч- ной балки за западными оборони- тельными стенами.¹⁵ В результате раскопок выявлены захоронения, са- мые ранние из которых относятся к концу IV-началу III в. до н.э. Этот участок по мнению авторов раскопок со- ставлял единый массив с участком раскопанным в 1963г¹⁶ Вероятнее все- го, участки 1963 г. и 1983-85г.г. со- вместно с районами, раскопанными под руководством Р.Х. Лепера в 1910 и 1913-15г.г., составляют единый мас- сив некрополя за западными оборони- тельными стенами Херсонеса Тав- рического. *Terminus ante quem* для со- вершения захоронений здесь марки- руется временем сооружения линии городских оборонительных стен в третьей четверти- конце IV в. до н.э.

Как уже отмечалось выше, раскопки, производившиеся в годы заведования Р.Х. Лепера, осуществлялись также в районе юго-восточной части линии оборонительных стен города и далее на юг. Это узкая полоса, которая тянется по берегу Кантиллинной бухты от куртины №20 и башни №XVII (Зенона) до района некрополя у Крестообразного (Загородного) храма, охватывая участок по левую сторону от шоссе, идущего в Стрелецкую бухту и подножие Девичьей горы.

Материалы, полученные при исследовании некрополя, расположенного у башни Зенона и далее по побережью Кантиллинной бухты, подтверждают то, что часть этого участка, расположенная вблизи куртины №20 на участке раскопок Н.И.Репникова использовалась под захоронения начиная со времени не позже конца IV-начала IV в.в. до н.э. Хотя основной массив захоронений, тянувшихся по побережью Кантиллинной бухты и вдоль шоссе датируется более поздним временем, начиная с конца IV в. до н.э. Расположение наиболее ранних захоронений возле городских стен является вполне закономерным, если учесть, что с разрастанием городской территории с течением времени увеличивалась и площадь, занимаемая некрополем, причём прирастание территории происходило в южном направлении. В этом районе было найдено значительное (по сравнению с другими) количество надгробных стел. Большая их часть происходит из раскопок 1960-61 г.г. Стелы находились в конструкции панциря башни Зенона.

Практически все они в настоящий момент изданы¹⁷. Однако значительная часть стел (в основном антропоморфные надгробия) была найдена непосредственно в погребениях (например—могила №36 из раскопок 1912г., № 40 (раскопки 1910г.), №18,39 (раскопки 1911г.)). Особо стоит отметить обломок рельефного надгробия с фигурой юноши, датирующиеся второй половиной V в. до н.э¹⁸ Кроме того из раскопок в юго-восточном районе города и непосредственно возле башни Зенона происходят рельефные надгробия, широко датируемые в пределах IV в. до н.э¹⁹ По погребальному инвентарю, найденному при раскопках могил в упомянутом районе тенденция удревнения даты захоронения в зависимости от приближения к линии городских стен также прослеживается.. Наибольшее количество монет из раскопок юго-восточного района некрополя Херсонеса происходит из могил расположенных на участке, прилегающем к линии городских стен (раскопки 1908, 1909 годов). В настоящее время можно предполагать (учитывая результаты, полученные при разновременных раскопках на разных участках некрополя города), что большое число детских погребений в амфорах на участке некрополя свидетельствует о ранней дате начала совершения захоронений. Подобная картина прослеживается во всех районах городского некрополя, где были обнаружены захоронения V в. до н.э. На территории юго-восточного некрополя детские захоронения в амфорах чаще встречаются, также по мере приближения

к стенам города. По моим подсчётам на участке раскопок 1908г. зафиксировано 10 таких погребений и ещё 5 находок на участке раскопок 1909г., тогда как на всех остальных участках этого района было зафиксировано всего 5 подобных захоронений. Таким образом, количество детских захоронений в амфорах на участке возле куртины №20 и башни №XVII (Зенона) превышает количество подобных захоронений на всей территории юго-восточного некрополя втрое. К сожалению, это лишь предварительные соображения и настаивать на предложенных интерпретациях трудно. По крайне мере с достаточной уверенностью можно утверждать, что участок у городских стен начал использоваться как некрополь с конца V-начала IV в.в. до н.э. Об этом кроме вышеперечисленных фактов свидетельствует фракционная амфора типа Солоха I, а также чернолаковый амфориск из погребения № 1956, третьей четверти V в. до н.э. На датировку ряда погребений к. V-н. IV в. до н.э. указывают и другие находки вещей в погребениях- монеты, клейма на черепицах, чернолаковая керамика.

Большой интерес вызывают работы, предпринятые в 1911-12 г.г. предположительно в северо-восточном районе города. К сожалению, из-за скучности описания возникают трудности, как с выяснением того, где именно происходили раскопки, так и с интерпретацией самих находок. О данных исследованиях сохранились только дневниковые записи раскопщиков с пометками Р.Х. Лепера. Некоторые сведения содержатся в

отчёте в Императорскую Археологическую комиссию Л.А. Моисеева, исследованиях на территории Херсонеса Таврического с указанием участков раскопок, производившихся в годы заведования Р.Х. Лепера²⁰. Многие участки некрополя в дневниках обозначались литерами, так некоторые участки раскопов в юго-восточном районе некрополя обозначались литерами Н, И, Ј. Сопоставления участков нанесённых на карту с данными, полученными из дневниковых записей, показали идентичность участков упомянутых в дневниках и обозначенных на карте. Участки раскопок, упомянутых в дневниках под литерами А, В, С не локализуются по дневниковым записям. На плане из указанного отчёта литерами А, В, С помечены участки раскопок, расположенные в северо-восточном районе города (!-Р.С.). Участки В и А находятся в юго-восточной оконечности района, а участки С (их два на плане) практически в его центре и кварталах, примыкающих к площади в центре города. Велика вероятность того, что на плане обозначены другие участки раскопок, тем более что каких-либо пояснений литерам, обозначенным на плане, нет. Однако территория, обозначенная этими литерами, заштрихована как такая, на которой проводились раскопки в годы заведования Р.Х. Лепера. Кроме того участки раскопок в районе западных оборонительных стен (Е), к югу от южной линии оборонительных стен города (Г), в юго-восточном районе (Н, И, Ј) совпадают с участками, указанными в дневниках раскопок под теми же буквами. Если на

плане из отчёта Л.А. Моисеева под литерами А, В. С действительно указаны участки с раскопанными на них погребениями, которые обозначены теми же буквами в дневнике, мы будем иметь дело с абсолютно неизвестными ранее участками некрополя, расположенными в древнейшей части города. Тем более, что датировка погребений на участке, указанном под литерами А.В.С в дневнике раскопок позволяет относить их (по наличию в могилах чернолаковой керамики и захоронениям в урнах) к концу V-IV векам до н.э. Следует сразу оговориться, что датировка предположительна и основывается только на скучных описаниях из дневников. Не менее интересен и участок с погребениями у монастырской купальни. Раскоп находился в районе северного берега, однако не ясно возле которой из двух купален были проведены раскопки. Если исходить из упоминавшегося плана то получится, что это был участок, лежащий несколько восточнее обычной границы городского некрополя на северном берегу. Сведения о раскопках проводившихся там содержатся в сводном дневнике за 1911-1912 гг²¹ На этом участке найдены были только захоронения в урнах, причём в двух случаях в качестве оссуариев для захоронения младенцев были использованы амфоры. Исходя из наброска, сделанного рукой Р.Х.Лепера в дневнике по крайней мере в одном случае мы имеем дело с хиосской раннеколпачковой амфорой (возможно начала IV в.до н.э.). К сожалению, описание остальных двух урн не может уточнить датировку. Одна урна не со-

держала ничего кроме жжёных kostей, ясно только, что она была глиняной. Другая была закрыта глиняной бурлаковой крышкой (возможно, имеется в виду тарелка) и содержала «кувшинчик, монету, 4 пластинки» больше никакой информации о данной находке в дневнике нет. Учитывая огромное количество неясностей связанных с упомянутыми находками погребений на участках А, В, С и возле монастырской купальни оставляю за собой право воздержаться от каких-либо выводов. Бесспорным является тот факт, что упомянутые материалы раскопок проводившихся под руководством Р.Х. Лепера в 1911-12 г.г. требуют самого тщательного изучения.

Не менее интересны материалы, полученные при раскопках участка с погребениями, расположенного возле монастырских оранжерей. Раскопки тут проводились в 1913 г. Судя по описанию раскоп 1913 г. представлял собой небольшой шурф треугольной формы, расположенный между монастырским двором и оранжереей на монастырской усадьбе. Погребения (среди которых были и амфорные), находились за стенами «из прекрасно тёсаных плит». Описание погребений отсутствует, однако они суммарно датируются исследователями IV в. до н.э. Вещи из могил были оставлены в музее, а не отправлены в Императорский Эрмитаж. Позже они оказались депаспортизированы. К сожалению, информация об этом участке, а вернее почти полное отсутствие такой, не позволяет составить более полной картины. Однако имеющие-

ся данные дают право утверждать, что он являлся частью древнейшего городского некрополя который тянулся от северного района города, далее охватывал район античного театра (речь об этих участках будет вестись ниже), простираясь далее на юго-восток до участка у куртины №20 и башни №XVII (Зенона). За верхнюю дату начала эксплуатации этого некрополя можно принять конец V-начало IV в.в.до н.э.

Перейдём к проблемам, связанным с участком городского некрополя у северного берега. Чтобы избежать повторений отмечу основные моменты в истории изучения этого участка. Наличие на этой территории древних захоронений отмечал ещё К.К.Косцюшко-Валюжинич в известном замечании, по поводу того, что «город захватил и уничтожил греческий некрополь». Немного позже он пишет, что «пришёл к убеждению о существовании тут греческого некрополя, находившегося за чертой города». Однако полномасштабная публикация материалов некрополя началась после того как экспедицией под руководством Г.Д. Белова тут был открыт участок с погребениями. Первые две могилы на этом участке раскопали недалеко от базилики 1935 года, раннюю дату захоронения подтверждает стратиграфия раскопа, могилы перекрывались слоем IV, который датируется не позже IV в. до н.э.²² Г.Д. Белов датировал захоронения на участке у северного берега в рамках столетия к.в.в. до н.э.²³ Исследователь отмечал, что в этих хронологических рамках можно выделить ранний

пласт погребений, датируемый началом IV в. до н.э. и более поздние захоронения Не буду останавливаться на вопросах этнической интерпретации скорченных захоронений этого участка некрополя, поскольку время показало несостоятельность подобной дискуссии. В последнее время исследователями был освещён ряд вопросов, касающихся как верхней даты функционирования участка некрополя на северном берегу, так и структуры самого этого участка. Анализ вещей, найденных при раскопках этого участка показывает наличие небольшой, но довольно представительной группы находок (прежде всего керамики), датируемой временем начиная с конца VI в. до н.э., среди которой присутствует не только столовая посуда, но и амфоры²⁴. Продолжением упомянутого участка, являлся и другой, раскопки на котором проводились под руководством С.Ф. Стржелецкого в 1945 г.²⁵ Здесь было вскрыто 8 погребений, суммарно датированные исследователем к.IV - н.III в.в. до н.э. Однако анализ керамики из могил позволяет удивнить хотя бы некоторые из них. Тюльпановидный чернолаковый килик, найденный в могиле № 5 может быть датирован временем не позже третьей четверти V -первой трети IV в.в. до н.э. Большой интерес вызывают погребения, обнаруженные в северо-западном районе города, в северной части древнегреческой оборонительной стены. В 1960-61 г.г. и 1963г здесь было раскопано 52 погребения, 23 погребения в амфорах, использованных в качестве оссуариев для захоронений младен-

цев²⁶. Поскольку древняя оборонительная стена в этом районе датируется временем не позже третьей четверти IV в. до н.э., а некоторые погребения на участке находятся под стеной (№38), время совершения захоронений тут определяется не позже чем п.п. IV в. до н.э. Этому не противоречат и материалы из погребений (клейма на амфорах монеты), не заходящие дальше конца второй четверти IV в. до н.э. Типологически этот участок очень близок второму пласту погребений на участке некрополя у северного берега. Вероятно, захоронения здесь начали совершаются сразу после того, как северный участок был застроен.

В 1964 г. на участке раскопок, расположеннном к юго-западу от амфилеммы античного театра было обнаружено погребение, полностью исследованное только в 1970 г., когда

были открыты еще 6 погребений. Таким образом на данном участке было открыто 7 погребений²⁷. Время совершения захоронений тут относится авторами раскопок к к. IV–III в.в. до н.э. Многие исследователи отмечают схожесть между участками на северном берегу, у монастырской оранжереи, у монастырской купальни, участком раскопок 1945 г. и у античного театра. Таким образом складывается картина единой территории городского некрополя для второй четверти V-конца IV в.в. до н.э., который маркирует внешние границы города этого времени.

Завершая краткий обзор основных вопросов, связанных с датировкой и районированием раскопанных участков некрополя Херсонеса Таврического необходимо еще раз подчеркнуть то, что материалы, которые даёт этот важный источник, тре-

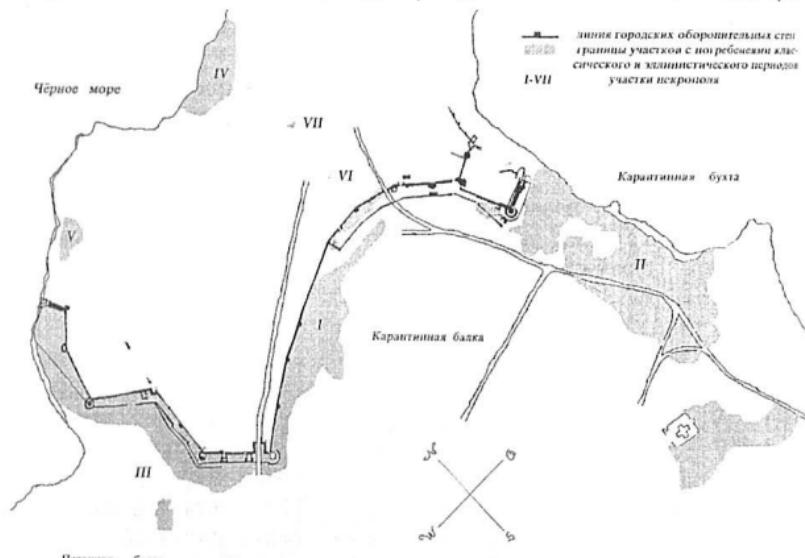

Рисунок 1.
Схематический план некрополя Херсонеса.

буют дальнейшей обработки с целью систематизации. В течение длительного времени публиковались лишь отдельные участки раскопок с погребениями, что со временем создало искажённую картину, когда представление обо всём некрополе города складывалось лишь на основе отдельных участков. Наиболее эффективен в этом отношении подход, когда за основу был бы взят весь массив раскопанных на некрополе погребений, относящихся к определенному временному периоду. В данном случае есть смысл разделить все погребения с установленной датировкой на две группы:

- погребения, датирующиеся первой четвертью V- первой третью IV в.в. до н.э. относятся к некрополю классического периода. Начальная дата определяется по находкам археологических материалов (столовой посуды, амфор) на участках у северного берега (первый пласт погребений), на участках у монастырских оранжерей и купальни. Конечную дату маркирует время расширения территории города во второй трети IV в. до н.э., связанные с этим находки из склепа № 1012 и группы захоронений в урнах, трактуемой, как семейная усыпальница, захоронения в которой осуществлялись с к.V-по вторую половину- третью четверть IV в.в. до н.э., материалы с участков раскопок на северном берегу (ранний пласт погребений), у античного театра, вдоль Карантинной бухты и у башни Зенона, материалы конца V - второй, третьей четвертей IV в.до н.э. с участков у южных городских стен и в верховьях Песочной балки. Такая

дата не противоречит материалам раннего периода существования города²⁸. Первые погребения в некрополе появляются через 25-30 лет после основания поселения.

- погребения к. III - третьей четверти I в.в. до н.э., составляющие массив некрополя эллинистического периода. *Territos ante quem* здесь маркируется материалами раскопок участков у южной линии городских стен (между башнями №VIII и № XIII, включая сюда же участок возле куртины № 19), участкам раскопок с западной части города и в верховьях Песочной балки, у Карантинной бухты (территория к юго-востоку от башни №XVII (Зенона) и куртины № 20), на участке возле Крестообразного (Загородного) храма и по склонам Девичьей горы. Отметим все же, что возле южной линии городских стен и в верховьях Песочной балки выделяется группа погребений, совершенных тут очевидно уже после расширения территории города, но до строительства тут линии оборонительных стен (об этом свидетельствуют погребения уходящие под кладки стен на участках раскопок). ТERRITORIALLY подобное разделение прослеживается следующим образом (см. Рис 1):

Некрополь классического периода, занимавший территорию прилегающую к городу (возможно поселению на первых порах) до её расширения во второй половине IV в. до н.э. простирался от северного берега в низине, идущей от IX поперечной улицы к юго-западу. Далее некрополь прослеживается возле участка у монастырских оранжерей и у ан-

тичного театра к району около куртины № 20 и башни № XVII (Зенона). Насколько далеко некрополь распространялся на юго-запад от куртины № 17 можно проследить на материалах раскопок у южных оборонительных стен. Погребения повреждённые кладками оборонительной стены, датирующиеся второй третью IV в. до н.э. свидетельствуют о том, что какое-то время до возведения тут кладок стен район использовался под некрополь. Эта же тенденция прослежива-

ется и для участков у западных оборонительных стен и в верховьях Песочной бухты. В эллинистическое время погребения располагаются вдоль линии городских оборонительных стен в западной и южной части Херсонеса Таврического. В юго-восточном районе и по берегу Карантинной бухты погребения указанного времени простираются в южном направлении от линии городских стен до склонов Девичьей горы и Крестобразного (Загородного) храма.

Приложение I (см. Рис I)

наименование участка и номер на плане	расположение
южный /I	по линии южных оборонительных стен от башни №VIII до башни №XV, по склону Карантинной балки
восточный /II	погребения, расположенные на территории от куртины № 20 в южном направлении до склонов Девицкой горы и по юго-западному берегу Карантинной бухты, включая территорию у Загородного храма и по обе стороны от шоссе из Севастополя в Херсонес
западный /III	прилегает к линии западных оборонительных стен города в районе куртин №№ 1,4-9 до башни № VIII включая сюда и погребения расположенные по склону Песочной балки
северный /IV	к западу от VIII поперечной улицы, включая отдельные погребения на территории кварталов №XXIII и №XXV
северо-западный /V	погребения открытые в северо-западной части древней оборонительной стены
у театра /VI	северо-западная сторона амфитеатра, погребения располагались в балке перед древнейшей оборонительной стеной, открытой в 1955г.
у монастырских оранжерей /VII	на территории монастырского двора, возле оранжерей на усадьбе монастыря (в настоящее время-территория перед лапидарием Херсонесского музея).

Приложение II

Календарь раскопок участков Херсонесского некрополя с погребениями классической и эллинистической эпох

год раскопок	№№ погребений	исследователь	расположение участка	публикация (если отсутствует - номер отчёта)
1	2	3	4	5
1891	1-2,4-5,7,36, 40-45,53,55,62	К.К.Косцюшко- Валижинич	по косогору у южной городской стены, возле башни №XI	ОАК за 1891г. СПб. 1893
1892	93-94,119- 120,132,136, 138,150,154, 164,170,197, 212,235,264, 270,287,311	К.К.Косцюшко- Валижинич	возле южной городской стены, у башни №X	ОАК за 1892г. СПб. 1894
1893	315-17, 322,326, 346, 349 360-61, 364-66,377-88, 393,395, 410-412	К.К.Косцюшко- Валижинич	возле южной городской стены, у башни №IX	ОАК за 1893г. СПб. 1895
1894	431,436,441, 443-46,509, 517-519,530, 538-540	К.К.Косцюшко- Валижинич	полоса до башни № VIII по обе стороны южной городской стены	ОАК за 1894 г. СПб. 1896
1895	542-543,579, 588, 598	К.К.Косцюшко- Валижинич	возле куртин № 9 № 13, в периболе башни №X	ОАК за 1895г. СПб. 1897
1896	611,618-19, 624,629, 650-51,656, 668,674-75, 682,693, 695, 715,733,747, 754-55,760, 765,805	К.К.Косцюшко- Валижинич	южный склон Карантинной балки, ниже куртины №14	ОАК за 1896 г. СПб.1898
1897	838,858-60, 863-64,868, 872,880,881, 893,908,932, 941-42,953, 970,980,987	К.К.Косцюшко- Валижинич	участок на северо-запад от раскопа 1896 г.	ОАК за 1897г. СПб. 1900

1	2	3	4	5
1899	1012 (7 погр.)	К.К.Косцюшко- Валюжинич	наружная сторона южного участка оборонительной стены, в районе куртины № 16	ИАК.В1.СПб.1901
1900	1015-37	К.К.Косцюшко- Валюжинич	наружный участок южной городской стены (у гончарных мастерских), к юго-востоку от башни № XV	ИАК.В 2.СПб.1902
1901	1042-51, 1053-54,1056, 1071,1074-76, 1103,1106, 1108-09, 1119-24, 1145-46, 1152-58,1161, 1163,1168	К.К.Косцюшко- Валюжинич	у Карантинной бухты (продолжение раскопок на участках, открытых тут в 1896 и 1897г.г.)	ИАК.В 4.СПб.1902
1902	1197,1224, 1240,1302, 1311-13, 1356-57, 1371-1374, 1383	К.К.Косцюшко- Валюжинич	у Карантинной бухты (прод. раскопок на участках, открытых тут в 1896-97 и 1901г.)	ИАК.В9.СПб.1904
1903	1509-10, 1517-23	К.К.Косцюшко- Валюжинич	между главной и вспомогательной южными оборонительными стенами, продолжение раскопок участка 1898г.	ИАК.В 16. СПб.1905
1904	1524-31, 1534-37,1539, 1545,1549, 1552-53	К.К.Косцюшко- Валюжинич	у монастырских ворот, продолжение раскопок на участке 1898г. до соединения с участком 1899 г.	ИАК.В 20. СПб.1906

1	2	3	4	5
1904	1622	К.К.Косцюшко- Валюжинич	у Крестообразного (Загородного) храма, продолжение раскопок на участке, открытом тут в 1902 г.	ИАК В 20. СПб.1906
1905	1662,1675, 1721, 1729, 1801,1823, 1884,1890, 1913,1930-31, 1942-44,1947, 1954-56,1964, 1976,1983, 2022,2026, 2040,2046-47	К.К.Косцюшко- Валюжинич	у монастырского скотного двора, продолжение раскопок на участках, открытых тут в 1896-97, 1901-02г.г.	ИАК В 25. СПб.1907
1907	2183	К.К.Косцюшко- Валюжинич	северо- восточный участок и возле «Крестовидного храма»	ИАК В 42. СПб.1911
1907	2217-18,2223, 2226-27	К.К.Косцюшко- Валюжинич	у Карантинной бухты, продолжение раскопок в районе участков 1896-97,1901-02, 1905 г.	ИАК В 42. СПб.1911
1907	2240,2274, 2320,2348-49, 2356,2359, 2369,2379	К.К.Косцюшко- Валюжинич	от Карантинной бухты вверх по склону до шоссе, идущего из Севастополя в Херсонес	ИАК В.42. СПб.1911
1907	2412	К.К.Косцюшко- Валюжинич	полоса вдоль шоссе к юго- западу от раскопов 1901-02 гг.	ИАК В.42. СПб.1911

1	2	3	4	5
1908	2502,2506, 2512, 2515, 2526,2534, 2542,2545, 2558, 2561-62, 2575, 2581, 2583-84,2589, 2599,2615, 2619,2626, 2628, 2637, 2639,2643, 2645-46,2649, 2654, 2657-58, 2661, 664-66, 2811 2672,2677-79, 2687,2699, 2706, 2715, 2717,2719, 2727-29, 2738-39, 2742-43,2752, 2755, 2760, 2768-69,2780, 2793,2798-99,	Репников Н.И.	возле куртины № 20 и башни № XVII (Зенона) примыкает к ним с северо-запада, к местам раскопов 1896-1897, 1901-02 г.г. с юго-востока, граничит с раскопом 1905 г. на территории нижнего скотного двора с северо-востока, примыкает к дороге военного ведомства с юго-запада	ХСб.В2. Севастополь.1927
1909	6(4),8(6), 15(23),20(33), 30(44),41(57), 44(60),55(71), 56(72)-61(77)	Лепер Р.Х.	возле башни № XVII (Зенона)	ХСб.В2. Севастополь.1927
1909	92(1)-93(2), 117(27), 121(31), 124(34), 126(36), 128(38), 145(58)	Р.Х.Лепер	вдоль линии западных оборонительных стен города	Хсб .В.2 Севастополь.1927
1910	54	Р.Х.Лепер	вдоль шоссе, ведущего из Севастополя в Херсонес, у северо-восточной подошвы Девичьей горы	Арх.НЗХТ. № 71

1	2	3	4	5
1910	IX,10,19	Р.Х.Лепер	у Карантинной бухты	Арх.ИЗХТ.№ 71
1910	IX,10,19	Р.Х.Лепер	у Карантинной бухты	Арх.ИЗХТ.№ 71
1910	14(9),16(12), 20(18),* 26(24),34(32), 35(33),43	Р.Х.Лепер	у Карантинной бухты	ХСб.В 2. Севастополь.1927
1910	51(i),70(9)- 71(10),74(14)	Р.Х.Лепер	у линии западных оборонительных стен города в районе возле башен № III и № VIII	Хсб. В 2. Севастополь.1927
1910	78(18),80(20)- 81(21),99(33), 102(36)- 04(38), 107(41)- 09(43), 113(47), 115(49)- 16(50), 128(0),136, 141(dd), 148(5),150(7), 154(11), 160(mm)- 61(nn)	Р.Х.Лепер	по шоссе, ведущему из Севастополя в Херсонес до северо-восточной подошвы Девичьей горы	ХСб.В 2. Севастополь.1927
1910	165(54)- 67(56), 170(59), 172(61)- 75(64), 176(16), 181(69), 183(71), 192(80), 197(85), 201(87a)	Р.Х.Лепер	северная подошва Девичьей горы	ХСб.В.2. Севастополь.1927
1910	207(93), 213(99), 222(108)	Р.Х.Лепер	по левую сторону шоссе из Севастополя в Херсонес	ХСб.В 2. Севастополь.1927

1	2	3	4	5
1910	225(1),227(3), 230(6),232(8), 237(13), 239(15), 243(18a), 245(20), 247(22), 254(29), 255(30)	Р.Х.Лепер	по правую сторону шоссе из Севастополя в Херсонес	ХСб.В.2. Севастополь, 1927
1911	2-4 (2719-21), 5-6(2722-24), 8(2728), 14, 18(F,L),24,39	Р.Х.Лепер	у монастырских ворот	Арх.ИЗХТ.№76
1911	18,60	Р.Х.Лепер	очевидно, юго-восточный район	Арх.ИЗХТ.№ 79
1911	2,8, *8,13,14, 18-19,22,30, 47-48, 56-60	Р.Х.Лепер	участки А,В у монастырской купальни	Арх.ИЗХТ.№85
1912	4 урны	Р.Х.Лепер	участок F, за западной линией городских оборонительных стен	Арх.ИЗХТ.№83 Арх.ИЗХТ.№86
1912	10	Р.Х.Лепер		
1913	II-III, 36-38, XI,XIII	Р.Х.Лепер	между Карантинной бухтой и шоссе из Севастополя в Херсонес	Арх.ИЗХТ. №194
1913	10-11,4 м	Р.Х.Лепер	очевидно, участок за западной линией оборонительных стен города	Арх.ИЗХТ. №88
1913	1,4-6,12-13,*	Р.Х.Лепер	между шоссе и Карантинной бухтой , выше караульного помещения	Арх.ИЗХТ. № 89

1	2	3	4	5
1913	I-II, 19-20, 25	Р.Х.Лепер	к югу от восточной стены ограды монастыря	Арх.НЭХТ № 89а
1913	15, 21, 23, 36	Р.Х.Лепер	между дорогой и Караантинной бухтой	Арх.НЭХТ № 89а
1914	6	Р.Х.Лепер	участок (d), около и между западными оборонительными стенами	Арх.НЭХТ № 98
1914	5-6	Р.Х.Лепер	за западными оборонительными стенами	Арх.НЭХТ № 97
1914	1,5	Р.Х.Лепер	у Монастырского училища	Арх.НЭХТ № 93
1935	1-2	Белов Г.Д.	северный берег, в низине до IX поперечной улицы	Раскопки в северо-западном районе. Севастополь. 1938
1936	1-91	Белов Г.Д.	там же	Раскопки в северо-западном районе. Севастополь. 1938
1937	1-31	Белов Г.Д., Стржилецкий С.Ф.	там же, квартал XXV5 и XXVI	МИ.№34.М., 1953
1945	1-8	Тахтай А.К.	северо-западный участок Херсонеса по напр. к берегу от IX улицы	ХСб.В4. Симферополь. 1948
1956	1-14	Борисова В.В.	участок возле южной линии городских оборонительных стен в районе гончарных печей, примыкает к участку раскопа 1900г.	Арх..IA НАНУ. 956/36. № 2848-49

1	2	3	4	5
1960	3-16	Е.Г.Суров	северо-западный район города у древней западной оборонительной стены	Арх.ИЗХТ №2046
1961	17-39,39а, 40-46	Е.Г.Суров	там же	Арх.ИЗХТ №7901
1963	47-51	Е.Г.Суров	участок 2 "г" удревней западной оборонительной стены	Арх. ИА НАНУ. № 4319
1963	1-57	Щеглов А.Н.	участок в верховьях Песочной балки залинией западных оборонительных стен города	КСИА.В.143. М.,1975
1965	Е(1-4)	Белов Г.Д.	северный берег, XXV квартал	Арх.. ИА НАНУ. 1965 / 26. № 4452
1970	1-8	Домбровский О.И	к юго-западу от амфилемы античного театра	Домбровский О.И. Отчёт о раскопках 1970 г. в Херсонесе. Арх ИА НАНУ. 1970 / 30
1982-88	2-4,6,1-4,6,16, 18, 21-26, 30-32,35,40, 43-44,46, 48-49,59,70, 72,76-78,84	Зубарь В.М.	залинией западных оборонительных стен (к западу от башни №V), по восточному склону Песочной балки	Зубарь В.М., Шевченко А.В., Липавский С.А. Некрополь Херсонеса Таврического (материалы и исследования) К.1990 Они же: Западный некрополь Херсонеса Таврического (материалы раскопок 1983-85 г.г.) №1-3 К.1989

1	2	3	4	5
1996	104	Магда А. В.	Участок у западных оборонительных стен вдоль дороги, ведущей из Херсонеса в сторону Маячного п-ова.	Магда А.В. Отчёт о раскопках западного некрополя в 1996 г. Арх.НЗХТ.Д.3310

Значок (*) означает, что в отчёте данное погребение не было пронумеровано или обозначено каким-либо другим образом.

Примечания

1. Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчёт Императорской Археологической комиссии об археологических раскопках в Херсонесе за 1892 год. РА ИИМК Ф1 № 214. л.46
2. Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчёт заведующего раскопками в Херсонесе за 1894г. // ОАК за 1894 г. СПб.1896. С.74
3. Косцюшко-Валюжинич К.К.Ук.соч.С.74
4. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса.К.,1977.С.144
5. Косцюшко-Валюжинич К.К. Извлечение из отчёта о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1900г. // ИАК В.2. СПб., 1902.С.1-3,10-18
6. Косцюшко-Валюжинич К.К. Извлечение из отчёта о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1899г. ИАК В 1. Спб.,1901.С. 1-55
7. Manzewitsch A. Ein grabfund aus Chersonnes.Leningrad. 1932. Р.14]
8. Даниленко В.Н.Надгробные стеллы. // СХМ. В 4. Симферополь. 1969.С.29 , Колесникова Л.Г. Вонинские надгробия.// СХМ. В. 4. Симферополь. 1969.С.44
9. Колесникова Л.Г.Ук.соч.1969. С.45
10. Борисова В.В. Звіт про розкопки гончарних майстерень і некрополю.РА ІАНА-НУ.№2848, Борисова В.В. 1958ю.С.144
11. Репников Н.И.Раскопки в Херсонесе. // ОАК за 1908г.СПб.,1912.С.96. Репников Н.И. Дневник раскопок херсонесского некрополя в 1908г. // Хсб. В 2. Севастополь.1927.С.179
12. Рогов Е.Я, И.В.Тункина. Расписная и чернолаковая керамика из некрополя Панское I // Археологические вести. №5. Спб.,1998.С.171-172
13. Монахов С.Ю .Абросимов Э.Н. Новое о старых материалах из херсонесского некрополя. // АМА. В 9.Саратов. 1998.С.130
14. Гриневич К.Э.Стены Херсонеса Таврического. Ч.III. // ХСб.В.5.Севастополь.1959.С.95
15. Щеглов А.Н. Некрополь у Песочной бухты близ Херсонеса. // КСИА. В143. 1975.С.109-116
16. Зубарь В.М.,Шевченко А.В.,Липавский С.А. Западный некрополь Херсонеса Таврического (материалы раскопок 1983-1985 г.г.) Погребальные сооружения и обряд. К., 1989.С.37
17. Даниленко В.Н. Ук.соч.1969. С.29 , Колесникова Л.Г.Ук.соч.С.44
18. Античная скульптура Херсонеса.К.,1976.С.67-68, №162
19. Античная скульптура Херсонеса.К., 1976, №163, 164, 166,189, 190
20. Монсеев Л.А. О раскопках в Херсонесе, Таврической губернии, Евпаторийском и Севастопольском градоначальстве. РА ИИМК РАН Ф 1. 1915 №2.л.31
21. Дневник (водный) за 1911г.Работа студента Р.Р.Лепера.1911,РА НЗХТ № 85.л.11
22. Белов Г.Д.,Отчёт о раскопках в Херсонесе в 1935 г. РА ИИМК РАН Ф2 № 72-74 л.11-12
23. Белов Г.Д. Отчёт о раскопках Херсонеса за 1935-36 г.г.Севастополь. 1938 С.194, Бе-

- лов Г.Д. Некрополь Херсонеса классической и эллинистической эпохи. // ВДИ №:1. М.1948.С.155
24. Белов Г.Д. Ионийская керамика из Херсонеса. // ТГЭ.13.Л.1972 .С.19. Золотарёв М.И.Херсонесская арханка..Севастополь.1993.С.9.Монахов С.Ю.,Абросимов Э.Н.19. 98.Ук.соч.С.122
25. Стржелецкий С.Ф Раскопки таврского некрополя Херсонеса в 1945 г. // ХСб. В 4 Симферополь.1948.С.78
26. Суров Е.Г.Отчёт о раскопках УРГУ и Херсонесского музея в северо-западном углу херсонесского городища.Арх НЭХТ №2046 л.22 .Суров Е.Г. Отчёт о раскопках в Херсонесе в 1961г.Арх НЭХТ. №7951 л. 15, Суров Е.Г.Отчёт о раскопках в северо-западной части Херсонесского городища в 1963г.Арх.ИА НАНУ.1963/52.№4319 л.30
27. Зедгенидзе А.А Исследование северо-западного участка античного театра в Херсонесе. // КСИА В 145 М.1976. Махнева О.А.Пуздровский О.Е.Погребения IV в.до н.э. на участке раскопок античного театра в Херсонесе. //ХС. В 9.Севастополь 1998.С.76-77
28. Золотарёв М.И. К хронологии древнейшего Херсонеса// Античные полисы и местное население Причерноморья. Материалы международной конференции: Межполисные взаимоотношения в Причерноморье в доримскую эпоху, экономика, политика, культура. Севастополь.1995.С.103

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЦИТАДЕЛИ ХЕРСОНЕСА

В юго-восточной части Херсонеса расположена так называемая цитадель, включающая в себя постройки оборонительного назначения. Оборонительные стены и башни, возникшие здесь еще в конце IV в. до н.э., образовывали замкнутую цепь четырехугольной формы, которая обеспечивала защиту города со стороны Караантинной бухты и прикрывала Портовый район, обращенный к морю¹. Линия обороны возникла в этом месте неслучайно. Это обуславливалось строением береговой линии, которое не обеспечивало естественной защиты города. Эта часть берега была самым низким и поэтому самым незащищенным местом в обороне Херсонеса. Таким образом, возникла крайняя необходимость в укреплении этой части городища. Поэтому, начиная с конца IV в. до н.э., здесь возводятся древнейшие башни и куртины, а первые постройки внутри цитадели строятся в III вв. до н.э.²

Изучение стратиграфии цитадели позволило выделить несколько основных этапов застройки. Первый этап сооружения защитных стен относился к концу IV ст. до н.е. Следующий - соответствовал по времени значительному расширению территории города на рубеже 4 - 3 четверти III ст. до н.е. В это же время начинается внутренняя застройка цитадели. Третий этап - конец I - II ст. н.е. В это время на территории цитадели

дислоцировались войска римской вексилляции и была построена передовая линия обороны. Четвертый этап датируется IX ст³

На протяжении периода своего существования цитадель неоднократно перестраивалась. Во II-III вв. 21 куртина, проходившая вдоль Караантинной бухты, была перенесена на десять метров северо-восточней, ближе к берегу Караантинной бухты. Вероятно, такое расширение цитадели было вызвано изменением береговой линии, которая в результате либо тектонических, либо климатических сдвигов отступила. В сторону бухты была продолжена и 18 куртина, соединившаяся с 21 куртиной крестообразной башней XX⁴.

Археологическое изучение цитадели ведется уже больше ста лет. Для исследователей этот участок представлял интерес по многим причинам. Во-первых, цитадель являлась основным звеном в обороне города. Во-вторых, очень важным являлся тот факт, что стеностроительство на территории цитадели велось беспрерывно с конца IV ст. до н.е. и до X - XI ст., т. е. на протяжении почти всей истории Херсонеса - Херсона.

Первым исследователем цитадели был К. К. Косцюшко-Валюжинич (Рис.1). Под его руководством, на протяжении пяти лет, в цитадели проводились археологические раскопки. Они были начаты в

1897 г. и продолжались в 1898, 1900, 1905 и 1906 годах.

В 1897 г. им было начато исследование 20 куртины, при изучении которой, К.К. Косцюшко-Валюжинич надеялся определить назначение и время возведения линии обороны. В ходе работ у 20 куртины была обнаружена и исследована башня XVIII. К. К. Косцюшко-Валюжинич, установил, что от нее начиналась оборонительная стена идущая с одной стороны к бухте, а с другой - от бухты, к так называемой башне Зинона (XVII)⁵.

Работы, проводившиеся К. К. Косцюшко-Валюжиничем в 1898 г., были продолжением работ 1897 г. В связи с тем, что дальнейшее изучение 20 куртины затруднялось нахождением на месте раскопа каменной ограды, работы 1898 года были начаты со своеобразного кургана, скрывавшего башню Зинона. В результате раскопок было обнаружено древнейшее ядро этой башни, а так же три оболочки, возникшие по мере того, как изменялась структура оборонительной линии. Помимо башни XVII К.К. Косцюшко-Валюжинич исследовал оборонительную стену между башнями XVII и XVIII⁶.

В 1905 г. К.К. Косцюшко-Валюжинич продолжил раскопки. Работы были начаты у башни XVI. Время ее возникновения он отнес к IV в. до н.э. С наружной стороны, где башня сохранилась на высоту 4,65 м, она была исследована до подошвы. На облицовочных плитах башни в виде рабочих меток сохранились греческие буквы и монограммы. При дальнейшем изучении башни, К. К. Косцюшко-Валю-

Рисунок 1.
К. К. Косцюшко-Валюжинич - первый исследователь цитадели.

жиничем было установлено, что со временем башня была перестроена - для усиления к ней было пристроено утолщение из бутовой кладки. При исследовании внутренней стороны 18 куртины, были открыты остатки построек, относящихся ко II-III вв. и средневековой эпохе. Найденные здесь два колодца датировались этим же временем. Раскопки дали богатый археологический материал. Например, можно отметить фрагментированную мраморную статую льва, фрагменты мозаичного пола, различную бронзовую утварь, костяные и золотые украшения и многое другое⁷.

В 1906 г., изучению подверглась башня XIX. Она, как и башня XVI, до конца IV в. до н. э. являлась фланговой, а куртина 18, проходившая между ними, была границей древнего города. На основе исследований

1905-1906 гг., К.К. Косцюшко-Валюжинич сделал вывод, что башня ХХ и куртина 18, относящиеся к эллинистической эпохе, во II-III вв. были разобраны, а их часть стала фундаментом стены римского времени. Граница города была вынесена за башню XIX и замыкалась новой башней XX. Раскопки так же показали, что в период раннего средневековья линия обороны претерпела определенные изменения. Кроме этого с внутренней стороны башни XIX было открыто два помещения терм II-III вв. Судя по всему, они были возведены одновременно с башней XX⁸. На этом исследование цитадели К. К. Косцюшко-Валюжиничем было завершено. Причем, К.К. Косцюшко-Валюжинич оставил огромное научное наследие - большое количество рукописей, которые он не успел опубликовать. Но тем не менее К.К. Косцюшко-Валюжинич доказал, что раскопки цитадели Херсонеса имеют большое будущее.

В дальнейшем раскопки на этом участке были продолжены Р.Х. Лепером в 1910-1911 году. Во время их проведения планировалось завершение исследования ядра башни Зинона и прилегающих к ней оборонительных стен 19 и 20 куртин. В ходе раскопок этого участка, было выяснено, что центральное ядро башни XVII относилось к эллинистической эпохе. Р.Х. Лепером было найдено множество чернолаковой и краснолаковой посуды, архитектурных фрагментов, надгробий. Весь этот материал использовался для датировки строительных остатков. На этой основе было установлено, что

первое кольцо башни XVII возникло во I-II вв. Второе - датировалось Р. Х. Лепером позднеримским временем. После окончания работ у башни Зенона, Р. Х. Лепер занялся исследованием 20 куртины - оборонительной стены, идущей от башни XVII к Карантинной бухте. Эта оборонительная стена состояла из пяти отдельных параллельно идущих стен, относящихся к разным строительным периодам. Но каждая из этих стен была связана с оболочками башни Зенона, так что их датировка не вызывала трудностей, а найденный археологический материал подтверждал ранее определенные даты⁹.

Продолжением работ 1910 года являлись работы 1911 года, так же проходившие под руководством Р.Х. Лепера. Они были сосредоточены на участке вдоль 19 куртины, прилегающей к башне Зинона с внутренней стороны. В стене была обнаружена выемка, содержащая в верхнем слое фрагменты поливной, а в нижнем - чернолаковой посуды. Интересной находкой на этом участке являлся небольшой крестик, благодаря которому стену с выемкой, датировали IX-X вв¹⁰ К сожалению, Р.Х. Лепер не составил подробных отчетов о проделанной работе. Но оставленные им дневники, дали возможность К.Э. Гриневичу интерпретировать и опубликовать результаты археологических раскопок, проводившихся Р.Х. Лепером¹¹.

Работы в цитадели были возобновлены только в 1926 г. К.Э. Гриневичем. Свои исследования он начал с изучения внутренней застройки цитадели. С 1926 по 1928 год, были час-

тично раскопаны фундаменты зданий, расположавшиеся вдоль 19 куртины. В процессе раскопок было вскрыто четыре слоя, которые во времени соответствовали четырем разным эпохам.

Первый, верхний слой, образовался после гибели города в XV в. Он был насыщен обломками камней с оборонительных стен, кроме того, в нем встречались погребения середины XIX в. Второй - датировался К.Э. Гриневичем эпохой позднего средневековья. Эта датировка подтверждалась найденным нумизматическим материалом, который был представлен монетами Василия II, Романа и Константина, относящимся к X-XI вв. Третий - содержал находки раннего средневековья, римского и позднеэллинисти-

ческого времени. От этого слоя был отделен четвертый, датирующийся не позднее времени раннего эллинизма.

Остатки построек, открытые на исследуемой территории, представляли собой сложнейшее переплетение стен, которые находились на разных уровнях и относились к разному времени. Всего К.Э. Гриневичем было выделено шесть строительных периодов. По результатам раскопок было установлено, что застройка этого участка велась с III в до н.э. и до XIV в. н.э.¹²

В 1927 г., при исследовании внутренней стороны 19 куртины К.Э. Гриневич вскрыл боевую площадку. Время ее постройки определялось V в. Этой площадке соответствовало утолщение с наружной стороны 19

Рисунок 2.

Общий вид раскопок в цитадели в 1928 г.

куртины. Вероятнее всего, оно было сделано одновременно с боевой площадкой. В том же сезоне К.Э. Гриневичем частично была вскрыта стена здания, располагавшегося вдоль 19 куртины, в 50 м от XVII башни. Хронологическим определением этой стены стали обнаруженные на ней и возле нее находки, такие как бронзовая статуэтка Аполлона и медная монета боспорского царя. Находки датированы I-II вв. Открытая стена, по мнению К.Э. Гриневича, принадлежала большому зданию, построенному в первые века нашей эры¹³.

Раскопки, проводимые в 1928 г вились вдоль 19 куртины. Во время их проведения К.Э. Гриневич обнаружил остатки многокомнатного здания, примыкавшее к линии городского водопровода. Он интерпретировал его как гимнасий позднеримского времени, но в последствии это здание было интерпретировано как казармы римского гарнизона (Рис. 2)¹⁴.

К сожалению К.Э. Гриневич не мог проводить более масштабные работы из-за недостатка средств. И все обнаруженные им объекты исследовались лишь частично, что не дало возможности правильно интерпретировать открытые строительные остатки. Но тем не менее, К. Э. Гриневич положил начало новому этапу изучения цитадели. Он не только собрал воедино результаты предыдущих исследований, проводившихся его предшественниками К.К. Косцюшко-Валюжиничем, Р.Х. Лепером, но и первым обратил внимание на изучение внутренней застройки цитадели, определил даты каждого строительного периода (Рис. 3)¹⁵.

После раскопок К.Э. Гриневича, в исследовании цитадели наступил длительный перерыв. Это объяснялось широкомасштабными охранными исследованиями в северной части Херсонеса, а так же началом Великой Отечественной войны. К изучению цитадели вернулись только в 1958 г., когда там под руководством В.В. Борисовой проводились работы по консервации оборонительных сооружений в этом районе Херсонеса. Юго-восточная часть городища, наиболее древняя и лучше всего сохранившаяся, в первую очередь должна была стать объектом реставрационно-консервационных работ.

Раскопки 1958 г. были начаты у башни XVI, открытой К.К. Косцюшко-Валюжиничем в 1898г., со стороны перибола, и исследовалась им со стороны цитадели в 1899, 1900 и 1905 годах. В ходе изучения XVI башни под руководством В. В. Борисовой в ее кладке были обнаружены фризы и архитравы. Причем фризы были положены в кладку в перевернутом виде. Архитравы имели характерное деление на три горизонтальных пояса. Они располагались уступами шириной 10, 12, 14 см. Каждый из уступов был украшен бусами (жемчужником). Вверху, выше жемчужника, располагался пояс иоников с красной раскраской между ними. Использование в кладке XVI башни архитектурных деталей, по-видимому, принадлежавших храму воздвигенному в ионийском ордене, можно объяснить тем, что в эпоху средневековья, когда распространялось христианство, языческие постройки разбирались, а

их строительный материал использовался в постройках более позднего времени¹⁶.

В 1959 г исследовался комплекс построек и улиц, прилегающих к башне XVI и 18 куртине. В процессе работ В.В. Борисовой полностью было открыто позднеантичное здание площадью приблизительно 90м², стены которого примыкали к 18 куртине и башне XVI. На разных уровнях пола этого помещения было собрано большое количество керамики, основную массу которой составляли фрагменты позднеантич-

ных амфор. Найдены обломки черепицы с клеймами римских легионов, таких как LEXICL, OPVsNOV, которые свидетельствуют о том, что здание было построено в первых веках нашей эры¹⁷.

В 1960 году работы были продолжены к юго-востоку от продольной улицы, открытой в 1959 г (Рис. 4). На юго-западе и юго-востоке раскоп сомкнулся с участком, исследовавшимся в 1928 г. К.Э. Гриневичем, а на северо-востоке оконтурился продолжением поперечной улицы, уходящей в калитку в 18 куртине. В ре-

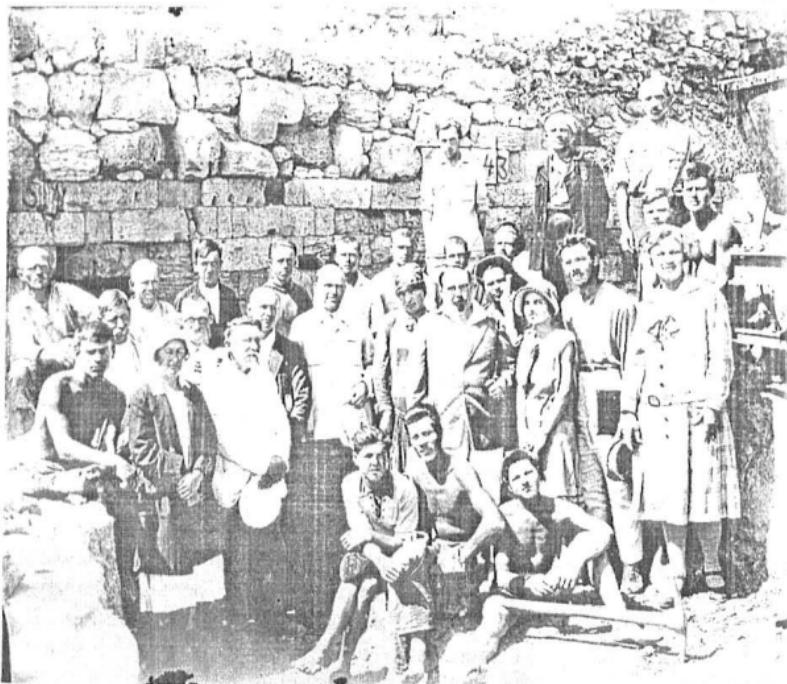

Рисунок 3.

Сотрудники музея после окончания работ в цитадели в 1928 г. Первый ряд стоят слева на право: Л. П. Белога-Кудь и И. М. Янышев. Второй ряд стоят слева на право: первый - В. Т. Логачев, третий - Г. Д. Белов, четвертый - К. Э. Гриневич, пятый - О. К. Гриневич, шестой - Ф. Петраш, седьмой - М. Вацлавина, восьмой В. Ф. Гайдукевич, девятая - Фармакинская. В верхнем ряду крайний слева - С. З. Федорова.

зультате проведенных работ В.В. Борисовой было выделено и исследовано пять разновременных комплексов. Первый комплекс представляли остатки средневековой ямы с большим количеством желтоглинняных, узкогорлых амфор, датируемых V-VII вв. Второй, был представлен остатками раннесредневековой мостовой с керамикой IV-VI вв. В третьем - была обнаружена известковая обжигательная печь, встроенная в здание III-IV вв. Четвертый - зданием III-IV вв. с печью для обжига терракот. К пятому комплексу относилось здание III-IV вв. второго строительного периода и подошва поперечной улицы этого же времени с водостоком вдоль нее¹⁸.

Начиная с 1970 г. раскопки в цитадели проводились под руководством И.А. Антоновой. За 30 лет, ко-

торые она посвятила работам в юго-восточном районе городища, был накоплен богатейший археологический материал, исследованы башни XIV, XV, XVIII, XX и куртин 16, 19, 20, 21, римские и средневековые термы, административные и жилые здания¹⁹.

Для того чтобы понять организацию защиты бухты в юго-восточном районе, чтобы найти ответ на вопрос, почему так, многократно, менялась конструкция защитных стен, в 1979-1987 pp. под руководством И.А. Антоновой были проведены инженерно-геологические исследования. Полученные результаты позволили понять, насколько сложно из-за геоморфологического строения этого района было сформировать защитную полосу города. Поэтому она создавалась в несколько этапов, на которые влияли: эко-

Рисунок 4.

Общий вид раскопок В. В. Борисовой в цитадели.

номические возможности города, политическое положение и многие другие факторы²⁰.

В процессе изучения оборонных сооружений Херсонеса на территории цитадели было начато исследование римских терм, расположенных возле башни XIX. Раскопки 1970-1971 гг. показали, что здания терм значительно по площади, представляло собой обычные крепостные бани с двумя рядами анфиладно размещенных помещений, чередующихся по принципу повышения температуры²¹. Найденный при раскопках археологический материал, говорил о том, что термы строились солдатами римского гарнизона. Об этом свидетельствовали, в частности клейма на черепице, которые принадлежали V Македонскому, XI Клавдиевому легионам, а так же клейма с аббревиатурой VEMI²². Вероятнее всего термы возникли одновременно с казармами и зданием так называемого претория²³. Дальнейшие раскопки римских терм дали более точную их датировку - конец II-начало III ст. Этот вывод был сделан на основе того, что часть куртины 21, возведенная в эллинистическое время, частично была использована при строительстве здания терм. Но, так как эти термы были построены за границей оборонительной стены, возникала необходимость в строительстве новой линии обороны. Таким образом, башня XIX куртины 21, которая исследовалась в 1994, 1997 и 1998 годах, а также новая 21 куртина были, по мнению И.А. Антоновой, построены не ранее конца II ст²⁴

В 1993-1996 гг. И.А. Антоновой исследовалось три военно-административных здания, которые принадлежали к различному времени. Первое, возникло в конце II в. и просуществовало до конца первой четверти III в., второе - со второй четверти III до V-VI вв. Третий архитектурный комплекс, состоящий из двух однотипных зданий и храма, был построен в середине, второй половине IX в²⁵.

Археологический материал, обнаруженный при исследовании так называемого здания херсонесской вексилляции первого строительного периода, состоял из фрагментов амфор, относящихся ко II ст. - первой половине III ст. н.э.²⁶ На полу встречалась черепица местного производства, датирующаяся тем же временем. Как и черепица из римских терм, она имела легионные клейма XI Клавдиевого легиона, а так же аббревиатуру VEMI. К сожалению, нумизматический материал сохранился плохо и лишь в очень ограниченной степени он может использоваться для датировки. Существенными для определения хронологии были латинские клейма на кровельной черепице, такие как opus NOV, VEMI, LEXICL. Все эти находки, с точки зрения И.А. Антоновой, указывают на то, что помещение было построено в последнее десятилетие II ст., а погибло в первой половине III ст²⁷.

Административное здание вексилляции, принадлежавшее второму строительному периоду, исследовалось И.А. Антоновой в 1996 г. Расположенное на том же самом месте, что и предыдущее, так что некоторые его стены с западной сто-

роны перекрывали стены административного здания херсонесской вексилляции первого строительного периода. Судя по тому, что археологический материал был найден в очень небольшом количестве, подтверждается служебное назначение этого здания²⁸. Для определения датировки строительных остатков этого периода большое значение имела, обнаруженная в ходе раскопок цитадели латинская надпись. В ней говорилось, что в консульстве императора Денция и Веттия Грата (250 г.) Марк Ратин Сатурний, центурион I Италийского легиона, командир херсонесской вексилляции, на свои средства построил схолу принципалов²⁹.

Исследования административного здания херсонской фемы, которые проводились в том же году, внесли некоторую ясность, в измене-

ния происходившие в военной организации Херсонеса в период средневековья (Рис.5). В результате раскопок И. А. Антоновой было выяснено, что в середине - второй половине IX ст., на месте здания римской вексилляции, строится новое здание того же функционального назначения. Происходят изменения и в застройке цитадели. Военный центр формируется из трех монументальных сооружений, два из которых имели прямоугольную форму и были симметрично расположены, по отношению друг к другу. Третьей постройкой был храм, который замыкал с северо-восточной стороны пространство между ними³⁰.

Такое архитектурное решение могло быть связано с организацией в 834 г фемы военно-административного округа Климатов, с центром в Херсоне³¹. С утверждением в империи

Рисунок 5.

Общий вид на здание херсонесской фемы с северо-востока.

фемного строя, отпадает необходимость в наемной армии и ей на смену приходит иррегулярное народное ополчение. Следовательно, исчезает потребность в стационарных военных лагерях. Таким образом, в IX-X ст. произошли коренные изменения в структуре планировки этого района. В военно-административных центрах исчезли жилые помещения и хозяйствственные здания, которые были характерны для римских военных лагерей³².

В 1990-1991 pp. И.А. Антонова провела исследование средневековых терм и территории, где располагался так называемый преторий. Образцы археологического материала, обнаруженного во время раскопок, были исследованы методом минералого-петрографического анализа³³. Проводя исследование средневековых термы, И.А. Антонова, в первую очередь пыталась определить их южное направление по ширине кальдария и фригидария. Необходимость этого была вызвана тем, что фригидарий был разрушен кладовой с пифосами X ст. Археологический материал, найденный на полу кладовой, свидетельствует, что средневековые термы перекрывались слоем X ст., а мощный слой золы в гипокаусте, позволяет говорить о длительном их использовании. Но утверждать, что ими пользовались до X ст. нельзя. Ведь в первой половине IX ст. в этой части участка был проложен водопровод, который впоследствии разрушила кладовая с пифосами. Таким образом, можно констатировать, что уже в IX ст. эти термы перестали существовать³⁴.

В результате проведения археологических работ, в цитадели на сегодняшний день исследовано около 70% ее площади. К.К. Косцюшко-Валюжинич и Р.Х. Лепер занимались изучением оборонительных сооружений расположенных в юго-восточной части Херсонеса. В период с 1897 г. по 1910 г., исследовались башни XVI, XVII, XIX, XX, куртины 18, 19 и 21, а также здания примыкавшие к оборонительным стенам. В 1906 г. К.К. Косцюшко-Валюжиничем было открыто два помещения римских терм, впоследствии исследовавшихся в 1970 г. И.А. Антоновой. К.Э. Гриневичем, в 1926-1928 гг., изучался комплекс казарменных помещений. Всего за годы археологических работ на территории цитадели было раскопано 74 помещения римской и средневековой эпох, изучено около 20 объектов оборонительного назначения, более 30 дренажных и водосточных каналов, площади, улицы. Полученные, в процессе работ археологические, нумизматические, эпиграфические материалы, в совокупности дали возможность получить представление о жизни античного Херсонеса и средневекового Херсона на протяжении почти двух тысяч лет. Однако далеко не все материалы, полученные в ходе исследования цитадели, введены в научный оборот. В первую очередь это касается массового археологического материала, обнаруженного в ходе многолетних раскопок цитадели. Потому, несмотря на преждевременную кончину И. А. Антоновой, должны быть продолжены не только археологи-

ческие исследования цитадели, но и углубленное изучение того богатейшего материала, из раскопок цита-

дели, который хранится в фондах Национального заповедника «Херсонес Таврический».

Примечания

1. План цитадели см. в статье И. А. Антоновой и В. М. Зубаря в этом же сборнике.
2. Антонова И. А. Оборонительные сооружения херсонесского порта в средневековую эпоху // АДСВ. - Свердловск, 1971. - Вып. 13. - С.5 - 9.
3. Антонова И. А. Раскопки цитадели Херсонеса // Археологические исследования в Крыму 1994 г. - Симферополь, 1997.
4. С.Б. Сорочан В. М. Зубарь Л. В. Марченко Жизнь и гибель Херсонеса. - Харьков, 2000. -С.526- 527.
5. Гриневич К. Э. Материалы по археологии Херсонеса Таврического // Хеб. - Севастополь, 1927. - Вып. 2. - С.45 - 46.
6. Там же. - С. 46 - 48.
7. Косюшко-Валюжинич К. К. Раскопки в Херсонесе. // ОАК за 1905г. - СПб., 1908. - С. 38-57.
8. Косюшко-Валюжинич К.К. Раскопки в Херсонесе. // ОАК за 1906г. - СПб., 1909. - С. 62-65.
9. Гриневич К.Э. Стены Херсонеса Таврического // Хеб. - 1927. - Выпуск 2. - С.48 - 59.
10. Там же. - С.45 - 59.
11. Там же. - С.59 - 60
12. Гриневич К. Э. Раскопки в Херсонесе Таврическом в 1926г. // Крым. -М., Л.- 1927 - №1(3)-С.113-121.
13. Гриневич К. Э. Раскопки в Херсонесе Таврическом в 1927-1928гг. // Крым. -М.,Л.,1929 - №1(9) - С.18 - 19.
14. Гайякуевич В. Ф. История античных городов Северного Причерноморья // АГСП. - М.,Л., 1955. - т.1. - С.91; В. М. Зубарь Херсонес Таврический и Римская империя - К., 1994. - С.45 - 47.
15. Гриневич К. Э. Раскопки в Херсонесе Таврическом в 1927-1928гг. - С.15 - 30.
16. Борисова В. В. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1958-1959гг. // НЗХТ дело № 758 / 1. - С.1 - 6.
17. Там же. - С. 10-18.
18. Борисова В. В. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1960 г. \\ НЗХТ Дело №810
19. Антонова И. А. Отчет о раскопках в Херсонесе на участке «цитадель» в 1970 г. // НЗХТ. - 1970. - Дело № 2626.
20. Антонова И.А. Юго-восточный участок обороны Херсонеса. Проблемы датировки / // Хеб. - 1996. - VII. - С. 101 - 131
21. Антонова И.А., Аркадов Л.А. Раскопки терм и античной протехизмы в Херсонесе // АО за 1970. - М., 1971. - С.270 - 271
22. Зубарь В.М., Антонова И.А. Об интерпретации и датировке клейм с аббревиатурой VEMI из Херсонеса // ВДИ. - 1991. - №2 - С.85 - 88
23. Антонова И.А. Отчет о раскопках в Херсонесе на участке «цитадель» в 1970 г. - С.14 - 23.
24. Зубарь В.М., Антонова И.А. Об интерпретации и датировке ... - С.80 - 88
25. Антонова И.А Административные здания херсонесской вексилияции и фемы Херсона // Хеб. - 1997. - VIII. - С.10 - 16.
26. Антонова И.А Отчет о раскопках в Херсонесе на участке «цитадель» в 1993г.// НЗХТ. - 1993. - Дело №3184. С.8-12.
27. Зубарь В.М., Антонова И.А. Новые данные о римском гарнизоне Херсонеса в первой половине III в. // ВДИ. -2000. - № 1 - С.66 - 70

28. Антонова И.А. Отчет о раскопках в Херсонесе на участке «цитадель» в 1996г. // НЗХТ. - 1996. - Дело № 3359 / I. С. 27 -35.
29. Vinogradov Ju.G., Zubar V.M. Die Schola Principalium in Chersonesos // II Mar Nero. - 1995/1996. - 2. S.129-134; Виноградов Ю. Г., Зубарь В. М., Антонова И. А. Schola Principalium в Херсонесе // НЭ. - 1991. - Т.16. - С.72 - 81.
30. Антонова И.А Административные здания ... - С.10 - 16.
31. Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона // Бахчисарайский историко-археологический сборник. - Симферополь, 1997. - Вып. 1 - С. 312 -320.
32. Антонова И.А Административные здания ... - С.10 - 22.
33. Антонова И.А Отчет о раскопках в Херсонесе на участке «цитадель» в 1991г. // НЗХТ. - 1991. - Дело № 3105. С. 12 - 35.
34. Антонова И.А. Рост территории Херсонеса // АДСВ: Византия и сопредельный мир. - Свердловск, 1990. - С.8 - 24.

В.Ю. Юрочкин, А.А. Труфанов

ПОЗДНЕАНТИЧНЫЙ ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС В НИЗОВЬЯХ РЕКИ КАЧИ

Тема поздней античности Таврического полуострова сейчас входит в число наиболее перспективных для исследований. Еще недавно наши знания по археологии этого периода ограничивались лишь яркими памятниками Боспора и немногочисленными надписями, добытыми в XIX - начале XX вв., тогда как представления о варварских древностях Юго-Западного Крыма долгое время складывались исключительно на основе Инкерманского некрополя и могильника у с. Озерное III (совр. Скалистое). Когда же в 90-е гг. уходящего века началось широкомасштабное исследование позднеантичных памятников предгорий, оказалось, что традиционные взгляды на происхождение и историю оставившего их населения нуждаются в корректировке и переосмыслении. Уже сейчас число раскопанных комплексов исчисляется сотнями, и остается только сожалеть, что большинство из них еще не опубликовано должным образом. Драгоценные предметы из богатых крымских могильников стали украшением отечественных и зарубежных выставок. Увы, это лишь «оборотная сторона медали», куда больше могил пострадало от рук грабителей, поставивших свои криминальные изыскания чуть ли не на «промышленную основу». Благодаря усилиям сотрудников Крымского филиала института археологии НАН

Украины и Бахчисарайского историко-культурного заповедника: А.Е. Пуздовского, Ю.П. Зайцева, И.И. Неневоли и их коллег, в сложных современных условиях удалось спасти многие бесценные артефакты древности, которыми столь богата крымская земля.

По большей части неожиданными стали результаты археологического изучения памятников поздней античности долины р. Качи. Ранее тут были известны лишь несколько укреплений, относимых учеными к «позднескифской» культуре¹, несколько случайно обнаруженных захоронений² и знаменитый клад антонинианов середины III в. из с. Долинное³. В связи с последующими открытиями, особую важность приобрело выделение В.А. Кутайсовым группы позднеантичного материала на склонах городища Тас-Тепе (пос. Тенистое), у подножия которого Н.Л. Эристом в 1932 г. а 1970 г. А.Г. Герценым и М.Я. Чорефом, раскопано несколько синхронных захоронений⁴. В 1994-1996 гг. Альминская экспедиция Крымского филиала института археологии НАН Украины (начальник А.Е. Пуздовский) в ходе охранных работ исследовала значительное число позднеримских погребальных сооружений у с. Суворово, Тенистое, Вишневое (руководитель Ю.П. Зайцев) и у с. Красная Заря (руководитель И.И. Ненева-

воля)⁵ К моменту подготовки статьи на Суворовском могильнике, состоявшем, судя по площади и масштабам разграбления, из сотен погребальных сооружений, археологики исследовано 23 грунтовых могилы различной конструкции (в основном с заплечиками), 4 подбойных могилы, 5 плитовых гробниц, 8 склепов и одно конское захоронение⁶. Как и на других могильниках предгорной зоны Центрального и Юго-Западного Крыма здесь выделяются два хронологически отличных горизонта захоронений: II-III (с преобладанием грунтовых могил) и IV столетий, для которого показательно распространение коллективных ингумаций в подземных склепах⁷. Это новое явление, а также своеобразие инвентаря, свидетельствующее о смешанном (условно алано-германском) составе населения, дало нам повод к выделению особой группы памятников (или, скорее, новой археологической культуры) IV в., которую предложено именовать «Озерное-Инкерман»⁸. Ее формирование мы поставили в связь с сообщением Константина Багрянородного (De adm. Imp. 53) о пленении и переселении части боспорского войска херсонесским архонтом Фарнаком в период правления Константина Великого⁹ Несмотря на заметное недоверие к рассказу Константина со стороны некоторых историков¹⁰, основная масса отечественных специалистов в полной мере приемлет свидетельства источника, используя их для реконструкции этно-политической ситуации в Таврике¹¹ Похоже, что некоторые из отмеченных Константином Багрянородным эпизодов

херсоно-боспорских конфликтов находят отражение и в памятниках археологии¹². Близость материальной культуры и погребального обряда позднеантичного Боспора с одной стороны и предгорий Центральной им Юго-Западной Таврики с другой, подтверждают право на существование нашей гипотезы¹³. При этом, германский («готский» или герульский?¹⁴) след на Боспоре проявляется все более отчетливо¹⁵.

Удостовериться в истинности тех или иных наблюдений и высказываний можно только путем тщательного анализа археологического материала из сохранившихся памятников, а это требование, в свою очередь, выполнимо лишь при их полной публикации, открывающей доступ к находкам широкому кругу исследователей. Один из таких комплексов, довольно яркий и представительный, характеризующий культуру Озерное-Инкерман мы и намерены представить в нашей статье.

Публикуемый склеп № 38 (по общей нумерации) обнаружен на территории Суворовского могильника в 1995 г. в ходе работ Суворовского отряда Альминской экспедиции¹⁶.

Склеп (рис. 1) вырыт в материковой глине. Продольно-осевой конструкции, ориентирован по линии запад - восток. Дромос вытянутой трапециевидной формы размером 3,80 x 0,50 x 1,30 м, глубиной 2,60 м. В тыльной его части вырублены 7 узких ступеней, закладная плита стояла *in situ*, закрывая входное отверстие. Рядом с ней, в насыпном грунте, выше уровня пола, лежала разбитая узкогорлая светлоглиняная амфора

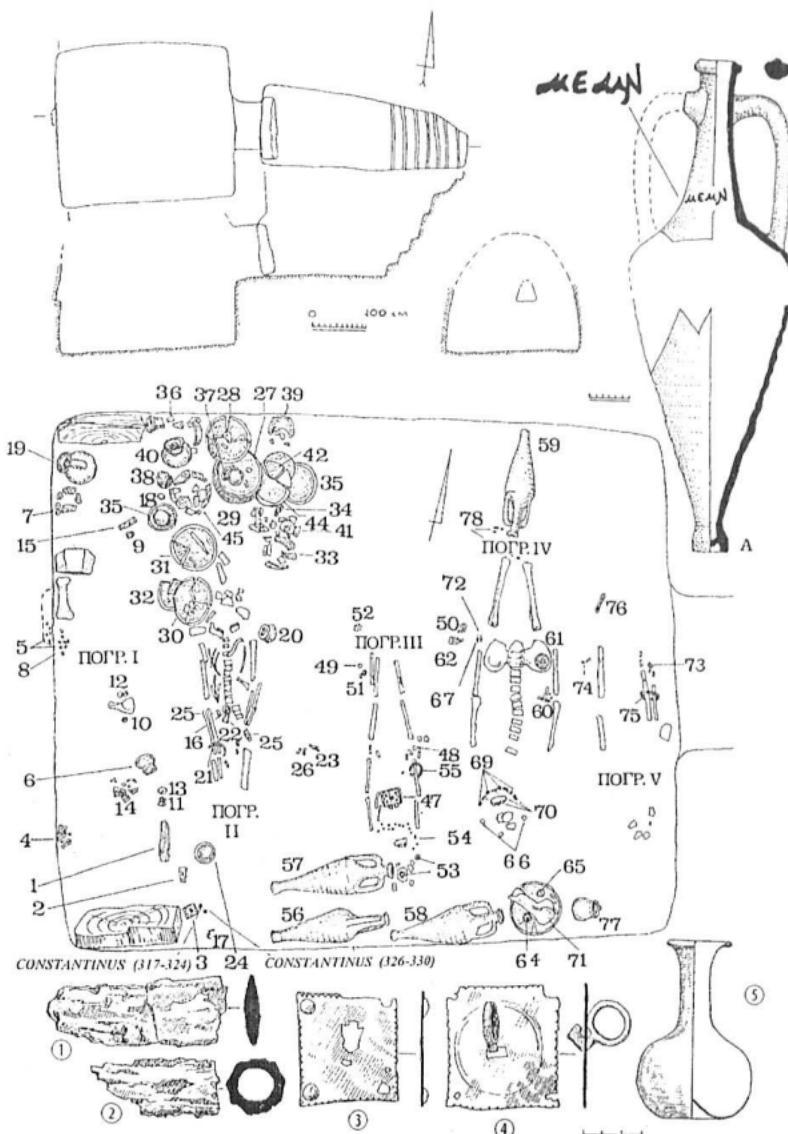

Рисунок 1.

План и разрезы склепа 38 Суворовского могильника. Схема расположения погребений и инвентаря в камерах. А - амфора из дромоса склепа, 1-5: Инвентарь погребения I.

с дипинти на горле (рис. 1, А). В камере вел «коридорчик» размером 0,50 x 0,80 м., высота ступени 1 м. Свод камеры обрушился. Погребальная камера прямоугольной формы размером 3,20 x 2,70 м. В западной ее стене на высоте 0,90 м от пола устроена ниша арковидной (или треугольной) формы размером 0,32 x 0,40 м. При ее расчистке обнаружен раздавленный стеклянный бальзамарий (рис. 1, 5). На полу склепа найдено 5 погребений (рис. 1). Сохранность костяков крайне плохая. Погребенные лежали в вытянутом положении. Ориентированы головой на север (I и II), и на юг (III - V). Под всеми захоронениями прослеживался тонкий слой древесного угля, которым был посыпан пол камеры в момент совершения погребения I.

Погребение I. Взрослый человек захоронен в деревянной колоде, от которой сохранились торцовые стенки. Судя по составу инвентаря - мужчина-воин. Поверх колоды в районе черепа стоял, краснолаковый кувшин, (рис. 2, 19). Внутри колоды обнаружены стеклянная чаша (рис. 2, 7), оселок (рис. 2, 15), бронзовое кольцо (рис. 2, 9), кость животного, раздавленный стеклянный стакан (рис. 2, 8), обломки железного кольца, бронзовая пряжка (рис. 2, 11), лопатка животного, серебряная пряжка (рис. 2, 10), обломки стеклянного кувшина (рис. 2, 14), лепной миниатюрный горшочек (рис. 2, 6), фрагменты деревянной шкатулки с бронзовой накладкой, со вставленным в отверстие ключом (рис. 1, 4), известняковое навершие (или пряслице) (рис. 2, 13), обломок средней

части железного кинжала (или меча) (рис. 2, 1), бронзовая пряжка, служившая, возможно, для крепления оружия (рис. 2, 12). За пределами колоды, вдоль ее восточной не сохранившейся стенки, расчищена еще одна группа вещей: лепная миска (рис. 3, 24), втулка железного конечника копья (рис. 1, 2), фрагменты деревянной шкатулки с бронзовой накладкой (рис. 1, 3, 17), в которой находились две бронзовые римские монеты Константина I. Мы считаем, что последняя группа инвентаря относится к погребению I.

Погребение II. Подросток. У левого плеча погребенного стоял краснолаковый биконический кубок (рис. 2, 20), в области таза - бронзовая пряжка (рис. 2, 16), фрагмент железного предмета, отщеп кремня (рис. 2, 22), фрагмент железного ножа (рис. 2, 25); на запястье правой руки - бронзовый браслет (рис. 2, 21), восточнее левой руки найдены фрагменты стеклянной бусины.

К востоку от погребения I, за черепом погребения II обнаружено скопление посуды и других предметов: краснолаковые сосуды (рис. 3, 27, 28, 31, 32, 35, 41 - 43), блюдо с лаковым покрытием серого цвета (рис. 3, 29). В краснолаковом блюде с графито (напоминающим римскую цифру XI) на стенке (рис. 3, 27) находился лепной кувшин (рис. 3, 37), а также кости животного и яичная скорлупа. Рядом найден гончарный кубок и кувшин (рис. 6, 38, 40), гончарный чернолощеный кувшин черняховского типа (рис. 3, 36), лепные горшки и тарелки (рис. 3, 33, 39, 44, 45), лепной светильник (рис. 3,

34), стеклянная тарелка (рис. 4, 46). Здесь же обнаружены бронзовое на-
вершие нагайки (рис. 2, 18), фраг-
мент железного ножа. Еще один нож
и кость животного находились в крас-
нолаковом блюде (рис. 3, 31). У че-
репа погребения II также обнаруже-
ны два обломка железных ножей.

Погребение III. Захоронение под-
ростка. На черепе найдены две брон-
зовые проволочные серьги (рис. 4,
53), в области грудной клетки - бусы
и грибовидные янтарные подвески
(рис. 4, 54), плоский прямоугольный
медальон, состоящий из бронзовых
пластин с позолотой и стеклянными

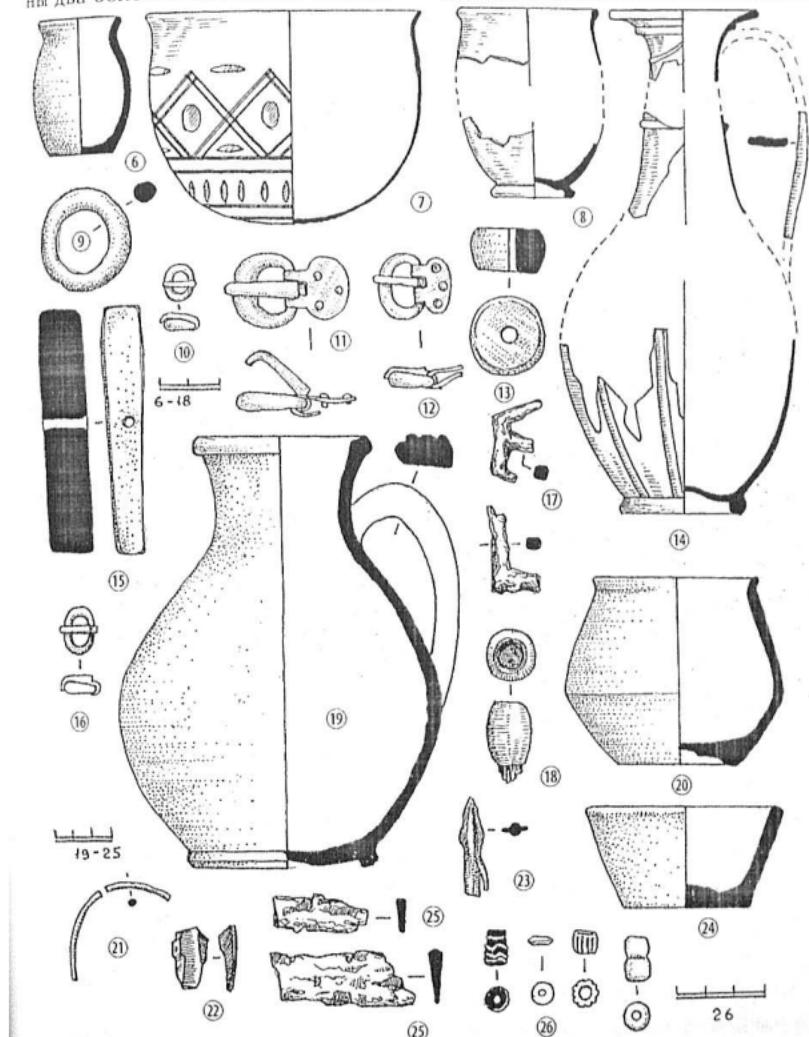

Рисунок 2.

Инвентарь склепа 38.

вставками (рис. 4, 47). На кисти правой руки обнаружены бронзовые браслет (рис. 4, 55) и перстень (рис. 4, 48). У левой ноги лежали бронзовый ключ и колокольчик (рис. 4, 49, 51), рядом найдено глиняное пряслице (рис. 4, 52).

Между погребениями II и III лежали бусины (рис. 2, 26) и бронзовый наконечник стрелы VII - VI вв. до н.э., служивший амулетом (рис. 2, 23). За черепом погребения III найдены три светлоглиняные узкогорлые амфоры, одна из них - с дипинти (рис. 4, 56-58).

Погребение IV. Женское. У височных костей найдены две бронзовые проволочные серьги, под нижней частью черепа - ожерелье из бусин и золотых пронизей (рис. 5, 69 в.г.д. 70), у правого локтя - бронзовая фибула (рис. 5, 60) и ожерелье из бус (рис. 5, 69, а, б, е, ж, з); на костях таза - бронзовое орнаментированное зеркало с центральной петлей (рис. 5, 61), разломанное в древности на две части. На фалангах левой руки обнаружены 2 перстия (рис. 5, 66, 72), слева находились бронзовый колокольчик и ключ (рис. 4, 50, 5, 62). В районе коленных суставов зафиксированы фрагменты бронзовых подвесок со стеклянными вставками (рис. 5, 78). Поверх костей ног погребенной лежала узкогорлая светлоглиняная амфора с дипинти (рис. 5, 59). За черепом погребения IV стояло краснопаковое блюдо (рис. 5, 71), в котором найдены кость животного, железный нож, три глиняных пряслица и керамическое грузило (рис. 5, 63 - 65).

Последним в склепе было совершено погребение V, обнаруженное у входа в камеру.

Погребение V. Взрослый человек, сохранность костей очень плохая. На левом запястье обнаружен бронзовый браслет (рис. 5, 75), рядом лежали фрагменты кольца с «шишечками» (рис. 5, 74), на среднем пальце - бронзовый перстень (рис. 5, 73). К северу от погребенного обнаружен железный нож (рис. 5, 76).

Некоторую проблему составляет соотношение с конкретными захоронениями компактной группы вещей в северо-западной части камеры. С одной стороны, их местонахождение как бы указывает на связь с погребением II, но с другой: трудно представить, что ничем не примечательное захоронение подростка сопровождалось столь обильным инвентарем, в то время как в несомненно более значимом воинском захоронении (погр. I) находились лишь два сосуда! Полновозрастная и социальная дифференциация погребенных в склепе скорее наводят на мысль, что большинство сосудов и других предметов указанной группы сопровождали в загробный мир не подростка, а именно умершего мужчину-воина. Надо полагать, первоначально эти вещи были расставлены вдоль восточной стенки гроба-колоды. В пользу того свидетельствует размещение сосудов, отмеченных №№ 36, 40, 38, 18, 31, 30 и № 24, вдоль одной линии, параллельной колоде. В эту же группу входит и шкатулка с монетами (№№ 3, 17). Нам представляется, что в момент совершения погребения II, часть этих предметов была смешена

с первоначального места и перенесены к северной стенки камеры, в результате чего и оказалась за головой похороненного подростка. Но, при этом, мы не исключаем, что в этой же группе могли оказаться и сосуды, предназначавшиеся погребенному II. Материалы Суворовского и других могильников группы Озерное-Инкерман свидетельствуют о некоторой унификации погребального обряда. Фактически все захоронения сопровождались одним и более сосудами, а потому, отсутствие таковых в захоронении III так же дает основания предполагать, что и они могли быть складированы у северной стени камеры вместе с посудой погребенных I и II. Однако настаивать на этом не будем. Надо отметить еще и то, что захоронения этой культуры иногда сопровождаются амфорами, обычно по одной на погребение. В таком случае, сразу три амфоры, уложенные на бок за черепом погребения III вызывают недоумение, и на наш взгляд не могут быть соотнесены исключительно с этим захоронением. Полагаем - их надо распределить между I и II погребениями (№№ 56, 57), с III, в таком случае, можно связать амфору № 58.

Все эти рассуждения не касаются погребения IV, в котором присутствует как посуда с жертвенной пищей (за черепом), так и амфора на костях ног. Если наша теоретическая реконструкция обряда верна, то горшок № 77 принадлежит V погребению, как, впрочем, и амфора в дромосе склепа.

Обратимся теперь к датировке археологического комплекса. На-

помним, что в ряде предыдущих работ, коррелируя материалы раскопок этого и других некрополей группы Озерное-Инкерман, мы сочли возможным отнести материал из склепа ко второй-третьей четвертям IV столетия, синхронизировав его со ступенью C3 европейской хронологической шкалы¹⁷. Так как порядок совершения захоронений устанавливается без особого труда, а принадлежность большинства вещей конкретным костякам весьма вероятна, мы имеем прекрасный пример внутренней относительной хронологии. *Terminus ante quem* сооружения склепа определяют 2 римские монеты из захоронения I. Обе они принадлежат чекану Константина Великого (306-337 гг.). Но их осмотр, произведенный Н.А. Алексеенко (которому мы чрезвычайно благодарны) показал, что датировка может быть конкретизирована. Первая из них, со сладами потерностей, чеканена в г. Кизике между 317-324 гг. а другая - идеальной сохранности (не была повреждена даже тонкая амальгама, покрывавшая монету), выпущена в Фесалониках в период единоличного правления императора, точнее между 326-330 гг¹⁸. Она и определила вероятное время совершения воинского погребения, первичного в данном склепе.

Набор вещей из склепа 38 довольно типичный для синхронных могильников Центрального и Юго-Западного Крыма. Подобный инвентарь уже неоднократно рассматривался в работах по позднеантичной хронологии Таврики. В данном случае мы сочли необходимым остано-

виться лишь на некоторых категориях находок не привлекавшихся доселе для синхронизации, или тех, чья хронология, предложенная предшествующими исследователями, нам кажется несколько спорной.

Полусферическая стеклянная чаша со шлифованным орнаментом и гравировкой из погребения I (Рис. 2, 7).

Чаши подобной формы были чрезвычайно широко распространены в позднеантичную эпоху на территории всей Европы, везде, где ощущалось влияние провинциально-римской культуры¹⁹, по крайней мере со II-III²⁰ до гуннского времени включительно²¹. Считается, что подобные фиалы являются продукцией мастерских в районе Кельна²². Следы производства отмечены и в Танаисе, до его разрушения в середине III ст²³ Н.П. Сорокина считает, что в основе их производства лежала не местная традиция, а привнесенная из западных провинций Империи вместе с пленниками, оказавшимися на боспорской окраине в результате «Маркоманских войн» во второй половине II в²⁴.

Имея в виду столь широкие хронологические рамки бытования самого типа фиал и стремясь конкретизировать датировку «суворовского» экземпляра, следует обратиться к технологии и орнаментальному мотиву, представленному на нем. Корпус чаши украшен комбинацией из шлифованных овалов и чечевицеобразных фасеток в сочетании с ромбами, образованными посредством пересечения гравированных линий. Наиболее близкий по композиции и технике исполнения декор присут-

ствует на стеклянной амфоре из Аквинкума²⁵ А. Бургер датирует комплекс данного захоронения концом III-началом IV в. Уточнить предложенную датировку позволяет ряд вещей, сопровождавших это богатое мужское погребение. В частности, здесь представлен усеченно-конический стеклянный бокал и пряжка с фасетированным язычком²⁶. Аналогичное сочетание предметов зафиксировано в погребении 198 Трицианы²⁷ с фибулой типа Келлер 4 (третья четверть IV в.)²⁸, датировку подтверждает наличие в нем пряжки с В-образной рамкой. По-видимому, упомянутый комплекс характеризует верхнюю абсолютную дату бытования подобных бокалов, т.к. бокалы последней четверти IV в. и более поздние имеют коническую форму. Кроме перечисленных вещей в погребении из Аквинкума зафиксированы еще две стеклянных амфоры, также с гравировкой в виде «сот» и шлифованных фасеток. В черняховской культуре чаши с этим орнаментом найдены в комплексах З периода (310/320-350/355 гг.)²⁹, Е.Л. Горюховский включает их в «косановскую» fazu³⁰, соответствующую ступени С3 европейской хронологической системы Я. Тейрала.

Другая, крайне близкая аналогия гравированному орнаменту в виде ромбов представлена на амфоре из разграбленого склепа на Тарханской дороге (Керчь)³¹. Предполагая кельнское происхождение амфоры, И.П. Засецкая датирует ее, как и основную массу богатых боспорских склепов, последней четвертью IV - первой половиной V в. Не оспаривая,

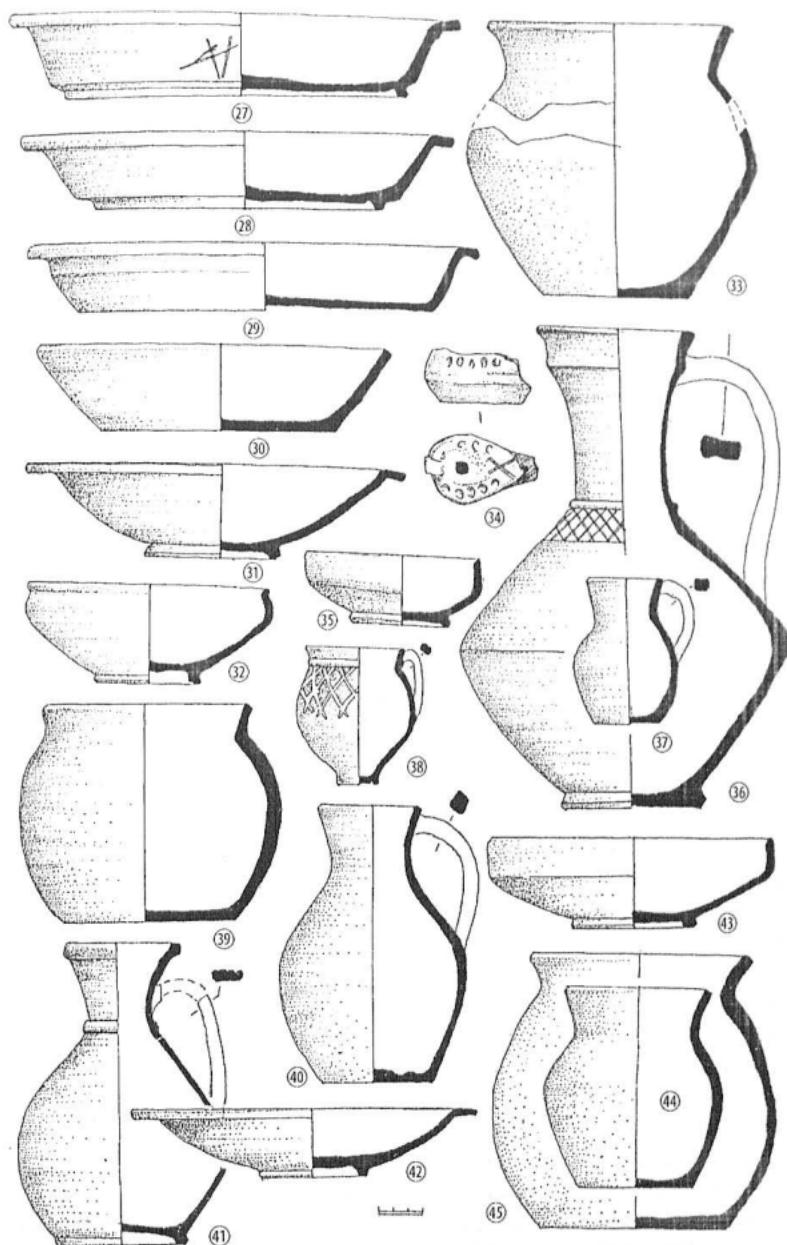

Рисунок 3.

Инвентарь склепа 38.

присутствие в составе инвентаря данного склепа типичных для гуннско-го времени предметов, заметим, что ряд находок отсюда все же относится к предгуннскому времени. Это - отиск монеты Лициния (307-323 гг.), статер Фофорса 293 г. чеканки, поясной наконечник, лучковые одночленные и двучленные фибулы³² типичные для времени не позднее первой половины IV столетия. Следует остановиться и на самой форме амфоры. Формально она относится к типу Эггерс 245³³. Ранние образцы (второй половины III в.) отличаются стройными пропорциями удлиненного туловища, в то время как керченская амфора (как и амфора из упомянутого погребения Аквинкума³⁴) более всего напоминает сосуд, найденный совместно с монетой Константина II (337-340 гг.)³⁵. Поэтому нам кажется более вероятным, что керченская амфора, равно как и амфоры из Аквинкума могут быть датированы в пределах первой, а не второй половины IV в. Напомним, что о возможности отнесения части материалов из керченских склепов к догуннско-му времени в свое время писали М.Б. Щукин и И.А. Бажан³⁶. Орнамент в виде ромбов на полусферических фиалах сохраняется и позднее, пример тому чаша из 154 склепа Госпитальной улицы³⁷, однако это уже не гравировка, а накладные полосы синего стекла, т.е. техника, получившая распространение не ранее второй половины - последней четверти IV в., да и местом производства таких сосудов считается не Кельн, а Ближний Восток. В результате, можно с большой долей вероятности констатиро-

вать, что западноримская стеклянная посуда с орнаментом в виде овальных шлифов и гравированных ромбов наиболее характерна для первой половины IV столетия и, в целом, является показательной для стадии С3 европейской хронологии.

Бронзовый наконечник нагайки, относящийся по нашему мнению к погребению I (рис.2, 18). Прежде подобные навершия не привлекались для синхронизации комплексов. Как аналогию можно привести навершие из 28 погребения Суворовского некрополя³⁸, сопровождавшегося амфорой типа F, кинжалом с вырезами у рукояти и пряжками, типологически близкими найденным в погребении I склепа 38. Такие же пряжки и оконцеватель обнаружены в катакомбном погребении у с. Лимеревка на Луганщине³⁹. К этому перечню можно добавить погребение из Веселой Рощи⁴⁰, отнесенное М. Казанским к первой половине IV в⁴¹. Датирующее значение для таких наверший имеет публикуемый комплекс 38 склепа, поэтому времнем их бытования надо считать вторую четверть IV столетия.

Нагрудное украшение из погребения III (рис. 4, 47), состоящее из прямоугольной бронзовой пластины-основы, с двумя рубчатыми петлями, закрепленными с тыльной стороны. Пластина, на которой крепились гнезда для центральной (прямоугольной пастовой) и угловых - каплевидных, вставок (из прозрачного стекла оливкового цвета) с внешней стороны обтянута позолоченной фольгой с пуансонным орнаментом в виде S-зигзагов⁴² (имитирующими зерны) и рубчатых поясков.

Техника, в которой выполнено украшение, в значительной степени напоминает стиль «Кишпек-Градешка»⁴³. Этапы формирования выше-названного стиля (распространенного в междуречье Дуная и Дона, на Северном Кавказе и в Крыму) и его хронология все еще остаются не вполне ясными. Обычно его датируют, по большей части условно, второй половиной III в. Мы полагаем, его следует относить к периоду последней четверти III - первой четверти IV вв⁴⁴. В данном же случае, по условиям находки, суворовский экземпляр не мог быть помещен в могилу ранее второй четверти IV столетия. В принципе, находки украшений «кишпекского» стиля в крымских комплексах IV столетия - случай не уникальный⁴⁵. Но, обычно, это явно «старые» вещи, попавшие в захоронение с опозданием, относительно даты изготовления. Пластина из Суворовки, по ряду признаков, все же отличается от них. Иная форма вставок и декор выдают в ней продукт дальнейшего развития стиля, показательный как раз для IV в. В частности - орнамент из S-видных завитков, который мы находим, например, на двухпластинчатых фибулах ступени D1 (360/370-400/410 гг.) из Керчи⁴⁶. Упомянутые застежки обтянуты золотой фольгой и украшены, как и в Суворовке, каплевидными вставками. Поэтому, нам представляется, что декор, публикуемого украшения занимает промежуточное положение между «кишпекским» стилем и технологией изделий раннегуннской эпохи.

Бронзовые браслеты в виде круглого стержня со сплошной прово-

лочной обмоткой, найдены в женских захоронениях III (рис. 4, 55) и V (рис. 5, 75). Их устройство можно реконструировать на основе аналогичного изделия из могилы 7/13 Инкермана⁴⁷. Абсолютные даты таких браслетов позволяют установить находки из некрополя Каллатиса, где они встречены в ряде могил: в 53 с чеканом Константина Великого, типа «URBS ROMA», Константина II и Константа (330-335 и 341-346 гг.), в мог. 345 с монетами 367-375 гг. и в мог. 347, с монетами Констанция II (351-360 гг.)⁴⁸. В целом, ту же хронологию дает христианский некрополь Трицианы (второй-последней четверти IV в.). В погребении 73, браслет найден с монетой 346-354 гг⁴⁹. Более ранняя по времени монета Лициния (308-324 гг.) и подобный браслет находилась в комплексе могилы 7/13 Инкермана: возможно она попала сюда с «опозданием» и не отражает реальной даты его составления. Так что вышеупомянутые браслеты, скорее всего, следует датировать 50-70 гг. IV в.

Подвязная массивная фибула с плоской фасетированной спинкой из погребения IV (Рис. 5, 60) может быть причислена к типу Б3б по Горюховскому⁵⁰, показательному для «Косановской фазы» черняховской культуры, соответствующей ступени C3 европейской хронологии⁵¹. А.К. Амброз относит их к 3 варианту и датирует IV в., замечая, что для гуннской эпохи они не характерны⁵². Возможным типологическим развитием таких застежек можно считать фибулы, датированные 330-400 гг⁵³, поздний вариант которых отмечен в

инвентаре Лучистинского могильника ступени D1⁵⁴.

Бронзовое зеркало с центральной петлей из погребения IV (рис. 5, 61).

Подобные ему зеркала имели, по всей вероятности, не столько бытовое назначение, сколько использовались в качестве амулетов солнечного культа. Отсюда обычай их поломки или деформации при совершении погребения.

Наиболее ранние из них происходят из Предкавказья, из захоронений второй половины II - первой половины III в. н.э., хотя и там они не слишком многочисленны и несколько иначе орнаментированы⁵⁵. На Северном Кавказе зеркала - характерный признак материальной культуры второй половины III - IV и V столетий⁵⁶. Традиции их изготовления и помещения в могилы чрезвычайно устойчивы существуют очень долго, вплоть до позднего средневековья.

Производство зеркал с центральной петлей в Нижнедонском регионе фиксируется уже около середины III в.: в Танайсе в слое разрушения найдена форма для их отливки⁵⁷. В кочевнических погребениях они известны с начала IV в.: в комплексе у хут. Павлов зеркало найдено с провинциально-римской застежкой «Bugelknopffibel»⁵⁸ периода C3/D по К.Годловскому/1970 (т.е. первой половиной IV в.)⁵⁹ К тому же времени может быть отнесено и зеркало из Кишпека⁶⁰. «Развитым» IV в. датируется комплекс из Воронежской⁶¹. Судя по имеющимся в нашем распоряжении данным, появление зеркал с центральной петлей в Кры-

му несколько «запаздывает». Кроме публикуемого изделия из Суворовки, зеркало такого типа найдено в могиле 11/29 Инкермана⁶², вместе с двухпластинчатой фибулой ступени D1 (360/370-400/410 гг.)⁶³. Также датируются ранние захоронения памятников типа Скалистое - Лучистого⁶⁴ и синхронное им раннегунинское захоронение в кургане у с. Изобильное в Крыму⁶⁵. Сходная ситуация наблюдается и на Боспоре, где зеркала с центральной петлей распространены в комплексах не ранее середины - последней четверти IV в.⁶⁶ Поэтому, мы предварительно, с учетом Суворовского захоронения, предлагаем рассматривать крымские зеркала с центральной петлей в качестве хронондикатора рубежа ступеней C3/D1. С гуннами и подчинившимися им нижнедонскими аланами⁶⁷ зеркала проникают в Западную Европу⁶⁸. В. Кузнецов даже предлагает считать их главным критерием при выделении аланских погребений среди захоронений разноэтничных варваров, наводнивших Европу в гуннскую эпоху⁶⁹.

Бронзовый массивный литой колокольчик лировидной формы (Рис. 5, 62) из погребения IV. Среди крымских находок аналогий нам отыскать не удалось. Колокольчики, считающиеся предметами римского импорта, известны в Восточной Пруссии и относятся к периоду C1a-C1б⁷⁰. Как известно, эту переходную fazу К. Годловский датирует на основании монетных находок 220/230 гг⁷¹ Колокольчик, обнаруженный в суворовском склепе - явный амулет и при такой его датировке, конечно, не может служить хронологическим репе-

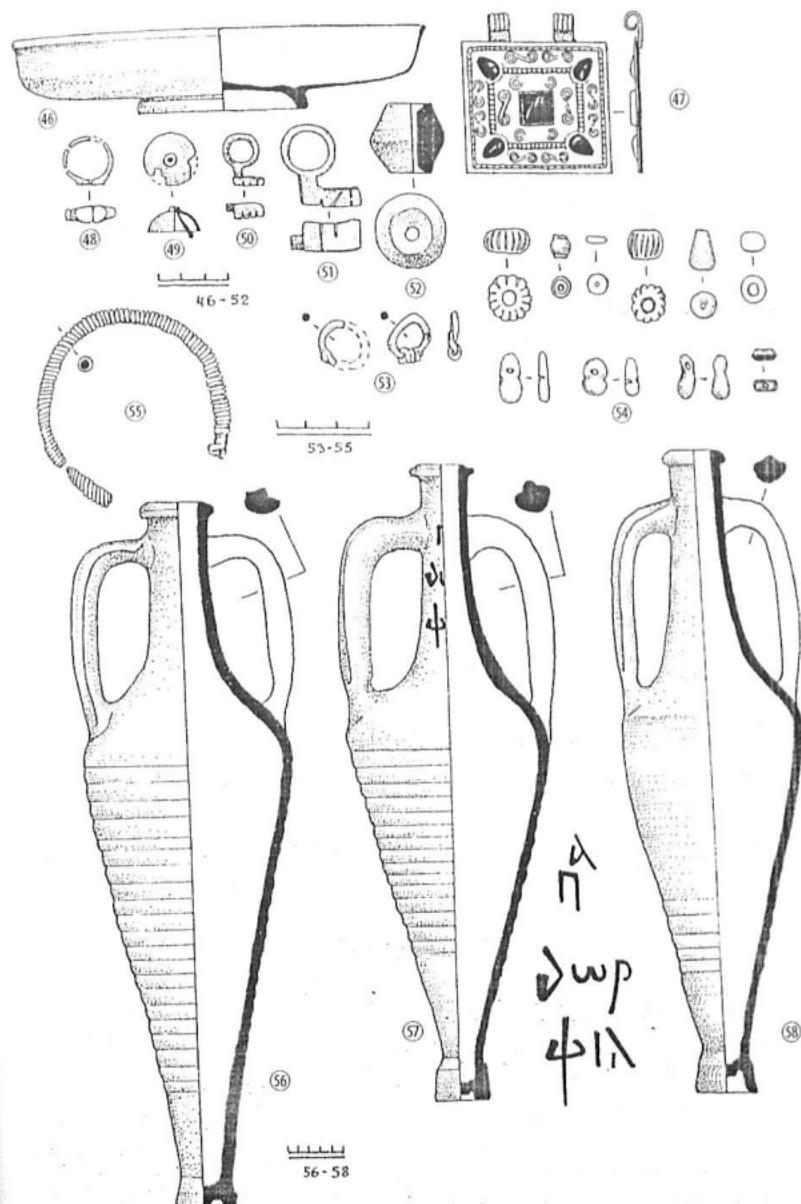

Рисунок 4.

Инвентарь склепа 38.

ром для погребения. Но эта редкая находка косвенным образом указывает на направление и время продвижения населения, потомки которого стали одним из компонентов в формировании жителей Крымских предгорий в IV столетии.

Некоторые типы краснолаковой посуды (рис. 3, 27, 28, 5, 71) и амфоры типа F по Шелову (рис. 4, 56-58, 5, 59).

Датировка данных категорий инвентаря IV в. в целом, особых возражений, в общем-то, не вызывает⁷².

Но вопрос о нижней и верхней хронологической границах такой посуды остается дискуссионным. Особенно отчетливо это заметно на примере разработок А. В. Сазанова.

Амфоры типа F, их появление в крымских комплексах А. В. Сазанов первоначально так же относил к IV ст⁷³. Но затем, в специальной работе, посвященной светлоглиняным амфорам, решил реанимировать, как казалось, устаревшую идею о бытовании этих амфор уже во второй половине III в⁷⁴. Причем автор скорее констатирует, нежели аргументирует, пересмотр сложившейся датировки, а его ссылки на отдельные комплексы не представляются нам убедительными. Известно, что амфора из Воронежской, отнесенная некогда Н. В. Анфимовым к третьей четверти III в⁷⁵, в действительности принадлежит к IV столетию, на это указал в свое время А. И. Айбабин⁷⁶, признает это и А. В. Сазанов. Но ко второй половине III в. уверенно не могут быть отнесены и амфоры из Чубовки⁷⁷, так как происходят из разрушенных погребений, а не закрытых комплексов.

Не вызывает сомнений и тот факт, что сам некрополь не может быть узко датирован в пределах исключительно второй половины III в.: на его территории совершались погребения и в следующем столетии, показатель тому костяной гребень Томас III из погребения 2. Как пример, А. В. Сазанов приводит тарный сосуд из неопубликованного комплекса склепа 2 могильника Перевальное в Центральном Крыму⁷⁸. В этом случае, налицо явное недоразумение: в действительности, состав вещевого инвентаря, указывает исключительно на IV в⁷⁹. Вместе с тем, классификация морфологических признаков амфорной тары, в том виде как она подана А. В. Сазановым (и прежде всего в плане выделения «раннего» варианта) на практике «не работает», что показали новейшие исследования В. В. Кропотова⁸⁰. Подобное «расчленение» сосудов, лишь запутывает читателей. Данный метод применим лишь после детальной классификации целых форм, отличающихся значительным разнообразием и размерами, но с сохранением основных пропорций⁸¹. Как нам представляется, вторую половину III в. как начальный этап производства и бытования амфор типа F следует полностью исключить ввиду отсутствия надежных к тому оснований. Иной вопрос: в какой четверти IV ст. данные амфоры появляются в Причерноморских комплексах, или с другой стороны: на каком этапе прекращают использовать предшествующие в типологическом ряду амфоры D, являющиеся безусловным хроноиндикатором для III столетия? Сейчас стало оче-

видным, что амфоры D (иное название «танайского типа») встречаются и в комплексах после разрушения Танаиса в сер. III столетия⁸². В северо-причерноморских древностях отчетливо выделяется некий горизонт, для которого показательно сочетание ювелирных изделий, выполненных в стиле «Кишпек»⁸³, ранних вариантов фасетированных пряжек, поясных наконечников, двуручных лучковых фибул, черняховской гончарной посуды и амфор D⁸⁴. В Таврике он представлен репрезентативными комплексами могилы 9/35 Черноречья⁸⁵ и еще рядом погребений позднеантичного некрополя Дружное⁸⁶. Но, если для первых трех четвертей III в. наблюдается довольно жесткая стандартизация типа D, то в погребениях упомянутого горизонта, формы амфор становятся неустойчивыми, проявляются новые модификации⁸⁷. По-видимому, мы сталкиваемся с некой смесью традиций в производстве, поиском новых форм, предшествующим сложению «классического» облика типа F. Абсолютная хронология данного горизонта «Кишпек-Градешка» пока точно не установлена. Традиционно его датируют в пределах второй половины III в. Сам кишпекский комплекс М. Казанский предложил «омолодить» до первой половины IV в.⁸⁸ Мы склонны относить этот горизонт ко времени после завершения «готских походов», условно между 270/280-310/320 гг.⁸⁹ Тогда объясняется находка амфоры типа D в погребении черняховской культуры Оселивка, 86 совместно со стеклянным кубком типа Варпелев-Сакрау⁹⁰ первой половины IV в.

Совместно с амфорами F в погребениях зачастую встречаются краснолаковые блюда большого диаметра (рис. 3, 27, 28; 5, 71). Не погрешим против истины, если скажем, что они составляют неотъемлемую часть материальной культуры варварского населения предгорий как раз IV в. Между тем, в последние годы в статьях по проблемам позднеантичной истории Крыма стало обычным причислять эти изделия к группам «Африканские краснолаковые сосуды» (ARSW, 62B) (см. рис. 5, 71) и «Поздний римский С» (LR, C.2) (см. рис. 3, 27, 28) по классификации Дж. Хейса⁹¹. Особенно настаивает на этом А. В. Сазанов⁹², но опять же не приводя весомых доказательств, подтверждающих тождество этих типов с крымской посудой. Такое априорное отожествление северопонитийских сосудов с Африканской или Фокейской группой керамики кажется нам не столь уж очевидным. Изначально в отечественных разработках была допущена серьезная ошибка, прежде всего в отношении классификации блюд типа (рис. 3, 27, 28). Они представлены, по крайней мере, двумя вариантами, отличными по хронологии и морфологическим признакам, наиболее показательным из которых является ширина отогнутого бортика. По странному стечению обстоятельств, публикации обычно иллюстрируют «поздним вариантом» с широким бортиком⁹³. В итоге, приняв за исходную точку отсчета даты Дж. Хейса (350-425 гг. для ARSW, 62B и 370-450 гг. для LR, C.2., что соотносится со ступенями C3/D2 и D1/D2) А. В. Сазанов считал не-

обходимым пересмотреть хронологию ряда ключевых комплексов Боспора и Херсонеса⁹⁴. Это естественно, должно повлиять и на синхронизацию погребений культуры Озерное-Инкерман. У нас вызывает серьезные сомнения достоинства пути «механического переноса» типологии Хейса на крымский материал. В действительности, изображенные в книге Дж. Хейса формы по профилю лишь отдаленно напоминают сосуды из Северного Причерноморья. Последние отличаются, в частности, иной формой бортика и заметной «закраиной» в месте перехода нижней части стенок к кольцевому поддону (рис. 3, 27, 28, 5, 71). Этот технологический признак отмечается на блюдах обеих форм, что выдает в них изделия единого круга, а не двух разных, территориально удаленных центров. Визуальный осмотр фрагментов керамики, которые с большой долей вероятности могут действительно рассматриваться как продукция Северной Африки, показал иной состав глины и характер лакового покрытия⁹⁵, нежели на крымских экземплярах. А.Г. Атавин и А.И. Айбабин, поначалу, более осторожно подошли к вопросу определения северопонтийской керамики по классификации Хейса, указав лишь на возможное сходство⁹⁶. Но позднее, А.И. Айбабин, приняв версию А.В. Сазанова, так же обозначил ряд сосудов как тип ARSW 62B. Когда же, в результате, проявилось несответствие предложенной им детальной хронологии крымских комплексов с крайними датами Хейса, то, по-видимому, стремясь преодолеть это

затруднение, он отнес сосуды (типа рис. 5, 71), более ранние к типу ARSW 50 (для комплексов ступени C3 - вторая группа по Айбабину), а более поздние (ступени D1 - третья группа по Айбабину) к ARSW 62B⁹⁷. Кажется образовался «порочный круг», когда в одних работах хронология комплексов определяется исходя из неверной типологии, в других - несоответствия в хронологии порождают дробную классификацию, опять же не соответствующую исходной. Во избежание всей этой путаницы, дабы «не плодить сущностей», нам представляется необходимым на данном этапе воздержаться от использования для этих типов керамики классификации Дж. Хейса. Он, напомним, создавал ее не обладая надежными сведениями о северопричерноморском керамическом комплексе, да и такой задачи перед собой не ставил. Сам автор типологии, ставшей ныне столь популярной в отечественной литературе, сейчас склонен выделять еще и так называемую «Понтийскую сигиллату»⁹⁸, может быть в эту группу со временем придется включить и блюда означенных типов. Так считает например К. Домжальский⁹⁹. Его замечание относительно псевдо- ARSW, 62B и LR, C 2 нам кажется особенно ценным и своевременным! Хотя до проведения дополнительных исследований, «гомогенность» самой ново-выделенной группы проблематична, как и «привязка» отдельных ее типов к производственным центрам античности. Как неоднократно указывалось, начальный этап распространения краснлаковых блюд большого

диаметра определяется на основе со-
встречаемости с монетами 306-337
и 305-311 гг. и вещами ступени С3.
Нет сомнений, что такая посуда про-

должала бытовать и во второй по-
ловине IV столетия¹⁰⁰.

Не менее существенен и вопрос о
верхней дате краснолаковых блюд и

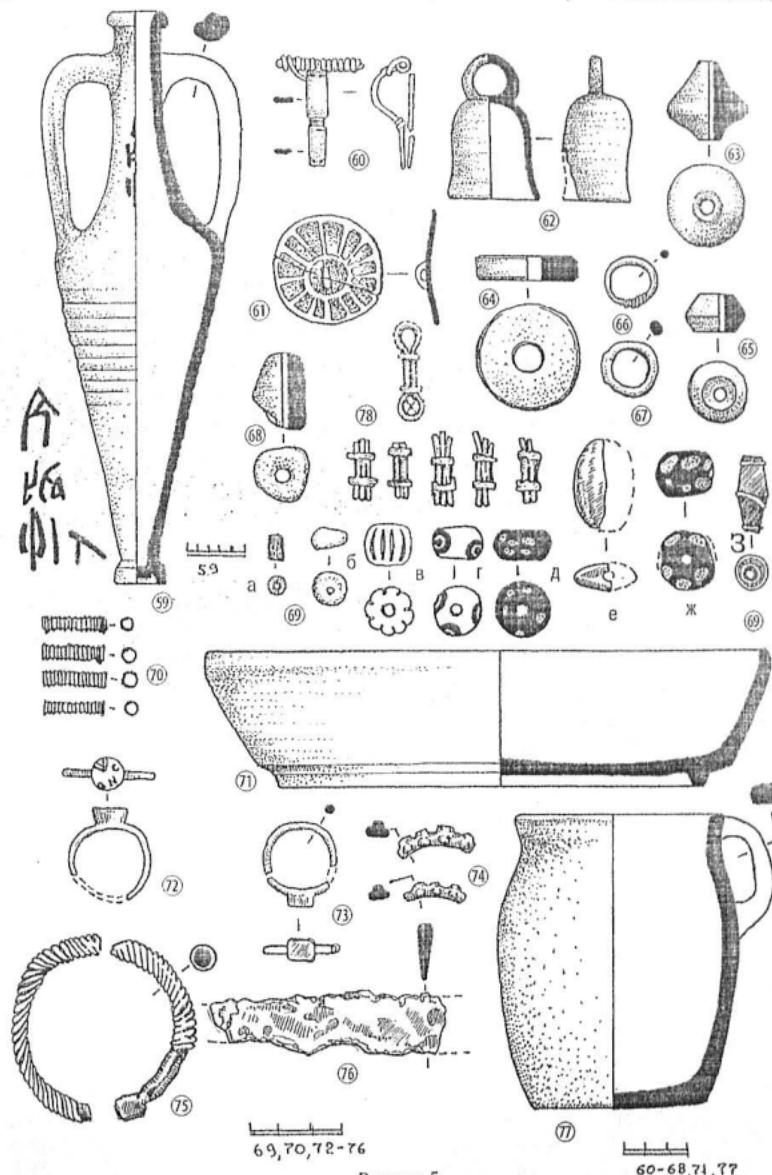

Рисунок 5.

Инвентарь склепа 38.

амфор типа F. В работе 1989 г. светлоглиняные амфоры А.В. Сазанов датировал до середины V - второй четверти VI столетия, затем в специальном исследовании, ограничил серединой V в¹⁰¹, а недавно предложил считать пределом их распространения последнюю четверть V в¹⁰². Для так называемых форм ARSW, 62B и LR,C2 он предлагает принять как верхнюю дату - третью четверть VI в¹⁰³ (что явно противоречит хронологии Дж. Хейса). Весь парадокс состоит в том, что для определения позднейшего рубежа, автор пользуется обычно фрагментарными находками из слоев городищ. А ведь их лишь с большой натяжкой можно считать закрытыми комплексами. Если к тому прибавить, что жизнь на большинстве из них (Херсонес, поселения Боспора) не прекращалась до ранневизантийского времени, то становится очевидным: возможность проникновения в более поздние слои вышедшей из употребления битой посуды в виде мусора не исключена, если не закономерна. Тогда не имеем ли мы дело просто с обычной «примесью снизу», хорошо знакомой археологам? Конечно, в каждом отдельном случае надо учитывать специфику памятника, но строить на этом материале далеко идущие выводы довольно опасно.

Важнейшим хронологическим репером в определении конечного цикла бытования рассматриваемых типов посуды, как нам представляется, являются ранние погребальные комплексы попутников типа Скалистое-Лучистое. Датировка этих погребений ступенью D1 / D2, а точнее,

последней четвертью IV - первой половиной V вв. серьезных возражений не вызывает¹⁰⁴.

Пока здесь не известно ни одного случая находок амфор типа F¹⁰⁵, а что касается краснолаковой посуды, то можно привести блюда типа рис. 5, 71¹⁰⁶, тогда как блюда типа рис. 3, 27,28 «классической» (для предгорий) формы тут не представлены. Вместо них присутствуют блюда, отличающиеся широким бортником¹⁰⁷. Нам представляется, они являются развитием типа рис 3, 27, 28, на это указывает характерная для тех и других «закраина» в основании туло-ва. Наиболее ранний датированный образец такого рода сосудов происходит из Инкерманского склепа 5, где обнаружена монета Феодосия I (379-395 гг.)¹⁰⁸.

Другим важным репером для хронологизации является варварское поселение, устроенное на руинах Танаиса, судя по монетам и другому инвентарю, не ранее последней четверти IV в¹⁰⁹. В отличие от иных боспорских городов, здесь наблюдается разрыв традиций, поэтому его керамический комплекс демонстрирует «срез» материальной культуры населения Причерноморья показательный именно для гуннского времени. На поверхку оказывается, что целых форм амфор F здесь так же нет, их полностью сменяет следующий в генетическом ряду тип E¹¹⁰. Ссылка А.В. Сазанова¹¹¹ на находку, якобы, амфоры F¹¹², представляется не вполне корректной: на рисунке в статье Д.Б. Шелова представлена лишь верхняя часть сосуда, который в равной степени можно причислить как к

типу F, так и к типу E, а с учетом вышесказанного, последнее более вероятно. Обнаруженная в слоях последнего периода Танаиса краснолаковая посуда представлена типом рис. 5. 71¹¹³, блюда типа рис. 3, 27, 28 не встречаются, зато, них находят сосуды с широким бортиком¹¹⁴, такие же, как и в крымских захоронениях последней четверти IV - первой половины V в. При обосновании верхней хронологической границы бытования рассматриваемых типов краснолаковой посуды, до второй половины VI в., А.В. Сазанов и А.И. Айбабин¹¹⁵ ссылаются на материалы захоронений могильника Дюрсо¹¹⁶ и цебельдинского некрополя Церковный холм¹¹⁷. Но такой вывод на кажется нам безупречным: набор вещей из погребения 479 Дюрсо (к которому приписаны пряжки I пол VI в.) нельзя признать безусловно достоверным: захоронение сильно повреждено при строительстве водохранилища. К сожалению, А.В. Дмитриев точно не указывает какие из вещей зачищены *in situ*, а какие переданы рабочими. Спорным, в плане хронологии, этот «комплекс» можно считать уже потому, что к нему отнесен стеклянный конический кубок на кольцевом поддоне¹¹⁸, форма которого находит соответствия в могильниках Западной Европы с монетами конца IV и вещами первой половины V в¹¹⁹, по шкале цебельдинских древностей их датируют в рамках 425-450 гг¹²⁰. Поэтому, мы не вправе исключать возможность принадлежности реконструируемого комплекса двум разновременным захоронениям. Не могут столь поздно

датироваться и упомянутые ингумации на территории Церковного холма, в этом случае, авторы не критически восприняли хронологию Ю.Н. Воронова и В.А. Юшина¹²¹. В погребении 6 обнаружен конический кубок с каплями синего стекла, а в захоронении 5 - железный умбон, являющийся вариантом типа Цилинг Н1, датируемый М. Казанским, в контексте сопровождающего инвентаря, третью четвертью V в¹²². Не противоречит этому и находка стеклянного бокала с фестонами из нитей синего стекла¹²³. В цебельдинской культуре эти бокалы встречаются в погребениях, начиная с периода 8 (425-450)¹²⁴. Более точной нам представляется периодизация цебельдинских некрополей О.А. Гей и И.А. Бажана, синхронизировавших рассматриваемые блюда с находками первой - второй четвертей V в¹²⁵.

Из вышесказанного следуют, на наш взгляд, следующие заключения:

1. Амфоры типа F появляются в комплексах в первой половине IV в., скорее всего во второй его четверти и бытуют до последней четверти столетия. Тем самым являются хорошим репером для периода крымских древностей, синхронного ступени С3.

2. Краснолаковые блюда с узким бортиком типа рис. 3, 27, 28 не могут быть с уверенностью относимы к группе «Поздний римский С. 2». Они имеют иное происхождение и датировку, являясь показательными для комплексов первой половины - третьей четверти IV в., что так же, в целом, соответствует ступени С3. В последней четверти IV - начале V в. (на ступени D1), может быть в эпоху

Феодосия Великого (379-395 гг.) их сменяют типологически близкие, но не тождественные блюда с широким массивным венчиком, которые бытуют, вероятно, весь V в.

3.Блюда (типа рис. 5. 71), принятые А.В. Сазановым за «Африканские краснолаковые сосуды» формы 62В, по-видимому, таковыми не являются. Некоторые технологические приемы выдают в них родство с типом рис. 3, 27, 28. Однако, появившись в первой половине IV в., они без принципиальных изменений бытуют более длительный период, конец цикла их распространения определяют комплексы, синхронные со стадии D1., а может и более позднего времени.

4.Датировка краснолаковой посуды типа рис. 5. 71 и блюд с широким бортником (см. раздел 3) вплоть на третью четверти VI в. кажется нам ошибочной и основанной либо на не достоверных комплексах, либо на неверной их интерпретации и синхронизации с другими группами на-

ходок. Время их бытования может быть ограничено первой половиной V в., хотя не исключено, что некоторые экземпляры «оседали» в погребениях, совершенных во второй половине столетия.

Подводя итог нашего исследования, скажем, что, как нам кажется, мы привели достаточное число аргументов, чтобы датировать публикуемый склеп в пределах второй-третьей четверти IV столетия. Мы полагаем, что таким же образом датируются и большинство других захоронений, причисляемых к группе Озерное-Инкерман. Основная часть их инвентаря представлена типами, синхронизируемыми со ступенью С3 европейской хронологии. Вещи периода С2 иногда в них встречаются, но не составляют единого комплекса, представляя собой «наследие» прошлой эпохи. Столь же редки, если не исключительны, предметы последующей ступени D1 (в Дружном¹²⁶ и Инкермане¹²⁷).

КАТАЛОГ ИНВЕНТАРЯ ИЗ СКЛЕПА ЗВ СУВОРОВСКОГО МОГИЛЬНИКА*

НИША:

5. Бальзамарий стеклянный (стекло прозрачное с зеленоватым оттенком).
ПОГРЕБЕНИЕ I

1-Кинжала железного фр-т; 2- наконечника копья втулки железной фр-т; 3,4- шкатулок накладки бронзовые; 6-горшок лепной; 7-чаша стеклянная (стекло полупрозрачное зеленоватого оттенка); 8-стакан стеклянный (стекло прозрачное с зеленоватым оттенком); 9-кольцо бронзовое; 10-пряжка серебряная; 11, 12-пряжки бронзовые; 13-пряслице известняковое; 14 - кувшин стеклянный (стекло прозрачное зеленоватого оттенка); 15-оселок каменный; 17 - детали шкатулки железные; 19-кувшин краснолаковый.

* Номера каталога соответствуют номерам на плане склепа (рис. 1) и на иллюстрациях инвентаря (рис. 1-5)

ПОГРЕБЕНИЕ I (?)

скопление инвентаря за черепом погребения II:

18 - Навершие нагайки бронзовое; 27, 28, 31, 32, 35, 41-43 - сосуды краснолаковые; 29-тарелка, покрытая темно-серым лаком; 33, 37, 39, 44, 45 - сосуды лепные лощеные; 36, 40- кувшины гончарные сероглиняные, лощеные; 38-кубок гончарный с росписью белой краской; 34-светильник лепной; 46-тарелка стеклянная (стекло прозрачное, зеленоватое).

ПОГРЕБЕНИЕ II:

16 - пряжка бронзовая; 20-кубок краснолаковый; 22-отщеп кремневый; 25-ножи железных фр-ты; 21-брраслет бронзовый.

ПОГРЕБЕНИЕ III:

47- украшение бронзовое с позолотой; 48-перстень бронзовый; 49-кольчик бронзовый; 51-ключ бронзовый; 52-пряслице глиняное; 53-серьги бронзовые; 54-бусы пастовые и подвески янтарные; 55-брраслет бронзовый.

МЕЖДУ ПОГРЕБЕНИЯМИ II-III:

23- наконечник стрелы бронзовый; 26-бусы пастовые;

ЗА ЧЕРЕПОМ ПОГРЕБЕНИЯ III:

56-58-амфоры светлоглиняные (№ 57 - с дипинти красной краской)

ПОГРЕБЕНИЕ IV:

50-ключ бронзовый; 59-амфора светлоглиняная с дипинти красной краской; 60-фибула бронзовая; 61-зеркало бронзовое; 62-колокольчик бронзовый; 63-65- пряслица глиняные; 66-серыга бронзовая; 69-бусы стеклянные; 70-пронизи золотые; 71-блюдо краснолаковое; 72-перстень бронзовый; 78-подвески бронзовые со стеклянными вставками.

ПОГРЕБЕНИЕ V:

73- перстень бронзовый; 74-кольцо бронзовое, фрагментированное; 75-брраслет бронзовый; 76-нож железный; 77- сосуд лепной

Примечания

- Высотская Т.Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. К. 1972. С 24,25,64; Колтухов С.Г. Украпленния Крымской Скифии. Симферополь, 1999. С. 119-120.
- Кутайсов В.А. Городище первых веков н.э. на горе Тас-Тепе в Крыму // Население и культура Крыма в первые века н.э. К. 1983. С. 147-148.
- Пиорю И.С., Герцен А.Г. Клад антонинианов из с. Долинное Крымской области // НС. 1975. №5
- Кутайсов В.А. Городище первых веков н.э. на горе Тас-Тепе в Крыму. С. 147-148. Рис. 3, 4.
- А.Е. Пуздровский, Ю.П. Зайцев, И.И. Неневоля. Новые памятники III - IV вв.н.э. в Юго-Западном Крыму // Византия и Крым. Тез. докл. конф. Симферополь, 1997; Зайцев Ю.П. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // АИК 1994 г. Симферополь, 1997.
- Зайцев Ю.П. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах. С. 102-114; Зайцев Ю.П. Юрочкин В.Ю. Отчет об охранных археологических исследованиях позднеантичных могильников у сс. Суворово Бахчисарайского района и Вишневое, зоны г. Севастополя Республики Крым в 1996 г. // Научный архив КФИА НАН Украины.

7. Юрочкин В.Ю. О хронологии Суворовского позднеантичного могильника // Нико-ний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса, 1997.
8. Юрочкин В.Ю. Памятники группы Озерное-Инкерман в позднеантичном Крыму // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Тез. докл. конф. Се-вастополь, 1997.
9. Юрочкин В.Ю. Этно-политическая ситуация в позднеантичной Таврике в сочинении Константина Багрянородного и археологические реалии // Проблемы скифо-са-матской археологии Северного Причерноморья (к 100-летия Б.Н. Гракова). Запоро-же, 1999. С.281.
10. Цукерман К. Епископы и гарнизон Херсонеса в IV в. // МАИЭТ. 1994/95. С.551-560; Фролова Н.А. Монетное дело Боспора. М. 1997. Часть 2. С. 85-95; Айбабин А.И. Этни-ческая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С.47- 48.
11. Сидоренко В.А. Федераты Византии в Юго-Западном Крыму . Автореф. канд. дисс. Спб, 1994. С. 11-13; В.М. Зубарь. Херсонес Таврический и Римская империя. К. 1994. С.122-125; Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя. К, 1998. С. 153-158; Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. Белгород, 1996. С. 34-40; Анохин В.А. История Боспо-ра Киммерийского. К, 1999. С. 178. Гудименко И.В. Этно-политическая ситуация на Нижнем Дону в эпоху готских походов // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. Тез. докл. VII Донской археологической конференции. Ростов-на-Дону, 1998. С. 95.
12. Ланцов С.Б. Голенко В.К. О западной границе Боспора в IV в.н.э. // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Спб, 1999
13. Масленников А.А. Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспо-ра. М, 1997.
14. Станг Х. Наименование Руси (герульская версия). Спб, 2000.
15. Голенко В.К, Юрочкин В.Ю., Синько О.А., Джанов А.В.. Рунический камень с г. Опук в Крыму и некоторые проблемы истории северопричерноморских германцев // Древности Боспора. М, 1999, Вып.2.: Щукин М.Б. Феномен черняховской культуры эпохи Константина-Констанция, или что такое черняховская культура? // STRATUM plus. 1999. № 4.C.68. Казанский М.М. Готы на Боспоре Киммерийском / / 100 лет черняховской культуре. К, 1999.
16. Авторы крайне призательны начальнику Альминской экспедиции Крымского фили-ала института археологии НАН Украины Александру Евгеньевичу Пуздовскому, предоставившему возможность публикации этого интересного комплекса.
17. Юрочкин В.Ю. О хронологии Суворовского позднеантичного могильника // Нико-ний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса, 1997. С.309; Труфанов А.А. Юрочкин В.Ю. Боспоро-херсонесские отношения и этно - политическая ситуация в Крымской Скифии III- IV вв. н.э. // Боспорский феномен: Греческая культура на периферии античного мира. Материалы научной конференции, Спб, 1999. С. 245, 246, Рис. I
18. Robertson A S. Roman Imperial Coins in the Hunter coin Cabinet University of Glasgow. Oxford, 1982 С. 198, Таб. 51, 284, С. 207-208, Таб. 53, 256-259.
19. Eggers H.J. Der romische Import im freien Germanien. Hamburg, 1951. Таб. 15, 211-213, 215-226, 16, 227-229; Nasman U. Glas och handel i senromersk tid och Folkvandringstid. Uppsala, 1984. С.27
20. Сорокина Н.П. Стеклянная посуда как источник по истории экономических связей Причерноморья и локального стеклоделия первых веков н.э. // Археологические ис-следования на юге Восточной Европы., М, 1982. Труды ГИМ. Вып. 54. Часть 2. С.40, Рис. 1-3,5.
21. Засецкая И.П. Культура кочевников Южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV-V вв.). Спб, 1994. С. 177, Таб. 24,10; Гей О.А. Бажан И.А. Хронология эпохи «гот-ских походов». М, 1997. Таб. 70,7; Nasman U. Glas och handel i senromersk tid och Folkvandringstid. С. 44-46; Vetri Romani del Cantone Ticino, 1988. С.129. №163

22. Freinesdorf F. Figurlich geschliffene Glaser. Eine Kolner Werkstatt des 2 Juhrhunderts. // Romische Forschungen. 1951. Т. 19. С. 19-21; Н. Кунина. Античное стекло в собрании Эрмитажа, СПб. 1998. С.210-211. Кат. 333.
23. Арсеньева Т.М. Науменко С.А. Усадьбы Танаиса. М. 1992. С. 21, Рис. 96
24. Сорокина Н.П. Стеклянная посуда как источник по истории экономических связей Причерноморья и локального стеклоделия первых веков н.э. С.41.
25. Burger A. Spätromische gräber in Aquincum // Budapest Regisegei. 1984. Т.XXV. С. 81, Рис. 27, 10, 36, 10, 39.
26. Burger A. Spätromische gräber in Aquincum. Рис. 28, 13.
27. Burger A. The late roman cemetery at Sagvar // AA. 1966. Т. XXV. F. 3-4, Рис. 109.
28. Keller E. Die spätromische Grabfunde in Südbayern. München, 1971. С. 38-45
29. Гей О.А. Бажан И.А. Хронология эпохи «готских походов». М. 1997. Таб. 68, 18
30. Гороховский Е.Л. Хронология черняховских памятников Лесостепной Украины // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. К. 1988. Т.4. С.35,45, Рис. III.3
31. ОАК за 1913-1915 гг. Спб.1918. С. 100-102, Рис. 167; Засецкая И.П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV - первой половины V вв. // МАИЭТ. 1993. Вып III. С.92. Кат. 367, Таб. 63; Н. Кунина. Античное стекло в собрании Эрмитажа, СПб, 1998. С. 332. Кат. 400, Рис. 190
32. Засецкая И.П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV - первой половины V вв. Кат. 358, 371 а.б.
33. Eggers H.J. Der romische Import im freien Germanien. Hamburg, 1951. Таб. 16, 245.
34. Burger A. Spätromische gräber in Aquincum. Рис. 36, 12
35. Bohme H. W. Germanische Grabfunde des 4, bis 5 Jahrhunderst zwischen unterer Elbe und Loire. München, 1974. С.324. Таб. 130.
36. Бажан И. А. Щукин М. Б. К вопросу о возникновении полихромного стиля клуазонне эпохи Великого переселения народов // АСГЭ. 1990. № 30. С.92.
37. Засецкая И.П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV - первой половины V вв. // МАИЭТ. 1993. Вып. III. Кат. 242. Таб. 50
38. Зайцев Ю.П. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах. Рис. 63
39. Выборный В.Ю. Ключнева И.Н. Позднесарматский курган у с. Лимеревка Луганской области // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. Тез. докл. VII Донской археологической конференции. Ростов-на-Дону, 1998. С. 92-93, Таб. XXVIII, 14
40. Романовская М.А. Алансское погребение из Ставрополья // КСИА. 1986. Вып. 186. Рис. 2, 5
41. Казанский М. Могилы алано-сарматских вождей IV в. // МАИЭТ. 1994 / 95. Вып. IV. С. 238, 239, 243, Рис. 3, 7
42. Основные детали орнамента были зарисованы в процессе расчистки, учитывая крайне плохое состояние украшения. Это обстоятельство делало крайне проблематичным возможность его сохранения. Только благодаря консультациям Ю.П. Зайцева и личному его участию, удалось извлечь изделие из грунта с наименьшими утратами, а затем закрепить и реконструировать найденное украшение.
43. Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа. М., 1989. С. 26, Рис. 1-3. Гудкова А.В. Редина У.Ф. Сарматский могильник Градешка в низовьях Дуная. // Старожитності Північного Причорномор'я і Криму. 1999. Вип. VII.С. 184-190.
44. Труфанов А.А. Юрочкин В.Ю. Боспоро-херсонесские отношения и этно - политическая ситуация в Крымской Скифии III - IV вв. н.э. // Боспорский феномен: Греческая культура на периферии античного мира. Материалы научной конференции, Спб, 1999. С. 243. Рис. 1.
45. Айаббин А.И. Раскопки могильника близ с. Дружное в 1984 г. // МАИЭТ. 1994 / 95. Рис. 6, 1, 2.; Храпунов I.M. Склеп IV ст. н.э. із могильника Дружное // Археологія. 1998. №4.Рис. 6, 1

46. Засецкая И.П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV - первой половины V вв. Таб. 23, 90; Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып I. Рис. 9, 1, 10. Tejral J. Zur Chronologie und Deutung der sudostlichen Kulturelement in der fruhen Volkerwanderungszeit Mitteleuropas // Anzeiger des germanischen Nationalmuseums. 1987. Рис. 16, 1, 3, 7.
47. Веймарн Е. В. Археологічні роботи в районі Інкермана // АП. 1963. Т. XIII. С.19. Рис.10,5
48. Preda C. Callatis. Necropola romano-bizantina. Bucuresti, 1980. Таб. XVIII, M,53. Кат. 19, 24, 40, 61, 63, Таb. XVIII, M, 345. Кат.87; Таb. XVIII, M,347, Кат.38-39
49. Burger A.Sz. The Late Roman cemetery at Sagvar // АА. 1966. Т. XVII. F. 1-4. С. 107, 133, Рис. 99,8, 120,2
50. Гороховский Е.Л. Хронология черняховских памятников Лесостепной Украины // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. К, 1988. Т.4. С.35,45, Рис. III, 58,59.
51. Tejral J. Zur Chronologie und Deutung der sudostlichen Kulturelement in der fruhen Volkerwanderungszeit Mitteleuropas // Anzeiger des germanischen Nationalmuseums. 1987. С.11
52. Амбров А.К. Фибулы Юга Европейской части СССР // САИ. Вып. ДІ-30. М. 1966. С 64 Таb. 2, 12-15,19
53. Diaconu G. Über die Fibel mit Umgeschlagenem fust in Dacie. 1971. Т.XV. С.251-253, Таb. 8, 13
54. Айбабин А.И. Хайретдинова Э.А. Ранние комплексы могильника у с. Лучистое в Крыму // МАИЭТ. 1999. Вып. VI. С. 299. Рис. 21, 18.
55. Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. - IV н.э.). М. 1993. С. 167, 168, Рис. 66, 45-48.
56. Абрамова М.П. Ранние аланы Северного Кавказа. М. 1997. С. 132, 188.
57. Арсеньева Т.М. Литейные формы для отливки зеркал из Танаиса // Древности Евразии. М. 1984.
58. Безуглов С. Захаров А. Могильник Журавка и финал позднесарматской эпохи в Приводорожном Подонье // ИРМК. 1988. Вып.5. С. 18, Рис.5
59. Godłowski K. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Krakow, 1970 Рис. XI, 30.
60. Казанский М. Могилы алано-сарматских вождей. Рис.7, 8.
61. Анфимов Н.В. Позднесарматское погребение из Прикубанья // Археология и история Боспора. 1952. Т.1. Рис. 3.
62. Веймарн Е.В. Археологічні роботи в районі Інкермана. Рис.9, 10.
63. Tejral J. Zur Chronologie und Deutung der sudostlichen Kulturelement in der fruhen Volkerwanderungszeit Mitteleuropas // Anzeiger des germanischen Nationalmuseums. 1987. С. 32. Рис.14, 17, 19.
64. Айбабин А.И. Хайретдинова Э.А. Ранние комплексы могильника у села Лучистое в Крыму. Рис. 4, 1; Веймарн Е.В. Айбабин А.И. Скалистинский могильник. К, 1993. С. 11, 119, 120. Рис. 4, 16, 89, 2; Лобода И.И. Исследования могильника IV-V вв. в с. Красный Мак. Рис. 3,10.
65. Юрочкин В.Ю. Погребение кочевника гуннского времени в кургане у с. Изобильное в Крыму. // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 248-249. Рис. 2, 6.
66. Засецкая И.П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV - первой половины V вв. Таб. 54. № кат. 297; Масленников А.А. Семейные склепы населения позднеантичного Боспора. М, 1997. .Рис. 12, 13, 15, 2, 3, 40, 5.
67. Казанский М.М. Маstryкова А.В. Аланы из Днепра в эпоху Великого переселения народов: свидетельство Маркиана и археологические данные // РА. 1999. № 1. Рис. 6, 4.7.
68. Амбров А.К. Хронология древностей Северного Кавказа. С.33

- 69 Кузнецов В. Новое исследование по истории западноевропейских алан (А. Киш. Опыт исследования археологических памятников алан в Западной Европе и Северной Африке. // Аланы. История и культура. 1995. С. 99
- 70 Nowakowski W. Rzymskie importy przemysłowe na terytorium zachodniobaltyjskiego kraju kulturowego // Archeologia. 1983. № XXXIV. C. 97-98, Рис. 10, Таб. III, 8
- 71 Godłowski K. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Krakow, 1970. C. 202-206; Godłowski K. Problemy chronologii okresu rzymskiego // Scripta archeologica. 1988. C. 43.
- 72 Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры // КСИА. 1978. Вып. 156. С. 19. Зеест И.В. Керамическая тара Боспора // МИА. 1961. №83. С. 121-122. Таб. 104, 105; Scogran C. Ceramica romano-bizantina de la Sucidava // Pontica. 1963 Т. VIII. С. 269-270; Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени. С.14.Рис. 4.4; Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С.253-259.
- 73 Сазанов А.В. О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. 1989. №4. С.45. Признак 7
- 74 А.В. Сазанов Поздние типы узкогорлых светлоглиняных амфор // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С.16-19.
- 75 Андимов Н.В. Позднесарматское погребение из Прикубанья // Археология и история Боспора 1952. Т.1. С.211. Рис. 7.
- 76 Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени. С.15
- 77 Гребенников Ю.С. Гребенников В.С. Магомедов Б.В. Черняховские могильники западного побережья Бугского лимана // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. К, 1982. С.140
- 78 Пуздовский А.А. Могильник III-IV вв.у с. Перевальное в Крыму // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в ранее средневековье. Тез. докл. конф.- Симферополь, 1994.
- 79 Это обстоятельство, вводящее в заблуждение читателей, любезно разъяснил нам автор раскопок А.Е. Пуздовский, за что мы ему крайне признательны.
- 80 Кропотов В.В. Світлоглиняні вузькогорлі амфори «інкерманського» типу // Археологія. 1998. №4. С. 128-129
- 81 Абрамов А.П. Античные амфоры. Периодизация и хронология // БС. 1993. Вып. 3. С. 50.Рис. 61
- 82 Крапивина В.В. Ольвия. Материальная культура I - IV вв. К.: Наук. думка, 1993. с.94
- 83 Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа. М, 1989. С.25-28, рис.1
- 84 Гороховский Е.Л. Сарматское погребение в Новых Санжарах на Полтавщине (о позднесарматских древностях второй половины III в.н.э. в междуречье Дона и Дуная // Областная научно-практическая конференция, посвященная 100-летию со дня рождения М.Я. Рудинского. Тез. докл. конф.- Полтава, 1987. С. 19
- 85 Бабенчиков В.П. Чорноріченський могильник // АП. 1963. Т.XIII. С.97-100.
- 86 Храпунов И.Н. Погребение середины III в. н.э. из могильника Дружное // МАИЭТ. 1994/95. Вып. IV.; Храпунов И.Н. Масякин В.В. Подвойная могила второй половины III века нашей эры из могильника Дружное // Stratum+Петербургский археологический вестник. Спб.-Кишинев, 1997.
- 87 Гудкова А.В. Редина Е.Ф. Сарматский могильник Градешка в низовьях Дуная. Рис. 2, 13; 3, 17, 6, 5; Храпунов И.Н. Масякин В.В. Подвойная могила второй половины III века нашей эры из могильника Дружное // Stratum+Петербургский археологический вестник. Спб.-Кишинев, 1997. Рис. 2, 2.
- 88 Казанский М. Могилы алано-сарматских вождей...С. 240-241.
- 89 Труфанов А.А. Юрочкин В.Ю. Боспоро-херсонесские отношения и этно-политическая ситуация в Крымской Скифии в III-IV вв. С. 245

90. Никитина Г.Ф. Могильник у с. Оселивка Кельменецкого района Черновицкой области // Могильники черняховской культуры. М., 1988. С.75. Таб. 48, 1, 5; Гей О.Д. Бажан И.А. Хронология эпохи «готских походов».....С.48.. Таб.68, 6,17.
91. Hayes, J.W. Late Roman pottery. London, 1972. С. 107, 327-329. Рис.18, 14, 66
92. Сазанов А.В. О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. 1989. №4. С.51,53-55, Признак 14, 18.
93. Беляев С.А. Краснолаковая керамика Херсонеса IV-VI вв. // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья . Л. 1968. С. 32. Рис. 1, 2, 4.; Кадеев В.И. Сорочан С.Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. - V в. н.э.. Харьков, 1989. Рис. 34, 1.; Сазанов А.В. О хронологии Боспора ранневизантийского времени. С. 54-54. Признак 18.
94. Романчук А.И. Сазанов А.В. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона // Средневековый Херсон. Часть I. Свердловск, 1991. С.7-8.
95. Обломки подобной посуды нам довелось обнаружить среди керамики из раскопок городище Белинское в Восточном Крыму, за что мы признательны руководителю экспедиции В.Г. Зубареву, позволившему ознакомиться с его коллекцией.
96. Атавин А.Г. Краснолаковая керамика IV-V вв. из Фанагории // БС. 1993. Вып.2. С.150, 155, Рис. 1, 2,3, 3, 1-3; Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени. С. 15-17.
97. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 258-259. Таб. 14, 5, 17,7.
98. Hayes J.W. Sigillate Orientali // Ceramica Romana nel Bacino Miditerraneo (tardo ellenismo e primo imperio). Altante delle forme ceramiche II // Enciclopedia dell'arte antica, classica e orientale. Roma, 1985.
99. Домжалский К. К истории исследования краснолаковой керамики восточного производства // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье . М,1998. С. 23. Прим. 23.
100. Кутайсов В.А. Юроочкин В.Ю. Бассейн римского времени в юго-западном районе Херсонеса // Тез. докл. междунар. конф. «Византия и Крым». Симферополь, 1997. С.55.
101. Сазанов А.В. Поздние типы узкогорных светлоглиняных амфор.... С. 19.
102. Сазанов А.В. Керамические комплексы Северного Причерноморья второй половины IV-V вв. // ПИФК. 1999. Вып. VII. С. 238.
103. Романчук А.И. Сазанов А.В. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. С.12, 36.
104. Айбабин А.И. Хайдринова Э.А. Ранние комплексы могильника у села Лучистое в Крыму. С. 309; Веймарн Е.В. Айбабин А.И. Скалистинский могильник. К., 1993. С 197.; Lohe K. Das Graberfeld von Skalistoje auf der Krim und Ethnogenese der Krimgoten (Ende 4. bis Anfang 6. Jahrhundert // Die Sintana de Mures-Cernjchov-Kultur. Bonn, 1999. С. 49
105. Справедливости ради, оговоримся - находки амфор в могильниках этой группы вообще редки.
106. Айбабин А.И. Хайдринова Э.А. Ранние комплексы могильника у села Лучистое в КрымуРис.7,9, 8,25 ; Лобода И.И. Исследования могильника IV-V вв. в с. Красный Мак // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь, 1992. Рис. 3,3.
107. Айбабин А.И. Хайдринова Э.А. Ранние комплексы могильника у села Лучистое в Крыму . Рис. 18, 3; Лобода И.И. Исследования могильника IV-V вв. в с. Красный Мак...Рис. 3,1.
108. Веймарн Е.В. Археологічні роботи в районі Інкермана // АП. 1963. Т. XIII. С. 37. Рис. 13,3.
109. Здесь найдены монеты Феодосия I (379-395 гг.), Аркадия (385-408 гг.), Валентинiana II (375-392 гг.), Валента (364-378 гг.), Грациана (367-383 гг.); Шелов Д.Б. Аниси-

- мов А.И. Найдены монеты в Танаисе в 1973-1980 // НЭ. 1984. Т. XIV. С. 52-53; Bezuglov S. Die Münzfunde aus den Ausgrabungen der deutsch-russischen Expedition in Tanais 1993-1996 // EA. 1998. Т. 4. С. 436-448
110. Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Танаис IV-V вв. (по материалам раскопок 1989-1992 гг.) // БС. 1995. №6. С. 48. Рис. 2, 1, 3, 4
111. Сазанов А.В. Керамические комплексы Северного Причерноморья....С.232.
112. Шелов Д.Б. Раскопки юго-западного участка Танаиса (1955-1957 гг.) // МИА. 1965. № 127. Рис 29.
113. Арсеньева Т.М. Краснолаковая керамика из Танаиса конца IV - начала V в.н.э. // КСИА. 1981. № 168. Рис. 1, 1-3; Сазанов А.В. Керамические комплексы Северного Причерноморья....С.232.
114. Арсеньева Т.М. Краснолаковая керамика из Танаиса конца IV - начала V в.н.э. Рис. 1, 5; Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Танаис IV-V вв....Рис. 4, 1,3; Сазанов А.В. Керамические комплексы Северного Причерноморья....С.232-233.
115. Сазанов А.В. О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. 1989. №4. С. 51, 53-55; Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени. С.16,17
116. Дмитриев А.В. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // СА. 1979. №4. Рис. 8, 30
117. Воронов Ю.Н. В.А. Юшин Новые памятники цебельдинской культуры в Абхазии // СА. 1973. №1. Рис. 1, 3; 5, 4; 6,5
118. Дмитриев А.В. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска.рис.8, 29.
119. Bohne H. W. Germanische Grabfunde des 4. bis 5.Jahrhunderst zwischer unteren Elbe und Loire. Munchen, 1974. Таб. 91, 10, 102, 5, 117, 11.
120. О.А. Гей, И.А. Бажан. Хронология эпохи «готских походов». С.26., Таб. 29, 28.
121. Воронов Ю.Н. В.А. Юшин Новые памятники цебельдинской культуры в Абхазии. С. 191.
122. Kazanski M. Les eperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la région pontique: origine et diffusion // Beitrage zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Marburger Kolloquium. Lublin / Marburg, 1994. С.441. Рис. 3, 4, 22, 54.
123. Воронов Ю.Н. В.А. Юшин Новые памятники цебельдинской культуры в Абхазии. Рис. 5, 6.
124. О.А. Гей, И.А. Бажан. Хронология эпохи «готских походов». С. 16. Таб. 22. XI 62.
125. О.А. Гей, И.А. Бажан. Хронология эпохи «готских походов». Таб. 29, 23.
126. Храпунов И.Н. Мульд С.А. Завершение исследований могильника Дружное // АИК 1994. Симферополь, 1997. Рис. 149, 151
127. Веймарн Є.В. Археологічні роботи в районі ІнкерманаРис.10, 2

ПАМЯТНИКИ СРЕДНЕВЕКОВОГО КРЫМА

М.И. Золотарев, Д.Ю. Коробков, С.В. Ушаков,
Р. Пиленгер, А. Пюльц

РАСКОПКИ Т.Н. "БАЗИЛИКИ КРУЗЕ" В ХЕРСОНЕСЕ (УКРАИНСКО-АВСТРИЙСКИЙ ПРОЕКТ)

В 1996 году между Институтом археологии Национальной Академии наук Украины и Институтом археологии Академии наук Австрии был заключен договор о научном сотрудничестве, предполагающий проведение совместных работ по научно-исследовательской теме "Памятники раннего христианства на юге Украины и в Крыму". На следующий год профессор Р. Пиленгер и доктор А. Пюльц (Австрия) в целях ознакомления с археологическими памятниками Крыма и подготовки программы дальнейших работ по проекту совершили совместно с профессором В. Зубарем научно-познавательную поездку в Крым. Их знакомство с памятниками юго-западного Крыма осуществлялось при непосредственном участии заместителя Генерального директора Национального заповедника "Херсонес Таврический" М. Золотарева. После завершения тура, к заключенному ранее договору о сотрудничестве с украинской стороны присоединился в качестве равноправного участника Национальный заповедник "Херсонес Таврический". Была обсуждена и принята обширная и разноплановая программа дальнейших исследований, включающая проведение полевых археологических работ в Херсонесе. Тогда же был определен объект будущих раскопок - Базилика № 7 (т.н. "Базилика Крузе" (Рис.1).

Выбор для раскопок именно этого памятника был обусловлен тем обстоятельством, что в соответствии с предварительной разработкой архивных материалов именно здесь предполагалось оперативно получить наиболее значительную информацию по основной теме проекта. В 1998 году раскопки базилики № 7 были начаты.

Начиная в 1998 году новый этап археологического изучения базилики № 7, мы считали необходимым выяснить, какие конкретно работы и когда проводили здесь наши предшественники и каковы результаты этих исследований. Та часть существующей информации, которая восходит к Отчету К.К. Косцюшко-Валюжинича о раскопках им храма № 7 в 1891 году, в достаточной мере известна в научной литературе благодаря краткой версии Отчета, опубликованной в Известиях Императорской Археологической комиссии¹, а также подробному рассмотрению этих данных в обобщающих работах Д.В. Айналова² и А.Л. Якобсона³. Гораздо больше неясностей в начальной истории исследования этого памятника, поэтому именно ее мы стараемся восстановить здесь, на основе, в первую очередь, архивных материалов. Изучение этого вопроса тем более интересно, что по убеждению большинства авторов именно

раскопки базилики № 7 (вместе с раскопками еще двух храмов) положили начало археологическому изучению Херсонеса.

Относительно даты проведения первых раскопок в Херсонесе исследователи единодушны во мнении – это событие следует отнести к весне-осени 1827 года. В Российском государственном военно-историческом архиве хранится составленное командиром Севастопольской инженерной команды инженер-подполковником Вербовским обширное “Описание местности, на которой находятся развалины Херсонеса, и предметов, достойных в нем примечания, с присовокуплением кратких исторических сведений”, составленное 22 ноября 1827 года. В этом интереснейшем документе говорится: “По распоряжению главного командаира Черноморских портов г. вице-адмирала Грейга сделано начало разрыванию строений внутри нового Херсонеса, открыта внутренность двух (!) строений, по расположению коих надобно принять за христианские храмы ...”⁴. Это событие достаточно подробно освещено также в малодоступных современным исследователям газете “Северная пчела” и журнале “Сын Отечества”. Из них следует, что вице-адмирал А.С. Грейг поручил “известному своим просвещением чиновнику г-ну Крузе приступить к систематическому разрытию кургана на развалинах Херсонеса”. И.В.Тункиной на основании архивных документов удалось установить, что первыми раскопками в Херсонесе руководил “плантер (т.е. садовод) Черноморского департамента

корабельных инженеров подпоручик Карл Крузе”, а не мичман Николай Максимович Крузе, как это считалось ранее⁵.

Если личность пионера херсонесских раскопок теперь сомнений не вызывает, то несколько сложнее стоит дело с определением топографии раскопанных им памятников⁶. Два из них достаточно точно локализуются на херсонесском городище, благодаря, прежде всего, пространному описанию хода работ, оставленному самим К. Крузе. Что же касается третьего, интересующего нас памятника (базилика № 7), то необходимы некоторые дополнительные уточнения для установления безусловного авторства К. Крузе. Большинство исследователей не сомневаются, что третьим объектом приложения трудов К. Крузе в Херсонесе является базилика № 7. Вместе с тем, такой великолепный знаток христианской архитектуры как Д.В. Айналов считал “... ясным факт, что храм № 7 не был раскопан Крузе, а кем-нибудь другим”⁷. Не был уверен в идентификации базилики № 7, с храмом, раскопанным К. Крузе, и А.Л. Якобсон⁸. Для понимания природы этих сомнений необходимо, на наш взгляд, восстановить прежде всего существовавшие в первой половине прошлого столетия представления об архитектурном облике херсонесских храмов и историю их исследования.

В упомянутой выше записке инженер-подполковника Вербовского, составленной 22 ноября 1827 года, речь идет только о двух раскопанных К. Крузе храмах. Однако в письме К.

Крузе от 8 декабря 1852г., обнаруженному Д.В. Айналовым в архиве графа А.С. Уварова, речь идет о трех раскопанных им в Херсонесе храмах. Тогда как описание раскопок двух памятников в письме дано достаточно полно, о третьем храме говорится очень скромно: «Кроме нескольких обломков мраморных, упомянуто от колонн, не содержал ничего замечания достойного, и при том мои разведки не доходили до очищения пола, и здесь вовсе прекратились по причине тогдашних обстоятельств города Севастополя...»⁹. По всей видимости, очень незначительные работы на этом объекте были проведены в самую последнюю очередь и в официальный отчет Вербовского их результаты не попали по той причине, что он был составлен еще до их проведения. В письме же графу А.С.Уварову, составленном через четверть века после проведения им изысканий в

Херсонесе, К.Крузе достоверных подробностей просто вспомнить не мог.

Посетивший Херсонес в 1836 году председатель Одесского Общества истории и древностей Н.Н.Мурзакевич упоминает о существовании в Херсонесе развалин трех храмов, один из которых (находящийся на берегу бухты) был, вероятно, храмом № 7. На существование трех храмов, раскопанных в Херсонесе К.Крузе, указывает З.Аркас в своем "Описании древностей Ираклийского полуострова" - первом печатном труде о херсонесских древностях, составленном в 1840 году¹⁰. Однако в середине прошлого столетия не было ясно, к каким архитектурным типам принадлежат херсонесские храмы. Все исследователи, вплоть до начала раскопок графа А.С.Уварова, называли их просто "древними церквями" или "храмами". Для пояснения этого обстоятельства обратимся к

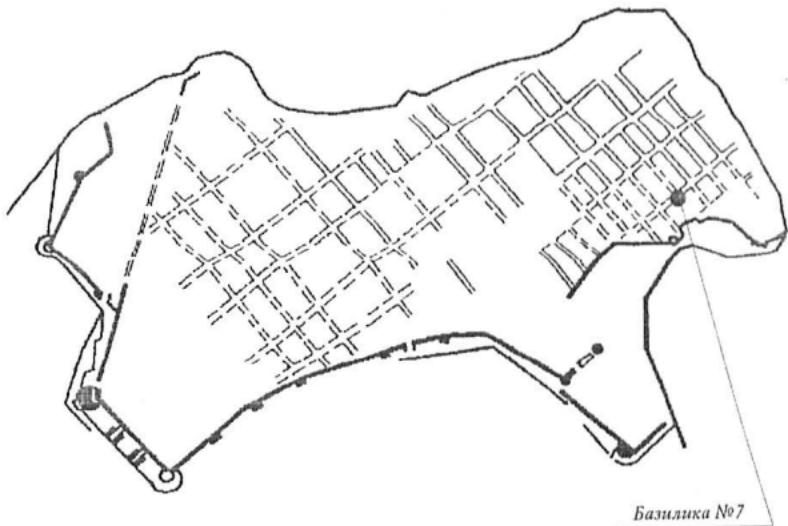

Рисунок 1.

План Херсонесского городища с обозначением места раскопок

существующим в середине XIX века первым планам Херсонеса, на которых обозначены известные в то время археологические объекты на городище. На плане Херсонеса, помещенном на титульном листе атласа, прилагаемого к книге Ф.Дюбуа де Монпере о его путешествии в Крым и на Кавказ, показаны три храма крестообразной формы, один из которых точно локализуется на месте храма № 7¹¹. Такое же расположение крестообразного храма № 7 на плане руин Гераклейского полуострова из этого же атласа, где даны те же очертания Херсонеса, но в более мелком масштабе¹².

В книге З.Аркаса также опубликован план развалин Херсонеса. Следует отметить, что этот план не вполне корректен, поскольку на нем юго-восточная часть городища представлена сискажениями. По всей вероятности автор не решился показывать остатки древнего города на месте действовавшего еще тогда карантинного кладбища, расположенного в этой части городища. Но на месте храма № 7 З.Аркасом размещена крестообразная церковь. Закономерен вопрос: почему в первой половине XIX века на месте базилики № 7 изображали крестообразный храм? Нам представляется следующее объяснение этому.

До раскопок графа А.С. Уварова в Херсонесе были известны только два крестообразных храма, открытых К.Крузе. В третьем (храм № 7) было раскопано так мало, что его долгое время также считали крестообразным, а К.Крузе в своей записке даже назвал его "храмом готической

архитектуры"¹³. Скорее всего лишь с открытием А.С.Уварова стал известен новый тогда для российской археологии тип раннехристианского храма - базилики. До раскопок К.К.Косцюшко-Валюжинича в 1891 году и выяснения плана постройки считали, что интересующий нас храм - крестообразной формы. И только в ходе этих раскопок окончательно было определено, что храм № 7 является базиликой.

Возражения Д.В.Айналова против установленного в Отчете 1891 года авторства первых раскопок храма № 7¹⁴ были не вполне оправданы забыты после выхода популярной брошюры К.Э. Гриневича, в которой впервые храм № 7 назван базиликой Крузе¹⁵. Последняя точка зрения стала традиционной в научной литературе. Тем не менее, как свидетельствует предпринятый нами архивно-библиографический поиск, вопрос о начальном (до 1891 года) периоде исследования храма и по сей день нельзя считать окончательно решенным.

Перед началом раскопок 1998 года инженером-геодезистом В.Б.Семеновым была выполнена инструментальная топогеодезическая съемка базилики и нескольких городских кварталов, к ней примыкающих (М 1:200, Рис.2;3). Одновременно с этим группа рабочих вела расчистку триконхиальной апсиды, стен и всей площади базилики от накопившегося более чем за столетие мусора. Очень плохая сохранность кладок требовала большой осторожности при проведении расчисток. В ходе этих работ были получены новые данные и материалы, позволившие, с

одной стороны, проверить и дополнить уже имеющиеся описания памятника в научной литературе¹⁶, а с другой - обоснованно выбрать участок для последующих раскопок.

При поэтапной расчистке остатков кладок базилики были открыты на полную длину сложенные из разномерных блоков известняка основания колоннад (стилобаты), лишь обозначенные, но не вычерченные на опубликованных планах. В кладке южного стилобата, на расстоянии 1,0 м от стены нартекса, обнаружен участок водовода в виде желоба из положенных плашмя и поставленных на ребро прямоугольных керамических кирпичей. Нам не представлялось возможным проследить направление и выяснить назначение этого канала. Отметим только, что по линейным размерам (25,0-25,5x13,5-14x3,1-3,2 см) упомянутые кирпичи аналогичны позднеантичным кирпичам из раскопок Ольвии¹⁷. Судя по находкам в самом Херсонесе, они применялись (наравне с плинфами) весьма широко - например, для вымостки dna рыбозасолочных цистерн¹⁸, а также в конструкциях арочных сводов¹⁹ и кладке стен храмов²⁰. Последнее обстоятельство особенно важно, поскольку при зачистке периметра базилики № 7 в 1998 году было найдено достаточно много осколков таких же кирпичей, в том числе с остатками строительного раствора на ложковых сторонах. Вероятно, в данном случае они использовались для выравнивания рядов кладки²¹. На основании полного сходства их с кирпичами, использованными для сооружения водовода, мы можем предполо-

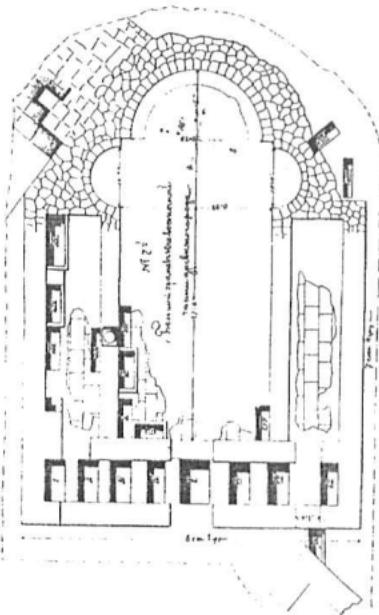

Рисунок 2.
План базилики № 7 (раскопки
К.К. Коцюшки-Валюжинича,
1891 г.)

жить, что этот желоб проложен в фундаменте колоннады базилики еще во время ее строительства.

Кроме того, при расчистке кладок храма были выявлены единичные фрагменты профильных частей и стенок раннесредневековых амфор со следами известкового раствора: фрагменты амфор типа 95 по И.Б. Зеест²² (внутренняя сторона южной экседры базилики), типов 98А и 100 по Зеест (главная апсида, снаружи; внутренняя сторона северной экседры), с рифлением типа «небегающей волны» (главная апсида, снаружи и с внутренней стороны; северная экседра, снаружи; юго-восточный угол южного нефа), фрагменты амфор-«морковок» (класс 2,

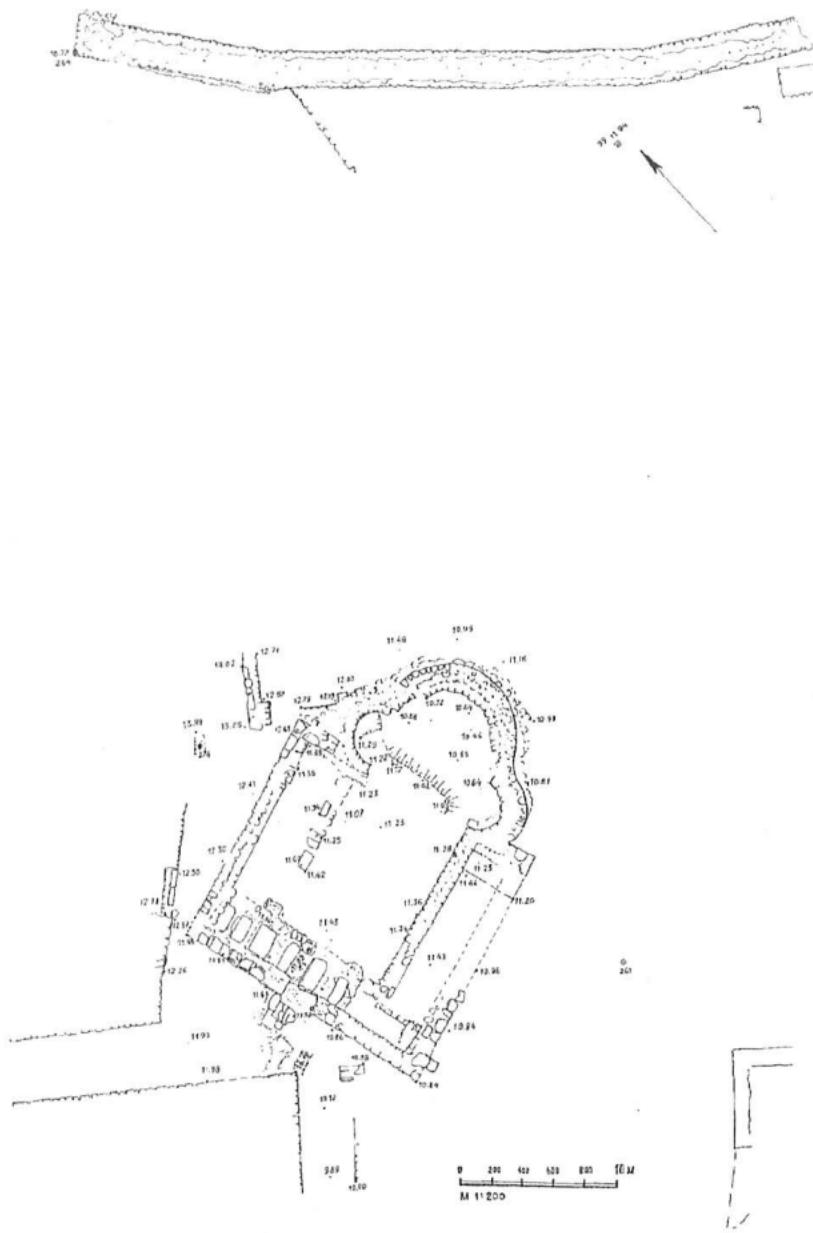

Рисунок 3.
Топографическая съемка базилики № 7 и прилегающего участка.

по классификации А.И. Романчук, А.В. Сазанова и Л.В. Седиковой²³) (с внутренней и внешней сторон главной апсиды), амфор Газы (класс 4; кладка северной стены) и сиро-палестинских (класс 5; с внутренней и внешней сторон главной апсиды). Тогда же, при зачистке главной апсиды снаружи, в кладке был найден фрагмент венца пифоса, по форме характерного для тарных сосудов раннего средневековья²⁴. Два фрагмента краснолаковых блюд формы 62В по Дж.Хейсу, также со следами строительного раствора, обнаружены при расчистке изнутри южной экседры базилики.

Перечисленные находки в целом очень характерны для керамических комплексов Херсонеса, связанных с началом строительства раннесредневековых храмов. Тем не менее, установить на их основании точную дату возведения базилики № 7 в настоящее время едва ли возможно. Во всяком случае, эти материалы, широко датируемые нами в пределах V - середины VII вв., не могут подтвердить или опровергнуть предположение А.Л. Якобсона о возможной постройке храма в V веке²⁵.

Следует отметить, что керамические находки, происходящие из зачисток по периметру базилики № 7, в целом очень малочисленны, и поэтому здесь мы приводим лишь суммарное их описание.

Из общего количества определяемых фрагментов строительной керамики (59 шт.) 13 принадлежали кирпичам (IV-VI вв.), 8 - соленам III-II вв. до н.э., 4 - соленам и калиптерам I-III вв. н.э., 10 - керамидам V-VII вв., 19 -

керамидам IX-X веков (отметим два фрагмента поля соленов с метками), 5 - соленам X-XIII веков.

Из 28 профильных фрагментов амфор З принадлежат сосудам II-III вв. н.э., 9 - амфорам V-сер. VII вв., 5 амфорам X-XI вв. с грушевидным корпусом и венцами воротничкового типа²⁶ (найден также фрагмент стенки с граффити) 2 (из подъемного материала) - плоскодонным кувшинам-амфорам IX-XI вв.²⁷, 1 - круглодонной амфоре XII-XIII вв. и 3 - плоскодонным амфорам XIII века²⁸ (также отметим фрагмент стенки с граффити), 4 - определить не удалось.

Фрагменты профильных частей и стенок амфор X-XIII веков, как и обломки современных им черепиц, происходят, главным образом, из расчисток наружной стороны южной экседры, апсиды и северной стены, то есть с участков, наиболее замусоренных материалами старых отвалов.

Остальные категории массовых керамических находок либо вовсе не были представлены в сбоях (как, например, лепная, чернолаковая и поливная посуда), либо же ограничивались несколькими малопоказательными фрагментами.

Из находок краснолаковой керамики, в дополнение к двум названным выше, упомянем еще один фрагмент миски формы 62В (подъемный материал) и фрагмент венчика кувшина I века н.э.²⁹, найденный в кладке у входа в центральный неф. Из семи фрагментов простых столовых кувшинов два датируются III-II вв. до н.э. (№4 и №7, с остатками строительного раствора), три (№№1-3) - V-VII вв., один (№5) не датируется и один

(№6) относится к XIII веку³⁰ (найден при расчистке северной стены базилики). Найдены круговой кухонной керамики включают 4 фрагмента горшков и 3 фрагмента кувшинов, которые могут быть датированы как II-III веками, так и, не исключено, более поздним временем.

Таковы основные наблюдения по составу керамических сборов из расчисток кладок «Базилики № 7» в отчетном сезоне.

Среди прочих артефактов заслуживает отдельного упоминания осколок мраморной алтарной преграды с рельефным изображением креста, найденный в самом начале работ при расчистке среднего нефа базилики, - как единственный известный на сегодняшний день сохранившийся фрагмент интерьерной детали храма.

Базилика № 7 расположена в XCIX квартале Северо-восточного районе херсонесского городища и ориентирована алтарной частью на восток, с отклонением продольной оси здания на 15° к северу. Размеры постройки - 17,8x25,5 м. Общая схема планировки храма в целом типична для херсонесских раннесредневековых базилик: нартекс, три нефа и алтарная часть. Архитектурное своеобразие ей придают пропорции - значительная ширина здания почти равна его длине и главное - специфически оформленная алтарная часть в виде большой полукруглой апсиды, фланкированной с севера и юга двумя полукружьями - экседрами. Длина алтарной части - до 7 метров, диаметр боковых экседр - 3 м, центральной апсиды - 6 м. (Рис.3).

Двухпанцирные кладки стен базилики сложены из обработанных известняковых блоков на цемянковом растворе, которым скреплена и забутовка из необработанных камней; широкие вертикальные щели между блоками заложены крупными обломками черепицы и плоских кирпичей. Толщина сохранившихся участков стен значительна - 1,25-1,5 м. Наибольшая сохранившаяся высота стен - северного плеча левого нефа - 1,37 м над уровнем фундамента, центральной апсиды - 1,45 м (от уровня современной дневной поверхности). Боковые нефы достаточно узкие. Размеры левого (северного нефа) - 2,9x10,5 м, правого (южного) - 2,7x10,5 м; ширина центрального нефа - 8 м. Перед входом в нартекс сохранились две вырубленные в скале ступеньки, по которым в храм можно было попасть по улице, ведущей из порта. С улицы, вымощенной плитами, в узкий нартекс вели всего два входа: один в боковой левый неф (на расстоянии 2 м от левого угла храма) шириной 1,5 м и центральный (на расстоянии 7,8 м от левого же угла здания) шириной 2,25 м. Все размеры приведены без учета размеров оформления проемов, существовавших во время функционирования храма. Третьего (правого) входа мы не обнаружили, хотя он нанесен на план, составленный М.И.Скубетовым для К.К.Косцюшко-Валюжинича; не было зафиксировано и каких-либо следов от заклада дверных проемов. Нам представляется, что отсутствие правого бокового входа в притвор храма может быть связано с резким понижением рельефа ска-

лы по направлению к берегу бухты (соответственно, существенным перепадом уровня улицы от левого к правому углу базилики). Об этом можно судить и на основании сохранившихся двух рядов кладки над фундаментом здания на этом участке (размеры их по фасаду 0,25-0,26x0,5-0,9 м). Из нартекса в северный неф вел дверной проем шириной 2,0 м и в центральный неф шириной 2,25 м. Говорить о существовании и предполагаемых размерах дверного проема из нартекса в южный неф до завершения исследования памятника не представляется возможным.

На основании данных топографической съемки остатков храма и прилегающего участка городища, можно констатировать, что строителями для сооружения базилики было выбрано очень удачное место - оживленный перекресток двух улиц на крутом склоне холма, хорошо просматривающемся со всех точек нижнего (портового) участка города. Но все же существенные перепады материевой скалы как с севера на юг, так и с запада на восток значительно усложнили сооружение фундаментов храма. Строителям пришлось специально усиливать фундамент. Именно этим обстоятельством может объясняться существование внешних поясов кладки апсиды, выполнявших роль своеобразных «контрфорсов». На необычно мощные фундаменты апсиды базилики указывал А.Л. Якобсон³¹. Специально подчеркнем, что следов какого-либо древнего сооружения, предшествовавшего базилике №7 на этом участке (о чём упоминает К.К. Косцюшко-Валюгинич),

обнаружить не удалось. Современное состояние памятника не позволяет судить и о существовании сплошных бутовых стен, будто бы сооруженных на месте первоначальных колоннад на последнем этапе жизни памятника³².

Выше мы упоминали о своеобразии алтарной части базилики - триконхиальной ее форме. А.Л. Якобсон объяснял это своеобразие влиянием ближневосточных традиций в христианском строительстве Херсонеса³³. Однако возможно иное объяснение такой особенности здания. Трехчастное деление алтарного помещения соотносится с потребностями литургии: апсида (с синтроном) играла роль пресвитерия, северная экседра - "предложения", а южная - "диаконника", что соответствует традиционному устройству алтаря в средневековых восточно-христианских храмах.

По результатам первого, подготовительного этапа работ (инструментальная съемка местности, расчистка стен с предварительным археологическим обследованием) был выполнен крупномасштабный архитектурный обмер остатков храма с указанием основных высотных отметок, а также продольный и поперечный его разрезы. Специальные археолого-архитектурные работы такого рода на базилике №7 были проведены впервые.

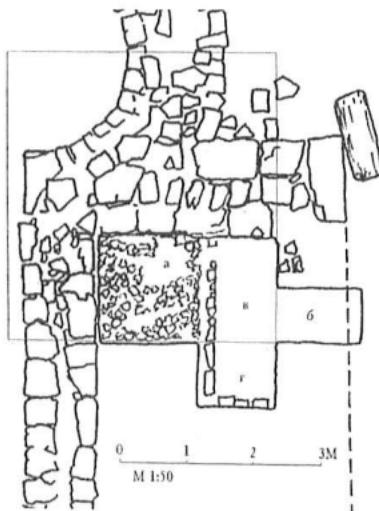
Следующий этап изучения памятника - археологические раскопки - осуществлялся на основании результатов предварительных работ. Современное состояние памятника и сравнение его с планом, опубликованным Д.В. Айналовым, позволили

установить, что южный неф базилики был менее всего раскопан, и определить его как наиболее перспективный для исследования участок. В том месте, где сходились в единый узел кладки солен, южной конхи и южного плеча базилики, был заложен квадрат со стороной в 5 м. (Рис.4;5). При этом ширина нефа и необходимость сохранения контрольной бровки в 1 м позволили раскопать только часть квадрата.

В восточной части южного нефа, на глубине 0,3 м от современной дневной поверхности, непосредственно у кладки стилобата, обнаружился известковый пол, сооруженный как основание под мраморные плиты, зафиксированные на старых планах. Сохранились только мелкие облом-

ки плит, но открытая субструкция подтвердила правильность выбора места для раскопок. При зачистке известкового основания пола, от стилобата к южной стене базилики, была обнаружена плитовая могила, ориентированная вдоль нефа с запада на восток (Рис.6). Открытие могилы заставило скорректировать предварительный план раскопок и сконцентрировать все усилия на ее изучении. Для выявления полного контура могилы пришлось сделать две прирезки к квадрату № 1: южную и западную. Центральная и восточная части могилы были обозначены литерой В.

Могила, двадцатая по общему счету погребений на этом участке (19 были исследованы в храме в прошлом столетии), сохранилась частично; ее южный продольный край был, вероятно, разрушен вместе с южной стеной здания. Внутренние размеры могилы 2,25x0,85 м при глубине 0,55 м. Известняковые блоки обкладки сохранились только вдоль северного продольного и западного поперечного бортов. По верхней грани плитовой обкладки шла черепичная отмостка, выполненная из фрагментов соленов IX-X вв. Здесь же найдены четыре упавших камня от свода, перекрывавшего могилу (Рис.7). На камнях свода и в грунте под ними обнаружено множество (более 1100) крупных (до 20-36 кв.см) и мелких (0,25-1,5 кв.см) фрагментов штукатурки с остатками росписи. Все фрагменты были тщательно выбраны и после предварительной шифровки в поле переданы для консервации и дальнейшего камерально-

Буквами на плане обозначены:

- а - участок субструкции пола
- б - южная прирезка (Probe 1)
- в - центральная и восточная части могилы
- г - западная прирезка (trench 1),
- западная часть могилы

Рисунок 4.

План раскопок 1998 г.

го изучения в отдел научной реставрации Национального заповедника «Херсонес Таврический». Заметим, что штукатуркой были покрыты и стены могилы, сложенные из необработанных и полуобработанных известняковых камней.

Только после осторожного удаления камней рухнувшего перекрытия стало возможным приступить к исследованию основного погребения. Заполнение могилы состояло из серовато-коричневого суглинка, насыщенного мелким бутовым камнем, обломками штукатурки, осколками мелких человеческих костей; присутствовали немногочисленные фрагменты керамики. Грунт удалялся горизонтальными слоями примерно по 10 см толщиной, с поэтапной зачисткой открываемых костей погребенных и их графической и фотографиксацией.

Антропологическое определение найденных костей выполненное научным сотрудником Национального заповедника «Херсонес Таврический» А.Ивановым, показало следующее. Могила, несомненно, использовалась длительное время для неоднократных захоронений. В этом погребении обнаружены останки восьми взрослых и не менее чем одиннадцати детей. Все погребенные лежали головой на запад. Кости очень плохой сохранности. В относительном анатомическом порядке сохранились кости только первого («нижнего») погребенного (Рис.8;9). Согласно антропологическому заключению, этот костяк принадлежал мужчине в возрасте до 30 лет. Он лежал на спине, ноги вытянуты, ле-

Рисунок 5.
Общий вид раскопа 1998 г.

вая рука была вытянута вдоль туловища, правая - согнута в локте почти под прямым углом, кисть лежала в области таза. Последующие подзахоронения производились поверх

Рисунок 6.
Плиновая могила в раскопе 1998 г.

первого, при этом костяки предыдущих захороненных сдвигались к краям могилы. Нарушенный анатомический порядок и плохая сохранность костяков могут объясняться неблагоприятными почвенными условиями и неглубоким залеганием погребенных от современной дневной поверхности. Кроме этого, нарушение первоначального состояния погребения могло произойти в результате разрушения могилы в древности или при раскопках базилики в XIX веке. (Как мы отмечали выше, южная часть могилы не сохранилась).

В заполнении могилы найдены немногочисленные предметы: небольшой стеклянный браслет, 16 медных (часть - с позолотой) пуговиц-подвесок. Возле одного из черепов (№2) были найдены парные подвески-«серьги» и раковина каури. В слое 4 у северного борта могилы найден железный гвоздь и мелкие обломки строительной керамики (в том числе черепицы XII-XIII вв.), попавших в могилу, вероятно, вместе с затеком грунта, после разрушения арочного свода.

Рисунок 7.

Рухнувшее панто свода, перекрывавшего могилу.

После проведения необходимой фото- и графической фиксации погребений, костные останки были извлечены из могилы, а после завершения антропологического анализа перезахоронены на новом месте. Стены и дно могилы были зачищены и зафиксированы на чертеже, а небольшой участок в ее западной части был прокопан на контрольную глубину в 20 см. В результате удалось выяснить, что дно могилы состояло из плотного грунта, лежащего на рыхлой щебенистой почве без какого-либо археологического материала.

Керамические находки в грунте двух верхних горизонтов квадрата I (восточный конец южного нефа) включали немногочисленные разрозненные осколки строительной керамики, амфор, кухонной и столовой посуды.

В основном были представлены материалы I-III, V-VI и X-XIII вв. К первой группе относятся фрагменты двух керамид, (амфор типа 72 / 73 по Зеест (5 стенок), кухонного горшка и ойнохой, краснолаковых сосудов - кувшина и миски с закругленными краем³⁴. Ко второй группе принадлежат 8 фрагментов плоских прямоугольных кирпичей, обломки профильных частей и стенок раннесредневековых амфор: типа 95 по Зеест (7 стенок), типа 100, амфор-«морковок» (11 стенок), амфор Газы и с рифлением типа «небегающей волны» (25 стенок). Сюда же относятся два фрагмента поздних краснолаковых сосудов - осколок дна блюда (форма 2 группы «Поздний римский С»)³⁵ с характерным гребенчатым орнаментом и

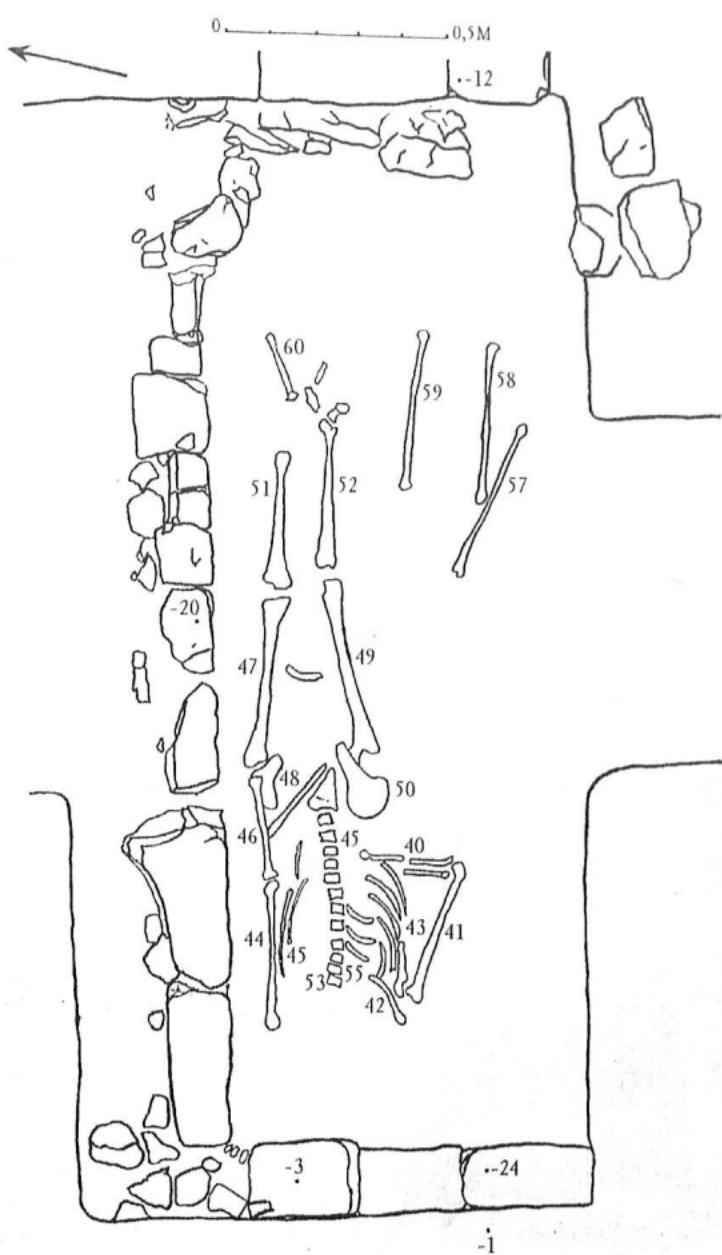

Рисунок 8.

План «нижнего» погребения плитовой могилы.

фрагмент дна миски формы 62В³⁶ (группа «Африканские краснолаковые сосуды»).

Найдены более позднего времени - единичны: 1 стенка амфоры VII-IX вв. с зональным рифлением³⁷ и остатками строительного раствора; фрагмент венца плоскодонного тарного кувшина IX-XI вв., три фрагмента керамид IX-XI вв., бортик солена XII-XIII вв. Из некерамических находок отметим найденный здесь же осколок точильного бруска.

По данным полевых наблюдений, слой, содержавший вышеперечисленные фрагменты керамики, образовался поверх субструкции некогда существовавшего пола и остатков погребения уже после гибели храма, из частиц наносного грунта и материала разрушенных кладок. Не ис-

ключено также, что мраморный пол на данном участке южного нефа был снят только в ходе раскопок XIX века, и весь грунт этого слоя содержал лишь мусорные остатки, накопившиеся с тех пор. Сходным образом объясняется состав керамических находок из заполнения могилы - все они попали туда с натечным грунтом после того, как было разрушено (разобрано?) первоначальное перекрытие погребения. В составе этой группы находок, как и в большей части сборов при расчистках кладок базилики, преобладают фрагменты средневековой строительной керамики: 24 осколка кирпичей IV-VI вв, около 50 фрагментов черепиц IX-XV вв. (в том числе - с водосливными валиками), 10 фрагментов керамид XII-XIII вв. (один с рельефной меткой). Профильных фрагментов амфор - всего два (венчик амфоры Газы, № 40 - ручка амфоры с рифлением типа «небегающей волны»). Из найденных здесь фрагментов стенок 27 также принадлежат амфорам V-VII вв. (восемь из них - со следами строительного раствора), 4 - амфорам I-III вв и 3 плоскодонным амфорам XII-XIII вв³⁸.

Кроме этого, при раскопках погребения найдены 4 фрагмента кухонных горшков I-III вв. и 3 лепных сосудов .

Отдельно следует сказать о фрагментах соленов IX-X веков, выполненных в ряд по верхней кромке плитовой обкладки могилы. Они представляли своеобразную отмостку, отмечавшую контур погребения и, вероятно, также служили опорой для перекрытия погребальной камеры. Осколки аналогичных керамид

Рисунок 9.
«Нижнее» погребение плитовой
могилы.

были проложены между нижним и верхним рядами плитовой обкладки могилы для компенсации разницы в высоте плит.

Реставрация и технологическое исследование металлических предметов и фрагментов стенной штукатурки, найденных при раскопках квадрата № 1, осуществлялись в лаборатории научной реставрации Национального заповедника «Херсонес Таврический». Здесь изложены данные, необходимые для более подробной характеристики археологической ситуации. Медные и бронзовые пуговицы и "височные кольца" все были найдены в западной части могилы. По заключению реставратора Н. Шведовой, из 16 найденных пуговиц 4 литые, а 12 полые двучастные, сферической формы. На 6 полых пуговицах-бубенчиках обнаружены плохо сохранившиеся следы позолоты. Три литых пуговицы сплюснуты по бокам, что придает им неправильную форму. Три "височных кольца" изготовлены из бронзы, а два - из низкопробного серебра. Оба серебряных кольца были найдены у черепа № 2.

Полые и литые пуговицы-бубенчики являлись, вероятно, принадлежностью костюма погребенных. ТERRITORIALНЫЕ рамки их бытования в средневековые очень широки. Кроме Крыма и Херсонеса подобные предметы известны на Северном Кавказе и на Руси³⁹. В погребениях Новгороды бубенчики находили в области шейных позвонков, что позволило определить их как застежки ворота рубах⁴⁰. Наши находки отчасти подтверждают правомерность такой

атрибуции, т.к. почти все бубенчики были найдены в западной части могилы, где располагались верхние части костяков. Следы позолоты дают возможность интерпретировать их не только как застежки ворота, но и как декоративный элемент одежды. Вместе с тем, четыре пуговицы (№№ 11-14 по полевой нумерации) найдены в области таза нижнего погребенного. Заметим, что две из них оказались также позолоченными.

В процессе подбора стыкующихся обломков стенной штукатурки удалось соединить в три крупных блока фрагменты с остатками фресковой росписи, найденные на различных участках и уровнях раскопанного погребения. Фрагменты, составившие т.н. «Орнаментальную полосу А», были найдены в западной и южной прирезках к квадрату, кроме того - у северной стены могилы на уровнях 3 и 4, а также сняты с арочного камня S 4, что подтверждает их принадлежность рухнувшему арочному своду.

Фрагменты «Орнаментальной полосы В» происходят из раскопок третьего и пятого горизонтов в западной и южной прирезках, а также третьего и четвертого горизонтов в центральной части могилы.

«Орнаментальная полоса С» включает фрагменты штукатурки из второго, третьего, четвертого горизонтов в западной прирезке, из третьего и пятого горизонтов в южной прирезке к квадрату 1.

По условиям находки можно заключить, что фресковая роспись украшала, вероятно, нижнюю часть аркосолии, сооруженной над погребением. Обычно подобные погребе-

ния перекрывались плитами, но в данном случае камни разрушенной арки упали непосредственно на kostяки погребенных, и отколовшиеся куски штукатурки проникли в скопление костей на глубину 30-40 см. На этом основании мы можем предположить, что к моменту падения арки первоначальное перекрытие могилы уже было разобрано, а это, в свою очередь, могло произойти лишь при условии, что храм был окончательно заброшен. Таким образом, разрушение арки по времени следует за окончательной гибелью базилики № 7.

Погребения сходной конструкции хорошо известны по раскопкам херсонесских храмов позднесредневекового периода (XII-XIII вв) - например, часовни № 4 (раскопки XIX века⁴¹), храма с аркосолями (раскопки 1963 года в Портовом районе⁴²) и храма в VII городском квартале (исследован в 1987-88 гг⁴³). Общее ко-

личество погребенных в таких могилах могло достигать трех-пяти десятков. Находки сопутствующих предметов, как правило, очень скучны и однотипны: те же металлические пуговицы и колечки, железные гвозди, разрозненные осколки керамики.

Интересную аналогию арочному оформлению входа в подобные усыпальницы удалось отыскать среди эпиграфических памятников Херсонеса, опубликованных В.В.Латышевым. По торцу пяти камней, найденных «впереди нового собора» и некогда составлявших единую полу-круглую арку, выбита надгробная надпись о кончине иеромонаха и клирика Петрония с указанием точной даты - 6692 (1183) г⁴⁴. Таким образом, погребальная конструкция, открытая раскопками 1998 года в южном нефе базилики № 7, занимает свое место в ряду характерных памятников заключительного этапа жизни города.

Примечания

1. ИАК за 1891 год.
2. Айналов Д.В. Памятники христианского Херсонеса. Вып. I. Развалины храмов. М., 1905.
3. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. МИА, вып. 63, М-Л, 1959.
4. Здесь мы пользуемся рукописью подготовленной к печати монографии И.В.Тункиной об истории археологических исследований памятников античности на юге России в XVIII-первой половине XIX вв. Автор любезно предоставил нам возможность не только познакомиться с рукописным текстом, но и использовать некоторые материалы монографии в своей работе не дожидаясь публикации книги. Мы глубоко благодарны И.В.Тункиной за столь бескорыстную дружескую поддержку.
5. Тункина И.В. К истории археологических исследований Херсонеса в первой трети XIX века // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса, 1888-1988. Тез. докл. на Зучн. конф. Севастополь, 1988. С. 119-121. В книге Ф.Дюбуа де Монпере К.Крузе упомянут как лейтенант, а в документах 1836 г. - он уже штабс-капитан.
6. Лишь только А.А.Бобринский (не известно на основании каких источников) называет автором раскопок 1827 года капитана Берха. См.: Бобринский А.А. Херсонес Таврический. Исторический очерк. СПб, 1905. С. 175.
7. Айналов Д.В. Памятники христианского Херсонеса. Вып. I. Развалины храмов. М., 1905. С. 51.
8. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. МИА, вып. 63, М-Л, 1959. С. 8, (второй столбик, сноска 2).
9. Айналов Д.И. Ук. соч. С. 50-51.

10. Аркас. История Ираклейского полуострова и его древности. Записки Одесского Общества истории и древностей. Т. 2, Одесса, 1848. С. 257.
11. Dubois de Montpereux F. Voyage au Caucase chez les Tcherkesses & les Abkases en Colchide en Georgie en Armenie et Crimee. Atlas. Serie de Geographie ancienne & Moderne ou I-e Serie. Neuchatel, Paris, 1843. Титульный лист.
12. Dubois de Montpereux F. Atlas. Pl. LIX.
13. Айналов Д.В. Ук. соч. С.50
14. Айналов Д.В. Ук. соч. С.51,69. Согласно тексту Отчета 1891г., мнение о тождественности базилики № 7 с одним из храмов, раскопанных К.Крузе, принадлежит А.Л.Бертье-Делагарду (Архив НЭХТ, д.2, л.8). В библиотечном фонде Национального заповедника "Херсонес Таврический" хранится книга со статьей, подписанной П.Л. (См.: П.Л. Остатки церквей на руинах древнего Корсуня или Херсонеса, их открытие и значение. Киевская старина. 1890). Статья принадлежит перу протоиерея Софиевского собора в Киеве П.Лебединцева. В карандашных заметках на полях этой книги К.К.Косцишко-Валюжинич пишет, дополняя автора, о том, что в 1827 г. в Херсонесе вел раскопки "... Крузе, по поручению адмирала Грейга. Им открыты кроме того, еще два храма: за монастырской конюшней и выше шлюпочного сараев (храм № 7. 1891 г.)". Вердикто, у К.К.Косцишко-Валюжинича не оставалось сомнений в том, что исследованным им храмом № 7 являлся именно тем, который был раскопан К.Крузе в 1827 году.
15. Гриневич К.Э. Столет херсонесских раскопок (1827 - 1927). Севастополь, 1927. С. 10.
16. ОАК за 1891 год. С.10; Айналов Д.В. Ук. соч. С.67-70; Якобсон А.Л. Ук. соч. С. 187-188.
17. Крапивина В.В. Ольвия: (Материальная культура I-IV вв. н.э.). К., 1993. С.92.
18. Керамическое производство и античные керамические материалы. САИ Г1-20. М., 1966. С.49
19. Якобсон А.Л. Ук. соч. С.175.
20. Там же. С.156, 168, 172, 186 и др.
21. Там же. С.188.
22. Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора. МИА, № 83. М., 1960
23. Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995.
24. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979. С.18, рис.5, №3,6.
25. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. С.190.
26. Романчук А.И. и др. Ук. соч. [класс 43].
27. Там же. [класс 41].
28. Там же. [Соответственно классы 45 и 46].
29. Каменецкий И.С. Городища донских меотов. М., 1993. Рис.13, №78. С.69 - тип III, вариант 4
30. Якобсон А.Л. Керамика ... Рис.72, №11.
31. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. С.188.
32. ОАК за 1891 год. С.10; Айналов Развалины храмов. С.70; Якобсон А.Л. Ук. соч. С.188.
33. Якобсон А.Л. Ук. соч. С.190.
34. Каменецкий И.С. Городища донских меотов. С.45. - Миски, тип 1.
35. Hayes J. Late Roman Pottery. London, 1972. P.329. - [425-450гг.]; Романчук А.И., Сазанов А.В. Краснолаковая керамика раннесредневекового Херсона. С.12.
36. Романчук А.И., Сазанов А.В. Ук. соч. С.36. - [конец IV-VI вв.]
37. См.: Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры ... Табл. 22-26.
38. Там же. Табл. 46-48.
39. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981, рис.94, №№ 33, 53, 105-108, 193, 198.; Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода. М., 1981, рис.61, №№ 3-7, рис.62, №№ 11, 16, 17.
40. Седова М.В. Ук соч. С.155.
41. Айналов Д.В. Развалины храмов ... С.132

42. Отчет о раскопках Объединенной экспедиции Херсонесского музея и Уральского государственного Университета в 1963 г. Архив НЭХТ. Д.1138, л.120
43. Сазанов А.В. Альбом к Отчету о раскопках VII квартала Херсонеса в 1988 г. Архив НЭХТ. Д.2866, рис.120-124.
44. Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб, 1896. С.33-34, № 27.

Приложение

А.В. Иванов

МОЛЛЮСКИ ИЗ РАСКОПОК БАЗИЛИКИ № 7 В 1998 Г

В ходе археологического исследования погребения была собрана небольшая выборка черноморских двустворчатых моллюсков принадлежащих 5 родам.

1 род. *Flexopecten* (A. Et. H.Adams, 1857)

Flexopecten ponticus - 1 экз.

2 род *Ostrea* (Linne', 1758)

Ostrea edulus a - 6 экз.

3 род. *Mytilus* (Linne', 1758)

Mytilus galloprovincialis a - 4 экз.

4 род.*Chamelea* (Morch, 1853)

Chamelea gallina a - 1 экз.

5 род. *Cherastoderma* (Poli,1795)

Cherastoderma edule a - 2 экз.

Кроме черноморских видов, зафиксирован средиземноморский брюхоногий моллюск *Syrugaea moneta* a., 2 раковины коего использованы для изготовления подвесок.

Из выявленных видов промысловыми являются два *O. edulus* (черноморская устрица) и *M. Galloprovincialis* (мидия), остальные виды ныне самостоятельного промыслового значения на Черном море не имеют, хотя также вполне съедобны. Все виды встречаются в р-не Севастополя на песочно-илистых грунтах на глубинах до 30 м, в

составе биоценозов устричных гряд и являются характерными видами при устричном промысле¹. Экземпляры устриц соответствуют морфологической форме, характерной для Каркинитского залива². До посл. четв. XV - сер. XVI в. данный морфологический тип был характерен для побережья Юго-Западного Крыма вплоть до м.Херсонес и являлся доминирующим в структуре популяции устриц в Севастопольской бухте, позднее деградировавшей в процессе Корсунской регрессии уровня Черного моря. С кон. XVI по начало настоящего столетия популяция *O. edulus* у Юго-Западного побережья Крыма восстанавливается за счет южнобережных устриц, обладающих иным комплексом морфологических признаков, характеризовавшимися исследователями в качестве «Севастопольской устрицы»³. Присутствие в выборке экземпляров *Cherastoderma edule* - вида, более терпимого к преснению, может свидетельствовать о том, что промысел устриц велся в верховьях Севастопольской бухты в районе современной Келмен-балки и Голландии⁴.

Примечания

- 1 Зернов С.А. Основные черты распределения животных в Черном море у Севастополя // Известия имп. АН. СПб., 1912. С.50.
- 2 Карнов В. Отчет о командировке на Черное море для изучения устричного дела // СПб. - 1903.
- 3 Карнов В. Отчет о командировке на Черное море для изучения устричного дела. // СПб. - 1903; Шталь В.А. Устричеводство на Черном море // Труды русского имп. Общества по акклиматизации животных и растений. Т.5. Ч.3. СПб. 1898.
- 4 Скорлато О.Я., Старблотов Я.И. Двусторчатые моллюски // Определитель фауны Черного и Азовского морей. Т.3., Киев. 1972.

БАЛАКЛАВА XIV-XVIII ВВ. ЭТНО - КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ОЧЕРК

Этническое и религиозное многообразие населения позднесредневековых городов Крыма составляет признанную историческую реалию. Чембало - Балаклава - городской центр Юго - Западной Таврики, в этом плане не составляет исключения. С 40 гг. XIV в. До 1475 г. Чембало был центром генуэзского присутствия в регионе, что предопределило более чем вековое существование двух религиозных общин - православной, объединившей местное грекизированное население и католической, состоявшей из колонистов - латинян. .

Присутствие итальянцев - католиков в юго - западной Таврике отмечается со второй половины XIII в¹. Уже к рубежу XIII-XIV вв. их община в близлежащем Херсоне весьма значительна, на исходе XIII в. здесь основан один из монастырей братьев - миноритов, к 1303 г. учреждается католическая епископия, в 1333 г. принимается решение о строительстве кафедрального собора². По видимому в этот же период в сферу торгово - политических интересов латинян попадает и населенный пункт при Балаклавской бухте, свидетельством этому находка свинцовой печати римского папы Александра IV в ближней округе города³, что позволяет ставить вопрос о посещении Балаклавы итальянцами, и возможном проживании здесь какого-то количества латинян уже с середины

XIII в. Однако, основанное на случайной, единичной находке, утверждение публикатора памятника о том, что «есть все основания полагать, что уже с начала 60-х, гг. XIII в. Балаклава могла находиться в ведении генуэзской колониальной администрации»⁴ представляется неубедительным. Какие - либо данные о столь раннем присутствии здесь генуэзских официалов отсутствуют, закрепиться в регионе и, преодолев сопротивление татар, начать его систематическую колонизацию генуэзцам удается не ранее 1345г⁵. Данные о религиозной организации католического населения города относятся к XV в. Согласно уставу 1449 г. в штатах колонии числились домовой священник с причетником, при жаловании в 125 аспров в месяц⁶. Во второй четверти XV в. в Чембало функционирует епископская кафедра, с 1432 по 1462г. ее занимает епископ Джованни, его смениет представитель доминиканского ордена Микеле де Реутелем, по происхождению грек, с 1465 г. ему, в свою очередь, наследует францисканец Александро ди Монтеагуто⁷. По данным позднейших источников, представители ордена Св. Франциска пользовались в Чембало значительным влиянием и имели здесь свой монастырь⁸. В пределах укреплений Чембало, где, очевидно, проживала большая часть местного католического населения, известны руины трех цер-

ковных построек. В комплекс сооружений «верхнего» города Св. Николая входит, так называемая, консультская церковь⁹. Другие два храма расположены в пределах внешнего периметра укреплений, строившихся в 1464-67 гг¹⁰. Одненефная церковь находится на средней террасе западного склона г. Кастрон. Остатки маленького храмика прослеживаются в нескольких метрах к западу от подножия донжона. Конфессиональная атрибуция и точная датировка указанных построек в настоящее время затруднительна. Встречающиеся в литературе сведения о построенной в 1357 консулом Симоном - дель - Орто церкви во имя XII Апостолов, в старой части современной Балаклавы¹¹, действительности не соответствуют и базируются на ошибочной интерпретации материалов В. Юргевича¹². Католическая община Чембало прекращает свое существование после османского вторжения 1475 г.

Позднесредневековая Балаклава оставалась весьма небольшим городом, общее число домовладений на протяжении XVI-XVIII вв. не превышало 250 - 300. По видимому к исходу времени генуэзского присутствия застройка старой части современного города вполне сложилась и в дальнейшем ее масштабы серьезно не изменились. Здесь была сосредоточена основная часть греческого населения города. Вероятно, что уже в это время существовали греческие церкви известные по позднейшим источникам. На протяжении XIII- XV вв. сформировался значительный городской некрополь, принадлежав-

ший местному христианскому населению. Его сохранившиеся участки зафиксированы вдоль современных улиц Кирова и Башенной. Единообразный погребальный обряд свидетельствует о конфессиональном единстве жителей этой части города, в то же время антропологические материалы с исследованного в 1993 - 95 гг. участка некрополя¹³ подтверждают тезис об этноконфессиональной интеграции различных по происхождению и сохранявших антропологическое своеобразие групп городского населения в процессе формирования средневековой греческой народности Крыма¹⁴.

Предместье Балаклавы, будущий Кади-кой, в XIII- XV вв. также был греческим христианским поселением, что подтверждается зафиксированным здесь некрополем и материалами из синхронных слоев поселения¹⁵, не исключено, что в рассматриваемый период здесь существовала греческая церковь, на месте позднейшего храма Св. Троицы¹⁶.

Косвенные данные позволяют предполагать присутствие в составе населения Чембало сер. XV в. армян. Армянские имена присутствуют в тексте устава 1449 г. в списке лиц пострадавших при защите колонии и получавших денежное содержание от властей¹⁷. Впрочем, вряд ли армянская община этого периода была многочисленной, во всяком случае, переводчику состоявшему в штате колонии не вменялось в обязанность владение армянским языком, в отличие от греческого и татарского¹⁸.

В первые десятилетия османского присутствия греческая община ос-

тавалась преобладающей в населении города. По данным дефтеров XVI в. (автор весьма признателен к.и.н. А. Голенко за возможность ознакомиться с материалами османских дефтеров, касающимися Балаклавы XVI в.) наблюдается следующая картина: В 1520 г. греческая община составляла 144 двора, объединенных в пять кварталов, по мнению А. Голенко соответствовавших церковным приходам:

Папа Никита - 64 дв.

Папа Никола - 22 дв.

Папа Костандин - 34 дв.

Папа Яни - 11 дв.

Папа Михаил - 13 дв.

Очевидно, местные греческие приходы, функционировали в составе Херсонской епархии вплоть до прекращения ее существования, в начале XV в., а позже находились в юрисдикции митрополита Готского.

Помимо греческих, отдельно отмечены армянский квартал, состоящий из 17 дворов, и местная иудейская община из 16 дворов, к сожалению, нет данных о религиозной организации этих общин.

Со времени османского завоевания в Балаклаве начинается формирование значительной мусульманской общины, к 1520 г. составлявшей 28 семей. Старейший мусульманский квартал располагался внутри внешнего периметра укреплений генуэзской крепости, в последствие, по данным Э. Челеби, здесь располагались 50 домов, занятых гарнизоном крепости¹⁹. Жители квартала составляли джемаат мечети Джами-и - Кебир, существовавшей уже к 1520 г. В 1542 г. в городе уже два

мусульманских квартала при двух мечетях (вторая мечеть Хелзе). Рост мусульманской общины города продолжался и в дальнейшем, после 1641-42 гг. строится и третья мечеть. Просуществовавшие до I четв. XIX в. мусульманские культовые сооружения достаточно четко локализуются на плане современного города, по картографическим материалам кон. XVIII- нач. XIXвв. и иконографическим материалам этого периода²⁰. Джами-и-Кебир располагалась у подножия горы Кастрон, севернее угловой башни 1464 г., вблизи еще существовавших тогда крепостных ворот, другие мечети стояли по совр. ул. Калича, на месте дома № 20, и к северу от территории совр. рынка.

На протяжении XVI - сер. XVII в. наблюдалась неизменная картина ослабления христианских традиций в городе и неуклонного роста мусульманского компонента его населения. Уже в 1546 г. греческая община сокращается до 129 дворов, в 1642 г. Э. Челеби пишет о 70 дворах «неверных греков»²¹, османские фискальные документы 1649, 1652 гг., соответственно указывают цифру 24 двора²². Вплоть до последней четв. XVIII в. численность греческого населения города остается стабильной, в 1778 г. из Балаклавы в Приазовье переселяются жители 28 дворов²³. Число действовавших церквей к этому времени сократилось до двух, при одном священнике²⁴. Это храмы Св. Апостолов Петра и Павла, и Св. Троицы, третий храм Св. Николая пребывал в разорении, и был восстановлен лишь в 1787- 89 гг. Указанные постройки сохранились до относительно недав-

него времени (церковь Св. Николая существует и ныне) и точно локализуются на современном плане города²⁵. По-видимому известные греческие церкви Балаклавы были основаны в дотурецкое время, тенденция к сокращению численности общины, присутствие турецкого гарнизона и администрации, усиление мусульманского компонента в составе населения города ни коим образом не способствовали церковному строительству. По большому счету, сегодня, во всем Юго-Западном Крыму не известно ни одной греческой церкви основанной после 1475 г.

Предместье города Кади-кой, по размерам мало уступавшее самой Балаклаве и насчитывавшее двести домов, в середине XVII в. было заселено преимущественно мусульманским населением²⁶ в 1652 г. дворов принадлежавших грекам здесь осталось три²⁷. Местная мечеть, вероятно, была перестроена из ранее существовавшей греческой церкви²⁸.

Встает вопрос, в какой форме проходил процесс увеличения доли мусульманского населения в городе, было ли это результатом исламизации местного христианского населения или следствием миграционных процессов? Мы полагаем более обоснованным вторую версию. Данные письменных источников XVI- XVII вв. позволяют утверждать, что основу мусульманской общины города составляли выходцы из Малой Азии. Местное татарское население здесь было весьма немногочисленно и 1542 г. составляло лишь шесть дворов. Мартин Броневский свидетельствовал, что население Балаклавы

составляли греки, евреи и турки²⁹. Несколько позже Никлас Барти упоминает турок, евреев и армян³⁰. Эвлия Челеби прямо указывает, что большинство жителей города составляют «неотесанные лазы», и противопоставляет их крымским татарам, по мнению путешественника, не приспособленных к жизни в здешних горах³¹. Позже аналогичным образом население Балаклавы характеризует и Тунманн³². Эти сведения подтверждаются данными топонимики, акватория к востоку от Балаклавы до м. Айя в турецких картографических источниках названа *Lasi limani*. Отметим, что жители Лазистана, в отличие от крымских татар, были весьма искусны в морских промыслах³³, составлявших основу экономики города в рассматриваемые периоды его истории³⁴. Основываясь на приведенных источниках, можно полагать, что значительная миграция малоазийского мусульманского населения в район Балаклавы происходит на рубеже XVI - XVII вв.

Естественно, возможность исламизации части местного христианского населения, не противоречит общепринятой ситуации в регионе. Однако следует отметить факт перемещений значительных групп христианского населения внутри Крымского полуострова, с территории составлявших султанский санджак, куда входила и Балаклава на земли находившиеся под юрисдикцией Крымского ханства, характерногонейшей веротерпимостью. В случае Балаклавы возможен и третий вариант. В ближайшей округе города значительные христианские об-

шины, состоявшие из тюркоязычного греческого населения, вплоть до последней четверти XVIII в. проживали в селах Карапь (совр. Флотское)- более 40 дворов, Камара (Оборонное) - более 100 дв., Алсу (Морозовка)- ок. 30 дв., причем данных о мусульманском населении в этих пунктах нет³⁵. Во всех селах действовали церковные приходы, насчитывающие до шести церквей³⁶. Возможно что часть христианского населения Балаклавы осела здесь, в непосредственной близости от прежнего местожительства. Кроме того турецкий картографический источник указывает еще два населенных пункта к западу от Балаклавы - Кильсе - Кой и Ени - Кой³⁷, характер топонимов также может свидетельствовать о каком -то перемещении христианского населения, впрочем до конца XVIII в. указанные населенные пункты не доживают.

Сколько не была малочисленна христианская община Балаклавы, однако именно в этот порт прибываёт из Константинополя в апреле 1771 г. последний митрополит Готфийской епархии Игнатий³⁸. К сожалению, не вполне понятно, как было обставлено прибытие иерарха во

вверенную ему епархию, был ли специально нанят для этого корабль, а его маршрут проложен в соответствии с желанием Игнатия или митрополит со свитой воспользовались попутным судном, второе менее вероятно, порт Балаклавы был, относительно мало посещаемым³⁹. В любом случае первая служба митрополита Игнатия на крымской земле, в близлежащем монастыре Св. Вм. Георгия⁴⁰, может расцениваться как немаловажная религиозно-политическая акция, способствовавшая поддержанию слабеющей православной традиции в регионе и особом внимании к нему со стороны нового пастыря.

История средневековых этно-конфессиональных общностей Балаклавы завершилась переселением местной христианской общины в 1778 г. в Приазовье, где балаклавские греки наряду с другими выходцами из Крыма составили население newly основанного г. Мариуполя, и вскоре за этим последовавшей эмиграцией мусульманского населения Балаклавы в пределы Османской империи. К моменту заселения города архипелажскими греками здесь оставалось лишь 10 жилых дворов.

Примечания

- Богданова Н.М. Херсон в X-XV вв. Проблемы истории византийского города. // Причерноморье в средние века. М. 1991, С.6, 102.
- Богданова Н.М. Церковь Херсона в X-XV. // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. М., 1991, С. 33.
- Алексеенко Н.А. Печать Папы римского Александра IV из окрестностей Балаклавы. // МАИЭТ.. Симферополь. 1993. Т. III., СС. 267-269.
- Там же, С. 268.
- Юргевич В. Н. Генуэзские надписи в Крыму. // ЗООИД. Одесса 1863. Т. V. С. 176.
- Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449г. Об устройстве города Чембало. (Изд. В.Н. Юргевич). // ЗООИД. Одесса. 1863. Т. V. § 15.
- Там же, С. 833.

8. Тунманн И.Э. Крымское ханство. Симферополь. 1991. С. 33.
9. Дьячков С. В. Раскопки «консульской церкви» в Чембало в 1999-2000 г. // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы конференции.- Харьков.- 2001.-СС. 93-94.
10. Иванов А В. Этапы развития и топография укреплений генуэзского Чембало. // Международная конференция «Византия и Крым». Тезисы докладов. - Симферополь.- 1997. СС. 45-47.
11. Юргевич В.Н. Генуэзские надписи... С. 174-175. Кондараки В.Х. Универсальное описание Крыма. СПб. 1875. С. 78. Веникеев Е.В. Севастополь и его окрестности. Симферополь. 1986. С. 152. Лосицкий Ю.Г., Шамраева А.М. О дате строительства церкви XII Апостолов в Балаклаве. // МАИЭТ. Симферополь, 1993. Т. III. СС. 285-286.
12. Иванов А. В. О греческом храме Св. Апостолов Петра и Павла в Балаклаве. // Проблемы религии стран черноморско-средиземноморского региона. Севастополь- Краснодар. 2001. СС. 107-114.
13. Иванов А.В. Исследования некрополя средневековой Балаклавы в 1993 и 1995 гг. // ХСб. Вып. X, Севастополь 1999. С. 429.
14. Айабин А.И. Герцен А.Г. Храпунов И.Н. Основные проблемы этнической истории Крыма. // МАИЭТ. Симферополь, 1993. Вып. III. С. 216.
15. Иванов А.В. Этапы развития и некоторые черты топографии Балаклавы. // ХСб. Вып.III, 1997, с.49,
16. Гавриил архиеп. Хронолого-статистическое описание церквей епархий Херсонской и Таврической. // ЗООИД. Одесса. 1848. Т. II. С. 201.
17. Устав для генуэзских колоний.... § 14.
18. Устав для генуэзских колоний.... § 14.
19. Челеби Э. Книга путешествий. Симферополь. 1996. С. 86.
20. Планы города Балаклавы 1799, 1804, 1811 гг. РГА ВМФ. Ф.3. оп. 23. Д.944. Л.47. РГВИА. Ф. В/А. Д. 21529. Ч.II. Л. 77-78. Д. 20159. Ч.II. Л. 16-17. Рисунки и гравюры Гейслера, Иванова, Корнеева, Кюгельхена и др. Иванов А.В. Этапы развития... рис. I.
21. Челеби Э. Книга С. 86.
22. Fisher F. The ottoman Crimea in the mid.- seventen centuri. // HUS. Cambrige, Mass. 1979-80. Vol. ?, part. I. P. 220. Ефимов А. Османский документ о числе христианских дворов в населенных пунктах Крымского полуострова сер.XVII в. // Греки в истории Крыма. Симферополь. 2000. С. 283.
23. Мальгин А.В. Из наследия Бертье – Делагарда; Бертье – Делагард А.Л. Ведомость христианскому населению вышедшему из сел и городов Крыма в 1778г. и церквям оставшимся после них. // Крымский музей. Симферополь.- 1994.- №1. - С. 152.
24. Камеральное описание Крыма. // ИГУАК. Симферополь. 1894, Вып. 7. С. 14.
25. Иванов А. В. Этапы развития.... рис.1.
26. Челеби Э. Книга.... С. 87..
27. Ефимов А. Османский документ.... С. 283
28. Гавриил архиеп. Хронолого - статистическое.... С.201.
29. Броневский М. Описание Крыма. // ЗООИД. Одесса 1865,Т.VI, С. 333.
30. Элерс и К.Х. Историко-статистическое описание городов Таврической губернии. / / Памятная книга Таврической губернии. Симферополь. 1867. Вып. I. С. 277.
31. Челеби Э. Книга.... С.86.
32. Тунманн И.Э. Крымское.... С. 33.
33. Turk Ounyasi Alastirmaları. Hazivan. 1987. - № 48. – Р. 12
34. Устав для генуэзских колоний.... Об обязанностях и доходах пристава наблюдающего за продажею в Чембало. §§ 1-9. Броневский М. Описание С. 333.
35. Ведомость о числе деревень, оставшихся после христиан на Крымском полуострове. // Статистические сведения о Крыме сообщенные каймаканами. ЗООИД. Одесса. 1886. Т. XIV. СС. 105-110.
36. Бертье - Делагард А.Л. Ведомость христианскому населению..... СС. 155 – 156.
37. Turk Ounyasi..... Р. 12.

-
- 38. Заметки из архива Готфийской епархии в Крыму. Письма и заметки протопопа Трифилия. // ЗООИД. Одесса. 1865. Т. VI. С. 591.
 - 39. Броневский М. Описание Крыма.... С. 333.
 - 40. Заметки из архива.... С. 592.

О ДАТЕ СТРОИТЕЛЬСТВА ФУНСКОГО УКРЕПЛЕНИЯ

На начальном этапе изучения памятника, в XIX в. – 20-х гг. XX в., крепостной ансамбль Фуны и его сооружения обычно трактовались как древние¹. Именно так, сообразуясь с научными традициями своего времени, остатки укрепления у подножия г. Демерджи были атрибутированы академиками К.Э.Кёлером² и Ф.Дюбуа де Монпере³, доверенным лицом императора С.Сафоновым⁴, художником Д.М.Струковским⁵, алуштинским священником М.А.Сорокиным⁶, неизвестным газетным обозревателем «Записок Крымского горного клуба»⁷, чиновниками городской управы⁸, действительными членами ТУАК – Н.Н.Клепининым и А.И.Маркевичем⁹. Древней, 400-500-летней давности, считал крепостную церковь безымянной волостной старшина, сообщая о ней в 1914 г¹⁰. Профессор-геолог П.А.Двойченко отнес храм к числу памятников «глубокой старины» и датировал его VI – VII вв¹¹. Знаток крымского средневековья П.И.Кёппен, описывая крепостцу, ограничился общей фразой – «была некогда построена»¹². Наиболее конкретным в своих суждениях оказался А.Л.Бертье-Делагард. Первоначально он определил крепостную церковь как строение «весьма поздних времен, не ранее XV века»¹³. Впоследствии, учений связал возведение укрепления и храма с феодалом Дербиберди, владевшим этими местами в середине XV в¹⁴. По утверждению

Е.В.Веймарна, кладка стен укрепления «характерна для памятников позднего средневековья в Крыму»¹⁵.

Первые результаты археологического изучения Фуны позволили исследователям делать более или менее обоснованные хронологические реконструкции. К.К.Когонашвили и О.А.Махневой были установлены «примерная дата возникновения крепости – начало XIII в.» и время ее существования – до вторжения турок в 1475 г. Храм, по их мнению, появился вместе с оборонительными стенами, но позднее, в XVII – XVIII вв., подвергся капитальному ремонту¹⁶. А.Л.Якобсон вопрос о времени возведения укрепления специально не рассматривал, церковь же им определена как «поздняя (скорее всего, XVII вв.) постройка»¹⁷. В.Л.Мыц первоначально, только приступив к раскопкам, подобно предшественникам храм отнес к XVII – XVIII вв., а в качестве нижней даты всей крепости также считал возможным принять XIII в¹⁸. Несколько лет спустя, при подведении предварительных итогов археологического изучения памятника, он предложил более дробную хронологию формирования структуры крепостного ансамбля. По мнению В.Л.Мыца, укрепление появилось в конце XIV в., а в первой половине XV в., между 1421 и 1459 гг., оно было сожжено. Исследователь предполагает, что предать крепость огню могли либо генуэзцы в 1434 г.

во время карательной экспедиции под руководством Карло Ломеллино, либо османы, в 50-х гг. неоднократно грабившие побережье. На основании находки строительной надписи 1459 г. им был датирован один из капитальных ремонтов крепостного ансамбля, связанный с превращением форпоста в родовой замок правителей Феодоро. Гибель Фуны он соотнес с османским завоеванием Таврики в 1475 г¹⁹

В дальнейшем, предложенная В.Л.Мышом хронология памятника по сути своей стала базисной и в целом практически не менялась. Исключением является лишь дата возведения укрепления, которая аргумент несколько раз корректировалась в пределах второй половины XIV – начала XV вв²⁰. В настоящий момент ее временные рамки могут быть обозначены более конкретно.

Terminus post quem события позволяют определить материалы раскопок капитального каменного здания, по времени предшествовавшего появлению крепостного ансамбля (рис. 1)²¹. Когда и кем оно построено, сведений нет. Установлено, что дом погиб в огне и потом не восстанавливается. Позднее остатки строения частично были перекрыты восточной стеной крепостной ограды и донжоном. Судя по циклам и сочетаемости артефактов, вещевой комплекс из слоя пожара здания, с некоторыми оговорками атрибутируемый как подлинная ассоциация, может быть датирован второй половиной XIV – началом XV в. Следовательно, укрепление появилось не ранее указанного времени. Для

уточнения даты его строительства существенное значение имеют конструктивно-технологические особенности наиболее ранних фортификационных сооружений крепостного ансамбля и тот факт, что вскоре после возведения укрепление на многих местах подверглось почти полному разрушению.

Количественные и качественные показатели ущерба поддаются однозначному определению. Наиболее сильно пострадал северо-восточный угол крепостного полигона. Здесь произошло продольное расслоение кладки в обоих направлениях с потерей до основания напольной стороны конструкции. К югу от потерны, непосредственно у проема, часть куртины на протяжении 13,50 м опрокинулась наружу. О ее падении именно плашмя свидетельствует слой деструктированного известкового раствора, образовавшийся после выборки камня из завала для дальнейшего использования. Характерной чертой данного отложения является его толщина (около 0,25 – 0,30 м), практически неизменная по всей площади залегания. Расстояние от стены до края слоя – 7,50 – 8,00 м. К югу от крепостных ворот, сразу у входа, в передней части ограды образовался глубокий вывал. Начались также деструктивные процессы в кладке западной куртины северной линии обороны, что впоследствии вызвало необходимость ее усиления с напольной стороны контрфорсами в виде пилонов, а затем и упразднение. Предположительно, произошло обрушение стен квадратной башни, потом утолщенных посредством

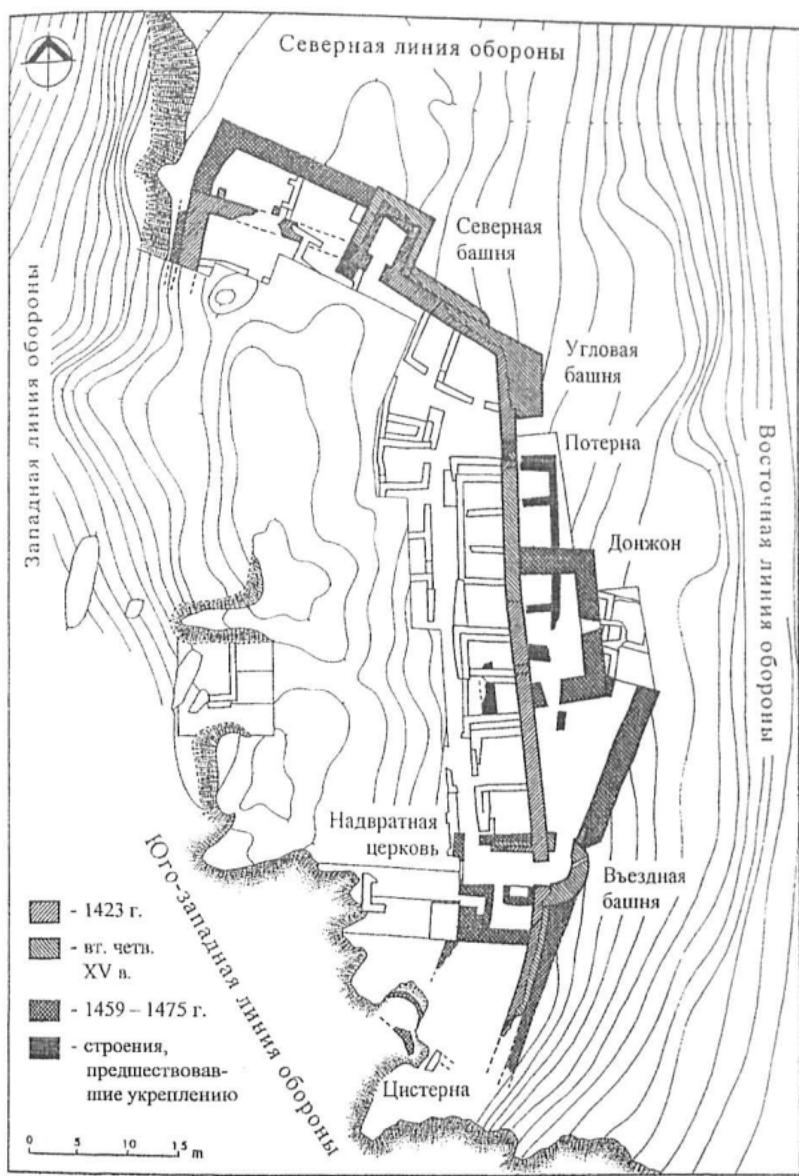

Рисунок 1.

Картограмма строительных периодов оборонительных сооружений укрепления.

внешней докладки вдвое. Восточный участок крепостной ограды по всей длине наклонился наружу. Крен составляет 3° . Лучше всего данная деформация видна в местах примыкания к оборонительной стене сооружений, появившихся позднее — аркасоляя храма, кордегардии и угловой трапециевидной башни (рис. 2). Откосы потерны винтообразно искривились. О других утратах укрепления этого времени на данном этапе исследований памятника достоверных сведений нет.

Общие масштабы повреждений, а также отсутствие разрывов лицевого слоя кладки в местах наибольших деформаций свидетельствуют о том, что к моменту разрушения крепостной ограды раствор еще не успел набрать достаточной прочности и утратить присущую ему пластичность. Пространственные связи отдельных элементов структуры любого сооружения обычно сохраняют свою жесткость в устойчивых условиях проявления факторов внешней среды или в пределах статистической их изменчивости²². Они функционируют нормально до тех пор, пока действие деструктивных сил не превысит некоторого критического порога. На определенном этапе существования каждого строения непре-

менно происходит перерождение его структуры, когда для саморегулирования и адаптации к изменяющимся факторам внешней среды та из жесткой превращается в дискретную за счет реализации напряжений в конструкциях по правилу слабого звена. Развитие данного процесса возможно двоякое — без особого нарушения системообразующих связей либо полная их деструктурализация. Состояние оборонительных стен укрепления указывает на то, что они одновременно притерпели обе степени изменения первоначальной структуры, а хронологический промежуток, разделявший ее образование и трансформацию, был весьма непродолжительным, соотносимым с нормативным сроком отвердения извести.

Судя по характерным диагностическим признакам²³, основной причиной отмеченных выше деформаций и разрушений, обусловленных утратой сооружениями статического равновесия, стало сильное сейсмическое событие. По интенсивности воздействий оно сопоставимо с японским землетрясением 1927 г.²⁴, последствия которого для уже руинированных к тому времени строений укрепления были не менее ощутимыми. По крайней мере, именно данная стихия практически полностью

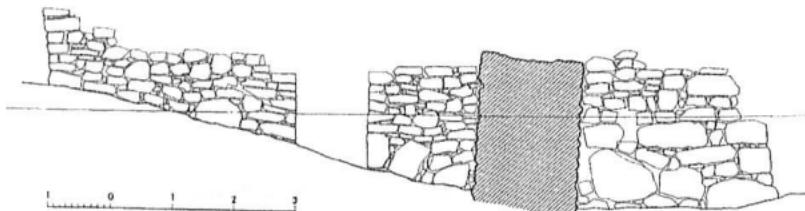

Рисунок 2.

Южный фасад кузницы и угловой башни, пристроенных к восточной крепостной стене.

уничтожила монументальное здание надвратного храма замка, до этого успешно преодолевшего все невзгоды своего почти пяти векового, с 1459 г., существования²⁵. Показательно, что, оценивая ущерб, нанесенный природой строению, профессор геологии Н.А.Двойченко, прежде всего, отметил прочность его конструкций – “Упали при втором (сентябрьском – В.К.) землетрясении две стены двухэтажной древней церкви в д. Демерджи, но и в этом случае можно удивляться не падению этих стен, а тому, что остались стоять две другие стены этого интересного, но весьма поврежденного и безнадзорного памятника глубокой старины (VI – VII ст.)”²⁶. Из числа известных сейчас сейсмических событий XIV – XV вв., которые могли бы оказать подобное, столь разрушительное, воздействие на оборонительные сооружения фундаментального укрепления, наиболее вероятным является лишь

одно – ялтинское землетрясение 1427(?) г. интенсивностью около 9 баллов, убедительно реконструированное А.А.Никоновым (рис. 3)²⁷. В качестве основы для его палеосейсмодислокации исследователем было использовано местное предание об Аю-Даге. По мнению ученого, содержание легенды предельно точно отражает реальные приметы сильнейшего сейсмического события, причем существенно превышавшего по мощности стихию 1927 г.: цунами с высотой волн 3 – 4 м, сплошные разрушения поселений, срывы и оползни на склонах, обвалы и камнепады, крупные изменения рельефа, афтершоки²⁸. Анализируя отрывочные сведения в записках путешественников и материалы археологических раскопок, А.А.Никонов первоначально пришел к выводу о том, что землетрясение произошло, по-видимому, в 1471 г.²⁹ Позднее, не аргументируя, он ввел в научный оборот но-

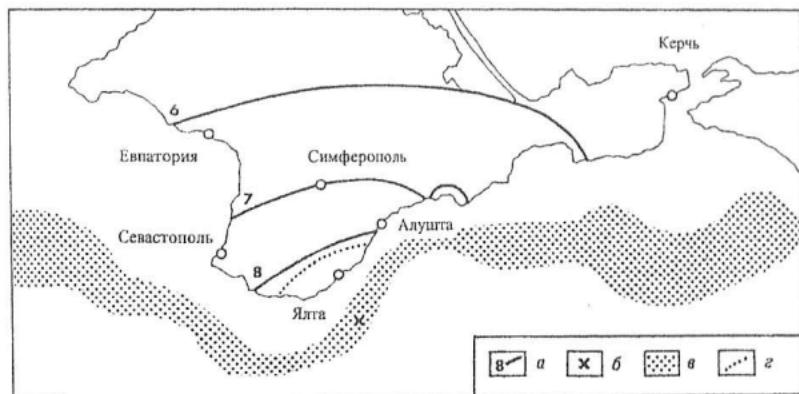

Рисунок 3.

Сильнейшие землетрясения Крыма 1927 г. и XV в. (по А.А.Никонову). Условные обозначения: а – изосейсты сентябрьского землетрясения 1927 г., б – эпицентр землетрясения, в – основная сейсмогенная зона в северной части Черноморской низменности, г – изосейсты 8 (8 – 9?) баллов землетрясения XV в. по приметам, отраженным в легенде.

вую дату, представив ее последовательно в двух вариантах – (1427) ± 10 г. и (1427? г.), а также определил некоторые параметры природного явления: координаты φ°N, λ°E – (44,4; 34,3) + 0,3; h (км) – (20); I_{max} на берегу, где отмечено цунами – (8); I_o – (9); M – (7) + 0,5; макс. наблюденный подъем воды (M) на берегу, где отмечено цунами - 2,0; интенсивность в пункте по шкале Зиберга-Амбрасейса – III; надежность по шкале С.Л.Соловьева – 4П; причина цунами – землетрясение; удаление пункта наблюдения от эпицентра (км) - 30³⁰.

Обуславливая объективность оценки характера тектогенеза и сейсмического потенциала региона, главным показателем подобных палеосейсмодислокаций является их достоверность. Реконструированное А.А.Никоновым ялтинское землетрясение XV в. специалистами в области физики Земли отнесено к категории сейсмических событий с надежными данными³¹.

Постигшая Таврику катастрофа может быть датирована более точно. В свое время, привлекая к ее рассмотрению свидетельства нарративных источников, А.А.Никонов оставил без должного внимания важные сведения, которые сообщает Э.Хойецки³². Польский путешественник и публицист начала XIX в., упоминая землетрясение XV в., в своем описании Крыма сослался на какие-то, не названные им конкретно, хроники и местные предания, повествующие о борьбе генуэзцев с южнобережными греками³³. Речь идет о реально существовавшем конфликте. Много лет подряд камнем преткновения в, и без

того сложных, отношениях указанных сторон была узкая полоска суши вдоль моря между Лустой и Чембало (*Riparia marina Gotia*), заселенная преимущественно греками и испокон веков им принадлежавшая, но отошедшая к генуэзцам по договору с татарами от 28 ноября 1380 г³⁴. Дважды, в 1422 – 1424 и 1433 – 1441 гг., их постоянно протекавшее противостояние резко обострялось и перерастало в войну.

Никакой информации о землетрясении во время второго вооруженного конфликта между Каффой и Феодоро нет. Само по себе оно маловероятно, ибо незадолго до войны, в 1425 – 1427 гг., в плейстосейстой области появилось несколько монументальных построек сложной пространственной формы с аркадами, причем одна из них - Партенитская базилика находится рядом с эпицентром³⁵. Сильному сейсмическому воздействию эти здания не подвергались. В противном случае, судя по примерам, утрат они не избежали бы. В 1927 г. землетрясением были разрушены все без исключения дома Партенита, а занимаемая селением скала в нескольких местах дала трещины³⁶. Не менее ощутимый ущерб аналогичная стихия, но уже XV в., нанесла монастырю в бухте Панаир на Аю-Даге, после чего тот прекратил свое существование³⁷. Очевидно тогда же были основательно повреждены и укрепления Святой горы³⁸.

Сведения о первом обострении отношений генуэзцев и феодоритов крайне фрагментарны³⁹. Единичные уцелевшие документы того времени, равно как, и их исследователи абсо-

лютно ничего не сообщают ни о землетрясении, ни о его конкретных последствиях. Тем не менее, в самом развитии событий противостояния имеются явные странные, которые по сути дела и дали основание предполагать их обусловленность именно сейсмическим явлением.

О хронологии и динамике конфликта красноречивей всего, хотя и отрывочно, свидетельствуют финансовые отчеты массарий Кафы:

9 октября 1422 г. – ассигновано 16460 аспров для заготовки продовольствия, а также защиты Чембало и всей Готии по случаю войны с Алексеем, господином Феодоро («... expense facte et siende in provisione et custodia loci nostri Cimbali et tocus Gottie, occaxione guerre Alexii, domini de lo Tedoro...»)⁴⁰.

31 октября и 9 ноября 1422 г. – выплачено вознаграждение в размере 45 аспров за организацию поставок продовольствия в Луску («... expense facte et siende in guerra (cum) domino de lo Tedoro, occaxione loci Lusce.... qui portavit certos homines promissos in Lusce loco...»)⁴¹.

29 ноября 1422 г. – выдано в качестве поощрения 12 аспров греку, доставившего письмо от Алексея («... pro quodam Grecho, qui portavit litteras ab Alexio... asp. XII»)⁴². Содержание послания неизвестно.

6 марта 1423 г. – выделено 246 аспров на ремонт галеотты, которая предназначалась для ведения войны с господином Алексеем («... Galeota que nuper reparatur..., occaxione guerre domini de lo Tedoro...»)⁴³.

11 марта 1423 г. – отпущено из казны 881 аспр на новое вооружение бри-

гантини с той же целью («Brigantinum nuper armatum..., occaxione guerre domini de lo Todorø»)⁴⁴.

26 и 27 марта 1423 г. – израсходовано 100 аспров на прием сарацина по имени Бексада, посланника правителя Солхата, который затем отправился к Алексею («die XXVII Marcii, pro ita alata data Bexada Saraceno, ambassiatori dominorum Surchatensium, qui ivit ad Alexium, dominum Theodori, pro duabus diebus diebus...»)⁴⁵.

8 мая 1423 г. – оплачены расходы в размере 9313 аспров на вооружение галеотты, предназначавшейся для охраны побережья между Чембало и Солдайей по случаю войны с господином Феодоро («Galeota patronizata per Marchum Spinulam, cives Januensem, armata... occaxione guerre domini de lo Tedoro et securitate Cimbali et Soldaie»)⁴⁶.

9 октября 1423 г. – выделено 27850 аспров для ведения войны с владельцем Феодоро⁴⁷.

Известно еще два, к сожалению, не имеющих точной датировки, эпизода войны. В боях за Чембало особенно отличился генуэзский гражданин Пьетро Джованни Майнерио. Он проявил себя сначала при защите города, а затем и его освобождении от Алексея, за что впоследствии, в 1424 г., получил важный пост в Каффе («Cum attentis virtute et meritis viri probi Patri Johannis Maynerii, quondam Andree, precarissimi civis nostri, necnon laboribus magnis per eum passis in contra Alexium de Theodoro, pro defensione et liberatione loci Cimbali...»)⁴⁸. В 1423 г. по распоряжению консула, массариев и военной коллегии Кафы в

Каламиту был направлен корабль во главе с генуэзским нобилем Негрони де Нигро. Вероятней всего, поручение ему выполнить не удалось, поскольку еще в 1426 г. обещанной суммы вознаграждения он так и не получил («*Recepta supplicacione viri nobilis Negroni de Nigro, dilecti nostri, petentis sibi satisfieri de debito stipendio et mercede sibi perveniente pro tempore quo alias servivit Communi Caffe, ad locum Calamite, quo jussu et requisitione tune consulis et Officii Guerre Caffensis, accessit cum quandam sua navi, sub certis pactis et promissionibus, temporibus vigentis guerre inter Commune Caffe et dominium de lo Theodoro»*)⁴⁹.

26 февраля 1424 г. было выдано 60 аспров огрузию Симону Армянину за доставку Алексею послания коммуны Каффы⁵⁰. По сути своей данный документ свидетельствует, если не о прекращении боевых действий, то, по меньшей мере, о возобновлении переговоров. Не противоречат этому и другие источники, судя по которым вскоре после указанной даты генуэзцы начинают активно заниматься поиском путей погашения долгов по войне⁵¹ и возведением новых оборонительных сооружений в укреплениях Капитанства Готии, а феодориты вообще переживают настоящий строительный бум. В частности, 25 февраля 1425 г. консулом Каффы Пьетро Фиески было принято решение оградить крепостными стенами Чембало со стороны Рипагуля («*burgus ad ripagula*»)⁵². 1 мая 1426 г. ознаменовалось появлением в Солдайе монументального здания, завершившего формирова-

ние комплекса Консульского замка⁵³. Вероятней всего, к этому же времени относится и возведение внешней оборонительной линии Лусты, предшественницы крепостной ограды 60-х гг. XV в., при сооружении которой подвергся разрушению православный некрополь⁵⁴. Еще более активную строительную деятельность предприняли феодориты. В октябре 1425 г. в самом центре столицы Алексей возвел грандиозный дворец⁵⁵. Ровно через два года цадель Мангупа украсил октагональный храм свв. Константина и Елены⁵⁶. В сентябре 1427 г. митрополит Феодоро и всей Готии – господин Дамиан восстановил монастырскую базилику свв. Апостолов Петра и Павла в Партените⁵⁷. Истинное количество зданий, появившихся в это время, бесспорно, было несопоставимо больше, о чем сейчас можно судить лишь предположительно, например, по находке на Мангупе и в Каламите обломков еще двух резных плит с монограммами Алексея, традиционно венчавших монументальные сооружения феодоритов⁵⁸.

Все отмеченные, из числа поддающихся точной датировке, строительные работы противоборствующих сторон ведутся на территории, которая по площади значительно превышает зону боевых действий, но практически совпадает с плейстоценовой областью, а значит, они вполне могли быть обусловлены также и необходимостью устранения последствий землетрясения. Показательна их направленность. Насколько можно судить по известным на данном этапе исследований зданиям того вре-

мени, генуэзцы ограничились возведением весьма посредственных фортификационных сооружений, тогда как, архитектура феодоритов отличается разнообразием, тяготея к добротности и презентабельности.

Не менее существенным представляется другое. Учитывая решительность обеих враждущих сторон в достижении поставленной цели, убедительным свидетельством чему, в частности, является провал безусловно посреднической миссии Бексады — посланника правителя Солхата, их вооруженное противостояние завершилось несколько странно и преждевременно. Во-первых, причина, послужившая поводом для войны, не была устранена. Затевавший свару Алексей должностного наказания не понес, а, судя по инструкции консула Кафсы Пьетро Фиески от 25 февраля 1425 г. (чего только стоит одна преамбула — «Принимая во внимание величайшее упрямство и неблагодарность дерзкого Алексея, а также его предательство, мы опасаемся...») и последовавшему вскоре, в 1433 — 1441 гг., новому конфликту⁵⁹, от своих намерений он так и не отказался. Статус спорных территорий не изменился и они по-прежнему остались генуэзскими. Во-вторых, война неожиданно прервалась в самом разгаре. Боевые действия прекратились в тот момент, когда наметился явный перелом в развитии событий с раскладкой, более благоприятной для Алексея. Феодоритам удалось захватить Чембало и некоторое время затем его удерживать. Карательная экспедиция Негроно де Нигро против Каламиты

не увенчалась успехом. Более того, близилась зима, а, следовательно, навигация становилась небезопасной⁶⁰, что также ощутимо усугубляло положение генуэзцев. Не исчерпали феодориты и свой материальный потенциал, о чём наглядно свидетельствуют их повоенные строительная деятельность и паритетные отношения с Трапезундом⁶¹, тогда как, Каффа сразу после завершения боевых действий основательно погрязла в финансовых проблемах, связанных с погашением долгов по войне и новыми расходами⁶². Тем не менее и вопреки всему, свое явное преимущество Алексей не стал использовать, а вскоре противники вообще отошли на исходные позиции. Судя по ситуации, сложившейся на арене боевых действий к концу 1423 г., феодориты настолько приблизились к желанной победе, что заставить их отказаться от нее в тот момент было под силу лишь чрезвычайным обстоятельствам. Реально на данном этапе войны разнять врагов могло, разве что, вмешательство свыше, и ниспославшее на них в качестве Божьей кары землетрясение. Помимо сильного психологического воздействия (деморализировали не столько сама стихия и ее последствия, но aftershocks, создававшие ощущение полной беспыходности) подобное явление способно было в один миг свести на нет все достижения феодоритов, моментально лишив их главных стратегических пунктов кампании — ключевых укреплений Фуны и Каламиты. Утрата, к тому же в зиму, таких плацдармов для Алексея была небезопасной⁶³.

Судя по материалам архитектурно-археологического изучения Фуны, землетрясение превратило ее оборонительные сооружения в руины, совершенно непригодные для ведения боевых действий. Реально представляя масштабы разрушения укрепления, остается только сожалеть, что сейчас их нельзя сравнить с данными нарративных и документальных источников. Существование последних, вскользь упоминаемых Э.Хойецки, пока можно лишь предполагать, равно как, и догадываться о эмоциональном состоянии оставшихся в живых свидетелей стихии, сопоставимой, разве что, с концом света. Панический страх обычно затмевает все остальные чувства, поэтому впечатления очевидцев разыгравшейся трагедии вряд ли особо отличались от душевных потрясений, перенесенных хроникерами, которые поведали о другом, аналогичном, сейсмическом событии - сирийском землетрясении 1170 г. Сообщая о постигшей Левант катастрофе, историк Гийом Тирский (Guillaume de Tyr), в частности, отметил: «En la cite de Sur (Tyr) qui etait cite renommee, ce tremblement de terre fut terrible. La il n'y eut pas beaucoup de gens tues, mais les plus grandes tours de l'enceinte tomberent sur les maisons et les eglises. L'on ne trouvait partout que forteresses abattues et ouvertes... Chacun ne pensait qu'a se confesser et a se repenter de ses p̄ch̄s pour attendre la mort qui ītait constamment devant eux et ils ne songeaient pas a se battre... Tous ītaient en un tel effroi qu'au moindre bruit chacun croyait dīja sa

derni re heure venue. Les vivants mouraient si bien de peur qu'ils ne s'occupaient plus de pleurer les morts...» («В городе Сюр (Тир), который был городом знаменитым, это землетрясение было ужасным. Там не было много погибших, но самые большие башни крепостной ограды упали на дома и храмы. Укрепления там повсюду только рухнувшие и доступные... Каждый думал только о том, как исповедаться и раскаяться в своих грехах, чтобы ожидать смерть, которая была постоянно рядом, и они не помышляли сражаться. Все пребывали в таком страхе, что при малейшем шуме каждый считал, что уже настал его последний час. Перепуганные насмерть живые больше не оплакивали мертвых»)⁶⁴. Гийом Тирский не преувеличивает, ибо не менее удручающую картину тех же событий изобразил мусульманский летописец Абуль-Фарадж (Aboul-Faradj), представитель противника: «Plusieurs forteresses des Francs, telles que Hosn el Akrad (le Crac), Safita, El Oraimah (Arima), Arqa, etaient par suite des tremblements de terre comme plogees dans un ocean de ruines. Mais la plus eprouvee fut Hosn el Akrad. Pas une seule de ses murailles n'etait restee debout. L'etendue de ce desastre faisait oublier tous les autres et le malheur de cette place avait envahi les coeurs» («Несколько крепостей франков, такие как Осн ель Акрад (Крак), Сафита, Ель Ораимах (Арима), Арка, после землетрясений словно погрузились в океан руин. Но наиболее пострадал Осн ель Акрад. Ни одна из его крепостных стен не стояла. Раз-

меры бедствия заставляют забыть все другое и несчастье этого места заподонило сердца»⁶⁵.

Психологический эффект природной катастрофы, постигшей Таврику в XV в., мог быть еще более значительным. По свидетельству очевидцев, при сходных обстоятельствах в сентябре 1927 г. одновременно с падением зубца Ай-Петри и пика Барини в Кучук-Кое, обрушением скалы Монах в Форосе и повсеместными обвалами с Ялтинского хребта поднялись облака известковой пыли, которая затем распространялась от гор к морю, закрыв густой пеленой все побережье на несколько часов. Она имела неприятный запах и оказалась настолько едкой, что вызывала слезоточение и воспаление слизистых оболочек носа и полости рта⁶⁶. Не менее впечатляющими были огневые и дымовые явления на море, отмеченные севастопольскими наблюдателями рано утром, на следующий день после первых толчков, в 30 милях к западу и северо-западу от города. Выделение легко воспламеняющихся газов и их возгорание имело вид столбов и завес огня до 500 м высоты и 2,5 км ширины. Средневековый человек, однозначно воспринимавший землетрясение как промысел Господень⁶⁷, подобные природные явления аллюзорно вполне мог соотнести с пришествием седьмого Ангела, которому предназначалось излить последнюю чашу гнева Божия (Апокалипсис IX, 21; X, 1-6; XI, 13-19; XVI, 17-18; XXI, 1-21).

Второй плацдарм феодоритов, расположенный практически на одной изосейсте с Фуной, исследован

значительно хуже. Поэтому небезынтересными представляются наблюдения, сделанные А.А.Никоновым при изучении оборонительных сооружений Каламиты: «Об усадке стен говорить не приходится, поскольку они стоят на скальном известняке. Около ближайшей к воротам башни видны следы постройки — укрепления первоначальной стены. Внешняя первоначальная стена по горизонтальной плоскости между камнями кладки сдвинута косо к югу, юго — юго-востоку так, что с лицевой стороны образовалась сужающаяся к востоку полочка шириной 12 — 10 — 5 см, а внутренний фас подобным же образом навис над основанием. По внутреннему фасу стена наклонилась на 1 — 2° в ту же сторону, что и сдвинулась. Более южный участок стены (где сдвигание было больше и устойчивость потеряна) отсутствует. В месте видимого сдвига с внутренней стороны, т.е. куда верх стены подвинут, поставлена дополнительная укрепительная стена с сужением кверху. Здесь камни скреплены раствором другого состава. Прилежащая башня снаружи обложена вторым панцирем также явно при ремонте, вероятно, для укрепления после предшествующих повреждений. Подобные деформации не возникают в столь капитальных сооружениях на таком прочном основании при землетрясениях интенсивностью менее 8 баллов»⁶⁸.

Заключение специалиста-сейсмолога требует небольшого уточнения. Первоначальная оборонительная стена, о которой идет речь, не настолько капитальна, как ее интер-

претикует исследователь. Она представляла собой безбашенную крепостную ограду простого начертания, сложенную наспех из разномерного бута и сполий на глиняно-известковом растворе. Лицевая поверхность прикладки, поддерживающей ее с тыльной стороны, повсеместно сильно обожжена, что также немаловажно, ибо позволяет повредивший камень стены пожар привлечь в качестве *terminus ante quem* — как ремонта оборонительных сооружений, так и самого сейсмического события, вряд ли разделяемых большим хронологическим промежутком.

Довольно точно определив причину конструктивных деформаций первоначальной крепостной ограды феодоритской Каламиты, А.А. Никонов свои выводы, явно обусловленные желанием проиллюстрировать другое искомое им, севастопольское, землетрясение («... а поскольку известно лишь одно — середины XVII в., то именно его приходится считать причиной рассмотренных разрушений и повреждений»), основывает на ложной посылке о реконструкции фортификационных сооружений города при османах⁶⁹. Турецкая версия перестройки крепости небесспорна. Указанная модернизация оборонительной структуры Каламиты, действительно традиционно датируемая временем не ранее конца XVI - начала XVIII вв.⁷⁰, судя по материалам исследований последних лет, произошла вскоре после 1434 г. и, возможно, была осуществлена генуэзцами⁷¹. При этом ей предшествовала другая, не менее основательная, реконструкция крепостной ограды, как раз и

вызванная необходимостью устранения последствий землетрясения. Абсолютное тождество техники кладки обоих ремонтов указывает на их определенную хронологическую близость. В промежутке между ними произошел мощный пожар, также соотносимый с событиями 1434 г., когда генуэзцы, озлобленные обманом феодоритов, дотла сожгли Каламиту⁷², что по сути своей и обусловило затем развертывание новых строительных работ.

Возможно, данным землетрясением было вызвано и сбросовое перемещение грунта, выявленное раскопками Е.В. Веймарна у потайной калитки крепости⁷³. При возведении оборонительной стены феодоритами на месте раннесредневековой потерны был сделан новый проем в куртине. Чтобы обеспечить сообщение калитки с расположенной выше по уровню крепостной площадкой, строители в засыпи первоначального накопителя вырыли специальную траншею. Вскоре после этого, по утверждению исследователя, «проход занесло землею», что при очередном ремонте укрепления обусловило необходимость повторной расчистки выемки.

Деформации капитальных каменных сооружений сейсмического происхождения имеются также в Чембало. Они достаточно отчетливо видны на северо-восточном участке крепостной ограды, немного выше ворот. На протяжении около 40 м оборонительная стена винтообразно искривилась и наклонилась вовнутрь, что впоследствии вызвало появление усиливающей ее с тыла прикладки.

Землетрясение могло состояться в любой момент, начиная с 9 октября 1423 г. по 26 февраля 1424 г. Для уточнения даты сейсмического события существенное значение имеет явный географический парадокс легенды. Согласно повествованию, медведь томился в заключении на севере. Освободив зверя от крепких цепей и вечных льдов, Аллах велел плыть ему в южную страну, но при этом приблизился монстр к крымскому берегу с юга. Вероятней всего, в образе грозного северного медведя столь причудливо народная фантазия соединила два природных явления - землетрясение и начало зимы⁷⁴. В данном регионе резкое ухудшение погоды и первые признаки похолодания обычно приходятся на последние месяцы осени⁷⁵. Для этого же времени нередки и различного рода природные катаклизмы⁷⁶. Учитывая особенности местного климата и явные ассоциативные признаки начала зимы в легенде, на данном этапе исследований землетрясение предварительно можно датировать октябрём - ноябрём 1423 г.

В связи с высказанным ранее предположением о возведении фундамента укрепления незадолго до сейсмического события, немаловажными представляются отдельные конструктивные особенности его сооружений. Стены были практически бесфундаментными, а в качестве основания использовались поверхностные обнажения коренных пород и заполнявших скальные разломы напластований материковой глины, которые местами имели уклон до 15° в напольную сторону. Кладка крепо-

стной ограды велась из бута, преимущественно округлой формы. По сути своей этот тип строительного камня является совершенно непригодным для более или менее плотной пригонки, что наряду с неперевязанным сечением делало даже самонесущую конструкцию крайне неустойчивой и непрочной⁷⁸. Причины подобного пренебрежения к качеству фортификационных сооружений, чреватого непредсказуемыми последствиями, кроются, видимо, не только и не столько в низкой квалификации строителей, но, прежде и вероятнее всего, в сопровождавшей возведение укрепления спешке. Подтверждением данному предположению может служить то, что по завершению работ на крепостной ограде изнутри к ней была пристроена каменная лестница, которая является настоящим шедевром инженерной мысли и высокого искусства кладки⁷⁹.

Судя по составу используемого раствора, обладали каменщики и определенными секретами мастерства. Для повышения прочности и ускорения процесса отвердения извести ими в качестве специальной добавки применялся растительный белок в виде отваров или крахмального клейстера⁸⁰. Улучшению вяжущих свойств несколько способствовал также еще один компонент кладочного раствора - древесный уголь. На основании изучения архитектурных памятников Древней Руси Н.Н.Воронин считал, что его для этой цели вводили преднамеренно⁸¹. Более убедительным представляется заключение Е.Ю.Медниковой, П.А.Раппопорта и Н.Б.Селивановой⁸². Появле-

ние древесного угля в растворе ими трактуется как естественная примесь вяжущего, неизбежная при техническом несовершенстве известковообжигательных печей. Современные лабораторные исследования показали, что гашеная известь в нормальных условиях схватывается очень медленно и длительное время сохраняет пластичность. В частности, опытные образцы лишь через 5 – 7 дней выдержки начинают поддаваться расформовке. Твердея при обычных температурах, известковый раствор предельной консистенции (5 – 7 МПа) достигает постепенно едва спустя десятилетия, а то и века, тогда, как по истечению месяца, его прочность составляет всего 0,5 – 1,5 МПа⁸⁴.

По мнению Л.В.Фирсова, для полной карбонизации гидратной извести в кладках массивных оборонительных стен требовалось не более

10 – 20 лет⁸⁵. Безусловно, данных показателей недостаточно для того, чтобы однозначно определить дату и сроки возведения укрепления. Тем не менее, учитывая их и явные попытки каменщиков интенсифицировать процесс строительства, а также его незначительные объемы – первоначально объект представлял собой огражденный стенами военный лагерь⁸⁶, на данном этапе исследований можно предположить, что основные фортификационные работы были выполнены весной – летом 1423 г., после того, как в горах сошел снег и потерпела неудачу посредническая миссия Бексады. Сам захват территории, вероятней всего, состоялся осенью 1422 г., вызвав эскалацию конфликта и его перерастание в войну. Тогда же, практически одновременно с фундированием укреплением, феодоритами был возведен форпост в Каламите.

Примечания

1. Кирилло В.П. Фуна – от К.Э.Кёлера до А.Л.Бертье-Делагарда // АДСВ. Екатеринбург, 1999. Вып. 30. С. 319 – 327.
2. Тизенгаузен В.Г. О сохранении и возобновлении в Крыму памятников древности, и об издании описания и рисунков оных // ЗООИД. 1872. Т. 8. С. 373.
3. Dubois de Montregenex F. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkessus et les Abkhases, en Colchide, et en Géorgie en Arménie, et en Crimée. Paris, 1843. V. 5. P. 433.
4. Сафонов С. Описание пребывания императорской фамилии в Крыму в сентябре 1837 года. Одесса, 1840 – С. 30.
5. Струков Д.М. Отчет о поездке в Крым в 1871 г. Архив ИИМК РАН. 1872. Ф. 1. Д. 35. Л. 12; Струков Д.М. Древние памятники христианства в Тавриде. М., 1876. С. 3; Козлов В. Певец православной Тавриды (московский художник Д.М.Струков и Крым) // Предвестие. Крымский литературно-историко-филологический журнал. Симферополь, 1993. № 5. С. 90.
6. Метрика для получения верных сведений о древне-православных храмах Божьих зданиях и художественных предметах: Таврической губернии, Ялтинского уезда, в деревне Демерджи, древняя христианская церковь существующая. Архив ИИМК РАН. 1887. Р-III. № 5962.
7. Из газет // Записки Крымского горного клуба. Одесса, 1896. № 2. С. 32.
8. О воспрепятствовании жителям с. Демерджи загонять скот в древнюю церковь, находящуюся вблизи м. Алушты Ялтинского уезда. 1888 г. ГААРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 1834. Благодарю С.В.Приднева, обратившего мое внимание на этот любопытный документ.

- 9 Отчет о деятельности Таврической Ученой Архивной Комиссии за 1910 год // ИТУАК 1912 № 47. С. 45. О принятии мер к поддержанию от разрушения древней греческой церкви близ д. Демерджи, Ялтинского уезда, Таврической губ. 1911 г. Архив ИИМК РАН Ф. 1 Д. 267.
- 10 О собрании сведений о преданиях и рассказах о старинных погребениях, леях, подземных ходах, пещерах, разбойничих кладах и колодцах, существующих в народе 1914 г. ГААРК. Ф. 39. Оп. 1. Д. 60. С. 41 об.
- 11 Двойченко П.А. Черноморские землетрясения в Крыму // Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. Симферополь, 1928. С. 123.
- 12 Кешеп П.И. Крымский сборник. О древностях Южного берега и гор Таврических. СПб., 1837. С. 115.
- 13 Бертье-Делагард А.Л. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма // ЗООНД. 1886. Т. 14. С. 211.
- 14 Бертье-Делагард А.Л. Каламита и Феодоро // ИТУАК. 1918. № 55. С. 25 - 26.
- 15 Веймарн Е.В. Дневник археологических работ Бахчисарайского горного отряда Тавро-Скифской экспедиции ИИМК АН СССР и ГМИ им. Пушкина. 1947 г. Архив КФ ИА НАНУ 1957 Шифр А. № 1/3. С. 21.
- 16 Когонашвили К.К., Махнева О.А. Средневековая Фуна // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. Киев, 1974. С. 116 – 118.
- 17 Якобсон А.Л. Рец. на кн.: Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. Киев, 1974. 216 с. // ВВ. 1977. Т. 38. С. 198.
- 18 Мыц В.Л. Раскопки в Горном Крыму // АО 1980 года. М., 1981. С. 288 – 289.
- 19 Мыц В.Л. Некоторые итоги изучения средневековой крепости Фуна // ААИК. Киев, 1988. С. 97 – 115; Мыц В.Л. Укрепления Таврики X – XV вв. Киев, 1991. С. 150 – 151.
- 20 Кирилко В.П., Мыц В.Л. Крепость Фуна в системе обороны княжества Феодоро // Византийская Таврика. Киев, 1991. С. 165; Кирилко В.П. Главные ворота средневекового укрепления Фуна // Годинник на Вицшиня інститут по архітектурі и строительство. Сантьк II: Теория и история на архитектурата. София, 1992. Т. XXXV. С. 177; Кирилко В.П. Крепость Фуна в системе укрепления Горного Крыма XIV – XV вв. // Научные чтения, посвященные столетию со дня рождения профессора М.Я. Сюзюмова. Екатеринбург, 1993. С. 15.
- 21 Мыц В.Л. Отчет о раскопках средневекового укрепления Фуна у с. Лучистое в 1982 г. Архив КФ ИА НАНУ № 169. Папка 370. С. 16 – 17. Рис. 5.9; Мыц В.Л. Отчет о раскопках средневекового укрепления Фуна у с. Лучистое в 1983 г. Архив КФ ИА НАНУ № 170. Папка 371. С. 8 – 10, 33 – 34. Рис. 4.30; Мыц В.Л. Отчет об археологических исследованиях средневековых укреплений Алустон и Фуна в 1986 году. Архив КФ ИА НАНУ. № 236. Папка 517. С. 32 – 33, 86 – 87, 92. Рис. 78.114-116.118.120.123. Пользуясь случаем, считаю своим приятным долгом выразить признательность В.Л.Мыцу, любезно предоставившего в мое распоряжение неопубликованные материалы раскопок памятника.
- 22 Пашкин Е.М., Бессонов Г.Б. Диагностика деформации памятников архитектуры. М., 1984. С. 7-9,115; Кукунаев В.С., Прохоров О.И. К вопросу определения жесткости при сейсмическом воздействии // IV Науково-технічна конференція "Будівництво в сейсмічних районах України". Ялта, 1999. С. 247.
- 23 Башкиров А.С. Антисейсмизм древней архитектуры. II – Греция // УЗМГПИ. М., 1949. Т. XIII. Вып. I. С. 9 – 35.
- 24 Пустовитенко Б.Г., Кульчицкий В.Е., Горячун А.В. Землетрясения Крымско-Черноморского региона (Инструментальный период наблюдений 1927 – 1986 гг.). Киев, 1989. С. 42 - 55; Двойченко П.А. Черноморские землетрясения... С. 118 – 143; Князева В.С. Архивные материалы по макросейсмическому обследованию крымского землетрясения 11 сентября 1927 г. // Сейсмологический бюллетень Украины за 1997 год. Симферополь, 1999. С. 88 – 100; Полумб А. Очерт крымских землетрясений. Симферополь, 1933.

25. Кирилко В.П. Надвратная церковь средневекового укрепления Фуна. Датировка и атрибуция // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII – XVI веках. Ростов-на-Дону, 1989. С. 62 – 73.
26. Двойченко П.А. Черноморские землетрясения... С. 123.
27. Никонов А.А. Землетрясения в сказаниях и легендах // Природа. 1983. № 11. С. 72 – 75; Никонов А.А. Цунами на берегах Черного и Азовского морей // Физика Земли. 1997. № 1. С. 90; Никонов А.А. Сейсмический потенциал Крымского региона: сравнение существующих карт и параметров реальных событий // IV Науково-техническая конференция "Будничество в сейсмичных районах Украины". Ялта, 1999. С. 183.
28. Сокращенный вариант предания с выделенными А.А. Никоновым приметами сейсмогенных явлений (в тексте даны курсивом) имеет следующий вид: «Властвовал над страной Аллах. Узнал он, что жители побережья больше не признают его, и разгневался. Три дня и три ночи клубились черные тучи, гремел гром, бушевало море. Но не испугались люди... Еще пуще разгневался Аллах, полетел на север, снял крепкие цепи с медведя и велел ему плыть в южную страну, чтобы наказать непокорных. Приблизился медведь к берегу там, где лежала деревня Фарос. И такие великие волны поднялись при выходе медведя из воды, что несколько деревень было совсем смыто. Вышел громадный и страшный медведь и двинулся вдоль берега. Свою грузной тяжестью все разрушал он на своем пути. Страшные лапы его раздавливали все, что под них попадало. Острые могучие когти взрывали землю огромными бороздами, оставляя ряды глубоких оврагов и щелей. Под тяжестью медвежьего тела поползла земля со склонов гор, обнажились, как кости из-под мяса, твердые каменные недра. Но и камень не устоял перед небывальным грузом, рушились с грохотом скалы и целые горы, рассыпая далеко вокруг груды осколков. На том месте, где ныне простирается город Ялта. Великий медведь пустил в ход всю свою силу. Отдвинулись высокие горы от берега, образовались глубокие долины и широкие котловины там, где прежде стояли высокие холмы и пологие скаты. Так добрался Великий медведь до того места, где раскинулась цветущая и приветливая Партенитская долина... И дрогнуло свирепое сердце медведя. Не станет он больше разрушать этот чудесный край. Он сам останется здесь жить... Зевнул медведь пересохшей пастью так, что горы задрожали, и сполз к морю воды напиться. Опустился он на колени, погрузил в голубую влагу свою страшную пасть и стал долго и жадно пить. Грозно бурлило море у жаждущей пасти, высокие волны ходили по всему побережью от тяжкого дыхания зверя...» (Никонов А.А. Землетрясения в сказаниях... С. 72).
29. Никонов А.А. Землетрясения в сказаниях... С. 74.
30. Никонов А.А. Цунами... Табл. п. 6; Никонов А.А. Сейсмический потенциал... С. 183.
31. Пустовитенко Б.Г., Кульчицкий В.Е., Каменобродский А.Г. Об изученности исторических землетрясений Крыма // Сейсмологический бюллетень Украины за 1992 г. Симферополь, 1995. С. 104 – 107. Рис. 1; Дубянский В.Н., Амеличев Г.Н., Вахрушев Б.А. Палеосейсмическая активность горного Крыма // Там же. С. 121.
32. Никонов А.А. Землетрясения в сказаниях... С. 74.
33. Choiecky W. Wspomnienia z podróży po Krymie. Warszawa, 1845. S. 40 – 43.
34. Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. Cambridge, Massachusetts, 1936. P. 177 – 182, 187; Basso E. Il "bellum de Sorchatii" ed i trattati del 1380 – 1387 tra Genova e l'Ordo d'Oro // Studi genuensi. N.S. Genova, 1991. Vol. VIII. P. 11 – 12, 15; Balard M. La Romania Genoise (XIII – début du XVe siècle). Roma, Genova, 1978. P. 161.
35. Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб. С. 77 - 79; Малицкий Н.В. Заметки по эпиграфике Мангупа // ИГАИМК. Л., 1933. Вып. 71. С. 33 – 35; Репников Н. Партенитская базилика. СПб., 1909. С. 3-52; Якобсон А.Л. Дворец // МИА. 1953. № 34. С. 390 – 418; Суров Е.Г. Раскопки дворца XV в. на плато Мангупа в Крыму // КСИА. 1972. Вып. 129. С. 96 – 99.
36. Князева В.С. Архивные материалы... С. 95.

- 37 Адаксина С.Б. Исследования монастырского комплекса на юго-восточном склоне г. Аю-Даг // АИК. 1994 год. Симферополь, 1997. С. 13.
- 38 Фирсов Л.В. Исаи. Очерки истории средневековых крепостей Южного берега Крыма. Новосибирск, 1990. С. 128 – 130.
- 39 Iorga N. Notes et extraits pour servir a l'histoire des Croisades au XVe siecle // Revue de l'Orient Latin. T. IV - VIII. 1896 – 1900. P. 21 - 39; Vasiliu V. Sur la seigneurie de "Tedoro" en Crimée au XVe siècle à l'occasion d'un nouveau document // Mélanges de l'Ecole Roumaine en France. 1929. P. 299 – 336; Banescu N. Contribution à l'histoire de la Seigneurie de Theodoro-Mangoup en Crimée // Byzantinische Zeitschrift. 1935. Bd. 35. S. 20 – 37. Vasiliev A.A. The Goths... P. 200 – 205.
- 40 Iorga N. Notes et extraits... P. 28.
- 41 Iorga N. Notes et extraits... P. 28.
- 42 Iorga N. Notes et extraits... P. 28.
- 43 Iorga N. Notes et extraits... P. 29.
- 44 Iorga N. Notes et extraits... P. 27.
- 45 Iorga N. Notes et extraits... P. 30.
- 46 Iorga N. Notes et extraits... P. 29.
- 47 Iorga N. Notes et extraits... P. 281 - 39; Vasiliev A.A. The Goths... - P. 203.
- 48 Iorga N. Notes et extraits... P. 2361; Vasiliev A.A. The Goths... P. 203.
- 49 Iorga N. Notes et extraits... P. 414.
- 50 Iorga N. Notes et extraits... P. 33.
- 51 Карпов С.П. Регесты документов Фонда Diversorum Filiz секретного Архива Генуи, относящиеся к истории Причерноморья // Причерноморье в средние века. М., СПб., 1998. Вып. 3. С. 14 - 16.
- 52 Iorga N. Notes et extraits... P. 385; Vasiliev A.A. The Goths... - P. 204.
- 53 Баранов И.А., Климанов Л.Г. Новые латинские надписи генуэзской Солдай // АК. Симферополь, 1997. Т. I. С. 99 – 106.
- 54 Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Лысенко А.В. и др. Исследования крепости. Алустон / / АИК. 1993 год. Симферополь, 1994. С. 10 – 15.
- 55 Лепер Р. Археологические исследования в Мангупе в 1912 году // ИАК. 1913. Вып. 47. С. 73 – 79. 146 – 154; Малицкий Н.В. Заметки по эпиграфике... С. 33 – 35. Якобсон А.Л. Дворец... С. 390 – 418; Суров Е.Г. Раскопки дворца... С. 96 – 99.
- 56 Кирилко В.П., Мыц В.Л. Окtagональный храм Мангупа // АДСВ. Вып. 32. Екатеринбург, 2001 (в печати).
- 57 Латышев В.В. Сборник греческих надписей... С. 70 - 79; Репников Н. Партенитская базилика... С. 3 – 52; Мыц В.Л. Несколько заметок по эпиграфике средневекового Крыма XIV – XV вв. // Византийская Таврика. Киев, 1991. С. 186 - 191; Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц В.Л. Археологические исследования храма монастыря святых апостолов Петра и Павла в Партените на Южном берегу Крыма // Отчетная археологическая сессия за 1998 год. СПб., 1999. С. 21 – 24.
- 58 Малицкий Н.В. Заметки по эпиграфике... С. 32, 35. Рис. 9.11.
- 59 Iorga N. Notes et extraits... 3. 385; Vasiliev A.A. The Goths... P. 204; Мыц В.Л. Война 1433 – 1434 гг. между Каффой и Феодоро // АДСВ. Екатеринбург, 2000. Вып. 31. С. 330 – 359.
- 60 Карпов С.П. Путями средневековых мореходов: Черноморская навигация Венецианской республики в XIII – XV вв. Л., 1976. С. 31 - 33; Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666 – 1667 гг.) / Перевод и комментарий Е.В. Бахревского. Симферополь, 1999. С. 31; Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793 – 1794 годах / Пер. с нем. М., 1999. – С. 206; Скориков Ю.А. Севастопольская крепость. СПб., 1997. С. 185.
- 61 Fallmerayer J. Original-Fragmente, Chroniken, Inschriften und anderes Materiale zur Geschichte des Kaiserthums Trapezunt, Zweite Abteilung // Abhandlungen der II Classe der Akademie der Wissenschaften zu Munchen, 1846. T. IV. P. 40; Vasiliev A.A. The Goths... P.

- 198, 214; Карпов С.И. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII – XV вв. М., 1981. С. 113. Прим. 142; Степаненко В.П. Князья Феодоро и византийская аристократия XV в. // Византия и Крым. Симферополь, 1997. С. 76 – 77.
62. Карпов С.И. Регесты документов... С. 14 – 16.
63. В качестве примера показателен один из эпизодов византийской истории – подавление восстания Фомы Славянина 821 – 825 гг. После казни организатора мятежа и его самозванного сына сторонники тирании, удерживавшие город Панион, объявили войну императору. По свидетельству Генезия: «Император Михаил обращался к ним со словами мира, но никак не мог убедить их сложить оружие. И вот произошел божественный знак им, и сильным землетрясением стена была разрушена и дала императорским людям доступ в город. Так как у наблюдателей землетрясений это есть знак поражения, то так это и произошло» (Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М., 1951. С. 120).
64. Eydoux H.-P. Les chateaux du soleil. Forteresses et guerres des Croises. Paris, 1982. P. 102 – 103.
65. Eydoux H.-P. Les chateaux... P. 103.
66. Кельин Н.В. Некоторые данные о последнем землетрясении в Крыму // Землеведение. 1928. Вып. 30 Ч. 1, 2. С. 34.
67. Скворцов Е.Ф. Некоторые результаты экспедиции по исследованию грунта Черного моря в связи с землетрясением // Черноморское землетрясение 1927 г. и судьба Крыма. Симферополь, 1928. С. 51.
68. Лев Диакон. История / пер. М.М.Копыленко, ком. М.Я.Сюзюмова, С.А.Иванова. М., 1988. С. 39, 185-186. Сборник документов... С. 120.
69. Никонов А.А. Сильные землетрясения и сейсмический потенциал Западно-Крымской (Севастопольской) очаговой области // Физика Земли. 1994. № 11. С. 26.
70. Никонов А.А. Сильные землетрясения. С. 26 – 27.
71. Бертье-Делагард А.Л. Остатки древних сооружений... С. 186 – 189; Филиппенко В.Ф. Новое в истории и археологии крепости Каламиты–Инкермана // ХС. Севастополь, 1996. Вып. VII. С. 149 – 150; Филиппенко В.Ф. Каламита-Инкерман: крепость и монастырь. Севастополь, 1997. С. 39 -49; Якобсон А.Л. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. М.-Л., 1964. С. 127.
72. Мыц В.Л. Укрепления... С. 56 – 57, 136 - 137; Мыц В.Л. Война 1433 – 1434 гг. С. 357. Кирилко В.П. Надвратные башни укреплений Юго-Западной Таврики (XIV – XV вв.) // АДСВ. Екатеринбург, 2001. Вып. 32 (в печати).
73. Колли Л.П. Хаджи-Гирей-хан и его политика // ИТУАК. 1913. Вып. 50. С. 118.
74. Веймарн Є.В. Археологічні роботи в районі Инкермана // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1963. Т. XIII. С. 79. Рис. 9.
75. В качестве семантической параллели небезынтересной представляется гипотеза известного австрийского историка Ф.Шахенмайра, попытавшегося объяснить прохождение мифа о Троянском коне, а также соотнести результаты археологических раскопок Гиссарлыка с содержанием «Илиады». По мнению ученого, Троя сначала была разрушена землетрясением, что облегчило задачу осаждавших ее ахейцев, которые ворвались в цитадель через образовавшиеся проломы в стене и погубили все, что не успела уничтожить грозная стихия. Позднее это событие породило при чудливое сказание об огромном деревянном коне, с помощью которого греки проникли в Трою. По утверждению Ф.Шахенмайра, выбор образа не случаен, поскольку конь у греков издавна считался символом и одним из воплощений могучего повелителя морской пучины Посейдона, на которого в древности возлагалась главная ответственность за подземные толчки и связанные с ними катастрофы. Отсюда и распространенное прозвище божества – «Землеколебатель» (Андреев Ю.В. Поэзия мифа и проза истории. Л., 1999. С. 103).
76. Шахнович А.В., Гойса Н.И., Розова Е.С. и др. Климат // Ресурсы поверхностных вод

- СССР. Том 6. Украина и Молдавия. Выпуск 4. Крым (Под редакцией М.М. Айзенберга и М.С. Каганера). Ленинград, 1966. С. 50 – 63; Паллас П.С. Наблюдения... С. 161, 163.
- 77 Весьма показателен пример жесточайшей бури, свирепствовавшей на Черном море в октябре 1323 г. По свидетельству флорентийского хрониста Джованни Виллани, она погубила около 100 больших линий, тем самым причинив огромный ущерб купцам Венеции, Генуи, Пизы и греческих земель (Карпов С.П. Путями средневековых мореходов... С. 32). Позднее, 2 ноября 1854 г., во время Крымской войны подобная катастрофа у Балаклавы практически полностью уничтожила транспортную эскадру англичан, коренным образом изменив дальнейший ход кампании. Последствия шторма и наступившие затем холода заставили союзников отказаться от активных боевых действий и перейти к обороне (Скориков Ю.А. Севастопольская крепость... С. 185, 187).
- 78 Годландинский И.И. Каменные работы. Симферополь, 1932. С. 18 – 19, 30-31; Венков В. Проучване, конструиране и изпълнение на заменянето на сантрачни системи с нови конструктивни връзки // Проучвания и консервация на паметниците на културата в България. София, 1974. С. 107. Обр. 4.5.
- 79 Кирилко В.П. Главные ворота... С. 180. Фиг. 3.4.
- 80 Нестеренко Т.Е. Заключение по результатам исследований древних строительных растворов крепости Фуна // Проект ремонтно-реставрационных работ. Симферополь, 1987. Т. 2. Кн. 2.
- 81 Воронин Н.И. Зодчество Северо-Восточной Руси XII – XV веков. М., 1961. Т. 1. С. 307.
- 82 Медникова Е.Ю., Рапопорт П.А., Селиванова Н.Б. Древнерусские строительные растворы // СА. 1983. № 2. С. 161.
- 83 Волженский А.В. Минеральные вяжущие вещества. М., 1986. С. 107, 118 – 120.
- 84 Фирсов Л.В. Опыт радиоуглеродного датирования известковых вяжущих растворов // СА. 1975. № 2. С. 134.
- 85 Кирилко В.П. Крепость Фуна... С. 15.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРЫМА

Северо-Западный Крым заключен между Сакско-Евпаторийским районом на юге и Перекопским перешейком на севере. Сложность геологического развития и длительное воздействие моря, наземных вод и ветра способствовали образованию здесь различных форм поверхности. Так, на севере простирается полого наклонная, плоская Северо-Крымская низменность, южнее - Тарханкутская возвышенная равнина с тремя увалами и прогибами между ними; между озером Донузлав и Евпаторией располагается слабо наклоненная к морю равнина¹.

Археологическое изучение данного района началось еще в начале XX века. Так, Л.А. Монсеев в 1917-1918 и 1929 годах производил раскопки в Евпатории, в 1929 году в Черноморском и Кульчукском городищах². В 1933-1934 гг. экспедицией ГАИМК совместно с Евпаторийским музеем во главе с П.Н. Шульцем были произведены работы в районе от Сакского озера до Ярылгачского залива и носили характер углубленного обследования всей территории³. К сожалению, в процессе этих полевых работ никаких объектов раннесредневекового периода обнаружено не было. Повторный осмотр рассматриваемого отрезка побережья был осуществлен в 1948 году Тавро-Скифской экспедицией Крымского филиала АН СССР⁴. В составе этой экспе-

диции действовал Евпаторийский отряд, возглавляемый М.А. Наливкиной, который проводил раскопки Керкинитиды и Калос Лимена. В последнем из названных пунктов в верхнем слое была обнаружена керамика салтово-маяцкого времени⁵. Однако, все эти работы не приобрели регулярный характер.

К настоящим систематическим исследованиям одновременно в 1959 г. приступили несколько научных учреждений. Херсонесским музеем была организована Тарханкутская экспедиция (с 1969 г. подразделение ЛОИА АН СССР, ныне ГАИИМК РАН) во главе с А.Н. Щегловым, которая вновь обследовала все северо-западное побережье⁶. Тогда же к постоянным раскопкам городища Чайка приступила экспедиция ЛОИА АН СССР под руководством А.Н. Каравеса - позже Московского государственного университета во главе с И.В. Яценко⁷. В тот же год к изучению Калос Лимена приступила Советско-Польская экспедиция, возглавляемая М.Л. Бернхард⁸. С 1960 года начинает работу Донузлавская экспедиция ИА АН СССР под руководством О.Д. Дашевской. В результате раскопок на территории античного поселения Беляус был выявлен материал, относящийся к раннесредневековому периоду⁹. С 1972 по 1985 систематические раскопки поселения Маслины у с. Владимиров-

ка проводила экспедиция Харьковского университета. К сожалению, никаких раннесредневековых материалов там обнаружено не было¹⁰.

С 1980 года на территории Керкинитиды производились раскопки Евпаторийским отрядом Южно-Крымской экспедиции ИА АН УССР,

в 1984 году преобразованную в Западно-Крымскую экспедицию во главе с В.А. Кутайсовым, которая производила систематические раскопки и охранные мероприятия на античном городе Керкинитида. В 1988 г. она приступила к изучению и продолжает до настоящего времени рас-

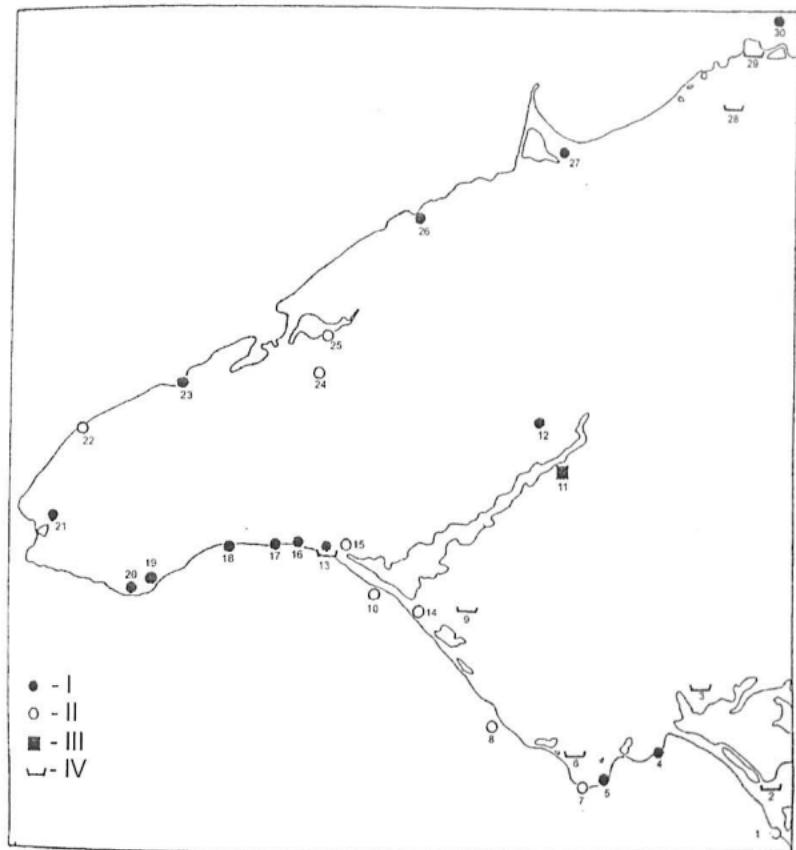

Рисунок 1.

Археологическая карта Северо-Западного Крыма V-X веков. I - поселения; II - местонахождения; III - городища; IV - могильники. 1. Сакская пересыпь; 2. Карабой; 3. Маяк; 4. Керкинитида; 5. Чайка; 6. Заклерное; 7. Евпаторийский маяк; 8. Аирчи; 9. Мирный; 10. Донузлав; 11. Аблеминское с.-ще.; 12. Хмелено; 13. Беляг; 14. Южно-Донузлавское с.-ще.; 15. Западно-Донузлавское с.-ще.; 16. Кульчук; 17. Лазурное; 18. Тарпанчи; 19. Морское; 20. Ойрат; 21. Оденсака; 22. Большой Кастел; 23. Калос-Лимен; 24. Куланецкое; 25. Зайсан; 26. Владимирополь; 27. Староградское; 28. Кропоткино; 29. Сары-Балян; 30. Лебяжий о-ва.

копки античного и скифского городища Калос Лимен. Здесь были выявлены постройки и керамические комплексы VIII - X вв.¹¹

К сожалению, к настоящему времени еще не накоплен достаточный археологический раннесредневековый материал: его еще слишком мало или он не опубликован, поскольку специалисты-антроповеды не проявляют особого интереса к средневековому периоду Северо-Западного Крыма. Более того, средневековая застройка, как правило, раскрывается в процессе постоянных прирезок на небольших площадях с последующей их разборкой, с целью открытия античных остатков. При такой методике раскопок не возможно получить целостное визуальное представление об исследуемых объектах: как правило, отдельные обрывки стен и отдельные постройки оформляются только на графических планах.

В данной работе нами собраны сведения о 30 поселениях, городищах, погребениях и отдельных местонахождениях раннесредневековых памятников (рис. 1).

1. Сакская пересынь. В процессе изучения античного святилища на песчаной косе, отделяющей озеро от моря, на площади в 9 га., выявлено большое количество средневековой керамики VIII - X вв. (амфоры с рифленой поверхностью; яйцевидные с линейно-волнистым зональным рифлением; высокогорловые плоскодонные кувшины; черепица и фрагменты кухонной посуды). Тут же найдено известняковое надгробие с врезным изображением малтийского креста того же времени. По мнению

С.Б. Ланцова, поселение принадлежало Херсону и было связано с добывшей соли. Автор не исключает возможности существования на этом месте культового комплекса раннесредневекового времени¹².

2. Кара-Тобе. Поселение находится на восточной окраине с. Прибрежное, Сакского района. В верхних слоях городища выявлены строительные остатки X - XIII вв¹³. Летом 1992 года, в кургане III-II вв. до н.э., расположенным в 300 м. к Северо-Востоку от городища была обнаружена впускная подбойная могила салтово-маяцкого времени. Погребение было совершено в яме с приступкой, на которой череп и кости ног коня. Найдены остатки лука с роговыми накладками, колчан с восемью стрелами, кресало, оселок¹⁴.

В 1990 году в центральной части городища обнаружено впускное кочевническое погребение в подпрямоугольной яме со скругленными углами. Яма вытянута по оси ССВ-ЮВ. Датировкой может служить бронзовая пуговица, которая была распространена у степных кочевников в VIII-XIV вв. Авторы склонны относить это погребение к XII в¹⁵.

3. Мамай. Расположено несколько южнее Мамайских каменоломен, в 6 км. на Северо-Восток от Евпатории. В погребении найдена костяная трапециевидная пряжка с бобовидной прорезью на щитке, которая датируется второй половиной VII в¹⁶.

4. Керкинитида. На античном городище обнаружена яма, заполненная обломками сосудов с зональным рифлением¹⁷. Аналогичный материал был обнаружен при проведе-

ний дноуглубительных подводных работ в Евпаторийском морском порту¹⁸. Кроме того, известны находки монет VIII, IX и X веков херсонесской чеканки¹⁹.

5. Чайка. Античное и скифское городище расположеннное в 7 км. к западу от Евпатории, расположенной напротив пионерлагеря «Лучистый». Скифский горизонт памятника был перекрыт застройкой VIII-IX вв. н. э., стены которых были сложены «в ёлку»; всего было обнаружено 12 построек салтовского времени²⁰. Остатки раннесредневековых построек наиболее хорошо сохранились в центре городища. Здесь была открыта - судя по опубликованному плану - постройка мегаронного типа, к которой затем с юга было пристроено еще одно помещение²¹. В результате раскопок 1972 на площади квартала Юг-2 были обнаружены строительные остатки, содержащие керамический материал IX-XIII вв²². В 1974 году при раскопках помещений Северного квартала были обнаружены фрагменты амфор с рифлением IV - V вв. Найденные, обнаруженные на верхнем жилом уровне во дворике 97 и в помещении 94, говорят о том, что этот уровень использовался в IV - V в. в качестве подвалных помещений, предварительно очищенных от старых вещей. В целом, важным отличием Северного квартала, считает И.В.Яценко, было возрождение жизни на его территории в IV - V вв²³. Этого же мнения придерживается и Е.А. Попова, которая подтверждает это найденным керамическим материалом IV-V вв²⁴. В жилых и хозяйственных постройках скифского

квартала I в. до н.э. - I в. н.э. Запад-II часто встречается так же кладка в «ёлку». « Но нет ни одной стены - пишет Е.А.Попова - которая была полностью сложена в этой манере: кладка в «ёлку» всегда включалась в обычную систему бутовой или постелистой иррегулярной на отдельных участках стены»²⁵. Со своей стороны отметим тот интересный для нас факт, что такие салтовские строительные приемы встречаются в верхних частях кладок скифской эпохи. Не является ли это признаком их использование в более позднее время?

6. Заозерное, Сакский район. Грунтовый могильник площадью около 200 кв. м. Открыты 34 могилы в которых обнаружены в основном скелеты детей. Ряд деталей погребального обряда (узкие могилы, положение скелета черепом на запад) находят аналогии в средневековых могильниках Крыма. Кроме того, изредка встречаются обломки средневековой посуды²⁶. К сожалению, более точная хронология отсутствует.

7. Евпаторийский маяк. По сообщению А.Б.Колесникова в 1991 году в районе маяка была случайно найдена византийская монета императора Льва VI Мудрого (886 - 912)²⁷.

8. Аирчи, античное и скифское городище у с. Витино Сакского района. В ходе разведок была обнаружена византийская монета императора Льва VI Мудрого (886 - 912)²⁸.

9. Мирный. По сообщению С.Г. Колтухова, в нескольких километрах к востоку от дер. Мирный Сакского района, в 1983 году обнаружено ограбленное погребение салтовского времени.

10.Донузлав. В 1982 на морском берегу пересыпи после шторма случайно обнаружены одиннадцать разнообразных монет. Из них семь принадлежали херсоно-византийским литым монетам фемного периода: два экземпляра относятся к выпуску Василия I (867-886), четыре Василия II (976-1025); еще одна сильно коррозирована и относится к IX - X вв.²⁹ В 1985 году в результате подводных исследований в проливе соединяющем озеро с морем (видимо в теле самой пересыпи) обнаружена керамика V-VII вв.³⁰

11.Аблемитское городище. Сакский район. Расположено на мысу ориентированном на восток, на южном берегу озера Донузлав, в 23 км. от берега моря. Топография, планировка, строительные приемы цитадели и одиночной башни (600 м. к юго-востоку), входившей, возможно, в систему обороны городища, находят аналогии с другими салтово-маяцкими памятниками Крыма. В северо-западном углу цитадели обнаружены фрагменты лепного горшка салтово-маяцкого типа с врезным орнаментом в виде «волны»³¹.

12.Хмелево. Черноморского района. К Юго-Востоку от этого места, на берегу Донузлавского озера сохранились остатки каменной стены, спускавшейся к самому озеру. Кроме того найдено большое количество раннесредневековой керамики. В.И. Павленков относит это поселение к салтово-маяцкому времени³².

13. Беляус. Античное и скифское городище с селищем, прекратившее существование в 60-е годы I в. н.э.³³ Расположено у северозападной окон-

ечности пересыпи Донузлавского озера; в 1,5 км. к юго-востоку от с. Знаменское Черноморского района. Здесь обнаружено два погребения гуннской эпохи. Первое открыто на могильнике в 1967 году, где в одном из каменных склепов под вымосткой находилось захоронение подростка. Скелет находился в могильной яме длиной 1,74 м., шириной - 0,42 м., глубиной - 0,86 м., и принадлежал мальчику 13 - 15 лет. Погребенный лежал головой на север, в вытянутом положении на спине, с руками вдоль туловища. Погребальный инвентарь состоял из: золотой серьги, пряжки (серебряные с золотой инкрустацией, серебряные одежные, серебряные уздечные), золотая фигурка лошади, колокольчик из железа и бронзы, серебряные наконечники ремней с золотыми накладками, железная стрела, железные удила. О.Д. Дашевская относит это погребение к концу IV - началу V в. н.э.³⁴ Второе погребение обнаружено в 1991 году на городище. Оно было впущено в колоколовидную яму на глубину 1,30 м. от ее устья. Захороненным оказался мальчик 8 - 9 лет. Он лежал головой на северо-северо-запад (челеп наклонен вправо), в вытянутом положении на спине, руки вдоль туловища. Погребение сопровождалось золотой серьгой, железным ножом, пятью различными пряжками, в ногах небольшие железные удила и бронзовая скрепа. Найденный материал позволяет отнести погребение к концу IV - началу V вв.³⁵ С такими датировками этих двух захоронений соглашаются А.И.Айбин³⁶ и И.П. Засецкая³⁷. Аналогичное дан-

ным захоронение обнаружено у с. Изобильтное и имеет некоторые сходства: использование могильного сооружения предшествующего времени и факт отсутствия керамики³⁸.

По сообщению О.Д. Дащевской в 1999 году обнаружено еще одно парное погребение с инвентарем (три лепных горшка, золотое колечко и серьжка, бронзовые вещи: две серьги, две подвески, один колокольчик, гривна, железные ножи, четыре бусины).

Б.Ю. Михлин упоминает о находке миниатюрной бронзовой броши, щиток которой представляет собой изображение цикады³⁹. Броши с такими сюжетами А.К.Амброз относит к варварским погребениям V-VI вв⁴⁰. Кроме того, в верхнем слое городища изредко встречаются фрагменты стен и обломки керамики VIII-X вв⁴¹.

14. Южно-Донузлавское городище. По сообщению О.Д. Дащевской найден фрагмент салтовского горшка.

15. Западно-Донузлавское городище. Найден венчик горшка с врезной волнистой линией под шейкой⁴².

16. Кульчук. Античное и скифское городище, расположенное на береговом обрыве, в 2-х км. к югу от с. Громово Черноморского района. Зафиксирован тонкий слой с развалами каменных стен и фрагментами керамики VIII - X вв. Более подробная информация отсутствует⁴³. По свидетельству О.Д. Дащевской, в кургане кон. III - нач. II вв. до н.э. расположенным близ Кульчукского городища, обнаружена впущенная яма с костями коровы и обломками керамики VIII - IX вв⁴⁴.

17. Лазурное (бывш. Джага-Кульчук), Черноморского района.

Поселение расположено на западном краю балки, впадающей в море. Здесь найдены фрагменты стенок амфор с густым рифлением на плечиках VI - VII вв. и сосудов, с туловом покрытым валиками в виде набегающей волны VIII - X вв⁴⁵.

18. Тарпанчи. В юго-восточной части античного и скифского поселения в с. Окуневка Черноморского района, непосредственно под тонким слоем дерна. В поселении было открыто не совсем обычное сооружение. Оно состояло из вытянутой вдоль берегового клифа стены (протяженностью 18 м), к которой со стороны моря примыкало помещение с полукруглой внешней стеной. В западной кладке постройки находился дверной проем. Во время второго строительного периода помещение было разделено перегородкой на две части; затем эта кладка, равно как и длинная стена были усилены дополнительными поясами. Значительное количество золы, достигающей в толщину 0,30-0,40 м, скопившейся внутри постройки и за ее пределами, отсутствие признаков жилья позволило А.Н.Щеглову вполне справедливо интерпретировать саму постройку как маяк, расположенный в центре береговой дуги в интервале между м. Ойрат и северной конечностью пересыпи оз. Донузлав. В зольном слое, на его поверхности и в каменных развалинах обнаружены немногочисленные обломки керамики VIII - X вв. (обломки круглодонных амфор с туловом яйцевидной формы и зонами мелкого рифления в верхней части сосуда; обломки высоких плоскодонных кувшинов и горшков

с гребенчатым и линейным врезным волнистым орнаментом, нанесенным в верхней части тулов)⁴⁶. По его мнению, такое крупное сооружение не могло существовать, если бы на Тарханкутском полуострове, по крайней мере на его побережье, не было постоянного оседлого населения, появление которого было связано с изменением общей обстановки - усиления Херсона, начавшееся около середины IX в. Северо-Западный же Крым, с его соляными озерами всегда представлял интерес для экономики Херсона⁴⁷. В 1963 году здесь же был открыт средневековый колодец IX - X вв., предназначенный заваленным трупами животных⁴⁸.

19. Морское, Черноморского района. Поселение расположено на месте античного селища. Это поселение не имело укреплений ни в античное, ни в раннесредневековое время. Здесь встречаются стенки амфор со светло-желтым черенком и с глубоким и чистым рифлением, которые хорошо датируются VI - VII вв.⁴⁹

20. Оират. Поселение расположено на месте античного селища, к западу от с. Морское, Черноморского района. Наряду с позднеантичной керамикой встречаются незначительные обломки раннесредневековых бороздчатых амфор. Никаких строительных остатков интересующего нас периода здесь не обнаружено⁵⁰.

21. Оленевка. Расположено на окраине с. Оленевка, Черноморского района. А.И. Баранов относит его к салтово-маяцким поселениям второй половины VIII - X вв⁵¹.

22. Большой Кастель. Античная укрепленная мощной башней изоли-

рованная усадьба в устье одноименной балки на берегу небольшой бухты. Она посещалась людьми, вероятно, в интересующее нас время⁵².

23. Калос-Лимен. Античное и скифское городище, на месте которого в VIII - IX вв. возникло салтовское поселение. В верхних слоях памятника раскрыты строительные остатки, состоящие из вытянутых двух- трехкамерных построек с дерновыми крышами, разбросанными на расстоянии друг от друга. Большой интерес представляет полуподвальное помещение, стены которого сложены «в елочку». Керамика состоит из уже известных сосудов с линейно-волнистым орнаментом характерным для салтово-маяцкой культуры⁵³.

24. Кузнецкое. По сообщению В.И. Павленкова на окраине с. Кузнецкое встречаются фрагменты раннесредневековой керамики и крайне не выразительные обломки горшков салтово-маяцкого типа.

25. Зайцево. В 1986 году на небольшом мысе на южном берегу оз. Джарылгач, в 1.5 км. от села Зайцево Черноморского района, по сообщению С.Г. Колтухова найдены обломки светло-глиняных амфоры типа Е второй половины IV - начала V вв⁵⁴.

26. Владимировка. В 1974 году на окраине поселения эпохи бронзы, расположенного на береговом обрывистом мысе в 4 км к северо-западу от с. Владимировка, Черноморского района, обнаружен салтово-маяцкий культурный слой с соответствующей керамикой и костяной пряжкой [Сообщение С.Г. Колтухова].

27. Стерегущее. Поселение находится на окраине села Стерегущее,

Раздольненского района. А.И. Баранов относит его к салтово-маяцким поселениям второй половины VIII - X вв. К сожалению, более точная информации отсутствует⁵⁵.

28. Кропоткино. По сообщению С.Г. Колтухова, на окраине с. Кропоткино, Раздольненского района, обнаружено погребение VII - VIII вв. Были найдены остатки тризы.

29. Сары-Булат. Курган находится в Раздольненском районе, близ с. Портовое. В него впущена подбойная могила, на дне которой зачищен скелет взрослого человека, ориентированный головой на Северо-восток. У северо-восточного борта ямы находился череп овцы, рядом со ступенькой - кости овцы, а на ступеньке - скелет лошади, головой ориентированной на северо-восток. Погребальный инвентарь состоял из: железного меча, железных наконечников стрел, бронзовой пряжки, костяных обкладок лука, большой бронзовой пряжки, биметаллических инкрустированных цветным стеклом деталей поясного набора, обломка железных удил, серебряных сбруйных бляшек и обломка железного стремени⁵⁶. Сравнивая эти аналогичными предметами, найденными в других регионах, А.И. Айбабин датирует это погребение второй половиной VII века⁵⁷.

30. Лебяжьи Острова. На среднем острове, на карте отметка «0.7» м. встречена керамика салтово-маяцких типов, вероятно принадлежащая частично затопленному при поднятии уровня моря поселению⁵⁸.

Слабая изученность раннесредневекового Северо-Запада Крыма объясняется прежде всего тем, что

по сравнению с более ранним, античным периодом, когда почти все побережье покрывала густая сеть малых городов, укрепленных поселений, усадеб и других разного рода сооружений (маяков, дорог и прочих объектов), каких-либо остатков интересующего нас времени или очень мало или они вообще отсутствуют. На рубеже I - II вв.н.э. (не позднее середины II в.н.э.) позднескифское население было вынуждено покинуть обжитые места и переселиться в юго-западную Таврику за пределы реки Альма под защиту римских отрядов⁵⁹. Если какие-то очаги жизни продолжали здесь существовать, то они прекратили свое существование в середине III в.н.э. под натиском хлынувших в Крым готов, хотя отдельные находки керамики конца III - IV вв.н.э. отмечены в Калос Лимене и на Чайке⁶⁰.

Таким образом археологические памятники Северо-западного Крыма распадаются на три хронологические группы. Первая из них представлена погребениями гуннской эпохи исключительно на городище Беляус. Вторая фиксируется, в основном, отдельными керамическими находками V - VII вв., обнаруженными в Лазурном, Морском, Зайцево, на Чайке и преимущественно на дне Евпаторийской бухты. К этой же группе примыкает и хазарское погребение второй половины VII века у с. Портовое. Район Евпатории мог интересовать Херсон прежде всего своими соляными озерами. Из переписки папы Мартина 654 года⁶¹ мы узнаем, что из города отправлялись суда с грузом соли. Из выше сказанного

можно сделать вывод, что херсонеситами была налажена добыча такого количества соли, что ее хватало не только на собственные нужды, но и оставалось достаточное количество на экспорт, способный обеспечить город необходимым количеством продовольствия. Но поскольку ближайшие солинные озера не могли предоставить такого количества соли⁶², то единственным ближайшим местом ее добычи мог быть только Северо-Западный Крым с его Сакским и Сасык-Сивашским озерами.

Наиболее представительна третья группа памятников, связанная с салтово-маяцкой культурой, поселения которой были расположены по всей территории Таврики. Причем следует отметить тот факт, что в Северо-Западном Крыму поселений на порядок меньше, чем в Восточном части полуострова⁶³. Этому может быть несколько причин. Во-первых, это близость Восточного Крыма к центру Хазарского государства. Другой важной причиной является то, что салтовцы тяготели к крупным византийским центрам, таким как Боспор, а в Северо-Западном Крыму такие отсутствовали. В археологических слоях салтовского периода материальная культура явно указывает на связи как с другими районами Крыма, так и с Приазовьем, что сказывается и в формах бытовой керамики (гончарной и лепной), чертах жилища, погребальном обряде и антропологических данных⁶⁴. Среди памятников выделяются достаточно крупные городища Калос-Лимен, Чайка, Аблемитское, первые два из которых расположены на берегу удобных бухт, что может

указывать на выполнение ими функций торжищ. К сожалению пока не обнаружено ни одного погребения VIII - X вв.

Интересен также вопрос о происхождении в Северо-Западном Крыму топонимов с корнем «рос». Исследуя этот вопрос Д.Л. Талис приходит к выводу, что «эти топонимы расположены на территории, где со второй половины I тыс. н.э. археологический материал удостоверяет существование населения, этнически близкого алано-болгарскому населению Подонья и Приазовья»⁶⁵. На Тарханкутском полуострове находился топоним Vagangolimen который А.А. Шахматов отождествлял с заливом Ярылгач, отмечая его большую доступность и простор, переводя как «залив или гавань варягов». Исследователь связывает этот топоним с указанием на морской путь, который был проложен варягами от Днепровского устья до Херсона⁶⁶. К месту нужно заметить, что этот залив мелководен и не защищен от штормов, а реальных археологических материалов относящихся к данному времени здесь пока не обнаружено.

Нужно также обратить внимание на тот факт, что за все время раскопок Керкинитиды не было обнаружено ни одного салтовского черепка, хотя на расположеннном рядом городище Чайка имеется мощный салтовский горизонт. В то же время со дна Евпаторийской бухты происходит большое количество керамической тары V - X вв⁶⁷. Это скорее всего было связано с тем, что акватория современной Евпатории контролировалась Херсоном, который продолжал использовать залив

в качестве якорной стоянки, необходимой при каботажном плавании: отсюда большое количество керамического боя на его дне.

Константин Багрянородный сообщает: что « в промежутке между Днепром и Херсоном расположены болота и бухты, в которых херсонеситы добывают соль»⁶⁸. Действительно в Северо-Западном Крыму расположена целая группа соляных озер, от Багайлы на юге и до Бокальского на севере. Однако наиболее крупные запасы соли располагались в Сасык-Сивашском озере, которое активно разрабатывается со времен Крымского ханства и до наших дней. Другие из них (Ярылгачское, Панское) находились в стадии формирования так как в античную эпоху здесь располагались приморские долины. К тому же Сасык-Сивашское озеро расположено ближе всего к Херсону, а морской путь к нему был известен с древнейших времен.

Нельзя не вспомнить также Византийско-Русский договор 945 года, в одной из статей которого говорится о ловле корсунцами рыбы в устье Днепра⁶⁹. Эти синхронные по времени источники сообщают о двух взаимосвязанных промыслах - рыболовстве и соледобыче - которые имели большое распространение в Херсоне в V - X вв. Это видно из наличия в городе большого количества рыбобо-

засолочных цистерн, в которых производилась промышленная засолка рыбы⁷⁰. Такое количество рыбы невозможно было выловить в акватории Херсона, поэтому скорее всего, она вылавливалась вдоль всего западного побережья Крыма, включая Каркинитский залив и Днепро-Бугские лиманы. О том же свидетельствует и видовой состав морской фауны⁷¹: основным местом промысла кефали и камбалы является побережье Тарханкутского полуострова, а осетровых - Каркинитский залив. В таком случае в этих промысловых местах должны были находиться сезонные рыболовецкие станции, которые в силу своих небольших размеров или пока еще на открыты или не сохранились, в результате продолжающегося до сих пор берегового разрушения.

Для безопасности плавания вдоль западного побережья Крыма Херсоном, по всей видимости, была создана навигационная система. Пока открыты остатки всего одного маяка у с. Окуневка. Однако существование этого знака без организации аналогичных маяков на более западных и гораздо опасных участках побережья (м. Ойрат и особенно м. Тарханкут) теряло бы всякий смысл. Вспомним, что в более позднее время м. Тарханкут на итальянских картах имел название Rossofar⁷², а еще позже именовали Эски-Форосом.

ПРИМЕЧАНИЯ

- Подгородецкий П.Д. Северо-Западный Крым.- Симферополь.- 1974.- С. 8.; Подгородецкий П.Д. Северо-Западный Крым (краеведческий очерк).- 1979.- С.10.; Подгородецкий П.Д. Крым: Природа. Справочное издание.- Симферополь.- 1988.- С. 152-153.; Львова Е.В. Равнины Крыма.- Симферополь.- 1982.- С. 8-9.
- Моисеев Л.А. Херсонес Таврический и раскопки в Евпатории в 1917 г. // ИТУАК.- 1918.- № 54.- С. 241-259.; Моисеев Л.А. Отчет о раскопках в Евпатории в 1929 // Архив НЗХТ.- 1929.- 7 с.

3. Шульц Н.Н. Евпаторийский район // Археологические исследования в РСФСР в 1934-1936 гг.-М.-1941.-С. 265.
4. Шульц Н.Н. Отчет о работах Евпаторийского отряда Тавро-Скифской экспедиции в 1948 г. // НА КФИАНАНУ, Р-1, № А-2/3.-Симферополь.-1949.-44 с.
5. Наливкина М.А. Раскопки Керкинитиды и Калос Лимена (1948-1952) // История и археология Древнего Крыма.-Киев.-1957.-С. 271.
6. Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху.-Ленинград.-1978.-С. 11.; см.: АО-1965-1967, 1970-1986, 1993-1994, АИК-1994.
7. Карапетов А.Н. Раскопки на городище Чайка // КСИА.-1963.-№ 65.-С. 35.; Яценко И.В. Крепость и сельские усадьбы херсонесцев на окраине современной Евпатории // Путешествие в древность.-М.-1983.-С. 182.; см.: АО-1967, 1970-1978, 1980-1985.
8. Bernhard M.L. Kalos Limen, Fouilles polonaises en Crimée, URSS, 1959 // Bulletin du Musée National de Varsovie.-1961.-vol. 2.-Р. 3-10.
9. Дашевская О.Д. Разведки в северо-западном Крыму в 1961-1963 гг. // КСИА.-1965.-№ 103.-С. 148-152.; см.: АО-1965-1967, 1970-1986, 1993-1994, АИК-1993-1994.
10. Латышева В.А. Некоторые итоги раскопок поселения Маслины в Северо-Западном Крыму // Вестник Харьковского Университета.-1985.-№ 268.-С. 100-107.; см.: АО-1972-1985
11. Кутайсов В.А., Уженцев В.Б. Калос Лимен (раскопки 1988-1995). // АК.-Симферополь.-1997.-С. 43-57. См.: АО-1980-1986, АИК 1993-1994.
12. Ланцов С.Б. Новый памятник средневекового времени в Западном Крыму // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса 1888-1988 гг. Тез. докл.-Севастополь.-1988.-С. 72-73.; Ланцов С.Б. Западный Крым в составе Херсонесского государства: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.-Киев.-1991.-С. 7.
13. Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху.-Ленинград.-1978.-С. 37.
14. Внуков С.Ю. Исследования Кара-Тобинского отряда Крымской экспедиции // АДУ.-1992.-Киев.-1993.-С. 34-36.; Внуков С.Ю. Археологические исследования на окраине города Саки // Крымский музей.-1994.-№ 1.-С. 138.; Лагутин А.Б. Погребение средневекового кочевника у с. Прибрежное в Северо-Западном Крыму // РА.-1998.-№ 3.-С. 157.
15. Бужилова А.П., Внуков С.Ю., Антипина Е.Е. Средневековое впускное погребение из Кара-Тобе (биоархеологическая реконструкция особенностей погребального обряда) // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений.-М.-1999.-С. 229-246.
16. Бааранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура).-Киев.-1990.-С. 19.
17. Кутайсов В.А. Античный город Керкинитида.-Киев.-1990.-С. 27.; Кутайсов В.А. Керкинитида.-Симферополь.-1992.-С. 68.
18. Паршина Е.А. Средневековая керамика Южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965-1969).// Феодальная Таврика.-Киев.-1974.-С. 60.
19. Пьянков В. Справочная книжка города Евпатории и его уезда.-Евпатория.-1888.-С. 48.
20. Яценко И.В. Новые сведения о планировке Скифского поселения у санатория Чайка в Евпатории // АО.-1973.-М.-1974.-С. 368.
21. Яценко И.В. Исследования сооружений скифского периода на городище Чайка в Евпатории (1964-1967) // КСИА.-1970.-№ 124.-С. 31.; Карапетов А.Н. Раскопки на городище Чайка близ Евпатории // КСИА.-1963.-№ 65.-С. 35.
22. Яценко И. В. Исследование скифского поселения у санатория Чайка в Евпатории // АО.-1972.-М.-1973.-С. 357.
23. Яценко И. В. Северный квартал I Скифского поселения на Чайкинском городище в Евпатории (по материалам раскопок 1974-1975).// Население и культура Крыма в первые века нашей эры. Сб. науч. тр.-Киев.-1983.-С. 54, 66.
24. Попова Е.А. Здание типа мегарон позднескифского городища Чайка.// ВМУ.-сер. 8. История.-1996.-№ 1.-С. 74.

25. Попова Е.А. О Северо-Приморском домостроительстве I в. до н.э. - I в. н.э. // Историческая археология.- М.- 1998.- С. 187.
26. Маслов С.П., Яценко И.В. Раскопки некрополя у дер. Заозерное // АО.- 1976 - М. 1977 - С. 333-334.
27. Павленков В.И. Херсонесо-Византийские монеты из Северо-Западного Крыма // Тезисы Международной конференции «Византия и народы Приморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV-IX вв.)». - Симферополь.- 1994.- С. 23.
28. Дащевская О.Д. Разведки в Северо-Западном Крыму в 1961-1963 гг. // КСИА.- 1965.- № 103.- С. 149, рис. 52.; Кропоткин В.В. Новые находки византийских монет на территории СССР // САИ.- 1961 - Г 4-4.- № 201а.; Баранов И.А. Таврика ... С. 21.
29. Павленков В.И. Херсонесо-Византийские ... С. 22.
30. Прохоров А.А. Подводные археологические исследования в Северо-Западном Крыму // Изучение памятников морской археологии.- С-Пб.- 1998.- вып. № 3.- С. 85.
31. Павленков В.И. Аблемитское городище на озере Донузлав в Крыму // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС.- М.- 1987.- С. 213.
32. Павленков В.И. Аблемитское ... С. 213.
33. Дащевская О.Д. Поздние скиты в Крыму // САИ.- 1991 - Д 1-7.- С. 50.
34. Дащевская О.Д. Работы Донузлавской экспедиции // АО.- 1967.- М.- 1968.- С. 217.; Дащевская О.Д. Погребения гуннского времени в Черноморском районе Крыма // Древности Восточной Европы.- МИА.- № 169.- М.- 1969.- С. 52-60.
35. Дащевская О.Д. Погребение гуннского времени на городище Беляус // Памятники Евразии скито-сарматской эпохи.- М.- 1995.- С. 56-58.
36. Айабин А.И. Погребения кочевнической знати в Крыму в конце 4 - 6 вв. // МАИ-ЭТ.- 1993.- № 3.- С. 208., рис. 6.
37. Засецкая И.П. О хронологии и культурной принадлежности памятников южнорусских степей и Казахстана гуннской эпохи (постановка вопроса) // СА.- 1978.- № 1.- С. 54, 67.; Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху.- С-Пб.- 1994.- С. 112-113, 178-180, табл. 26-27.
38. Юрочкин В.Ю. Погребение кочевника гуннского времени в кургане у с. Изобильное в Крыму // МАИ-ЭТ.- Симферополь.- № 3.- 1993.- С. 249.
39. Михлин Б.Ю. Фибулы беляусского могильника // СА.- 1980.- № 3.- С. 208.
40. Амброз А.К. Фибулы Юга Европейской части СССР.- САИ.- Д 1-30.- М.- 1966.- С. 35.
41. Дащевская О.Д., Щеглов А.Н. Херсонесское укрепление на городище Беляус // СА - 1965.- № 2.- С. 246-256, рис. 7.; Щеглов А.Н. Раннесредневековые поселения на Тарханкутском полуострове Крыма // СА.- 1970.- № 1.- С. 257.; Баранов И.А. Некоторые итоги изучения тюрко-болгарских памятников Крыма.- Плиска-Преслав.- № 2.- София.- 1981 - С. 58.
42. Дащевская О.Д., Голенцов А.С. Западно-Донузлавское городище в Крыму // Евразийские древности.- М.- 1999.- С. 6, 20.
43. Голенцов А.С. Охранные раскопки античного Кульчукского городища и могильника в 1989-1993 // АИК.- 1993.- Симферополь 1994.- С. 82-83.; Голенцов А.С. Херсонесские клейма из раскопок поселения Кульчук // VI чтения памяти профессора В.Д. Блатовского. Тез. докл.- М.- 1999.- С. 41.
44. Дащевская О.Д. Двадцатый сезон Донузлавской экспедиции // АО.- 1979.- М.- 1980.- С. 269.; Дащевская О.Д., Голенцов А.С. Кульчукский курган - кенотаф // КСИА.- 1982.- вып. 170.- С. 90.
45. Щеглов А.Н. Раннесредневековые ... С. 257.
46. Щеглов А.Н. Тарханкутская экспедиция в 1962-1963 гг. // КСИА.- 1965.- С. 140-148.; Щеглов А.Н. Раннесредневековые ... С. 258-260.; Щеглов А.Н. Северо-Западный ... С. 39.; Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА.- 1970.- № 168.- С. 12.
47. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА.- 1959.- № 63.- С. 31.
48. Щеглов А.Н. Раннесредневековые ... С. 261, прим. 19.

49. Щеглов А.Н. Раннесредневековые ... С. 257; Датировку см.- Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов Византийского Херсона.- Екатеринбург. 1995.- С. 38.
50. Щеглов А.Н. Раннесредневековые ... С. 256.
51. Баранов И.А. Таврика ... С. 8-9.
52. Щеглов А.Н. Большой Кастель и святилище II в. до н.э. в урочище Джангуль // Проблемы античной культуры. Тез. докл. Крым. науч. конф.- Симферополь - 1988.- ч. 3.- С. 274.
53. Наливкина М.А. Раскопки Керкинитиды и Калос-Лимена (1948-1952) // История и археология древнего Крыма.- Киев.- 1957.- С. 271, 277.; Щеглов А.Н. Северо-Западный ... С. 36-37.; Анохин В.А. Керкинитида. Калос-Лимен // Археология УССР.- Киев.- 1989.- С. 124.; Кутайсов В.А., Уженцев В.Б. Археологические исследования Калос-Лимена // АИК.- 1993.- Симферополь.- 1994.- С. 177.; Кутайсов В.А. и др. Охранные раскопки городища и некрополя Калос-Лимена // АИК - 1994.- Симферополь.- 1997.- С. 173.
54. Щеглов А.Н. Северо-Западный ... С. 17-19.
55. Баранов И.А. Таврика ... С. 8-9.
56. Шепинский А.А., Черепанова Е.Н. Исследования в степном Крыму // АО.- 1966.- М.-1967.- С. 180.
57. Аибабин А.И. Погребение хазарского воина // СА.- № 3.- 1985.- С. 199-201.
58. Баранов И.А. Таврика ... С. 8-9.; Сообщение С.Г. Колтухова.
59. Высоцкая Т.Н. Скифские городища - Симферополь - 1989.- С. 84.; Храпунов И.Н. О причинах гибели некоторых позднескифских поселений // МАИЭТ.- № 1.- 1990.- С. 168.; Пуздровский А.Е. Население Крымской Скифии во II в. до н.э. - III в. н.э. (этно-политический аспект). Автограф. дис. ... канд. ист. наук.- Киев.- 1993.- С. 13.; Зубарь В.М. Херсонес Таврический и римская империя.- Киев.- 1994.- С. 112-117.; Кутайсов В.А., Уженцев В.Б. Калос-Лимен ... С. 56.
60. Уженцев В.Б. Боспор и Северо-Западный Крым в первые века н.э. // Боспорский феномен. Греческая культура на периферии античного мира.- С-Пб.- 1999.- С. 313.
61. Бородин О.Р. Римский пана Мартин Г и его письма из Крыма (статья, перевод, комментарий) // Причерноморье в Средние века.- Изд-во МГУ.- 1991.- С. 173-191.
62. Кадеев В.И. Очерки истории Экономики Херсонеса в I - IV вв. н.э.- Харьков.- 1970.- С. 20-23, рис. 1
63. Якобсон А.Л. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // МИА.- 1958.- № 85.- С. 458-502.; Баранов И.А. Таврика ... С. 8-9, рис. 1.
64. Майко В.В. Етнокультурні зв'язки Криму з Подніпров'ям і Північним Кавказом в VII - X ст.: Автограф. дис. ... канд. ист. наук.- Київ.- 1998.- С. 6-14.
65. Талис Д.Л. Розы в Крыму // СА - 1974.- № 3.- С. 96-97.
66. Шахматов А.А. Варанголимен и Россофар // Историко-литературный сборник.- Л.- Изд-во Русского языка и словесности.- 1924.- С. 176.
67. Кутайсов В.А. Античный город ... С. 160.
68. Константин Багрянородный. Об управлении империей // Древнейшие источники по истории СССР.- М.- 1991.- С. 175.
69. Повесть Временных Лет.- М.; Л.: Изд-во АН СССР.- 1950-Ч. 1.- С. 37, 234.
70. Романчук А.И. Новые материалы о времени строительства рыбозасолочных цистерн в Херсонесе // АДСВ.- 1973.- № 9.- С.46-47.
71. Сводный отчет о раскопках в Херсонесе объединенной экспедиции в 1963-1964 гг. // / АДСВ.- 19711.- вып. 7.- С. 41.; Кадеев В.И. Очерки ... С. 6-8.; Романчук А.И. Херсонес VI-первой половине IX.- Свердловск.- 1976.- С. 19.
72. Шахматов А.А. Варанголимен ... С. 172-178.

Ю. М. Могаричев

К ВОПРОСУ О РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ИУДЕЙСКИХ ОБЩИНАХ В КРЫМУ

В настоящее время все большее внимание исследователей привлекает к себе древняя и средневековая история иудейских общин Крыма. Отдельные аспекты данной проблемы рассматривались в работах Э.И. Соломонник¹, И. Данышина², А.Г. Герцена³, А.И. Айбабина⁴, И.В. Ачканизи⁵, М.И. Золотарева⁶, И.А. Завадской⁷ и некоторых других авторов⁸.

При этом в качестве источников, как правило, привлекаются или деревоизданные материалы или обнаруженные не позднее 50-х гг. XX в. (исключение составляют только результаты археологических работ А.Г. Герцена в балке Табана-дерे на Мангупе).

В настоящей работе мы хотим проанализировать уже известные

сведения о евреях в раннесредневековом Крыму, в основном в V-VII вв., (проблемы еврейской диаспоры в хазарское время рассматривались нами в отдельной статье⁹) и ввести в научный оборот новый вид источников, которые, как представляется, позволят расширить современные представления по данной проблеме.

Основными центрами иудейской диаспоры на полуострове традиционно считаются Херсонес (рис. 1,1) и Боспор (рис. 1,7).

Наиболее надежным свидетельством пребывания евреев в позднеантичном - раннесредневековом Херсонесе являются остатки синагоги, находившейся на месте более поздней Базилики 1935 г. Несмотря на имеющиеся среди современных авторов

Рисунок 1.

Карта-схема позднеантичных и раннесредневековых еврейских находок в Крыму.

разногласия по поводу хронологии и интерпретации ее основных строительных периодов¹⁰ можно сделать вывод, что иудейское культовое сооружение функционировало какое-то время в IV в. и прекратило свое существование не позднее второй половины V в.

Кроме остатков синагоги, в Херсонесе были найдены две каменные анэпиграфические плиты с изображением меноры. Причем одна из них, несомненно, связана с вышеупомянутой синагогой¹¹ и соответственно датируется временем функционирования последней. Вторая, вторичного использования, обнаружена при исследовании южного участка некрополя¹². Установить ее абсолютную хронологию, на данный момент, не представляется возможным.

Важными источниками (письменными), фиксирующими присутствие евреев в Херсонесе являются Жития епископов Херсонских¹³, повествующие о начальном этапе христианизации города. После публикации статьи К. Цукермана «Епископы и гарнизон Херсона в IV веке»¹⁴, вряд ли стоит сомневаться, что события описанные в Житиях, относятся ко второй четверти - концу IV в.

Евреи фигурируют во всех списках Житий. В греческой рукописи XI в. они упоминаются в эпизоде с убийством Евгения, Агафодора и Елпидия¹⁵ в славянских версиях участвуют также в кознях против Василия¹⁶, в тексте X в. спорят и с Капитоном¹⁷, встречаются евреи и в грузинской версии Житий¹⁸.

Таким образом, данный агиографический источник однозначно указывает на присутствие евреев в числе жителей Херсона. Впрочем, их роль в противодействии христианам могла быть преувеличена, что подразумевал еще В. В. Латышев¹⁹. Наличие иудеев среди противников новой религии было традиционным сюжетом подобных произведений, особенно с конца VI в., когда в византийской литературе стал особо популярным жанр - полемика с иудеями. Наивысший пик его приходится на иконоборческий период²⁰. Косвенным подтверждением сказанному может служить упоминание евреев различными списками в разных эпизодах. Если эллины фигурируют в качестве главных врагов первых епископов во всех версиях, то создается впечатление, что иудеи, авторами различных списков в текст были включены произвольно, скорее как дань жанру. Это прослеживается и археологически. Наличие одной синагоги, двух плит и ряда других немногочисленных предметов (см. ниже) вряд ли может являться свидетельством значительного процента иудейского населения среди херсонитов.

Как это нередко случалось, источник мог отражать ситуацию не только на момент события, но и на момент составления текста. Поэтому обратимся к датировке самих Житий.

Известно, что их письменная версия появилась значительно позже реальных событий. В. В. Латышев относил источник ко времени не ранее VII в²¹, Ж. Дагрон - не ранее VI в²². Как справедливо заметила И.А. Завадская, датировка Житий VII в «основанная на упоминании

этнонима «турки» является чрезвычайно приблизительной²³.

Пока убедительно не объяснен эпизод о направлении первых христианских миссионеров в Херсон иерусалимским епископом.

Уже В. В. Латышев отмечал странность этого факта²⁴. По мнению К. Цукермана: «Активизм иерусалимской церкви в деле обращения Херсона никак не объясним: подобного рода ее инициативы в пост-апостольскую эпоху не засвидетельствованы ни в Причерноморье, ни в других регионах»²⁵. На это же указывали и многие другие авторы²⁶. Действительно, несмотря на то, что в христианском мире Иерусалим всегда занимал почетное место, иерархическое положение его епископов долгое время было незначительным. И только в результате долгой и порой трудной борьбы, сначала на III Вселенском соборе 431 г. а потом и на IV Вселенском соборе 451 г. иерусалимская церковь получила статус патриархата наряду с Римом, Александреей, Антиохией и Константинополем²⁷ официально закрепленный в конце VII в²⁸.

По источникам прослеживаются три независимые друг от друга версии проникновения христианства в Херсонес и соответственно, Крым. Первая, «гримская», появившееся не ранее VI в²⁹, связана с именем св. Клиmenta³⁰. Эту традицию хорошо знал Константин Философ, который, как известно, во время своей «хазарской миссии» нашел останки святого и перевез их в Рим³¹.

Другая линия, вероятно имевшая константинопольские корни,

связана с апостольской деятельностью Андрея Первозванного. О ней сообщает автор сочинения «О житии, деяниях и кончине святого и всеупохвального первозванного апостола Андрея», монах Епифаний, побывавший в Крыму между 815 и 820 гг³².

И третья, как считал В.В. Латышев³³ составленная в Херсоне, или по заданию городских церковных иерархов, выводит корни местного христианства из Иерусалима.

Отметим, что все три традиции были хорошо известны и сосуществовали в Херсоне, по крайней мере, в первой половине IX в. Епифаний указывает, что о посещении города Андреем Первозванным сообщили ему сами херсониты³⁴. Константин Философ раскапывал моги и организовал пышную церемонию по их перенесению около 860 г. Но, как отмечалось, предание о ссылке св. Клиmenta и его проповеднической деятельности в Херсоне было известно и ранее³⁵. К этому времени уже сложились и Жития херсонских епископов. При этом ни одна из версий не упоминают других.

Учитывая изложенное трудно допустить, что составители Житий херсонских епископов, или, по крайней мере, авторы известных на настоящий момент их вариантов (самый ранний из сохранившихся списков Житий относится к X в³⁶) не были знакомы с легендами о проповеди в Херсоне св. Клиmenta или Андрея Первозванного. Поэтому выглядит странным, что ни в одну из версий о деяниях херсонских епископов не попали сведения об их более знаменитых предшественниках. На наш

взгляд это можно объяснить тем, что все линии окончательно сформировались приблизительно в одно, вероятно иконоборческое (см. ниже), время и разрабатывали их сторонники различных политических направлений. Поэтому в итоге одной легендарной традиции христианизации Херсона так и не было выработано.

В связи с изложенным, вернемся к упоминанию Иерусалима в качестве прародины херсонского христианства. Представляется перспективным сопоставление Житий херсонских епископов с другим агиографическим источником крымского цикла, а именно Житием Иоанна Готского. Согласно последнему, после того как, в противовес господствовавшим в то время иконоборцам, избранный «православными Готии» епископом Иоанн, «отправившись сначала в святой город, провел там три года и, поклонившись святым местам, означененным стопами божественными, воротился домой»³⁷. После своего рукоположения в Иверии, Иоанн «отправляет с диаконом своим Лонгином послание патриарху Иерусалимскому, чтобы он созвал собор и приспал к нему изложение веры»³⁸. То есть здесь, как и в предыдущем случае, подчеркивается особая связь крымских христиан именно с Иерусалимом. Житие Иоанна Готского было составлено во второй период иконоборчества сторонником почитания икон на азиатской стороне Понта³⁹. Известно, что иерусалимский патриархат был одним из центров борьбы с иконоборчеством, более того патриарх Феодор

созвал собор и предал на нем анафеме иконоборческую ересь⁴⁰.

В связи с этим позволим высказать предположение - не могли ли Жития херсонских епископов так же быть составлены, или окончательно сформированы в период иконоборчества. Если это так, то тогда вполне понятно и указание на Иерусалим. Как правило, жития писались монахами, в большинстве своем иконопочитателями. Выводить корни херсонского христианства из Константинополя, в котором на тот момент господствовали иконоборцы, значит де-факто признать принадлежность херсонской церкви к еретикам. С Римом в то время также стали все явственнее проявляться разногласия⁴¹.

Поэтому лучше всего для этих целей подходил именно Иерусалим. С одной стороны это святой для христиан город, а с другой, на тот момент символ истинного православия. В качестве аргумента в пользу нашего предположения стоит отметить, что В.В. Латышев, находил параллели между текстами Житий херсонских епископов и Иоанна Готского⁴².

Появление Жития Иоанна Готского связано с изменением церковной организации на полуострове и возникновением Готской епархии, которая столкнулась с необходимостью создания собственной агиографической традиции⁴³. Возможно параллельно проходил и процесс создания херсонской житийной мифологии (Готская епархия выделилась именно из Херсонской). Напомним, что в первой половине IX в меняется и административно - политическая система в Крыму. В 841 г. появляет-

ся фема Климатов, вскоре преобразованная вскоре в фему Херсонса¹⁴. По крайней мере, в пользу того, что в первой половине IX в. в среде херсонитов вопрос о начале здесь христианства не был окончательно решен, говорит параллельное существование еще двух отмеченных версий.

Косвенным подтверждением нашей датировки Житий является отсутствие боспорской агиографии (о ее существовании нет даже косвенных данных), хотя боспорская епархия, наряду с херсонской - древнейшая на полуострове¹⁵. С другой стороны, собственная агиографическая традиция была разработана только в епархиях, возникших или претерпевших серьезные административно-политические изменения именно в иконоборческий период - Готской, Сугдейской и Херсонской.

Таким образом, если верно все сказанное, еврейская община Херсо-

на согласно источникам прослеживается в Херсонесе с IV по первую половину IX в. Однако бесспорные данные фиксируют ее только в IV - V в.

На территории Боспора известно больше свидетельств присутствия евреев. Однако и там надежные источники датируются только периодом поздней античности - началом раннего средневековья (I - V вв.).

В первую очередь это манумиссии, древнейшая из которых датируется I в. н.э. [П]І¹⁶. Кроме этого, здесь была найдена целая группа надгробий, некоторые имели даже надписи, с иудейской символикой¹⁷. Вероятно, все они, или, по крайней мере, большинство, происходят из открытых на территории современной Керчи некрополей II - IV вв¹⁸. Часть из этих надгробий, в первую очередь с надписями, надежно датируется II - V вв. Датировку остальных, в виду неразработанности хронологии

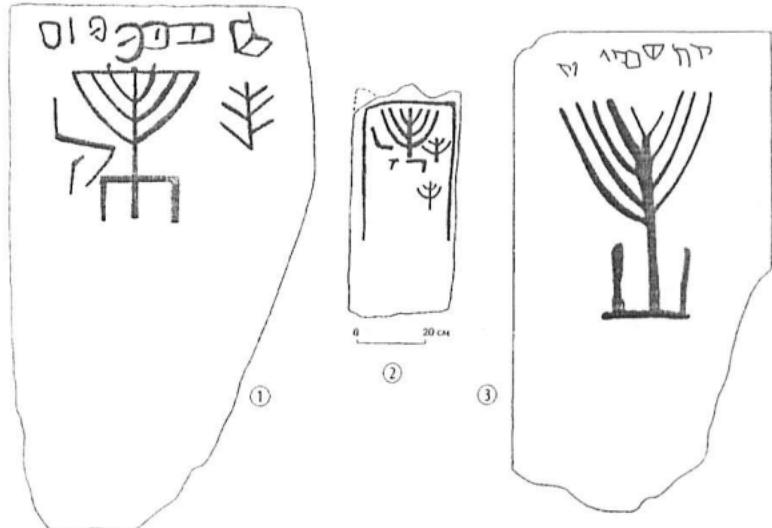

Рисунок 2.

Изображение менор на еврейских надгробиях из Крыма и Тамани.

иудейских аэнтиграфических надгробий Боспора, установить сложно. О присутствии здесь евреев в V в сообщают также граффити из упомянутой херсонской синагоги¹⁹.

В пользу проживания в позднеантичных Херсонесе и Боспоре евреев может свидетельствовать также ряд изображений на амулетах и геммах²⁰. Кроме того, в первые века н.э. здесь распространился культ Бога Высочайшего, который рядом исследователей связывается (различными авторами в разной степени) с влиянием иудаизма²¹.

Отдельные находки с иудейскими символами, которые можно было бы связать с позднеантичной - раннесредневековой эпохами известны и за пределами Херсона и Боспора.

Одно надгробие с изображением меноры и пальмовой ветви, как вторично использованное, было обнаружено в Судаке (рис. 1, 6), в кладке плитовой могилы XI - XII в.²² К сожалению, как и в предыдущем случае, датировку его установить сложно (несомненно, что появилось оно ранее XI в.).

Ряд надгробий были выявлены в прошлом веке на Южном берегу Крыма в районе Алушты (рис. 1, 5) и Партенита (рис. 1, 4)²³.

В хронологии рассматриваемых памятников, в настоящий момент, существует много путаницы. Например, В.Х. Кондараки определял дату одного из них как 132 г²⁴, А.Я. Гаркави же датировал его 1615 - 1616 гг²⁵. Д.А. Хвольсон относил один известных ему партенитских памятников (№190) к II - III вв., другой (№191) к V в. а третий (№192)

к VIII в.²⁶, что естественно маловероятно. Но крайней мере, найденное на даче Пугачевых, и опубликованное В.Ф. Миллером надгробие²⁷, имеет близкое сходство (семивечник на тамге в виде перевернутого вниз трезубца, аналогичное по форме начертание ветвей) с опубликованным Н.В. Кашовской и С.В. Кащаевым из станицы Вышестеблиевской близ Тамани²⁸, а также из фондов Керченского музея (рис. 2)²⁹. Последние датируются позднеантичным временем.

Несколько иудейских надгробий были найдены в Юго-Западном Крыму

Одна плита происходит из разведок поселения у с. Вилино (рис. 1,2)³⁰. Э. И. Соломоник, по аналогиям с надгробиями из Пантикассии и Фанагории датировала находку первыми веками н.э., что соответствует археологической ситуации - плита была найдена рядом с амфорой первых веков н.э.³¹ Поселение у с. Вилино возникает в конце IV - начале III в до н.э. и первый раз погибает во II в до н.э., затем жизнь здесь возобновляется во II в н.э. и окончательно прекращается в III в н.э.³² Вероятнее всего надгробие принадлежит выходцу из позднеантичных еврейских общин Херсонеса или Боспора, по каким то причинам умершему или погившему в низовьях долины реки Альма.

Еще одно надгробие с иудейскими символами было обнаружено Н.И. Репниковым в 1928 г в районе Мангупа (рис. 1, 3) и в 1937 г передано в Севастопольское музейное объединение. В настоящий момент частично поврежденное, оно хранится в Бахчи-

сарайском государственном историко-культурном заповеднике⁶³.

Э.И. Соломоник, опубликовавшая памятник, ошибочно определяла его, как найденное в окрестностях Эски-Кермена. Дату плиты установить сложно. Э.И. Соломоник находила аналоги изображениям в памятниках II - III, IV - V и VIII - IX вв⁶⁴. Таким образом, надежно датировать надгробие, на настоящий момент, не представляется возможным. Стоит упомянуть, что на оборотной стороне этого надгробия вырезана тамга. Это сближает его с еврейскими фанагорийскими надгробиями античного и средневекового времени, где подобная ситуация встречается относительно часто⁶⁵. Отметим, что поселение на Мангупе появляется уже в эпоху поздней античности⁶⁶, а за весь более чем столетний период археологических исследований городища⁶⁷, подобных памятников больше

обнаружено не было. Не были они найдены и при исследовании окрестностей Мангупа. Стоит отметить, что у подножия столовой горы, на которой расположено городище, при раскопках средневекового поселения были обнаружены предметы, в том числе и античная надпись, явно привезенные извне⁶⁸.

Таким образом, из всего выше-сказанного можно сделать вывод: все источники, фиксирующие евреев в позднеантичном - раннесредневековом Крыму, которые можно относительно надежно датировать, относятся к I - V вв. Для периода VI - VII вв. таких данных не было известно.

С одной стороны это можно объяснить усилившимся влиянием христианства, приведшего к ослаблению позиций иудейской общины и возможными сокращением ее членов, а с другой, отсутствием внимания к данной проблеме. В силу этого

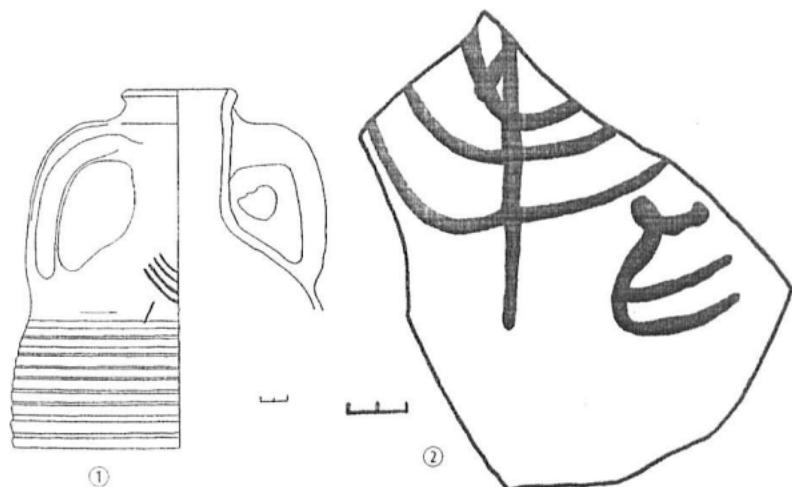

Рисунок 3.

1. Фрагмент горла амфоры с дипинти в виде меноры из поселения Зеленый Мыс. 2. Фрагмент амфоры с дипинти в виде меноры из поселения Золотое Восточное в Бахчисара.

практически не предпринималось попыток выделить в слоях VI - VII вв. иудейские элементы, особенно если верна точка зрения, что раннесредневековые еврейские надгробия уже не имели надписей⁶⁹.

В связи с изложенным, мы посчитали возможным опубликовать две новые находки, которые в некоторой степени помогут восполнить имеющийся пробел.

Они были сделаны Восточно-крымской археологической экспедицией Института Археологии Российской академии наук (руководитель работ С.В. Мокроусов) на поселениях, расположенных на азовском побережье Керченского полуострова и относящихся к сельскохозяйственной хоре Боспора.

Одна была сделана в 1999 г. на поселении Зеленый мыс (рис. 1.8), расположением в 8 км к западу от современного поселка Курортное⁷⁰. Она представляла собой крупный фрагмент горла амфоры с рифлением типа «набегающей волны». На нем сохранился фрагмент дипинти в виде изображения меноры (рис. 3.1). Нахodka происходит из Кв. 4, слоя № 3 (плотный, светлокоричневый грунт), датирующегося серединой - третьей четвертью VI в⁷¹ (атрибуция места находки и датировка слоя С.В. Мокроусова и А. В. Сазанова). По типу венчика амфора соответствует Типу 11.2 по А. В. Сазанову⁷², в более новой интерпретации типа 7.3.1-2, а ручка - 3.13 и датируется 550 - 600 гг⁷³. Отметим, что поселение Зеленый Мыс гибнет в пределах конца VI в⁷⁴. Таким образом, рассматриваемая амфора мо-

жет датироваться второй четвертью VI - началом VII вв.

Вторая находка была сделана в 1990 г. на поселении Золотое Восточное в бухте (рис. 1.9), расположенному в 5 км. к востоку от современного села Золотое⁷⁵. Нахodka происходит из «башни», трапециевидной вдоль северного фасада стены 5. Она была найдена в слое, состоящем из светло-коричневого рыхлого грунта (атрибуция находки С. В. Мокроусова), который датируется концом третьей четверти VI в⁷⁶. Гибель данного участка поселения также относится к этому времени⁷⁷. Нахodka представляет собой фрагмент стени амфоры, как и в первом случае, с рифлением типа «набегающей волны», на котором сохранился фрагмент дипинти в виде меноры (рис. 3.2). Различие между двумя упомянутыми менорами заключается в том, что иудейский символ из Зеленого мыса является ханукальным или девятисвечником⁷⁸.

Таким образом меноры-дипинти напечесаны на однотипные амфоры и могут датироваться в пределах второй четверти VI - начала VII вв. То, что перед нами изображение меноры сомнений не вызывает. К настоящему времени известна большая группа дипинти позднеантичного - средневекового времени, происходящих из городов Боспора и Херсонаса⁷⁹, однако подобных изображений там нет. С другой стороны, известно, что меноры могут иметь различные формы, в том числе и близкие к публикуемым⁸⁰. Это характерно и для менор, вырезанных на боспорских надгробиях⁸¹.

Меноры-дипинти не должны вызывать недоумение. Несмотря на то, что дипинти еще слабо изучены, определенные представления об их природе и значении имеются. Надписи на амфорах делались в разное время их владельцами или торговцами и появлялись обычно тогда, когда их хозяину требовалось что-то зафиксировать, связанное или с сосудами или с хранившимися в них продуктами⁸². В основном дипинти выполнялись тогда, когда сосуды были уже у потребителей⁸³. Такие надписи могли иметь как сугубо хозяйственное предназначение (определить меры веса или объема, указывать какой продукт находится в сосудах и т. д.) так и иное. Например, дипинти на некоторых поэзантитических амфорах указывали на их принадлежность к каким-то культовым традициям⁸⁴. Надписи на ряде амфор имеют и христианские формулы⁸⁵. Что же касается указанных амфор с рифлением типа «набегающей волны», то, начиная со второй четверти VI в., дипинти на них часто имеют хорошо прослеживаемую христианскую символику⁸⁶.

Поэтому появление иудейских знаков на амфорах вполне естественно, и свидетельствует об их принадлежности (по крайней мере на каком-то из этапов) последователям иудаизма. Например, на ряде амфор III в. из Таинса, среди дипинти, наряду с греческими встречаются и еврейские имена⁸⁷. Как отмечалось выше, в большинстве своем дипинти наносились уже потребителями. Но даже

если допустить, что надписи были нанесены отправителями, то получателями их могли быть только евреи. Трудно допустить, чтобы в конце Юстиниановского периода, или, скорее всего в несколько более позднее время, получателями товара с иудейской символикой были иноверцы. В данный период христианство уже прочно укоренилось на территории империи, в том числе и в Крыму⁸⁸, а дискриминационные законы Юстиниана I против евреев (запреты на сооружение новых синагог, высказывания против христианства, смешанных браков, переход из христианства в иудаизм и др.) широко известны⁸⁹.

Таким образом, вряд ли можно сомневаться что дипинти - меноры на амфорах из поселений Зеленый Мыс и Золотое Восточное в Бухте свидетельствуют о присутствии среди их населения евреев. Данные источники являются доказательством того, что евреи проживали на полуострове и во второй половине VI - начале VII вв. (напомним, что все известные до этого достоверные свидетельства датировались не позднее VI в.) и расширяют наши представления о раннесредневековой иудейской диаспоре. Если ранее считалось, что евреи проживали в основном в городах - Херсоне и Боспоре, то в свете изложенного имеются основания думать, что они входили в состав населения и сельской хоры, по крайней мере, Боспора. Это подтверждается и находками на Таманском полуострове⁹⁰.

Примечания

1. Соломоник Э.И. К вопросу о населении Херсонеса Таврического // Социальное развитие Византии АД. С. Свердловск, 1979; Новая находка в Крыму плиты с изображением меноры // Вестник Еврейского университета в Москве. М., 1994. № 2(6); Новая находка в Крыму плиты с изображением семисвечника // Крымский Музей. Симферополь, 1995. № 1.; Древнейшие еврейские поселения и общины в Крыму // Евреи Крыма. Симферополь. Иерусалим, 1997.
2. Данышин Д.И. Фанагорийская община иудеев // ВДИ. 1993. № 1.
3. Герцен А.Г. Археологические исследования караимских памятников в Крыму // МАИЭТ. Симферополь, 1998. Т. 6; Archeological excavations of karait settlement in the Crimea // Proceedings of the eleventh world congress of Jewish studies. Jerusalem, 1994. V. 1; Jewish Community of Mangup according to archaeological data // МАИЭТ. Симферополь, 2000. Т. 7. Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Крепость драгоценностей. Кырк-ор Чуфут-Кале. Симферополь, 1993; Чуфут - кале - иудейская крепость // Евреи Крыма. Симферополь. Иерусалим, 1997
4. Айбабиц А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 49, 88, 214.
5. Ачканиашвили И.В. Крымчаки. Историко-этнографический очерк. Симферополь, 2000. С. 43-61.
6. Золотарев М.И. Иудейская диаспора в Северном Причерноморье в первые века н.э. // Проблемы скифо - сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1999. Золотарев М.И., Коробков Д.Ю. Новое о епископе Капитоне и крещении жителей Херсонеса в IV веке по Р.Х. // Церковная археология. Спб., 1998. Вып. 4. Оверман Э., Маклениан Р., Золотарев М. И. К изучению иудейских древностей Херсонеса Таврического // Археология. 1997. № 1. Zolotarev M. Judaic diaspora in the north coast of the Black sea in the initial centuries A.D. // Proceedings of the Twelfth World congress of Jewish studies. Jerusalem 2000
7. Завадская И.А. Проблемы стратиграфии и хронологии архитектурного комплекса «Базилика 1935 г.» в Херсонесе // МАИЭТ. Симферополь, 1996. Вып. 5; К дискуссии о религиозной принадлежности раннего храма комплекса «Базилика 1935 г.» в Херсонесе // Исторический опыт межнационального и межконфессионального соглашения в Крыму. Симферополь, 1999; Этапы христианизации Херсонеса // Сходознание. Киев, 2000. № 9-10.
8. См. напр. Лейбин С.А. Обзор памятников еврейской культуры в Крыму // Евреи Крыма. Симферополь. Иерусалим, 1997; Edwards D. R. Jews and Christians at Ancient Chersonesos: The Transformations of Jewish Public Space // Херсонесский сборник. Севастополь, 1999. Вып. X. Вихнович В.Л. Караки Абраам Фиркович. Спб., 1997.
9. Могаричев Ю.М. К вопросу о «хазарском наследстве» (хазарские иудеи и проблема происхождения карантзов и крымчаков) // Проблемы истории, филологии, культуры. М.: Менетонгорек, 2001. Вып. X.
10. Золотарев М.И. Иудейская диаспора в Северном Причерноморье в первые века н.э. Judaic diaspora in the north coast of the Black sea in the initial centuries A.D.; Золотарев М.И., Коробков Д.Ю. Новое о епископе Капитоне и крещении жителей Херсонеса в IV веке по Р.Х., Оверман Э., Маклениан Р., Золотарев М. И. К изучению иудейских древностей Херсонеса Таврического; Edwards D. R. Jews and Christians at Ancient Chersonesos; Коробков Д. Ю. О постройках иудейской синагоги в Херсонесе Таврическом // Материалы Восьмой Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. Ч. I. М., 2001.; Коробков Д.Ю. От язычества к христианству, от синагоги к церкви // Херсонес Таврический у истоков мировых религий. Севастополь, 2001; Завадская И.А. Проблемы стратиграфии и хронологии архитектурного комплекса «Базилика 1935 г.». К дискуссии о религиозной принадлежности раннего храма комплекса «Базилика 1935 г.»; Этапы христианизации Херсонеса; Християнство в ранневизантийском Крыму // Херсонесский сборник. Симферополь, 2002.

- ицкому Херсонесу (за культовыми пам'ятками) // Автореф. Дис. ... канд. ист. Наук. Киев, 2000. С. 14; Аибабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. С. 88.
- 11 Соломоник Э.И. К вопросу о населении Херсонеса Таврического. С. 121 - 122.
- 12 Там же. С. 121; Соломоник Э. И. Древнейшие еврейские поселения и общины в Крыму // Евреи Крыма. Симферополь: Иерусалим, 1997. С. 14 - 15.
- 13 Латышев В.В. Жития Св. епископов Херсонских. Исследования и тексты // ЗАН Слб., 1906 Т. У111 №3; Страдания святых священномучеников и епископов Херсонских Василия, Капитона и иных с ними // ИАК. 1907. № 23; Латышев В.В., Кекелидзе К. Житие свв. Епископов херсонских в грузинской минее // ИАК. 1913. Вып. 49. Серафимович С. Херсонские святители // ЗООИД. 1868. Т. 7.
- 14 Цукерман К. Епископы и гарнизон Херсона в IV веке // МАИЭТ. Симферополь, 1994. Т. 1У. Несмотря на то, что статья К. Цукермана подверглась критике со стороны И. С. Ниоро (Про один з поглядів на джерела та історію пізньоантичного Херсонеса // Археологія. 1997. № 2), данный вывод не оспаривался.
- 15 Латышев В.В. Страдания святых священномучеников и епископов Херсонских. С. 111.
- 16 Латышев В.В. Жития Св. епископов Херсонских. С. 8.
- 17 Там же. С. 79 - 80.
- 18 Латышев В.В., Кекелидзе К. Житие свв. Епископов херсонских в грузинской минее. С. 9 - 14.
- 19 Латышев В.В. Жития Св. епископов Херсонских. С. 8 - 9.
- 20 Успенский Ф.И. История Византийской империи VI - IX вв. М., 1996. С. 572.
- 21 Латышев В.В. Жития Св. епископов Херсонских. С. 16.
- 22 Дагрон Ж. Двуликий Крым // МАИЭТ. Симферополь, 2000. Т. У11. С. 295.
- 23 Завадская И.А. Хронология памятников раннесредневековой христианской архитектуры Херсонеса. МАИЭТ. Симферополь, 2000. Т. У11. С. 84.
- 24 Латышев В.В. Жития Св. епископов Херсонских. С. 35 - 36.
- 25 Цукерман К. Епископы и гарнизон Херсона в IV веке. С. 547.
- 26 Зубарь В. М. Проникновение и утверждение христианства в Херсонесе Таврическом // Бизантийская Таврика. Киев, 1991. С. 19; Зубарь В. М., Хворостянный А. И. От язычества к христианству. Киев, 2000. С. 91; Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000. С. 198; Мещеряков В. Ф. О времени появления христианства в Херсонесе Таврическом // Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма. Л., 1978. С. 128; Диатропов П. Д. Распространение христианства в Херсонесе Таврическом в IV - VI вв. // Античная гражданская община. М., 1986. С. 131; Распространение христианства в Северном Причерноморье. Автореф. дис. ... канд. ист. Наук. М., 1988. С. 11; Дагроб Ж. Двуликий Крым. С. 298;
- 27 Лебедев А. П. Духовенство древней Вселенской Церкви от времен апостольских до X века. Слб., 1997. С. 196 - 199; Поснов М. Э. История Христианской Церкви. Киев, 1991. С. 291 - 292; Сюзюмов М. Я. Христианская церковь в IV - VI вв. // История Византии. М., 1967. Т. I. С. 154 - 155.
- 28 Успенский Ф.И. История Византийской империи VI - IX вв. С. 197.
- 29 Шестаков С.П. Очерки по истории Херсонеса VI - X вв. // Памятники христианского Херсонеса. М., 1908. Вып. 3. С. 14 - 16; Мещеряков В. Ф. О времени появления христианства в Херсонесе Таврическом. С. 122.
- 30 Терновский Ф. Херсонеские святители. Мучения святого Климента // ЗООИД. 1877. Т. 10.
- 31 Ягич И.В. Вновь найденное свидетельство о деятельности Константина Философа первоучителя славян св. Кирилла // Приложение к 72-му тому Записок императорской академии наук. 1893. №6. С. 9 - 11; Сказания о начале славянской письменности. М., 1981. С. 78; Лавров К. Жития херсонских святых в греко-славянской письменности // Памятники христианского Херсонеса. Слб, 1911, Вып. 2. С. 130 - 144.

32. Виноградов А.Ю. Апостол Андрей и Черное море: Проблема источниковедения // Древнейшие государства Восточной Европы 1996 - 1997. М., 1999. С. 358; Васильевский В.Г. Хождение Апостола Андрея в страну мирмидоян // Труды. Спб., 1909. Т. 2. Вып. I. С. 269.
33. Латышев В.В. Жития Св. епископов Херсонских. С. 12 - 13.
34. Васильевский В.Г. Хождение Апостола Андрея. С. 269.
35. Шестаков С.П. Очерки по истории Херсонеса VI - X вв. С. 14 - 16.
36. Латышев В.В. Заметки к агиологическим текстам // ИОРОЯС. Спб., 1908. Т. 13. С. 6 - 17.
37. Васильевский В.Г. Житие Иоанна Готского // Труды. Спб., 1912. Т. 2. С. 396.
38. Там же
39. Там же. С. 426 - 427.
40. Там же. С. 409 - 410.
41. Лебедев А. П. Духовенство древней Вселенской Церкви. С. 199 - 211.
42. Латышев В.В. Жития Св. епископов Херсонских. С. 44.
43. Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. О возникновении Готской епархии в Таврике // МАИЭТ. Симферополь, 1991. Т. 11. С. 121; К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 1999. Вып. 30. С. 115.
44. Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 1997. Вып. I; Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. С. 215 - 216; Науменко В.Е. К вопросу о назывании и дате учреждения византийской фемы в Таврике // МАИЭТ. Симферополь, 1998. Вып. 6.
45. Бертье - Делагард А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. Симферополь, 1920. № 57. С. 39 - 40; Науменко В. Е. Церковная география Таврики VI - IX вв. по данным Notitiae episcopatuum // Крымский Архив. Симферополь, 1999. № 5.
46. Корпус боспорских надписей. Л., 1965. № 70 - 73; ; Соломоник Э. И. Древнейшие еврейские поселения и общины в Крыму. С. 17 - 19; Лейбин С.А. Обзор памятников еврейской культуры в Крыму. С. 90; Данышин Д.И. Фанагорийская община иудеев. С. 63 - 64.
47. Корпус боспорских надписей. № 724, 735, 736, 743, 746, 777, 1225; Соломоник Э. И. Древнейшие еврейские поселения и общины в Крыму. С. 17 - 19; Марти Ю.Ю. Описание Мелек - Чесменского кургана и его памятников // ЗООИД. 1913. Т. 31. С. 18; Чунстова Л.И. Новые находки из некрополей Керченского полуострова // МИА. 1959. № 69. С. 249; Лейбин С.А. Обзор памятников еврейской культуры в Крыму. С. 91; Данышин Д.И. Фанагорийская община иудеев. С. 68; Золотарев М. И. Иудейская диаспора в Северном Причерноморье в первые века н.э. С. 104.
48. Лейбин С.А. Обзор памятников еврейской культуры в Крыму. С. 91.
49. Оверман Э., Макленин Р., Золотарев М. И. К изучению иудейских древностей Херсонеса Таврического. С. 58, 59; Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. С. 84, 88.
50. Соломоник Э.И. К вопросу о населении Херсонеса Таврического. С. 120; Древнейшие еврейские поселения и общины в Крыму. С. 13, 16.
51. Соломоник Э.И. К вопросу о населении Херсонеса Таврического. С. 120 - 121; Древнейшие еврейские поселения и общины в Крыму. С. 13, 16 - 17. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. С. 46 - 47; Данышин Д.И. Фанагорийская община иудеев. С. 64; Левинская И. А. Чтущие Бога Высочайшего // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. Спб., 1992; Деяния Апостолов на фоне еврейской диаспоры. Спб., 2000. С. 199 - 214; Диатропов Д.И. Распространение христианства в Северном Причерноморье. С. 3, 5 - 6; и др.
52. Фронджуло М. А. Раскопки в Судаке // Археологические исследования на Украине 1965 - 1966. Киев, 1967. С. 193; Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья.

- Киев, 1990. С. 150; Соломоник Э. И. Древнейшие еврейские поселения и общини в Крыму. С. 19.
- 53 Кондараки В. Х. Универсальное описание Крыма. Спб., 1875. Ч. 9. С. 4; Хольсон Д. А. Надгробные надписи из Крыма и надгробные и другие надписи из иных мест в древнем еврейском квадратном шрифте, а так же образцы шрифтов из рукописей от IX - XV столетия. Спб., 1884. С. 138-149; Миллер В. Ф. Археологические разведки в Алуште и ее окрестностях в 1886 г. // Труды императорского Московского археологического общества. М., 1888. Т 12. С. 132-133. Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. С. 214.
- 54 Кондараки В. Х. Универсальное описание Крыма. С. 4.
- 55 Harkavy A. Altjudische Dankschreiber aus der Krim, mitgetheilt von Abraham Firkowitsch / / Mémoires de l' Académie Impériale des sciences de Petersbourg. St. Petersburg, 1876. S. VII. T. XXIV. № 1. р. 6
- 56 Хольсон Д. А. Надгробные надписи из Крыма. С. 139-143.
- 57 Миллер В. Ф. Археологические разведки в Алуште и ее окрестностях. С. 132 - 133, табл. 2, 1.
- 58 Кащев С. В., Кащовская Н. В. Две надгробные плиты из станицы Вышестебельевской близ Тамани // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Спб., 1999. С. 337, рис. 2.
- 59 Соломоник Э. И. Древнейшие еврейские поселения и общини в Крыму. Рис. 1, 2.
- 60 Соломоник Э. И. Новая находка в Крыму плиты с изображением семисвечника. Лейбин С. А. Обзор памятников еврейской культуры в Крыму. С. 91 - 92.
- 61 Лейбин С. А. Обзор памятников еврейской культуры в Крыму. С. 91 - 92.
- 62 Колтухов С. Г., Зубар В. М., Миц В. Л. Новий район хори Херсонеса елліністичного періоду // Археологія. Київ., 1992. № 2.
- 63 Лазаренко Е. И. Лапидарная коллекция Бахчисарайского государственного историко-культурного заповедника // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993. С. 258-259.
- 64 Соломоник Э. И. Древнейшие еврейские поселения и общини в Крыму. С. 14.
- 65 Данышин Д. И. Фанагорийская община иудеев. С. 66.
- 66 Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. Симферополь, 1990. Т. 1. С. 132
- 67 Герцен А. Г. История изучения оборонительного комплекса Мангупа // Развитие феодализма в Центральной и Юго-Восточной Европе. Античная древность и средние века. Свердловск, 1983.
- 68 Сидоренко В. А. Фрагмент декрета римского времени из средневековой базилики под Мангупом // МАИЭТ. Симферополь, 1998. Вып. 5. С. 35.
- 69 Чуистова Л. И. Новые находки из некрополей. С. 248.
- 70 Масленников А. А., Чевелев О. Д. Новые памятники античного времени на северном побережье Керченского полуострова // КСИА. 1981. Вып. 168. С. 77; Сазанов А. В., Мокроусов С. В. Некоторые предварительные данные о хронологии поселения Зеленый Мыс (Восточный Крым) // Проблемы истории, филологии, культуры. М.: Магнитогорск, 1999. Вып., 11.
- 71 Мокроусов С. В. Отчет о работе Восточно-крымской археологической экспедиции в 1999 г. Ч. 2. С. 16, табл. 18.
- 72 Сазанов А. В. Світлогліняні амфори з рифленням типу набігаючої хвилі (ІІІ - ІІІІ ст. н. е.) // Археологія. 1992. № 1. С. 53.
- 73 Сазанов А. Les ensembles clos de Chersones de la fin du VI - VIII s // Archeologie Medieval. Paris, 1999. Fig. 3, 4.
- 74 Сазанов А. В., Мокроусов С. В. Некоторые предварительные данные о хронологии поселения Зеленый Мыс. С. 198 - 202.
- 75 Сазанов А. В., Мокроусов С. В. Поселение Золотое Восточное в бухте (Восточный Крым): Опыт исследования стратиграфии ранневизантийского времени // Про-

- блемы истории, филологии, культуры. М., Магнитогорск, 1996. Вып. 111; Мокроусов С. В., Сазанов А. В., Масленников А. А. Строительный комплекс ранневизантийского времени на поселении Золотое Восточное в бухте // Проблемы истории, филологии, культуры. М.: Магнитогорск, 1998. Вып. VI.
- 76 Сазанов А. В., Мокроусов С. В. Поселение Золотое Восточное в бухте. С. 89, 100.
 - 77 Мокроусов С. В., Сазанов А. В., Масленников А. А. Строительный комплекс ранневизантийского времени на поселении Золотое Восточное в бухте. С. 130.
 - 78 Соломоник Э. И. Новая находка в Крыму плиты с изображением меноры. С. 55; Новая находка в Крыму плиты с изображением семисвечника. С. 14.
 - 79 Шелов Д. Б. Дипинти на амфорах из танаисских комплексов // НЭ. 1989. №. ХУ. Беляев С. А. Позднеантичные надписи на амфорах из раскопок Херсонеса 1961 г. // НЭ. 1968. №. 7; Беттгер Б. Амфоры с надписями из Танаиса // СА. 1981. №. 4. Соломоник Е. И. Написи на кримских амфорах первых столетий нашей эры // Археология. 1993. №. 2; Соломоник Э.И. Две группы надписей на керамических сосудах первых веков нашей эры // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995; Гудименко И. В., Ильяшенко С. М. Надписи на позднеантичных амфорах из поселения Рогожино ХІІІ // Донская Археология. 2000. №. 2. Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995. Табл. 51 - 59; Емен И. А., Зубарев В. Г. Граффити и дипинти с городища у села «Белинское» // Древности Боспора. М., 2000. №. 3. И др.
 - 80 Капо А. Jewish symbolic art. Jerusalem, 1990. Fig. 27, 28, 31, 41, 58.
 - 81 Соломоник Э. И. Древнейшие еврейские поселения и общины в Крыму. Рис. 1 - 6.
 - 82 Шелов Д. Б. Дипинти на амфорах из танаисских комплексов. С. 97.
 - 83 Беляев С. А. Позднеантичные надписи на амфорах из раскопок Херсонеса. С. 139.
 - 84 Соломоник Е. И. Написи на кримских амфорах первых столетий нашей эры. С. 107 - 112.
 - 85 Соломоник Э. И. Две группы надписей на керамических сосудах первых веков нашей эры. С. 42.
 - 86 Сазанов А. В. Світлоглиянні амфори з рифленням типу набігаючої хвили. С. 57.
 - 87 Шелов Д. Б. Личные имена на амфорах из Танаиса // НЭ. 1978. Вып. ХІІ. Соломоник Э. И. Древнейшие еврейские поселения и общины в Крыму. С. 13.
 - 88 Завадская И. А. Этапы христианизации Херсонеса. С. 190; Зубарь В. М. Ироникование и утверждение христианства. С. 24; Херсонес Таврический и Римская империя. Киев, 1994. С. 144 - 146; Зубарь В. М., Хворостянин А. И. От язычества к христианству. С., 195; Мещеряков В. Ф. О времени появления христианства. С. 133 - 134.
 - 89 Хазанов А. Евреи в раннесредневековой Византии // Вестник Еврейского университета в Москве. М., Иерусалим, 1994. № 1 (5). С. 9 - 12.
 - 90 Кацалев С. В., Кацалевская Н. В. Две надгробные плиты. С. 334.

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ ХЕРСОН И «ПРИЗРАКИ САМОУПРАВЛЕНИЯ»

Перефразируя широко известное выражение, можно сказать, что вот уже более полувека по историографии византийского Херсонеса/Херсона бродит призрак - призрак «самоуправляемого города». Примеры встреч с ним отнюдь не случайны, к тому же зачастую исходят от весьма авторитетных исследователей. Так, М.И. Артамонов указывал на то, что в начале VIII в., в период внутренних неурядиц в Византии, в которых Херсону довелось сыграть важную роль, этот город, балансируя между Византией и Хазарией, приобрел фактическую независимость и пользовался местным самоуправлением¹. Важное стратегическое значение Херсона как форпоста Империи ромеев в Таврике, по мнению некоторых византинистов, вынуждало Византию идти на некоторые уступки по отношению к нему - на признание принципа греческой полисной автономии, то есть самоуправления². Даже тогда, когда Н.М. Богданова резонно отмечала, что средневековый Херсон находился под властью ромейских императоров, был включен в административную структуру империи, а в состав его управления входили имперские чиновники, она все же не пожелала отказаться от мысли, что город имел определенные привилегии, среди которых одной из основных являлось сохранение «...отдельных элементов городской автономии и самоуправления, имев-

ших давнюю историческую традицию: наиболее стабильным из этих элементов был непрекращавшийся в X - XII / XIII вв. чекан собственной монеты³. При этом почему то забывается, что, к примеру, Сицилия - Калаврия, будучи фемой, тоже выпускала деньги на местных официнах, но никому не приходит в голову видеть в этом «элемент самоуправления». Тем не менее А.И. Романчук разделяет вышеназванные взгляды, категорично заявляя: «Для ранневизантийского периода следует отметить наличие самоуправления в Херсоне (печати архонтов), которое не было полностью уничтожено введением фемы»⁴.

Представления о некоем особенном полисном, автономном «самоуправлении» византийского Херсона, наподобие средневековых «республик» Далмации⁵, в специальной литературе выглядят как расхожий штамп, с некоторых пор не подлежащий обсуждению. Вопрос как будто решен и закрыт. Даже сомнения, посещающие в последнее время некоторых исследователей, не в силах преодолеть авторитет сложившегося клише, и поэтому, рассматривая противоречащие ему материалы, специалисты в итоге не отказываются от устоявшихся позиций и пытаются примирить непримиримое. Именно так выглядят появившиеся недавно работы, которые вводят в обращение ценнейший сфрагисти-

ческий материал, открывающий новые стороны организации административного управления раннесредневекового Херсона. Казалось бы эти источники не оставляют сомнений в имперском облике администрации византийского города, однако делающие на их основании выводы вплетаются во все тот же знакомый референ о якобы традиционном стремлении Херсона к самостоятельности. Более того, заявляется, что «элементы античного самоуправления не исчезают и к периоду расцвета фемного строя, а продолжают существовать на всем протяжении IX и X вв»⁶.

На чем строятся подобные заключения? Почему администрация византийского Херсона видится какоето особенной, едва ли не уникальной, так и не разорвавшей своей пуповины с античным прошлым полиса, а сам город представляется этаким «островком вольнолюбия»?

Это выглядит особенно странным, поскольку, согласно римскому праву, все проживающие в «римском ареале», если они платили налоги государству, были христианами, признавали суверенитет императора, то есть были его подчиненными, подданными - урекои - прежде всего были обязаны жить в соответствии с нормами римского права и включались в административную структуру империи⁷. Поэтому городские власти в лице архонтов, «отцов города» прополитов, «известных и протевонов» (*emphaneis kai profeontas*), на которых обычно указывают⁸, по крайней мере с эпохи Юстиниана уже вполне соответствовали облику обычных провинциальных византий-

ских чиновников, подотчетных имперскому центральному управлению, тем более, что такого рода служилое «начальство» воспроизводилось и пополнялось главным образом из рядов влиятельной местной аристократии, городской знати, состоятельных собственников⁹. По образному сравнению А.П. Каждана, это было своего рода «дворянство мантии»¹⁰.

Уместно напомнить, что римские власти давно и искусно приспосабливали к своим нуждам органы общинного городского самоуправления. Поэтому формально оно сохранялось долго. Например, при Диоклетиане Никомедия сделалась столицей Востока империи, центром ее администрации, но еще для V в. известен эпиграфический памятник, в котором упоминается одна из фил Никомедии и ее грамматевс - секретарь¹¹. Мало того, внедрение имперских чиновников в местную администрацию вовсе не обязательно встречало враждебность и противодействие политов. В новых условиях присылке правителей со стороны в провинциальных городах иногда были даже заинтересованы, понимая, что эти люди невольно будут более беспристрастны и справедливы, не будучи скованы личными симпатиями и антипатиями, ибо не знают местных жителей. Именно о такой услуге просил Синесий у Тройла, советника префекта претория Анфимия, имея в виду города Киренайки¹². Дело в том, что централизованные формы управления городом глубоко утвердились уже в самом начале ранневизантийской эпохи, так что знаменитая 46 новелла васи-

девса Льва VI, декларировавшая на словах отмену управлёнческих прав городских курий, имела скорее абстрактное, теоретическое, констатирующее, нежели практическое, новаторское содержание, плохо сочетающее с нормами и реалиями городской политической жизни даже V - VI вв., не говоря уже о VII - IX вв.¹³

Возвращаясь к Херсону, то и дело встречаешься с утверждением, что наличие в нем протевонов и архонтов едва ли не главное свидетельство сохранения местного самоуправления, особого статуса полисной организации города в VII - VIII и последующие века, по крайней мере до назначения сюда стратига византийцем Феофилом¹⁴. По последним уточненным данным это произошло не ранее 839 г. и не позже января 842 г.¹⁵ Поэтому ситуация иногда трактуется современными историками так, будто Херсон был «возвращен» Византии лишь в IX в.¹⁶

На самом деле термин «первенствующие» (*proteuontes, protoi, proteuontes protoi tes poleos, proteion*) отнюдь не был уникальным, использовавшимся только для обозначения института властей и знати Херсона¹⁷. К тому же понятия «чиновничество» и «аристократия», « знать» для византийцев этого времени были почти синонимами¹⁸. В VIII - начале IX вв. протевоны были даже в крупных малоазийских деревнях, где они осуществляли какие-то официальные должностные функции наряду со старостами — протами ком и низшими платными служащими - ипиретами (*protoi tes komes, yperetai*)¹⁹. Пользуясь превосходной

сводкой, составленной А.П. Рудаковым, и лишь развернув ее в хронологической последовательности, «первенствующих» можно найти в V-VII вв. в римских городах Месопотамии, палестинском Никополе (Патериках), Спарте («Лавсаник» Палладия), Александрии (Иоанн Мосх), Эфесе (Житие Феодора Сикеота); во второй пол. VIII - начале IX вв. - в Амастре (Житие Георгия Амастрилского); во второй пол. IX в. - на Самосе, входившем в состав одноименной фемы (Житие Павла Латрского); в первой пол. X в. - в Трапезунде (Житие Афанасия Афонского); в последней трети X в. - в одном из городов Македонии (Житие Фотия Фессалийского)²⁰. Кроме того, термин постоянно употреблялся в сигиллографии вплоть до первой пол. XI в.²¹ Связь его со стратой служилых лиц империи весьма прозрачна и легко улавливается.

Впрочем, «протевон» иногда могло быть родовым именем, как это видно по печатям стратига Иоанна Протевона, отправлявшем эту должность в феме Херсон, и, вероятно, в феме Пелопоннес (и там, и там в «генеральском» чине императорского протоспафария). И.В. Соколова датировала херсонесскую печать второй пол. X - началом XI в., а Н. и В. Зайт - рубежом X-XI вв.²² Но не исключено, что она, как и другой аналогичный моливдул, относится к более раннему времени, так как имя Иоанна Протевона фигурирует во время мятежа, прошедшего в правление Романа I Лакапина (921-944) в феме Пелопоннес²³. Вот только последовательность карьеры протоспа-

фария не ясна. Н.А. Алексеенко полагает, что за «неудачу в Пелопоннесе» он был переведен василевсом подальше в глушь, «из центральной области империи в далекую провинцию Херсон»²⁴. Но с точки окраинности эти два места могли потягаться друг с другом, тогда как родовое имя Протевон вполне подходило бы уроженцу знатного семейства «первенствующих» Херсона, хотя последнее еще надо доказывать²⁵.

Эдиктом Юстина II, изданным в 569 г., определялось, чтобы гражданские начальники провинций избираемы были епископами из числа тех, кого они почтут способными и достойными, после чего избранных должны были обязательно представлять императору на окончательное утверждение²⁶. Еще раз подчеркнем, что подобная провинциальная знать формировалась в VI-VII вв. из куриалов, представителей родовитой политической аристократии и частично совмещавшихся с чиновниками провинциального военно-административного аппарата²⁷. Им, как никому другому из государственных лиц, были близки и до мелочей известны нужды городов, в которых протекала их жизнь. К примеру, Василики уточняли, что от «городского первенствующего» зависело распределение общественных повинностей и назначение горожан для их выполнения²⁸. По сути дела они ничем не отличались от чиновников по своим функциям, а «самоуправление по имперскому поручению» в условиях прогрессировавшего падения роли и значения местных муниципальных структур уже в VI в. было заменено комитетами «но-

билей», а в VIII-IX вв. выродилось в институт «властвующих» - всевозможных архонтов разных рангов²⁹. Ганс-Георг Бек отмечал, что родовая аристократия почти не участвовала в центральном административном аппарате, но зато была связана с провинцией и ее управлением³⁰. По данным, собранным О.Р. Бородиным, в городах византийской Италии VI-VIII вв. она была представлена пролойкой средних и крупных земельных собственников или долгсрочных арендаторов, отчасти состоявших из чиновников и военных, живших в городах и получавших земельную ренту³¹. Согласно Житию Георгия Амастридского, к «избранным города» (*tes poleos ekkriton*), отправленным около 790 г. за новым епископом, относились как представленные в списке клириков, так и представители местной администрации (*oson te toy ieratikoy katalogoy kai oson en telei*)³². Славянская версия Жития Стефана Сурожского, отразившего события VIII - первой пол. IX вв., упоминала в числе первых людей «мужей старейшин градных»³³. Очевидно, это были те, кого Константин Багрянородный в «Жизнеописании Василия» называл людьми, «к управлению причастных и делами занимающихся»³⁴. По закону знатным считался не просто богатый, но обязательно имеющий влияние на других людей или хотя бы обладающий почетным титулом³⁵. Наконец, надо обязательно учитывать одно решающее обстоятельство: любая местная власть в Византии повсюду осуществлялась только от лица (*ek prosopou*) василевса и, сле-

довательно, автоматически причислялась к провинциальной служилой администрации, управляемой из Константинополя³⁶.

Крах античного землевладения в Херсоне позволяет заключить, что уже в начале раннего средневековья органы городского управления, как и в других византийских городах, комплектовались из наиболее влиятельных и зажиточных горожан, преимущественно солидных торговцев, связанных с оптовой морской торговлей с византийским центрами, и, возможно, ростовщиков, домовладельцев, а также некоторых крупных промысловиков, получавших доходы от местного соляного и рыбозаготовочного промыслов³⁷. На то, что в первой пол. X в. такие «первенствующие» в Херсоне несомненно были чиновной знатью недвусмысленно указывает наличие печатей царского спафария, ері *ton oikeiakon* - чиновника, имевшего отношение к управлению имперскими имуществами, имениями, и одновременно протевона Михаила³⁸, такую могло иметь только официальное должностное лицо, далекое от давно забытых традиций куриальных выборов и политического самоуправления. Как и в метрополии, они существовали здесь до конца X - первой пол. XI вв.: этим временем Н. и В. Заййт и Н.А. Алексеенко датируют моливдулы протевонов Херсона — царского протоспафария, хрисотриклиниста Иоанна, а также патриархия и стратилата Калокира (два последних слова читаются на печати с известной долей вероятности)³⁹. Даже так называемые «отцы города» (*pateres tes poleos*), извест-

ные в Херсонесе, как и в других ранневизантийских городах, по меньшей мере с конца IV века⁴⁰, обзаводились главным атрибутом чиновника - печатью, как некий Сергий, моливдул которого относится к первой пол. X в⁴¹. Это, действительно, была «реально существовавшая должность», возможно, как и ранее, сопряженная с выполнением определенных административных, судебных и финансовых функций, должность явно управленческая, если вспомнить все немногое, что известно о ней из слов Никифора, Феофана и его Продолжателя, а также Константина Багрянородного, но отнюдь не самоуправляемой на античный лад муниципальной организации. Примечательно, что в IX - X вв. титул *pater tes poleos* был неразрывно связан с должностью эпарха, очевидно, благодаря особой заботе последнего о благоустройстве и снабжении города продовольствием⁴². Без утверждения со стороны центрального правительства такая должность была немыслима, как и должность еще одного имперского чиновника - экдика города. Императорский кандидат Никифор, чьи печати Н.А. Алексеенко относит к концу IX - началу X вв., мог распоряжаться в фемном Херсоне только как государственный служащий, учитывая, что таковой его должность стала уже при Анастасии, когда отправлявшие ее получали высокие титулы «светлейших», «сиятельных» — клариссимов (лампротатов) и имели полицейские и судебные функции, близкие к функциям куратора или «защитника» - дефенсора города⁴³. Так, в середине VI в.

экдик с титулом лампротат был известен как дефензор Равенны, а в одном из греческих папирусов 618 г. из Египта он упоминается одновременно как «славный комит и красноречивый экдик»⁴⁴. Н.А. Алексеенко не мог не заметить, что печати херсонесских экдиков принадлежали государственным чиновникам, и тем не менее за ними ему продолжают гре-зится «определенные черты самоуправления». По его мнению, несмотря на то, что экдики Херсона представляли муниципальные власти, они вместе с тем исполняли обязанности государственных служащих в структуре фемной администрации⁴⁵. Между тем правильнее было бы сказать наоборот: именно потому, что эти чиновники были государственными служащими, они одновременно представляли власти византийского города.

Не меняют этого вывода и находки печатей еще одного чиновника - кира Херсона. Это была именно должность, хотя аналогичный титул *kyrios* (*dominus*) - «господин» фигурировал среди высшего класса ранневизантийских чиновных званий, таких как *iHustres, magnifici, gloriosi*⁴⁶. Именно так назывался кир Иоанн, молившись которого, относящийся к VIII - первой пол. IX вв., сообщает о том, что его обладатель носил имперский титул ипата и, судя по следам ткани на одной из сторон буллы, занимался опечатыванием грузов, товаров, отправляемых из Херсона⁴⁷. Еще две печати из недавних находок, принадлежавшие ипату Льву, Н.А. Алексеенко относит к рубежу VIII-IX вв⁴⁸, ко времени, ког-

да судя по данным Жития Иоанна Готского, в Юго-Западной Таврике действовали также «кир Готии и его архонты» (*to kugo Gothias kai tois archoysi*), в числе которых значился, очевидно, и кир Фулл (*o kyrios ton auton Thoulon*)⁴⁹. Все они были православные правители, топархи, в ситуации кондоминиатного византийо-хазарского владения в Крыму радиевшие все же больше об интересах ромейской стороны, нежели каганата, и не желавшие, чтобы хазары «подчинили страну их» (*te katakyrieusaí tes choras auton*)⁵⁰. В их действиях то и дело проглядывает ориентировка на указания Константина Палладия, стремление сохранять лицину верноподданных василевса ромеев. В одной из версий Жития Феодора Студита, написанной во второй пол. IX в., содержится любопытная подробность: около 795 г. «топархи Готии и Боспора» (*outos o tes Gothias outos o tes Bosporo toparches*) последовали за беззаконным «прелюбодеем» Константином VI, то есть по его примеру взяли себе новых жен, отчего от общения с ними якобы отказались все живущие по соседству епископы и пресвитеры климатов Херсона и Боспора (*en tois klimasi tes kata Chersona kai Bosporou paroikias*)⁵¹. Если статус этих окрестных по отношению к Херсону киров - топархов остается не до конца ясным и в них лишь можно подозревать правителей - наместников пограничных областей Византии, то собственно городские киры вполне находят место в провинциальном имперском чиновном аппарате и на имперской сановной лестнице. К слову,

последнее обстоятельство наиболее убедительно указывает на то, что это не были самоуправляемые элементы, только и мечтавшие о вольностях. Свобода в тех условиях была бы слишком тяжкой ношей, лишала бы покровительства и с этой точки зрения оказывалась совершенно не желанна, во всяком случае, в былом «демократическом», полисном понимании. В Византии и вообще в средневековом обществе, она понималась как гарантированный статус и могла реализовываться только в состоянии зависимости.

В свое время В.Г. Васильевский прозорливо предостерегал от преувеличения самостоятельности Херсона, как и прочих причерноморских окраинных городов, ибо они и не стремились к освобождению от верховой власти Византии, а имперское правительство поддерживало их весьма относительную, по сути дела призрачную автономию не просто в виде вынужденного комицомисса, но и сознательно, как средство, обеспечивающее максимальную преемственность местного аппарата управления, гибкость и эффективность торговли, контактов с соседями и способ избежать недовольства центром⁵².

Призрачность этой автономии подтверждается составом администрации, контролировавшей и направлявшей жизнь города. Бдительное око имперских властей то и дело обращалось к Херсонесу даже до того, как он окончательно вошел в состав империи, а императоры не забывали его в своих указах, эдиктах. Если правильно интерпретирован фрагмент одного из таких декретов, уже

Феодосий I разрешил federatам из числа варваров селится в городе и его округе, а Гонорий в 408 г. подтвердил это право⁵³. Сентябрем 419 г. датируется постановление Гонория и Феодосия II об освобождении от наказания херсонцев, раскрывших варварам секреты кораблестроения⁵⁴. Со временем императорской властью было возложено на город отправление морской повинности, связанное с поставками корабельного снаряжения, причем отменена она была опять-таки императорским решением только в последней трети VI в⁵⁵. В период правления Зинона - Юстиниана I гражданские дела в городе находились в ведении префектуры Востока, к которой скорее всего и принадлежали комиты, присылаемые в Херсонес с конкретными поручениями⁵⁶. Будучи проводниками государственной политики, они курировали дела города, получившего статус императорского. Комиту в свою очередь подчинялся викарий, который, кроме осуществления военных функций, ведал практионом, занятым сбором разнообразных, в том числе торговово-ремесленных налогов, которые шли на содержание военного гарнизона, войск и оборонительное строительство. Таким образом, наблюдается четкая вертикаль власти, соответствующая позднейшим византийским стратигу, каркулярию и коммеркиарию или протонотарию. В руках комита, по уровню соответствовавшего стратигу, сосредотачивался надзор за военной и гражданской властью, так как кроме командования войсками, он еще и контролировал городские финансы. Похоже,

задолго до введения в империи фемной системы, управление Херсона было сходно с ней по характеру организации и должностным функциям имперских чиновников.

Во время правления Юстина II и Маврикия Тиверия в городе все так же сохранялось присутствие государственных чиновников⁵⁷. Только вместо комита в Херсоне с аналогичными функциями назначается стратилат и дука, которого следует рассматривать в качестве представителя верховной власти империи в Северном Причерноморье. На него были возложены функции гражданского управления, а кроме того он командовал и вооруженными силами Херсона⁵⁸. Тогда же в дальних окрестностях Херсона, на подступах к нему было развернуто обширное крепостное строительство и разместились так называемы энспонды - союзники, федераты империи из алано-готов⁵⁹. Очевидно, для удобства сношения с ними в городе были особые имперские служащие - переводчики, скорее всего из числа местных жителей, хорошо знавших языки «варваров». Два экземпляра моливдула такого переводчика, Стефана, датируются второй пол. VI - первой пол. VII вв⁶⁰, как раз укладываясь в период наиболее оживленного возведения оборонительных рубежей, так называемых «длинных (больших) стен», отдельных кастра, фур на Эски-Кермене, Мангупе, Чуфут-Кале и в других местах «страны Дори» или «климатов Готии».

На время напряженных отношений с тюрками в 70-80-е гг. VI в. приходятся моливдовулы императоров

Тиберия Константина и Маврикия Тиберия, а еще одно послание Маврикия было отправлено в Херсон не ранее 590 г., когда ситуация в Крыму стабилизировалась и имперские чиновники взялись здесь за строительство укреплений, общественных зданий и, надо думать, самых крупных христианских храмов⁶¹.

Несмотря на войну Византии с Персией, осложненную гражданской войной, восстаниями и государственными переворотами в 602 и 610 г., Херсон оставался в сфере пристального внимания имперской администрации, самих императоров, о чем свидетельствуют находки двух моливдовулов Фоки и печати Ираклия, тип которой относится к начальному этапу его правления (около 616-625 гг.)⁶².

В империи все платили подати. Эдикт Юстина II от 569 г. подчеркивал, что от этого не должны были быть свободны ни «божественный дом» (οὐ Theios oikos), ни церковь, ни погоны, ни монастыри, ни знатные лица, ни сами те чиновники, которые заведуют сбором государственных податей и налогов⁶³. Уже в VI в. в Херсоне действовали такие специальные имперские налоговые чиновники, как аркарий, собиравший деньги в кассу ведомства префекта претория или ведомства комита «священных щедр»⁶⁴. Регулировать перераспределение товаров и собирать казенные сборы с города продолжали и позже, о чем свидетельствуют находки печатей коммеркиариев VII - VIII вв., печатей главного логофета (geniko logothete), императорского спафария (Феофана?)

второй пол. VIII в. и следующих за ним вплоть до середины - второй пол. X в. главных логофетов в чине магистров, антипатотов патриархов, императорских протоспафариев, что подрывает мнение исследователей об освобождении города от налоговых повинностей⁶⁵. Недавно к этому ряду памятников, оставленных лицами государственной финансовой администрации, добавился моливдул императорского протоспафария Стефана, который в X в. выполнял функции протонотария *ton Manganon kai Chersonos*, то есть принадлежал к числу канцеляристов и финансовых служащих известного константинопольского секрета Мангана и одновременно контролировал какие-то императорские имущества в Херсоне. Н.А. Алексеенко, опубликовавший печать, считает, что ее присутствие указывает на «определенные налоговые привилегии, наличие которых, скорее всего, ... освобождало Херсон от каких либо других чиновников фискальной службы империи»⁶⁶. Однако с не меньшим основанием можно допустить, что она свидетельствует об обратном, — о финансовом контроле за городом со стороны столицы и взимании определенных имперских сборов, пополнение которых непрерывно осуществлялось кроме того через коммеркиариев, хартулариев, логофетов, чья документация зафиксирована сфрагистическими источниками Херсона VII - X вв.

Поэтому можно задаться следующим вопросом: на чем строится постулируемое некоторыми исследователями положение о том, что «не

позже начала VIII в. в Херсоне начали действовать структуры городского самоуправления при минимальном вмешательстве центральной власти»⁶⁷. С этим, звучащим как аксиома, тезисом никак не согласуется назначение в город имперских титулярных чиновников, примером чему может быть спафарий Илья, дорифор - «копьеносец» василевса, в 711 г. поставленный Юстинианом II архонтом Херсона, но волею обстоятельств ставший одним из организаторов мятежа против «непопулярного» императора⁶⁸. При этом И.А. Баранов указывал на якобы происходившее со второй пол. VII в. снижение ранга местных служащих вплоть до звания ипата, объяснимое, по его мнению, происходившим падением стратегического значения Херсона (*sic!*)⁶⁹. Однако невозможно представить, что это был единственный в городе византийский чиновник на протяжении столь длительного времени. Сфрагистические находки постепенно ликвидируют пробел. В этом плане следует обратить внимание на печать Феодора, ипата, спафарокандидата и архонта Херсона, тоже одну из сравнительно ранних (VIII в.), а также на моливдулы Зоила, ипата и архонта Херсона рубежа VIII-IX вв. или первой четверти IX в⁷⁰.

Кроме того о низком ранге обладателей таких печатей можно говорить с большой натяжкой. Сан ипата относился к синклитикам, то есть не имел военного характера. Тем не менее это было достаточно высокое звание, соответствовавшее прежнему консульскому, упраздненному при Юстиниане I. Оно следовало сра-

зу за титулом спифария, имевшего, однако, военный характер⁷¹. Во всяком случае, звания ипата было вполне достаточно, чтобы получать очень высокие должности. Например, ко второй половине VII - первой половине VIII в. относится печать ипата Стефана, который занимал пост экзарха - правителя Италии, то есть представлял василевса на территории Равеннского экзархата⁷². Ими чаще всего становились дуки и другие представители высшей военной аристократии⁷³. Позже, около середины IX в. ипат Зонл был среди первых фемных стратигов Херсона⁷⁴. Даже в XI в. стратиги со званиями ипатов были главами округов, городов - крепостей, например, на территории армянского Васпуракана⁷⁵. На важную должность комита Опсикия, малоазийской области, чьи вооружённые силы играли роль личной императорской гвардии, в VIII - начале IX столетий тоже назначали лиц самого разного звания, среди которых были и патриции, и спафари. В трактате «О фемах» Константин Багрянородный отмечал, что прежде, до того как были учреждены должности стратигов и фемы, комитами называли стратигов⁷⁶. Следовательно, в понимании ромеев это были одинаково высокие посты. Даже в конце IX в. Клиторологий Филофея называл комита Опсикия четвертым после стратигов крупнейших и важнейших фем (Анатолика, Армениака и Фракисия) и задолго до стратига Херсона, оказавшегося в том списке на последнем месте⁷⁷. Так что отправление должности в ранге ипата либо более высокого сана страто-

ра или спафария ни в коей мере не умаляет положения византийских чиновников в Херсоне, долгое время, до создания фемы в конце 30-х гг. IX в. являвшегося одной из архонтий Ромейской империи⁷⁸. Именно так его неоднократно называл Никифор в своем «Бревиарии»⁷⁹.

Несмотря на дискуссионность, спорность понятия византийский провинциальный архонт, непреложным является то, что преимущественно это были должностные лица из числа состоятельных провинциальных землевладельцев, владельцев недвижимости, которые находились под имперской юрисдикцией, входили в имперскую административную систему, осуществляли гражданское и, очевидно, военное руководство, во всяком случае занимались вопросами обороны, руководили ополчением стратиготов, решали вопросы местного управления⁸⁰. Необходимо отметить также и то, что главы архонтатов в основном примыкали по своему служебному положению к среднему классу чиновников в сане спафариев, хотя бывало среди них встречались и носители низшего, четвертого класса титулатуры (императорские кандидаты, страторы, ипаты)⁸¹. Те же самые звания преимущественно имели архонты Херсона в VIII - IX вв⁸², которые, таким образом, были «не лучше и не хуже» глав других архонтий. Как и прочие имперские архонты в Византии, они исчезли из табеля чинов и должностей в последние трети IX столетия⁸³ и крушение «полисного самоуправления» Херсона, равно как и «преобразования в городском хозяйстве», здесь, конеч-

ю, не причем⁸⁴. Таким образом, ма- гия слова «архонт», уводящая к древ- ним временам херсонесской поли- сной общине, невольно заволакива- ет ясность исторического взгляда многих исследователей и наталкива- ет на неправомочное сопоставление совершиенно разнородных понятий, лишь волею случая обретавшихся в разные эпохи под одним и тем же греческим термином.

Обычно считается, что основной задачей Петроны Каматира, после того, как он стал к 841-842 г. прото- спафарием и стратигом Херсона, яви- лось «ограничение власти протево- нов и подчинение муниципалитета центральной власти»⁸⁵. Однако такая вольная интерпретация источников (42 главы «Об управлении имperi- еи» и очерка о Феофиле Продолжа- теля Феофана) не соответствует их буквальному прочтению, которое указывает на то, что Петрон, хоро- шо знавший положение дел в Подо- ньи и Таврике, более не регулируе- мых совместными действиями визан- тийских и хазарских властей, сове- товал императору не полагаться на тамошних чиновников, протевона и «так называемых отцов города» - ме- стных архонтов, а организовать «из- бранние своего стратига» (*proballyou strategon idion*)⁸⁶. Иными словами, упразднить прежний статус Херсо- на как архонтии и, создав стратигию, упрочить военно-административные позиции константинопольского пра- вительства в пограничном анклаве, оказавшемся в угрожающем положении вследствие возраставшего расхождения с хазарами и появления венгров. Поскольку глагол *proballyo*

имеет значение «выставлять в каче- стве кандидатуры», «предлагать к избранию», можно думать, что Хер- соном до этого управляли в основном выдвигаемые на месте чиновники из числа городской знати и присыла- верховного должностного лица со стороны, из столицы, на постоянное место службы, а не с временным конкретным поручением, было делом достаточно необычным, редким. Со-гласно повелению Феофила, «проте- вон и все другие», то есть штат мест- ных чиновников, действовавших «от лица» василевса, должны были с той поры безоговорочно подчиняться «избранному» стратигу, облаченно-му доверием самого императора⁸⁷.

Кстати, если Петрон Каматир действительно был стратигом Херсо- на из числа «чужаков», не следует ли ожидать находок сферагистических сведений о более поздних отправите- лях такой должности и из числа мес- тной знати? На это, например, указы- вают две недавно обнаруженные печати Михаила Херсонита, патри- кия и стратига Херсона конца X - нача- ла XI вв⁸⁸ Ведь известные слова о правиле «... отсюда (*ton enteythen*) для Херсона избирать стратигов»⁸⁹ могут пониматься двояко. Местные могли исполнять обязанности стра- тига Херсона, не получая этой дол- жности, а лишь имперское звание, чин. К примеру, на лицевой стороне печати такого знатного лица второй половины IX - начала X века - некое- го Цула, род которого долго жил в крымских краях, вообще не было изображения, а на обороте значи- лось его имя с прибавкой «царский спафарий Херсона».

В любом случае, случившееся событие не носило экстраординарного характера, а сама учрежденная должность стратига, конечно, не была «чрезвычайной»⁹⁰. Стратиги посыпались и отзывались по мере необходимости, могли отправлять должность одновременно с архонтами, но «прямое императорское правление» не было новостью для Херсона, который подобно другим провинциальным центрам Византии давно управлялся представителями имперской администрации, независимо от того, были ли они приезжими чиновниками или принадлежали к архонтам и «первенствующим» из местной аристократии.

Когда новая фема все же была организационно оформлена к самому началу правления малолетнего Михаила III (842 - 867) и его матери, вдовствующей императрицы Феодоры, первое время могла быть только фема Климатов. Примечательно, что именно 842-843 годом датируется печать с именами Михаила и Феодоры, найденная в Херсоне⁹¹. К этому же времени относится Тактикон Успенского, где впервые фигурирует фема Климаты. Её стратиг, как и полагалось, был назван в высоком чине патриция (ο *patrikios kai strategos ton klimaton*) на 23 месте из 79 в списке высших титуллярных чиновников, патрикиев и протоспафариев, и на последнем, 17 месте, в списке патрикиев и стратегов фем⁹². Архонты собственно Херсона (οι *archontes chersonos*), упоминаемые в табели среди прочих архонтов на уровне спафариев, очевидно, разделяли со стратигом функции управле-

ния, но находились в подчиненном положении, судя по месту в общей служебной иерархии⁹³. К примеру, Крит также значился среди фем, занимая предиоследнее место перед Климатами, однако ниже, на 58 месте, среди патрикиев и протоспафариев, в Тактиконе помещался также «архонт Крита» (ο *archon kretes*)⁹⁴, а еще ниже, среди спафариев, архонты южночерноморской фемы Халдии и архонты Крита были названы уже во множественном числе наравне с аподоместиками, эсквираторами и друнгариями, то есть провинциальными военными чиновниками, в том числе из административного штата стратига⁹⁵. Аналогичная субординация соблюдалась и архонтами северобалканского Диррахия, стоявшего выше в ряду фем⁹⁶. К слову, если бы Херсон продолжал считаться в это время архонтией, на чем настаивает И. А. Баранов⁹⁷, ее глава непременно был бы назван в единственном числе, как это было сделано в отношении Далмации и Кипра (ο *archon dalmatias, o archon kyprou*)⁹⁸, еще долго действительно остававшихся архонтатами. Их «первенствующим» в свою очередь подчинялись прочие архонты. В конце списка чинов в ранге спафариев на 54 месте из 59 в Тактиконе 842 - 843 гг. еще раз были указаны «апархонты Далмации» (οι *spatharioi kai aparchontes dalmatias*), а также добавлено «и прочие архонты» (και *loipon archontion*)⁹⁹.

Состав херсонских фемных властей остается еще одной лакуной, заполнить которую способны только новые сфрагистические и эпиграфические материалы. Обычно полный

оффиций любого стратига включал хотя бы одного турмарха или мерарха - глав военного подразделения (турмы или меры - «части»), «главу палатки» - комита *tes kortes*, - фактически начальника штаба стратига; протонотария, возглавлявшего гражданскую администрацию; хартулария, выполнявшего не только военные, но и финансовые функции, и связанного с логофетом *ton stratiotikou*; доместика, друнгария военных отрядов - ванд. комита *vanda*, протокентарха или нескольких кентархов спафариев - командиров 40, 50, 100 воинов, комита *tes etaigreias*, протоканкллария - канцеляриста и протомандатора - «адьюнкта», посыльного¹⁰⁰. Известно, что комиты соответствовали архонтам¹⁰¹ и под таким названием тоже могли фигурировать при стратиге Климатов - Херсона. Однако уже Н.П. Лихачев обратил внимание на то, что сохранившиеся печати местных византийских чиновников IX - X века - в основном печати стратигов и коммеркиариев. По его мнению, они «...намекают на то, что в Херсоне фемное устройство не получило полного развития ... Стратиги Херсона, по чину протоспафарии, не всегда титулуются императорскими, то есть иногда не состоят и в разряде *oi basilikoi* («царевы мужи»)»¹⁰².

Новые данные сигиллографии несколько разнообразят и пополняют эту картину¹⁰³, но в основе своей она верна: фема была невелика и ее глава, очевидно, не нуждался в постоянном полном штабном штате. Таким же небольшим по количеству мог быть состав ее военных сил. Опи-

сывая в трактате «О фемах» устройство Анатолийской фемы, Константин Багрянородный, ссылаясь на осведомленного чиновника VI в. Иоанна Лида, отмечал, что турмархи сами могли исполнять должность стратигов и имели «... начальство над 500 воинами стрелками, 300 пельтастами и сотней копьеносцев (*dexiolaboy*)»¹⁰⁴. По численности это немногим отличается от того, чем располагали римские войска, размещенные в Херсонесе и окрестностях в первые века н.э.¹⁰⁵ Кроме того, удобная гавань Карапинной бухты наверняка служила временной военно-морской базой для «царских кораблей», на что указывают находки печати топотирита императорского флота Адриана, имевшего, вероятно, чин не ниже спафария, и печать еще одного императорского протоспафария и друнгария флота¹⁰⁶.

Кстати, обилие печатей стратигов указывает на то, что они достаточно часто сменялись (в среднем каждые 4 - 6 лет) и подолгу не занимали свой пост в одном и том же месте, что, впрочем, совпадает с картиной в иных фемах империи, например, Сицилии в VIII - IX века. Видимо, объяснить этот феномен частой сменяемости только тяжелой военной обстановкой, частой гибелью стратигов, их участием в неудавшихся военных мятежах едва ли оправданно¹⁰⁷. На протяжении столетий обстановка была разной, но стратиги тем не менее не задерживались на своих местах дольше нескольких лет. Скорее, в этом можно видеть стремление правившего центра «пепетасовывать чиновную колоду»,

дабы избежать эффекта привыкания, врастания в местную среду знати и, как следствие, роста провинциального сепаратизма.

Считается, что о низком положении фемы в IX в. свидетельствует относительно низкий ранг званий стратигов Херсона этого времени (протоспафарий Петрона Каматир, ипат Зоил, императорский спафарий Фока, императорский спафарий Константин, императорский спафарикандидат Иоанн, императорский спафарикандидат и протоспафарий Никифор, императорский протоспафарий Феофаний - титулы чиновников соответственно 11, 7, 8 и 9 рангов), тогда как с рубежа IX-X вв. преобладали моливдулы стратигов преимущественно с саном спафарикандидатов или протоспафариев (9 и 11 ранги)¹⁰⁸. Однако в IX столетии и другие, более крупные и важные фемы возглавляли стратиги с подобными «низкими» званиями. В этом плане показательны приводимые Н. и В. Зайт сведения о спафарии Фоке, который в середине IX в., кроме должности стратига Херсона, занимал в том же звании важнейший пост друнгария фемы Эгейских островов, а затем и стратига одной из самых старейших и больших азиатских фем империи - Анатолика¹⁰⁹. Так что «сановный индикатор» оказывается не самым надежным для определения истинного места фемы и важности ее стратигов.

Тонкий знаток византийской титулатуры Ф. И. Успенский, сравнивая тексты тактиконов IX в., заметил, что порядок перечисления в них зависел не только от старшинства чи-

нов, но и от должностей, занимаемых разными чиновниками различных ведомств, отчего служащие высших ведомств (таких как стратигии) иногда оказывались в этих номенклатурных списках впереди даже в тех случаях, когда они обладали сравнительно невысокими званиями¹¹⁰.

Видимо, есть определенная условность тактиконов в самом показном именовании фемных стратигов только патрициями. В Клиторологии, составленном асикритом Филофеем в 899 г., стратиг Херсона по-прежнему титуловался анфиатом патриция, хотя до сих пор не известно ни одной печати стратига Херсона ранее последней трети X в. именно в таком высоком звании¹¹¹. Очевидно, поэтому И. А. Баранов полагал, что протоспафарий Петrona Каматир не мог быть по своему положению и дворцовому чину стратигом фемы¹¹². Но, согласно Тактикону 842 - 843 гг., подтвержденному данными сигиллографии, в стратигиды могли назначаться стратиги и в ранге протоспафариев, занимавшие в этом случае 27 место среди 79 высших чинов¹¹³. О том, что в Херсоне они были именно главами фемной администрации, а не временными чиновниками по особым поручениям, подчиненными правителями других провинций, свидетельствует отсутствие печатей стратигов, датируемых ранее второй трети IX в., среди прочих моливдулов имперских должностных лиц - аркариев, переводчиков, клириков, архонтов, логофетов, коммеркиарiev. Весьма странной выглядела бы на фоне устройства этой стратигии та «мощная полисная организация» с

имперскими титулованными архонтами - «представителями самоуправления» (sic !), которая, якобы, наличествовала в городе в 30 - 60-х гг. IX в¹¹⁴

В связи с этим надо вновь вернуться к вопросу о государственном устройстве раннесредневекового Херсона. Выпуск бронзовых монет с греческими буквами Π на аверсе и реверсе, Π на аверсе и Χ на реверсе, ΠΧ на реверсе и ΜΒ на аверсе, буквой Β на аверсе и Π или ΠΧ на реверсе действительно расценивается большинством исследователей как показатель «крепкой традиции самоуправления», «духа свободолюбия» той муниципальной организации Херсона, а именно «полисной администрации», что была способна отстоять «полисные свободы» и даже «противопоставить себя присланному из Константинополя стратигу»¹¹⁵. Однако не может не настораживать, что вправление Михаила III (842 - 867) и Василия I (867 - 886) монетный двор Херсона выпускал литые монеты и без этого «древнего символа полисного самоуправления», на что указывают монеты с аббревиатурой ΚΛ или ΚΛΜ, с характерной буквой Β, похожей на «замочную скважину», и крестом на ступенях, и монеты с монограммой имен Василия I и Константина (ΚΒW) и крестом¹¹⁶. Без «полисного девиза» отливались в Херсоне монеты Льва VI Мудрого (886 - 912) и его брата Александра (ΛΕ или ΛΑ на аверсе и крест на реверсе), хотя в короткое, продолжавшееся всего год и 22 дня самостоятельное правление беспутного Александра (912 - 913 гг.) на реверсе херсонских монет в очередной раз по-

явились буквы ΠΧ, которые воспринимаются как указание на новое возрождение полисных свобод¹¹⁷. Впрочем, это не помешало И. В. Соколовой, противореча себе, заключить: «Этот лозунг исчезает на херсонских монетах Василия I и Константина (869 - 879 гг.), что поразительным образом совпадает с датой исчезновения печатей архонтов». О курьезе «поразительного совпадения» мы уже говорили (оно относится ко всей империи), а надпись *poleos Chersonoy* встречается даже на печати стратига Херсона приблизительно последней трети X века¹¹⁸. Если бы буквы, служившие указанием на продукцию монетного двора Херсона, действительно являлись отражением статуса полисного самоуправления, каких-то «своеобразных компромиссов» официального Константинополя с сугубо местными независимыми муниципальными властями, тогда аналогичные аббревиатуры с еще большей вероятностью должны были бы присутствовать на тех литых подражаниях монетам Маврикия (582 - 602) с трехфигурной композицией, что, по убедительным доводам И. В. Соколовой, выпускались в Херсоне во второй половине VII - первой четверти VIII века¹¹⁹. Но их нет, за исключением надписи «Херсон» на одном из трех вариантов этого типа монет. Нет этой аббревиатуры и на херсонских нуммиях Юстина I (518-527), тогда как монограмма «Полеос Херсонос» появилась на таких же мелких эмиссиях времени Юстиниана I (527 - 565); легенда ХЕРСОНОС присутствует на медных фоллисах Маврикия (592-

602); буквой Х был отмечен реверс золотых монет времени Ираклия и Константа (610 - 641) (если только это был херсонский выпуск); не имеют указаний на монетный двор херсонские фоллисы Ираклия и его сына - сопроводителя Ираклия Константина (610-641), литые полуфоллисы VII - VIII вв. с буквами В на аверсе и Д на реверсе¹²⁰.

Похоже, что такого рода «девизы» то ставились, то не ставились даже в период правления одного и того же императора и на самом деле означали не всегда необходимое уточнение к чисто географической номенклатуре, к которой относился тот или иной провинциальный монетный двор. Обилие таких легенд, полных или чанце сокращенных, приходится на VI - VII вв¹²¹, изредка продолжая употребляться на византийских провинциальных монетах Сицилии и Италии в VIII в. (СИК, КТ, Р, RM, ROM)¹²². На прочих монетах в VIII - X вв. часто отсутствует даже аббревиатура константинопольского монетного двора, прежде обязательная. В этом, вероятно, сказывалась неуклонная тенденция укрепления центральной власти, когда разрешение любой эмиссии могло исходить только из столицы. Если же следовать времени появления букв П и Х на херсонских монетах, получится, что традиции самоуправления не угасали в городе под нажимом имперских чиновников, а, напротив, крепли как раз тогда, когда усиливался контроль из Константинополя.

Наконец, буква П как начальный знак слова Р(OLIS), в тех случаях, когда она ставилась на херсонских

монетах IX в. обособлено, могла нести указание на столичный монетный двор, поскольку главный город империи часто называли в Византии просто «Полисом»¹²³. Именно так зачастую именовал его Феофан в самостоительной части своей «Хронографии», подразумевая Константинополь¹²⁴. Местные оффицины, случалось, использовали на выпускавшихся ими номиналах знак столичного монетного двора, ибо они функционировали как его филиалы и под контролем центрального правительства. К тому же само понятие «полис» совсем не обязательно имело в VIII - IX столетии значение некоего древнего элевтериального символа. Так, в актах Вселенских церковных синодов названия епископских центров с обязательной припиской «полеос» (τες Koloneaton poleos, τες Nikopoliton philochristoy poleos и пр.), разумеется, вовсе не означало, что все эти многочисленные «города» и их администрация пользовались неограниченными муниципальными свободами¹²⁵. Они были давно лишены муниципальной организации в её античном, полисном понимании, были лишены самоуправления как такового, но они и не нуждались в нем, так как уже с VI - VII вв. (после упадка городских курий) её функции заменила местная чиновная администрация, подконтрольная центральным органам власти. Таким образом, этот признак городской жизни - городское управление - был в Херсоне, как и в Византии, хотя и в своеобразной форме, какой долгое время не знали ни средневековый Запад, ни средневековый Восток.

Ну а случаи бунтарского своеволия, антиимператорских выступлений? За сотни лет херсонесской истории их зафиксировано только два - трагичный 711 г., выступление против обезумевшего от жажды мести Юстиниана II, и убийство жителями Херсона своего стратига Симеона, сына Ионы, случившееся около 896 г. Последнее исключительно редкое событие упомянуто Продолжателем Феофана наряду с памятной битвой с болгарами у Булгарофигона и взятием арабами города Корона в Каппадокии¹²⁶. Примечательно, что писавший не сообщил ни слова о наказании бунтовщиков. Может быть мотив происшедшего в Херсоне был в какой-то степени «справедлив»? Во всяком случае, момент убийства оказался достаточно случаен. Он не явился следствием поражения от болгар, как иногда считают исследователи, потому что оба события произошли почти одновременно, как и взятие Корона мусульманами, когда «все фемы и тагмы переправились с Востока». Не исключено, что стратиг Симеон был убит по поводу, аналогичному с убийством стратига Сицилии. Им был царский протосиафарий, патрикий Иоанн Музалон, который около 920 г. увеличил в Калаврии, на крайнем юге Италии, подати и другие поборы, пытаясь добить деньги для выплаты дани арабам¹²⁷. То есть в основе конфликта лежали финансовые злоупотребления, всегда рождавшие острое недовольство горожан.

Выводы о сепаратистских тенденциях в Херсоне, «извечном стремлении херсонских городских влас-

тей к самоопределению и независимости» основываются, в основном, на предписаниях, которые Константин Багрянородный в последней главе трактата «Об управлении империей» советовал применять в отношении херсонитов в случае их неповиновения центральной власти¹²⁸. Однако такого рода ситуации не выходят за рамки того, что могло случиться в любом ромейском городе, где для подавления возмущения тоже учитывалась бы специфика местных условий, вплоть до возможности организации экономической блокады. Например, свидетельства «Чудес св. Димитрия» показывают, что накануне последней осады Фессалоники славянами в 676 - 678 гг. среди высшего социального слоя горожан, её «первенствующих», имелась влиятельная местная группировка ромеев, находившаяся в тесном контакте со славянскими вождями и, более того, готовая к сотрудничеству с ними для достижения собственных целей, не совпадавших с интересами правящей в Константинополе знати. Эта городская верхушка стремилась сама обеспечить свою безопасность, не верила в помощь из центра и была оппозиционно к нему настроена¹²⁹. В целом, ситуация очень напоминала ту, что сложилась вокруг Херсона в 711 г., только вместо славян здесь присутствовали хазары.

В этом плане Опсикий был не менее «мятежен» с конца VII до конца VIII в., и города Вифинии, Никия, Никомидия, Пренет далеко не всегда были на стороне императорской власти¹³⁰.

Чем «самоуправляемый» Херсон отличался, скажем, от Селевкии -

крупного византийского портового города, важного военно-административного и церковного центра, тоже лежавшего на краинках пределах империи, только не северных, а ещё более дальних, южных, в малоазийской Киликии? В VII - начале VIII вв., ещё до того, как Селевкия - метрополия Исафии была включена в 732 г. в состав ведущей морской фемы Кивирреоты, она сохраняла значение центра производства оружия и свой монетный двор, а её управление находилось в руках имперских чиновников, о чём свидетельствуют находки моливудлов¹³¹. Оппозиционные настроения периодически возникали и в южнопонтийской Амастриде, с которой Херсон имел давние прочные связи. Этот город фигурирует в рассказе Продолжателя Феофана о патриархии Феофобе, знатном персе, командире так называемого «персидского отряда», талантливом военном сподвижнике василевса Феофила, женатом на его сестре, который попал в немилость к императору. Клеветнически обвинённый в страшном преступлении - оскорблении величества, он «...пустился в бегство и вместе с детьми, женщинами и некоторыми избранными мужами» нашёл убежище в Амастриде, принявший «открытого врага царя». В результате город, ставший центром незадолго до этого созданной фемы Пафлагония¹³², оказался втянут в войну с императором и был осаждён флотом, которым командовал дуннгарий виглы Оорифа. Только после этого Феофоб в 841 / 842 г. решил сдаться императору и, «держа в своём сердце страх Божий, сказал, что негоже

христианину радоваться пролитию крови благоверных людей», имея в виду, очевидно, амастрийцев и ромейских воинов¹³³. Случай почти классический! Однако никому из историков не приходит в голову на этом основании возвести Амастриду в разряд «оплота вольнолюбия».

Обвинения в «сепаратизме» тем более преувеличены на фоне постоянного использования Херсона в качестве надёжной «тюрьмы» для политических преступников, которых не стали бы ссылать в неблагонаследный город. Между тем, начиная с IV столетия перед нами проходит целая череда таких особо опасных для государства ссыльных, попавших в город или его округу, соседние каstra¹³⁴.

Примечательно, что александрийскому патриарху Тимофею Элуру, известному поборнику монофизитства, удавалось вызвать возмущение в Александрии, а затем, уже после отправки в ссылку, устраивать в Ганграх «запрещенные сходки и беспорядки», отчего Лев I перевел его в 460 г. в Херсон, среди жителей которого строптивый патриарх, очевидно, уже не чувствовал себя столь же уверенно: он рассыпал отсюда письма своим сторонникам в Томи, города Сирии, Египта, пользуясь заходившими в город кораблями, даже находил понимание среди херсонцев своим религиозным взглядам, но такой «антиправительственной» поддержки, как от гангров, похоже, не имел¹³⁵.

При васильевсе Ираклии в Херсон были сосланы осуждавшие официальный правительственный религиозный курс монахи - братья Феодор

и Евпрепий, которые до их смерти, последовавшей соответственно около 655 г. и 667 г., переводились в «племенные укрепления» (*castris gentium*), находившиеся в «земле готов и, следовательно, остававшиеся под властью империи¹³⁶.

Говоря о херсонитах, как о не имеющих «... совершенно никакой человечности, коего природа людей даже среди самих варваров постоянно обнаруживает в ... сострадании»¹³⁷, противник церковной политики василевса Константа II (641 - 668), ярый ортодокс, ссыльный папа Мартин тем самым обнаруживал косвенное доказательство преданности херсонитов императору Византии, той самой преданности, которую в течение сотен лет высоко ценили все византийские правители. Опасный смутян Мартин был личным врагом крутого василевса, к тому же врагом на религиозной почве. Очевидно его появление в городе было воспринято жителями, послушными императорской воле, крайне недружелюбно. Вероятно, в Херсоне были не только силы позиции монофизитов¹³⁸, но и безропотно принято официально введённое в середине VII в. монофелитство. На это предположение наводит характеристика, данная горожанам Мартином, для которого последователи любого неортодоксального религиозного учения были безбожниками, «эллинами». «Те, кто обитает в этой области, все являются язычниками, и языческие нравы восприняли те, которые известны как живущие здесь» - писал из Херсона ссыльный в одном из писем своим сподвижникам¹³⁹.

Позже херсониты, «заподозрив опасность для себя», открыли императору Тиверию Апсимару (698-705) крамольные замыслы ещё одного ссыльного, свергнутого Юстиниана Ринотмета, что тоже говорит в пользу их лояльности к официальному константинопольскому правительству¹⁴⁰. Примечательно, что когда Юстиниан вернул власть, он, в свою очередь, не колеблясь, выбрал Херсон местом ссылки для своего потенциального врага Вардана, которому предсказывали царский венец¹⁴¹. В том, что ожидания императора в отношении благонадежности города не оправдались, оказались повинны он сам, его злопамятность, жажда мести, толкавшие на безумные поступки, а не неверность херсонитов.

Под 776 г. в «Хронографии» Феофана упоминается, что император Лев Хазар сослал «в Херсон и климаты» своего брата кесаря Никифора и других его сообщников - заговорщиков, замышлявших дворцовый переворот и убийство василевса¹⁴². Для того, чтобы решится на это, надо было быть вполне уверенным, что опасный злоумышленник не найдёт сочувствия и поддержки у властей архонтства и будет лишен каких-либо возможностей для реванша.

Неукротимые монахи столично-го Студийского монастыря, не покривившие признать решений «антистудийского» собора 809 г. и склонится перед уговорами Никифора I Геника, были сосланы в разные места Романнии, в числе которых упоминались Финия, Херсон, Сицилия, Фессалоники¹⁴³. Следовательно, император оставился убежден в благонадежно-

сти этих городов и мест и в том, что их население покорно разделяет официальную имперскую политику, направленную на укрепление позиций центральной власти в ущерб самостоятельным интересам церкви. Спустя двенадцать лет Феодор Студит, обращаясь в одном из своих писем к находившимся в Херсоне ссылочным монахам - «студитам», призывал их крепиться и быть наставниками местных жителей, участвовавших в совершении здесь «страшных дерзостей» против Христа¹⁴⁴. Очевидно, имелся в виду официальный иконоборческий курс, вновь восстановленный в 815 году и поддерживаемый из Константинополя. В то же время становится понятным, что верноподданный Херсон был надёжно связан с империей, без чего невозможна была бы переписка со ссылочными, которые должны были содержать себя за свой счёт, посыпка им денег и продуктов¹⁴⁵. Ортодоксы - студиты были здесь не единственными иконопочитателями. При Льве V Армянине (813 - 820) в этих краях отбывал ссылку знаменитый подвижник православия, искусный проповедник Иоанн Психант, при Миха-

иле III (842 - 867) - Иосиф Гимнограф (Песнописец)¹⁴⁶.

Херсон был прекрасно укреплён, обладал сплошной крепостной оградой (на отдельных участках двойной)¹⁴⁷. Двое больших ворот с прилежащими к ним башнями, прикрытые протехисмой, служили въездом в город. Число башен простипалось до 42, а самые стены достигали трех - четырехметровой толщины и во многих местах имели высоту около 10 м. Полицейский аппарат Херсона, по всей вероятности, был достаточно силен и действенен, чтобы не допустить возникновения и распространения смуты со стороны потенциальных его источников — политических ссылочных. «Противное царским повелениям», разумеется, могла замыслить и периодически замышляла знать любого византийского города, но до XI столетия это была борьба не за отделение от империи, а за более удобное, выгодное положение в ней. С этой точки зрения раннесредневековый Херсон являлся на удивление лояльным, послушным ромейским городом, а сами херсониты вполне образцовыми верноподданными ромеями.

Примечания

- Артамонов М.И. История хазар. - Л., 1961. - С.302
- Удалыцова З.В. Дипломатия // Культура Византии вторая половина VII - XII вв. - М., 1989. - С.243
- Богданова Н.М. Херсон в X - XV вв. Проблемы истории византийского города: Автограф дис ... канд. ист. наук / МГУ. - М., 1987. - С.17-18; ср. Богданова Н.М. Херсон в X - XV вв.: Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века. - М., 1991. - С.91-92
- Романчук А.И. Средневековый Херсон (отражение в источниках основных функций города) // Х. сб. - 1996. - Вып.7. - С.138; ср. Богданова Н.М. К вопросу о городском управлении в Херсоне в начале XIII в. // Социальные группы традиционных обществ Востока. - М., 1985. - Ч.1. - С.42-63
- Ср. Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. - Л., 1983. - С.118

- 6 Алексеенко Н.А. Новые находки печатей представителей городского управления Херсона // МАИЭТ. - 1996. - Вып.5. - С.155-170; Алексеенко Н.А. К вопросу о существовании службы нотариев в Херсоне // АДСВ - Екатеринбург, 1998. - С.221-227; Алексеенко Н.А. Провинциальный Херсон в сфере интересов византийского двора по данным императорских моливдовулов // Древности 1997 - 1998. - Харьков, 2000. - С.151, 154.
- 7 *Corpus juris civilis*. - Berolini, 1908. - Vol.1. *Digesta*. - I.5 17; *Corpus juris civilis*. - Berolini, 1904. - Vol.3: *Novellae*. - 78; *Basilicorum libri LX* / Ed. C.G.E Heimbach, G.E Heimbach. Lipsiae, 1846. - Vol.4. - *XLVI 1.14*; *Basilicorum libri LX* Ser B(*Scholia*) / Ed. H.J. Scheltema, D. Holwerda. - Groningen, 1963. - Vol.7. - P.2732 - 2733. *Goria F. Romani, cittadinanza ed estensione della legislazione imperiale nelle costituzione imperiale nelle costituzioni di Giustiniano* // La nozione di «romano» tra cittadinanza e universalità Da Roma alla Terza Roma (Studi II) - Napoli, 1984. - P.301-302
- 8 Латышев В.В. Жития св. епископов Херсонских. Исследование и тексты // Записки имп. АН - Серия VIII по истории. - фил. отд. - Т.8. - №3. - СПб., 1906. - Гл.5, с.59,10; Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора / Тексты, пер., коммент. - М., 1980. - С.40. *Theophanes Continuatus e ges. I Bekkeri*. - Вопись, 1838. - Р.123, Константин Багрянородный. Об управлении империей / Текст, пер., коммент. - М., 1989. - Гл.42, 45-46, с.172
- 9 Ср. Бородин О.Р. Византийская Италия в VI - VIII веках (Равеннский экзархат и Пентаполь). - Барнаул, 1991. - С.284
- 10 История Византии. В 3 т. - М., 1967. - Т.2. - С.171
- 11 Погодин П.Д., Бульф О.Ф. Никомидия. Историко-археологический очерк // ИРАИК. - 1897. - Т 2. - С.85
- 12 *Synesii episcopi Cyrenes opera quae extant omnia* / Ed. et interpretete D Petavio // PG. - 1863. - T.66. - Ep 73, col.1437
- 13 Ср. Лебедева Г.Е. К проблеме городского самоуправления в Византии VIII - IX вв. // Средневековый город. - Саратов, 1981. - Вып.6. - С.111-113
- 14 Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес / МИА. - 1959. - №63. - С.37-38, 53; Сидоренко В.А. К вопросу о Фуллах и Доросе // МАИЭТ. - (1994) 1995. - Вып.4. - С.588; Алексеенко Н.А. Провинциальный Херсон в сфере интересов византийского двора ... - С.151
- 15 Treadgold W.R. Notes on the Numbers and Organisation of the Ninth-Century Byzantine Army // Greek, Roman and Byzantine Studies. - 1980. - Vol.21. - P.278, note 32; Науменко В.Е. К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. - Симферополь, 1998. - Вып. 6. - С.689-700; Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсонса // Бахчисарайский историко-археологический сборник. - Симферополь, 1997. - Вып. 1. - С.312 - 323
- 16 Hannick Chr. Annexions et reconquêtes byzantines. Peut-on parler d'un uniatisme byzantin? // Irenikon. - 1993. - №66. - P.451-474. Более того, в свое время А.Л. Якобсон полагал, что местное самоуправление Херсона в лице «протов или протевонов, выбиравшихся из среды местной аристократии и фактически самостоятельно правивших городом в IX в.», продолжало существовать, «хотя и с меньшим значением», в X в. и лишь в следующем столетии «в основном» прекратило существование - см. Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII - XIV вв.) / МИА. - 1950. - №17. - С.19-20. Впрочем, это обстоятельство не мешало исследователю считать Херсон значительным византийским центром, номинально находившимся под властью василисса ромеев, и, видимо, не обращая внимание на то, что такие взгляды порождают совершенно противоестественное для права и менталитета Романии словосочетание - «самоуправляемый имперский город».
- 17 Рудаков А.П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. - М., 1917. - С.77, 78; Истрик В.М. Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Т.1: Текст. - Пр., 1920. - С.201,8; 464,6

18. Antonopoulos I. The «Aristocracy» in Byzantium: Evidence from the Tactica of Leo VI the Wise // *Byzantiaka*. - 1993. - T.13. - P.151-160
19. Васильев А.А. Житие Филарета Милостивого // ИРАИК. - 1900. - Т.5. - С.64, 74, 75
20. Рудаков А.П. Очерки... - С.78-79
21. Сюзюмов М.Я. Византийский город (середина VII - середина IX в.) // ВВ. - 1967. - Т.27. - С.68
22. Соколова И.В. Монеты и печати ... - С.160-161 №45, 45 а; Зайт Н., Зайт В. Печати стратигов византийской фемы Херсон // Византия и средневековый Крым (АДСВ Вып.27) - Симферополь, 1995. - С.95
23. Константин Багрянородный. Об управлении империей. - Гл.50. 23-41; 51. 199-204; с.436-437, Алексеенко Н.А. Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики IX - XI вв. // МАИЭТ. - 1998. - Вып.6. - С.710-711, №9
24. Алексеенко Н.А. Стратиги Херсона ... - С.710
25. Ср. Шандровская В.С. Представители византийских родов в Херсоне-Херсонесе по данным печатей // АДСВ - Екатеринбург, 1998. - С.302-303, рис.2, 4
26. Novellae constitutiones imperatorum post Iustinianum, quae supersunt // *Ius graeco-romanum* / Ed. C.E. Zachariae a Lingenthal. - Lipsiae, 1857. - Vol.3. - Col. I, nov.5, p.10-13, Тяжелов А. Законы греческих императоров в отношении к церкви после Юстиниана. - М., 1876. - С.29
27. См. Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история: Пер., ст., коммент. А.А. Чекаловой. - М., 1993. - С.430; Курбатов Г.Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV-VII вв. - Л., 1971. - С.204; Курбатов Г.Л. История Византии (от античности к феодализму). - М., 1984. - С.110
28. Basilicorum libri LX / Ed. C.G.E. Heimbach, G.E. Heimbach. - Lipsiae, 1833. - Vol. I. - X. 2. 31
29. Bratianu G. Privileges et franchises municipales dans l'empire Byzantin. - Paris, 1936. - P.43 sq., Курбатов Г.Л. К вопросу о судьбах византийского города в VII в.: некоторые замечания // ВВ. - 1994. - Т.55. - С.71-72
30. Beck H.-G. Konstantinopol. Zur Sozialgeschichte einer fruhmittelalterlichen Stadt // BZ. - 1965. - Bd 58 - Hf. I. - S.18
31. Бородин О.Р. Византийская Италия ... - С.46-49, 51-53, 59-60, 69-70, 209, табл.1-2
32. Труды В.Г. Васильевского. - Т.3: Русско-византийские исследования. Жития св. Георгия Амастрийского и Стефана Сурожского. - Пр., 1915. - С.26. 5-6
33. Там же. - С.84, гл.14
34. Theophanes Continuatus ... - P.239: Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / Изд. Я.Н. Любарский. - СПб., 1992. - С.103 (V. 18)
35. Брентано Л. Народное хозяйство Византии. - Л., 1924. - С.49; Бородин О.Р. Указ. соч. - С.70, табл. 2
36. См. Удалкова З.В., Бибиков М.В., Чичуров И.С. Византинистика на XVI Международном конгрессе исторических наук // ВВ. - 1987. - Т.48. - С.6
37. В.М. Зубарь, С.Б. Сорочан. О положении Херсона в конце V-VI вв.: политический и экономический аспекты // Х. сб. - 1998. - Вып.9. - С.123, 124-126
38. Соколова И.В. Монеты и печати ... - С.159, №43; Степанова Е.В. О конференции памяти А.В. Банк // ВВ. - 1988. - Т.49. - С.258; Соколова И.В. О так называемой печати протевона Херсона // Вспомогательные исторические дисциплины. - 1991. - Т.23. - С.94-102; Nesbitt J., Oikonomides N. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. - Washington, 1991. - Vol. I. - P.186, №82. 10
39. Зайт Н., Зайт В. Печати стратигов ... - С.94; Алексеенко Н.А. Новые находки печатей представителей городского управления ... - С.165 - 167, №14-15
40. Подр. см. Храпунов Н.И. О взаимосвязи византийской и муниципальной администраций Херсона: чиновники *pateres tes poleos* // Исторический опыт межнационального и межконфессионального соглашения в Крыму. - Симферополь, 1999. - С.162 сл.
41. Алексеенко Н.А. Новые находки печатей представителей городского управления ... - С.164, №13

- 42 Constantini Porphyrogeniti imperatoris De ceremoniis aulae byzantinae libri duo graece et latine, e rec. Jo. Iac. Reiskii. - Bonnae:Weber,1829. - Vol. I - P 264. Guillard R. Etudes sur l'histoire administrative de l'Empire Byzantin. - L'Eparque. I. L'Eparque de la ville O'Eparchos tes poleos // BS - 1980. - T.41. - F.1. - P.19
- 43 Алексеенко Н.А. Новые находки печатей представителей городского управления ... - С.162-163; №13; ср. Corpus juris civilis. - Berolini, 1895. - Vol. 2: Codex Justinianus. - XII.37.19; Feissel D. Nouvelles donnees sur l'institution du pater tes poleos // Dagron G., Feissel D. Inscriptions de Cilicie. - Paris, 1987. - P.219-220
- 44 Koch P. Die Byzantinischen Beamtentitel von 400 bis 700. Inaugural-Dissertation. - Jena, 1903. - S.19, 33
- 45 Алексеенко Н.А. Новые находки печатей представителей городского управления ... - С.163-163
- 46 Koch P. Op. cit. - S.82-83
- 47 Соколова И.В. Монеты и печати ... - С.114, 146, №4
- 48 Алексеенко Н.А. Новые находки печатей ... - С.160-161, №8-9
- 49 Житие Иоанна Готского // Труды В.Г. Васильевского. - СПб., 1912. - Т.2 - Вып 2 - С.116-117, гл.5; с.424-425, гл.9
- 50 Житие Иоанна Готского. - С.416. Подр. см. Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса - Харьков, 2000. - С.232-240
- 51 Michaelus Monachus Vita et conversatio sancti patris nostri et confessoris Theodori abbatis monasterii Studii // PG - Turnhout, 1976. - T.99. - Col. 252-254
- 52 См. Заликалова Л.Н. Византийский город в трудах В.Г. Васильевского // Из истории Византии и византиноведения. - Л., 1991. - С.156
- 53 Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. - 1990. - Вып.1. - С.67
- 54 Theodosiani libri XVI constitutionibus Sirmondianis et leges novellae ad Theodosianum pertinentes - Ed. Th. Mohnsen, P.M. Meyer. - Berolini, 1905. - Vol. I. P.2. - XVI.9.40.24; Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. - Симферополь, 1999. - С.83
- 55 Corpus iuris civilis - Berolini, 1904. - Vol.3: Novellae / Rec. R. Schoell. Opus Schoelli morte interseptum absolutum G. Kroll. - P.751, nov. 163, cap.2
- 56 Зубарь В.М., Сорочан С.Б. О положении Херсона в конце V - VI вв. - С.118-121; ср. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. - С.22; Баранов И.А. Административное устройство раннесредневекового Херсона // МАИЭТ. - 1993. - Вып.3. - С.138
- 57 Латышев В.В. Эпиграфические новости из южной России // ИАК. - 1906. - Вып.18. - С.122-123; Латышев В.В. сборник греческих надписей христианских времен из южной России. - СПб., 1896. - С.107; Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. - С.67-68
- 58 Зубарь В.М., Сорочан С.Б. Указ. соч. - С.123-124
- 59 Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма ... - С.68; Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Еще раз о дате появления крепости на плато Чуфут-Кале // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. - Симферополь, 1992. - С.191; Герцен А.Г. Мангуп - крепость федератов // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV - IX вв.). Тезисы докладов международ конф. - Симферополь, 1994. - С.10-11; Герцен А.Г. Ранневизантийские крепости Юго-Западной Таврики // Международ. науч конф. «Византия и Крым». Тезисы докл. - Симферополь, 1997. - С.33; Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. - Симферополь, 1999. - С.111-120; Сазанов А.В. Города и поселения Северного Причерноморья в ранневизантийского времени: Автореф. ... дис. докт. ист. наук / МГУ. - М., 1999. - С.34-35, 37
- 60 Соколова И.В. Византийские печати из Херсонеса // Византия и средневековый Крым (АДСВ. Вып.26). - Барнаул, 1996. - С.193-194, рис.4
- 61 См. Алексеенко Н.А. Провинциальный Херсон в сфере интересов византийского двора ... - С.145-146, 148-150, №6-7; Сазанов А.В. Города и поселения Северного Причерноморья ... - С.35-37

62. Соколова И.В. Византийские печати VI - первой половины IX в. из Херсонеса // ВВ. - 1991. - Т.52. - С.204, №3; Алексеенко Н.А. Провинциальный Херсон ... - С.145-146, №8-9
63. Novellae constitutiones imperatorum post Iustinianum ... - Col. I, nov. 5, р.13
64. Соколова И.В. Византийские печати VI - первой половины IX в. из Херсонеса. - С.203, 206, № 13, Соколова И.В. Византийские печати из Херсонеса. - С.193
65. Соколова И.В. Византийские печати VI - первой половины IX в. ... - С.203, №41-43; Соколова И.В. Византийские печати из Херсонеса. - С.193 - 194, рис. 3, 5; Alexeenko N.A. Unique find of the group of byzantine lead seals from Cherson // Byzantium: Identity, Image, Influence. XIX International Congress of Byzantine Studies. Abstracts of Communications. - Copenhagen, 1996. - P.8414
66. Алексеенко Н.А. К вопросу о существовании службы нотариев ... - С.227
67. См. Баарнов И.А. Административное устройство раннесредневекового Херсона. - С.138. Айабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. - С.195-196
68. Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения ... - С.64, 164
69. Баарнов И.А. Указ. соч. - С.138
70. Алексеенко Н.А. Новые находки печатей представителей городского управления Херсона - С.156-157, №1-3
71. Bury J.B. The Imperial Administrative System in the Ninth Century with a Revised Text of the Kletorologion of Philotheos. - London, 1911. - P.25-27
72. Степanova Е.В. Печати экзархов Италии // Византия и Ближний Восток. - СПб., 1994. - С.59-60, 65, №7, табл. I,4; II, 2
73. Там же. - С.67-68
74. Зайт Н., Зайт В. Печати стратигов византийской фемы Херсон. - С.91-92
75. Арутюнова-Фиданян В.А. Армяно-византийская контактная зона (Х - XI вв.). - М., 1994. - С.38
76. Сочинения Константина Багрянородного «О фемах» и «О народах». Пер. с греч. Г. Ласкина - М., 1899. - С.20-21
77. Bury J.B. The Imperial Administrative System in the Ninth Century ... - P.136-137
78. Cr Treadgold W. The Byzantine Revival 780-842. - Standford, 1988. - P.17
79. Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения ... - С.164-165, 181
80. Кучма В.В. Оборонительные сооружения Херсонеса Таврического в свете установок «Тактики Льва» // АДСВ. - Свердловск, 1965. - Вып.3. - С.154; Cheynet J.-Cl. L'archonte provincial tardif: l'exemple de Cherson // Международ. науч. конф. «Византия и Крым». Тезисы докл. - Симферополь, 1997. - Р.95; Oikonomides N. L'archonte slave de l'Hellas au VIIIe siecle // ВВ. - 1998. - Т.55 (80). - Ч.2. - Р.111-119; ср. Ферлуга Я. Архонтат Далмации // ВВ. - 1957. - Т.12. - С.47-48; Соколова И.В. Печати архонтов Херсона / / ЗРВИ. - Београд, 1978. - Т.18; Angold M.A. Archons and Dynasts: Local Aristocracy and the Cities of the Later Byzantine Empire // The Byzantine Aristocracy. - Oxford, 1984. - P.236-253
81. Ср. Панченко Б.А. Каталог моливдовулов Русского Археологического института в Константинополе // ИРАИК. - 1903. - Т.8. - Вып.3. - С.231-232, №79 / 80
82. Zacos G., Veglery A. Byzantine Lead Seals. - Basel, 1972. - Vol.1. Parts I-3. - №1973, 2345, 3106, 3113; Соколова И.В. Монеты и печати ... - С.76, 169, 174, №1, 5-13; Алексеенко Н.А. Новые находки печатей представителей городского управления Херсона. - С.156-157, №1-7
83. Bury J. B. Op. cit. - P.13-15, 136 f.
84. Ср. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. - XII в. н.э.). - К., 1977. - С.115; Соколова И.В. Администрация Херсона в IX - XI вв. по данным сграффитики // АДСВ. - 1973. - Вып.10. - С.208; Соколова И.В. Монеты и печати ... - С.112; Алексеенко Н.А. Указ. соч. - С.163
85. Ср. Баарнов И.А. Административное устройство ... - С.139
86. Константин Багрянородный. Об управлении империей. - Гл.42. 41-47, с.172; Theophanes Continuatus. - P.123

- 87 Продолжатель Феофана. - С.56 (III, 28). Константин Багрянородный. Об управлении ... - Гл.42. 52, с.172
- 88 Алексеенко Н.А. Византийская знать Херсона в памятниках сфрагистики // Международ. конф. «Византия и Крым». Тезисы докл. - Симферополь, 1997. - С.11-12. Не исключено, что архонт Херсона Зоил, носивший титул ипата, со временем стал одним из первых стратигов новой фемы Херсон, оставшись в прежнем сане (см. Алексеенко Н.А. Новые находки печатей представителей городского управления ... - С.156-157, №2, 3, Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратигов ... - С.91-92). Во всяком случае, печати с одним и тем же редким для ромеев, но уже встречавшимся среди херсонской знати VIII в. именем (Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения ... - С.40, 41, 130-131, 156; Theophanis Chronographia / Rec. C. de Boor. - Lipsiae, 1885. - Vol.2 - P.241, 242), разделяет небольшой промежуток времени (первая четверть и середина IX в.). Поэтому их обладателем вполне могло быть одно и то же лицо из числа именитых уроженцев города, который в начале своей чиновной карьеры на службе василемесу возглавлял архонтию Херсон, а позже был «избран» (proballyo), как и Петrona, феминым стратигом, то есть повышен в должности.
- 89 Theophanes Continuatus. - Р.124; Константин Багрянородный. Об управлении ... - Гл.42. 53-54, с.172
- 90 Ср. Баранов И.А. Указ. соч. - С.140
- 91 Алексеенко Н.А. Провинциальный Херсон в сфере интересов византийского двора ... - С.146, 148, 152, №10
- 92 Успенский Ф.И. Византийская табель о рангах // ИРАНК. - 1898. - Т.3. - С.115; Oikonomides N. Les Listes de presence byzantines des Ixe et Xe siecles. - Paris, 1972. - P.48-49; Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. - М., 1956. - С.321; Науменко В.Е. К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике. - С.691 сл.
- 93 Успенский Ф.И. Византийская табель ... - С.124; Oikonomides N. Les Listes ... - P.56-57
- 94 Успенский Ф.И. Указ. соч. - С.119
- 95 Там же. - С.123
- 96 Там же. - С.115, 124
- 97 Баранов И.А. Административное устройство ... - С.139-140
- 98 Успенский Ф.И. Византийская табель ... - С.124
- 99 Там же. - С.126
- 100 Bury J.B. Op.cit. - P.41-46, 139
- 101 Ibid. - P.42
- 102 Степанова Е.В. Деятельность Н.П. Лихачева в Академии истории материальной культуры // Из истории Византии и византиноведения. - Л., 1991. - С.142
- 103 Соколова И.В. Византийские печати VI - первой половины IX в. из Херсонеса. - С. 203, 212, № 49-51 (печати комита tes kortes и турмарха); Соколова И.В. Византийские печати из Херсонеса. - С.193 сл.; Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратигов ... - С.91-97; Alexeenko N., Romancuk A., Sokolova I. Die neuen Funde an Bleisiegeln aus Cherson // Studies in Byzantine Sigillography / Ed. N. Oikonomides. - Washington, 1995. - Vol.4. - S.140-146; Алексеенко Н.А. К вопросу о существовании службы нотариев в Херсоне. - С.221 сл.
- 104 Сочинения Константина Багрянородного «О фемах» и «О народах». - С.23
- 105 Ср. Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. - К., 1994. - 59-78, 139-140, 148
- 106 Alexeenko N., Romancuk A., Sokolova I. Die neuen Funde ... - S.147-148
- 107 Степанова Е.В. Печати Сицилии VIII-XI вв. из собрания Эрмитажа // АДСВ. - Екатеринбург, 1998. - С.291
- 108 Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратигов ... - С.91-94; Alexeenko N., Romancuk A., Sokolova I. Die neuen Funde ... - S.140-144; Алексеенко Н.А. Стратиги Херсона ... - С.702-733, №1-34; ср. Bury J.B. Op. cit. - P.25-27
- 109 Зайбт Н., Зайбт В. Указ. соч. - С.92, 95

110. Успенский Ф.И. Византийская табель ... - С.131
111. Buty J.B. The Imperial Administrative System ... - P.146-148; Успенский Ф.И. Византийская табель ... - С.114; ср. Алексеенко Н.А. Стратиги Херсона ... - С.739, прил.1, №60-61
112. Баранов И.А. Административное устройство ... - С.141
113. Успенский Ф.И. Указ. соч. - С.118
114. Науменко В.Е. Учреждение и развитие византийской фемы в Таврике // Древности 1996. - Харьков, 1997. - С.25, 26; Alexeenko N., Romancuk A., Sokolova I. Die neuen Funde ... - S.140
115. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса ... - С.113-115, 125; Соколова И.В. Монеты и печати ... - С.34-36, 112, табл.VI-VIII; Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. - С.124; ср. Salamon M. Mennictwo bizantynskie. - Krakow, 1987. - S.213-214,rys.161-164
116. Соколова И.В. Указ. соч. - С.79, табл. VII; Salamon M. Op. cit. - S.213-214,rys.165
117. Соколова И.В. Указ. соч. - С.38-39, 43, 116, табл. VIII; Salamon M. Op. cit. - S.214
118. Зайтб Н., Зайтб В. Печати стратигов ... - С.94; ср. Соколова И.В. Монеты и печати ... - С.117
119. Соколова И.В. Указ. соч. - С.30-33
120. Salamon M. Mennictwo bizantynskie - S.118-120, 150, 164, 174-175, rys 64-67, 108, 109, 120
121. Salamon M. Op. cit. - S.80-172
122. Ibid. - S.169, 170, 189, 192
123. Ibid. - S.108, 110
124. Чичуров И.С. Место «Хронографии» Феофана в ранневизантийской историографической традиции (IV - начало IX в.) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1981 год. - М., 1983. - С.56 сл.
125. Cp. Gelzer H. Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung. - Leipzig, 1899. - S.70
126. Theophanes Continuatus. - P.360. 14-18; Продолжатель Феофана. - С.150 (VI. 10)
127. Guilland R. Recherches sur les institutions byzantines. - Berlin; Amsterdam, 1967. - Vol.2. - P.191
128. Константин Багрянородный. Об управлении ... - Гл.53. 512-529, с.274; Romancuk A.I. Cherson im Mittelalter / BS. - 1992. - T.53. - F.2. - S.204
129. Иванова О.В. Славяне и Фессалоника во второй пол. VII в. по данным «Чудес св. Дмитрия» // Раннефеодальные государства на Балканах. VI-XII вв. - М., 1985. - С.91
130. Lounghis T.C. A Deo consevrandum imperiale obsequium. Some notes concerning byzantine field troops during the Dark Ages // BS. - 1991. - T.52. - P.54-60
131. Zacos G., Veglery A. Byzantine Lead Seals. - Basel, 1972. - Vol.1. - Pts 2-3. - №727, 1074-1076, 1157, 1335-1337, 1419, 1433, 1684, 1773; Zacos G. Byzantine Lead Seals / Compiled and ed. by J.W. Nesbitt. - Berne, 1984. - Vol.2. - №144, 336, 338, 344; Foss C. The Persian in Asia Minor and the End of Antiquity // The English Historical Review. - 1975. - Vol.90. - P.729-730; Edwards R.W. The Fortifications of Armenian Cilicia. - Washington, 1987
132. Возможно, создание здесь фемы тоже было связано со стремлением укрепить позиции центральной власти.
133. Theophanes Continuatus. - P.135-136; Продолжатель Феофана. - С.61 (III. 38)
134. Ростовцев М.И. Новые латинские надписи из Херсонеса // ИАК. - 1907. - Вып.23. - С.14; Romancuk A.I. Cherson im Mittelalter. - S.210
135. The Syriac Chronicle known as that of Zachariah of Mitylene, by F.Hamilton, E.Brooks. - London, 1899. - P.79-100; V. 11; Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения ... - С.25, 48
136. Vasiliev A. The Goths in the Crimea. - Cambridge (Mass), 1936. - P 78; Seibt W. Probleme der Staatsrechtlichen Stellung Chersons im 7. und 8.Jh. // Международ. науч. конф. «Византия и Крым». Тезисы докл. - Симферополь, 1997. - S.100
137. Бородин О.Р. Римский папа Мартин I и его письма из Крыма // Причерноморье в средние века. - М., 1991. - С.179-180

-
- [38] Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. - С.194-195
- [39] Бородин О.Р. Римский папа Мартин ... - С.179-180
- [40] Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения ... - С.39, 62, 155, 163
- [41] Там же, с 41, 64, 157, 165
- [42] Там же, с 46, 68
- [43] Theodori Studitae Epistulae // PG. - 1864. - T.99. - I. 97-98; Творения преп. отца нашего и исповедника Феодора Студита в рус. переводе...с научно-историческим очерком его деятельности и двумя древними житиями - СПб.,1908 - Ч.2. - I. 87-88; II. 294; Добролюбский А.П. Преп. Феодор, исповедник и игумен Студийский / Записки имп. Новороссийского ун-та. Т.113. - Одесса,1914. - С.649
- [44] Творения преп. отца нашего и исповедника Феодора Студита ... - С.454-455 (письмо ХСII от 821 г.)
- [45] Там же. - С.455
- [46] Van der Ven P. La vie grecque de S. Jean le Psichaite, confesseur sous le regne de Leon l'Arménien (813-820) // Le Museon. Nouvelle serie. - 1902. - T.3. - P.97-125; Vita St. Iosephi Hymnographi auctore Ioanne diacono Constantinopolitanu // PG. - 1864. - T.105. - Col.939-974; Лопарев Хр. М. Византийские жития святых VIII-IX вв. // BB. - 1913. - Т.18. - Вып.1-4 - С.4, 12; Лопарев Хр. М. Греческие жития святых VIII и IX веков. - Иг., 1914. - С.227, 235
- [47] Кучма В. В. Оборонительные сооружения Херсонеса ... - С.152

И.Б. Тесленко

ОБ ОДНОЙ ГРУППЕ ПОЛИВНЫХ СОСУДОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XV В. ИЗ РАСКОПОК КРЕПОСТИ АЛУСТОН*

О поливной керамике Крыма XV в. накоплено значительное количество разнообразных сведений. Имеющиеся в распоряжении исследователей раскопанные закрытые комплексы второй-третьей четвертей XV в. позволяют довольно уверенно выделить некоторые группы посуды этого периода из общей массы позднесредневекового керамического материала¹. Отдельные аспекты многогранной информации, заключенной в этом археологическом источнике, становились предметами специального изучения. Ряд работ посвящен трактовке буквенных символов и монограмм на поливных сосудах². Предпринимались попытки авгорской идентификации некоторых керамических изделий³ и характеристики отдельных сюжетов на парадной посуде XV в⁴. В тоже время, многие вопросы, связанные с исследованием этих памятников прикладного искусства далеки от окончательного решения. К их числу относятся проблемы типологии массовых поливных изделий, выявления производственных центров и характеристики художественных школ, динамики и тенденций в развитии форм и декора, пр. Особенно актуальными на данном этапе исследования представляются выделение от-

дельных типов и групп поливных сосудов и определение временных диапазонов их бытования.

Основным источником информации для подобного рода изысканий являются хорошо датированные комплексы, содержащие значительное количество поливной керамики. Это могут быть как закрытые комплексы, так и отложения длительного непрерывного формирования. Первые фиксируют «горизонтальный» (единовременный) срез материальной культуры, вторые отражают процесс развития или смены бытовых культур и стилей.

Редкое сочетание двух таких комплексов прослежено при раскопках северо-восточного участка обороны крепости Алустон - башни Орта-Куле (исследования 1992 г.) и примыкающего к ней с юго-востока участка крепостной стены (раскопки 1992, 1994 и 1998 гг⁵). Мощность средневековых отложений здесь превышала 3 м. Культурные слои насыщены обломками керамики, в частности поливных сосудов.

Функционирование башни приходится на третью четверть XV в. (в подсыпке пола сооружения найдена серебряная монета Хаджи-Гирея чекана города Крыма 60-х годов XV в.). Гибель строения произошла вслед-

* Пользуясь случаем выражая благодарность В.Л. Мыцу за предоставленную возможность работать с материалами его раскопок.

ствие пожара, который специалисты связывают с вторжением в Крым турок в 1475 г. Вскоре после этого стены фортификационных сооружений были частично разрушены. Затем длительное время помещение башни и напольное пространство перед обозначительными рубежами использово-

вались для свалки мусора, в результате чего здесь образовался мощный зольник. В структуре этих напластований выделяется горизонт (мощностью до 0,6 - 1,1 м), в верхней части которого найдено 9 монет Крымского ханства XVI в. Определены одна Сахиб-Гирея I (1532 - 1550) чекана

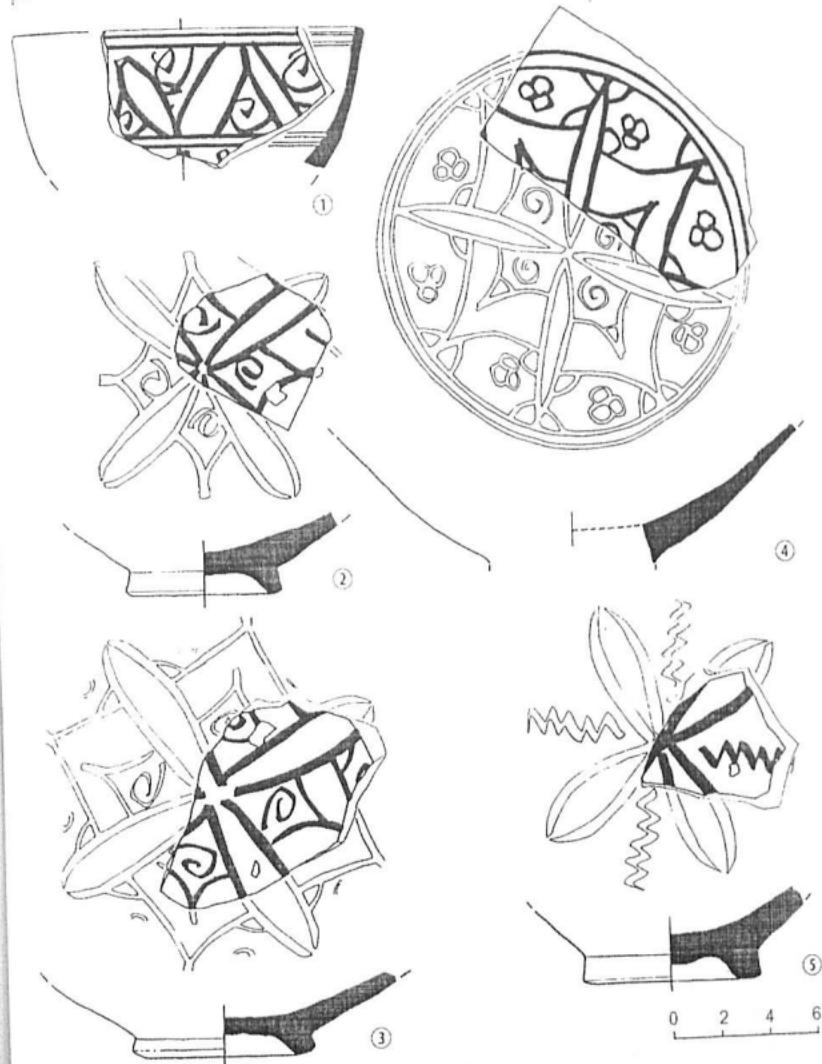

Рисунок 1.

Кырк-Ера, две Девлет-Гирея I (1550 - 1577) чекана г. Крыма, одна Девлет-Гирея I (1550 - 1577) чекана Кырк-Ера, две Мухамад-Гирея II (1577 - 1584) чекана Кырк-Ера - все номиналом акче⁶.

Таким образом, изучена свита отложений, непрерывно формировавшаяся с 60-х гг. XV в. до конца XVI в. с четким хронологическим репером (пожар 1475 г.), зафиксировавшим срез материальной культуры конца третьей четверти XV в. и, видимо, маркирующим начало нового этапа ее развития. Результаты исследований северо-восточной линии обороны крепости и подробные публикации основной массы материала приведены в статьях, посвященных Генуэзской Лусте⁷.

Анализируя происходящую из этих напластований керамическую посуду в целом, можно проследить некоторые тенденции в изменении набора сосудов и развитии некоторых типов изделий с последней четверти XV до конца XVI вв. Среди не-поливной столовой и кухонной посуды наряду с новыми типами бытуют группы сосудов, генетически связанные с предыдущей эпохой. К их числу относятся горшки с росписью белым ангобом и сосуды с рельсовидным венчиком. В первом случае изменяется состав керамической массы, но остаются близкими к прежним форма и способ орнаментации⁸. Во втором - стабильным остается состав глиняного теста, но расширяется ассортимент форм сосудов и модификаций венчиков. Изменения в наборе поливной керамике (в основном открытых форм) более существен-

ны. Преемственности между типами посуды, характерными для третьей четверти XV в. и появившимися позже не отмечено. Уже в нижних слоях зольника встречаются сосуды, значительно отличающиеся по морфологическим характеристикам от более ранних изделий. Это чаши и миски с массивными стенками и поддоном. Орнамент, выполненный тонкой гравировкой, изобилует густыми мелкими спиральями и сетчатыми штриховками с подцветкой рисунка либо представляет собой роспись из полос и пятен коричневого и зеленого цветов под светлой прозрачной поливой⁹. Появляются чаши с рельефным штампованным орнаментом¹⁰. Иногда сосуды вовсе лишены каких-либо украшений и ангобной подгрунтовки¹¹. В керамическом материале, полученном при исследовании зольника, обломки посуды новых типов численно значительно уступают фрагментам изделий, традиционных для третьей четверти XV в. Видимо, на протяжении последней четверти XV и в XVI вв. сосуды, изготовленные в предшествующее время, продолжали широко использоваться и активно выходили из оборота. Крымская керамика предтурецкого периода отличается более богатым ассортиментом форм и орнамента изделий. Гравированный декор демонстрирует разнообразие геометрических и стилизованных растительных мотивов. Орнаментальные композиции включают фигуры птиц¹² и антропоморфные личины¹³. Для нанесения рисунка наряду с одиночной линией широко применялся двузубый и трехзубый штампы, а также их соче-

тания. Общим для большинства изделий является использование минеральных красителей на основе окиси меди и железа в подцветке орнамента в технике «сграффито», выполненной широкими мазками по про-

черченным изображениям под светлой прозрачной поливой.

Из общей массы поливной посуды комплекса выделяется группа открытых сосудов, характеризующаяся отсутствием цветовых пятен на

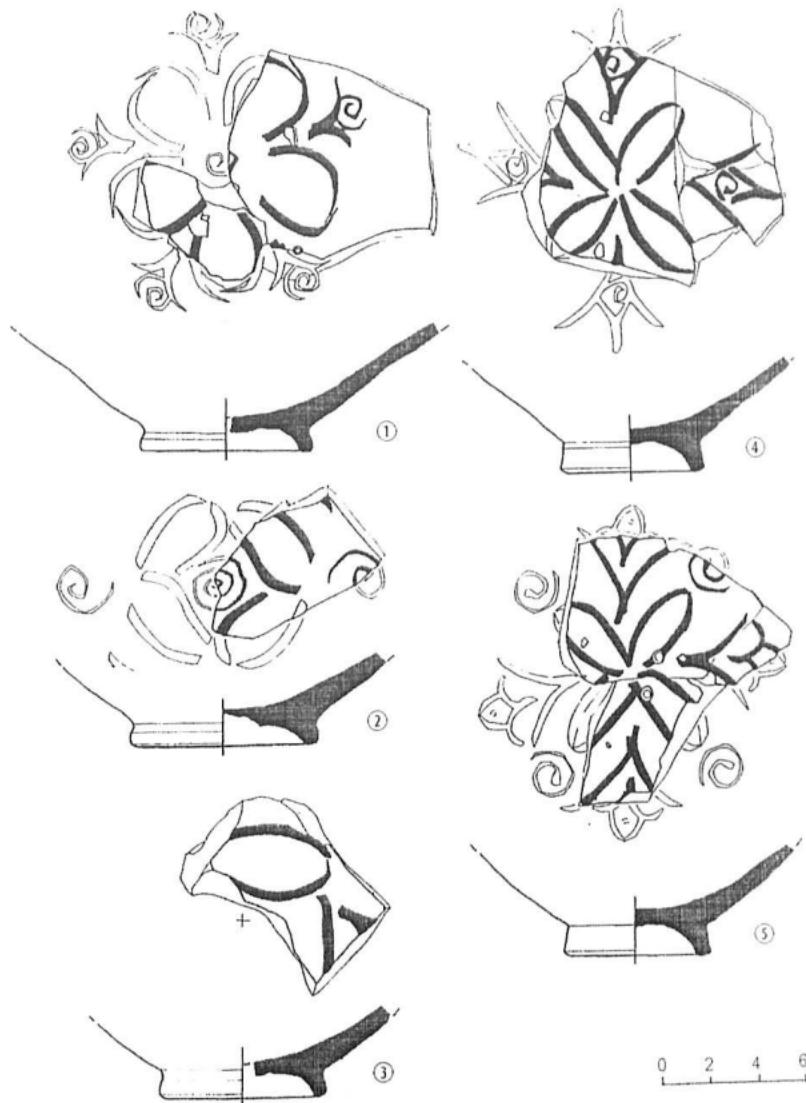

Рисунок 2.

гравированном декоре. Эти изделия по ряду морфологических признаков близки хорошо датированной посуде второй половины XV в., но отличаются от нее способом декоративного оформления. Общими чертами сосудов, образующих группу, являются стиль и техника нанесения декора, использование единообразных орнаментальных мотивов. Основные элементы украшающей их композиции выполнены резцом, оставляющим полосу шириной от 0,25 до 0,45 см, иногда с одним нечетким, рваным краем, образовавшимся, видимо, в результате неравномерного нажима на рабочую поверхность инструмента. Дополнительные детали рисунка, часто нанесенные более тонкой линией, гармонично дополняют фон изображения.

Группа представлена обломками восьми донных частей, одного поля и одного борта с венчиком от 9 или 10 глубоких открытых сосудов, вероятно, мисок или чаш на невысоком кольцевом поддоне.

Полива светлая, желтого, зеленовато-желтого или горчичного цветов, с многочисленными вкраплениями нерастворившихся частиц минерального красителя (марганца или окисла железа). Черепок на изломе желто-красный различной тональности, у внешней поверхности светло-бежевый. В керамической массе видны редкие включения известняковой крошки и зерен шамота.

Декоративное оформление сосудов из-за фрагментарности изделий удалось реконструировать частично.

Орнамент растительный, с преобладающим радиальным расположением элементов.

Центральной фигурой орнаментальной композиции шести мисок является розетка из четырех вытянутых миндалевидных лепестков. Выделяется три варианта заполнения пространства между ними.

1. Одиночные уголки, ориентированные острием к центру, образованные дугами, повторяющими абрис лепестков. В одном случае стороны угла соединены наклонными смыкающимися линиями, между которыми помещен завиток. На другом сосуде здесь расположены стилизованное изображение цветка лилии чешком вниз, а лепестки розетки увенчаны полуторавитковыми спиральями (рис. 2 - 4, 5).

2. Парные уголки, ориентированные острием к краю. Ограниченнное ими пространство в нижней части заполнено одиночными завитками. В верхней части (реконструируется только в одном случае из трех) образованные основными элементами композиции углы соединены дугами а в центр свободного пространства помещены небольшие фигуры из трех смыкающихся окружностей. Вся композиция заключена в двойной круг (рис. 1 - 2-4).

3. Одиночные зигзагообразные линии, расположенные радиально (рис. 1 - 5).

Один сосуд украшен розеткой из пяти округлых лепестков, каждый из которых образован двумя дуговидными линиями, и полуторавитковой спиралью в центре. Между лепестками расположены уголки с вогнуты-

ми сторонами, острисем к центру, увенчанные завитком (рис. 2 - 1).

Центральной частью композиции двух мисок являются ориентированные вдоль окружности четыре стилизованных вытянутых лепестка, обрамляющие в одном случае трехвитковую спираль (рис. 2 - 2, 3).

Вариант декора на верхней части корпуса сосудов этой группы представлен в единичном экземпляре. Внутренняя поверхность борта глубокой чаши украшена поясом из склоненных друг к другу миндалевидных лепестков с завитками между ними в обрамлении замкнутых по обводу параллельных линий (рис. 1 - 1). Внешняя поверхность не декорирована и оставлена без поливы, за исключением края венчика.

Техника нанесения рисунка широким резцом и более тонкой линией в сочетании с монохромной поливой достаточно широко применялась в гравированном декоре на протяжении XIV в. на обширной территории¹⁴, в том числе и в местном керамическом производстве¹⁵. В то же время общие принципы построения орнаментальных композиций и особенности использования отдельных элементов рисунка сближают сосуды представляемой группы с изделиями третьей четверти XV в. Розетки из четырех вытянутых миндалевидных лепестков с дополнительными элементами в виде ориентированных к центру или краю двойных и одиночных уголков, сопровождаемых завитками, широко распространены в декоре открытых поливных сосудов с подцветкой коричневыми и зелеными пятнами. При этом рисунок вы-

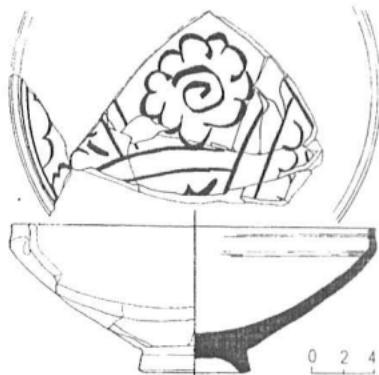

Рисунок 3.

полнен как одинарной (чаши из раскопок донжона замка крепости Фуна (1459-1475 гг.) и укрепленного монастыря на Ай-Тодоре)¹⁶, так и двойной-тройной линиями (сосуды XV в. из Алушты, Ай-Тодора, Гурзуфа, Мангупа, Баклы, Феодосии)¹⁷. Не менее популярными для керамики этого времени, происходящей из различных средневековых пунктов Крыма, были украшение центральной части розеткой из нескольких (6-8) круглых лепестков (каждый из которых образован двумя дуговидными полосами) и спиралью в центре¹⁸, а также орнаментация бортов сосудов различных форм склоненными стилизованными лепестками¹⁹.

О синхронности существования двух групп поливных сосудов - с пестрым и одноцветным покрытием гравированного орнамента, свидетельствуют и условия находки изделий.

Сосуды обнаружены в нижней части зольника, образовавшейся уже после частичного разрушения стен башни. Они располагались с небольшой разностью глубин (на уровне 2,50-2,60 м от современной днев-

ной поверхности). Компактное залегание группы однотипных изделий практически исключает случайное попадание их в слой из более ранних отложений. Скорее всего, эта посуда бытовала, а затем археологизировалась на свалке синхронно с проченой керамикой третьей четверти XV в., найденной в зольнике. Во фрагментах стенок двух сосудов имеются просверленные отверстия, предназначавшиеся для скрепления обломков разбитых изделий при помочи скоб (рис. 2-1, 5). Это свидетельствует о достаточно длительном использовании мисок в быту. Небольшое количество таких сосудов, вероятно, свидетельствует о незначительном их распространении. Среди опубликованной керамики XIV-XV вв., обнаруженной при исследовании средневековых памятников Крыма, прямых аналогий публикуемым изделиям найти не удалось. Один фрагмент подобного сосуда, происходящий из раскопок поселе-

ний на территории Ласпинской котловины, хранится в фондах ЯГО-ИЛМ (шифр - н/в 18139). Вероятно, керамика данной группы не являлась массовой продукцией и составила незначительную партию одной из местных мастерских. Не исключено, что эта посуда, украшенная в спокойных тонах, отразила начало формирования новой, так и не утвердившейся моды,шедшей на смену пестрой и броской керамике второй-третьей четверти XV в.

Таким образом, изготовление сосудов представленной группы началось, скорее всего, в последней трети XV в. и осуществлялось (видимо, в ограниченном объеме) некоторое время, возможно, и в XVI в. Во всяком случае, в верхнем горизонте позднесредневекового зольника, датируемом монетами 30-х-80-х гг. XVI в., найдена археологически целая миска, украшенная в той же технике, но с использованием других орнаментальных мотивов (рис.3)²⁰.

Примечания

1. Якобсон А.В Дворец // МИА. 1953. № 34. С. 399-401. Рис. 13,16, 32; Даниленко В.Н., Романчук А.И. Поливная керамика Мангупа // АДСВ. 1969. Вып. 6. С. 116-133. Таб. 1-4; Мыц В.Л. Некоторые итоги изучения средневековой крепости Фуна // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. К., 1988. С. 102-109. Рис. 6, 7. Мыц В.Л. Укрепления Таврики X-XV вв. К., 1991. С. 100-103. Рис. 40-45; Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Лысенко А.В., Мыц В.Л., Татарцев С.В., Тесленко И.Б., Семин С.В. Исследования крепости Алустон // АИК 1993г. Симферополь, 1994. С. 10-15; Мыц В.Л., Кирилко В.П., Лысенко А.В., Татарцев С.В., Тесленко И.Б. Исследования средневекового укрепления Чобан-Куле // АИК 1993г. Симферополь, 1994. С. 200-207; Герцен А.Г., Науменко В.Е. Поливная керамика из раскопок цитадели Мангупа // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья по материалам поливной керамики. Симферополь, 1998. С. 68-72. Рис. 2; Мыц В.Л. Генуэзская Луста // Алушта с древнейших времен до наших дней. В печати.
2. Мыц В.Л. Несколько заметок по эпиграфике средневекового Крыма XIV-XV вв. // Византийская Таврика. К., 1991. С. 179-193; Залесская В.Н. Балканская поливная керамика в Северном Причерноморье в позднее средневековье // Преслав, 1993. 4 сборник. С. 368-376; Мыц В.Л. Историко-культурный контекст некоторых монограмм и надписей на поливной керамике Крыма XIV-XV вв. // Историко-культурные связи Причерноморья ... С. 157-158.

- 3 Кирилко В.П. К вопросу об авторской идентификации некоторых средневековых керамических изделий // Историко-культурные связи Причерноморья.. С. 120-124.
- 4 Адаксина С.Б. Изображения животных и птиц на средневековой керамике Крыма / / Историко-культурные связи Причерноморья... С. 7; Тесленко И.Б. Фрагмент поливного блюда XV в. с изображением Спасителя из раскопок крепости Алустон // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе. Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2001. С.42-43.
- 5 Мыц В.Л., Лысенко А.В., Семин С.В., Тесленко И.Б. Исследование крепости Алустон // АИК 1994. Симферополь, 1997. С. 205-210; Тесленко И.Б., Семин С.В. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Алустон в 1998 г. // НА КФ НАНУ. Симферополь, 1999. С. 3-28.; Мыц В.Л. Генуэзская Луста...
- 6 Мыц В.Л., Лысенко А.В., Семин С.В., Тесленко И.Б. Исследование крепости Алустон ... С. 205-210; Мыц В.Л. Генуэзская Луста...
- 7 Так же.
- 8 Мыц В.Л., Лысенко А.В., Семин С.В., Тесленко И.Б. Исследование крепости Алустон ... С. 206. Рис. 112.
- 9 Мыц В.Л. Генуэзская Луста...
- 10 Мыц В.Л., Лысенко А.В., Семин С.В., Тесленко И.Б. Исследование крепости Алустон ... С. 209. Рис. 115-1
- 11 Мыц В.Л. Генуэзская Луста...
- 12 Адаксина С.Б. Изображения животных и птиц... С. 7. Рис. 1-4, 5; Кирилко В.П. К вопросу об авторской идентификации... С. 120-124. Рис.1.
- 13 Мыц В.Л. Генуэзская Луста...
- 14 См. напр. Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII - XIV века) // МИА. 1950. № 17. С.187-192 Табл. XXII; Полевой П.П. Городское гончарство Прuto-Днестровья в XIV веке. Кишинев, 1969. С. 158-171; Георгиева С. Керамиката от двореца на Царевец. София., 1974.С 83-102; Булатов Н.М. Классификация красноглиняной поливной керамики золотоордынских городов // Средневековые памятники Поволжья. М., 1976. С. 87-89; Абызова Е.Н., Бырна П.П., Нуредильман А.А. Древности Старого Орхея Кишинев, 1981. С. 59-67; Кравченко А.А. Средневековый Белгород на Днестре. К., 1986. С.69; Цветков Б. Керамика // Мельник. Град в подножии на Славова крепост - София, 1989. С. 129, 140-141; Романчук А.И., Переизчиков В.И. Глазурованная керамика из Азова (херсоно-азакские параллели в орнаментике) // АДСВ. Свердловск, 1990. С. 99 - 106; Баранов И.А. Поливная керамика XIV в. из Судака // Историко-культурные связи Причерноморья ... С. 21-22; Баранов И.А., Майко В.В. Комплекс поливной керамики из раскопок храма Девы Марии в Сугдее // Историко-культурные связи Причерноморья...С. 24-28; Белинский И.В., Масловский А.Н. Типологическая характеристика материалов раскопок золотоордынского Азака (г. Азов, ул. Московская 7) // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995-1997 гг. Азов., 1998. С. 214-216; Francois V. La ceramique Byzantine a Thasos. 1995. Pl. 27; Byzantine glazed ceramics. The Art of Sgraffito. Athens. 1999. P. 21-23, 77-93 и др.
- 15 Тесленко И.Б. К вопросу о производстве поливной керамики с орнаментом сграффито в крепости Алустон // Историко-культурные связи Причерноморья... С. 183-144. Рис.2
- 16 Паршина Е.А. Средневековая керамика Южной Таврики // Феодальная Таврика. К., 1974. С. 68. Рис. 10 - 11; Мыц В.Л. Укрепления Таврики ... С.92. Рис. 41 - 24.8.
- 17 Даниленко В.Н., Романчук А.И. Поливная керамика... Табл. 4 - 33; Паршина Е.А. Средневековая керамика ... С.68-69. Рис.10.8, 10, 22; Таллис Д.Л. Поливная керамика Баклинского городища // СА. 1976. № 4. С. 75,77, 80. Рис. 4 - 6; 5 - 3; 6 - 3; Мыц В.Л. Укрепления Таврики ... С. 95. Рис.44; Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. Раскопки в Феодосии // АИК 1994... С.17. Рис. 10 - 8; Мыц В.Л. Генуэзская Луста...

-
18. Веймарн Е.В. О двух неясных вопросах средневековья Юго-Западного Крыма // АИСК. К., 1968. С. 67-68. Рис. 18, 19; Паршина Е.А. Средневековая керамика ... С.68-69. Рис.10 - 7, 9; Паршина Е.А. Торжище в Партенитах // Византийская Таврика. К., 1991. С.87. Рис. 9; Таллис Д.Л. Поливная керамика Баклинского городища... С.77. Рис. 5 - 9; Мыц В.Л. Генуэзская Луста...
 19. Даниленко В.И., Романчук А.И. Поливная керамика... Табл. 2 - 32; Таллис Д.Л. Поливная керамика Баклинского городища... С.75, 77, 80. Рис. 4 - 6; 5 - 3; 6 - 3; Мыц В.Л. Укрепления Таврики ... С. 90 Рис. 39 -2; Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. Раскопки в Феодосии... С.17. Рис. 10 - 4, 8; Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. Новые материалы по истории средневековой армянской колонии Каффы // ВВ. 1997. Т. 57. Талб. 6 - 9, 7 - 2. Адаксина С.Б. Изображения животных и птиц... С. 6. Рис. 1 - 5; Мыц В.Л. Генуэзская Луста ...
 20. Тесленко И.Б., Семинин С.В. Отчет об археологических исследованиях крепости Алустон ... С.12.

НУМИЗМАТИКА

КЛАД РАННЕВИЗАНТИЙСКИХ МОНЕТ ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ СЕВАСТОПОЛЯ

К нумизматике раннехристианского Херсона исследователи обращались неоднократно. Городским херсонским выпускам посвящены как специальные разделы в монографических трудах, связанных с историей развития финансовой системы Византийской империи, так и отдельные работы по монетному делу и денежному обращению средневекового Херсона¹. Особый интерес в этой группе памятников представляют монеты V - VII вв., которые в известной мере отличаются от общимперских стандартов и происходят, как правило, с территории древней Таврики.

Порой диаметрально противоположные мнения специалистов об особенностях местной финансовой политики еще и сегодня оставляют открытой дискуссию по проблемам монетного дела и денежного обращения крымского региона, в том числе и в ранневизантийскую эпоху. Существенную помощь в решении многих спорных вопросов могло оказать проведение всестороннего анализа херсонского нумизматического материала этого периода. Определенные шаги уже сделаны в этой области в исследованиях В. Хана, Ф. Григорсона, И.В. Соколовой, В.А. Анохина, А.М. Гилевич, В.В. Гурулевой, В.А. Сидоренко и А.Н. Коршенко². Немаловажную роль здесь играют и клады этого времени. К сожалению, к интересующему нас периоду их относятся не так уж много³.

В этой связи появление каждого нового комплекса, способного пролить свет на суть рассматриваемой проблемы, имеет поистине неоценимое значение. К таковым, вне всяческого сомнения, относится недавняя находка на хоре Херсонеса.

В мае 2000 года в окрестностях Севастополя был обнаружен небольшой клад ранневизантийских монет V - VI вв., к сожалению сразу же разошедшийся по рукам. По сведениям находчиков он состоял примерно из двух десятков медных монет. Удалось собрать данные о 21 экземпляре.

В состав клада входили византийские и херсонские монеты:

Лев I (457-474) - 9 экз.

Зенон (474-491) - 3 экз.

Анастасий I (491-518) - 6 экз.

Юстин I (518-527) - 1 экз.

Юстиниан I (527-565)? - 1 экз.

Юстиниан I с надчеканкой времени Ираклия 20-е гг. VII в. - 1 экз.

Сохранность монет различна. Отдельные из них имеют сколы и трещины.

География выпусков представлена двумя монетными дворами Константинополя и Херсонеса.

Самыми ранними в кладе являются монеты, чеканенные от имени императора Льва I (457-474)⁴. Самой поздней - монета с надчеканкой "Христограмма", выполненной на херсонском пентанумии с монограммой "полис Херсон" времени императора Юстиниана I (527-565)⁵.

Присутствие в кладе монеты с надчеканкой является относительно точным хронологическим репером, благодаря которому определяется время сокрытия клада. В.А. Анохин считает, что

контромаркирование монетной массы в Херсоне происходило в первой четверти VII в., когда проводилась унификация денежного рынка империи при императоре Ираклии (610-641)⁶.

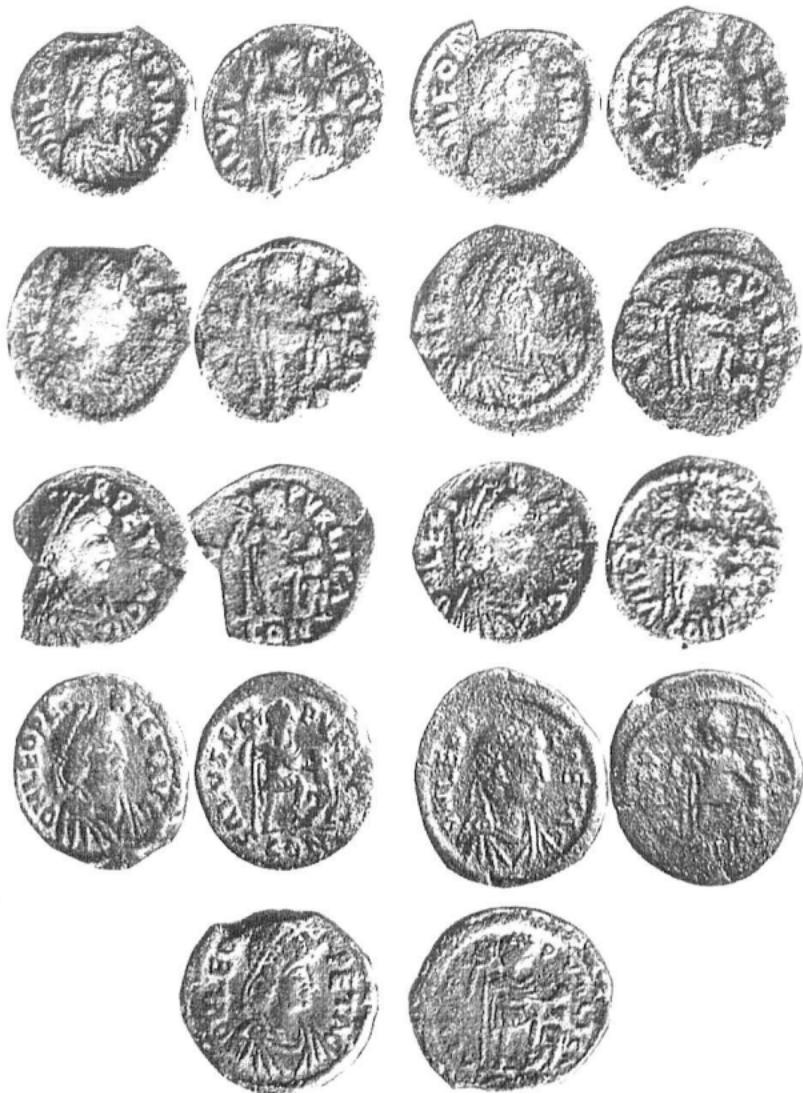

Рисунок 1.

Находки позднеримских и ранневизантийских монет на территории Крыма известны в достаточном количестве и локализуются практически во всех местах, которые в то время контролировали византийцы.

Новая находка не является чем-то неожиданным для ранневизантийской Таврики. В округе Херсонеса известно несколько аналогичных по содержанию кладов⁷, а так же подобные монетные комплексы на территории самого городища⁸. Очень близки по составу нашей находке клады 1900 и 1969 гг.⁹

Новая находка в известной мере представляет состав денежного рынка ранневизантийского Херсона и его округи. Кроме того она в очередной раз подтверждает сделанные ранее выводы о его достаточно пестром составе¹⁰. Судя по монетам нового клада, в обращении участвуют выпуски от имени императоров последовательно сменявших друг друга на византийском престоле на протяжении более чем ста лет. Пример для Херсона не самый показательный, так как известны комплексы и с более широкими хронологическими рамками - 200-300 и даже 500 лет¹¹. В этом проявляется специфика денежного хозяйства раннего средневековья, характерная не только для Херсона, но и других провинциальных центров Византии. Например, Коринфа, где во времена раскопок в 1937 году был обнаружен большой клад, монеты которого датировались еще более широко - от середины III в. до н.э. до времени правления Юстиниана I¹².

Анализ монет нашего клада, несмотря на традиционность полученных данных, все же позволили сде-

лать некоторые наблюдения, ранее остававшиеся без особого внимания.

В первую очередь обращают на себя внимание многочисленные дефекты и ошибки в начертании легенд на монетах Льва I. Все это, видимо, подтверждает теорию А. Коршенко о выпуске последних на монетном дворе Херсона, а не в столице империи¹³. Безусловно, трудно представить, что заведомо бракованные монеты - с трещинами, сколами и обломками литников - производились в одной из столичных мастерских и затем перевозились через море в Крым. Скорее всего, их действительно чеканили в Херсоне для нужд внутреннего рынка, откуда они и попадали в обращение местного региона. Этим, надо полагать, и объясняется практическое отсутствие находок монет данного типа за пределами Крыма. Хотя в известной степени этому могло способствовать и недовлетворительное качество выпускавшей монеты (порча металла, технологический брак, грамматические ошибки).

Как известно попытки херсонских монетариев наполнить рынок необходимым количеством денежной массы продолжались и в правление следующего за Львом императора - Зенона¹⁴. Монеты последнего хотя и теряют немного в размере, тем не менее по прежнему соответствуют традиционному для местного рынка номиналу крупной позднеримской меди (AE2/ AE3). Для этих серий также характерны порча металла и технологический брак. Это, безусловно, сближает их с монетами Льва I. Примечательно, что и для тех и для

Рисунок 1.

других известны как штемпеля высокого класса исполнения, так и достаточно примитивные. Данное обстоятельство позволило А.Н. Коршенко прийти к заключению о вероятной подготовке штампов-эталонов приглашенными мастерами - граверами¹⁵. В дальнейшем, надо полагать, они служили образцами для копирования херсонским монетариям, видимо, далеко не всегда имевшим соответствующую квалификацию. Но, очевидно, к концу V в. окончательная утрата технологических навыков денежного производства, о чем свидетельствуют многие монеты Зенона очень плохого качества, приводит к закрытию на какое-то время монетной мастерской Херсона. Впрочем, этому могли способствовать и совсем иные причины... Херсонских монет от имени следующего императора Анастасия нам не известно.

На рубеже V-VI вв. Херсон вступает в эпоху великих свершений: роста его политического и экономического могущества. Этому способствовало начало широкомасштабных фортификационных работ и значительное усиление позиций Византии в Северном Причерноморье.

Очевидно, с конца V в. наблюдаются определенные изменения и в характере его денежного хозяйства. По всей видимости, одной из главных причин тому является ревизия финансовой системы империи при Анастасии I. Реформа преследовала две цели: во-первых, стабилизацию соотношения золота и меди и, во-вторых, выпуск множества монет¹⁶. Надо полагать, в первую очередь это прослеживается по появлению в обраще-

нии новых номиналов разменной монеты: декануммийев и пентануммийев¹⁷. Наш клад это прекрасно иллюстрирует. Очевидно, обращение на всей территории империи традиционной относительно крупной меди позднеримского времени (провинциальные выпуски и императорские AE2) в определенный момент перестало устраивать торговцев. Возникла необходимость в более мелких номиналах. По всей видимости, самой массовой при осуществлении торговых сделок становится монета достоинством в пять нуммий - пентануммий. В слоях V-VII вв. на территории Херсонесского городища она составляет исключительное большинство. Отметим, что достаточно близкую картину дают нам и раскопки таких центров как Афины, Коринф, Антиохия¹⁸. Трудно сказать, с чем связано такое положение: с ухудшением ли благосостояния местного населения, ростом или падением цен на рыночные товары или же с какими то другими причинами, вызванными с общим состоянием городов.

Согласно источникам, в VI в. минимальный рацион византийца был весьма незначителен и составлял в среднем от 10 до 16 нуммий¹⁹. Вместе с тем дневной заработок рабочников даже с учетом их различной квалификации, надо полагать, вполне мог обеспечить большинство из них самым необходимым. Например, рабочий-строитель получал - 60 нуммий, каменотес и корзинщик - 15 - 16 нуммий, а разносчик воды в термах - 3-5 нуммий²⁰. Не говоря уже о более зажиточных слоях населения.

Исходя из вышесказанного, денежный эквивалент нашего клада можно определить в пределах около 100 нуммий. Согласно источникам эта сумма находится в достаточно широком диапазоне доходов византийского населения - от дневного заработка строителя со своим ослом или куртизанки до ежемесячного дохода водолея²⁴. Таким образом, владелец нашего клада, скорее всего, мог являться представителем не-богатого сословия, которого где-то в окрестностях Херсона настигла беда и он потерял свои сбережения. Очевидно, определенным подтверждением тому является отсутствие в кладе крупных номиналов херсонесских городских выпусков времени Юстиниана II²⁵ и Маврикия Тиберия²⁶.

Весьма примечательным на наш взгляд является то, что в рассматриваемом комплексе нет традиционных в таких случаях позднеримских и боспорских монет IV в. н.э. Чем вызвано данное обстоятельство сказать трудно. Быть может на определенную часть территории Юго-Западной Таврики был ограниченный доступ этих монет? Но это представляется маловероятным. Находки римской мели IV в. и боспорских статеров на территории Гераклейского полуострова, да и на поселениях Предгорья и Южнобережья явления достаточно обычное.

Наличие надчеканки на одной из монет клада, о которой мы упоминали выше, лишний раз свидетельствует об участии херсонитов в одной из денежных реформ империи. Напомним, что В.А. Анохин связывает контрамаркирование монет в Херсоне с

реформацией финансовой системы Византии при императоре Ираклии в первой четверти VII в.²⁴ Данную датировку поддержал в свое время и автор этих строк²⁵. Однако, принимая во внимание замечания В.А. Сидоренко, любезно сообщенных автору в личных беседах, не исключена и более ранняя датировка монет такого вида (*например, временем Юстиниана I* - В.А. Сидоренко).

В какой-то мере в пользу такого предположения может свидетельствовать отсутствие монет крупных номиналов Юстиниана II и Маврикия в кладах, содержащих монеты с надчеканками. В таком случае нашу находку и клад из Казачьей бухты следовало бы датировать временем не позднее второй половины VI столетия.

Заметим, что внешний вид херсонесской надчеканки копирует хорошо известную в византийской нумизматике монограмму Иисуса Христа. Появляется данный символ, венчающий жезл, в руках правителя уже на монетах Анастасия II²⁶. Известен он и на серебре и золоте Юстиниана I и Тиберия II²⁷. Наиболее близко нашему изображение христограммы встречается на реверсе пентанумиев отдельных императоров VI в.²⁸ Примечательно то, что на монетах Фоки и Ираклия христограмма уже не встречается, ее место занимает изображение креста.

Надеюсь, что обращение к монетам с надчеканками - "христограмма" и дальнейшее их исследование может позволить внести соответствующие коррективы и в хронологию данной монетной серии, и уточнить датировки соответствующих кладов и комплексов.

Тем не менее, наличие самих надчеканок, вне всякого сомнения, свидетельствует об определенных операциях херсонских монетариев в связи с унификацией городского денежного хозяйства. Четко различимая монограмма надчеканки на экземпляре из нашего клада полностью исключает интерпретацию последней как греческую литеру "бета" и соответственно снимает вопрос о принадлежности последней Боспору, как полагали в свое время К. Голенко и Ф. Грирсон³¹.

Следует отметить, что диапазон монет подвергнувшихся надчеканиванию достаточно широк. От городских выпусков II в. н. э. и позднеримских монет IV - V вв. (Валентиниан II, Феодосий I, Флакцилла Аркадий, Гонорий, Лев I, Верина и др.) до пентануммииев Юстиниана I и полуфоллисов Юстина II³⁰. Впрочем, качество надчеканок на последних настолько неудовлетворительное, что нельзя с полной уверенностью утверждать, один ли тип изображения использован для контрмаркирования. Не исключено, что замечание В. А. Сидоренко об использовании другой надчеканки на херсонских полуфоллисах Юстина II, имеет под собой реальную почву. И можно будет говорить по крайней мере о двух этапах реформы.

Вместе с тем несколько удивляет значительная редкость монет с надчеканками. В общей сложности в музеиных собраниях и частных коллекциях нам известно немногим более четырех десятков монет данного типа. Это обстоятельство в свое время позволило нам высказать мысль

об избирательном надчеканивании монет³¹. Не исключено, что контрамарка могла накладываться лишь на небольшую часть монет, представлявших основные типы, находившиеся в то время в обращении денег. Вероятно, таким образом, херсонские монетарии стремились достаточно просто и быстро унифицировать всю разномастную монетную массу. На наш взгляд именно благодаря этому мы имеем надчеканки и на монетах позднеримских императоров, и автономных городских выпусках, и на непосредственно предшествовавших реформе ранневизантийских номиналах. Главной задачей данной операции, скорее всего, являлось приведение монет различных достоинств к ставшему основным при проведении торговых сделок, единому номиналу - пентануммии.

В этой связи херсонская надчеканка в виде христограммы могла являться отражением мероприятий связанных с реформой Анастасия I и введением в денежное обращение новых номиналов? В таком случае и выбор вида самой надчеканки был бы далеко не случаен. Однако заметим, что аналогичное изображение христограммы для медных номиналов мы находим лишь на пентануммиях Юстина I (518 - 527) константинопольской и никомедийской чеканки³². Кроме того данному предположению мешает присутствие надчеканок и на монетах Юстиниана I.

Таким образом, вопрос об окончательном определении времени надчеканивания монет в Херсоне пока остается открытым. Он выходит за рамки данной работы и на наш

взгляд требует специального рассмотрения. Тем не менее, проведенные мероприятия, не смотря на то случились ли они в эпоху Анастасия, Юстина I, Юстиниана I или Ираклия, надо полагать, достигли своей цели: рынок получил достаточный объем разменной монеты стандартного номинала, необходимый для обеспечения нормального товарообмена в регионе.

Отметим, что своеобразие денежного обращения Херсонеса и его округи, по-видимому, сохраняется, по крайней мере, до начала регулярных выпусков городских монет в IX в. Об этом красноречиво свидетельствует клад 1949 года³³. Вплоть до правления Василия I (867-886) в Херсоне наряду с сериями правивших византийских императоров по-прежнему обращается разнообразная монета, невзирая на место и время ее выпуска.

Подводя итог выше сказанному, следует отметить, что новая находка клада ранневизантийских монет в окрестностях Севастополя в известной мере дополняет сведения о monetном деле и денежном обращении Херсона в один из интереснейших периодов его истории, когда территория Таврики становится главной по-

литической ареной во взаимоотношениях Византийского государства с народами Северного Причерноморья. Значительность миссии Херсона в решении вопросов по усилению византийского могущества в регионе несомнена. Немаловажную роль в этом играла торговля. Как известно расширение торговли обеспечивает не только рост благосостояния византийских владений, но и создавало благоприятные условия для развития связей с соседями. Возобновление работы монетного двора и снабжение рынка разменной монетой позволило Херсону, несмотря на тревожную обстановку византийского пограничья на протяжение V-VII вв. оставаться самым значительным торговово-экономическим центром Таврики. Свидетельством тому кроме монет являются массовые находки предметов ремесленного производства и печати коммеркиарiev, контролировавших поступление таможенных пошлин от торговли³⁴.

Надеюсь, новые интересные нумизматические находки позволят еще более расширить наши представления об истории этого важного стратегического центра Византийской империи.

Опись монет клада Рис. I (1 – 21).

№	Описание монеты	D			Примечание
			3	4	
1.	Л.с. DN LEON SPFAAVG. Бюст императора в диадеме вправо. Об. с. SALVS R PVBLICA. Император, стоящий вправо, левой ногой попирающий пленника. В обрезе: [CON]. <u>Позднеримская империя.</u> Лев I (457-474). ? . 2. Чекан Константинополя (Херсона?). Толстой И.И. Византийские монеты. Вып. II, Табл. 8, № 28, с. 126.	19,5	6	4,34	Скол по краю. Ошибка в легенде на аверсе монеты.
2.	Л.с. DN LEON[I]SPFAAVG. Бюст императора в диадеме вправо. Об. с. SALVS R PVBL(I)C[A]. Император, стоящий вправо, левой ногой попирающий пленника. В обрезе: надпись не сохранилась. <u>Позднеримская империя.</u> Лев I (457-474). ? . 2. Чекан Константинополя (Херсона?). Толстой И.И. Византийские монеты. Вып. II, Табл. 8, № 28, с. 126.	19	7	3,71	Скол по краю Ошибка в легендах на аверсе и реверсе монеты.
3.	Л.с. DN LEOP RPETAC. Бюст императора в диадеме вправо. Об. с. SALVS R PVBL(I)CA. Император, стоящий вправо, левой ногой попирающий пленника. В обрезе: [C]ON <u>Позднеримская империя.</u> Лев I (457-474). ? . 2. Чекан Константинополя (Херсона?). Толстой И.И. Византийские монеты. Вып. II, Табл. 8, № 28, с. 126.	20	7	3,89	Край обломан. Пропуски букв в легендах на аверсе и реверсе.
4.	Л. с. DN LEOP RPETAC. Бюст императора в диадеме вправо. Об. с. [S]ALVS R PVBLICA. Император, стоящий вправо, левой ногой попирающий пленника. В обрезе: [CON]. <u>Позднеримская империя.</u> Лев I (457-474). ? . 2. Чекан Константинополя (Херсона?). Толстой И.И. Византийские монеты. Вып. II, Табл. 8, № 30, с. 126-127.	19x22	6	3,23	Пропуски букв в легендах на аверсе и реверсе.

1	2	3	4	5	6
5.	Л.с. [DN LEOP]RPETA?G. Бюст императора в диадеме вправо. Об. с. [SALVS R]PVBLICA. Император, стоящий вправо, левой ногой попирающий пленника. В обрезе: [CON]. <u>Позднеримская империя.</u> Лев I (457-474). ? . 2. Чекан Константинополя (Херсона?). Толстой И.И. Византийские монеты. Вып. II, Табл. 8, № 30, с. 126-127.	19	8	3,35	Край обломан Перевернута литера V в легенде аверса
6.	Л.с. DN LEOP RPETA?G. Бюст императора в диадеме вправо. Об. с. VIRTVS EXRCITI[!]. Император, стоящий вправо, левой ногой попирающий пленника. В обрезе: CONE. <u>Позднеримская империя.</u> Лев I (457-474) ? . 2. Чекан Константинополя (Херсона?). Толстой И.И. Византийские монеты. Вып. II, Табл. 8, № 30, с. 126-127.	19	7	4,03	Перевернута литера V в легенде аверса
7.	Л.с. DN LEOPE RPETAVG. Бюст императора в диадеме вправо. Об. с. SALVS R PVBL(I)C[A]. Император, стоящий вправо, левой ногой попирающий пленника. В обрезе: CON. <u>Позднеримская империя.</u> Лев I (457-474). ? . 2. Чекан Константинополя (Херсона?). Толстой И.И. Византийские монеты. Вып. II, Табл. 8, № 28, с. 126.	20	7	3,45	Пропуски букв в легенде на реверсе
8.	Л. с. DN LEOP RPETAC. Бюст императора в диадеме вправо Об. с. VIRTV[S]EXRCITI[!]. Император, стоящий вправо, левой ногой попирающий пленника. В обрезе: [C]ON. <u>Позднеримская империя.</u> Лев I (457-474). ? . 2. Чекан Константинополя (Херсона?). Толстой И.И. Византийские монеты. Вып. II, Табл. 8, № 30, с. 126-127.	20x23	7	4,71	Пропуск букв в легендах на аверсе.

1	2	3	4	5	6
9.	Л. с. DN LEO[PE] RPETAC. Бюст императора в диадеме вправо. Об. с. SALVS[R] PVBLICA. Император, стоящий вправо, левой ногой попирающий пленника. В обрезе: CO[N]. <u>Позднеримская империя.</u> Лев I (457-474). ?. 2. Чекан Константинополя (Херсона?). Толстой И.И. Византийские монеты. Вып. II, Табл. 8, № 29, с. 126.	21	7	3,68	Край сколот. Пропуск букв в легендах на аверсе
10.	Л.с. DN ZEN[O P]E REAVG. Бюст императора в диадеме вправо. Об. с. CONC[O]D[IAR]. Император, стоящий вправо, левой ногой попирающий пленника. <u>Позднеримская империя.</u> Зенон (474-491). ?. 2. Чекан Херсона. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. С. 156. Табл. XXII, 309.	17	1	4,44	
11.	Л.с. [D]N ZE[NO PFAVG]. Бюст императора в диадеме вправо. Об. с. [CONCODIAR]. Император, стоящий вправо, левой ногой попирающий пленника. <u>Позднеримская империя.</u> Зенон (474-491). ?. 2. Чекан Херсона. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. С. 156. Табл. XXII, 309.	16x14	8	3,86	По краю трещина.
12.	Л. с. [DN ZENO PFA]VG. Бюст императора в диадеме вправо. Об. с. [CONCODIAR]. Император, стоящий вправо, левой ногой попирающий пленника. <u>Позднеримская империя.</u> Зенон (474-491). ?. 2. Чекан Херсона. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. С. 156. Табл. XXII, 309.	16	7	3,76	
13.	Л. с. DNAN[A]S[T A]SIVSPPA. Бюст императора в диадеме вправо. Об. с. ICON CORD. Большая литерра I. Изображения заключ. в точечный ободок. <u>Византийская империя.</u> Анастасий I (491-518). ?. Декануммий. Чекан Константинополя. Толстой И.И. Византийские монеты. Вып. II, Табл. 14, № 61, с. 192.	17	6		По краю трещина

1	2	3	4	5	6
14.	Л. с. DNANA[S][T][A]SIVSPPAVG Бюст императора в диадеме вправо. Об. с. ICON CORD. Большая литера I. В поле справа - А. Изображения заключены в веревочный ободок. <u>Византийская империя.</u> Анастасий I (491-518). ?. Пентануммий. Чекан Константинополя. Толстой И.И. Византийские монеты. Вып. II, Табл. 14, № 61(вар.), с. 192.	16	6		
15.	Л. с. ...NAST[A]SIVSPPAV[6]. Бюст императора в диадеме вправо. Об. с. Большая литера Е. В поле справа - Г. Изображения заключ. в веревочный ободок. <u>Византийская империя.</u> Анастасий I (491-518). ?. Пентануммий. Чекан Константинополя. Толстой И.И. Византийские монеты. Вып. II, Табл. 14, № 67, с. 193.	14	8		
16.	Л. с. Сильно потертая. [DNANAST ASIVSPPAVG]. Бюст императора в диадеме вправо. Об. с. Большая литера Е. В поле справа - В. Изображения заключ. в веревочный ободок. <u>Византийская империя.</u> Анастасий I (491-518). ?. Пентануммий. Чекан Константинополя. Толстой И.И. Византийские монеты. Вып. II, Табл. 14, № 66, с. 192.	13	8		
17.	Л. с. [DNANAST]ASIVPPAV. Бюст императора в диадеме вправо. Об. с. Большая литера Е. В поле справа - А. <u>Византийская империя.</u> Анастасий I (491-518). ?. Пентануммий. Чекан Константинополя. Толстой И.И. Византийские монеты. Вып. II, № 65, с. 192.	14	1		По краю две трещины.
18.	Л. с. Стерта. [DNANAST ASIVSPPAVG]. Бюст императора в диадеме вправо. Об. с. Большая литера Е. В поле справа - В. <u>Византийская империя.</u> Анастасий I (491-518). ?. Пентануммий. Чекан Константинополя. Толстой И.И. Византийские монеты. Вып. II, Табл. 14, № 66, с. 192.	13	8		

1	2	3	4	5	6
19.	<p>Л. с. Легенда не сохранилась. Бюст императора в диадеме вправо. Об. с. VIC [T]O [R]. Император в рост, держит лабарум (копье) и щит. <u>Византийская империя.</u> Юстиниан I (527-565). ?. Пентанумий. Чекан Херсона. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. С. 156. Табл. XXII, 311-313.</p>	12	7		Потерта.
20.	<p>Л.с. [DN IVSTINIA]NVS. Бюст императора вправо. Об. с. VICTOR. Император в рост, в правой руке длинный крест, в левой - сфера. <u>Византийская империя.</u> Юстиниан I (527-565). ?. Пентанумий. Чекан Херсона. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. С. 156. Табл. XXII, 311-313.</p>	13	6	1,70	
21.	<p>Л.с. Бюст императора вправо. Надчеканка «христограмма». Об. с. Монограмма «полис Херсон». <u>Византийская империя.</u> Юстиниан I (527-565). ?. Пентанумий. Чекан Херсона. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. С. 157. Табл. XXII, 314.</p>	17x15	-	2,89	<p>Л. с. Стерта. По краям трещины. Об. с. Стерта.</p>

Примечания

- Орешников А.В. Херсоно-византийские монеты // Оттиск ТМНО, 1905, Т. III, Вып. 2; Wroth W. Catalog of the Imperial Byzantine coins in the British Museum, Vol. I, London, 1908; Толстой И.И. Византийские монеты, СПБ, 1908, Т.1-3; Белова Л.Н. Неизданные монеты Херсонеса // СА, 1941, Т. 7, С. 326-329; Анохин В.А. Обзор монетного дела средневекового Херсона // НиС, Киев, 1968, Т. 3 С. 99-113; Hahn W. Moneta Imperii Byzantini. Wien, 1973-1975. Bd. 1-3; Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса, Киев, 1977; Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона, Л., 1983; Grierson Ph. The Byzantine coins. London, 1984; Grierson Ph. Mays M. Catalogue of late Roman coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection, Washington, 1992.
- Golenko K. Gegenstempel auf Chersoner Münzen der Maurikios Tiberios // Hamburger Beiträge zur Numismatik. Hamburg, 1964-1965. Н. 18-19; Grierson Ph. The Crimean Countermarks of Heraclius // Numismatic Chronicle, 1966, ser. 7, Vol. 6, P. 221 - 224; Анохин В.А. Обзор монетного дела средневекового Херсона // НиС, Киев, 1968, Т. 3, С. 99-103; Соколова И.В. Медные монеты Юстина I и Юстиниана I, чеканенные в византийском Херсоне // СГЭ, Л., 1971, Вып. 32, С. 66 - 68; Ее же, К датировке типов

- херсонских монет Маврикия (582-602) и Василия I (867-886) // Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики, Л., 1977, С. 169-177; Hahn W. The Numismatic History of Cherson in Early Byzantine Time // Numismatic Chronicle. 1978, vol. 86, P. 414-415, 471-472, N. 9-11; Grierson Ph. The Byzantine coins. London, 1984, P. 43-45, 50-73; Grierson Ph., Mays M. Catalogue of late Roman coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection, Washington, 1992, P. 14, 47, 56-57, 149, 174; Korshenkov A., Gorshkov I., Holmes A.J. The Large Bronze of Valentinian III // Numismatic Chronicle, 1995, Vol. 155, P. 271-275; Gilevich A. M. Coin Hoards of Medieval Cherson // Acts XVIIIth International Congress of Byzantine Studies. Selected Papers, Shepherdstown, 1996, Vol. IV, P. 245-251; Gutuleva V. V. Coins of Constans II in Cherson // Acts XVIIIth International Congress of Byzantine Studies. Selected Papers, Shepherdstown, 1996, Vol. IV, P. 252-257; Сидоренко В. А. Монетная чеканка Боспора 642 - 654 гг. // Тезисы докладов Международной конференции "Византия и Крым", Симферополь, 1997 С. 74 - 74; Алексеенко Н. А. Коршаков А. Н. К вопросу о возобновлении работы Херсонесского монетного двора в V в. // Монета. Вып. 6. Вологда. 1999, С. 5-12; Коршаков А. Н. Херсонесский выпуск монет Феодосия II и Валентиниана III // МАИЭТ, Симферополь, 2000, Т. VII, С. 222-247.
3. Кропоткин В. В. Клады римских монет на территории СССР // САИ, М., 1961, Том Г 4-4, 63, 65, №№ 578, 621, 627; Кропоткин В. В. Клады византийских монет на территории СССР // САИ, М., 1962, Том Е 4-4, С. 34, № 217, 220; Соколова И. В. Находки византийских монет VI- XII вв. в Крыму // ВВ, 1968, Т. 29, С. 259 - 261; Gilevich A. M. Coin Hoards of Medieval Cherson // Acts XVIIIth International Congress of Byzantine Studies. Selected Papers, Shepherdstown, 1996, Vol. IV, P. 245-251.
 4. Толстой И. И. Византийские монеты, СПБ, 1913, Т. 2, С. 126-127, Таб. 8, № 27-30; Grierson Ph., Mays M. Catalogue of late Roman coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection, Washington, 1992, P. 161-169, Pl. 22, 560-561.
 5. Толстой И. И. Византийские монеты, СПБ, 1913, Т. 3, С. 378, Таб. 26, № 519-520; Grierson Ph. The Byzantine coins. London, 1984, Pl. 10, 160.
 6. Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса, Киев, 1977, С. 104-107.
 7. Кропоткин В. В. Клады римских монет на территории СССР // САИ, М., 1961, Том Г 4-4, 63, 65, №№ 578, 621, 627; Кропоткин В. В. Клады византийских монет на территории СССР // САИ, М., 1962, Том Е 4-4, С. 34, № 217, 220; Соколова И. В. Находки византийских монет VI- XII вв. в Крыму // ВВ, 1968, Т. 29, С. 259 - 261.
 8. Белов Г. Д. Отчет о раскопках Херсонеса в 1936 году // Архив НЭХТ, Дело № 401, л. 74-75, 109-131; Золотарев М. И. Отчет о раскопках в Северо-восточном районе Херсонеса в 1976 году // Архив НЭХТ, Дело № 1836, л. 12-19, 30-46; Рыжов С. Г. Отчет о раскопках усадьбы № 1 в квартале Ха Северного района Херсонеса в 1989 // Архив НЭХТ, Дело № 2883, л. 21-22, 26-35; Сазанов А. В. Амфорный комплекс первой четверти VII в. из Северо-восточного района Херсонеса // МАИЭТ, Симферополь, 1991, Т. II, С. 60-61; Голофаст Л. А., Рыжов С. Г. Комплекс ранневизантийского времени из раскопок квартала Хб в Северном районе Херсонеса // Проблемы истории, философии, культуры, Москва-Магнитогорск, 2000, Вып. IX, С. 86, 92-95; Романчук А. И. Море как фактор развития экономики и культуры византийского Херсона // МАИЭТ, Симферополь, 2000, С. 340-341.
 9. Косцюшко-Валюжинич К. К. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1900 году // ИАК, 1902, Вып. 2, С. 34; Кропоткин В. В. Клады римских монет на территории СССР // САИ, Том Г 4-4, М., 1961, С. 65, № 627; Кропоткин В. В. Клады византийских монет на территории СССР // САИ, Том Е 4-4, М., 1962, С. 34, № 220; Алексеенко Н. А. Денежное обращение византийского Херсона в начале VII в. // МАИЭТ, Т. VIII (в печати)..
 10. Гилевич А. М. Монеты из раскопок в Херсонесе в 1950 г. // Херсонесский сборник, 1959, Том. V, С. 193; Соколова И. В. Находки византийских монет VI- XII вв. в Крыму // ВВ, 1968, Т. 29, С. 260; Алексеенко Н. А. Денежное обращение византийского

- Херсона в начале VII в // Тезисы докладов Третьей Всероссийской нумизматической конференции, М., 1995, С. 25-26.
11. Косицюшко-Валюжинич К.К. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1900 году // ИАК, 1902, Вып. 2, С. 34; Кропоткин В.В. Клады византийских монет на территории СССР // САИ, М., 1962, Том Е 4-4, С. 34, № 217; Алексеенко Н.А., Ковалевская Л.И. Клад позднеантичных и ранневизантийских монет из округи Херсонеса // Тезисы докладов крымской научной конференции "проблемы античной культуры", Симферополь, 1988, С. 231-232.
12. Harris J. M. Coins found at Corinth // Ниспера, 1941, Vol. X, 2, Р. 145.
13. Коршленко А.Н. Римские монеты чекана Херсонеса // Тезисы докладов Восьмой Всероссийской нумизматической конференции, Москва, 2000, С. 34-36.
14. Белова Л.Н. Неславные монеты Херсонеса // СА, 1941, Т. 7, С. 327; Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса, Киев, 1977, С. 98; Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона, Л., 1983, С. 17-18.
15. Коршленко А.Н. Римские монеты чекана Херсонеса // Тезисы докладов Восьмой Всероссийской нумизматической конференции, Москва, 2000, С. 35.
16. Morisson C. Monnaie et prix à Byzance du Ve au VIIe siècle // Hommes et Richesses dans l'Empire Byzantin, T. I, 1991, Paris, P. 243.
17. Толстов И.И. Византийские монеты, СПБ, 1913, Т 2, С.61-64, 66-68, Таб. 14.
- Wroth W. Catalog of the Imperial Byzantine coins in the British Museum, Vol. 1, London, 1908, Pl. I, 14, Pl. II, 1, 6, 8-9; Grierson Ph. The Byzantine coins. London, 1984, Pl. 4, 67-68, 78-79, Pl. 6, 101, 104.
18. Morisson C. Monnaie et prix à Byzance du Ve au VIIe siècle // Hommes et Richesses dans l'Empire Byzantin, T. I, 1991, Paris, P. 250, Tab. 3.
19. Ibid., Tab. 4, P. 252, n 4-15.
20. Ibid., Tab. 4, P. 255, n 6; P. 256, n 1, 4, 6.
21. Ibid., Tab. 4, P. 256, n 2, 3, 6.
22. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса, Киев, 1977, С. 157, Таб. XXII, 315 - 319; Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона, Л., 1983, С. 21-26, Таб. III.
23. Толстов И.И. Византийские монеты, СПБ, 1913, Т. 5, Таб. 40-41 №№ 327 - 348; Wroth W. Catalog of the Imperial Byzantine coins in the British Museum, London, 1908, Vol. 1, Pl. XIX, 22-23, Pl. XX, 1; Grierson Ph. The Byzantine coins. London, 1984, Pl. 10, 161-163.
24. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса, Киев, 1977, С. 104-107.
25. Алексеенко Н.А. Денежное обращение византийского Херсона в начале VII в // Тезисы докладов Третьей Всероссийской нумизматической конференции, М., 1995, С. 25-26.
26. Wroth W. Catalog of the Imperial Byzantine coins in the British Museum, London, 1908, Vol. 1, Pl. I, 1; Толстов И.И. Византийские монеты, СПБ, 1913, Т.2, С. 216 - 217, №№ 166-168, Таб. 11, 1.
27. Wroth W. Catalog of the Imperial Byzantine coins in the British Museum, London, 1908, Vol. 1, Pl. IV, 10; Grierson Ph. The Byzantine coins. London, 1984, Pl. 1, 12, Pl. 3, 59.
28. Wroth W. Catalog of the Imperial Byzantine coins in the British Museum, Vol. 1, London, 1908, Vol. 1, Pl. III, 10, Pl. XVII, 14-15, Pl. XXX, 11.
29. Golenko K. Gegenstempel auf Chersoner Munzen der Maurikios Tiberios // Hamburger Beiträge zur Numismatik. Hamburg, 1964-1965. H. 18 - 19; Grierson Ph. The Crimean Countermarks of Heraclius // Numismatic Chronicle, 1966, Ser. 7, Vol. 6, P. 221-224.
30. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса, Киев, 1977, С. 105.
31. Алексеенко Н.А. Денежное обращение византийского Херсона в начале VII в // МАИЭТ, Т. VIII.
32. Grierson Ph. The Byzantine coins. London, 1984, P. 352, Pl. 6, 100; Pl. 8, 126.
33. Кропоткин В.В. Клады византийских монет на территории СССР // САИ, М., 1962, Том Е 4-4, С. 34, № 217.

34. Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья // Киев. 1990. С. 147. Алексеенко И. А. Моливодуны адресантов Херсона VII-IX вв. (новые находки) // Древности. 1999. Харьков. 1997. 122-131. Годофиат Л. А. Стекло ранневизантийского Херсона // Автореферат диссертации к. и. н., М., 1998. С. 20-23. Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма: Симферополь, 1999. С. 124-132.

С.А. Коваленко

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ МОНЕТНОГО ДВОРА ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ IV В. ДО Н.Э¹

Сама постановка проблемы, высеченной в заглавие настоящей статьи, еще не так давно казалась неоправданной. Приговором звучали слова А.В.Анохина, написанные в ставшем классическом труде, посвященном чеканке Херсонеса: «сами монеты не дают никакой информации на этот (об организации монетного дела - С.К.) счет»². По мнению исследователя, «за исключением имен каких-то лиц, ставившихся на монетах в полном или сокращенном виде на протяжении всего автономного периода, без указания должности, никаких знаков, которые могли бы свидетельствовать о контроле над чеканкой, на монетах почти не встречается»³. Тем более справедливым этот вывод казался для монет, принадлежавших начальным сериям городской чеканки, на которых отсутствовали даже имена или монограммы.

Два взаимосвязанных обстоятельства, однако, позволяют, на наш взгляд, сегодня отказаться от столь пессимистичной оценки положения вещей. Во-первых, это имевшее место с момента выхода в свет книги В.А. Анохина заметное увеличение объема нумизматического материала, доступного для обработки, во-вторых, это результаты поштемпельного исследования этого материала и, прежде всего, ранних, т.н.

безмагистральных серий. К этим сериям относятся серебряные и бронзовые монеты без имен и монограмм (по каталогу В.А.Анохина №1-32, 177), которые В.А.Анохин датировал в пределах 390-350 гг. до н.э.⁴ По нашему мнению, выпуск этих серий мог начаться еще в конце 5 в. до н.э., последовательность их чеканки и хронологические рамки каждой серии были несколько иными, чем предполагал В.А.Анохин⁵. Монеты именно этих серий находятся в центре внимания данной статьи.

Важнейшим условием, определяющим характер функционирования античного монетного двора, является причина или комплекс причин, которые побуждают тот или иной античный полис приступить к чеканке собственной монеты. От этого во многом зависит размах деятельности монетного двора, количество привлекаемых для работы резчиков, характер использования изготовленных ими штемпелей. Чрезвычайно важен в этой связи также вопрос об источниках поступления металла для чеканки и выборе монетно-весовой системы, в соответствии с которой эта чеканка проводится. Осуществление контроля за процессом выпуска монеты также является важнейшей составляющей, которая характеризует деятельность монетного

го двора. Регулирование объема эмиссии, проверка расхода металла, использованного для чеканки и, соответственно, государственного дохода, полученного вследствие превращения металлических слитков в монету, пресечение все возможных злоупотреблений в ходе чеканки являются основной целью такого контроля. В тесной связи с вопросом о контроле над монетной чеканкой находится вопрос о статусе тех лиц, которые отвечали за ее непосредственное осуществление⁶.

Начало выпуска Херсонесом Таврическим собственной монеты может быть сегодня отнесено к самому концу 5 в. до н.э. или рубежу 5-4 в. до н.э. Столь позднее появление монетной чеканки, казалось бы, должно вступать в противоречие с активно разрабатываемой в последнее десятилетие гипотезой об основании Херсонеса еще в последней четверти 6 в. до н.э.⁷, а также с предположением о той значительной роли, которую внешняя торговля играла в херсонесской экономике⁸. Необходимо, однако, отметить, что подобное положение вещей не было чем-то необычным или исключительным. Метрополия Херсонеса - Гераклея Понтийская начинает выпускать собственную монету лишь в последней четверти 5 в. до н.э., почти полтора столетия спустя после своего возникновения, другая гераклейская колония в Причерноморье - Каллатис, основанная в конце 6 в. до н.э.⁹ - чеканит первые городские монеты лишь в Александровскую эпоху¹⁰. Еще более показателен пример Византии. Собственную монету этот

город, занимавший исключительно выгодное географическое положение и процветавший, прежде всего, благодаря активной внешней торговле, начал выпускать почти 200 лет спустя после своего основания¹¹. Подобные примеры можно легко уможить¹², суть же их сводится к тому, что длительное отсутствие собственной чеканки в том или ином античном полисе далеко не всегда было напрямую связано только со слабостью экономического потенциала этого полиса, не позволявшим приступить к выпуску собственной монеты, как склонны считать некоторые исследователи¹³. Наличие определенных финансовых ресурсов, без сомнения, было важнейшим условием начала монетной чеканки¹⁴, но тем не менее не влекло за собой автоматически появление собственной монеты. Ее отсутствие еще отнюдь не свидетельствовало об экономической слабости полиса или неразвитости в нем товарно-денежных отношений¹⁵, но могло определяться другими причинами. Платежи могли производиться в иностранной монете, металлических слитках, разнообразными товарами или с помощью кредитных операций. Появление же собственной чеканки, с другой стороны, могло обуславливаться не только интересами торговли, но и необходимостью осуществлять разного рода государственные платежи, оплачивать участие граждан в управлении государством, нести военные расходы или просто желанием пополнить государственный бюджет доходами от перечеканки металла в монету с последующим взиманием в

ней налогов, таможенных пошлин и т.п. Наконец, стремление иметь собственную монету могло иметь политическую подоплеку, монета при этом рассматривалась как своеобразный символ политической независимости полиса²².

Первая серия херсонесских монет включала серебряные и бронзовые выпуски. Все монеты имели одинаковые типы лицевой и оборотной сторон. На лицевой стороне была изображена голова Парфенос в кекрифале влево, на оборотной - рыба, подней налица и сокращенная городская легенда (Рис. 1, 1-6). Примечателен факт начала городской чеканки с одновременного выпуска серебряной и бронзовой монеты. Аналогичным образом в конце 5 в. до н.э. начинается чеканка и некоторых других центров Причерноморья и Средиземноморья²³. Необходимо заметить, что в это время бронзовые монеты были все еще относительно новым и отнюдь не повсеместно распространенным явлением в экономической жизни древнегреческих полисов²⁴. Монетное дело многих греческих городов, начавших чеканить серебряную монету еще в конце 6-5 вв. до н.э., прошло стадию длительного развития, прежде чем наряду с серебряной был наложен и выпуск бронзовой монеты. Чеканка Херсонеса Таврического с самого начала осуществлялась в двух металлах. Отражением подчиненного характера ранней бронзовой чеканки по отношению к серебряной с одной стороны, и свидетельством сохранения определенного консерватизма в монетном деле - с другой, была неразработанность ти-

нологии бронзовых монет, буквальное копирование изображений современной им серебряной чеканки²⁵.

Второй важной чертой первой серии херсонесских монет, наряду с параллельным выпуском серебра и бронзы, является чеканка сразу нескольких как серебряных, так и бронзовых номиналов. В настоящее время можно говорить о выпуске дидрахм, драхм, тетроболов, диоболов, гемиоболов применительно к серебру²⁶ и трех номиналов бронзы.

Изначальная чеканка монеты сразу в двух металлах и многочисленность выпускаемых номиналов может свидетельствовать, как кажется, о хорошо продуманной организации чеканки, с одной стороны, и о ее многофункциональности - с другой. Решение о начале выпуска собственной монеты имело государственное значение и, вероятно, принималось высшим органом государственной власти в херсонесском полисе - народным собранием²⁷. Думается, выбор изображений, которые должны были быть помещены на первые монеты, проходил процедуру утверждения там же²⁸.

Примечательно отсутствие среди серебряных монет мельчайших номиналов (тетартемориев и гемитетартемориев), вполне очевидно, что их функции должны были выполнять одновременные серебру бронзовые выпуски. Обращает на себя внимание и наличие уже в первой серии мелкой бронзы (2/3 монет младшего номинала имеют веса в промежутке 0.50-0.75 г). Чрезвычайный интерес представляют опубликованные в последние годы крупные номиналы

серебра первой серии²¹. Весовые данные всех известных на сегодня младших серебряных номиналов, начиная с тетробола позволяют предполагать, что они чеканились по персидской монетно-весовой системе, принятой в

метрополии Херсонеса - Гераклее Понтийской²². К той же системе могла относиться уникальная монета весом 4.40 г, которая, вероятно, представляла собой драхму облегченного персидского веса²³. Не так легко од-

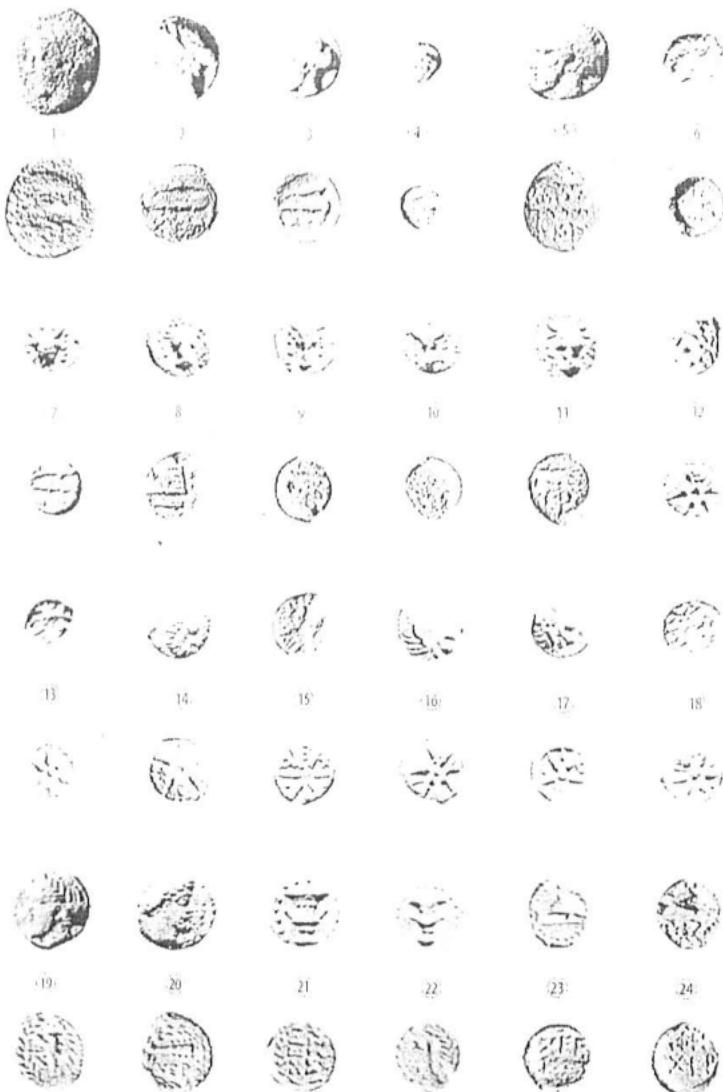

Рисунок 1.

нозначно решить вопрос о монетновесовой системе, по которой чеканились крупный номинал или номиналы. Есть предположение, что они представляли собой дидрахмы хиосского стандарта. Три таких монеты могли быть приравнены к четырем эгинским драхмам облегченного веса²⁷.

В любом случае, по какой бы системе не были чеканены эти монеты, наиболее важным моментом является сам выпуск столь крупного серебра в начале монетной истории Херсонеса, не имеющий аналогий в монетном деле других северо-причерноморских городов в последней четверти 5- начале 4 в. до н.э.²⁸ Вполне естественно выглядело бы предположение о предназначении такого рода монет прежде всего для внешнеторговых трансакций. Если принять во внимание отсутствие у Херсонеса собственных серебряных рудников²⁹, выпуск полисом крупных серебряных номиналов мог бы быть весьма косвенным подтверждением той значительной роли, которую внешняя торговля играла в экономике полиса. Этому предположению, однако, противоречит тот факт, что все известные на сегодня крупные серебряные номиналы происходят из Херсонеса или его окрестностей³⁰ и, кроме того, выпуск раннего серебра имел весьма незначительные объемы. К настоящему времени известно всего 10 диоболов и 4 гемиобола. Подавляющая часть диоболов демонстрирует следы длительного пребывания в обращении. Все 8 экземпля-

ров этого номинала, чья сохранность позволила с уверенностью провести поштемпельную идентификацию, были чеканены одним штемпелем л.с. (Рис. 1, 3). Для о.с. было использовано три разных штемпеля. Приведенные цифры свидетельствуют о том, что вероятность появления новых неизвестных лицевых штемпелей для выпуска, в частности, диоболов весьма невелика³¹. Для чеканки четырех гемиоболов использовано два лицевых и два оборотных штемпеля. Стилистические особенности изображений на всех серебряных номиналах первой серии позволяют заключить, что все штемпеля были резаны одним мастером.

Незначительное количество как сохранившихся серебряных монет ранних серий, так и штемпелей, использованных для их чеканки, с очевидностью указывают на то обстоятельство, что в начале выпуска собственной монеты город был ограничен в средствах³². Тот факт, что чеканка тем не менее была начата и при этом был выпущен широкий набор различных номиналов, в том числе, и довольно крупных, может указывать на какие-то неизвестные нам политические обстоятельства, при которых Херсонесу важно было иметь собственную полновесную монету. Не исключено, что выпуск тяжелых номиналов мог носить декларативный характер или был связан с необходимостью осуществления каких-то крупных выплат.

Чеканка мелких серебряных номиналов, сопровождаемая выпуском бронзовых монет, свидетельствует, с другой стороны, о том, что с самого

начала потребности внутреннего рынка также были важным стимулом появления собственной монеты³³.

При этом по объему чекана выпуски бронзовых монет значительно превосходили одновременные им серебряные. Бронзовые монеты старшего номинала были чеканены шестью лицевыми и восемью оборотными штемпелями, при выпуске младшего номинала использовано 9 лицевых и 11 оборотных штемпелей³⁴.

Если все штемпели серебряных монет, как лицевые, так и оборотные, безусловно, резались профессиональным резчиком, то для изготовления штемпелей бронзовых выпусков были привлечены также мастера, чья квалификация оставляла желать лучшего. Об этом свидетельствует, в частности, характер изображений л. и о. сторон некоторых монет младшего номинала. Голова Парфенос на них передана чрезвычайно схематично, имеет непропорционально крупные нос и подбородок, изображение и легenda о.с. даны ретрографично (Рис. 1, 6). Всё штемпеля л. с. монет старшего номинала выполнены вполне профессиональной рукой, однако, качество некоторых штемпелей о.с. говорит о том, что их изготовление было доверено менее умелым мастерам, которым не всегда удавалось правильно вписать изображение в монетный кружок или выполнить его на должном художественном уровне (Рис. 1, 5).

Подобные факты свидетельствуют о том, что на начальном этапе своего существования херсонесский монетный двор мог не иметь собственных профессиональных монет-

ных резчиков и город был вынужден привлекать их со стороны для изготовления, прежде всего, штемпелей серебряных выпусков и лицевых штемпелей бронзы старшего, среднего и частично младшего номиналов. Местным же мастерам было доверено изготовление обратных штемпелей бронзовых монет старшего номинала и штемпелей для обеих сторон бронзы младшего номинала. Привлечение непрофессиональных резчиков в данном случае может косвенно указывать либо на значительные объемы и высокий темп чеканки, при которых наемные мастера просто не справлялись со времененным изготовлением потребного количества штемпелей, либо, что более вероятно, учитывая незначительное количество известных монет первой серии и штемпелей для их чеканки - на ограниченные финансовые возможности полиса и неспособность его длительное время оплачивать дорогостоящий труд профессиональных резчиков. Подтверждением последнего предположения является и тот факт, что после выпуска первой серии серебряных монет Херсонес как минимум 20 лет не чеканил больше серебра³⁵, ограничиваясь чеканкой бронзы различных номиналов, что свидетельствовало об активном развитии внутриполисного рынка.

Выпуск бронзовых монет осуществлялся по нарастающей. Для чеканки второй серии бронзы, включавшей один номинал (основная масса весовых значений между 1.00 и 1.50 г) использовано уже 28 лицевых и 26 оборотных штемпелей. Монетные круж-

ки этой серии изготавливались путем литья, о чем свидетельствуют остатки литников на некоторых экземплярах. Но как правило, после отливки гурт кружков оковывался или опиливался для удаления следов литья, что говорит о повышенном внимании к качеству выпускаемых монет. Изображение на их реверсе аналогично изображениям о.с. первой серии, на лицевой стороне помещено изображение букрания⁴⁶.

Вторая серия состояла из двух выпусков, чеканка которых была осуществлена в довольно сжатые сроки. Для монет первого выпуска характерен поворот изображений реверса (рыба, палица) вправо, как и на реверсе монет первой серии. Примечательна при этом крайняя неустойчивость как расположения этих изображений друг относительно друга, так и положения легенды, которая могла помещаться над или под изображением (Рис. 1, 7-8). Второй выпуск характеризуется неизменным поворотом изображений реверса влево, легенда всегда помещена внизу (Рис. 1, 9-11).

Стилистические особенности штемпелей второй серии позволяют сделать вывод, что в их изготовлении на каждом этапе участвовало не менее четырех резчиков, каждый из которых, вероятно, резал одновременно как лицевые, так и обратные штемпеля. Не вдаваясь в детальное описание художественной манеры каждого резчика, отошлем читателя к Рис. 1, 7-10, на котором изображены основные типы изображений аверса, которые могут быть отождествлены с продукцией различных ма-

стеров. Объемы первого выпуска были крайне ограничены - зафиксировано всего семь лицевых и шесть обратных штемпелей. Основная масса монет этой серии приходится на второй выпуск, при этом трое мастеров, задействованных на первом этапе, активно продолжали резать штемпеля и для чеканки второго выпуска, что свидетельствует о крайне незначительном временном промежутке, в течение которого мог осуществляться выпуск всей серии. Наряду со старыми мастерами, в изготовлении штемпелей для чеканки монет второго выпуска участвует еще один новый резчик (Рис. 1, 11).

Анализ штемпельных связей монет второй серии выявил некоторые особенности, связанные с использованием штемпелей. Характерно сочетание лицевых штемпелей каждого типа (изготовленных, соответственно, одним резчиком) только со вполне определенными обратными штемпелями. Связи между лицевыми штемпелями, явившимися продукцией различных мастеров, через общие штемпеля о.с. отсутствуют. Это может свидетельствовать о том, что штемпеля, изготавливавшиеся разными резчиками (как лицевые, так и обратные) хранились и использовались отдельно, что, в свою очередь, указывает также на существование нескольких наковален, на которых одновременно проходила чеканка монет рассматриваемой серии. Против предположения о поочередном вводе в работу таких наборов штемпелей и существовании между периодом эксплуатации каждого такого набора значительного хроноло-

гического разрыва говорит отсутствие какого-либо заметного стилистического развития изображений л.с. и отмеченное выше участие одних и тех же мастеров в изготовлении штемпелей для обоих отмеченных выпусков данной серии.

Бронзовые монеты с изображением головы льва на л.с. и звезды на о.с. составляют следующую серию херсонесской чеканки³⁷. Это самая многочисленная серия городских монет, выпущенных в первой половине 4 в. до н.э. - она насчитывает шесть последовательных выпусков, чеканившихся 35 лицевыми и 57 оборотными штемпелями.

Каждый выпуск рассматриваемой серии отличается или поворотом головы льва на аверсе или деталями оформления реверса. Штемпельный анализ монет этих выпусков позволяет прийти к выводу, что подобные отличия имели не случайный, но вполне сознательный характер. Каждый выпуск чеканился определенным набором штемпелей л. и о.с., никаких штемпельных связей между монетами различных выпусков не зафиксировано, при том, что внутри выпуска все монеты тесно между собой связаны через общие лицевые или оборотные штемпеля, большинство которых, очевидно, находилось в работе одновременно.

Монеты первого выпуска имели на л.с. изображение головы льва влево, на о.с. - шестилучевую звезду. Это единственный выпуск, на монетах которого голова льва обращена влево. Между лучами звезды первоначально не было никаких букв, затем последовательно помещались X, ХЕ, ХЕР (Рис. I, 12).

Начиная со второго выпуска, голова льва на л.с. всегда обращена вправо. На о.с. изображена или пятилучевая звезда без букв между лучами, или шестилучевая звезда с буквами ХЕ (Рис. I, 13).

Монеты третьего выпуска имеют на о.с. изображение пяти-шестилучевой звезды с легендой ХЕР (Рис. I, 14), монеты четвертого выпуска - шестилучевую звезду с легендой ХЕР и тремя рельефными точками между лучами (Рис. I, 15), пятого выпуска - шестилучевую звезду, легенду ХЕР и букву П между лучами (Рис. I, 16), шестого выпуска - пятилучевую звезду, легенду ХЕР, букву П и маленький дополнительный луч (Рис. I, 17), а иногда - десяти- или двенадцатилучевую звезду без легенды (Рис. I, 18).

Поскольку монеты этой серии принадлежат одному номиналу, различия в оформлении их реверса не связаны с обозначением стоимости и наиболее правдоподобно могут быть объяснены стремлением отличить различные выпуски одной серии, чеканка которой осуществлялась в крупных объемах и высокими темпами. Об интенсивности этой чеканки и определенной спешке, в которой она проводилась, помимо значительного числа штемпелей и большого количества сохранившихся монет (на сегодняшний день нами учтено около 240 экземпляров), может свидетельствовать небрежное изготовление монетных кружков, на многих из которых остались неудаленные литники, и добавление значительного количества свинца в монетный сплав³⁸, очевидно, с целью облегче-

ния процесса литья и уменьшения затрат на закупку металла и чеканку.

Использованный херсонесскими монетариями способ различения последовательных выпусков одной серии, очевидно, вызванный к жизни необходимостью контролировать объемы чеканки и количество затраченного на нее металла, опирался на сознательное постепенное усложнение изобразительного типа, добавление к первоначальному изображению все новых и новых деталей. Важным элементом этой системы контроля, как показывают результаты штемпельного анализа, было также использование совершенно нового набора лицевых и оборотных штемпелей для чеканки каждого последующего выпуска. Несмотря на то, что лицевую сторону пяти выпусков данной серии занимает изображение головы льва вправо, ни разу не зафиксировано использование одного и того же лицевого штемпеля для чеканки монет разных выпусков. Судя по соотношению числа известных штемпелей и сохранившихся монет, появление новых штемпелей или штемпельных связей маловероятно³⁹. Очевидно, по окончании чеканки выпуска все использовавшиеся для этого штемпеля изымались из эксплуатации или просто уничтожались. Для следующего выпуска весь необходимый набор штемпелей резался заново. Такая система позволяла просто и эффективно предупреждать возможные злоупотребления, связанные с незаконным использованием штемпелей.

Применение сходных методов контроля можно проследить и в мо-

нетном деле классического времени ряда других греческих центров. Территориально наиболее близким среди них является Пантикопей. Пантикопейские серебряные выпуски конца 6-5 в. до н.э. издавна привлекали внимание нумизматов, их типология и хронология достаточно хорошо на сегодня разработаны, они также относятся к начальной фазе становления монетного дела Пантикопея⁴⁰. Недавно был опубликован свод серебряной чеканки Пантикопея этого времени с разборкой ее по штемпелям⁴¹.

Тип л.с. монет Пантикопея всех номиналов (за исключением тетартемория) на протяжении всего рассматриваемого периода один и тот же - морда, реже шкура льва, en face. Можно говорить об определенной эволюции данного изображения во времени от достаточно примитивного, архаичного к более реалистичному зрелому рисунку⁴². Подобные изменения полностью находятся в русле развития греческого искусства в это время. Гораздо более интересны, однако, для нас те изменения, которые демонстрирует о.с. пантикопейских монет и которые совершенно справедливо использовались исследователями, наряду со стилистическим развитием типа л.с., в качестве важнейшего критерия при определении последовательности различных выпусков⁴³. На наш взгляд, однако, эти изменения, за рядом исключений, невозможно связывать только с собственно изобразительной эволюцией и понимать как простое усложнение монетного типа, отражающее лишь возрастающее мастерство резчиков монетного двора или

прогресс монетной техники. Речь должна идти о развитии продуманной, логичной системы строгого контроля над монетными выпусками, необходимости легко отличать их друг от друга, которая диктовалась объемом эмиссий, их многочисленностью, самим ходом развития монетного дела полиса. Как показывает пантиканеская чеканка, развитие такой системы в данном случае также осуществлялось от простого к сложному. На смену первым выпускам с простым quadratum incusum на реверсе приходят выпуски с двумя, затем четырьмя рельефными точками в углах вдавленного квадрата, потом место точек занимают звезды, сперва четырех-, затем восьмилучевые, городская легенда передается вначале двумя, затем тремя и наконец пятью буквами⁴¹. Анализ штемпельных связей, зафиксированных Н.А.Фроловой, свидетельствует о том, что для чеканки одних и тех же номиналов различных выпусков всякий раз использовались разные наборы лицевых и оборотных штемпелей. Несмотря, например, на то, что диоболы без перерыва чеканились на протяжении восьми последовательных выпусков (типы 7-15 по Фроловой), а гемиоболы - девяти (типы 1-9) ни разу один и тот же лицевой штемпель не был использован для чеканки более, чем одного выпуска.

Это может говорить о том, что по окончании чеканки эти штемпеля не хранились на монетном дворе, но преднамеренно изымались из работы и, скорее всего, уничтожались.

Монетная чеканка Византия, начатая в конце 5 в. до н.э., также име-

ла гомогенный характер - на всех номиналах серебра в качестве типа л.с. использовалось одно и то же изображение стоящей на дельфине влево коровы, реверс был занят вдавленным квадратом. Лишь на гемиоболах в качестве типа аверса появляется голова коровы влево⁴².

Первые монеты Византия, чеканившиеся по персидской системе, в отличие от более поздних эмиссий родосского веса, не помечались монограммами. Зафиксированные на некоторых выпусках персидского веса маленькие дополнительные символы служили для контроля за качеством чеканки и предотвращения изготовления подделок, появление которых отмечено в это время⁴³. Определение последовательности выпусков серебра персидского веса базировалось исключительно на анализе тех стилистических изменений изображений аверса и реверса, которые имели место в ходе чеканки, так как штемпельные связи между подавляющим большинством монет отсутствовали⁴⁴. Примечательно при этом то значительное количество лицевых и оборотных штемпелей, которое было использовано в течение короткого периода чеканки монет этого стандарта⁴⁵. При этом подавляющее большинство этих штемпелей представлено только одним экземпляром. Этот факт может свидетельствовать не только о том, что нам известна лишь малая толика монет Византия⁴⁶, но и быть следствием практиковавшегося здесь до введения маркировки выпусков монограммами (как на монетах родосского веса) способа контроля за

объемами чеканки. Суть его состояла в том, что для изготовления каждого выпуска использовался лишь определенный набор лицевых и оборотных штемпелей, который после чеканки потребного количества монет просто уничтожался, вне зависимости от того, насколько были изношены штемпеля. Изготовление новых штемпелей на монетном дворе Византии значительно облегчалось и ускорялось использованием здесь т.н. hubbing technique, при которой нужное количество собственно монетных штемпелей просто отчеканивалось с помощью одного рельефного штемпеля-матрицы⁵⁰.

На уничтожение штемпелей по завершении выпуска при чеканке серебра Эвбейской лиги в конце 5 в. до н.э. указал У.Уоллис⁵¹. Он же отметил тот факт, что при чеканке драхм одного типа, принадлежащих различным сериям, никогда один и тот же лицевой штемпель не использовался более, чем в одной серии⁵².

В Афинах штемпеля, не использовавшиеся в работе, были предметом специального учета и упоминаются в отчетах казначеев Парфенона наряду с хранившейся там драгоценной утварью и монетами⁵³.

О повышенном внимании, с которым монетные власти относились к использованию штемпелей, свидетельствует, например, практика обозначения каждого штемпеля лицевой и обратной стороны отдельной буквой, принятая на монетном дворе Посейдонии (Лукания) в последние четверти 5 в. до н.э. Последовательность введения штемпелей в ра-

боту в данном случае совпадала с последовательностью имеющихся на них буквенных обозначений⁵⁴.

Сложная система буквенных, цифровых обозначений и различных символов, имевшая отношение к процедуре контроля над использованием штемпелей и, по мнению М.Кроуфорда, частично заимствованная из монетного дела птолемеевского Египта, применялась, начиная с 3 в. до н.э., на монетном дворе Римской республики⁵⁵.

Наконец, необходимо упомянуть т.н. многотиповые чеканки Кизика, Фокеи, Митилен, Лампсака⁵⁶, для которых была характерна ежегодная смена типа л.с. и, соответственно, введение в работу новых штемпелей. Невозможность отождествления этих монетных типов с личными гербами монетных магистратов была убедительно доказана А.Фуртвенгерлом⁵⁷. Наиболее вероятно, что в данном случае также новый тип л.с. использовался для маркировки нового выпуска.

Некоторые выпуски херсонесских бронзовых монет серии «лев-звезда» помимо городской легенды имеют на о.с. дополнительные обозначения или буквы, которые не нашли до сих пор удовлетворительного объяснения в литературе. На монетах четвертого выпуска, например, между лучами звезды помещено три рельефные точки, на монетах пятого выпуска - буква «П», шестого выпуска - та же буква и маленький, дополнительный луч. В.А. Анохин связывал наличие буквы «П» с магистратским именем, относя появление монет этой серии к тому времени,

когда в практику монетного дела Херсонеса начало входить обозначение магистратских имен⁶⁸. Н.Н.Грандмезон видел в этой букве начало слова *polis*⁶⁹.

Высказанное выше предположение о том, что изменения в оформлении реверса определялись, прежде всего, необходимостью отличить последовательные выпуски один от другого, позволяет по-иному интерпретировать смысл такого рода добавочных символов и букв. В данном случае, на наш взгляд, они могли иметь цифровое значение. Выпуск с легендой ХЕР и тремя точками на реверсе был отчеканен после выпуска монет, имевших на реверсе только легенду ХЕР⁷⁰. Если учесть наличие еще двух ранних выпусков с сокращенной передачей имени города одной-двумя буквами, то рассматриваемый выпуск являлся четвертым по счету, что и было обозначено на реверсе путем сочетания легенды в форме, характерной для предшествующего выпуска и трех (а не двух или одной) точек. На следующем выпуске, пятом по счету, рядом с легендой появляется буква П. В ней можно видеть начальную букву слова *pentē* (пять). О том, что эта буква не имела смысловой связи со словом *Cher(sonesos)* говорит ее свободное расположение относительно городской легенды - она могла помещаться перед или после ХЕР, иногда даже в перевернутом по отношению к ней виде. На монетах шестого выпуска рядом с П появляется маленькая черточка, имеющая форму луча. Несмотря на ту же форму, она выполняла иную функцию, поскольку

была заметно меньше других лучей и явно соотносилась с буквой П, так как всегда помещалась справа от нее. Можно поэтому видеть в ней обозначение цифры 1, и полагать, что ее сочетание с П обозначало «шесть», указывая тем самым на номер выпуска. Цифровая запись, таким образом, в данном случае была выполнена в акрофонической системе, столь обычной для передачи цифровых записей на лапидарных памятниках и керамике⁷¹. Если такая интерпретация верна, неизвестно, почему херсонесские монетарии использовали именно такой способ числового обозначения, поскольку наиболее распространенным средством нумерации в греческой нумизматике было употребление букв греческого алфавита⁷². Более того, именно эта алфавитная система обозначения выпусков использовалась в самом Херсонесе позже, при чеканке обильного выпуска с изображением квадриги на л.с. и гоплита на о.с.⁷³ Возможно, в данном случае мы имеем дело с характерным для ранней стадии развития городской чеканки экспериментом в ходе поисков адекватной формы контроля над монетными выпусками и средства отыскать один выпуск от другого.

Еще две серии бронзовых монет Херсонеса первой половины 4 в. до н.э. в определенной степени отражают этот процесс. Первая серия состоит из двух номиналов. Старший номинал (основные веса в промежутке 2.00-2.50 г) представлен монетами с изображением головы Парфенос в лавровом венке на л.с. и палицей в венке - на о.с., монеты младшего но-

минала (веса 1.00-1.40 г) имеют на л.с. изображение кратера в точечном ободке, на о.с. - также палицу в венке⁶⁴. Известно два выпуска этой серии. Являясь типологически однородными, они четко различаются между собой поворотом головы богини и положением палицы. На монетах старшего номинала первого выпуска голова Парфенос обращена влево, палица на о.с. изображена стоящей вертикально (Рис. 1, 19). Монеты второго выпуска имеют на л.с. голову Парфенос вправо, палица показана горизонтально (Рис. 1, 20). На младших номиналах первого выпуска палица изображена стоящей вниз, второго выпуска - стоящей вверх (Рис. 1, 21-22). Для чеканки монет старшего номинала использовано 22 лицевых и 27 обратных штемпелей, объемы чеканки младшего номинала были скромнее - учтено 8 лицевых и 10 обратных штемпелей.

Определенный поворот головы богини сочетается только с определенным положением палицы в венке, что позволяет с достаточной уверенностью считать эти черты в оформлении монет данной серии признаками, использовавшимися для различия выпусков. Стилистические отличия в изображении кратера на л.с. монет младшего номинала свидетельствуют о том, что в изготовлении лицевых штемпелей этих монет как первого, так и второго выпуска участвовало два одинаковых резчика (Рис. 1, 21-22).

Еще одна серия, состоящая из двух типологически однородных выпусков, представлена монетами с

изображением на л.с. дельфина, на о.с. - палицы⁶⁵. В данном случае признаком, отличающим один выпуск от другого, является поворот изображенной горизонтально палицы. На монетах первого выпуска она обращена влево, на монетах второго - вправо (Рис. 1, 23-24).

Рассмотренные серии херсонесских монет, таким образом, несмотря на отсутствие на них имен или монограмм, имеют ряд признаков, которые позволяют говорить о существовании на херсонесском монетном дворе контроля над чеканкой. Представляется, что главной целью этого контроля было регулирование объема чеканки. Первоочередную роль при этом играло то обстоятельство, что город чеканил преимущественно бронзовую монету, которая имела условную стоимость. Это, с одной стороны, было очень выгодно для государства, так как позволяло извлекать значительную прибыль при превращении недорогого бронзового сплава в монету⁶⁶, но с другой стороны, было чревато быстрым обесцениванием этой монеты при превышении необходимых для потребностей рынка объемах чеканки. Определенное значение, видимо, имел и тот факт, что у Херсонеса отсутствовали собственные источники монетного металла, что влекло за собой необходимость его закупки для этой цели на стороне, с последующим строгим учетом над процессом расходования⁶⁷.

Использовавшиеся формы контроля отличались простотой и эффективностью. Очевидно, велся строгий учет находившимся в работе штем-

пелям, которые по окончании чеканки соответствующего выпуска просто уничтожались. При отсутствии hubbing technique изготовление новых штемпелей облегчалось воспроизведением тех же типов л. и о.с., в которые вносились непринципиальные, но бросающиеся в глаза изменения. Таким образом, достигались две цели, столь важные при монетовой чеканке - быстрота в изготовлении новых штемпелей и легкость распознавания следующих друг за другом выпусков.

Подобные способы организации чеканки в позднеклассическую эпоху применялись и монетными дворами других древнегреческих центров. Фасос, например, начиная с 90-х гг. 4 в. до н.э., в течение почти столетия осуществлял выпуск нескольких номиналов бронзовых монет с идентичными изображениями л. и о.с. - голова Геракла - лук, палица⁷¹. Средством различия последовательных однотипных выпусков в данном случае служил способ передачи этиникона (в одну или две строки, ретроградно или в нормальном положении) и его размещения на о.с. (под палицей и луком или между ними) в сочетании с небольшими дополнительными символами, помещавшимися внутри лука и регулярно повторявшимися на разных выпусках⁷². Такое же значение имело изображение Геракла с бородой или без, а также различный поворот головы героя⁷³.

Ежегодные выпуски тетрадрахм Амфиполя первой половины 4 в. до н.э. с фасевым изображением головы Аполлона на л.с., по предположе-

нию Л.Лорбер, маркировались с помощью преднамеренных вариаций в передаче головы божества, дополнявшихся использованием символов или контрольных марок, назначение которых остается неясным⁷⁴.

Близкая система использовалась на ранних (первые десятилетия 4 в. до н.э.) серебряных драхмах Ларисы с фасевым изображением головы городской нимфы на аверсе. Комбинации различных типов л.с. и вариантов реверса позволяли отличать отдельные выпуски, штемпельные связи между которыми чрезвычайно редки. Кроме того, монетарии Ларисы использовали в качестве средства контроля варьирование размеров портрета на л.с. - между монетами с крупными и небольшими изображениями, принадлежащими одной группе, также не зафиксировано каких-либо штемпельных связей⁷⁵.

На рубеже 54 вв. до н.э. македонский город Дион отчеканил два выпуска небольших бронзовых монет (вес 2-3 г) с изображением головы Зевса на л.с. и сидящей на троне Деметры - на о.с. Главное различие между выпусками состояло в повороте изображений. На монетах первого выпуска голова Зевса вправо всегда сочеталась с изображением Деметры влево, на монетах второго выпуска голова божества была обращена влево, Деметра изображена вправо⁷⁶.

Бронзовые однотипные выпуски, различавшиеся лишь поворотом изображения на л.с., чеканились в первой половине 4 в. до н.э. в Месембрии⁷⁷.

Нам неизвестна продолжительность чеканки ранних выпусков херсонесских монет. Даже если предпо-

ложить, что чеканка каждого из них длилась около года, как, например, могло быть в случае с монетами «квадрига - гоплит»⁷⁵, и принять во внимание, что верхней датой безмагистратных выпусков были 60-е гг. 4 в. до н.э.⁷⁶, общая продолжительность непрерывной чеканки на протяжении почти полу столетия составит не более 20 лет⁷⁷. Это обстоятельство может свидетельствовать, в первую очередь, о том, что работа херсонесского монетного двора в первой половине 4 в. до н.э. имела дискретный характер. Монетный двор, таким образом, функционировал не на постоянной основе, но открывался лишь тогда, когда возникала необходимость в чеканке очередного выпуска. В этом случае работа как резчиков, так и другого персонала могла осуществляться на контрактной основе или по подряду⁷⁸. Естественно и отсутствие в этом случае какой-либо необходимости в существовании постоянной специальной магистратуры, в ведении которой могла находиться чеканка. Общие вопросы, связанные с закупкой потребного для чеканки металла, выделением средств для найма рабочего персонала, определением объемов выпуска находились в компетенции высшего финансового органа полиса или лиц, обладавших соответствующими полномочиями и решавших, наряду с этими, и другие проблемы финансовой жизни государства⁷⁹. Непосредственное же руководство деятельностью резчиков и мастеров-чеканщиков, а также контроль за качеством монетного сплава, соблюдением метрологических

норм и т.п. мог осуществлять человек, обладающий необходимым для подобной деятельности техническим опытом - ювелир, кузнец, ремесленник, совсем не обязательно имевший высокий социальный статус.

Переход к практике помещения на монетах сперва сокращенных, затем полных имен чиновников мог быть связан с открытием около середины 4 в. до н.э. постоянно действующего монетного двора и введением иных форм контроля над монетными выпусками.

Подведем итоги. Проведенный анализ ранней безмагистратной чеканки Херсонеса Таврического позволяет сделать следующие выводы относительно организации работы полисного монетного двора в первой половине 4 в. до н.э. Деятельность монетного двора в это время осуществлялась, скорее всего, не на постоянной основе, а от случая к случаю и определялась потребностями чеканки конкретных выпусков. В соответствии с этими потребностями для проведения необходимых работ на контрактной основе привлекались соответствующие специалисты. Для изготовления штемпелей первоначально использовались не только местные резчики, но приглашались и мастера со стороны. При чеканке особенно многочисленных выпусков могло работать одновременно несколько наковален, каждая из которых имела свой набор лицевых и оборотных штемпелей. Выпуск Херсонесом собственной монеты был призван удовлетворить, прежде всего, интересы внутреннего рынка. Этот фактор, а также отсутствие соб-

ственных источников серебра и, вероятно, ограниченность средств для его закупки на стороне, обусловили необходимость чеканки в значительных объемах разменной бронзовой монеты. Подобная монета имела условную стоимость и ее чеканка, с одной стороны, была очень выгодна для городской казны, но с другой стороны, требовала усиленного контроля за объемами выпуска и рациональным использованием монетных

штемпелей. В условиях отсутствия специальной монетной магистратуры подобный контроль выражался в использовании для чеканки серии из нескольких выпусков совершенного нового набора штемпелей для каждого такого выпуска. Процесс же изготовления штемпелей в этом случае облегчался использованием одного и того же изображения, в которое вносились изменения, позволявшие отличать один выпуск от другого.

Примечания

- 1 Настоящая статья была подготовлена во время моего пребывания в Германии в качестве стипендиата фонда Александра фон Гумбольдта в 2001-2002 гг.
- 2 Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса Таврического. Киев. 1977. С.41.
- 3 Там же. С.41-42
- 4 Там же. С.134-136
- 5 Коваленко С.А. О монетном деле Херсонеса Таврического в позднеклассическую эпоху // НЭ. Т XVI. 1999.
- 6 Об общем круге проблем, связанных с организацией работы монетных дворов и вопросами контроля над чеканкой в античности см.: Furtwangler A. Griechische Vieltypenprägung und Münzbeamte // SNR. 61. 1982. P.5-25; Martin Th. Sovereignty and Coinage in Classical Greece. Princeton. 1985. P.153, 228; Picard O. L'administration de l'atelier monétaire à Thasos au IV siècle // RN. 1987. P.7-14; Lorber C.C. Amphipolis The Civic Coinage in Silver and Gold. Los Angeles. 1990. P.23; Howgego C.J. Why did Ancient States strike Coins // NC. 1990. Vol.150. P.1-25; Figueira T. The Power of Money. Coinage and politics in the Athenian Empire. Philadelphia. 1998. P. 144-146.
- 7 Коваленко С.А. О монетном деле... С. 114.
- 8 Наиболее полное и последовательное ее изложение с исчерпывающей историографией см.: Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И. Херсонес изначальный // Древнейшие государства Восточной Европы 1996-1997 гг. Северное Причерноморье в античности. Вопросы источниковедения. М., 1999. С. 91-129.
- 9 О роли внешней торговли в экономике Херсонеса конца 5-4 в. до н.э.: Burstein S.M. Outpost of Hellenism: The Emergence of Heraclea on the Black Sea. Berkeley-Los Angeles-London. 1976. P.34-35; Каи В.И. Эмпорий Херсонес // Античный мир и археология. Вып.7. Саратов. 1990. С.105-107; Щеглов А.Н. Тавры и греческие колонии в Таврике // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой Греческой колонизации. Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Тбилиси. 1981. С.211; Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М. 1986. С.83, 89; Марченко Л.В. Природные факторы в строительстве и хозяйстве Херсонеса // ХС. вып.7. 1996. С. 19; contra: Зубарь В.М. Херсонес Таврический в античную эпоху. Киев. 1993. С.46-47.
- 10 Pippidi D.M. I Greci nel Basso Danubio dall' età arcaica alla conquista romana. Milano. 1971. Р.38. предположение об основании Каллатиса в 40-е годы 6 в. до н.э.: Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И. Херсонес изначальный. С.123-124; датировка этого события началом 4 в. до н.э.: Ivantchik A.I. 1998 Die Gründung von Sinope und die Probleme der Anfangsphase der griechischen Kolonisation des Schwarze Meergebietes // The Greek Colonisation of the Black Sea Area. Stuttgart. 1998. P.322, Note 77.

- 11 Pick B. Die antiken Münzen von Daci und Moesien. Berlin. 1898. S.83-84; более ранняя дата начала чеканки Каллатиса - около середины 4 в. до н.э. была предложена О Ильиэску Iliescu O. Le systeme monetaire et ponteral a Histria, Callatis et Tomis aux VIF siecles av notre ere // Actes du Seine Congres international de numismatique. Paris. Bale. 1976. P.94-95.
- 12 Schonert-Geiss E. Die Münzprägung von Byzantion. Teil I: Autonome Zeit. Berlin - Amsterdam. 1970. S.3. Ann.l.
- 13 См. список греческих полисов, относительно поздно начавших чеканку собственной монеты: Martin Th.R. Coins, Mints and the Polis // Sources for the Ancient Greek City-State. Acts of the Copenhagen Polis Centre. Vol.2. Copenhagen. 1995. P.275-276. Примечательно наличие в этом списке Мегары -праметрополии Херсонеса и крупного торгового центра, выпустившего первую монету лишь в 4 в. до н.э.: Martin Th R. Coins, Mints and the Polis. P.276; Passford I. Megara: the Denomination System and Chronology of the Hellenistic Coinage // XII. Internationaler Numismatischer Kongress. Berlin. 1997 Akten -Proceedings -Actes vol 1. Berlin. 2000. P.347. По оценке Ч Старра, более половины известных греческих полисов никогда вообще не чеканило монеты - см. с критическими замечаниями: Martin Th R. Coins, Mints and the Polis. P.270-271.
- 14 Туровский Е.Я. Монеты независимого Херсонеса. Севастополь. 1997. С.12-13.
- 15 Martin Th. Sovereignty and Coinage... P.153, 228, 16. Зубарь В.М. Ук. соч. С.37
- 16 Craay C. M. Schatzfunde, Kleingeld und der Ursprung der Münzen // Methoden der Antiken Numismatik. Wege der Forschung. Bd 529. Darmstadt. 1989. S.206-207; Idem. Archaic and Classical Greek Coins. New York. 1976. P.50; Crawford M. Money and Exchange in the Roman World // JRS. 60. 1970. P.46; Howgego C.J. Why did Ancient States Strike Coins. P.8-15; Martin Th. Sovereignty and Coinage... P.228, 233; Idem. Coins, Mints and the Polis. P.268-69, 280-81; Idem. Why did the Greek Polis Originally Need Coins? // Historia 45. 1996. P.258-259, 279, 281-282; Ashton R.H.J. The Coinage of Rhodes 408-C.190 BC // Money and Its Uses in the Ancient Greek World. Oxford. 2001. P.96-97; Trevett J. Coinage and Democracy in Athens // Money and Its Uses in the Ancient Greek World. Oxford. 2001. P.24. Против генерализации идей о монете как символе политической независимости в классической Греции: Martin Th. Sovereignty and Coinage... P.6-7, 219-248; Idem. Coins, Mints and the Polis. P.211-219; Idem. Why did the Greek Polis Originally Need Coins.
- 17 Византий: Schonert-Geiss E. Die Münzprägung von Byzantion. S.52-53; федеральная чеканка Родоса: Ashton R.H.J. The Coinage of Rhodes... P.90-91; возможно, Фурии, см.: Price M.J. Early Greek Bronze Coinage // Essays in Greek Coinage Presented to Stanley Robinson. Oxford. 1968. P.94
- 18 О появлении и распространении бронзовых монет в античности: Price M.J. Early Greek Bronze Coinage.
- 20 См. напр., западнопонтийские города: Стефанова А. Някои проблеми на бронзовото монетосечене на Аполлония Понтика // Антична нумизматика в България. София. 1984. С.30; Топалов С. Месамбрия Понтика. Приноси към проучване монетосеченето на града V-I в. пр. н.э. София. 1995. С.65; южноиталийские города: HistoriaNumorum. Italy. London. 2001. P.7.
- 21 В недавно вышедшем ценинике на монеты Херсонеса опубликована серебряная монета первой серии, определенная автором как обол: Шонов А. Монеты Херсонеса Таврического. Каталог. Симферополь. С.7, №2. К сожалению, весовые данные для этого экземпляра отсутствуют и подтвердить такую атрибуцию с уверенностью невозмож но.
- 22 Народное собрание, наряду с Советом, упоминается в херсонесских декретах: IOSPE I2, nos.340, 344, 356-57 etc.
- 23 Сведения о решении вопросов, касающихся монетной чеканки и, в частности, введение бронзовой монеты, голосованием, для Афин 5 в. до н.э. сохранили литературные источники: Aristophanes, Ecclesiazusae, 815-816; Athenaeus XV, 669d; в афинском мо-

- нетном законе 375-374 гг. до н.э. упоминаются монеты, имеющие *demotios-character*, т.е. чеканенные официальными, утвержденными в установленном порядке штемпелями которые четко отличаются законодателями от штемпелей аналогичного рисунка (по всей видимости, имеются в виду многочисленные в античности имитации аттических монет), не прошедших, однако, положенную процедуру утверждения (Stroud R.S. An Attic Law on Silver Coinage // *Hesperia*. Vol.43. 1974. P. 159, Lines 4-10, P. 164-165), о которой в данном случае нам ничего неизвестно; из Гортиньи (Крит) происходит закрет З в до н.э., посвященный вводу в обращение в городе бронзовой монеты и принятый народным собранием: SIG31, 525; Jackson A.E. The Bronze Coinage of Gortyn // NC. Vol.XI. 1971. P.37; решение о начале чеканки собственной монеты, как и о выборе изображений для нее было принято народным собранием в Сесте (Фракия), как об этом свидетельствует обнаруженный там почетный декрет в честь стратега Менаса, выпущенный около середины 2 в. до н.э.: OGIS I, no.339, lines 43-45, von Fritze H. Sestos. Die Menas-Inschrift und das Münzwesen der Stadt // *Nomisma*. Vol.1. 1907. S.4; см. также Martin Th. Coins, Mints and the *Polis*. P.267
24. 6.781, ГИМ №14830 Грандмезон Н.Н. Первые монеты Херсонеса // КСИА. Вып. 19790, рис 1, 1. Коваленко С.А. О монетном деле... Табл.1, 13. 6.00 г, местонахождение неизвестно. Щеглов А.Н. Золотая и серебряные монеты 4-2 вв. до н.э. из случайных находок в Херсонесе и его округе // 6-я Всероссийская Нумизматическая Конференция. Тезисы и сообщения. СПб. 1998. С.21, №2. 4.40 г, частная коллекция: Туровский Е.Я. Ук. соч. С.79, №1. 8.58 г, частная коллекция: Туровский Е.Я. Ук. соч. С.85, №1.
25. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. С.34; тетрабол - 3.55 г; разброс весов диоболов: 1.68-2.11 г; гемиоболы: 0.43 г, 0.50 г.
26. Коваленко С.А. О монетном деле ... С.115, 27. Там же
28. Пантиканские драхмы третьей четверти - конца 5 в. до н.э. сейчас признаны фальшивыми Фролова Н.А. Монетное дело Боспора середины VI-V вв. до н.э. // РА 2. 1996. С.60-61, не существует однозначного мнения по поводу принадлежности статеров Эминака городской чеканке Ольвии: Анохин В.А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев. 1989. С.15-17.
29. О возможном поступлении серебра для ранней чеканки Херсонеса из Фракии см.: Смекалова Т.И. Состав сплава монет Херсонеса // Проблемы истории, филологии, культуры. 10. Магнитогорск. 2001. С. 111; об отсутствии залежей щетинных металлов на Крымском полуострове и их возможном импорте из других мест: Кадеев В.И. Очерки истории экономики Херсонеса в I-IV вв. н.э. Харьков. 1970. С.41-43; Зубарь В.М. Ук. соч. С.38-39.
30. Туровский Е.Я. Ук. соч. С. 6; Щеглов А.Н. Золотая и серебряные монеты...
31. О различных методах подсчета первоначального количества использовавшихся для чеканки штемпелей: Esty W.W. Estimation of the Size of a Coinage: a Survey and Comparison of Methods // NC. Vol.146. 1986. P.185-215; наиболее удобен и точен, видимо, все же метод, предложенный Дж.Картером: Carter G.F. A Simplified Method for Calculating the Original Number of Dies from Die Link Statistics // ANSMN. N28. 1983. P.195-206.
32. В качестве одной из основных статей расхода при открытии монетного двора Т.Мартин называет затраты на закупку металла для чеканки: Martin Th. Sovereignty and Coinage... P. 153.
33. Интересно, что сходная ситуация существовала примерно в это же время в Византии - объемы чеканки здесь малых номиналов серебра заметно превосходили выпуски драхм и тетрадрахм, что может свидетельствовать о сориентированности чеканки прежде всего на интересы местной торговли, что учитывая развитые внешнеторговые связи Византия, трудно объяснить: Schonert-Geiss E. Op.cit. S.12, Ann.9.
34. Низкие значения т.н. index figure (число сохранившихся экземпляров, чеканенных каждым учтенным на сегодня лицевым штемпелем) для бронзовых монет первой

- серии (1.66 для старшего номинала (весовые значения в пределах 3.20-4.00 г) и 1.11 для младшего номинала) свидетельствуют о значительно большем количестве штемпелей, которыми изначально чеканились эти монеты. Средний номинал пока представлен единственной монетой очень плохой сохранности из собрания ГХМЗ №2794.
35. Следующая серия серебряных монет, включавшая три номинала и объединенная (расовым изображением головы Парфенос на аверсе (Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. №23-25), была отчеканена только в первой половине 70-х гг. 4 в. до н.э.: Коваленко С.А. О монетном деле... С. 123-126. Объемы чеканки этой серии также были весьма скромными: известно всего пять экземпляров старшего номинала, чеканных разными парами штемпелей, три экземпляра среднего номинала, два из которых биты одной парой штемпелей и пять экземпляров младшего номинала.
36. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. №9-12.
37. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. №27-32; о датировке и месте этой серии в херсонесской чеканке: Коваленко С.А. О монетном деле ... С.117-123.
38. Смекалова Т.Н. Ук. соч. С.113.
39. Для первого выпуска это соотношение или index figure составляет 9 (3 лицевых штемпеля и 27 монет), для второго - 4.83 (6 и 29), для третьего - 6.66 (6 и 40), для четвертого - 3.37 (8 и 27), для пятого - 3.5 (4 и 14), для шестого - 5.25 (8 и 42).
40. См. напр.: Зограф А.Н. Античные монеты. М.-Л. 1951. С.164; Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора VI-Ипп. до н.э. М. 1956. С.13-77; Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев. 1986. С.5-30.
41. Фролова Н.А. Ук. соч.
42. Шелов Д.Б. Ук. соч. С.18-19.
43. Там же. С.20-24.
44. Фролова Н.А. Ук. соч. С.51-52.
45. Schonert-Geiss E. Op.cit. Taf.1-26.
46. Ibid. S.24.
47. Ibid. S. 13; например, для 235 драхм персидского веса зафиксировано только 9 случаев связи через штемпеля о.с.. Для 360 гемидрахм подобных случаев известно еще меньше - 7. Для полутораоболов и гемиоболов их не зафиксировано вообще. При этом, в силу того, что оборотных штемпелей изготавливалось обычно больше, чем лицевых, случаев сочетания одних и тех же лицевых штемпелей с двумя и более оборотными штемпелями известно гораздо больше, здесь налицо прямая зависимость между количеством материала и числом подобных связей: для драхм - 19, для гемидрахм - 41, для полутораоболов - 4, даже для гемиоболов, которых учтено всего 7 штук -1.
48. Э.Шонерт-Гайс датировала чеканку персидской эмиссии 411-387/386 гг. до н.э.: Schonert-Geiss E. S.38; для драхм персидского веса она учла 210 штемпелей л.с. и 226 штемпелей о.с., для гемидрахм, соответственно, 312 и 352 штемпеля:Ibid. S.10.
49. Ibid.
50. Ibid. S.49-50.
51. Wallace W.P. The Euboian League and Its Coinage // NNM. 134. New York. 1956. P.115.
52. Ibid. P. 116; по мнению исследователя, это может объясняться дискретным характером чеканки и тем, что выпуск различных серий был отделен друг от друга значительным промежутком времени: Ibidem.
53. Melville Jones J.R. Testimonia Numaria. London.1993. N.169-170, 174-175. 185-186
54. Noe S.P. A Group of Die-Sequences at Poseidonia (c. 430-410 BC) // ANSMN. V. 1952. P.10-12.
55. Crawford M.H. Roman Republican Coinage, vol. 1-2. Cambridge. 1974. P.584, Note 2, P.585-589; см., однако: Burnett A. The Coinages of Rome and Magna Graecia in the Late Fourth and Third Centuries BC // SNR. 56. 1977. P. 119. Против интерпретации буквенных обозначений на монетах посмертных выпусков Арсинои II как номеров штемпелей см.: Troxell H.A. Arsinoe's Non-Era // ANSMN. 28. 1983. P.37-40.

56. Кизик - von Fritze H. Die Elektronpragung von Kyzikos // Nomisma. VII. 1912. S.138; Фокея и Митилена - Bodenstedt F. Die Elektronpragung von Phokaia und Mytilene. Tubingen. 1981; Лампак -Baldwin A. Lampsakos: The Gold Staters, Silver and Bronze Coinages // AJN. 53. 1924 (отдельный оттиск)
57. Furtwangler A. Op. cit. S 20-22.
58. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. С.21; недавно близкое мнение, полностью игнорирующее, однако, логику развития херсонесской чеканки в 4 в. до н.э., было высказано Т.И.Смекаловой Смекалова Т.Н. Ук. соч. С. 114.
59. Грандмезон И.Н. Заметки о монетах Херсонеса Таврического // Нумизматика античного Причерноморья Киев. 1982. С.35.
60. Именно эволюция передачи городской легенды на монетах данной серии служит одним из главных критерий, позволяющих определить последовательность составляющих ее выпусков. Логично предположить, что это развитие осуществлялось в сторону постепенного расширения легенды - от одной буквы к двум и затем к трем, т.е. к форме, закрепившейся в херсонесском монетном деле на столетия.
61. Johnston A. W. Trademarks on Greek Vases. Warrminster - Guilford. 1979. P.27-30; Tod M N. The Greek Numerical Notation // BSA Vol. XVIII. 1911-1912. P.98-132; Idem. Further Notes on the Greek Acrophonic Numerals // BSA Vol. XXVIII. 1926-1927. P. 141-57; Idem. The Greek Acrophonic Numerals // BSA. Vol XXXVII. 1940. P.236-57.
62. См. напр.: Банкл - Глауз C.M. Archaic and Classical Greek Coins. Р.8; Самос - Barren J.P. The Silver Coinage of Samos. London 1966. P.59-61; Велия - Williams R.T. The Silver Coinage of Velia. London 1992. P. 16; Фурин - Ноэ S.P. The Thurian Di-Staters. NNM. 71. New York. 1935 и т.д.
63. Анохин Монетное дело Херсонеса №39-56.
64. Там же. №13-15, 19-20. О датировке этой серии началом второй четверти 4 в. до н.э. см.: Коваленко С.А. О монетном деле... С.127
65. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. №21-22
66. О выгоде чеканки монеты условной стоимости: Price M.J. Op. cit. P.91; на стремление получить прибыль как на главную причину чеканки собственной бронзовой монеты прямо указывает декрет в честь Менаса из фракийского Сеста (вторая половина 2 в. до н.э.): OGIS 339, lines 45-46, ср. также: Melville Jones J.R. Epigraphical Notes on Hellenistic Bronze Coinage // NC. Vol.XII. 1972. P.39; Martin Th. Sovereignty and Coinage... P.239-40; idem. Why did the Greek Polis Originally Need Coins. P. 263-64; Howgego C.J. Op. cit. P. 18.
67. При дешевизне меди олово в классическую эпоху было довольно дорогим металлом (талант меди в Афинах конца 5 в. до н.э. стоил 35 драхм, талант олова - 230 драхм: IG II, 371; Treister M.Yu. The Role of Metals in Ancient Greek History. Leiden-New York-Ko'ln. 1996. P.248). Неслучайно, видимо, поэтому, при чеканке самой многочисленной серии ранней бронзы Херсонеса («голова льва-звезда») в качестве добавочного легирующего компонента вместо дорогого олова был использован свинец: Смекалова Т.Н. Ук. соч. С.113 (цена свинца составляла от полутора до трех драхм за талант: Treister M.Yu. Op. cit. P.250-251).
68. Picard O. Op. cit.
69. Ibid. P.9,11. 70.Ibid.P.12.
71. Lorber C.C. Amphipolis. P. 19, 107.
72. eadem. The Early Facing Head Drachms of Thessalian Larissa // Florilegium Numismaticum. Studia in Honorem U.Westermark Edita. Stockholm. 1992. P.260-262.
73. Demetriadis V. Dion in Macedonia: a Bronze Coinage of the Classical Period // Studies in Greek Numismatics in Memory of Martin Jessop Price. London. 1998. P.115-17, Pl.1.28.
74. Karayotov I. The Coinage of Mesambria. vol.1: Silver and Gold Coins of Mesambria. Sozopol. 1994. P. 19; Топалов С. Ук. соч. С.66-67, 73.
75. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. С.44; Туровский Е.Я. Ук. соч. С.14; против, однако: Коваленко С.А. Рецензия на книгу Е.Я.Туровского «Монеты независимого Херсонеса». Севастополь. 1997 // PA. №3. 1999. С.205.

- 76 О верхней дате этих выпусков: Коваленко С.А. О монетном деле... С. 128-29.
- 77 В настоящее время к первой половине 4 в. до н.э. с достаточной степенью уверенности можно отнести 19 монетных выпусков: 1) серебряные и бронзовые монеты типа «голова Парфенос-рыба, палица» (Анохин 1-7), 2-3) два выпуска серии «голова быка-рыба, палица» (Анохин 9-12), 4-9 шесть выпусков серии «голова льва-звезда» (Анохин 26-32), 10-11 два выпуска серии «голова Парфенос в лавровом венке-палица в венке» с младшим номиналом «кратер-палица в венке» (Анохин 13-15, 19-20), 12-13) два выпуска серии «дельфин-палица» (Анохин 21-22), 14) выпуск «голова Парфенос-дельфин» (Анохин 17-18), 15) выпуск серебра из трех номиналов с фасовым изображением головы Парфенос на л.с. (Анохин 23-25), 16) выпуск «голова Парфенос в башенной короне-дельфин, палица» (Анохин 16), 17) выпуск «сидящая Парфенос-бодающий бык» (Анохин 8), 18) выпуск
- 78 голова Парфенос в стефане-львиный скальп» (Анохин 26), 19) выпуск «орел-козел» (Анохин 177). Не исключено, однако, что реальное количество выпусков было еще меньше, в силу того, что некоторые из перечисленных выше монет могли являться разными номиналами одного выпуска. 78. Ср.: Milne J.G. Greek and Roman Coins and the Study of History. Oxford. 1939. P.67-68; в отчете казначеев дельфийской Амфикионии, касающемся организации выпуска союзной монеты в 338-333 гг. до н.э. (см.: Kinn Ph. The Amphictionic Coinage Reconsidered // NC. Vol.143. 1983), специально упоминается, например, плата монетному мастеру Дексию: CID II, 75, col I, 53; афинский монетный закон 375-374 гг. до н.э. упоминает плату работникам монетного двора из государственной казны: Stroud R.S. Op. cit. P. 159, lines 54-55, P. 184.
- 79 Furtwangler A. Op. cit. P.7, 13-18; херсонесские надписи 3-1 вв. до н.э. упоминают dioikesis «стоящего во главе управления» который совместно с коллегией номофилаев вносил на рассмотрение Совета и народного собрания проекты законов и декретов (IOSPE I2, nos.343, 347, 349, 351). Однако, основные функции этого должностного лица лежали в сфере финансового управления, распоряжения доходами и расходами государства: RE 1903, cols 786-88. Магистратура эта была выборной, продолжительность ее составляла не менее года (RE 1903, col.789). Можно предполагать, что именно диоикеты на первых порах, наряду с выполнением других обязанностей, могли осуществлять необходимый контроль над монетной чеканкой Херсонеса. Ср. также: Fischer-Bossert W. Chronologie der Didrachmenpragung von Tarent 510-280 v. Chr. Berlin - New York. 1999. S.404. 80. Furtwangler A. Op. cit. S.13; Milne J.G. Op. cit. P.67.

Е.Я. Туровский

ЕЩЕ РАЗ О ХРОНОЛОГИИ МОНЕТ ХЕРСОНЕСА ПЕРИОДА ЕГО НЕЗАВИСИМОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ

В своей книге «Монеты независимого Херсонеса»¹ я предложил оригинальную относительную и абсолютную хронологию для монет этого центра. С момента выхода работы в свет на нее поступили критические замечания², часть из которых представляются мне вполне справедливыми, с другими согласиться не могу, поскольку не вижу к тому серьезных оснований. За последние годы мне довелось познакомиться с новыми нумизматическими памятниками, а также информацией об условиях находок отдельных монет, что позволило в отдельных случаях подтвердить сделанные ранее хронологические выводы, в других значительно скорректировать их.

Начну с наиболее ранних херсонесских монет. Сразу же оговорюсь, что в целом признаю справедливой критику С.А. Коваленко относительно моих соображений о начальной дате херсонесской чеканки. Идея о необходимости накопления полисом определенного экономического потенциала для осуществления монетной эмиссии при всей ее привлекательности носит умозрительный ха-

рактер, поскольку вступает в противоречие с конкретным нумизматическим материалом. Кроме того, традиционно признанная дата основания Херсонеса в 422/421 гг. до н. э. подвергается в последнее время серьезным сомнениям. Согласно гипотезе М.И. Золотарева и Ю.Г. Виноградова основание греческого поселения у берега Карантинной бухты произошло еще в рамках последней трети VI в. до н. э., а точнее в 528/7 г³. Если это событие и случилось несколько позже, скажем в начале V в. до н. э., то и в этом случае к моменту начала чеканки Херсонес представлял собою апойкою с достаточным потенциалом гражданского и экономического развития.

Обратимся непосредственно к серебряным монетам первых херсонесских выпусков (Рис. I). Наибольший интерес среди них вызывают две опубликованные мною монеты, представляющие собою старшие номиналы серии с Девой в кеクリфале⁴ и мелкая монетка (гемибол?) из собрания Британского музея⁵, которую С.А. Коваленко предлагает считать древнейшей херсонесской монетой⁶.

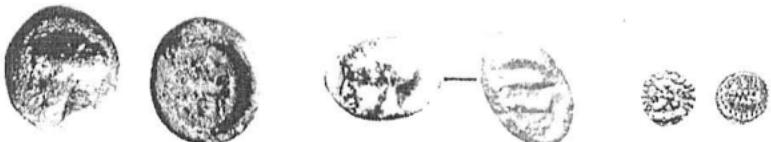

Рисунок 1.

Относительно последнего утверждения у меня существуют очень серьезные сомнения, поскольку исследователь в пользу своей гипотезы приводит единственный весомый аргумент: схожесть данного выпуска с гераклейскими монетами рубежа V-IV в. до н.э.⁷, однако схожесть эта проявляется только в присутствии на обоих выпусках точечного ободка. Мне представляется, что этот довод не может быть решающим, поскольку точечный ободок использовался и на других херсонесских выпусках первой половины IV в. до н.э.⁸ Скорее к первым херсонесским монетам, на мой взгляд, следует отнести названные крупные номиналы серии Дева в кекрифале. Старший из них имеет вес 8,58 г, другой - 4,40 г. Отдавая себе, отчет в том, что определение монетно-весовой системы по уникальным экземплярам дело достаточно рискованное, тем не менее, беру на себя смелость предположить, что в данном случае мы имеем дело с монетами аттического веса. В пользу такого предположения приведу следующие аргументы. Заготовки для серебряных монет крупных номиналов в классическую эпоху взвешивали достаточно аккуратно, так что колебания весов в рамках одного номинала не слишком велики. Для определения веса основной счетной единицы данной системы, подчеркивал П.О. Карышковский, надлежит исходить по возможности из самых крупных номиналов⁹. Обе монеты в хорошем состоянии, что не позволяет предполагать значительного уменьшения их веса в процессе обращения или в результате корро-

зии металла. Монеты почти идеально укладываются в весовые нормы драхмы и дидрахмы аттической системы.

Если признать гипотезу об аттическом весе монет справедливым, то следует попытаться выяснить, когда эмиссии монет этой системы могли иметь место в Северном Причерноморье? Думается, что такая чеканка могла быть осуществлена, скорее всего, в период афинской гегемонии в регионе до ее поражения в Пелопонесской войне, т.е. не позднее первого десятилетия последней четверти V в. до н.э. Возможно, что экспедиция Перикла, а затем Ламаха в Понт Эвксинский, включение Гераклеи в сферу афинского влияния не обошло стороной и ее выселок Херсонес Таврический, что и нашло отражение в чеканке последним монеты в аттической весовой системе.

В пользу ранней даты рассматриваемых монет свидетельствует их фактура, стилистика и техника чеканки. Прежде всего, это касается драхмы, которая отчеканена на заготовке бобообразной формы. Применение таких заготовок практически выходит из практики греческих монетариев к концу V в. до н.э.

Следы архаических технологий чеканки прослеживаются и на старшем номинале, который обнаруживает наличие глубоко вдавленного кружка на оборотной стороне, что сближает его с монетами многих греческих городов второй половины V в. до н.э. Толщина заготовок обеих монет значительно больше, чем на серебре последующих выпусков. Стилистически изображение Девы на этих монетах ближе всего к порт-

ретам нимфы на серебре Нимфея, которое датируется последней четвертью V в. до н.э., на что справедливо указывает С.А. Коваленко¹⁰.

Характерно, что три более мелких номинала херсонесского серебра, имеющие тот же тип Девы в кекрифале, чеканились, несомненно, по персидскому весовому стандарту, представляя собою пентобол, диобол и гемиобол этой системы. Кроме того, все они не имеют перечисленных ранних признаков, имеют четкий кружок, достаточно реалистичный портрет Девы и имеют много общего с монетами других греческих центров начала IV в. до н.э. На мой взгляд, можно предположить следующую последовательность выпусков первых херсонесских серебряных монет. Выпуск монет аттического веса, по-видимому, был достаточно кратковременным эпизодом в монетной чеканке полиса. Следующие за ними монеты персидского веса сохранили, однако, те же типы аверса и реверса. Объяснить это явление, на мой взгляд, можно следующими обстоятельствами. 1. Монеты аттического веса могли быть изъяты из обращения и переплавлены. 2. Если они и остались в обращении, то спутать их с новыми выпусками, несмотря на прежний тип, было невозможно из-за больших отличий в размерах и весе. 3. Если монеты аттического веса остались в обращении, они могли выступать как пентобол и октобол персидской системы.

Полностью сознавая гипотетичность предложенной реконструкции, тем не менее, полагаю, что она не менее вероятна, чем идея С.А. Ко-

валенко о включении Херсонеса в систему торговых взаимоотношений, базировавшихся на эгинском и хиосско-родосском монетно-весовых стандартах¹¹. Мне представляется совершенно недопустимым выведение среднего веса путем сложения веса монеты хорошей сохранности и веса сильно корродированного экземпляра. Тем не менее, в не зависимости от решения вопроса о монетно-весовой системе первых херсонесских монет, думается, что дата их чеканки не может быть позже конца V в. до н.э.

Особо хочу подчеркнуть, что полностью солидарен с С.А. Коваленко в том, что мы можем лишь теоретически предполагать, какова была интенсивность первоначальной чеканки, какой временной промежуток занимал в каждом случае выпуск той или иной монетной серии и, соответственно, какое реально количество лет отделяет херсонесские монеты с фасовыми изображениями от первых херсонесских монет¹². Впрочем, на мой взгляд, то же можно утверждать и для любого другого выпуска херсонесских монет первой половины IV в. до н.э. В высшей степени убедительными представляются мне доводы С.А. Коваленко в пользу датировки серии херсонесского серебра с фасовыми изображениями Девы самым началом 70-х гг. IV в. до н.э.¹³ Что касается хронологической схемы этого исследователя для медных выпусков первой половины IV в. до н.э., то она вызывает значительные возражения. Например, утверждение о том, что следом за первой серией меди с изображе-

нием Девы в кекрифале чеканятся монеты с изображением букрания, поскольку на монетах обеих выпусков совпадает тип оборотной стороны, может быть принято с определенными оговорками. К числу оговорок отнесу, прежде всего, то, что еще один выпуск меди с головой Девы в башенной короне имеет тот же самый тип оборотной стороны, следовательно, может так же претендовать на роль следующего за первым.

На мой взгляд, многочисленные выпуски херсонесской меди первой половины IV в. до н.э.¹⁴ следует суммарно датировать второй четвертью столетия. Однако я далек от мысли, что со временем не удастся создать достаточно надежную относительную хронологию для этих монет. Первые шаги в этом направлении уже предприняты. Например, С.А. Коваленко отыскал достаточно убедительную аналогию для крупной херсонесской меди Дева на цыре – бодящий бык, среди монет Синопы времени правления в ней Датама, что дает весомый хронологический репер для установления времени херсонесского выпуска¹⁵.

В то же время не всегда схожесть монетных типов указывает на синхронность монет разных центров. Например, я решительно не согласен с С.А. Коваленко, который датирует мелкую херсонесскую медь лев – звезда 70-ми гг. IV в. до н.э. на основании сходства сюжетов этой монеты с редким выпуском Феодосии, который датируется, скорее всего, еще 80-ми гг. IV столетия¹⁶. Мне представляется, что в данном случае решающим аргументом для датиров-

ки должны стать условия находки херсонесских монет, которые постоянно встречаются совместно с крупной херсонесской медью второй половины IV в. до н. э., часто встречающиеся и в комплексах последней четверти IV – начала III вв. до н.э.¹⁷, чего никогда не случается с другими медными выпусками первой половины IV в. до н. э.

Теперь хочу остановиться на важнейшем, на мой взгляд, вопросе нумизматики Херсонеса эпохи его независимого существования – кому принадлежали личные имена, отраженные в различных формах в легендах монет. По моему мнению имена эти принадлежали единоличным, ежегодно сменяемым магистратам, контролировавшим процесс выпуска монеты в Херсонесе. Приведу здесь дополнительные аргументы, подтверждающие эту гипотезу. Прежде всего, это факт существования переходных магистратов, при которых в одних случаях сразу же осуществляется выпуск монет новых типов, а в других - на первых этапах деятельности продолжается чеканка монет прежних типов, а затем осуществляется переход к монетам нового типа. Для того чтобы этот тезис стал понятнее, полагаю полезным проиллюстрировать сказанное примерами.

На мой взгляд, первым подобным магистратом был чиновник, имя которого скрывается за сокращением – ПА. Он вступил в должность за одним из трех магистратов, скрывавшихся за сокращением имен – АҮ, ΣΑ, ΗΡ¹⁸. При последних чиновниках завершался выпуск монеты типа квадрига – воин, а также осу-

Рисунок 2.

шествлялся выпуск халка типа диморфная голова – терзание. Следующая за ними группа магистратов (с сокращениями имен – ПА, АРІ, КРА) выпускала уже иную серию монет с типами коленопреклоненной Девы и грифона¹⁹. Это, пожалуй, один из наиболее необычных медных выпусков Херсонеса, вызывающий наибольшие разногласия среди исследователей. Дело в том, что монеты серии имеют два варианта: в одном случае грифон находится на аверсе, а Дева, сокращение названия города и одно из трех сокращений магистратского имени – на реверсе, а в другом Дева с сокращениями имен помещена на аверсе, грифон и надпись ХЕР – на реверсе (Рис.2).

Я придерживаюсь, точки зрения, впервые достаточно осторожно высказанной А.Н. Грандмезоном²⁰, согласно которой первым в ряду магистратов, чеканивших эти монеты, был чиновник, имя которого скрыто за сокращением ПА. В пользу такого заключения свидетельствуют следующие обстоятельства.

1. Большинство монет с ПА тяжелее монет с КРА и АРІ. 2. Сокращение ПА (две буквы), как и на монетах, заключающих выпуск квадригавони. 3. Монеты с ПА имеют младший номинал (халк), что также объединяет их с монетами, завершающими выпуск квадрига – воин.

По-видимому, именно при ПА... начался выпуск монет новых типов, при этом авторы (резчики) новых штемпелей творчески переработали сюжеты старшего номинала предыдущей серии. Квадрига с Девой используется как изображение лицевой стороны младшего номинала, трансформируясь из квадриги в бигу (последнее обстоятельство представляется несущественным и объясняется, скорее всего, небольшим полем монеты). Тип коленопреклоненного воина творчески перерабатывается и появляется на старшем номинале новой серии в виде коленопреклоненной Девы, при этом вместо щита появляется лук, а вместо копья стрела, при этом меняется и разворот фигуры.

В.А. Анохин категорически отверг возможность одновременного выпуска монет обоих вариантов каждым из сменяющих друг друга единоличных магистратов²¹. Он выдвинул гипотезу о принадлежности имен на монетах членам коллегии номофилаков из трех человек²². Эта точка зрения и до сих пор представляется некоторым исследователям нелишенной резона. Например, С.А. Коваленко, который, не абсолютизируя тезис В.А. Анохина о коллегиальности монетной магистратуры, тем не менее, признает, что его объяснение

появлению набора одних и тех же имен на различных выпусках, по-прежнему столь же вероятно, сколь и мнение Грандмезона²⁴. На мой взгляд, критика позиции В.А. Анохина, прозвучавшая в свое время в статье Н.Н. Грандмезона, расставляет все точки над i. Исследователь отмечал, что выпуск монет обоих вариантов каждым из сменяющих друг друга единоличных магистратов является наиболее вероятным объяснением. Он приводит такую разновидность выпуска с сокращением КРА (Рис.3), которая наглядно представляет процесс перехода к следующему виду херсонесской крупной меди, где на аверсе находится Дева, а на реверсе грифон, сокращение имени города и имя магистрата²⁵. Таким образом, факты указывают на последовательность деятельности магистратов, чеканивших монеты рассматриваемой серии. Первый в этом ряду ПА..., затем API... и завершает выпуск КРА... Говорить об одновременности деятельности этой троицы не приходится. Я не берусь судить, чем вызвано сосуществование обоих вариантов в рамках одного выпуска. Отмечу только, что наличие разнообразных вариантов выпуска в целом характерна для переходных этапов, когда строгая традиция еще не сложилась.

Приведу еще один аргумент contra существования в монетном деле полиса надзирающей коллегии из трех человек. Рассматриваемая серия на самом деле выпускалась не при трех, а при четырех магистратах. Не следует забывать о магистрате, скрывающемся за сокращением DAMARE. К слову, новое восстанов-

Рисунок 3.

ление имени этого магистрата, предложенное С.А. Коваленко, в форме DAMATELEUS; по-видимому, следует считать наиболее вероятным²⁶. При этом магистрате выпускался только младший номинал серии (халк) бига – лев, известный только в данной серии при магистрате ПА...

Завершая данный сюжет, хочу остановиться на еще одном интересном моменте. Думаю, что здесь будет уместным подчеркнуть то, что для многих специалистов старшего поколения не было секретом. За фамилией Грандмезон скрывался крупнейший знаток нумизматики античных государств Северного Причерноморья П.О. Карышковский. Н.Н. Грандмезон был крупным севастопольским коллекционером античных монет (значительная часть его коллекции находится ныне в ГИМе), однако, при этом был человеком не столь погруженным в проблемы научной нумизматики. Будучи лично знакомым с П.О. Карышковским, Н.Н. Грандмезон неоднократно бывал у него в Одессе, показывая монеты своего собрания. В результате и возник этот "тайный" альянс, когда по материалам Н.Н. Грандмезона излагал свои мысли П.О. Карышковский. При этом отсутствие фамилии выдающегося исследователя под серией статей по херсонесской нумизматике (хотя бы в каче-

стве соавтора) объясняется, очевидно, не только его личной скромностью, но и некоторыми "конъюнктурно-политическими" моментами того времени.

Следующий ключевой переходный магистрат — Эвдром произвел переход от монет с грифоном и Девой к монетам с новыми сюжетами. При этом на монетах с его именем представлены все три этапа этого перехода. Уже на первом этапе мы наблюдаем существенные инновации, отличающие выпуск от монет предшественников. Вновь аверс и реверс меняются местами. На лицевой стороне изображаются грифон и имя города, на оборотной стороне коленопреклоненная Дева и имя магистрата за спиной богини. На втором этапе изображение лицевой стороны сохраняется неизменным, а на оборотной стороне коленопреклоненная Дева располагается на черте, под которой помещено имя магистрата. И, наконец, на третьем этапе происходит переход к совершенно новому монетному типу. На лицевой стороне впервые в херсонесской нумизматике появляется изображение Девы, поражающей копьем лань, а на оборотной стороне бодающего быка на палице, под которой обозначено имя магистрата и изображен лук в футляре (Рис. 4).

Подобные же примеры можно привести и для III в. до н. э. В своей хронологической схеме чеканки

херсонесского серебра я предполагал, что последним магистратом, при котором чеканилось полновесное серебро, был Неуполис, а следующий за ним магистрат Зоил чеканил уже редуцированное кризисное серебро, имеющее вдвое меньший вес и не имеющее надчеканок, характерных для предыдущих выпусков. Однако монета, с которой мне удалось ознакомиться недавно в одном из частных собраний, заставила меня внести определенные поправки в эту схему. Монета имеет следующие характеристики: л.с. голова Геракла вправо, под ней палица, надчеканка «молния»; об.с. ХЕР. Бодающий бык влево на черте, под чертой имя — ΖΩΙΔΟΥ, надчеканка «дельфин». Серебро. 19 мм. 4,60 г.↑ (Рис.5). Как видно, эта монета типичная драхма легкой персидской системы, имеющая тот же вес и надчеканки, что и аналогичные драхмы предшествующих магистратов

Учитывая названную монету, можно предположить следующую картину. В начале своей деятельности Зоил чеканил те же номиналы полновесного серебра, что и его предшественники, осуществляя к тому же их контрамаркирование. Затем из-за каких-то экстраординарных обстоятельств, скорее всего, варварского нашествия, он начинает чеканить редуцированное серебро, которое продолжают выпускать и два следую-

Рисунок 4.

ших за ним чиновника. Отправляя Зоил свои обязанности один год или ввиду чрезвычайных обстоятельств срок его полномочий был продлен, судить не берусь.

Другой пример, магистрат Менестр вначале своей деятельности чеканил те же номиналы серебра, что и его предшественники Зоил и Героид, а затем перешел к выпуску серебрянных монет совершенно иных типов.

Хочу остановиться еще на одном сюжете, связанным с новым, до последнего времени не публиковавшимся типом херсонесской меди: л.с. голова бородатого божества (Геракла?) вправо; об.с. венок вверх, внутри венка – ХЕР (Рис.6). Единственная публикация монеты данного типа приводится в своде Британского музея²⁶. Недавно были опубликованы еще две аналогичные монеты, происходящие из могильника римского времени в окрестностях Севастополя²⁷. Авторы публикации, исходя из стиля монеты, отсутствия в составе легенды магистратского имени сочли возможным предположить, что монеты данного типа чеканились в Херсонесе еще в первой половине IV в. до н.э. Такая гипотеза казалась достаточно вероятной, однако, как это часто бывает в нумизматике, новый монетный материал заставил от нее решительно отказаться. Недавно стало известно еще две монеты этого типа. Одна из них имеет уни-

Рисунок 5.

кальный характер, поскольку она чеканилась не на новом кружке, а на старой монете, тип которой после перечеканки определяется достаточно хорошо²⁸. Это тип: л.с. голова Афины в коринфском шлеме вправо, надчеканка «звезда»; об. с. шагающий грифон вправо, вверху – ХЕР, внизу под чертой – имя (Рис. 7). Датируется этот выпуск херсонесской меди последней четвертью III в. до н.э.²⁹ Таким образом, дата чеканки этого выпуска дает *termīnus post quem* монет бородатое божество – венок.

Остается определить *termīnus ante quem* выпуска. На мой взгляд, следует полностью исключить времена зависимости Херсонеса от Митридата Евпатора (конец II – начало I вв. до н.э.) – монеты этой эпохи, во-первых, имели монограммы, во-вторых, совершенно своеобразную стилистику. Следует, по-видимому, исключить и первые десятилетия II века до н. э., когда все херсонесские монеты имели в составе легенды магистратские имена. Таким образом, я полагаю, что наиболее реально определить дату чеканки в пределах вто-

Рисунок 6.

Рисунок 7.

рой – третьей четвертей II в. до н.э.

В пользу такой датировки свидетельствует и следующее обстоятельство. К моменту чеканки монет бородатое божество – венок часть мо-

нет Афина – грифон продолжала находиться в обращении. В частности, попавший в перечеканку экземпляр несет следы длительного обращения и имеет надчеканку «звезда».

Примечания

- 1 Туровский Е Я. Монеты независимого Херсонеса IV-II вв. до н. э. Севастополь, 1997. 86 с.
- 2 Коваленко С.А. Рец. На кн.: Е Я Туровский. Монеты независимого Херсонеса IV-II вв. до н. э. Севастополь, 1997 // РА 1999 № 3. С. 202-210.; его же. О монетном деле Херсонеса Таврического в позднеклассическую эпоху // НЭ. 1998. Т. XVI. С. 108-131; Золотарев М И., Кочеткова Е А. Монеты Херсонеса Таврического IV в. до н. э.-XIII в. н. э. Севастополь, 1999. С. 7-8.; Столба В.Ф. Монеты из раскопок и случайных находок на Южно-Донузлавском городище (Северо-Западный Крым) // СПб., 2000. С.276.
- 3 Виноградов Ю Г., Золотарев М.И. Год рождения Херсонеса Таврического // ХС. 1998. Вып. IX. С. 36-46.
- 4 Туровский. Монеты... Кат. № I, прил. № I.
- 5 SNG, № 714.
- 6 Коваленко. О монетном деле.... С.113.
- 7 SNG, №№ 1569-1572
- 8 Алексин В А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э.-XII в. н. э.). К., 1977. №№ 19,21.
- 9 Карышковский П.О. Ольвийские монеты: производство и метрология // Stratum plus. СПб., Кишинев, Одесса 1999 Вып. 6. С. 33.
- 10 Коваленко. О монетном деле.... С.112.
- 11 Там же. С.115.
- 12 Там же. С.111
- 13 Там же. С. 126.
- 14 Анохин. Монетное дело.... №№8-22,26
- 15 Коваленко. О монетном деле.... С.128.
- 16 Там же. С.122
- 17 Туровский Е Я. Монеты из раскопок эллинистических усадеб Херсонеса на Гераклейском полуострове // ХС. 1998. Вып.IX. С.225.
- 18 Анохин. Монетное дело.... №№ 36-38; 57-59.
- 19 Там же №№ 60-65.
- 20 Грандмезон Н.Н. Заметки о монетах Херсонеса Таврического // Нумизматика античного Причерноморья. К.,1982. С.39.
- 21 Анохин. Монетное дело.... С.42.
- 22 Там же. С.43.
- 23 Коваленко Рец. На кн. С.203
24. Грандмезон. Заметки о монетах.... С.39.
25. Коваленко. Рец. На кн. С.203.
26. SNG, №830.
- 27 Алексеенко Н. А., Туровский Е Я. Монетное монисто из окрестностей Херсонеса.// Stratum plus. СПб., Кишинев. Одесса. 1999.Вып.6. С. 101-102.
28. Шонов И.В. Монеты Херсонеса Таврического. Каталог. Симферополь,2000. №57.
29. Анохин. Монетное дело.... №№159,160.

МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

*Инне Анатольевне Антоновой,
инициатору и вдохновителю
данной работы, посвящается*

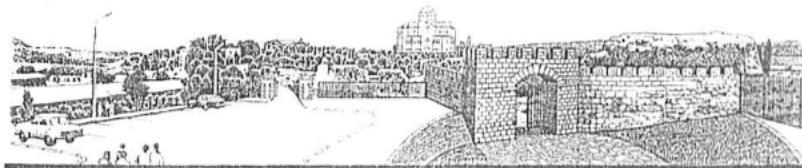
Н.П. Андрющенко

НЕОБХОДИМОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО ГЛАВНОГО ВХОДА В НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЗАПОВЕДНИК «ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ»

Потоки пешеходов и транспорта, пребывающие к Заповеднику не разделены между собой. Раньше, при небольшом количестве посетителей, негативные последствия такого положения ощущались в малой степени. Сейчас они достигли критической величины и продолжают усугубляться с каждым годом. Во время массового наплыва туристов в «пик» экскурсионного сезона небольшая площадь перед существующим ныне главным входом и часть улицы ведущей в заповедник забиты экскурсионными автобусами. Посетители заповедника, прибывающие общественным транспортом, а также идущие в церковь верующие, вынуждены пробираться среди машин, запрудивших

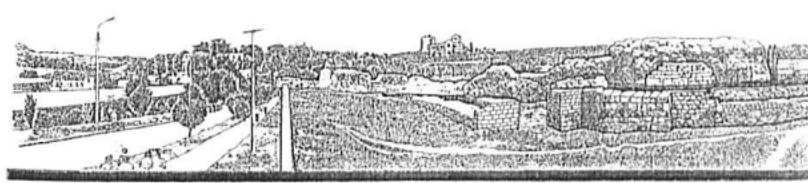
часть улицы и площадь перед входом. Восстановление Владимирского собора только обострит проблему, так как приведет к увеличению потока экскурсантов и верующих.

Кроме того, есть еще две важные причины, которые обуславливают необходимость переноса главного входа. Сейчас въездные ворота «сидят» прямо на крепостных стенах. Это, во-первых, мешает проведению археологических раскопок в данном месте, представляющих несомненный научный интерес, на что еще в 1899 г. обращал внимание заведующий древнего хранилища в Херсонесе К.К. Косцюшко-Валюжинич¹. Во-вторых, существующие ворота и ограда не дают возможности осуще-

Проектное предложение

авторка: Андрющенко Н.П.

Существующее положение

Рисунок 1.

ствить полноценную экспозицию линии оборонительных укреплений Херсонесского городища. Ворота мешают раскопкам, забор заслоняет древние крепостные стены. Вынужденное препятствие в экспозиции древних оборонительных укреплений у современных ворот создает ложное впечатление, что крепостные стены в этом месте обрывались и защищали только портовый район, а не окружали весь город.

В итоге можно констатировать, что бывший вход в монастырь, доставшийся в наследство Херсонесскому заповеднику, перестал удовлетворять потребностям сегодняшнего дня, не говоря уже о дне завтрашнем.

Чтобы разделить потоки пешеходов и транспорта, мы предлагаем перенести главный вход к «башне Зенона». Тогда на отрезке улицы, ведущей от улицы Древней к Херсонесскому заповеднику, можно будет организовать автомобильную стоянку, состоящую из двух частей. Перед новым въездом в заповедник будет находиться открытая стоянка, рассчитанная на кратковременную парковку личных автомобилей и такси. За воротами - отстой экскурсионных автобусов.

Новые ворота и отрезок ограды, расположенной не вдоль, как сейчас, а попрек улицы, ведущей в заповедник, предполагается решить в подчеркнуто нейтральных архитектурных формах. Два массивных пилона, с местом для охранника в каждом, будут поддерживать секции новых ворот. С противополож-

ных сторонах к пилонам примкнут решетчатые ограждения.

Экскурсанты, выйдя из автобусов, направятся в сторону «башни Зенона» и через отреставрированные римские ворота, спустятся в пространство между оборонительными стенами (перибол). Таким образом, один из древних входов в Херсонес станет современным входом в Херсонесский заповедник.

Необходимость реставрации античного входа в районе «башни Зенона» высказывалась многими исследователями. В частности, И.А. Антонова считала, что «это давно уже надо было сделать»². Предлагаемое архитектурное решение по реставрации античного входа в перибол с приспособлением его под современный вход в заповедник выполнено при ее непосредственной консультации.

Использование древних ворот в качестве современного входа помимо функционального имеет и символическое значение, так как в основе предлагаемых мероприятий лежит принцип минимального вмешательства в историческую среду уникального археологического памятника, каким является Херсонесский заповедник.

Уровень перибола ниже современной поверхности земли. Отсюда не видно ни автомобильной стоянки, ни современной застройки, микроклимат здесь намного лучше, чем на поверхности. Попадая в перибол, посетители как бы переносятся в другую историческую эпоху. Перемещение в пространстве преследует цель вызвать иллюзию перемещения во времени. Именно с входа в древ-

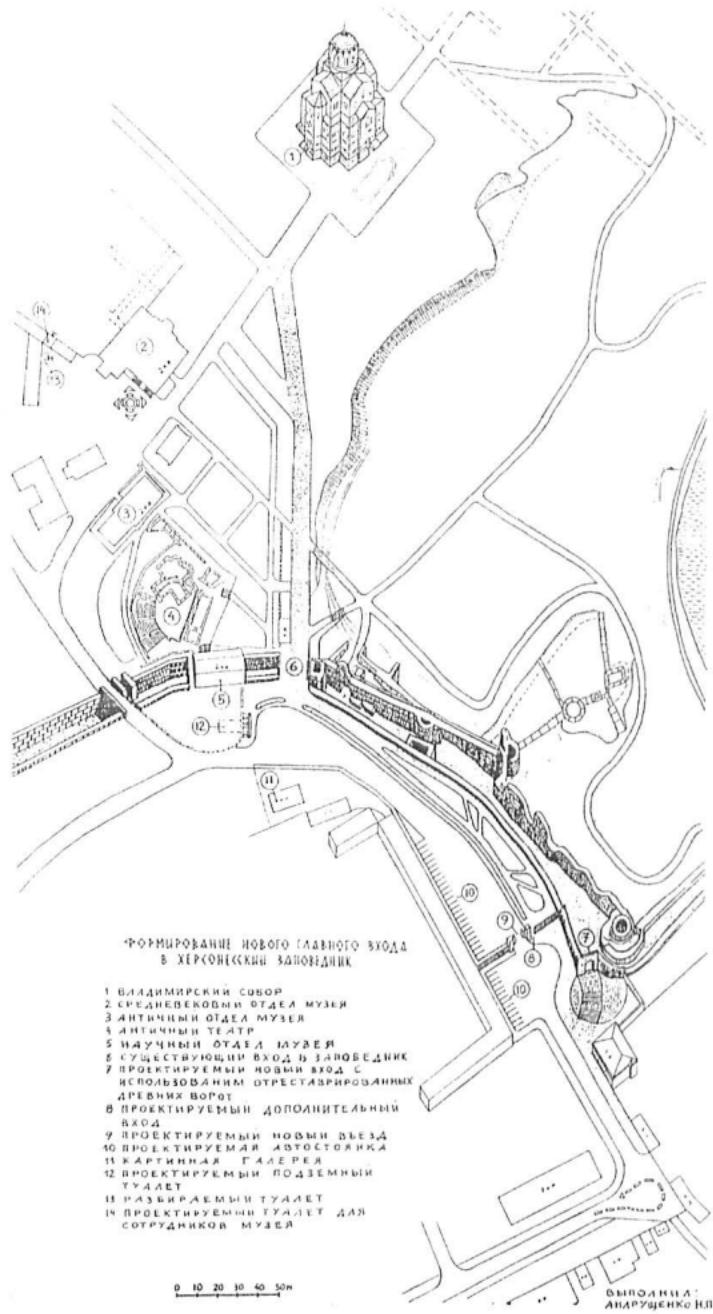

Рисунок 2.

ний город (по нашему мнению) должна начинаться экскурсия в Херсонесский заповедник.

Верующие по верхним пешеходным дорожкам, расположенным среди зелени и газонов, смогут транзитным путем, минуя археологические раскопки, добраться до Владимира-кого собора. Этим же путем в вечернее время проследуют зрители раскопанного и воссозданного античного театра Херсонеса. К сожалению, работы по реставрации памятника пока не доведены до конца. В перспективе театр в Херсонесе станет местом проведения фестивалей и других массовых мероприятий.

Современный забор, тянущийся параллельно оборонительным стенам Херсонеса и мешающий их обозрению,

предполагается демонтировать. Через раскрытый археологами участок стены на месте существующего сейчас входа предусматривается соорудить легкий мост. Здесь же, возле моста, будет организован выход из перибола продолжения экскурсии в античный театр, водохранилище и римские термы. Будет произведена реставрация крепостных стен у древнего водохранилища, что обеспечит более качественное экспонирование оборонительных укреплений Херсонеса.

Перенос главного входа решит насущные проблемы функционирования Национального заповедника «Херсонес Таврический» и Владимира-кого собора по разделению потока посетителей.

Примечания

1. Архив ИЗХТ. Дело 8
2. Из беседы с И.А. Антоновой. 15.06.1999 г.

Л.А. Ковалевская, К. Мисевич

ГЕОФИЗИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В ОКРУГЕ ХЕРСОНЕСА

В июле 1999 года Институтом Археологии и Этнографии Польской Академии Наук и Национальным заповедником «Херсонес Таврический» в районе Севастополя проводились геофизические исследования, целью которых была проверка возможности использования и эффективности метода измерения электросопротивления грунта на этапе локализации археологических памятников и организации спасательных раскопок.

Для разведки определён широкий круг разноплановых задач и выбраны разнородные археологические объекты. В настоящей работе представлены итоги исследований, проведённых на следующих участках:

1) водопровода и древней постройки (башня № 28 - по Янышеву Н.) на северном склоне Верхне-Юхариной балки;

2) древней постройки (башня № 47 – по Янышеву Н.) на Фиоленте (рис. 1).

В качестве наиболее приемлемого в данных геологических условиях был выбран метод измерений электросопротивления поверхности грунта. Для фиксации изменений сопротивления в слоях, расположенных неглубоко от поверхности использована двуэлектродовая система. Аргументом в пользу применения этого метода является и специфика района Севастополя, который в ходе второй мировой войны был в центре во-

енных действий. В слоях, находящихся близко к поверхности, ещё и сейчас сохраняется огромное количество металлических объектов, а их присутствие затрудняет, и даже в некоторых случаях делает совершенно невозможным применение других методов геофизической разведки – магнитного и электромагнитного.

Выбранный метод разведки состоит в том, что при помощи электродов непосредственно в грунт посыпается электрический ток, а на поверхности приборами измеряется сопротивление слоёв, через которые ток проникает. Присутствие археологических объектов, как правило, вызывает определённые изменения в сопротивлении, позволяющие, в свою очередь, локализовать разыскиваемые объекты. Метод измерения электросопротивления может быть приспособлен к разным условиям, так как можно менять глубину разведки изменения расстояния между питателями и измеряющими электродами. Следующим этапом был выбор метода и системы измерений. Для локализации неглубоко залегающих объектов была использована система двух электродов с мобильными электродами АМ, расположенными на рамке, и электродами BN, неподвижно закреплёнными на расстоянии 50 м от места расположения памятника. Выбранное расстояние между электродами АМ – 0,5 м меж-

ду BN = 3 м позволило зафиксировать изменения сопротивления в слоях глубиной 0,5-0,8 м. Увеличение расстояния между электродами до 1 и 6 м соответственно дало возможность увеличить глубину разведки до 1-1,2 м. В случае разыскания объектов небольшого размера (траасса водопровода) измерения выполнялись каждые 0,5 м при сохранении описанной выше системы расстояний между линиями измерений. Для локализации более крупных объектов расстояние между измерениями было увеличено до 1 м. Изучаемые

объекты располагались на небольшой глубине, и система двух электрородов была основной, использованной в большинстве памятников.

Способ выполнения полевых измерений, как и выбор метода зависел от геологической структуры выбранных участков, типа, размеров и условий расположения разыскиваемых объектов. В большинстве случаев использовались данные, позволяющие охарактеризовать геологическую структуру и плотность слоёв на основании предварительных археологических раскопок.

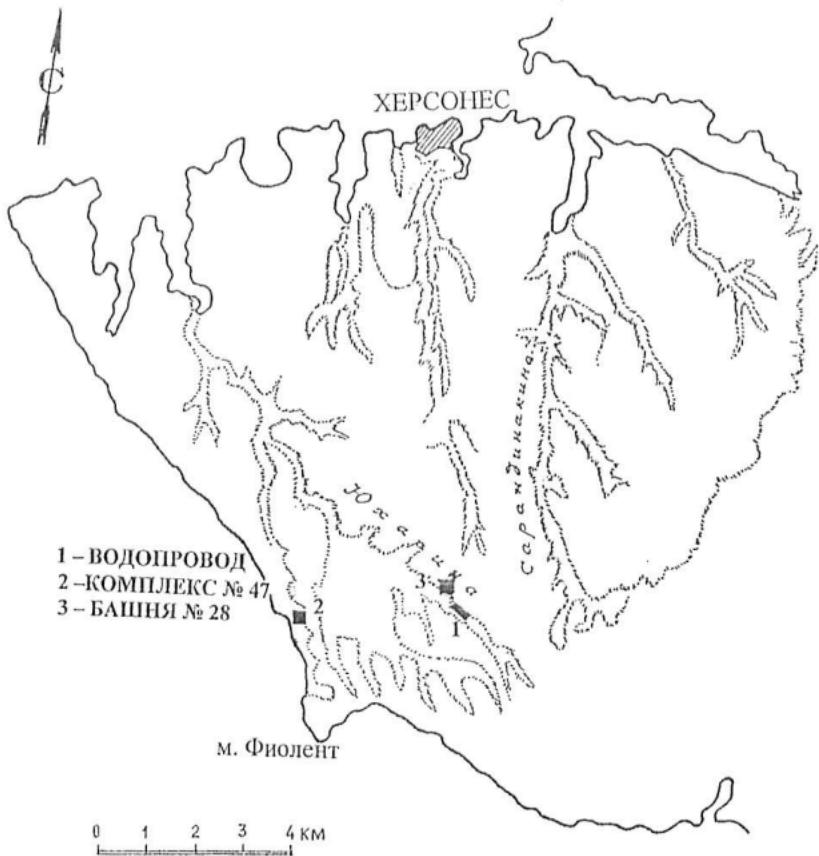

Рисунок 1.

Обработка данных измерений проводилась в ходе или сразу после окончания полевых наблюдений с использованием компьютерных программ. Результаты измерений представлены в форме цветных и чёрно-белых карт и трёхмерных изображений изменений сопротивления, для выполнения которых использован пакет графической презентации геофизических данных Surfer 6.0 американской фирмы Golden Software inc.

Водопровод Измерения на этом памятнике были выполнены на участке, расположенному неподалёку от водопровода, керамические трубы которого были обнаружены на глубине 0,8 м ниже современной поверхности земли. Раскопками открыт участок линии водопровода протяжённостью 6 м, имеющей направление юго-восток – северо-запад.

На первом этапе работы была обозначена геодезическая сетка, привязанная к обозначенным на поверхности земли пунктам, по направлениям оси профильных линий северяют. Для выполнения необходимых наблюдений измерения сопротивления грунта проведены на площади, имеющей размеры 5x15 м и прилегающей непосредственно к участку, на котором был открыт водопровод. Это было единственное место на склоне балки с довольно ровной поверхностью, где можно было фиксировать изменения сопротивления, вызванные присутствием разыскиваемого объекта, а не эффектом разницы в высоте и конфигурации рельефа участка. Разведка проводилась с расстоянием между электродами АМ = 0,5 м и ВН = 3 м. Измерения осущес-

твлялись через каждые 0,5 м, и расстояние между линиями профилей было равно 1 м.

Изменения позволили выделить аномалии, вызванные не только присутствием керамической трубы водопровода (небольшие размеры которой привели к незначительному изменению сопротивления), но, прежде всего, контрастом между заполнением траншей, вырытой для укладки водопровода в древности и натуральными геологическими слоями участка. Даже если раскоп засыпался тем же видом грунта, то нарушение натурального расположения геологической структуры должно было вызвать разницу сопротивления из-за разности степени влажности слоёв, залегающих под поверхностью земли. Ненарушенные структуры всегда медленнее поглощают воду, но более продолжительное время остаются влажными. Траншея с рыхлым заполнением быстрее впитает влагу, но быстрее и высохнет. Наблюдения за изменениями сопротивления, вызванного этим явлением, давало большой шанс определить предполагаемую трассу водопровода.

На участке, примыкающем к водопроводу, были зарегистрированы значения сопротивления в границах 130-540 Омм. На картах, представляющих в графическом решении перемены сопротивления, хорошо видны границы аномальных сфер. Эти границы были определены в процессе измерений в поле и обозначены на поверхности грунта. Точный компьютерный анализ данных измерений позволил выделить узкие линейные аномальные структуры, которые мо-

гут быть вызваны присутствием траншеи и системы водопровода (рис. 2).

Башня № 28 В результате измерений на площади размером 5x25 м, расположеннном на юго-западе от участка водопровода, зарегистрирована аналогичная модель изменений сопротивления грунта. Разведка проводилась с расстоянием между электродами АМ = 1 м и BN = 6 м. Изме-

рения осуществлялись через каждые 0,5 м, и расстояние между линиями профилей было также равно 1 м.

Здесь также параметры сопротивления колебались в границах 150-500 Омм. Понижение сопротивления в центральной части карты – результат изменения рельефа участка. В этом месте заметно углубление, и верхние слои грунта здесь более влажные, чем в расположенных выше южном и юго-западном районах площади. Небольшой рост сопротивления в границах 22-25 метра сетки, вызваны, скорее всего, отложением современного мусора неподалёку от проходящей дороги.

Самые высокие значения сопротивления в этом районе зарегистрированы в юго-восточной части исследованного участка. Аномалия хорошо заметна, имеет регулярную прямоугольную структуру 3x5 м и, вероятно, вызвана присутствием архитектурных сооружений. На трёхмерной модели изменений сопротивления видны выразительные линейные структуры на оси север-юг и восток-запад с максимальными значениями внутри площади, ограниченной этими структурами (рис. 3). Такая картина характерна для участка, на котором каменные или кирпичные стены или фундаменты стен перекрыты толстым слоем мусора¹. Границы повышенного сопротивления обозначены на поверхности грунта.

Следует заметить, что разведка в Верхне-Юхариной балке проводилась в июле, в засушливое время, когда контраст между разыскиваемыми объектами и их окружающей средой был небольшим. В таких ус-

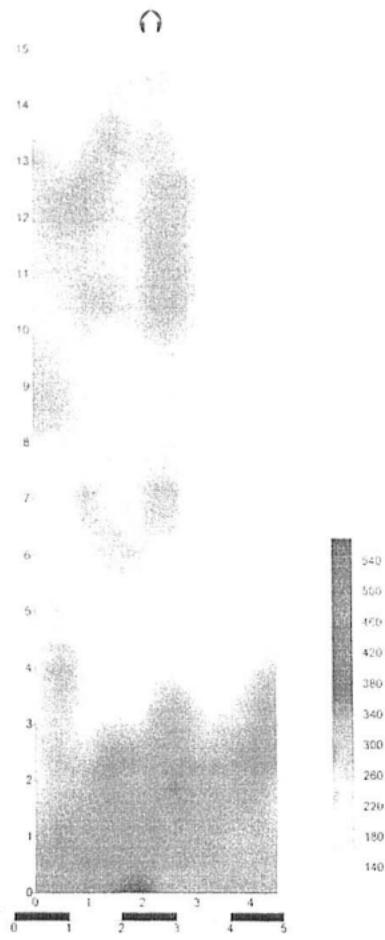

Рисунок 2.

ловиях довольно просто определить наличие выразительных аномалий, вызванных присутствием архитектурных объектов, характеризующихся значительно высокими параметрами натурального сопротивления материала, из которого они сооружены. Гораздо трудней локализовать в этих условиях траншеи с грунтовым заполнением. Вероятно, поэтому не удалось однозначно точно определить трассу водопровода и, несомненно, лучшие результаты

можно получить, проводя измерения ранней весной или поздней осенью, когда легче фиксируются описанные выше разницы между заполнением объектов и их окружением, из-за разной степени влажности слоев, залегающих под поверхностью.

Башня № 47 Целью исследований в этом районе было определение границ античных архитектурных сооружений, отдельные участки которых были открыты в ходе археологических раскопок. С этой целью

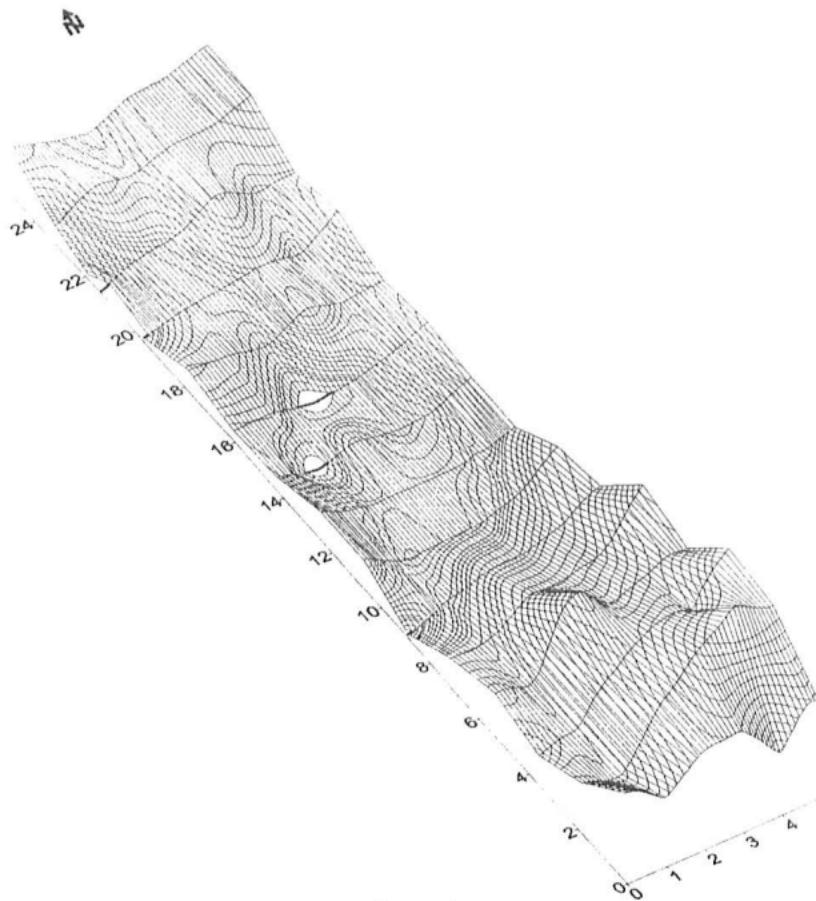

Рисунок 3.

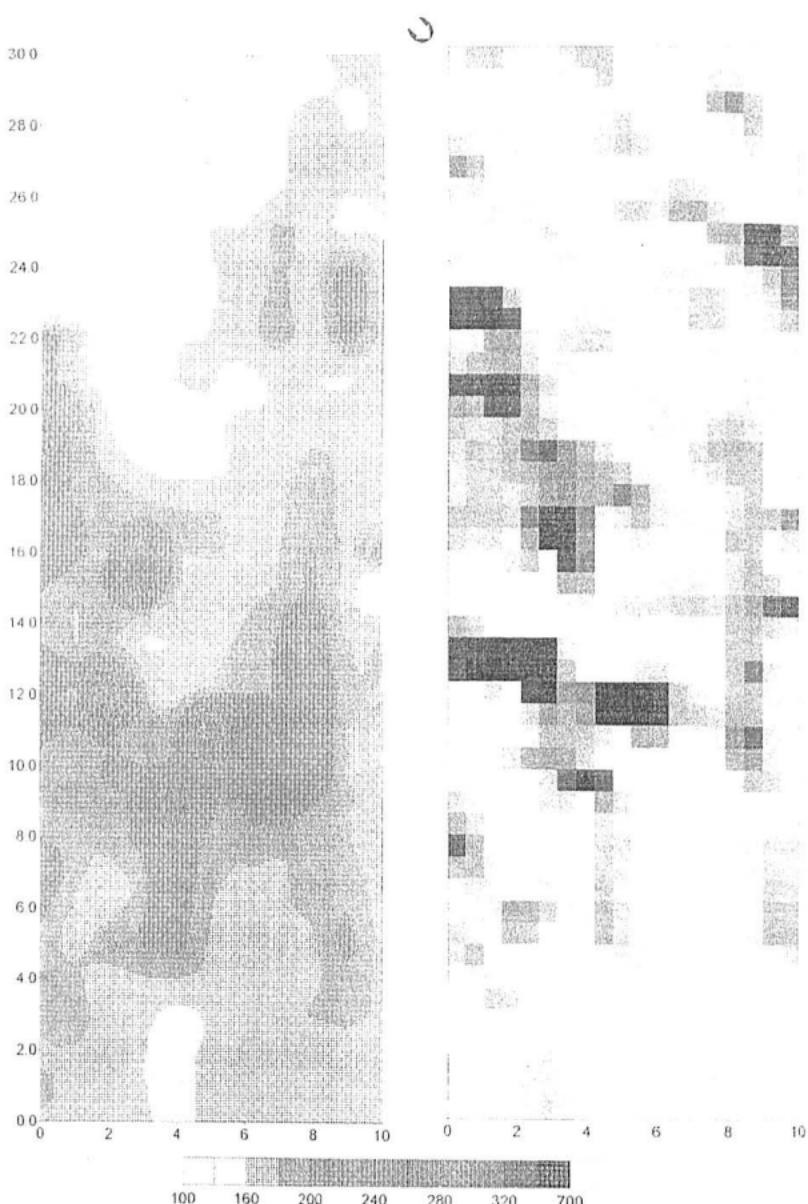

Рисунок 4.

проводились измерения сопротивления грунта в двуэлектродовой системе на площади 10x30 м, прилегающей непосредственно к раскопкам, в которых видны были фрагменты каменных фундаментов. Археологические объекты располагались здесь почти под поверхностью грунта, и выбранная система измерений вполне соответствовала выполнению поставленной задачи.

В результате измерений зарегистрирована характерная модель изменений сопротивления с довольно большой динамикой. Самые низкие значения составляли 100-120 Омм, наивысшие – порядка 260-400 Омм. На картах, иллюстрирующих результаты разведки заметны линейные аномалии, являющиеся продолжениями раскрытых раскопками объектов. Это структуры с выразительными границами внутри областей повышенного сопротивления. О том, что выделенные аномалии могут быть вызваны архитектурными объектами, свидетельствуют хорошо заметные прямые углы, которые не регистрируются в случае наблюдения за натуральными изменениями геологических слоёв.

На основании анализа трёхмерной модели (рис. 4) изменения сопротивления можно утверждать, что, вероятно, разыскиваемые объекты не располагаются на одном

уровне, и в данном случае мы имеем дело с многослойной структурой. Наиболее выразительные и наибольшие повышения сопротивления регистрируются там, где археологические объекты сохраняются непосредственно под поверхностью грунта, или где встречаются большие скопления строительного материала, например, в местах соединения фундаментов двух каменных стен.

Геофизическая разведка всех описанных выше памятников в районе Севастополя показала, что использованный метод может быть применён для проведения подобного типа исследований, особенно на предварительном этапе изучения памятников. Результаты геофизических измерений в виде точных планов с геофизической сеткой, привязанной к определённым реперам на поверхности, являются достаточно информативными для определения границ охранных зон памятников, позволяют рационально запланировать проведение дальнейших раскопок. Анализируя полученные в результате геофизической разведки данные, мы пришли к выводу, что в данных условиях использованная система измерения электросопротивления является эффективной для локализации и определения контекста и предполагаемой глубины залегания архитектурных сооружений.

Примечания

1. Herbich T., Misiewicz R., Teschauer O. Multilevel Resistivity Prospecting of 1 Architectural Remains: the Schwarzh Case Study. // Archaeological Prospecting 4, 1997, pp. 105-112/

Список сокращений

ААИК	Архитектурно-археологические исследования в Крыму
АГСН	Античные государства Северного Причерноморья
АДСВ	Античная древность и средние века
АИК	Археологические исследования в Крыму
АИСК	Археологические исследования средневекового Крыма
АК	Археология Крыма
АМА	Античный мир и археология
АО	Археологические открытия
АО	Археологический отчет
АП УРСР	Археологічні пам'ятки
Арх. НЗХТ	Архив Национального заповедника «Херсонес-Таврический»
Архів ІА НАНУ	Архив Института Археологии Национальной Академии Наук Украины
АСГЭ	Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БС	Боспорский сборник
ВВ	Византийский временник
ВДИ	Вестник древней истории
ГААРК	Государственный архив Автономной республики Крым
ГАИМК	Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ	Государственный Исторический музей
ДСППВГК	Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации, материалы II Всесоюзного симпозиума древней истории Причерноморья, Цхалтубо
ЗАН	Записки Императорской Академии наук.
ЗООИД	Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРВИ	Зборник радова Византолошки институт
ИАДК	История и археология древнего Крыма
ИАК	Известия Императорской археологической комиссии

ИГАИМК	Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИМК РАН	Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИРАИК	Известия Русского Археологического института в Константинополе
ИРМК	Известия Ростовского музея краеведения
ИТУАК	Известия Таврической ученой архивной комиссии
КСИА	Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КФ ИА НАНУ	Крымский филиал Института археологии Национальной академии наук Украины
МАИЭТ	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МГУ	Московский государственный университет
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
НА ИА АН УССР	Научный архив Института археологии Академии наук Украинской ССР
НА ИА НАНУ	Научный архив Института археологии НАН Украины
ПА КФ ИА НАНУ	Научный архив Крымского филиала Института Археологии Национальной академии наук Украины
ПА НЗХТ	Научный архив Национального заповедника «Херсонес Таврический»
НЗХТ	Национальный заповедник «Херсонес Таврический»
НС	Нумизматика и сфрагистика
НЭ	Нумизматика и эпиграфика
ОАК	Отчеты Императорской археологической комиссии
ПИФК	Проблемы истории, филологии, культуры
РА	Российская археология
РА ИИМК РАН	Рукописный архив Института истории материальной культуры Российской академии наук
РАН	Российская Академия наук
СА	Советская археология
САИ	Свод археологических источников
СХМ	Сообщения Херсонесского заповедника

ТГЭ	Труды Государственного Эрмитажа
Труды ЮТАКЭ	Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции
УЗМГПИ	Ученые записки Московского Городского педагогического института
ХГИАЗ	Херсонесский государственный историко-археологический заповедник
ХСб	Херсонесский сборник
ЯГОИЛМ	Ялтинский государственный объединенный историко-литературный музей
AA	Acta archaeologia
BAR	British Archaeological Reports
BS	Byzantinoslavica
BZ	Byzantinische Zeitschrift
CIL	Corpus inscriptionum Latinarum
EA	Eurasia Antiqua
IOSPE	Latyshev B. Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae
PG	Patrologiae cursus completus. Series graeca, accidente J.P. Migne. Patrologiae graeca
RCRF	Rei Craetaria Romanae Favtores
AJN	American Journal of Numismatics
ANSMN	American Numismatic Society Museum Notes
BSA	Annual of the British school of Archaeology at Athenes
CID	Corpus des Inscriptiones de Delphes
JRS	Journal of Roman Studies
NC	Numismatic Chronicle
NNM	Numismatic Notes and Monographs
OGIS	Orientis Graeci Inscriptiones
RE	<i>Pauly – Wissowa – Kroll.</i> Real-Encyclopædia der Classischen Altertumswissenschaft
RN	Revue Numismatique
SIG	Sylloge Inscriptionum Graecarum
SNR	Schweizerische Numismatische Rundschau

Содержание

<i>С.Б. Сорочан.</i> Чаша души	3
Памятники раннего железного века	
<i>И.И. Лобода, Г.Н. Тощев.</i> Новый кеми-обинский комплекс из Бахчисарайского района	9
<i>С.Н. Сенаторов.</i> Кизил-обинская керамика конца VI - первой половины IV вв. до н.э. из раскопок в Херсонесе	14
Исследования по греко-римской археологии	
<i>И.А. Антонова, В. М. Зубарь.</i> Некоторые итоги археологических исследований римской цитадели Херсонеса	31
<i>Д.В. Журавлев, Л. Хришановски.</i> Римские светильники из Херсонеса в собрании Государственного Исторического музея (1)	69
<i>Л.А. Ковалевская, А.В. Шевченко.</i> Алтарик с изображением Девы с хоры Херсонеса	89
<i>В.А. Кутайсов.</i> Аграрная история керкинитиды (часть II)	92
<i>В.А. Нессель.</i> Краснолаковая керамика из могильника Килен-балка ...	107
<i>А.Е. Пуздровский.</i> Склеп раннеримского времени из округи Неаполя Скифского	124
<i>А.С. Русаяева.</i> Агасикл Херсонесский	140
<i>Л.А. Рыжова.</i> Стеклянные канфары из собрания Херсонесского заповедника	151
<i>Р.В. Стоянов.</i> Некоторые аспекты хронологии и районирования Херсонесского некрополя классического и эллинистического периодов	165
<i>А.А. Шацко.</i> История исследования цитадели Херсонеса	187
<i>В.Ю. Юрочкин, А.А. Труфанов.</i> Позднеантичный погребальный комплекс в низовьях реки Качи	199
Памятники средневекового Крыма	
<i>М.И. Зодотарев, Д.Ю. Коробков, С.В. Ушаков, Р. Пиленгер, А. Пюльц.</i> Раскопки т.н. "Базилики Крузе" в Херсонесе (Украинско-австрийский проект)	229
<i>А.В. Иванов.</i> Балаклава XIV-XVIII вв. Этно - конфессиональный очерк	248
<i>В.П. Кирилко.</i> О дате строительства фундуского укрепления	255
<i>С.В. Кутайсов.</i> Археологическая карта раннесредневековых памятников Северо-Западного Крыма	274
<i>Ю. М. Могаричев.</i> К вопросу о раннесредневековых иудейских общинах в Крыму	287
<i>С. Б. Сорочан.</i> Раннесредневековый Херсон и «призраки самоуправления»	301

<i>И.Б. Тесленко.</i> Об одной группе поливных сосудов второй половины XV в. из раскопок крепости Алустон	328
<u>Нумизматика</u>	
<i>Н.А. Алексеенко.</i> Клад ранневизантийских монет из окрестностей Севастополя	339
<i>С.А. Коваленко.</i> Об организации работы монетного двора Херсонеса Таврического в первой половине IV в. до н.э	355
<i>Е.Я. Туровский.</i> Еще раз о хронологии монет Херсонеса периода его независимого существования	376
<u>Методы изучения археологических памятников</u>	
<i>Н.П. Андрющенко.</i> Необходимость формирования нового главного входа в Национальный заповедник «Херсонес Таврический»	387
<i>Л.А. Ковалевская, К. Мисевич.</i> Геофизическая разведка археологических памятников в округе Херсонеса	391
Список сокращени	398

Ответственный за выпуск: *М.И. Золотарев*
Дизайн, макет, верстка: *С.М. Золотарев*
Корректор: *Е.Ф. Оленина*

Научное издание
ХЕРСОНЕССКИЙ СБОРНИК

Выпуск XII

Сборник научных статей

Национальный заповедник «Херсонес Таврический»
Издательство ЧП «Искра», св.№ СВ-001.

Сдано в набор 10.09.2003 г., подписано к печати 20.09.2003 г., формат 70x100/16,
бумага офсетная, печать офсетная, гарнитура Литературная,
объем 16,4 усл. печ. л., 50,5 физ. печ. л., тираж 1000.
Типография ЧП «Искра».